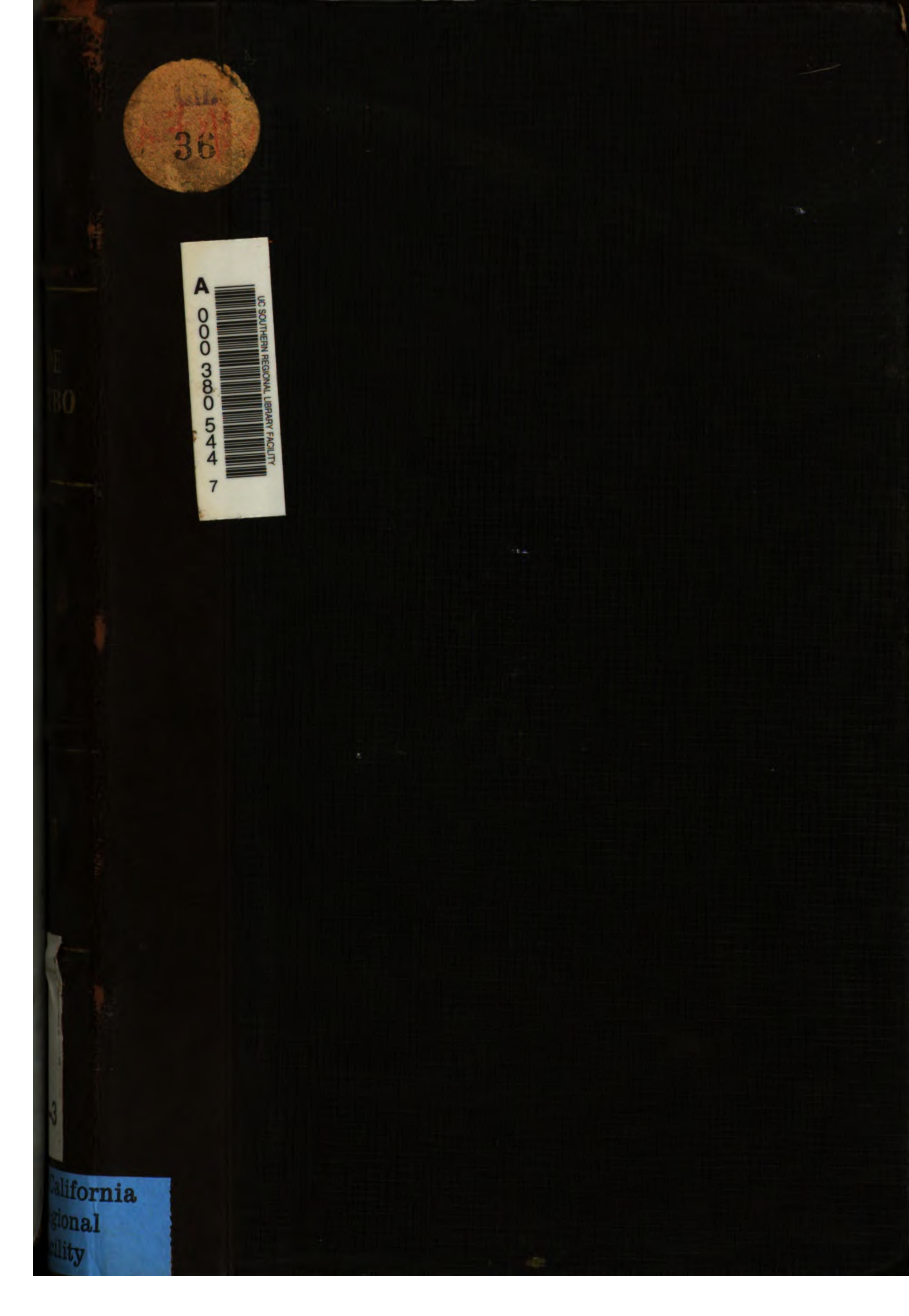
PAGE NOT AVAILABLE

№ 1-2-3
1918

PAGE NOT AVAILABLE

PAGE NOT AVAILABLE

36
A 000 380 544 7
UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
alifornia
gional
cility

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ. № 1—2—3.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1—2—3.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1918.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Первая молитва.

Разсказъ.

Со станціи до села Панкратъ отвозилъ пріѣзжихъ. Кружила метель. Дорога, утыканная по обѣимъ стронамъ вѣхами, была въ открытомъ полѣ. Вѣхи занесло, какія вырвало, и ѣхать приходилось цѣлиной. Въ пути высматривалъ, нѣтъ-ли гдѣ вылизанныхъ вѣтромъ мѣстъ. Когда попадалъ на нихъ, сани кидало на сторону, сѣдокъ, боясь вывалиться, хватался за его снѣжную, заскорузлую, какъ рукавица, спину. Не глядя на путника, Панкратъ дергалъ обледенѣлыми, хрустящими возжами и смотрѣлъ въ ноги лошади, едва видной въ метелицу.

Къ своей избѣ подъѣхалъ затемно. Крыльцо походило на снѣжный домъ, снѣгу у воротъ нанесло по засовъ. Отпрягши лошадь, одной рукой, будто укутанной марлей, велъ ее подъ узцы, а въ другой—держалъ хомутъ, увѣшанный въ вѣнецъ звенящими колокольцами. Лошадь дышала Панкрату въ лицо, и онъ былъ доволенъ, чувствуя липкое дыханіе, щекотавшее шею. Въ стойлѣ соломенная подстилка трещала подъ ногами желѣзными стружками, свѣтильня въ фонарѣ горѣла желтымъ блѣднымъ огнемъ. Жуя сѣно, точно покрытое росой, лошадь била копытомъ о крѣпкую, какъ сталь, землю. И когда Панкратъ обтиралъ у ней спину, сбивая съ тряпки тягучую пѣну, которая мерзла подъ ногами,—лошадь отводила морду отъ сѣна и глядѣла на хозяина, гладившаго ее по бѣлой отъ снѣга гривѣ.

— Скоро ты?—услышалъ онъ голосъ изъ сѣней.

Панкратъ промолчалъ, только дернулъ плечомъ. Фонарь захватилъ съ собой. Въ сѣняхъ, обметая съ себя снѣгъ жесткимъ вѣникомъ, глядѣлъ на промерзлую крышу, блестѣвшую снѣжными звѣздами.

— Скоро?—повторилъ тотъ-же голосъ изъ избы.

Разсердившись, Панкратъ кинулъ въ уголъ вѣникъ, съ шуршаньемъ покатившійся по полу, и задулъ фонарь. Крыша, видимая въ потемкахъ, заблестѣла ярче, а на щелистомъ полу, по которому точно мѣломъ провели, виднѣлись двѣ бѣлыя полосы.

Снявъ съ себя коричневый армякъ съ воротникомъ, опускавшимся ниже плечъ, онъ сѣлъ на скамейку. Прислонивъ голову къ бревенчатой стѣнѣ, снимая съ усовъ сосульки, вытянулъ ногу и сказалъ:

— Хомякъ!..

— Вотъ онъ, я,—проговорилъ мальчикъ, хорошо помня свое дѣло.

Хомякъ сѣлъ на полъ. Устроившись покрѣпче, оперся голыми ногами въ ножки скамейки, сталъ тянуть кожаный сапогъ. Мокрый отъ снѣга сапогъ скользилъ въ рукахъ—никакъ за него не ухватишься: руки такъ и ѣдутъ.

— Ну-ну, натужься!

— Я и то,—кряхтѣлъ Хомякъ.

Трудно стянуть сапогъ съ пятки, а какъ стянешь—только затылокъ держи, сапогъ самъ пойдетъ. Хомяку хорошо извѣстно это по опыту—второй годъ такимъ дѣломъ занимается—и онъ тянетъ, что есть силы. Руки дѣлаются горячими, голова покрывается испариной, глаза лѣзутъ на лобъ. Вотъ одинъ сапогъ снятъ и валяется по срединѣ избы. Хомякъ легко вздыхаетъ. Щеки у него, надувшіяся красными пузырями, разомъ опадаютъ, глаза свѣтятся. Передохнувъ, третъ онъ грязныя руки одна о другую, чешетъ въ русыхъ завиткахъ затылокъ и все не можетъ придти въ себя.

— Ну и заперло, — говоритъ онъ, подбоченясь, а самого тянетъ сѣсть.—Ну и зашлось.

— А ты руки-то смажь,—совѣтуетъ Панкратъ, разматывая портянку.

— Полегчаетъ?—удивляется Хомякъ и проводитъ у губъ то одной ладонью, то другой.

— Стало быть такъ, коль говорю.

Въ избѣ сумрачно и холодно. Сквозь окна съ позеленѣвшими отъ сырости перекладинами визжитъ, подвываетъ вѣтеръ заведеннымъ волчкомъ. Несетъ скрипучимъ поломъ, шаткимъ, какъ сходни. Въ трухлявыхъ углахъ, затянутыхъ въ тепло плѣсенью, просочился морозъ бѣлыми каемками. Изъ подполья пахнетъ прѣлой картошкой.

— Скоро вы? — подымая вѣтеръ, прошла по избѣ Василиса, отшвырнувъ сапогъ на сторону. Въ рукахъ у нея чугунъ, обмотанный лохмами тряпокъ. Отъ него клубится паръ, какъ отъ самовара.—Что это за мода такая?.. Ужинъ не

въ ужинъ. И-и, каждый день... сапогами, ровно гармошкой забавляются. Нашли забаву.

Василиса моложе мужа, а смотритъ старѣе. Она сутулится, лицо ея, свитое изъ морщинъ въ частую сѣтку, будто желткомъ вымазано. Волосатая бородавка у уха съ серьгой—серебрянымъ дутымъ полумѣсяцемъ, похожая на паука, старитъ ее больше, какъ и въѣвшаяся грязь на опаленныхъ дымомъ жилистыхъ рукахъ. У Панкрата дородная борода, пахнущая мытымъ волосомъ, напоминаетъ метлу, большія руки въ волосахъ—черны, точно въ сажѣ. По избѣ пройдетъ—гнутся половицы, и когда, потягиваясь, вздумаетъ расправить тѣло,—голова достаетъ провисшій потолокъ, а руки вотъ-вотъ упрутся въ стѣну.

Сапоги скинуты. Они въ ростъ Хомяка. Волокомъ тянетъ онъ ихъ за ушки на шестокъ печки, куда ставитъ ихъ просохнуть. Подражая топанью лошади, бьетъ по полу голыми пятками, чмокаетъ губами, какъ бутылки откупориваетъ. Ударяя сзади по разрѣзу своихъ штановъ, въ которое проглядываетъ голое въ пупырышкахъ тѣло, подгоняетъ сапоги:

— Заѣшь васъ мышь,—подпихиваетъ онъ ихъ.

Передъ ужиномъ Панкратъ наводитъ на себя форсъ: глядится въ слезливое стекло окна, расправляя смятый воротъ; одергивая рубашку, подбираетъ на затылкѣ черныя кольца,—изъ-за ворота огневой рубахи выступаетъ загривокъ подошедшимъ тѣстомъ. Хомякъ, не отходя уже больше отъ отца, приноситъ ему валенки выше колѣнъ, которые Панкратъ носитъ дома, чтобы дать отдохнуть ногамъ. Держитъ сынъ руки за спиной; переваливаясь со стороны на сторону, ходитъ за нимъ по пятамъ—по какой половицѣ отецъ, по той и онъ. Стоитъ Хомяку остаться одному, онъ не знаетъ, куда дѣвать руки, ноги плохо двигаются и хочется спать. При отцѣ иное дѣло. Глаза у Хомяка становятся шире, по избѣ ходитъ руки назадъ и подпрыгивая. При матери не разгуляешься. Она не выноситъ бѣготни, будто потому, что у ней ломитъ голову, поднимается шумъ въ ушахъ, за которымъ она ничего не слышитъ. Хомякъ зналъ про это и сторонился матери. Еще зналъ онъ, гдѣ сапоги Панкрата, которые надо будетъ подать ему утромъ, зналъ, что лѣтомъ тепло, почему онъ и узнавалъ лѣто, и что воскресенье—праздникъ. Больше ничто не шло въ голову.

Ужинали молча за непокрытымъ столомъ. Панкратъ глядѣлъ въ окно, гдѣ подъ самымъ подоконникомъ лежалъ снѣгъ мраморной плитой. Василиса, не разжимая большого рта, похожаго на шляпку гриба, косилась на мужа. Она любила поговорить, а Панкратъ всегда ее обрѣзалъ.

— Слышано переслышано,—говорилъ онъ,—видано, все видано. Поплетушекъ твоихъ мнѣ не надо. За день то я ихъ, охъ, наслышался, въ спину даже шугаетъ.

— Ну, съ сынкомъ займись,—злобится Василиса.

— И займусь...

— Поди подрастетъ, какъ онъ вспомнитъ насъ. Поклоны то и теперь не очень бьетъ, а и дерево въ своемъ нуждается. Да.

— Не дакай!...

Опять бранятся, какой уже годъ. Хомякъ глядитъ то на отца, то на мать. Повертываетъ голову все чаще и чаще, и не успѣваетъ разглядѣть ихъ—такъ они скоро мѣняютъ положеніе. Видно только, что отецъ краснѣетъ, а лицо матери совсѣмъ пропадаетъ въ морщинахъ. Хомякъ не знаетъ, куда бы спрятаться. Скамейка кажется узкой, вотъ вотъ соскользнешь съ нея. Беретъ онъ ложку, на которой мать чулки штопала, проноситъ ее со щами мимо рта и ищетъ, куда-бы отвести глаза. Вдругъ ложка вырастаетъ въ такую большую, что за ней можно спрятаться, и онъ прикрываетъ ею глаза. Отъ шума гудитъ въ ушахъ и онъ жалѣетъ, что имѣетъ только пару рукъ. Будь больше—уши можно бы заткнуть.

Отъ луны спина у Хомяка голубая, одна щека у Панкрата, та что къ окну, бѣлѣетъ пятномъ. Василиса вьется змѣей и такъ дѣлаетъ головой, прячась отъ луны, которая свѣтитъ ей прямо въ лицо, точно высматриваетъ—нѣтъ ли кого за окномъ. Тѣни отъ деревьевъ, похожія на громадныя лапы, лежатъ недвижимо. Зашевелятся онѣ, окутанныя снѣгомъ,—лапы вырастаютъ въ длину и ширь, и шарятъ по снѣгу, будто боятся, какъ бы не ускользнула добыча. Взметывая порошу, блестящую косючими огнями, передъ окномъ взвизгиваетъ вѣтеръ, а въ подпольѣ гудитъ. Въ брани Хомякъ не разбираетъ словъ. Онъ видитъ, какъ у матери блеститъ въ рукахъ вилка, а отецъ машетъ ложкой. Хомякъ думаетъ, что отецъ зоветъ его на помощь,—и онъ поднимаетъ свою ложку. Она кажется гирей и онъ опускаетъ ее на столъ, не теряя съ глазъ родителей. Шаритъ ложку по столу, не находитъ ее. Думая, что она подъ столомъ,—заглядываетъ и ничего не видитъ: глаза затянулись пленкой. Онъ нагибаетъ голову, точно прячась отъ удара, хочетъ просунуть ее въ промежутокъ между столомъ и скамейкой. Голова не умѣщается. Вдругъ слышитъ ударъ по столу, какъ по своей макушкѣ. Въ ушахъ зазвенѣло, пленка съ глазъ спала. Отца за столомъ нѣтъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ валялся сапогъ, лежитъ сломанная ложка. Черный котенокъ со впалыми боками, щекотавшій ему за ужиномъ пятку, навостривъ уши, сидитъ у притолоки и будто удивленъ.

— Чего глаза пялишь! — говоритъ Василиса, надвигая на лобъ сползшій платокъ.

Хомякъ показываетъ пальцемъ на крадущагося къ ложкѣ котенка.

— Врешь, на отца глядишь.

— Пра-а-вда,—не можетъ солгать Хомякъ.

Окутанный паромъ въ дверяхъ стоитъ Панкратъ. Потеревъ съ морозу руки, уходитъ онъ за перегородку спать Хомякъ вздыхаетъ. Ему хочется мигомъ кинуться къ отцу, но онъ не рѣшается выходить изъ-за стола первымъ.

— Только и вздохнешь, когда одна,—сказала Василиса.

Изъ-за перегородки, не доходящей до потолка, тянется дымъ—Панкратъ куритъ. Надъ столомъ слоистый дымъ долго кружится. Хомякъ зорко слѣдитъ за нимъ, прислушивается къ кряхтѣнью отца и слышитъ посапываніе трубкой. Не чувствуя тепла отца, Хомякъ недоволенъ: дѣлается холодно и обидно. Онъ вздрагиваетъ и морщится. Василиса не уходитъ. Отвернувшись къ окну, приготовляясь спать, Хомякъ стягиваетъ съ себя ремень съ мѣдной бляхой, въ которой отражается луна, растегивая на груди рубашку, чешетъ, будто на постели, голыя ноги одну о другую и съ хрустомъ зѣваетъ.

— Ты что же это?..

Хомякъ застегиваетъ воротъ, стягиваетъ опять ремень.

Изъ-за перегородки, перекрещенной свѣтомъ точно дранками, слышится раздольный на всю избу храпъ. Промерзлые углы блестятъ инеемъ, освѣщенный столъ будто покрытъ скатертью. Котенокъ, облизавъ ложку, дремлетъ. Уши его насторожены. Иногда онъ просыпается, впиваясь зубами въ провалившіеся бока.

Только Василиса двинула табуретъ, Хомякъ нырнулъ подъ столъ.

— Ты куда,—крикнула мать,—а молиться?..

— Такъ-то?—сказалъ Хомякъ.

— Руками-то не бултыхай, небось, не моешься. Ишь раскачивается нашимъ-вашимъ. Ты не какой-нибудь, а православный.

Стиснувъ за локоть, она вывела его на мѣсто, съ котораго обыкновенно молилась, и сказала:

— Видишь, Богъ. Нашъ Богъ. Кланяйся!

Посматривая однимъ глазомъ на мать, другимъ на образъ Николая Угодника, пристроенный на доскѣ, Хомякъ кланяется. Образъ въ трещинахъ, краска лупится, углы пооббились.

— На Бога кланяйся. Да не такъ, что ты косишься!

Василиса учитъ Хомяка складывать крестъ. Пальцы у

него расходятся, въ крестъ не складываются, — указательный отстаетъ.

— Крючкомъ, крючкомъ его гни. Ишь, тебя какъ ломаетъ! Смотри, этотъ такъ, этотъ къ нему вплотную и пусть они нахлобучиваютъ большой-то. Щепочку устрой. А никудышные два въ ладонь жми. Тамъ имъ и мѣсто. Держи пальцы, ровно муху захватилъ.

— Да...—говоритъ Хомякъ, удерживая лѣвой рукой сложенный крестъ—пальцы-то не погнутые. Ихъ такъ, а они вполнятную. Не сладишь...

Василиса беретъ его руку съ силой, переноситъ ее на лобъ, на плечи и пригибаетъ Хомяка за шею къ полу.

— Кланяйся. Земно кланяйся. Башку-то не ворочай, а глаза на Бога.

— Будетъ?—говоритъ Хомякъ.

— А тебѣ некогда? Встань на колѣни! На колѣни, тебѣ говорятъ!

Онъ усталъ и слегка покачивается. Садясь на колѣни, подбираетъ подъ себя ноги, чтобы удобнѣе сидѣть. Василиса хлопаетъ его, вытягиваетъ ноги, дергая за плечи.

— Ты такъ-то на колѣняхъ стоишь? Постой...

Она уходитъ за перегородку. Шаритъ рукой по доскамъ. У Хомяка слезы. Когда онѣ попадаютъ на губы, онъ облизывается. Слезы ползутъ по пухлымъ щекамъ, набирается ихъ столько, хоть собирай въ пригоршню. Совсѣмъ не хочется глядѣть на икону. Забравшись рукой подъ рубашку, онъ деретъ тѣло, поглядывая въ ту сторону, куда ушла мать.

— Будешь стоять на колѣняхъ? А?!

Въ рукахъ у ней ремень, которымъ отецъ штаны подтягиваетъ. Не будь пряжки, ремня бы и не чувствовалось. А Василиса подстраиваетъ такъ, что пряжка касается рукъ. Холодная она, а жжетъ отъ нея. Хомякъ убираетъ руки; перевернувъ ихъ ладонями, закрываетъ разрѣзъ на штанахъ.

— Молись! Слова не ѣшь, говори толкомъ...

Полъ подъ ногами Хомяка задвигался, завертѣлся часто-часто. Столъ, табуретъ, все на своемъ мѣстѣ, только будто ихъ дождемъ поливаетъ. Мать рядомъ, а кажется Хомяку, что она далеко, а то бы ухватилъ онъ ее за подолъ, вырвалъ ремень и убѣжалъ къ отцу.

— Кланяйся,—гововитъ ему мать передъ самымъ ртомъ.—Кланяйся!

Хомякъ вскочилъ, поглядѣлъ на нее зло и, опершись ногами и руками въ полъ, сталъ бить поклонъ за поклономъ, нарочно стукаясь сильнѣе.

— На вотъ...

Не чувствовалъ онъ еще злобы, не зналъ ея, а теперь захотѣлось дѣлать на зло. Встать и заходить ногами, какъ пляшутъ ребята на деревнѣ. Онъ собрался гокнуть во все горло, да не удалось. Помѣшало что-то, будто въ горло вставили лучину, которая рѣжетъ и саднитъ. Хомякъ показываетъ матери языкъ и кричитъ... Доктору такъ-то дѣлалъ, который смотрѣлъ у него горло.

— Ты такъ?—сказала мать.

Онъ не убираетъ языка, его подмываетъ смѣяться, глядя на Василису. Ноги она разставила, ремнемъ бьетъ, какъ цѣпомъ, даже жарко отъ нея. И только, когда ожгло въ боку, онъ упалъ на спину. Вздернувъ руки кверху, задрыгалъ ногами, точно его стали щекотать, и вскрикнулъ. Въ горлѣ что-то оборвалось, тѣло стало легкимъ...

Въ себя пришелъ Хомякъ за перегородкой. Взглянулъ, съ нимъ ли отецъ, и повеселѣлъ. На перегородку въ свѣтлыхъ пузыряхъ отъ луны высыпали тараканы.

— Глянь-ка,—сказалъ Хомякъ,—и тараканы кланяются.

— Какой,—говорилъ Панкратъ, — это они эскурцію дѣлаютъ. Вишь, со стѣны на потолокъ ползутъ. Теплѣе тамъ.

— Кланяются...

И обернувшись къ отцу, вспомнивъ о завтрашнемъ днѣ, Хомякъ спросилъ виновато:

— А сапоги-то дашь скидавать?..

Панкратъ дремалъ и въ ушахъ у него звенѣли колокольцы

Ѳ. Лазаревъ.

Изъ «Ужаснаго года».

Виктора Гюго.

I.

О годѣ ужасовъ разсказъ предпринимаю.
И вотъ задумался, на столъ склонясь: не знаю
Идти ли дальше мнѣ? Писать ли какъ всегда?
О, Франція, увы!—зашла твоя звѣзда!
Я чувствую стыда приливъ неумолимый.
Мучительный позоръ. Бичи неисчислимы.
Пусть. Будемъ продолжать. Ты вызванъ, вѣкъ, на судъ,
Исторія глядитъ. Я лишь свидѣтель тутъ.

II.

Чья вина?

— Библіотека здѣсь тобою сожжена?
— Да, я ее поджегъ.
— О, страшная вина!
Свершенное тобой тебѣ жь во вредъ, злодѣй,
Пойми, ты свѣтлый лучъ убилъ въ душѣ твоей,
Ты свѣточъ и маякъ свой собственный задулъ!
Вѣдь то, что сжегъ сейчасъ твой дьявольскій разгулъ,—
Твое же все добро, наслѣдье, кладъ, оплотъ;
Вѣдь книга другъ тебѣ и врагъ твоихъ господъ.
Вѣдь книга за тебя повсюду и всегда.
Библіотека—плодъ и вѣры и труда,
Она былыхъ племенъ еще неясный знакъ,
Вѣсть о зарѣ бросающій сквозь мракъ!
И въ этотъ храмъ любви и истины святой,
Въ сокровища искусствъ, гдѣ блещетъ умъ людской,
Въ синодикъ всѣхъ временъ, въ огромный мавзолей
Античности, вѣковъ, исторіи, людей
Въ прошедшее—грядущаго урокъ,
Въ начавшееся разъ, чему лишь вѣчность срокъ,

Въ поэзію, гдѣ мысль—библейскій исполинъ,
Въ божественный хаосъ Эсхиловыхъ глубинъ,
Гдѣ Іовъ и Мольеръ, и Ньютонъ, и Гомеръ,
Въ міръ разума, гдѣ Кантъ, гдѣ властвуетъ Вольтеръ,-
Туда швырнулъ, пигмей, ты факеломъ своимъ!
Отъ мудрости людской оставилъ прахъ и дымъ!
Иль ты забылъ, что мощью свѣтлыхъ книгъ
Высотъ невидимыхъ нашъ гордый мозгъ достигъ
Что книга съ тѣхъ высотъ сіяетъ въ глубину,
Сметая эшафотъ и голодъ и войну!
Она зоветъ свергать позорный рабскій строй,
Беккаріа прочти, Платона томъ открой...
Пророки—вотъ они: Шекспиръ, Корнель и Дантъ.
Гигантской внявъ душѣ, и самъ ты сталъ гигантъ!
Безъ книги ты слѣпецъ, какъ всѣ, и только съ ней
Становится твой умъ вызвышеннѣй, нѣжнѣй.
То—мудрецы дарятъ, съ тобою говоря.
Такъ въ темный монастырь бросаетъ свѣтъ заря!
Пусть этотъ жаркій лучъ въ душѣ твоей растетъ
Онъ дастъ тебѣ покой и жизни мощь вольетъ:
Ты жаждущей душой постигнешь смыслъ вѣковъ
Ты благо различишь. И вмигъ, быстрѣй снѣговъ
Растопитъ тотъ огонь и ненависть, и страсть
И мерзость, и порокъ, и тиранніи власть.
Безъ знанія дорогъ къ свободѣ людямъ нѣтъ—
Лишь въ знаніи нашъ путь. И этотъ лучшій свѣтъ,
Твой свѣтъ, пойми же,—твой!—смогъ загасить ты самъ.
По книгѣ ты-бъ дошелъ къ завѣтнѣйшимъ мечтамъ.
Входя въ разсудокъ твой, она могуче рветъ
Оковы темноты и предразсудковъ гнетъ,—
Весь узелъ Гордіевъ непонятыхъ задачъ.
Да, книга—это твой хранитель, вождь и врач
Она сметаетъ злость, цѣлитъ отъ порчей всѣхъ.
Вотъ, что теряешь ты за твой же страшный грѣхъ!
Вѣдь книга—разумъ твой, собранье высшихъ думъ,
Долгъ, добродѣтель, право, доблесть, умъ,
Прогрессъ, зовущій тьму разсѣевать.
И это все ты сжегъ!

— Я не ученъ читать.

Д. Якубовичъ

Международныя экономическія сношенія.

Такъ или иначе, но миръ повидимому приближается, и съ этимъ нельзя не считаться. Вмѣстѣ съ миромъ передъ нами встаетъ рядъ проблемъ, среди нихъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ проблемы экономическаго характера, въ частности вопросъ о томъ, какъ устроятся экономическія сношенія народовъ, на какихъ основаніяхъ будетъ вновь организованъ международный товарообмѣнъ, въ какія онъ выльется формы. Какъ всегда въ такого рода случаяхъ, мы прежде всего обращаемся къ общей учительницѣ нашей, къ исторіи, спрашиваемъ ее, какъ совершался міровой торговый оборотъ до войны, на какихъ принципахъ покоилась международная экономическая политика въ прошломъ; изъ этого мы пытаемся сдѣлать извѣстные выводы и для будущаго.

I.

Основнымъ фундаментомъ всякой международной экономической политики и въ то же время выраженіемъ тенденцій, господствующихъ въ области международнаго товарообмѣна, являлся всегда таможенный тарифъ. Имѣлось ли въ виду облегчить экономическія сношенія между народами, удешевить жизнь населенія, усилить конкурренцію внутри страны, или же рѣчь шла, напротивъ, о созданіи новыхъ отраслей производства, объ обезпеченіи землевладѣльцамъ и фабрикантамъ опредѣленной прибыли или ренты за счетъ удорожанія потребляемыхъ населеніемъ продуктовъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгали, прежде всего, къ таможенному тарифу, выступалъ на сцену таможенный тарифъ, это громоздкое, неуклюжее строеніе съ массой отдѣловъ и подъотдѣловъ, статей, пунктовъ и литеръ, въ лабиринтѣ которыхъ не легко оріентироваться даже болѣе или менѣе опытному человѣку. Воспитать промышленность дѣло весьма не простое и во всякомъ случаѣ продолжительное, сопряженное съ жертвами. А тутъ вмѣсто всего этого простая вещь—воспитательныя пошлины; онѣ, якобы, дѣйствуютъ быстро и, главное, не только не требуютъ расходовъ, а напротивъ приносятъ доходъ и казнѣ и промышленникамъ. Чего же лучше?

Отсюда постоянный шумъ и столкновенія, дебаты по поводу таможенныхъ тарифовъ, дебаты и въ парламентахъ, и въ печати, и въ экономической литературѣ, постоянное стремленіе однихъ, протекціонистовъ, возможно поднять таможенный барьеръ, другихъ, фритредеровъ, снести таможенныя укрѣпленія. Эти сборы, взимаемые при переходѣ границы товарами и именуемыя таможенными пошлинами, становятся центромъ тяжести всей международной экономической политики, тѣмъ рычагомъ, при помощи котораго совершаются крупныя преобразованія въ хозяйственной жизни народовъ. Достаточно нажать рычагъ, и шлагбаумъ тотчасъ поднимается или опускается, дверь для привозныхъ товаровъ раскрывается шире или, напротивъ, захлопывается—и въ результатѣ таможенная регалія, столь несущественная, второстепенная на первый взглядъ, становится основнымъ, опредѣляющимъ факторомъ въ международномъ товарообмѣнѣ, составляетъ крупную силу, могущественное орудіе въ рукахъ государства.

Таможенная регалія въ смыслѣ права установленія и взиманія пошлинъ по своему усмотрѣнію всегда считалась одной изъ прерогативъ верховной власти. Ограниченіе ея, будь то отказъ отъ своего права взимать пошлины того или иного рода, въ томъ или иномъ мѣстѣ, или обязательство устанавливать ихъ не свыше опредѣленнаго размѣра, признавалось равносильнымъ нарушенію суверенитета. Всякій иностранный торговецъ могъ быть доволенъ за то, что его вообще допустили на чужую территорію, разрѣшили ему производить торгъ, дали ему право имѣть своихъ представителей—консуловъ и т. д.; о пошлинахъ, которымъ онъ подлежалъ, ему разговаривать не приходилось—онъ уплачивалъ ставки по общему тарифу, для всѣхъ установленному (если не подлежалъ еще дополнительнымъ сборамъ), но ни какія льготы, изъятія, скидки претендовать не могъ. Только тамъ, гдѣ иноземные купцы являлись господами положенія, гдѣ сила была въ ихъ рукахъ, какъ это было, напр., съ европейцами въ странахъ Востока, съ ганзейцами въ Англіи, Скандинавскихъ государствахъ и т. д., тамъ они могли предъявлять требованія о пониженіи тарифа, о взиманіи пошлинъ въ опредѣленной формѣ, объ упрощеніи таможенной процедуры и многомъ другомъ [1]).

Этотъ принципъ невмѣшательства иностранныхъ государствъ въ конструкцію тарифа и размѣры его ставокъ, въ установленіе запрещеній привоза или вывоза и т. д. выдерживается вплоть до половины XIX вѣка: господствующая тарифная система—тарифъ автономный, односторонне устанавливаемый государствомъ, по своему усмотрѣнію, и въ равной мѣрѣ примѣняемый къ товарамъ всевозможнаго происхожденія и назначенія.

---

[1]) См. проф. I. М. Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Зап. Европы. Изд. 5-ое, 1918, стр. 157 и сл. 161 и сл. 350 и сл.

Встрѣчаются, конечно, и исключенія: переходъ къ договорнымъ тарифамъ, т. е. составляемымъ по обоюдному соглашенію сторонъ, путемъ взаимныхъ уступокъ, совершается постепенно; къ 60-мъ годамъ XIX ст. онъ можетъ считаться совершившимся. До этого времени торговые договоры тщательно обходили вопросъ о пошлинныхъ ставкахъ, избѣгали его, какъ вопросъ, не подлежащій ихъ вѣдѣнію. Если же въ отдѣльныхъ случаяхъ затрагивали его, то возможно меньше и возможно осторожнѣе. Пониженіе охватывало въ лучшемъ случаѣ нѣсколько статей тарифа, слѣдовательно, самую незначительную часть его, не нарушая въ сущности автономнаго характера его, да и касалось оно непосредственно опредѣленной страны, не имѣя отношенія къ другимъ государствамъ.

Такого рода исключеніе составляетъ Метуэнскій договоръ 1703 г., заключенный между Англіей и Португаліей—уступка на англійскихъ шерстяныхъ матеріяхъ и на португальскихъ винахъ; между Англіей и Ганзейскими городами въ началѣ XVIII ст.—пошлины на сельди; русско-англійскій договоръ 1734 г.—ставки на англійское сукно; наши трактаты: съ Австріей 1785 г.—пониженіе пошлинъ на русскую нефть, пушные товары, икру; съ обѣими Сициліями 1787 г.: льготы для русскихъ кожъ, сала, икры, желѣзныхъ балокъ и полотна; съ Португаліей: половинныя ставки на привозимыя изъ Россіи доски и дерево для кораблестроенія, желѣзныя балки, якоря, пушки, ядра, бомбы; Россія всѣмъ этимъ государствамъ дѣлаетъ скидку на обложеніе винъ. Дѣйствительно договорный тарифъ, ибо охватывающій большое количество статей—онѣ установлены въ одинаковыхъ размѣрахъ для обѣихъ сторонъ—представляетъ собою Эденскій трактатъ, заключенный между Франціей и Англіей въ 1786 г. Онъ распространяется на бумажныя и льняныя издѣлія, на галантерейные товары, металлическія вещи, мебель, предметы изъ стекла и фарфора и т. д. Но онъ просуществовалъ всего три года—Революція его смела—и едва-ли по самому своему характеру могъ въ тѣ времена расчитывать на продолжительную жизнь; государства не склонны были связывать себя въ области тарифовъ.

Пруссія создала въ 1818 г. свой знаменитый тарифъ, „протекціонный лишь при сравненіи съ другими германскими странами, но фритридерскій, если сопоставлять его съ прочими государствами", тарифъ, который въ 1820 г. лондонская торговая палата превозносила въ качествѣ достойнаго подражанія событія, проводящаго принципы свободной торговли, и который впослѣдствіи, когда другія германскія государства склонялись сильно въ сторону покровительства, Пруссія заставила принять, навязала таможенному союзу. Этотъ тарифъ до 60-хъ годовъ стоялъ незыблемо; хотя въ немъ и образовалась отъ старости трещина, но никакая чужая рука до него не дотрагивалась, никакіе торговые договоры не могли подорвать его. Франція со времемъ Наполеона I окружила себя высокой оградой, усѣянной запрещеніями и запретительными

пошлинами" и ни одинъ договоръ не въ состояніи былъ пробить въ нихъ брешь вплоть до другого Наполеона—Наполеона III. И даже Британія, направивъ свой парусъ къ солнцу свободной торговли, обезпечивъ себя умѣлыми кормчими и неуклонно идя къ этой цѣли, дѣйствовала вполнѣ автономно, не входя въ соглашенія съ другими странами, не нуждаясь въ нихъ. Дѣйствуя отъ своего ума, пониманія экономическихъ условій, а не подъ давленіемъ другихъ, добивающихся уступокъ въ тарифѣ, она совершила это „форменное ауто-дафе всѣхъ частныхъ интересовъ", пожертвовала всѣми противорѣчащими народному благосостоянію монополіями,—картина, которую исторія видѣла всего одинъ разъ, въ памятную ночь 1789 года, когда всѣ привилегированныя сословія Франціи спѣшили наперерывъ принести на алтарь отечества свои прерогативы.

Сколь ни невѣроятнымъ это можетъ показаться въ настоящее время, когда „навязчивые остатки фритредерства выдаютъ себя за самое необходимое, самое глубокое и самое крѣпкое ядро всякаго парламентскаго большинства при заключеніи торговыхъ договоровъ", — но истинные фритредеры того времени не признавали торговыхъ договоровъ, этой „системы взаимности", „системы возмездія". „Посмотрите, какъ восхитительно выдумана эта система возмездія—восклицалъ Prince-Smith. Изъ-за англійскаго хлѣбнаго закона прусскій земледѣлецъ вынужденъ продавать шефель пшеницы на 10 грошеновъ дешевле, поэтому его хотятъ заставить покупать ситцевое платье для жены на 10 грошеновъ дороже... Почему Пруссія не желаетъ сдѣлать своимъ подданнымъ уступку въ видѣ дешеваго ситца, безъ того, чтобы не выговорить уступку въ видѣ дешеваго хлѣба для англійскаго рабочаго? Конечно, для нѣмецкаго сельскаго хозяйства было бы желательно добиться и этой выгоды, но она вовсе не неразрывно связана съ первой. Относительно первой выгоды Пруссія сама можетъ принять рѣшеніе, относительно второй это не въ ея власти; почему же она не пользуется по крайней мѣрѣ той выгодой, которая въ рукахъ?".

Торговать, а не торговаться! Робертъ Пиль, производя тарифную реформу, заявлялъ, что нельзя ни одного лишняго дня лишать свое населеніе дешевыхъ съѣстныхъ припасовъ и фабрикатовъ ради того, чтобы побудить другія страны къ такимъ же мѣрамъ; откладываніе до одновременнаго полученія обѣихъ выгодъ есть путь къ потерѣ и той и другой. А Гладстонъ, закончившій эту реформу, усматривалъ въ неудачныхъ попыткахъ Англіи въ 40-хъ годахъ заключить торговые договоры съ различными государствами, нѣчто болѣе, чѣмъ неудачу. Вся операція ставила Англію въ неловкое положеніе: „другія страны, производя измѣненія въ своемъ законодательствѣ, которыя, правда, выгодны и для иностранцевъ, но наибольшую пользу принесли бы своимъ же подданнымъ, разсматри-

вали эти реформы какъ подарокъ чужимъ и поэтому относились къ нимъ завистливо и подозрительно". Этотъ взглядъ, что „пониженіе пошлинъ въ ихъ тарифахъ выгодно для насъ, но убыточно для нихъ... былъ значительно поколебленъ, когда весь міръ увидѣлъ, что мы свои интересы, до того времени окруженные оградой, открываемъ доступу свободной конкуренціи, не требуя соотвѣтствующихъ облегченій у другой страны" [1]).

Правда, въ 1853 году Пруссія отклонилась отъ системы автономнаго тарифа—заключила договоръ съ Австріей, на основахъ возможнаго уравненія тарифовъ обѣихъ странъ въ отношеніи прочихъ государствъ и пониженнаго тарифа между Германіей и Австріей. Значитъ, обѣ стороны не только измѣняютъ свой общій, примѣняемый ко всѣмъ, тарифъ, въ цѣляхъ сближенія его, но и создаютъ второй спеціальный тарифъ для возможнаго облегченія взаимныхъ сношеній. Но это не было попросту соглашеніе объ измѣненіи тарифовъ на договорныхъ началахъ. Это было нѣчто гораздо большее — первый шагъ къ таможенному слiянію двухъ странъ. Такова была, по крайней мѣрѣ, цѣль и задача Австріи,— создать единую экономическую территорію съ населеніемъ въ 70 милліоновъ,—огромная для того времени цифра. Отсюда не простое соглашеніе о взаимныхъ уступкахъ, нѣтъ, требованіе одинаково высокой таможенной стѣны, общей ограды, отдѣляющей обѣ территоріи отъ внѣшняго міра, съ невысокимъ, легко переходимымъ заборомъ между ними. Слѣдующій шагъ—убрать и его—мечта Австріи—и таможенный союзъ готовъ или, точнѣе, Австрія включена въ обще-германскій Таможенный союзъ, т. е. именно то, чего Пруссія допустить не могла.

Такой же смыслъ имѣлъ и другой договоръ—Франціи съ Бельгіей въ 1842 году. Это была только „льняная конвенція"—касалась лишь льняной и пеньковой пряжи и тканей, а также литого желѣза и вина. Но и тутъ суть заключалась въ пониженныхъ пошлинахъ на франко-бельгійской границѣ, повышенныхъ на всѣхъ прочихъ границахъ, и входила въ широкій планъ французовъ объединить Францію съ Бельгіей или, вѣрнѣе, включить послѣднюю въ качествѣ части Франціи, каковой она уже трижды была—въ галльскій періодъ, въ феодальный и въ революціонный. Но именно этого-то Бельгія и боялась — объединеніе могло превратиться во включеніе, и въ качествѣ протеста, чтобы дать понять Франціи, что первый сдѣланный шагъ ее ни къ чему не обязываетъ, Бельгія два года спустя, предоставила тѣ же льготы германскому Таможенному союзу. Въ этомъ договорѣ французы усмотрѣли не только демонстрацію, но и сближеніе Бельгіи съ Таможеннымъ союзомъ,

---

[1]) См. особ. Prince—Smith. Gesammelte Schriften. B. II. (Handelsfeindseligkeit und Zoleschutz. Dieenglirche Tarifreform и др. статьи). Gooke-Newmarch. History of Prices. I. II.

которое должно было, по ихъ мнѣнію, немедленно привести къ таможенному объединенію съ Союзомъ, если Франція не сумѣетъ этого предупредить—идти либо съ Франціей, либо съ Германіей; иного выхода для Бельгіи нѣтъ.

Широко примѣняетъ идею тарифнаго договора Кавуръ въ 50-хъ годахъ: объединяя одной рукой итальянскія области въ единое національное цѣлое, онъ въ то же время путемъ торговыхъ договоровъ переводитъ Сардинію, которая должна стать зародышемъ королевства Италіи, отъ протекціонизма къ свободной торговлѣ. Рядомъ съ общимъ болѣе высокимъ тарифомъ здѣсь едва-ли не впервые возникаетъ и договорный тарифъ, охватывающій рядъ статей и предоставляемый различнымъ государствамъ—Бельгіи, Нидерландамъ, Франціи, германскому Таможенному союзу взамѣнъ уступокъ, дѣлаемыхъ ими въ пользу Сардиніи.

Въ еще большей мѣрѣ не простымъ торговымъ договоромъ, облегчающимъ сношенія между двумя странами, а орудіемъ обдуманной фритредерской политики являлись договоры, заключенные Франціей въ 60-хъ годахъ.

Послѣ того, какъ Англія создала общій для всѣхъ тарифъ, примѣняемый ко всѣмъ безъ различія, никому не отдавая предпочтенія, никого не обижая,—послѣ этого Michel Chevalier обратился къ Кобдену съ просьбой пріѣхать въ Парижъ для заключенія торговаго договора съ Франціей. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Франція и такъ получила англійскій тарифъ, Англія ей никакихъ условій не ставила. Какъ истинный фритредеръ, Кодбенъ не признавалъ торговыхъ договоровъ, называя доктрину взаимности антиподомъ экономической (т. е. фритредерской) доктрины. „Лучшее есть врагъ хорошаго",—а такимъ лучшимъ является равный для всѣхъ странъ автономный—конечно, чисто фискальный—тарифъ.

Но такой договоръ необходимъ былъ для Франціи—ей нужно было вырвать у себя же уступки: „иначе—писалъ Шевалье—Франція вѣчно останется прикованной къ колесницѣ сторонниковъ запретительнаго тарифа". И Кобденъ пошелъ на это, „хотя Англія вовсе не нуждается въ открытіи для себя новыхъ рынковъ во Франціи или въ другихъ странахъ". Онъ сдѣлалъ это по совершенно иной причинѣ: „Я буду счастливъ, если можно будетъ устранить препятствія, которыя ваше глупое законодательство воздвигаетъ между обѣими странами". Кобденъ облегчилъ Франціи рѣшеніе задачи, такимъ окольнымъ путемъ способствовалъ освобожденію ея отъ протекціоннаго тарифа, въ разсчетѣ на то, что индивидуальныя льготы въ пользу Англіи будутъ затѣмъ обобщены. Онъ не ошибся: 10 договоровъ Франціи 1861—67 гг. устранили различіе между національностями на французскомъ рынкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ французское правительство обходило протекціонистски настроенный парламентъ, черезъ его голову понижая пошлины договорнымъ путемъ.

Какъ мы видимъ на примѣрѣ Франціи, международные торговые договоры этой эпохи весьма мало походятъ на тотъ типъ договора, который при упоминаніи этого термина встаетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Мы привыкли къ трактатамъ послѣдующаго періода, въ которыхъ каждая ставка являлась результатомъ продолжительнаго и нерѣдко ожесточеннаго торга — совсѣмъ какъ на рынкѣ—ибо каждая сторона боялась „обнажить" какую-либо отрасль своего производства, открыть иностраннымъ товарамъ какую-нибудь дверь въ своемъ протекціонномъ тарифѣ. Но совершенно иную физіономію имѣли договоры фритредерской эпохи, когда покупатель вовсе не скупился, а, напротивъ, заявлялъ продавцу—требуй возможно большаго, все получишь!, и еще самъ прибавлялъ ему, когда иностранецъ являлся лишь удобнымъ предлогомъ для тарифной реформы у себя дома. Предоставленныя ему скидки вовсе не разсматривались какъ уступки за полученныя отъ него выгоды; условленныя ставки вовсе не должны были отпасть по истеченіи срока договора. Они усваивались какъ постоянное пріобрѣтеніе, какъ собственное достояніе. Потому-то каждая страна возводила новый договорный тарифъ на степень общаго тарифа, распространяя его на всѣ страны, даруя его и такимъ, которыя ни въ какія соглашенія съ ней не вступали.

Это подтверждаетъ образъ дѣйствій не только Англіи и Франціи, но также Бельгіи и Пруссіи.

Бельгія попросту приняла ставки французскаго тарифа, установленнаго въ договорѣ съ Англіей; прусскій договорный тарифъ хотя и отличается отъ французскаго, но все же разница между франко-бельгійскимъ и франко-прусскимъ договорами не столь значительна, чтобъ въ послѣднемъ нельзя было узнать характерныя черты оригинала, съ котораго снята копія. Словомъ, при помощи трехъ договоровъ произведено широкое ассимилированіе таможенныхъ ставокъ, осуществлена идея фритредерства—и не только во Франціи и Бельгіи, но и въ Германіи, ибо Пруссія, заключивъ договоръ съ Франціей, поставила вопросъ ребромъ и подъ дамокловымъ мечомъ ухода ея изъ таможеннаго союза и распаденія послѣдняго, прочіе члены дали свое вынужденное согласіе; Германія сама себѣ навязала тарифъ, построенный на принципахъ свободной торговли, что автономнымъ путемъ сдѣлать было немыслимо. Вслѣдъ за этимъ Бельгія четырнадцатью договорами (1860—63 гг.) распространила уступки, сдѣланныя Франціи и Таможенному союзу, почти на весь міръ, такъ что прежній тарифъ былъ фактически упраздненъ. Въ 1865 г. Бельгія отреклась отъ него и формально, замѣнивъ его новымъ договорнымъ тарифомъ, примѣняемымъ ко всѣмъ почти государствамъ, съ прибавленіемъ, и исключительно по своей инициативѣ, еще нѣсколькихъ пониженій (на желѣзо, сталь, машины, ткани, а также на вывозъ тряпья). Иначе говоря, Бельгія сохранила единый тарифъ, внеся въ него всѣ измѣненія,

произведенныя договорами, и присовокупивъ въ придачу еще новыя, имѣвшія автономный характеръ.

Торговые договоры излишни, даже вредны—говорилось въ Таможенномъ парламентѣ въ 1868 г.—нуженъ единый для всѣхъ тарифъ, построенный сообразно собственнымъ нуждамъ и потребностямъ. А вышедшій за два года до того „Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre“ Rentsch'а, „эта теоретическая квинтессенція фритредерства“, прибавлялъ къ этому, что періодъ „расцвѣта торговыхъ договоровъ прошелъ и фритредерскія тенденціи экономической науки не могутъ мириться съ заключеніемъ сепаратныхъ торговыхъ договоровъ“. Свободная торговля идетъ быстрыми шагами впередъ и не нуждается въ помощи извнѣ, и менѣе всего столь „сомнительными“ средствами, какъ торговые договоры. Единственно правильная торговая политика—единый общій для всѣхъ странъ тарифъ; „если гдѣ-либо еще заключаются торговые договоры, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, по крайней мѣрѣ, одна изъ сторонъ не вполнѣ прониклась истиннымъ пониманіемъ задачъ торговли“.

Дѣйствительно, заключивъ послѣ торговыхъ договоровъ съ Франціей и Англіей еще трактаты съ Бельгіей и Швейцаріей, и Германскій таможенный союзъ слилъ договорный тарифъ съ общимъ. Ту же операцію Германія — уже Германская имперія—повторила послѣ новыхъ договоровъ, вь 1870 году—съ приложеніемъ, по примѣру Франціи и Бельгіи, новыхъ скидокъ. Въ этомъ выразился принципъ. мы должны вести самостоятельную торговую политику, не считаясь съ сосѣдями. Автономныя добавленія нужны были для устраненія шереховатостей и нескладностей въ тарифѣ, вызванныхъ послѣдними договорами: разъ лошади были допущены безпошлинно, то нельзя было стѣснять попрежнему ословъ и муловъ; соглашенія насчетъ пониженныхъ ставокъ на ткани и химическіе продукты требовали сокращенія пошлинъ и на сырье, изъ котораго они выдѣлывались. Такъ новый единый тарифъ былъ закругленъ, прилаженъ, отполированъ, превращенъ, если и не въ органическое цѣлое, то все же въ нѣчто переваримое.

Но подобныя поправки и дополненія, автономныя примѣси къ договорному тарифу, вовсе еще не означали упраздненія послѣдняго, не означали, что надъ договорами поставленъ крестъ и ведется исключительно автономная политика. За періодомъ единаго автономнаго тарифа эпохи стараго протекціонизма наступаетъ, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ,—новая эпоха также единаго тарифа, согласно желанію фритредеровъ, но являющагося все же не автономнымъ, какъ они бы хотѣли, а обобщеніемъ предшествующихъ торговыхъ договоровъ съ частичной лишь начинкой болѣе низкими автономными ставками. Международные торговые договоры,—какъ мы видимъ — первоначально разсматриваемые,

какъ орудіе сближенія отдѣльныхъ государствъ между собою—по примѣру образовавшагося германскаго таможеннаго союза—стали затѣмъ средствомъ одарять самого же себя фритредерскимъ тарифомъ. Вмѣсто первоначальнаго плана—объединяясь съ одними, при помощи снесенія всякихъ таможенныхъ преградъ, отдаляться отъ всѣхъ прочихъ или, по крайней мѣрѣ, сохранять прежнее отчужденіе отъ остальнаго міра,—они осуществили гораздо болѣе грандіозный планъ равнаго сближенія со всѣми путемъ пониженія таможенныхъ стѣнъ. То, что терялось на глубинѣ, возмѣщалось широтою—достигался единый, равный для всѣхъ, построенный на фритредерскихъ началахъ съ однородными въ различныхъ государствахъ ставками, таможенный тарифъ.

II.

Однако та же цѣль достигалась и инымъ способомъ: Франція уже въ эту эпоху формально не создавала единаго тарифа и все же договорный тарифъ ея въ 60-хъ годахъ былъ одинаковый для всѣхъ странъ. Каждой державѣ, съ которой Франція заключала трактатъ, она дѣлала новыя уступки, предоставляла новыя пониженія. Казалось бы, при такихъ условіяхъ должно было бы получиться столько различныхъ договорныхъ тарифовъ, сколько установлено было соглашеній. Но этого не случилось, такъ какъ въ каждомъ тарифѣ было сдѣлано добавленіе: всякая льгота, даруемая какой-либо иной странѣ, распространяется и на данное государство. Благодаря этому, каждой державѣ, заключавшей торговый договоръ съ Франціей, было совершенно безразлично, имѣется ли то или другое условіе въ ея договорѣ или въ какомъ-либо иномъ, заключенномъ Франціей,—она все равно пользовалась имъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ одинаковой мѣрѣ.

Такое равноправное положеніе достигалось, благодаря знаменитой оговоркѣ наибольшаго благопріятствованія (clause de la nation la plus favorisée), благодаря взаимному признанію договаривающихся сторонъ наиболѣе благопріятствуемыми державами. Эта оговорка проводитъ знакъ равенства между всѣми государствами, получившими право наибольшаго благопріятствованія. Франція заключила въ 1860-хъ годахъ 11 договоровъ и всѣ ея контрагенты оказывались въ равномъ положеніи, всѣ они пользовались тѣми же выгодами, какъ еслибы каждый изъ нихъ выговорилъ себѣ однѣ и тѣ же уступки, какъ еслибы имѣлся одинъ только общій для всѣхъ тарифъ. Всѣ эти договоры такимъ образомъ создавали одно замкнутое цѣлое, строили цѣльную систему, были тѣсно связаны между собою, „подобно стаѣ мышей, сросшихся хвостами“. Достаточно было одному получить уступку, какъ аппаратъ наибольшаго благопріятствованія, какъ еслибы онъ былъ снабженъ электрическимъ токомъ, немедленно и автоматически передавалъ ее на всѣхъ про-

чьихъ, снабжалъ ихъ безвозмездно, безъ какихъ-либо льготъ съ ихъ стороны.

Благодаря такому универсальному характеру наибольшаго благопріятствованія, Бельгія еще до возведенія условленнаго съ Франціей и таможеннымъ союзомъ тарифа на степень общаго, въ сущности создала его: 15 странъ, въ силу этой оговорки, пользовались однимъ и тѣмъ же тарифомъ.

По той же причинѣ въ послѣдующія десятилѣтія, не смотря на замѣну единаго договорнаго тарифа иной системой, все же фактически наибольшее благопріятствованіе создавало единый равный для всѣхъ договорный тарифъ.

Эта новая система отличалась отъ предыдущей тѣмъ, что рядомъ съ конвенціоннымъ тарифомъ (tarif conventionnel) фигурируетъ и общій (генеральный) тарифъ (tarif général), который, въ отличіе отъ перваго, имѣетъ автономный характеръ,—получается двойственная тарифная система или система двойного тарифа (двухтарифная). Будучи напечатаны рядомъ, параллельно, общій и конвенціонный тарифы даютъ такую картину. Часть статей идетъ въ двѣ колонны—ставки того и другого тарифа различны, перваго выше, чѣмъ второго (или во второмъ сказано: безпошлинно); другая часть, напротивъ, имѣетъ видъ одной колонны—ставки одинаковы, но при нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлается отмѣтка—закрѣплена. Это значитъ, что въ конвенціонномъ тарифѣ хотя и примѣняется та же ставка, что и въ общемъ, ибо никакихъ льготъ трактатами не выговорено, но въ общемъ тарифѣ ее можно измѣнять сколько угодно, повышать въ любой моментъ, въ договорномъ же она зафиксирована, — ее нельзя трогать, нельзя повышать за все время существованія договора. Только та группа ставокъ, третья, —которая также идетъ въ одну колонну, но въ то же время не закрѣплена (объ этихъ ставкахъ говорятъ, что ихъ нѣтъ въ конвенціонномъ тарифѣ, или что они остались въ общемъ тарифѣ), находится въ обоихъ тарифахъ въ равномъ положеніи—ими можно свободно оперировать, не взирая на договоры, такъ какъ въ послѣднихъ объ этой группѣ статей ничего не предусмотрѣно.

Первыя двѣ группы ставокъ—связанная, т. е. пониженныя и закрѣпленныя и образуютъ конвенціонный тарифъ; чѣмъ больше число такихъ связанныхъ ставокъ, тѣмъ болѣе конвенціонный тарифъ отличается отъ общаго или—какъ выражаются—тѣмъ большую часть таможеннаго тарифа обнимаетъ конвенціонный тарифъ.

Фактически и съ замѣной однотарифной системы двойственнымъ тарифомъ властвуетъ попрежнему равный для всѣхъ договорный тарифъ, не единый въ смыслѣ отсутствія какого-либо иного тарифа, какъ было прежде, ибо теперь рядомъ съ нимъ имѣется еще

второй—общій тарифъ, но единый въ томъ смыслѣ, что изъ всѣхъ договорныхъ тарифовъ образуется одинъ, примѣняемый ко всѣмъ заключившимъ договоры государствамъ. Конвенціонный тарифъ, представляя собою пеструю мозаику изъ разнообразныхъ льготъ— пониженій (освобожденій) и закрѣпленій, допущенныхъ въ пользу то одного, то другого государства, скрѣпленъ универсальнымъ принципомъ наибольшаго благопріятствованія. Отсюда, не смотря на разнокалиберность постановленій въ договорахъ, получается единый конвенціонный тарифъ, который выбираетъ изъ каждаго договора то, что въ немъ имѣется болѣе льготнаго для иностранныхъ государствъ, болѣе выгоднаго, по сравненію съ прочими договорами; (при различномъ размѣрѣ ставокъ побѣждаетъ—низшая, при пониженіи пошлинъ и полномъ освобожденіи отъ нихъ—последнее, при закрѣпленіи ставки общаго тарифа въ одномъ трактатѣ и уменьшеніи ея въ другомъ—пониженная ставка).

Само собою разумѣется, что этотъ матеріалъ свой конвенціонный тарифъ черпаетъ изъ одной лишь группы торговыхъ договоровъ, изъ тѣхъ, въ которыхъ выговорены пониженія, освобожденія или закрѣпленія пошлинъ, обычно приправленныя наибольшимъ благопріятствованіемъ—это тарифные договоры. Есть вѣдь вторая группа договоровъ, именуемая договорами наибольшаго благопріятствованія, которая не содержитъ никакихъ тарифныхъ постановленій и поэтому ни малѣйшаго вліянія на тарифъ оказывать не можетъ. Это тѣ государства, которыя, ничего не давая, хотятъ только брать, прибѣгая къ своему праву наибольшаго благопріятствованія, но за то, конечно, они оказываются въ сторонѣ отъ общаго дѣла, они берутъ то, что имъ перепадаетъ съ чужого стола. Только перваго рода договоры со связанными ставками и титулуютъ нерѣдко договорами, только на нихъ съ мечомъ бросаются враги торговыхъ договоровъ. Противъ соглашеній вообще, противъ такихъ трактатовъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ скидокъ и которымъ часто отказываютъ въ высокомъ званіи договора, и протекціонисты по общему правилу не возражаютъ, будучи готовы мириться съ безобиднымъ наибольшимъ благопріятствованіемъ.

Обычно даже въ тѣ эпохи, когда договоры сыплются, какъ изъ рога изобилія, и въ частности обиленъ урожай тарифныхъ договоровъ, послѣдніе все же составляютъ меньшинство; огромное большинство трактатовъ построено на голомъ наибольшемъ благопріятствованіи (напр., у насъ къ началу войны дѣйствовали договоры съ 30 государствами, но только 7 изъ нихъ являлись тарифными договорами). Такъ что лишь немногія страны играютъ активную роль при составленіи конвенціоннаго тарифа той или другой державы—всѣ остальныя, пробиваясь однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ, никакого активнаго участія въ торговой политикѣ не принимаютъ.

Такое положеніе является результатомъ нежеланія многихъ

государствъ идти на какія-либо уступки, т. е. заключать тарифные договоры. Тогда дѣло сводится къ взаимному предоставленію наибольшаго благопріятствованія, — но сводится только въ лучшемъ случаѣ. Противная сторона можетъ не пойти на такой компромиссъ, заявить: или пониженіе пошлинъ или вообще никакого договора, даже съ простымъ наибольшимъ благопріятствованіемъ. Что же тогда наступаетъ? Тогда получается бездоговорное состояніе, тогда вступаетъ въ силу общій тарифъ. Онъ то и является тѣмъ пугаломъ, при видѣ котораго другія государства выражаютъ готовность идти на уступки, чтобы не подпасть подъ его жестокое дѣйствіе. Въ послѣднемъ случаѣ они не только лишаются вліянія на постройку тарифовъ другихъ государствъ—это имѣетъ мѣсто лишь при тарифныхъ договорахъ,—но не пользуются даже равноправіемъ, ихъ настигаетъ бичъ общаго по названію, но въ дѣйствительности исключительнаго тарифа.

Въ такомъ положеніи граждавъ второго разряда очутилась Россія въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка. Не желая пожертвовать своей тарифной автономіей, она отказалась вовсе принять участіе въ общемъ международномъ движеніи, держалась поодаль отъ всякихъ договоровъ, и въ результатѣ была исключена изъ договорнаго тарифа, ощутивъ на себѣ тяжелую руку общаго тарифа. До тѣхъ поръ, пока Бельгія и Германія имѣли единый общій тарифъ, Россія располагала имъ наравнѣ со всѣми, когда же Германія, отказавшись отъ дальнѣйшей генерализаціи договорнаго тарифа, приняла двухтарифную систему, Россія попала въ весьма плачевное положеніе—не имѣя договора съ Германіей, а, слѣдовательно, не являясь наиболѣе благопріятствуемой державой, она вынуждена была оплачивать свои товары по общему германскому тарифу, т. е. занимать на нѣмецкомъ рынкѣ худшее положеніе, чѣмъ ея конкурренты.

Вотъ въ такого рода случаяхъ проявляется различіе между системой единаго довогорнаго тарифа и системой договорнаго тарифа, сопровождаемаго общимъ тарифомъ. И при двойственной системѣ фактически общимъ является не тотъ тарифъ, который такъ именуется, а другой—договорный тарифъ. Онъ господствуетъ, онъ примѣняется по общему правилу, но все же не безъ исключенія. При единомъ тарифѣ никакого другого, кромѣ него, нѣтъ. Здѣсь же онъ хотя обычно и безмолвствуетъ, но все же существуетъ; онъ стоитъ за дверьми и можетъ въ любой моментъ выйти на сцену и заговорить. Это происходитъ тогда, когда нѣтъ договора съ тѣмъ или другимъ государствомъ,—тогда призывается къ исполненію своихъ обязанностей общій тарифъ въ качествѣ карательнаго средства. Это означаетъ состояніе таможенной войны и поэтому обѣ стороны его всячески избѣгаютъ, но на всякій случай все же держатъ общій тарифъ на готовѣ, запасаются этимъ оружіемъ.

Но на общій тарифъ возложены еще и обязанности иного рода. „Какъ ни различны по своему свойству оба тарифа, общій и договорный, противорѣчія между ними нѣтъ: это лишь различные способы охраны интересовъ страны. Съ цѣлью повышенія тарифа не заключаютъ договоровъ, это дѣлаетъ каждый въ отдѣльности, и для этого годенъ автономный — общій тарифъ. Когда же онъ выполнилъ свою обязанность и ставки достигли надлежащихъ размѣровъ, тогда чувствуя себя болѣе свободнымъ, можно и экспорту предоставить ту долю, которая ему по праву принадлежитъ, и его смѣняютъ торговые договоры" [1]). Но общій тарифъ является опять-таки условіемъ заключенія выгодныхъ договоровъ; имѣя его въ рукахъ, можно торговаться съ противной стороной, соглашаться на скидки съ общаго тарифа съ тѣмъ, чтобы контрагентъ отвѣтилъ тѣмъ же.

Роль торговыхъ договоровъ постепенно измѣнилась кореннымъ образомъ, измѣнилась по мѣрѣ того, какъ страстное влеченіе къ свободной торговлѣ уступило мѣсто холодному разсудку, осторожно взвѣшивающему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, насколько выгодно дальнѣйшее пониженіе той или другой ставки, а тѣмъ болѣе по мѣрѣ перехода къ протекціонизму, когда всякая страна старалась поднимать таможенные барьеры возможно выше и удерживать ихъ возможно дольше.

Прежде государство понимало, что, понижая свой тарифъ, оно благодѣтельствуетъ не только иностранныхъ импортеровъ, но и собственное населеніе, ибо удешевляетъ потребляемые имъ привозные товары, и поэтому при заключеніи торговыхъ договоровъ оно охотно давало все, что отъ него требовалось, и даже больше. Теперь оно смотритъ на всякую уступку, какъ на приносимую имъ жертву и естественно старается скинуть возможно меньше и вымѣнять всякую сбавку возможно дороже; оно дѣйствительно торгуется, торгуется долго, усердно и настойчиво.

Для этой цѣли ему нуженъ общій тарифъ—безъ него оно стоитъ безоружное, у него нѣтъ силы добиться уступокъ у другихъ, нѣтъ средствъ купить ихъ. Другія страны могутъ съ нимъ поступать по своему усмотрѣнію; захотятъ—дадутъ, не пожелаютъ—ничего не подѣлаешь. Оно можетъ только просить, а просьба, чисто платоническая просьба, не подкрѣпляемая звономъ монеты въ той или иной формѣ, плохое средство тамъ, гдѣ дѣло идетъ о коммерческихъ вопросахъ не только у частныхъ лицъ, но и среди государствъ. Англія съ ея единымъ (автономнымъ) тарифомъ—этотъ послѣдній могиканъ фритридерства до сихъ поръ еще держится стойко на своемъ посту—сплошь и рядомъ оказывалась въ такомъ положеніи просителя, нищаго, протягивающаго руку. У нея одинъ

---

[1]) Peez. A propos des traités de commerce entre l'Allemagne, l'Autriche-Hongrie et l'Italie, Revue d'economie politique. 1892. p. 126.

общій для всѣхъ тарифъ, съ котораго нечего скинуть; у нея нѣтъ угрозы въ видѣ второго, болѣе высокаго тарифа, и поэтому ей нечего предложить другимъ государствамъ взамѣнъ уступокъ съ ихъ стороны; „за ея благосклонность никто мѣднаго гроша не дастъ“. Она должна быть довольна, если ее не лишаютъ того, что выговорили себѣ другіе—она сама на новыя льготы претендовать не можетъ,—если она пользуется конвенціоннымъ тарифомъ въ силу наибольшаго благопріятствованія, ибо бывали случаи, когда ей отказывали и въ этой милости, и она оказывалась безсильной бороться противъ такой обиды.

Какъ мы видѣли, Франція съ самаго начала періода договоровъ примѣняла двухтарифную систему, примѣняла уже тогда, когда она въ началѣ 60-хъ годовъ выступила піонеромъ системы торговыхъ договоровъ, явилась иниціаторомъ той т. наз. эры западно-европейскихъ торговыхъ договоровъ, которые въ 60-хъ годахъ густой сѣтью покрыли Европу. Формально во Франціи вплоть до 1882 г. дѣйствовалъ старинный общій тарифъ съ многочисленными запрещеніями привоза, установленными еще въ началѣ столѣтія, рядомъ съ фактически почти исключительно функціонировавшимъ фритредерскимъ конвенціоннымъ тарифомъ 60-хъ годовъ, и только невозможность примѣнять эту египетскую мумію даже къ тѣмъ немногимъ странамъ, съ которыми не было заключено договоровъ, какъ и необходимость перейти (въ силу договора съ Англіей) къ пошлинамъ специфическимъ вмѣсто пошлинъ съ цѣны заставила сдать въ архивъ старинный тарифъ и выработать новый общій тарифъ. Послѣдній составлялся такъ, чтобы ставки его были нѣсколько выше статей дѣйствующаго конвенціоннаго тарифа. Хотя увеличеніе пошлинъ вовсе не имѣлось въ виду, но разстояніе такое соблюдать нужно было;—запрашивая, можно было затѣмъ снизойти до прежнихъ конвенціонныхъ ставокъ въ обмѣнъ на уступки со стороны другихъ государствъ. Дѣйствительно, въ началѣ 80-хъ годовъ переговоры велись Франціей на почвѣ новаго общаго тарифа, который предупредительно понижался такимъ образомъ, что образовался новый конвенціонный тарифъ; общій тарифъ содержалъ теперь всего 300 ставокъ, тогда какъ всѣ остальныя 1200 вошли въ конвенціонный тарифъ—были либо понижены, либо закрѣплены. Россія воспользовалась послѣднимъ въ силу наибольшаго благопріятствованія, установленнаго договоромъ 1874 года—тарифнаго договора у насъ не было.

Въ противоположность Франціи, Германія, переходя съ конца 70-хъ годовъ къ протекціонизму, не только покончила съ системой единаго договорнаго тарифа, но и вообще усмотрѣла въ торговыхъ договорахъ явленіе, якобы свойственное наивной эпохѣ фритредерства (какъ мы видѣли, фритредеры ихъ прежде вовсе не признавали), но не совмѣстимое съ серьезной политикой охраны національнаго труда. Правда, промышленности, экспортирующей

заграницу, надо было облегчить борьбу на иностранныхъ рынкахъ, выговаривая для нея различныя скидки, и на это Германія готова была охотно идти. Но только хотѣла совмѣстить несовмѣстимое: открывая рынки экспортирующей промышленности, въ то же время держать на запорѣ свои границы—никакихъ уступокъ не дѣлать въ аграрныхъ пошлинахъ и, по возможности, не двигать съ мѣста и промышленныхъ. Задача какъ будто нарочно была задана такая, которую рѣшить невозможно, нѣчто вродѣ квадратуры круга. И приходится еще удивляться тому, что кое-что получилось, что оказалось возможнымъ заключить сравнительно сносные торговые договоры. Впрочемъ, лишь заокеанскія страны (Южной и Средней Америки, Африки и т. д.), довольствуясь однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ съ ея стороны, могли соглашаться на пониженіе ставокъ въ пользу Германіи: дипломатическій блескъ Бисмарка ихъ ослѣплялъ, Германія сумѣла свою политическую силу реализовать здѣсь въ матеріальныхъ цѣнностяхъ. Напротивъ, южная Европа—Испанія, Италія, Греція пошли лишь на связанный тарифъ съ обѣихъ сторонъ: скидкамъ и фиксаціямъ ставокъ на промышленныя издѣлія соотвѣтствовали уступки въ германскомъ тарифѣ на южные фрукты, оливки, коринку, рисъ, пробковое дерево и т. п.,—товары, обложеніе которыхъ для Германіи имѣло лишь фискальное значеніе, а также на предметы сырья, въ безпошлинномъ привозѣ которыхъ была заинтересована сама германская индустрія (шелкъ сырецъ, хлопокъ, желѣзная руда, цинкъ, мраморъ, сѣра, сырыя кожи и т. д.) Что же касается промышленныхъ странъ, сосѣдей Германіи, то тарифные договоры съ ними „разсѣялись" въ простое наибольшее благопріятствованіе, и не только договоры съ Бельгіей и Швейцаріей, но даже съ наиболѣе близкой ей Австро-Венгріей. Но и эти договоры каждый разъ висѣли на волоскѣ и, лишь кряхтя и протестуя, эти государства пошли даже на такого рода соглашенія—наибольшее благопріятствованіе при такихъ условіяхъ давало имъ весьма мало реальныхъ цѣнностей. Новое же повышеніе пошлинъ Германіей въ слѣдующіе годы (1885 г.) еще болѣе понизило цѣнность этихъ договоровъ, вызвало столь сильное недовольство со стороны Швейцаріи (задѣты были важнѣйшія отрасли ея экспорта—бумажныя ткани, вышивки, часы и т. д.), что ради успокоенія ея пришлось даже сдѣлать исключеніе изъ принципа—пришлось заключить съ ней тарифный договоръ [1]).

Это былъ первый шагъ къ повороту въ новомъ направленіи—къ „спасительнымъ дѣйствіямъ" Каприви: отношенія съ сосѣдями были настолько натянуты, что только провозглашеніе тарифныхъ договоровъ и конвенціонныхъ тарифовъ въ качествѣ системы

[1]) См. Lotz. Die Ideen der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891, p. 184 и сл.

германской торговой политики могло вывести Германію изъ тупика, въ который она попала, открыть широкую дорогу ея экспорту.

Поворотъ отъ такого положенія, когда Германія питалась однимъ наибольшимъ благопріятствованіемъ, былъ необходимъ, ибо „такое незаконное состояніе должно было привести къ страшному концу“. Съ окончаніемъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ между собою другими странами, „цѣнность тѣхъ прекрасныхъ трактатовъ съ наибольшимъ благопріятствованіемъ, которые оставались на рукахъ у Германіи, должна была свестись для нея къ стоимости бумаги, на которой они были изложены. Они доставляли ей весьма благопріятствовавшее ей положеніе, при которомъ нѣмецкіе товары вездѣ подлежали вновь повышеннымъ тарифнымъ ставкамъ“ [1]). Германіи пришлось прекратить свое высокомѣрное воздержаніе и взять теперь въ свои руки брошенныя Франціей вожжи—выступить иниціаторомъ новой системы торговыхъ договоровъ; это и были средне-европейскіе торговые договоры 90-хъ годовъ.

Каприви заявлялъ, что театръ всемірной исторіи настолько расширился, его границы такъ широко раздвинулись, что государство, которое прежде могло играть роль въ качествѣ великой державы, въ настоящее время по своей экономической силѣ составляетъ лишь небольшую страну. На сцену выступаютъ новыя государства, обширные комплексы территорій—онъ имѣлъ въ виду Америку и Россію—и, если западно-европейскія страны желаютъ сохранить свое положеніе на земномъ шарѣ, то единственное средство—сближеніе, объединеніе, взаимопомощь. „Наступитъ день, когда они сами придутъ къ сознанію, что есть гораздо болѣе благородная цѣль, чѣмъ идти братъ на брата. Тогда они сомкнутъ свои ряды въ экономической борьбѣ на жизнь и на смерть, а это дастъ имъ побѣду“.

Государства должны подать другъ другу руки, связующее звено—торговые договоры, тарифные договоры. Каприви заключилъ въ декабрѣ 1891 г. договоръ съ Австро-Венгріей. Но это былъ не простой тарифный договоръ; онъ не только былъ построенъ на принципѣ сближенія тарифовъ обѣихъ сторонъ, онъ шелъ гораздо дальше—онъ заключалъ въ себѣ цѣлую программу торговой политики. Переговоры съ третьими державами Германія и Австрія должны были вести совмѣстно, исходя изъ опредѣленныхъ, заранѣе установленныхъ началъ. Ихъ соглашеніе разсматривалось въ качествѣ „кристаллизаціоннаго пункта“, вокругъ котораго группировались бы прочія государства, притягивать послѣднія, подобно магниту. Государства будутъ заключать между собою тарифные договоры, эти договоры будутъ скрещаваться и перекрещиваться, образуя новую сѣть коммерческихъ трактатовъ, будутъ рости и но-

---

[1]) Sombart. Die neuen Handelsverträge,insbes. Deutschlands. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft. 1892, p. 569.

житься, обращаясь въ огромную цѣпь, которая тѣснымъ кольцомъ окружитъ Европу, явится выразителемъ экономической солидарности народовъ.

Отъ этихъ идей до дѣйствительности было далеко; „соединенные штаты Европы" не возникли. Но австро-германское соглашеніе явилось все же крупнымъ событіемъ—четыре тарифныхъ договора, заключенныхъ Германіей въ декабрѣ 1891 г. (съ Австріей, Италіей, Бельгіей, Швецаріей) и столько же договоровъ Австріи съ тѣми же государствами и въ томъ же декабрѣ 1891 г. (почему всѣ эти договоры и именуются „декабрьскими") явились исходной точкой для новой цѣпи этихъ тарифныхъ договоровъ. Хотя въ дальнѣйшія соглашенія Германія и Австрія уже вступили раздѣльно, не выдерживая начертанной программы, но все же система декабрьскихъ договоровъ (или „среднеевропейскихъ договоровъ") сдѣлала свое дѣло, установила хоть временную передышку въ безудержной гонкѣ на пути протекціонизма, въ этомъ „протекціонистскомъ припадкѣ, достигшемъ крайней своей степени". Фритредерскія идеи были давно похоронены и никакіе договоры не могли оживить ихъ; но извѣстная свѣтлая струя ими была внесена въ спертый воздухъ европейской таможенной политики.

Правда, прошли декабрьскіе договоры весьма нелегко: участники не сразу соглашались на избавленіе себя же отъ чрезмѣрно высокихъ пошлинъ, именуя ихъ уступками и требуя соотвѣтствующей платы. Каждая сторона считала себя обсчитанной и обвѣшанной другими: „отдаемъ пудами, а получаемъ золотниками;" въ каждомъ парламентѣ ругали своихъ представителей за то, что они дали себя провести и обобрать. Въ Германіи больше всего шуму вызвало „возвращеніе иностраннаго скота", въ особенности выступали защитники „національной свиньи"—ветеринарная конвенція съ Австріей открыла вновь доступъ австрійскому скоту. Еще больше возмущались правыя партіи парламента пониженіемъ пошлинъ на хлѣбъ по новымъ договорамъ. Среди населенія еще никогда, кажется, не были такъ популярны лозунги: „свободный хлѣбъ и свободный воздухъ" и „долой аграрныхъ ростовщиковъ". Но прорвать ряды аграріевъ въ рейхстатѣ правительство никогда не могло бы—пришлось обойти это препятствіе путемъ договора, представить парламенту пониженныя ставки (съ 5 до $3^1/_2$ мар.) въ качествѣ fait accompli, необходимое, дѣйствіе, за которое правительство „готово было отвѣтить передъ Богомъ и людьми". Во всѣхъ парламентахъ—германскомъ, австрійскомъ, итальянскомъ, рѣкой лились рѣчи о пошлинахъ на вино—по количеству произнесенныхъ словъ даже разговоры о ставкахъ на зерно не могли съ ними мѣриться; „въ нихъ обнаружилась вся подвижность и легкая возбудимость южныхъ народовъ". Германія облегчила доступъ къ себѣ крѣпкихъ, пригодныхъ для сдабриванія винъ—въ особенности изъ Аппуліи и Сициліи. Но противники пониженія пошлинъ называли такое смѣше-

ніе красныхъ и бѣлыхъ винъ ни болѣе не менѣе, какъ нарушеніемъ, караемымъ закономъ о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ, а на заявленіе, что, напротивъ, дешевизна разбавленныхъ винъ явится средствомъ борьбы съ фальсификаціей, отвѣчали, что искусственныя вина невозможно вытѣснить, пока сахарная вода дешевле всякаго вина. Въ результатѣ пониженія все же прошли; нѣмцы могли считать уступку скорѣе пріобрѣтеніемъ въ свою пользу. Въ пользу Австріи Германія понизила различныя ставки на стеклянныя, керамическія, текстильныя, кожевенныя, бумажныя, деревянныя издѣлія,—но все въ умѣренныхъ предѣлахъ. Они были ниже тарифа 1870 г. по абсолютному размѣру, но процентъ съ цѣны получался нерѣдко болѣе высокій—цѣны съ тѣхъ поръ значительно упали.

И другіе контрагенты пошли на уступки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на значительныя уступки. Но утѣшенія они доставляли мало, ибо предварительно были сочинены новые сильно повышенные „бумажные" (фиктивные, общіе тарифы, съ которыхъ и дѣлались скидки, причемъ все же получалось обложеніе болѣе высокое, чѣмъ прежде, и вся выручка для Германіи сводилась къ закрѣпленію этихъ, хотя и повышенныхъ, ставокъ на 12 лѣтъ. Менѣе всего дала Италія, державшая себя, „подобно недоступной красавицѣ; ея благосклонности горячо добивались всѣ сосѣди, результатъ же дѣлаетъ честь ея стойкости". Многія скидки въ ея тарифѣ имѣли прямо комичный характеръ. Пошлина на чугунныя трубы, вмѣсто 15 лиръ (съ 100 кил.) въ новомъ общемъ тарифѣ, 14 (по договорамъ), пошлина на якоря, вагонныя оси и т. п. вмѣсто 10 лиръ—9, на желѣзо и сталь (второй полупродуктъ) вмѣсто 13½ и 17½ лиръ—13¼ и 17¼ и т. д. Стоило ли столь микроскопическія скидки, которые приходится съ огнемъ отыскивать, вообще регистрировать въ договорномъ тарифѣ?

И все же Германія могла благословлять день и часъ заключенія новыхъ договоровъ. „Она страдала полнокровіемъ и задохлась бы, еслибы своевременно не избавилась отъ чрезмѣрно тяжелыхъ оковъ и не предотвратила своевременно хотя бы ограниченія своего поля дѣятельности заграницей". Правда, многіе находили, что экспортировать ей нѣтъ надобности, можно порвать узы, которыми она связана съ другими странами, достаточно и собственнаго быстро расширяющагося рынка. Но чѣмъ покрывать потребности этого національнаго рынка? „Изъ чего производить фабрикаты, которые мудрые авторы подобныхъ совѣтовъ желали бы сбывать внутри страны? Чѣмъ накормить болѣе платежеспособное населеніе? Или послѣднее, если даже предположить, что аграріи исполнятъ свое обѣщаніе и будутъ производить въ странѣ необходимый хлѣбъ и скотъ, откажется отъ привычныхъ колоніальныхъ товаровъ, въ интересахъ отечественной овсяной похлебки? Можетъ быть, вытащить изъ чулана лучину и масляную лампу или ожи-

дать открытія нѣмецкой Пенсильваніи или нѣмецкаго Баку? Если же Германія не хочетъ и не можетъ отказаться отъ всего этого, то нужно имѣть средства платить за товары, а ихъ она въ состояніи найти лишь въ своихъ промышленныхъ издѣліяхъ. Въ этомъ заключается весьма простое оправданіе экспорта нынѣ и вовѣки" (Sombart).

Другіе противники декабрьскихъ договоровъ утверждали, что цѣль ихъ состояла главнымъ образомъ въ закрѣпленіи Тройственнаго союза, но находили, что этотъ союзъ въ такой поддержкѣ вовсе не нуждается, напротивъ, она способна лишь компрометировать политическій союзъ Германіи съ Австріей и Италіей. Если Тройственный союзъ требуетъ такихъ жертвъ отъ Германіи,—а въ томъ, что жертвы огромны, они не сомнѣвались—то и симпатизирующіе союзу люди не могутъ не покачивать головой. Экономическій упадокъ будутъ приписывать политическому союзу, вражда къ нему не можетъ не усилиться. „Въ концѣ концовъ народъ охотнѣе согласится вести войну, чѣмъ постоянно голодать. И настолько низко мы еще не пали въ Германіи въ теченіе полутора года, чтобы намъ приходилось уплачивать дань за то, чтобы найти себѣ политическаго союзника".

Эти подозрѣнія не только не прекратили своего существованія, когда замерли послѣдніе дебаты о договорахъ въ рейхстагѣ, но подъ вліяніемъ сильнаго паденія цѣнъ на хлѣбъ въ 1892 г., послѣ декабрьскихъ договоровъ, превратились въ грозные крики противъ чрезмѣрно низкихъ ставокъ на зерно и противъ уже закрѣпленныхъ до 1903 года трактатовъ. „Мы должны разорвать договоры съ Австріей и Италіей, хотя бы съ мечомъ въ рукахъ!" Еще болѣе мятежный характеръ приняла борьба съ дальнѣйшими договорами, румынскимъ и русскимъ, которые распространяли тѣ же ставки и на эти страны. Она сопровождалась обвиненіями биржи въ искусственномъ повышеніи цѣнъ, совершенномъ въ предшествующемъ году, чтобы этимъ путемъ убить пошлины; аграріи, въ своемъ безграничномъ возмущеніи, требовали гарантіи минимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ—подъ этимъ знаменемъ графа Каница они всѣ объединились, объявили правительству борьбу не на жизнь, а на смерть и грозили перейти въ ряды соціалъ-демократовъ!

И все же договоры были заключены съ Румыніей, съ Россіей, съ прочими государствами. Поддерживали ихъ умѣренные протекціонисты и фритредеры, т. е. тѣ самые, которые когда-то требовали автономной политики; фритредеры теперь возмущались и желаніемъ ограничить право правительства заключать договоры—парламентъ можетъ сдѣлать его совершенно иллюзорнымъ! Имъ приходилось бороться такимъ—хотя и довольно рискованнымъ—способомъ съ протекціонистскимъ большинствомъ парламента, приходилось настаивать на мирной операціи заключенія договоровъ, въ отличіе отъ минимальныхъ пошлинъ, устанавливаемыхъ парламентомъ—требо-

ваніе аграріевъ. Но приходилось, конечно, выслушивать и обидныя слова о стойкости ихъ принциповъ, иллюстрирующихъ измѣнчивость всего земного, бренность и тлѣнность всѣхъ доктринъ и программъ. „Гдѣ ужь быть стойкому постоянству принциповъ, когда окружающій насъ хозяйственный міръ такъ поразительно круглъ и въ непрестанномъ движеніи вертится!“ (Schippel).

III.

Система европейскихъ торговыхъ договоровъ 90-хъ годовъ такимъ образомъ расширялась: изъ западноевропейской и средне-европейской превращалась въ общеевропейскую. Не только Балканскія государства охотно вступали въ этотъ кругъ—имъ необходимо было проявить только что добытую и еще не вполнѣ признанную самостоятельность; но и Россію, столь подозрительно относившуюся къ этому движенію, удалось извлечь изъ ея уединенности, заставить примкнуть къ цѣпи европейскихъ торговыхъ договоровъ. Россія, правящимъ кругамъ которой еще въ 70-хъ и 80-хъ годахъ смыслъ и значеніе системы тарифныхъ договоровъ едва-ли были многимъ яснѣе, чѣмъ неграмъ Центральной Африки,—Россія, которая считала, что она совершила все, что отъ нея можно требовать, и даже болѣе того, если она соглашалась на признаніе наибольшаго благопріятствованія—не станетъ же кто-либо посягать н суверенитетъ самодержавной Россіи въ таможенной области, въ сферѣ опредѣленія тарифныхъ ставокъ,—Россія послѣ долгихъ колебаній и послѣ печальнаго опыта предыдущихъ лѣтъ вступила въ семью европейскихъ народовъ, признала принципъ тарифныхъ договоровъ и конвенціонныхъ тарифовъ обязательнымъ и для себя.

До 80-хъ годовъ, пока господствовали фритредерскія начала и единый тарифъ, Россію мало трогало все, что происходило въ области европейской таможенной политики. Когда же фритредерство, не успѣвъ расцвѣсти, отцвѣло и пошлины на сельскохозяйственные продукты лишній разъ подчеркнули, что на возвратъ его нѣтъ надежды, тогда и Россія не могла оставаться долѣе равнодушной къ тому, что совершалось вокругъ нея: этотъ фазисъ протекціонизма наносилъ ей рану въ самое сердце. Необходимо было протестовать противъ повышенія аграрныхъ пошлинъ, настаивать на скидкахъ, кричать, требовать и ужь во всякомъ случаѣ добиваться равнаго съ конкуррентами положенія—правъ наиболѣе благопріятствуемой державы.

Но даромъ этого невозможно было получить: другія державы давали Россіи при наибольшемъ благопріятствованіи все то, что было выговорено системой среднеевропейскихъ тарифныхъ договоровъ, въ томъ числѣ пониженныя ставки на зерно, лѣсъ, масло, яйца, скотъ и т. п., т. е. наиважнѣйшіе продукты нашего вывоза.

голое наибольшее благопріятствованіе со стороны Россіи равносильно было бы передачѣ чека, подписаннаго лицомъ, у котораго нѣтъ ни копейки на текущемъ счету. У Россіи требовали платы наличными: скидокъ съ высокаго, доводившаго до крайности протекціонную систему тарифа, такихъ скидокъ, которыя давали бы хоть какую нибудь возможность иностраннымъ товарамъ проникать на русскій рынокъ [1]).

Въ результатѣ Россія въ 1893 г., по договору съ Франціей, подписала 10 статей выработаннаго въ 1891 г. тарифа, въ 1895 г. сократила въ договорѣ съ Португаліей пошлину на пробковое дерево, въ особенности же въ 1894 г., въ силу трактата съ Германіей, связала себя по 71 статьѣ тарифа изъ общаго числа 218, частью понижая ставки, частью закрѣпляя ихъ. Взамѣнъ этого Россія получила германскій конвенціонный тарифъ (результатъ декабрьскихъ и послѣдующихъ тарифныхъ договоровъ) и, кромѣ того, закрѣпленіе пошлинъ для ряда товаровъ, имѣвшихъ существенное значеніе для насъ.

Такъ и въ Россіи возникло два таможенныхъ тарифа. Общій тарифъ—тарифъ 1891 г.—по мѣрѣ заключенія договоровъ, все болѣе уступалъ на практикѣ мѣсто другому, конвенціонному, являвшемуся плодомъ германскаго и французскаго договоровъ; прочія страны въ 1894—97 гг. получили главнымъ образомъ право наибольшаго благопріятствованія, но право, имѣвшее для нихъ, послѣ русско-германскаго договора, крупную цѣнность.

Разъ ставши на этотъ путь, Россія уже не сходила съ него. Когда въ началѣ новаго столѣтія истекъ срокъ заключенныхъ въ 90-хъ годахъ (на 10—12 лѣтъ) торговыхъ договоровъ, и наступала новая эра договоровъ (прекращенныхъ лишь войной)—новый „кометный годъ", какъ его называли—всѣ страны, въ томъ числѣ и Россія, стали снова усердно готовиться къ возобновленію ихъ, а, слѣдовательно,—это считалось аксіомой—къ пересмотру и усиленію своего общаго тарифа, для того, чтобы затѣмъ имѣть возможно болѣе широкій просторъ для уступокъ. Такое запрашиваніе болѣе высокаго общаго тарифа иногда достигало геркулесовыхъ столбовъ: въ общій тарифъ вносились ставки, въ которыхъ страна, даже если мѣрить на аршинъ наиболѣе убѣжденныхъ протекціонистовъ, вовсе не нуждалась, другія повышались свыше размѣра, требуемаго заинтересованными кругами, а затѣмъ при переговорахъ правительство обнаруживало свой либерализмъ, свою уступчивость, готовность пойти навстрѣчу интересамъ другихъ странъ. Оно понижало или даже вовсе упраздняло эти псевдо-пошлины, эти мнимыя ставки, отъ которыхъ оно заранѣе рѣшило отказаться. Иногда ихъ понижали въ пользу странъ, которымъ они вовсе не

---

[1]) См. проф. Соболевъ. Русско-германскій торговый договоръ. 1915. Стр. 51 и сл., 77 и сл.

нужны были и которыя объ этомъ не просили, понижали якобы въ доказательство своей услужливости, въ дѣйствительности, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ нихъ. А разъ одна сторона прибѣгала къ такимъ ложнымъ ставкамъ, то и другая вынуждена была слѣдовать ея примѣру, запрашивать возможно больше, ибо каждая такая фиктивная ставка уступалась за скидку съ противной стороны; надо, было, слѣдовательно, готовиться, вооружаться, строить тарифы на 50 и болѣе процентовъ выше того, что въ дѣйствительности нужно было. Общій тарифъ, какъ правило, получалъ фальшивый, лицемѣрный характеръ; немедленно по минованіи надобности, по составленіи конвенціоннаго тарифа, его сдавали въ архивъ и вынимали лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно было пугнуть того, кто не желалъ вступать въ соглашеніе. Разница между нимъ и конвенціоннымъ тарифомъ была, дѣйствительно, столь велика, что и смѣлаго могъ объять страхъ, одинъ видъ общаго тарифа могъ заставить подчиниться.

Примѣромъ такихъ псевдо-пошлинъ являются въ германскомъ общемъ тарифѣ 1902 года ставки на различные сорта кормовыхъ средствъ. Они и прежде были свободны отъ пошлинъ и теперь ихъ не имѣлось въ виду облагать; все же пошлина съ 1 мар. была установлена и затѣмъ упразднена въ договорахъ съ Австріей и Швейцаріей. Свѣжіе овощи также и въ прежнемъ, и въ новомъ конвенціонномъ тарифѣ изъяты отъ обложенія, въ общемъ же тарифѣ содержатся ставки, достигающія, напр., для спаржи, ревеня и т. д. 20 мар. съ тонны, что равносильно было бы полному запрещенію привоза. Они должны были служить козыремъ при заключеніи договоровъ, сохранять ихъ никто и не думалъ. Съ однимъ изъ видовъ тропическаго лѣса произошло даже слѣдующее: этотъ лѣсъ, привозимый исключительно изъ Аргентины, облагался до 1902 г. въ 1/2 марки съ тонны, но въ общемъ тарифѣ 1902 г. былъ обложенъ въ 7 мар., т. е. въ 14 разъ больше, что составляло около 80 проц. его цѣнности. Для того, чтобы какъ нибудь избавиться отъ такой ставки, которая прекратила бы привозъ, ничего не оставалось, кромѣ пониженія ея въ договорахъ съ Италіей и Австро-Венгріей, для которыхъ эта пошлина была совершенно безразлична.

Надо, впрочемъ, признать, что рядомъ съ такими мнимыми, бутафорскими ставками въ общемъ тарифѣ имѣются и пошлины иного рода, установленныя въ крупныхъ размѣрахъ по требованію заинтересованныхъ лицъ, пошлины, имѣющія, слѣдовательно, вполнѣ реальный и серьезный характеръ. Договоры же заставляютъ отказаться отъ нихъ, отъ чрезмѣрно далеко зашедшаго протекціонизма. Такъ, напр., въ томъ же германскомъ тарифѣ 1902 г. пошлины на обувь были повышены съ 65 мар. за тонну (по конвенціонному тарифу) на 120 мар., „для предупрежденія наводненія нѣмецкаго рынка иностранной обувью“, но затѣмъ, по требованію

Италіи, уменьшены до 100 мар., согласно договору со Швейцаріей, на 90 мар. и въ соглашеніи съ Австріей установлены въ 80 мар., каковая ставка и включена въ конвенціонный тарифъ. Увеличительныя стекла и стекла для очковъ, обложенныя въ 12 и 15 мар., были увеличены, по требованію фабрикантовъ, до 60 мар., но Австро-Венгрія настояла на пониженіи ставки до 15—80 мар. Пошлина на оливковое масло составляла прежде въ конвенціонномъ тарифѣ 3 мар., въ 1902 г. въ общемъ тарифѣ сохранена прежняя ставка (общаго тарифа) въ 10 мар., Италія же добилась полнаго освобожденія отъ пошлины. Значительныя сокращенія Германія сдѣлала и по торговому договору съ Россіей (1904 г., вовсе отказавшись по нѣкоторымъ статьямъ отъ пошлинъ, установленныхъ въ общемъ тарифѣ 1902 г. (сѣмена, гуси, перья), понизивъ ихъ болѣе, чѣмъ на 50 проц. въ другихъ случаяхъ (ячмень, горохъ, лошади, пернатая дичь, яйца, рожь и сурѣпа, нѣкоторые сорта лѣса). Еще большія уступки мы вынуждены были сдѣлать въ томъ же договорѣ въ пользу Германіи—по ряду статей договорный тарифъ пониженъ болѣе, чѣмъ на 50 проц., сравнительно съ общимъ тарифомъ, составленнымъ въ Россіи въ 1903 году (простые огородные овощи, хмѣль, различныя издѣлія изъ камней, плитки глиняныя глазурованныя, различныя химическія и фармацевтическія вещества, нѣкоторыя вязанныя и басонныя издѣлія, части часовыхъ механизмовъ и т. д.).

Правда, не смотря на то, что изъ нашего общаго тарифа сохранилось всего 25 ставокъ, тогда какъ по 21 пунктамъ были сдѣланы Германіи уступки, все же, по сравненію съ конвенціоннымъ тарифомъ 1894 г., нашъ договорный тарифъ 1904 г. содержалъ 68 повышеній и всего 8 небольшихъ пониженій. Точно также Германія, при своихъ уступкахъ, все же значительно затруднила намъ привозъ, по сравненію съ прежнимъ конвенціоннымъ тарифомъ, дѣйствительныя же пониженія (т. е. по сравненію съ прежнимъ договорнымъ тарифомъ) допустила лишь на ячмень и нѣкоторые виды сырого лѣса.

И все же нельзя отрицать того, что протекціонизмъ бушевалъ бы еще сильнѣе и производилъ бы еще большія опустошенія въ международномъ обмѣнѣ, еслибы онъ не имѣлъ противовѣса въ видѣ торговыхъ договоровъ. Договоры—это все-таки узда, налагаемая на вожделѣнія заинтересованныхъ группъ населенія, это все-таки извѣстное veto, заставляющее государство, при всемъ своемъ желаніи сохранить внутренній рынокъ для національной промышленности, если не открывать вполнѣ дверь иностраннымъ товарамъ, то все же полуоткрывать ее, въ результатѣ чего они такъ или иначе пробираются. Матеріалы по составленію общихъ тарифовъ неопровержимо доказываютъ, что рядомъ съ псевдо-пошлинами въ нихъ включаются въ большомъ количествѣ и такія, которыя при переговорахъ стараются отстоять во чтобы то ни стало, и

лишь печальная необходимость, угроза противной стороны сохранить въ свою очередь чрезвычайно высокій барьеръ, заставляетъ покинуть занятыя позиціи и благородно ретироваться. Въ 1904—06 г.г. Италія напр., заключила три тарифныхъ договора — съ Германіей, Австро-Венгріей и Швейцаріей; въ пользу первой Италія частью отмѣнила пошлины, частью понизила по 204 статьямъ, почти столько же уступокъ получила Швейцарія, и наконецъ, значительныя ставки и изъятія были сдѣланы въ пользу Австріи. Конвенціонный итальянскій тарифъ (эти страны съ своей стороны пошли навстрѣчу требованіямъ Италіи и Швейцаріи) составлялъ извѣстную преграду, и преграду довольно высокую, которую не легко перескочить, на пути усиленнаго протекціонизма начала XX вѣка.

Такимъ образомъ, торговые договоры означали своего рода перемиріе во время длительной таможенной войны въ видѣ повышаемыхъ со всѣхъ сторонъ непрерывъ протекціонныхъ пошлинъ, въ борьбѣ, которая становилась все болѣе и болѣе кровавой и ожесточенной, они означали—говоритъ Зомбартъ—„передышку, предоставленіе другъ другу времени для собиранія и концентраціи силъ послѣ періода безпокойства и волненій въ области торговой политики". На 10—12 лѣтъ наступало успокоеніе—міръ былъ гарантированъ отъ новыхъ таможеннкхъ вооруженій. Другіе экономисты шли въ этомъ отношеніи и дальше, смотрѣли на торговые договоры вообще какъ на средство избѣгнуть таможенныхъ столкновеній, какъ на попытку поддержать между народами экономическій миръ, трещавшій по всѣмъ швамъ, какъ на орудіе при помощи котораго возможно разгладить тѣ облака, которыми столь обильно былъ покрытъ горизонтъ мірового рынка въ послѣднія десятилѣтія. Имъ хотѣлось однако еще большаго, хотѣлось прочнаго, постояннаго мира въ экономической жизни народовъ, такого, за судьбу котораго не приходилось бы бояться ежедневно и ежечасно, хотѣлось чистаго безоблачнаго неба. И хотѣлось вѣрить, что къ этому ведутъ торговые договоры, что они знаменуютъ зарю новой эры, являются предвѣстниками того, что достигнутое соглашеніе основано на взаимномъ пониманіи, на готовности считаться съ интересами другого. Оптимистамъ договоры внушали надежду на то, что за ними послѣдуетъ дальнѣйшее сближеніе народовъ, ведущее къ новымъ, болѣе прочнымъ хозяйственнымъ организаціямъ, къ созданію обширныхъ таможенныхъ территорій безъ заставъ и преградъ, раздѣляющихъ міръ на мелкіе кусочки.

Связующимъ звеномъ, скрѣпляющимъ народы между собою, являлось—какъ мы видѣли—право наибольшаго благопріятствованія, которымъ снабжались всѣ европейскіе торговые договоры и благодаря которому каждая льгота, каждая пониженная ставка тарифа распространялась на всѣхъ, передавалась автоматически по всей линіи.

Но этотъ универсальный принципъ наибольшаго благопріятствованія обвиняли и въ большомъ преступленіи: въ томъ, что онъ является врагомъ тарифныхъ договоровъ, сокращаетъ до минимума скидки въ таможенныхъ тарифахъ. Когда всякая выгода, получаемая однимъ за уступку, дается десяти и двадцати даромъ, то у нихъ, само собою разумѣется, исчезаетъ всякій стимулъ дѣлать со своей стороны уступки, какъ это было бы, если бы каждую такую выгоду надо было бы купить, т. е. при системѣ эквивалента или компенсаціи. Мало того, въ послѣднемъ случаѣ это были бы выгоды индивидуальнаго характера, которыя каждое государство пріобрѣтало бы для себя лично, а вовсе не для всѣхъ другихъ. А такія выгоды цѣнятся гораздо выше, чѣмъ уступки, которыя немедленно же раздаются всѣмъ и каждому. Государство готово помириться съ меньшими уступками, лишь бы конкурренты платили еще больше; это для него выгоднѣе, чѣмъ болѣе низкія, но равныя для всѣхъ пошлины. Ибо это вѣдь привилегіи, которыя цѣнятся за свою рѣдкость, за недоступность другимъ. Въ свою очередь и дающая такую привилегію страна гораздо легче соглашается на льготу, если она знаетъ, что давая ее друзьямъ, она не поднесетъ подарка и тѣмъ, съ которыми она находится, быть можетъ, въ натянутыхъ отношеніяхъ.

Поэтому слѣдуетъ, якобы, предпочесть европейскому принципу наибольшаго благопріятствованія, надѣляющаго тѣми же льготами всѣхъ и каждаго, американскую систему эквивалента или компенсаціи, при которой каждая уступка распространяется только на контрагента. Само собою разумѣется, что даваемая льгота не является монополіей—и другія державы могутъ ее пріобрѣсти, но только за соотвѣтствующее вознагражденіе, за особыя выгоды, предоставляемыя ими. Даромъ же американцы ничего не даютъ—въ комерческой жизни нѣтъ подарковъ, есть только купля-продажа, и поэтому система наибольшаго благоопріятствованія находится въ рѣзкомъ противорѣчіи со всей окружающей насъ дѣйствительностью. Напротивъ, принципъ эквивалента не только вытекаетъ изъ условій хозяйственной жизни, но и содѣйствуетъ, благодаря индивидуализаціи каждой льготы, возможно широкому распространенію тарифныхъ договоровъ.

Однако для всей этой аргументаціи характерно то, что она построена на основѣ исключительныхъ привилегій въ пользу отдѣльныхъ государствъ—въ этомъ случаѣ ихъ высоко цѣнитъ за рѣдкость получающій, въ этомъ случаѣ ихъ охотно даетъ отчуждающій. Это, несомнѣнно, правильно. Пошлина на хлѣбъ въ $3^1/_2$ мар., которую Соединенные Штаты и Румынія платили въ 1891 г. въ Германіи въ то самое время, когда русское зерно облагалось 5 марками, была для нихъ, конечно, гораздо выгоднѣе, чѣмъ если бы, допустимъ, и для нихъ и для Россіи ставка была понижена до 2 марокъ. Послѣ заключенія договора съ Швейцаріей въ 1891 г.

Австрія заявляла, что для экспорта ея сельскохозяйственныхъ продуктовъ включеніе Италіи, а затѣмъ въ 1895 г. и Франціи въ число государствъ, пользующихся въ Швейцаріи наибольшимъ благопріятствованіемъ, понизило цѣнность этого трактата до минимума: „не мы стали поставщиками на швейцарскомъ рынкѣ, а наши сосѣди". Франція жаловалась въ 90-хъ годахъ, что Россія не дѣлаетъ ей различныхъ уступокъ лишь потому, что не желаетъ, чтобы ихъ получила Германія, въ силу наибольшаго благопріятствованія, а Швейцарія въ своемъ отказѣ понизить различныя ставки по требованію Франціи, прямо заявляла въ 1895 г., что отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ Франція, выиграли бы Германія, Бельгія и Англія.

Противъ всего этого нельзя ничего возразить. Но только необходимо напомнить, что тѣ выгоды, которыя получаются при такого рода индивидуальныхъ уступкахъ, вовсе не равноцѣнны тѣмъ льготамъ, которыя имѣютъ универсальный характеръ. При системѣ эквивалента каждое государство получитъ, быть можетъ, гораздо больше отъ своего контрагента и дастъ ему гораздо больше, чѣмъ при господствѣ принципа наибольшаго благопріятствованія. Но оно получаетъ и даетъ гораздо больше въ видѣ непосредственныхъ уступокъ, косвенно же, черезъ посредство другихъ странъ, оно ничего не пріобрѣтаетъ и не уступаетъ. А между тѣмъ, необходимо считать выгоды и того и другого рода, ибо наибольшее благопріятствованіе снабжаетъ каждаго огромнымъ количествомъ косвенно полученныхъ льготъ, тѣхъ преимуществъ, которыя предназначались для опредѣленнаго государства, но были присвоены и всѣми остальными. Если же мы подведемъ общій балансъ, подсчитаемъ выгоды того и другого порядка, то плюсъ несомнѣнно окажется на сторонѣ наибольшаго благопріятствованія, сальдо получится въ его пользу. Вѣдь каждая льгота въ первомъ случаѣ по своей цѣнности равна единицѣ, такъ какъ касается лишь даннаго опредѣленнаго государства, тогда какъ во второмъ случаѣ она выразится въ цифрѣ 20—25 или 30—35 по числу государствъ, пользующихся правомъ наибольшаго благопріятствованія и, слѣдовательно, пріобрѣтающихъ ее. Такъ что необходимо, чтобы число заключаемыхъ договоровъ и число дѣлаемыхъ въ нихъ уступокъ ужъ очень сильно возросло, только тогда система эквивалента дастъ большій результатъ въ смыслѣ скидокъ въ тарифахъ, чѣмъ примѣненіе оговорки наибольшаго благопріятствованія, при которой каждая ставка размножается въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Вообще трудно думать, чтобы та политика протекціонизма, которая одерживала побѣду за побѣдой въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, могла быть сколько-нибудь поколеблена при помощи столь слабаго, столь медленно дѣйствующаго и имѣющаго столь ограниченное примѣненіе принципа, какъ компенсація. Въ эпоху фритредерства 60-хъ го-

довъ система наибольшаго благопріятствованія оказалась весьма удачнымъ средствомъ для пониженія таможенныхъ барьеровъ, для борьбы съ протекціонизмомъ. Если же впослѣдствіи даже принципъ наибольшаго благопріятствованія, немедленно распространяющій всякую выгоду, испрашиваемую однимъ, по всему свѣту, не въ состояніи былъ задержать усиливающагося роста протекціонизма, если даже это дальнобойное орудіе не могло воспрепятствовать возведенію протекціонистскихъ барьеровъ, отмежевывающихъ народы другъ отъ друга,—то въ силахъ ли бороться съ ними столь несовершенное оружіе, какъ компенсація, столь плохо отточенное, дѣйствіе котораго ограничивается предѣлами одного государства?

Торговые договоры и принципъ наибольшаго благопріятствованія—вотъ тѣ средства, которыя (если не считать новыхъ попытокъ вернуться къ автономному тарифу въ международныхъ экономическихъ сношеніяхъ) примѣнялись вплоть до великаго мірового пожара. Какъ же быть теперь, какъ быть послѣ того, какъ пожаръ будетъ потушенъ и народы вновь вернутся къ мирной трудовой жизни, возобновятъ свои торговыя сношенія? Слѣдуетъ ли обратиться къ тѣмъ же испытаннымъ средствамъ или же міровая война и трехлѣтняя экономическая политика военнаго времени даетъ намъ какія-либо иныя указанія, открываетъ какіе-либо новые новые пути? Вѣдь прекращеніе войны не означаетъ попросту возращенія къ прежнему состоянію, продолженія того, что было прервано войной, какъ если бы этихъ трехъ лѣтъ вовсе не было. Многое измѣнилось, народы кое-чему, надо думать, научились, они ставятъ передъ собой нѣсколько иныя задачи, а для достиженія этихъ цѣлей понадобятся несомнѣнно иныя средства. Какія же? Вопросъ этотъ требуетъ подробнаго разсмотрѣнія, ему необходимо будетъ посвятить отдѣльную статью [1].

I. Кулишеръ.

---

[1]) Тамъ же мы коснемся и упомянутыхъ попытокъ возстановить, хотя и въ новой формѣ, систему автономнаго тарифа, какъ и связанныхъ съ ними таможенныхъ войнъ.

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ.

Романъ *Арнольда Беннета.* Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

I. Мисъ Ингэтъ и яхта.

Одри только успѣла захлопнуть кассу въ кабинетѣ отца, какъ легкій шумъ спугнулъ ее, и она обернулась, вся насторожившись какъ звѣрекъ, почуявшій опасность. И невольно подумала, что сама она—точно звѣрекъ въ неволѣ, и горько улыбнулась этой мысли, хотя и вовсе не оригинальной.

— А Франкъ-Холлъ—мой Зоологическій, — добавила она (Хотя это не значитъ, что она видѣла Зоологическій садъ и была въ Лондонѣ).

Она была гибкая, тонкая, съ граціозной походкой. Короткая гладкая юбка изъ синей саржи не скрывала очертаній и не стѣняла движеній юнаго стройнаго тѣла, и отъ этого дѣвушка казалась еще моложе. Простота костюма была подстать ея движеніямъ, и оттого казалась милой. Но сама Одри почти не замѣчала, во что она одѣта. Она, вообще, мало удѣляла вниманія внѣшнимъ деталямъ своего существованія: своего у нея было только тѣло ея и душа. Помимо этого все, чѣмъ она владѣла, было такъ ничтожно, занимало такъ мало мѣста и стоило такъ дешево, что она могла бы донести это до могилы и взять съ собой на небо, не вызвавъ протеста со стороны властей, земныхъ или небесныхъ.

Легкій шумъ, спугнувшій дѣвушку, былъ скрипомъ двери, которая, за древностію лѣтъ, покоробилась, свихнулась и еле держалась на петляхъ. Она сорвалась съ крючка, подождала немного и затѣмъ медленно, но рѣшительно распахнулась. А когда ужь некуда было дальше распахиваться, вся затряслась на мѣстѣ.

Одри выбранила дверь старой дурой, а себя трусихой. И стала увѣрять себя, что она никого и ничего не боится, пока шаги за дверью не заставили ее снова вздрогнуть. Но, когда въ дверяхъ показалось лицо миссъ Ингэтъ, окончательно успокоилась. Выраженіе лица ея, чуточку даже презрительно, говорило: „Это только миссъ Ингэтъ“.

А, между тѣмъ, миссъ Ингэтъ была не изъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ разрѣшается относиться пренебрежительно. Ей было ужь подъ пятьдесятъ; она была некрасива, толста, неэлегантна; волосы ея, уже сѣдѣющіе, были причесаны кой-какъ; по акценту и оборотамъ рѣчи въ ней сразу можно было признать уроженку Эссекса. Но у нея былъ чудесный бѣлый лобъ; глаза подъ нимъ сверкали энергіей, пытливостью, умомъ; а еще ниже, ротъ, съ насмѣшливо опущенными уголками говорилъ о томъ, что она пришла къ опредѣленнымъ выводамъ относительно человѣческой природы и что эти выводы не слишкомъ лестны для человѣчества. Она работала въ попечительствѣ о бѣдныхъ и была мѣстной представительницей Общества Попеченія о Семьяхъ Солдатъ и Матросовъ. Она изучила до тонкости и бѣдняковъ, и богачей, и промежуточныя категоріи. Она благотворила безъ иллюзій, подчинялась всѣмъ условностямъ общественной жизни, но дѣлала это какъ будто только изъ терпимости, съ презрительной усмѣшкой; въ душѣ безпощадно осуждала всякаго рода снобовъ, но въ жизни—увы!—иной разъ до глупости робѣла передъ ними—впрочемъ, не всегда.

На западъ, по всей округѣ, съ радіусомъ въ двѣнадцать миль, всѣ ее знали, и она всѣхъ знала; на востокъ, слава о ней шла до самаго моря, равнодушнаго ко всякой славѣ. Она и ея предки жили въ деревнѣ Мозъ съ незапамятныхъ временъ—пожалуй, такъ же давно, какъ м-ръ Матью Мозъ и его предки. Въ деревнѣ миссъ Ингэтъ занимала совершенно особое положеніе - мѣстной достопримѣчательности—какъ рѣка Мозъ. Сужденія, высказываемыя ею, никого не оскорбляли—ни даже самаго м-ра Моза—вѣдь, это же была миссъ Ингэтъ. Надъ ней посмѣивались, но любили и уважали ее. Въ ея проницательности былъ одинъ недочетъ, вытекавшій изъ ея искренняго убѣжденія въ томъ, что человѣческая природа въ этомъ уголкѣ Эссекса, который она такъ прекрасно понимала и знала, какъ свои пять пальцевъ, была не такой, какъ въ другихъ мѣстахъ, болѣе милой и нелѣпой. Ей не вѣрилось, что народы, живущіе далеко отъ Эссекса, могутъ быть одновременно такими же трогательными и такими же гадкими, какъ народы, живущіе по рѣкѣ Мозъ.

И, если Одри презирала миссъ Ингэтъ, то только потому, что миссъ Ингэтъ не была молода и красива, не была обладательницей хотя бы самаго плохенькаго мужа и слыла чудачкой. Но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ миссъ Ингэтъ была для Одри спасательнымъ поясомъ, полоскою свѣта въ концѣ туннеля, загадочной улыбкой на суровомъ лицѣ Судьбы.

— Ну?—вскричала миссъ Ингэтъ, не особенно благозвучнымъ голосомъ, насмѣшливо осклабившись, и углы рта ея

заранѣе иронически опустились еще ниже обыкновеннаго. какъ бы говоря:—Тебѣ не удивить меня, о какой бы глупости, гнусности, или сумасбродствѣ ты мнѣ ни повѣдала. И, все таки, я умираю отъ желанія услышать о послѣднемъ чудачествѣ кого-нибудь изъ здѣшней публики.

— Ну?—повторила Одри, не вынимая рукъ изъ-за спины.

Рукопожатіемъ онѣ не обмѣнялись. Когда люди являются съ визитомъ въ десять часовъ утра, они не могутъ ждать, чтобы ихъ привѣтствовали рукопожатіями. Тѣмъ болѣе миссъ Ингэтъ, которой разрѣшалось приходить во Фланкъ-Холлъ и въ дюжину другихъ домовъ въ любое время дня. Прислуга впускала ее съ небрежною улыбкой и, заперевъ за ней входную дверь, предоставляла ей самой, какъ кошкѣ, хорошо знакомой съ домомъ, находить что ей было нужно. Ее рѣдко „вводили“ въ гостиную, и ни одной горничной не пришло бы въ голову разыграть передъ нею маленькую и не слишкомъ убѣдительную комедію, предложивъ ей „пойти узнать“, дома ли баринъ или барыня.

— Гдѣ твоя мать?—лѣниво освѣдомилась миссъ Ингэтъ. Она была вполнѣ увѣрена, что интересныя сообщенія не замедлятъ послѣдовать, и потому не торопилась. Миссъ Ингэтъ недѣлю была въ отъѣздѣ и только наканунѣ вернулась.

— Мама принимаетъ салицилку,—отвѣтила Одри, направляясь къ двери.

Это означало только, что у м-съ Мозъ обычный приступъ ревматизма которымъ здѣсь хвораютъ всѣ пріѣзжіе.

— Ахъ, такъ?—Въ тонѣ миссъ Ингэтъ не было сочувствія. М-съ Мозъ, хоть и жила въ этой мѣстности уже двадцать-пять лѣтъ, осталась пришлой и чужой. Если ей нравилось хворать, это было ея дѣло, но въ интересахъ справедливости и изъ уваженія къ мѣстнымъ жителямъ, ей не слѣдовало такъ носиться съ этимъ и слѣдовало бы признать, что ревматизмъ могъ быть и результатомъ ея ослабленности послѣ операціи. Миссъ Ингэтъ полагала, что климатъ Эссекса—лучшій въ цѣлой Англіи: такъ оно и есть при условіи, что вы застрахованы отъ ревматизма.

— А папа поѣхалъ въ Колстеръ, встрѣчать епископа въ автомобилѣ,—холодно добавила Одри,—если бы я знала, что онъ ѣдетъ въ Колстеръ, я бы попросила его подвезти меня.

— О! Васъ бы онъ подвезъ — сдержанно согласилась Одри.—Ну что? Интересно вы провели время въ Лондонѣ?

— О! это было очень занятно. Очень занятно!

— Отецъ мнѣ не позволилъ даже прочесть отчетъ въ газетѣ,—все такъ же сдержанно продолжала Одри.—Вы знаете, онъ запрещаетъ мнѣ читать газеты вообще. Но я прочла.

— Вотъ какъ! Но тамъ, навѣрное, не написано про меня, какъ я шествовала по Риджентъ-стритъ, все время вертя ручку шарманки. Этого ты не могла прочесть, потому что про это въ газетахъ нѣтъ.

— Ну, полноте. Этого не было.—мрачно усмѣхнулась Одри.

— Нѣтъ, было! было! И, еслибы ты знала, до чего это утомительно! Ужасно! Это цѣлое искусство—вертѣть ручку шарманки. Если не вертѣть равномѣрно, звукъ поминутно срывается. О! я теперь изучила это искусство. Только шарманку мою изломали. Разбили на куски. О да! Я говорила полицейскимъ: „Зачѣмъ вы позволяете уничтожать чужую собственность?“ Но они палецъ о палецъ не ударили.

— Васъ не арестовали?

— Меня?!—взвизгнула миссъ Ингэтъ.—Меня арестовать? О нѣтъ! Меня не тронули. Какъ только началась свалка, я отошла отъ шарманки и замѣшалась въ толпу. Я всей душой стою за нихъ, но я не желаю, чтобы меня арестовывали.

Горящіе глаза миссъ Ингэтъ какъ бы добавили: „Сильвія Панкхерстъ, м-съ Деспардъ, Анни Кеннеди, Дженъ Фолей—какая угодно суфражистка — могутъ позволить арестовать себя, если имъ угодно, но чтобы я дала себя арестовать—это ужъ дудки! Не родился еще тотъ полисменъ, который бы поймалъ миссъ Ингэтъ изъ Моза. Потому что у миссъ Ингэтъ изъ Моза изворотливости и сметки больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ англійскихъ феминистокъ, вмѣстѣ взятыхъ.

— Меня арестовать? Ну нѣтъ! Это ужъ дудки! — повторила миссъ Ингэтъ, и въ голосѣ ея была и радость, и самодовольство, и страсть, и насмѣшливая терпимость ко всѣмъ людямъ, дѣламъ ихъ и дѣлишкамъ. — Полиція вела себя ужасно. Но арестована я не была.

— А я была—сегодня утромъ,—сказала Одри, негромкимъ, но какимъ-то колючимъ голосомъ.

Миссъ Ингэтъ вздрогнула и нахмурилась.

— Какъ такъ?

Внизу, подъ лѣстницей, ходила горничная, и сквозь перила бѣлой китайской балюстрады виднѣлась голова въ бѣломъ чепчикѣ. Кабинетъ былъ единственнымъ прибѣжищемъ, миссъ Ингэтъ, стоявшая у двери, прошла дальше внутрь, и Одри притворила дверь.

— Отецъ далъ мнѣ мѣсяцъ Д. А.

Миссъ Ингэтъ взглянула въ лицо дѣвушкѣ и прочла въ немъ столько отчаянія, что ея увѣренность, что ее ужъ никакими человѣческими сумасбродствами не удивишь, вдругъ пошатнулась. И взглядъ ея тотчасъ же сталъ сочувственнымъ, почти нѣжнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожнымъ.

— Д. А.? Что такое Д. А.?

— Вы не знаете, что значитъ Д. А.? Домашній арестъ. Отецъ запретилъ мнѣ втеченіе мѣсяца выходить изъ дому. А сегодня 2-е апрѣля.

— Не можетъ быть!

— Ну да. Онъ сперва посадилъ меня на недѣлю. А теперь ужь на мѣсяцъ.

Наступило молчаніе.

Миссъ Ингэтъ обвела глазами довольно обтрепанный кабинетъ, со всѣмъ его убранствомъ: ружьями, сигарными ящиками, гравюрами, книгами, ни старыми, ни новыми, лакированными шкатулками съ документами и всякимъ хламомъ, раскиданнымъ по гнутой орѣховой мебели. Въ ея собственномъ домѣ обстановка была старомодная, и она знала это, но, когда она приходила въ Франкъ-холлъ и, въ особенности, въ рабочій кабинетъ м-ра Моза, ей казалось, что она возвращается въ прошлое столѣтіе,—хотя особенно стариннаго здѣсь ничего не было, кромѣ потолковъ и деревянныхъ наличниковъ у оконъ. Но духъ хозяина и складъ его ума господствовалъ здѣсь надъ всѣмъ, превращая весь домъ въ какой-то склепъ. Шествіе суффражистокъ, въ которомъ, крадучись, принимала участіе миссъ Ингэтъ, и еще вдобавокъ съ шарманкой, вдругъ показалось ей нелѣпымъ сномъ. Затѣмъ она взглянула на юного звѣрька, котораго держали здѣсь въ плѣну, и поняла, что два столѣтія могутъ отлично умѣститься на одномъ коврѣ и что время—это условность.

— Чѣмъ же ты провинилась?—деликатно освѣдомилась она.

— Взяла за руку незнакомаго человѣка.—Одри умышленно выбирала неожиданныя слова, чтобы произвести драматическій эффектъ.

— Сегодня утромъ?

— Да. Въ восемь часовъ.

— Какъ! Развѣ у насъ въ деревнѣ есть кто-нибудь чужой?

— Да неужто же вы не видали яхты?

— Яхты?—миссъ Ингэтъ нѣсколько волновалась.

— Подите сюда, Винни. Посмотрите. — Одри иной разъ обращалась съ миссъ Ингэтъ такъ, словно она была старшей, а та младшей. Она потащила суффражистку къ окну

Межъ раздвинутыхъ темныхъ занавѣсей, сверкалъ на солнце Мозъ, вѣрнѣе, устье Моза, широкое и мелкое, не вдалекѣ вливавшееся въ море. Тамъ весело свѣтило весеннее солнышко, не заглядывая въ большую, холодную комнату Былъ часъ прилива, почти дошедшаго до полной высоты и устье рѣки имѣло видъ огромной гавани, куда заходятъ

большія суда; но черезъ шесть часовъ здѣсь останется лишь узкій ручеекъ, извивающійся межъ грязныхъ лужъ, отсвѣчивающихъ охрой, зеленью и багрянцемъ. Въ туманной дали поблескивало что-то бѣлое—это волны океана разбивались о песчаный берегъ. А на переднемъ планѣ, у заброшенной пристани, лежавшей теперь ярдовъ на двѣсти ниже деревни Пристани, стояла на якорѣ огромная яхта—навѣрно, самая большая яхта изъ всѣхъ, когда-либо заглядывавшихъ въ эту рѣчку, опасную для судоходства. Яхта была плоскодонная, нарядная, какъ катера на Темзѣ, и вся сверкала бѣлизной и блескомъ мѣди, и новымъ флагомъ на кормѣ. По ней озабоченно сновали матросы въ синихъ блузахъ, а у руля высилась грузная фигура въ синемъ съ бѣлымъ и въ остроконечной шапкѣ.

— Вчера она въ грязи увязла,—торопливо разсказывала Одри,—напротивъ Фланкской отмели, а нынче утромъ приливъ поднялъ ее. Они, должно быть, рѣшили прокатиться въ Лауэи-Гардъ, такъ какъ, все равно, приходилось ждать прилива. У нихъ есть съ собой моторная лодка, и это, должно быть, ихъ первая весенняя экскурсія. Я стояла тамъ, на плотинѣ. И даже не смотрѣла на нихъ, но они меня позвали, такъ что надо же было подойти. Они только хотѣли узнать, частная ли это собственность. Со мной заговорилъ очень пожилой господинъ. Должно быть, самъ владѣлецъ яхты. Какъ только ее привязали, онъ хотѣлъ спрыгнуть на берегъ. И сдѣлалъ это такъ неловко, что чуть не упалъ въ воду. Я протянула руку, чтобъ помочь ему. Ну, отецъ видѣлъ изъ окна... Мнѣ слѣдовало бы сообразить, что онъ увидитъ.

— Смотри! Она уходитъ!—вскричала миссъ Ингэтъ.

Яхта медленно повернулась къ пристани привязанной кормой. Потомъ отдали послѣдній канатъ, и начинавшійся отливъ увлекъ ее съ собой; какъ только она тронулась, большой ея парусъ, отпущенный, весь развернулся и сталъ похожъ на большое крыло. Какъ сонъ о счастьи, она блѣднѣла и таяла вдали, потомъ совсѣмъ растаяла, и Лаузи Гардъ сталъ вновь пустыннымъ и заброшеннымъ.

— Но развѣ ты не объяснила твоему отцу, какъ было дѣло?—допытывалась миссъ Ингэтъ.

— Конечно, объяснила. Но онъ не слушалъ. Онь, вѣдь, никогда не слушаетъ. Съ нимъ говорить все равно, что съ часами въ гостиной. Онъ страшно обозлился. Ему, кажется, нравится приходить въ бѣшенство. Кричалъ, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало быть тамъ и что это какъ разъ похоже на меня, и онъ не понимаетъ, какъ его дочь можетъ такъ

возмутительно вести себя, и что это будетъ страшнымъ ударомъ для моей бѣдной матери, и что онъ достаточно говорилъ—теперь пора ужь начать дѣйствовать. Ну, словомъ, все, какъ полагается. И требовалъ, чтобъ я сказала ему, кто этотъ „мужчина".

— А кто онъ такой?

— Почемъ же я знаю. Ради Бога, Винни, не подражайте хоть вы моему папашѣ... По моему, совсѣмъ не интересный. Вродѣ отца, только не такой старый. Вотъ галстухъ на немъ былъ роскошный; по моему, онъ сдѣланъ изъ куска одѣянія Іосифа.

Миссъ Ингэтъ звонко разсмѣялась и Одри сочувственно улыбнулась.

— О Боже!—вздохнула миссъ Ингэтъ. Какъ странно что такая дѣвушка какъ ты, не можетъ поддержать въ своемъ отцѣ хорошее настроеніе.

— Отецъ терпѣть меня не можетъ за то, что я говорю смѣшныя вещи. Когда я скажу что-нибудь смѣшное, онъ весь ажъ почернѣетъ—и потомъ ужь до конца дня говоритъ только все о мрачномъ. Онъ никогда, вѣдь, не смѣется. Мама—та иногда смѣется, но отца я смѣющимся никогда не видала. Впрочемъ, разъ видѣла. Онъ смѣялся, когда кошка упала изъ окна ванной на прокатный валъ, которымъ утрамбовываютъ газонъ на лужайкѣ. Охъ, какъ онъ хохоталъ. Даже побагровѣлъ отъ смѣха... Послушайте, миссъ Ингэтъ, вамъ не кажется, что отецъ—сумасшедшій?

— Я бы этого не сказала, — добросовѣстно, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отвѣтила миссъ Ингэтъ.—Онъ не то, что сумасшедшій—просто онъ — странный. Я на своемъ вѣку столько видала всякихъ чудаковъ... И не забудь, Одри, что у насъ народъ вообще чудаковатый.

— А я все-таки думаю, что у него что называется не всѣ дома. Онъ не выноситъ мужчинъ, въ особенности молодыхъ. И что дальше, то хуже. Вчера онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я въ этомъ году не смѣла ѣздить кататься въ лодкѣ *съ нимъ*! Онъ говоритъ, что я теперь уже не дѣвочка и мнѣ неприлично ѣздить одной. Какъ вамъ это нравится? Чѣмъ я становлюсь старше, тѣмъ меньше мнѣ даютъ свободы. Меня даже гулять не пускаютъ одну—развѣ что пошлютъ съ какимъ-нибудь порученіемъ. На лодкѣ кататься нельзя. На велосипедѣ у меня испортилась педаль, и отецъ не хочетъ отправить его въ починку. Денегъ мнѣ не даютъ. Когда я говорю, что мнѣ надѣть нечего, онъ начинаетъ страшно злиться—ну, я и молчу. А мнѣ и правда надѣть нечего. Книги я всѣ прочла, какія только у насъ есть, кромѣ этихъ глупыхъ церковныхъ и юридическихъ, которыя онъ выпи-

сываетъ изъ Лондона — даже изъ этихъ нѣкоторыя прочла. Нотъ онъ мнѣ новыхъ покупать не хочетъ. Гольфъ? Боже избави! Вы бы послушали, Винни, какъ онъ отзывается о барышняхъ, которыя играютъ въ гольфъ.

— Я слышала,—сказала миссъ Ингэтъ,—но меня это не задѣваетъ, такъ какъ я въ гольфъ не играю.

— Но самъ-то онъ играетъ, вѣдь,—и даже съ молоденькими дѣвушками. Его изловили на мѣстѣ преступленія. Мнѣ Этель разсказала. Онъ и не подозрѣваетъ, что я знаю. Онъ бы и мнѣ играть позволилъ, еслибъ въ игрѣ онъ былъ единственнымъ мужчиной. Онъ прямо съ ума сходитъ при мысли, что я могу заинтересоваться какимъ-нибудь мужчиной.

— Но, право же, онъ любитъ тебя, Одри.

— Да, я знаю. Такъ любитъ, что готовъ держать меня въ шкафу вмѣстѣ съ фарфоровыми куклами.

— Ну, это не легко.

— Вы знаете, что онъ придумалъ, чтобы заставить меня сидѣть дома безъ него? Далъ мнѣ списывать бумаги этого его дурацкаго общества.

— Я вижу, у него опять новый ящикъ,—замѣтила миссъ Ингэтъ, заглядывая въ открытый шкафъ, на одной изъ полокъ котораго стояла желѣзная шкатулка. А на шкатулкѣ, одинъ на другомъ, два лакированныхъ японскихъ ларчика, съ бѣлыми надписями на обоихъ: „Общество Національной Реформаціи“. Верхній ларчикъ былъ, видимо, только что распакованъ и весь сіялъ нетронутой, дѣвственной чистотой.

— Вамъ надо бы прочесть нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, Винни. Нѣтъ, право, тамъ есть презанятныя. Всѣ столпы общества ужасно любятъ писать другъ другу письма. Держу пари, что въ нынѣшнемъ году отецъ купитъ пишущую машинку и заставитъ меня выучиться писать на ней. У предсѣдателя есть пишущая машинка, а отецъ разсчитываетъ, что, когда тотъ уйдетъ, его самого выберутъ предсѣдателемъ. Вотъ увидите... Ой! Что это? Вы слышите?

— Да ты про что?

Вдали послышалось пыхтѣнье.

— Это моторъ. Отецъ! Онъ возвращается. Забылъ что-нибудь. Бѣжимъ скорѣй отсюда, Винни. Скорѣй! скорѣй!

У Одри билось сердце отъ ужаса при мысли, что, вернись отецъ минутой раньше, онъ могъ бы поймать ее на мѣстѣ преступленія, у кассы. Она все еще держала одну руку за спиной.

Миссъ Ингэтъ, которая, при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, легко пугалась, вслѣдъ за Одри выбѣжала изъ кабинета, и внизъ по лѣстницѣ. На полдорогѣ онѣ встрѣтили мистера Матью Моза!

Это былъ мужчина средняго роста, уже за шестьдесятъ, съ отвислыми щеками, покрытыми красными жилками; волосы его, усы и коротко подстриженная густая борода были совсѣмъ сѣдые. На немъ было толстое широчайшее пальто-ульстеръ, кожаная куртка подъ пиджакомъ, на головѣ сѣрая шапочка. На лондонской улицѣ, въ городскомъ костюмѣ, его можно было бы принять за клерка, за чиновника, за секретаря клуба, за военнаго въ отставкѣ, за поэта, или подрядчика—за кого угодно, только не за потомка длиннаго ряда сквайровъ, всю жизнь не выѣзжавшихъ изъ своего помѣстья и не умѣвшихъ представить себѣ, какъ это можно жить, не владѣя землей. Выраженіе лица его было унылое и озабоченное, но, при видѣ миссъ Ингэтъ, оно мгновенно просвѣтлѣло и озарилось привѣтливой, немного грустною улыбкой.

— Съ добрымъ утромъ, миссъ Ингэтъ,—сердечно и почтительно поздоровался онъ съ гостьей.—Какъ я радъ, что вы вернулись къ намъ!

— Съ добрымъ утромъ, м-ръ Мозъ. Очень мило съ вашей стороны, что вы очень рады. Очень любезно.

При видѣ ихъ, кому пришло бы въ голову, что у этихъ двухъ людей ничего нѣтъ общаго, кромѣ ихъ горячей привязанности къ родному уголку, что для м-ра Моза миссъ Ингэтъ и ея политическія единомышленницы—вредоносные микробы въ организмѣ націи, а она считаетъ его очень недалекимъ человѣкомъ и, вдобавокъ, тираномъ. У каждаго изъ нихъ было волшебное стекло, сквозь которое онъ видѣлъ въ другомъ только мѣстную знаменитость и ангела-хранителя родного Моза. Къ тому же, манера м-ра Моза держать себя въ обществѣ и его улыбка были неотразимы—пока его не выводили изъ себя. У него могло быть множество друзей, еслибы не его врожденная сдержанность и замкнутость, вытекавшая отчасти изъ недовѣрія къ людямъ, отчасти же изъ огромнаго, хоть и скрытаго самомнѣнія. Движущею пружиной существованія м-ра Моза было, хотя самъ онъ и не подозрѣвалъ этого, убѣжденіе, что онъ—хранитель историческихъ традицій Англіи. Отсюда самомнѣніе—сознаніе собственнаго достоинства души, посвятившей себя высокому служенію.

Одри, возмущенная лицемѣріемъ взрослыхъ, даже и стариковъ, страшно встревоженная и смущенная, повернулась, сама не зная, зачѣмъ, и снова начала подниматься по лѣстницѣ. Миссъ Ингэтъ, тоже сама не зная, зачѣмъ пошла за нею.

— Войдите. Войдите же!—взывалъ м-ръ Мозъ, стоя у дверей кабинета.

Одри, оставшаяся на площадкѣ, слышала, какъ они говорили объ важныхъ мѣстныхъ дѣлахъ, въ то время, какъ м-ръ Мозъ отпиралъ новый ящикъ, стоявшій сверху кассы.

— Я забылъ взять съ собою очень важную бумагу,— сказалъ ея отецъ, вновь запирая ящикъ.—Въ три четверти одинадцатаго у меня назначено свиданіе съ епископомъ колстерскимъ, и я боюсь, какъ бы не опоздать. Вы извините меня, миссъ Ингэтъ?

Она извинила.

Передъ уходомъ, онъ положилъ въ карманъ бумагу, осторожнымъ, любовнымъ жестомъ, ясно говорившимъ объ его страстной любви къ обществу, въ которомъ онъ уже теперь былъ вице-предсѣдателемъ. Въ Обществѣ Національной Реформаціи м-ръ Мозъ состоялъ членомъ уже одинадцать лѣтъ. Несмотря на свое названіе, этотъ союзъ богатыхъ идеалистовъ не собирался насаждать реформы въ огорчительно несовершенной Англіи. Задачею его была борьба съ католицизмомъ, какъ имъ казалось, коварно силившимся расширить кругъ своего вліянія въ Англіи, и реформація, о которой шла рѣчь, была той реформаціей, которую проповѣдывалъ Лютеръ.

Поводомъ къ вступленію м-ра Моза въ это общество была ссора его съ католическимъ священникомъ изъ Ипсвича, который вмѣстѣ съ цѣлой бандой лицеистовъ разбилъ лагерь на берегу Моза вблизи ихъ деревушки. До этой ссоры м-ръ Мозъ не представлялъ себѣ такъ ясно всей пагубности ученія папизма... Въ то время, какъ м-ръ Мозъ, снова озабоченный и угрюмый, быстро катилъ прочь изъ деревни, на встрѣчу епископу, передъ глазами его стоялъ образъ безбородаго и невозмутимаго іезуита, поддерживая въ немъ рѣшимость во чтобы то ни стало посчитаться съ Римомъ.

II. Кража не удалась.

— Дѣло въ томъ,—сказала Одри,—что у отца теперь въ домѣ вторая женщина.

По уходѣ м-ра Моза, миссъ Ингэтъ осталась въ его кабинетѣ, и, минуту спустя, Одри присоединилась къ ней.

— Вторая женщина въ домѣ? Что ты такое говоришь, Одри? Что ты такое говоришь!

Миссъ Ингэтъ вся насторожилась, въ блаженномъ ожиданіи.

— Я говорю о себѣ.

— Какая же ты женщина, Одри?

— Такая же, какъ и вы сами. Все поведеніе отца доказываетъ это.

— Но отецъ твой обращается съ тобой, какъ съ ребенкомъ.

— Вовсе нѣтъ. Онъ относится ко мнѣ, какъ къ взрослой женщинѣ. Если бы онъ считалъ меня ребенкомъ, ему не изъ за чего было бы волноваться. Мнѣ уже девятнадцать минуло.

— Ты кажешься моложе.

— Ну, разумѣется. Но могла бы казаться и старше, еслибы захотѣла. Я сама не хочу, потому что не люблю быть смѣшной. Я сразу стала бы казаться старше, еслибы отецъ пересталъ третировать меня, какъ дѣвченку.

— Ну, вотъ! Ты же сама только что говорила, что онъ относится къ тебѣ, какъ къ взрослой женщинѣ.

— Вы не понимаете, Винни. Или притворяетесь, что не понимаете. Вы никогда мнѣ ничего о себѣ не разсказывали, а я вамъ массу разсказала о себѣ. Вы сами изъ старосвѣтской семьи. Какъ съ вами обращались, когда вы были въ моемъ возрастѣ?.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Вы сами знаете, въ какомъ.—Одри впилась въ нее глазами.

— Не знаю, право, милая. У насъ это все выходило какъ-то естественно.

— Были вы съ кѣмъ-нибудь помолвлены?

— Я? О нѣтъ! Я очень интересуюсь мужчинами. И всегда интересовалась. Очень. И люблю съ ними разговаривать. Но, когда это идетъ дальше, это дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Вотъ моя старшая сестра—та умѣла водить ихъ за носъ. Она одинадцати женихамъ отказала и, когда выходила за двѣнадцатаго, заставила меня вышить монограммы всѣхъ одинадцати на подолѣ ея подвѣнечнаго платья. Приказала— ничего не подѣлаешь: пришлось исполнить. Я всю ночь передъ свадьбой просидѣла за вышиваньемъ, чтобы окончить во время.

— А какъ отнесся къ этому женихъ.

— Никакъ,—онъ и не зналъ. Никто не зналъ кромѣ насъ, Арабеллы и меня. Ей просто хотѣлось чувствовать, что она всюду таскаетъ за собой эти монограммы, только и всего.

— Какъ странно!

— Да, странно. Но, вѣдь, у насъ тутъ, вообще, народъ чудной.

— А потомъ что съ ней было?

— Белла умерла первыми родами, и ребенокъ ея тоже умеръ. А теперь и мужъ ея умеръ.

— Какой ужасъ, Винни!—прошептала Одри. И, помолчавъ прибавила:—Мнѣ нравится ваша сестра.

— Она была совсѣмъ особенная. Но я ее тоже любила. Не знаю, за что, но любила. Она умѣла дѣлать чудесное варенье—въ жизнь свою не ѣдала такого вкуснаго.

— Я бы тоже съумѣла сварить такое вкусное варенье, какого вы еще не пробовали,—сказала Одри, усаживаясь на полъ и поджимая подъ себя ножки,—но только мнѣ не позволяютъ.

— Не позволяютъ? Какъ такъ? Мнѣ казалось, что ты много хлопочешь по хозяйству.

— Нѣтъ, Винни. Я дѣлаю только одно—дѣлаю то, что мнѣ велятъ, и даже это не всегда. И, еслибы мнѣ захотѣлось сдѣлать такое вкусное варенье, какого вы еще не пробовали, первымъ дѣломъ, у насъ въ домѣ поднялся бы гвалтъ изъ-за апельсиновъ. Мнѣ не позволили бы взять, сколько мнѣ нужно. Затѣмъ, отецъ велѣлъ бы матери подробно мнѣ растолковать, какъ его надо дѣлать. А кухаркѣ тоже. И, наконецъ, самолично пришелъ бы въ кухню. И вышло бы, что варенье совсѣмъ не мое, какъ будто и не я его дѣлала, а другіе- А я была только машинкой для приготовленія варенья. Мнѣ никогда не поручаютъ никакого отвѣтственнаго дѣла—даже когда мамѣ дѣлали операцію, мнѣ не позволяли распорядиться по хозяйству--и совершенно не даютъ свободы. Наша судомойка живетъ куда свободнѣе меня. И у нея есть въ мѣсяцъ два выходныхъ дня—вечеромъ и послѣ обѣда. Когда она пишетъ письмо, ее не спрашиваютъ, кому она пишетъ. А ей всего семнадцать лѣтъ. За ней ухаживаетъ почтальонъ, который намъ приноситъ почту по утрамъ и, можетъ быть, еще двое трое другихъ, которыхъ я не знаю. И у нея есть свои деньги и она сама можетъ купить себѣ матеріи на платье. Она грубіянка и гадкая, но я подчасъ завидую ей, и мнѣ хотѣлось бы быть на ея мѣстѣ. А она презираетъ меня. Да и какъ же меня не презирать...

Миссъ Ингэтъ ничего не возразила. Она сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ и слабо, грустно улыбалась.

— Миссъ Ингэтъ, скажите же мнѣ, что мнѣ дѣлать!—вырвалось у Одри.—Должна же я что-нибудь предпринять. Что же мнѣ дѣлать?

Миссъ Ингэтъ покачала головой и крѣпко сжала губы, машинально разглаживая свое платье, голубое въ горошки.

— Не знаю.—Не могу придумать.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что я сдѣлаю.—рѣшительно заявила Одри, придвигаясь къ ней ближе,—И уже сдѣлала.

— Что же ты сдѣлала?

— Вы даете мнѣ слово держать это въ секретѣ?

Миссъ Ингэтъ кивнула головой и улыбалась, показавъ бѣлые зубы. Ея высокій бѣлый лобъ такъ и сіялъ сочувствіемъ и любопытствомъ.

— Дадите клятву?

Миссъ Ингетъ не сразу, но все же, кивн..ла головой.

— Положите мнѣ руку на голову и скажите: „Клянусь!"

Миссъ Ингэтъ повиновалась.

— Я уйду изъ этого дома,—тихо сказала Одри.

— Ну, полно, Одри!

— Пусть у меня рука отсохнетъ, если я не уйду отсюда завтра-же!

— Завтра-же?!—чуть не взвизгнула миссъ Ингэтъ.—Что ты, Одри? Подумай. Погоди. Провѣрь себя.

Одри вскочила на ноги.

— Вотъ и отецъ всегда такъ.—разсердилась она.—Все: „вдумайся"—„провѣрь себя!" Я и такъ слишкомъ много провѣряла себя. И превосходно знаю, что представляетъ собой та дѣвица, которая собирается бѣжать изъ этого дома. Отлично! Превосходно!

— Ты пугаешь меня, Одри. Куда же ты собираешься ѣхать?

— Въ Лондонъ.

— О, тогда я спокойна. Я думала, ты можетъ, собралась ко мнѣ. Въ Лондонъ ты не поѣдешь, потому что у тебя нѣтъ денегъ.

— А вотъ и есть. Цѣлыхъ сто фунтовъ!

— Откуда это?

— Помните же—вы дали клятву... Вотъ! Глядите!—Она неожиданно вынула руку изъ-за спины и замахала передъ глазами изумленной миссъ Ингэтъ смятою пачкой банковыхъ билетовъ.

— Откуда ты это взяла? Кто далъ тебѣ?

— Никто. Взяла изъ шкафа, у отца. Изъ тѣхъ, что у него отложены на всякій случай, про запасъ. Онъ ихъ держитъ въ лѣвомъ ящикѣ шкафа, въ самомъ дальнемъ углу, и такъ увѣренъ, что ихъ никто не тронетъ, что никогда даже не смотритъ, тамъ ли они. Онъ думаетъ про себя, что онъ—образецъ всякихъ совершенствъ, а на самомъ дѣлѣ онъ ужасно безпечный. Отъ денежнаго ящика у него есть запасной ключъ, и этотъ ключъ надѣтъ вмѣстѣ съ другими на кольцо, а отецъ сплошь и рядомъ оставляетъ всю связку ключей на столѣ. Онъ, должно быть, думаетъ, что никто и не догадается, что это—ключъ отъ кассы. Я знаю, онъ не провѣряетъ, тамъ ли эти деньги—вотъ ужь сколько недѣль я чуть не каждый день отпираю эту шкатулку, и деньги все время лежатъ на одномъ мѣстѣ. Они даже немного запылились. И сегодня я рѣшила взять ихъ. И взяла. Вотъ они. Когда онъ запретилъ мнѣ даже въ лодкѣ кататься безъ него. Я рѣшила съ этимъ покончить.

— Да ты понимаешь-ли, Одри, что ты сдѣлала? Вѣдь, ты украла эти деньги!—растерянно воскликнула миссъ Ингэтъ. Такого сумасбродства, даже отъ уроженки Эссекса она не ожидала.

— Вы забываете, миссъ Ингэтъ,—торжественно возразила Одри,—что кузина Каролина, которая умерла въ прошломъ году, оставила мнѣ наслѣдство—двѣсти фунтовъ,—а мнѣ изъ этихъ денегъ не дали ни одного пенни. Я заикнулась было но отецъ отказалъ наотрѣзъ. Ну, вотъ я и взяла себѣ половину. Другую половину онъ можетъ оставить себѣ за труды.

Миссъ Ингэтъ такъ и застыла съ разинутымъ ртомъ.

— Но нельзя же тебѣ ѣхать въ Лондонъ одной. Ты не будешь знать, что начать.

— Нѣтъ, буду. Я уже все обдумала. Я одѣнусь въ лучшее свое платье. Выйдя съ вокзала, я возьму моторъ. У меня записаны адреса трехъ пансіоновъ, изъ „Дэйли-Телеграфъ" и всѣ три въ Блумсбери. Я буду брать уроки стенографіи въ школѣ Питмана, выучусь на машинкѣ и поступлю на мѣсто. А имя мое будетъ: Вавасёръ.

— Тебя поймаютъ.

— Нѣтъ. Я сперва поѣду въ Ипсвичъ, а оттуда возьму билетъ въ Лондонъ. Такую, какъ я, не такъ то легко поймать.

— Ты очень хитрая.

— Это у меня мамино. Она всегда страшно хитритъ съ отцемъ.

— Одри,—съ странной усмѣшкой выговорила миссъ Ингэтъ,—я не знаю, хорошо ли я дѣлаю, что сижу тутъ и слушаю тебя. Ты разсоришь меня съ твоимъ отцемъ, потому что если ты и вправду уѣдешь, я не съумѣю скрыть отъ него, что я заранѣе обо всемъ знала.

— Тогда не надо было давать клятвы,—возразила Одри.— А, все таки, я рада, что вы поклялись, потому что мнѣ надо было сказать кому-нибудь, а больше некому было, кромѣ васъ.

Миссъ Ингэтъ, можетъ быть, и съумѣла бы найти въ своемъ умѣ, которымъ она втайнѣ такъ гордилась, какой-нибудь выходъ изъ этого критическаго положенія, но въ этотъ моментъ въ комнату вошла м-съ Мозъ, съ обвязаннымъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ головой, и въ комнатѣ сразу запахло невральгіей и одеколономъ.

Когда обѣ женщины оправились, наконецъ, отъ прилива нѣжности, вызваннаго въ нихъ встрѣчей послѣ долгой—цѣлыхъ десять дней!—разлуки, Одри уже не было въ комнатѣ. Она исчезла безъ слѣда. Матери она не боялась и знала, что

миссъ Ингэтъ не выдастъ ея, хотя м-съ Мозъ и была очень дружна съ миссъ Ингэтъ, что могло быть опасно. Но дѣвушка была въ эту минуту слишкомъ переполнена собой, чтобъ быть среди другихъ людей; притомъ же, несмотря на свою вѣру въ честность миссъ Ингэтъ, старая дѣва представлялась ей теперь, послѣ ея исповѣди, сосудомъ, налитымъ до краевъ роковой жидкостью, которая, если ее случайно разольютъ, можетъ погубить всѣхъ,—и она боялась даже смотрѣть въ сторону миссъ Ингэтъ.

На дворѣ щенокъ-таксикъ, недавно только утѣшившій миссъ Ингэтъ въ утратѣ ея любимой китайской собачки, расхаживалъ вокругъ сидѣвшаго на цѣпи двороваго пса, ея друга и покровителя. Когда появилась Одри, щенокъ тотчасъ, въ припрыжку, побѣжалъ за нею въ садъ, по отлогому откосу. Цѣпная же собака, зная, что ея никто не имѣетъ права спустить съ цѣпи, кромѣ всемогущаго божества, м-ра Мова, единаго подателя всѣхъ благъ и золъ, со вздохомъ обошла вокругъ своей конуры и улеглась въ растяжку, печально вздыхая.

Паркъ, переходившій сперва въ фруктовый садъ, потомъ просто въ запущенный и рѣдкій молоднякъ, заканчивался оградой, которая была почти въ одномъ уровнѣ съ дамбой и отдѣлялась отъ нея только сточной канавой и полоской изумруднаго луга. Одри инстинктивно оглянулась назадъ, не слѣдитъ ли за нею кто-нибудь.

Фланкъ-Холлъ, втеченіе ста лѣтъ носившій имя „Новой усадьбы“, представлялъ собою весьма приличный помѣщичій домъ стиля Георгіанской эпохи въ теплыхъ тонахъ съ красивой деревянной рѣзьбой; и, подобно большинству такихъ домовъ въ Эссексѣ, вполнѣ гармонировалъ съ ландшафтомъ. Его слуховыя окна и тонкія трубы такъ и горѣли на солнцѣ между темныхъ обнаженныхъ стволовъ; они одни плѣнили бы воображеніе лондонца, обладающаго драгоцѣнными аттрибутами, къ счастью, все чаще встрѣчающимися среди просвѣщеннаго средняго сословія: — автомобилемъ, воспитаннымъ вкусомъ и кое-какими познаніями въ архитектурѣ и желаніемъ попасть въ дворянство. Одри терпѣть не могла своей родной усадьбы. Для нея домъ былъ послѣдней ступенью банальности и всякаго неряшества. Она представить себѣ не могла ничего, менѣе романтичнаго. Ей вспоминался нижній этажъ въ холодныя мартовскія утра, когда ни въ одной комнатѣ не топилась печка, кромѣ столовой, гдѣ въ каминѣ теплился красный огонекъ, и она сама лѣниво блуждающая по комнатамъ, безъ дѣла, безъ занятія, безъ развлеченій, не зная куда дѣвать себя, къ чему стре

миться и о чемъ стараться; потомъ, верхній этажъ—пустыня съ желѣзными кроватями и желтыми комодами, фаянсовые умывальники съ отбитыми носами или ручками у кувшиновъ, островки ковровъ, и мать ея, злобно и устало препирающаяся съ служанкой изъ-за невынесенаго ведра помоевъ. И эти образы ея домашней жизни, неизгладимо запечатлѣвшіяся въ ея душѣ, приводили ее въ отчаяніе.

Рѣку она любила, и заливъ, и все, что съ нимъ связано—красныя лодки, чудеснымъ образомъ всплывающія на поверхность мелкихъ лужъ у набережной Моза; бурные приливы въ дни весенняго равноденствія, когда устье рѣки превращалось въ пѣнящійся грозный океанъ, и брызги пѣны хлестали черезъ дамбу, осеннія грозы, выкупавшія желтую тоску мертвыхъ закатовъ, стаи дикихъ птицъ, ранними утрами, съ крикомъ носившихся надъ милями ничѣмъ не прикрашенной грязи, и охотниковъ за утками, притаившихся на плотахъ за движущеюся завѣсой тонкихъ камышей, и таинственные силуэты пароходовъ и военныхъ судовъ тамъ, вдали, за песками... Парусъ уходившей яхты горѣлъ теперь отчетливо на фонѣ песковъ, и сердце дѣвушки больно сжималось—это уходила свобода. Ей вспомнился хозяинъ яхты; онъ былъ такъ учтивъ и почтителенъ... навѣрно, добрый... онъ обращался съ ней, какъ съ взрослой женщиной... О, быть балованной и капризной женой такого человѣка, приказывать движеньемъ головы, порабощать улыбкой, мгновенно получать все, что захочется, давать совѣты и рѣшать, и тратить деньги, не считая, щедро помогать бѣднякамъ, быть обожаемой тѣми, кого ты выручила изъ бѣды, дарить всѣхъ счастьемъ на своемъ пути... и быть свободной!..

Щенокъ, наскучивъ такимъ равнодушіемъ къ нему, началъ лаять и прыгать на нее. Одри схватила его на руки. страстно цѣлуя, а щенокъ вертѣлъ отъ восторга хвостомъ и любовно лизалъ ей уши. Цѣлуя его, она цѣловала любящихъ пожилыхъ мужей, иную жизнь, свой идеалъ освобожденія. Но собачкѣ скоро надоѣло сидѣть у Одри на рукахъ; она вырвалась, прыгнула, соскочила на землю, опрокинулась и тотчасъ поднялась, отфыркиваясь, съ перепачканной землею черной мордочкой...

И вопросительно посмотрѣла на дѣвушку... Снизу она казалась такой странной, въ этомъ короткомъ синемъ платьѣ Лобъ у нея былъ выпуклый, и глаза изъ-подъ него смотрѣли, точно изъ туннеля. Но какіе живые, яркіе огневые глаза, вспыхивающіе и гаснущіе! Какъ зеркала, нѣжно и вѣрно отражающіе тайное общеніе между ея душою и душою міра. Щеки у нея были полныя и большой ротъ, красный,

какъ спѣлая вишня, задорный и просящій поцѣлуя. А посерединѣ до нелѣпости маленькій носикъ, ничѣмъ не замѣчательный и ничего не выражающій. Зато цвѣтъ лица дивный, выше всякихъ сравненій. Погладить эту смуглую пушистую щечку (приглядѣвшись, на ней можно было разглядѣть чуть замѣтный пушокъ) даже просто глядѣть на нее--какое наслажденіе!.. Одри сама считала себя пикантной и хорошенькой, и не ошибалась. Руки у нея были длинныя.

Вѣтеръ, пахнувшій ей въ лицо, кольнулъ ее въ сердце напоминаніемъ, что она—узница. Она не имѣетъ права пойти ни вонъ въ ту деревушку, что налѣво, ни въ солончаки направо, ни даже къ дамбѣ, на которой зазеленѣли камыши и травы. И рѣка теперь стала запретной для нея, и извилистая дорога, по склону поднимающаяся къ Колстеру. Все ея существо бѣшено возмущалось противъ такой несправедливости. Ненависть къ отцу кипящей лавой клокотала въ ея сердцѣ. Она давно ужь перестала даже пытаться объяснить себѣ его поступки. И презирала себя за безразсудный страхъ передъ нимъ, за то, что она такъ робѣетъ и не смѣетъ слова возразить ему. Она не понимала, какъ можетъ кто-нибудь дружить въ нимъ. А, вѣдь, онъ въ околодкѣ важная персона—его всюду встрѣчаютъ съ привѣтомъ и почетомъ. И онъ умѣетъ разговаривать со всякими людьми и ласково и дружественно. Съ миссъ Ингэтъ они способны разговаривать часами. А вѣдь она, Одри, отлично знаетъ, что мнѣніе миссъ Ингэтъ объ отцѣ не слишкомъ расходится съ ея собственнымъ. И каждый разъ, какъ она видѣла отца съ миссъ Ингэтъ вмѣстѣ, она мысленно говорила миссъ Ингэтъ: „Ты измѣняешь мнѣ“...

Какъ же это могло случиться, что она довѣрила миссъ Ингэтъ свою страшную тайну? Теперь ей ужь казалось, что этого вовсе и не было, что она ничего не сказала миссъ Ингэтъ. И она снова принималась обдумывать планъ бѣгства Послѣ обѣда отецъ обыкновенно уѣзжаетъ, а завтра днемъ и матери ея не будетъ дома. Она возьметъ у мамы саквояжъ полегче, уложитъ въ него немного бѣлья, два лучшихъ платья, вуаль—тоже изъ материна гардероба. И уѣдетъ съ поѣздомъ въ 4 часа 5 минутъ. Начальникъ станціи въ это время сидитъ за чаемъ. На станціи будетъ только носильщикъ и телеграфистъ: ни тотъ, ни другой не посмѣютъ ничего сказать ей. Она возьметъ обратный билетъ до Ипсвича, а въ Ипсвичѣ уже возьметъ другой, въ Лондонъ. Адреса пансіоновъ у нея вырѣзаны и лежатъ въ портмонэ. Въ Лондонѣ придется кой-что прикупить. Она знаетъ два магазина — Гарродъ и Шульбредъ — по каталогамъ. И на другой же день послѣ пріѣзда въ Лондонъ она посту-

пить въ школу Питмана. Первый пятифунтовый билетъ она размѣняетъ на станціи и попроситъ, чтобъ ей дали побольше серебра... Одри посмотрѣла на колоссальное богатство, все еще лежавшее смятымъ въ рукѣ и бережно спустила его за воротъ... Украла? Она съ презрѣніемъ отвергла эту мысль. Ея поступокъ по отношенію къ отцу не преступленіе, а месть... А въ Лондонѣ ея ужь не найти. Это немыслимо. Планъ придуманный ею, казался ей во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ, кромѣ одного. Не такой она человѣкъ, чтобъ выполнить его. Очень ужь она робкая. Навѣрное, другой такой трусихи нѣтъ на свѣтѣ. Одри вспоминались не частыя, но жуткія минуты, когда ей съ матерью приходилось бывать въ чужихъ гостиныхъ. А все таки она осуществитъ задуманное, еслибъ ей даже пришлось умереть отъ страха. Въ ней сидитъ что-то такое, что заставитъ ее это сдѣлать. Это „что-то" не давало ей счастья—наоборотъ, пугало ее, но не покоряться этой внутренней силѣ она не могла.

Что-то необычное на дорогѣ, ведущей изъ Колстера къ деревнѣ, привлекло ея вниманіе. То была ручная телѣжка подталкиваемая какимъ то мужикомъ и полицейскимъ инспекторомъ Киблемъ, котораго она любила. А за телѣжкой гурьбой шли жители деревни, но безъ дѣтей—дѣти въ эти часы учатся въ школѣ. Кромѣ какъ въ воскресные дни Одри никогда раньше не видала такого множества крестьянъ, за разъ и шли они какъ будто съ поля, не отъ деревни, а къ деревнѣ А телѣжка была прикрыта парусиной... Она вдругъ догадалась,—что-то случилось.—Побѣжала напрямикъ черезъ садъ и очутилась у главнаго подъѣзда за полминуты раньше, чѣмъ телѣжка. Маленькая собачка, обрадованная нежданнымъ новымъ приключеніемъ, съ восторгомъ прыгала и лаяла у ея ногъ, затѣмъ бросилась навстрѣчу инспектору Киблю и телѣжкѣ.

— Бѣгите, скажите мамашѣ, миссъ Мозъ,—громкимъ шепотомъ сказалъ Одри инспекторъ Кибль.—Бѣда случилась. Онъ угодилъ съ моторомъ въ канаву возлѣ Ардлейскаго, перекрестка, свернувъ съ дороги, чтобъ не раздавить цыплятъ.

М-ръ Мозъ, слишкомъ поспѣшивъ навстрѣчу епископу Колчестерскому, встрѣтилъ кого-то поважнѣй епископа...

У Одри сжалось сердце. Она глянула на недвижныя очертанія тѣла, обрисовывавшагося подъ парусиной, и бросилась бѣжать.

Въ столовой, у камелька, гдѣ теплился огонь, м-съ Мозъ и миссъ Ингэтъ вели интимную бесѣду.

— Мама!—крикнула Одри и какъ снопъ свалилась на полъ.

— Батюшки! Да она въ обморокѣ!—воскликнула миссъ Ингэтъ вдругъ охрипшимъ голосомъ.

III. Наслѣдство.

Одри и миссъ Ингэтъ сидѣли въ кабинетѣ покойнаго м-ра Матью Моза, привлеченныя туда, какъ и все время, вещью, которая, по смерти своего владѣльца, съ каждымъ часомъ становилась все болѣе загадочной и грозной—его несгораемой кассой. День былъ чудесный. Слышно было, какъ м-ръ Коуль, вторая и еще болѣе грандіозная загадка, для обѣихъ,—ходилъ скрипя сапогами по гравію. М-ръ Коуль былъ секретарь Общества Національной Реформаціи.

Неожиданно скрипъ умолкъ.

— Онъ пошелъ куда-нибудь въ другое мѣсто,—рѣшила Одри.

— И слава Богу!—подхватила миссъ Ингэтъ.—Терпѣть его не могу! Ушелъ бы онъ куда-нибудь подальше.

— Въ самомъ дѣлѣ? Терпѣть его не можете?—съ удивленіемъ и съ видомъ превосходства переспросила Одри.

Но втайнѣ Одри сама была рада, хотя теперь она была госпожей въ домѣ, такъ какъ мать ея слегла и могла бы велѣть м-ру Коулю уйти, съ увѣренностью, что онъ выполнитъ приказъ. Она сама дивилась нелогичности своихъ чувствъ и мыслей. Въ первые дни послѣ смерти отца ей нерѣдко приходилось дивиться этому.

Такъ, напримѣръ: она была свободна; она знала, что мать не станетъ навязывать ей своей воли, скорѣе будетъ слушаться ея; что никогда ужь больше не будетъ она, Одри, рабою неразумнаго тирана—и, однакоже, на душѣ у нея было мрачно и будущее казалось не сулило ничего хорошаго. Она ненавидѣла неразумнаго тирана—теперь, когда онъ умеръ, она грустила о немъ. И, хотя искренно была огорчена смертью отца, ей непріятно было слышать панегирики ему въ деревнѣ, особенно отъ тѣхъ, съ кѣмъ отецъ ссорился. Когда миссъ Ингэтъ начинала перечислять хорошія качества покойнаго—его пріятность въ обхожденіи, прелестную улыбку, любезность, неподкупность—дѣвушка останавливала ее: она не въ состояніи была этого слышать. Никогда еще, казалось ей, дочь не питала такихъ странныхъ чувствъ по отношенію къ умершему отцу, какъ она къ м-ру Мозу. Мысль о предстоящемъ слѣдствіи и допросѣ наводила на нее ужасъ, а все оказалось смѣшными пустяками. Въ одномъ изъ писемъ, которыя она еженедѣльно писала своей обожаемой подругѣ Этель въ Маннинтри, она увѣряла даже будто слѣдователь похожъ на дятла. Возможно-ли, чтобы

огорченная дочь способна была подмѣчать такія вещи во время слѣдствія по поводу скоропостижной смерти отца?

Похороны были очень торжественныя, руководилъ всѣмъ гробовщикъ, а еще больше м-ръ Коуль. Мѣстныхъ жителей и знакомыхъ изъ округа съѣхалось множество, но родственниковъ было мало. Младшіе братья м-ра Моза всѣ четверо жили за моремъ; у м-съ Мозъ своихъ знакомыхъ, повидимому не было. Мадамъ Пиріакъ, дочь первой жены м-ра Моза отъ перваго брака—первый разъ онъ былъ женатъ на вдовѣ—прислала изъ Парижа сочувственную телеграмму. Изъ Будбриджа пріѣхало два-три кузена.

И вотъ именно обращеніе этихъ кузеновъ, людей серьезныхъ, пожилыхъ, вдвое и втрое старше ея, заставило Одри понять, что ея положеніе въ обществѣ отнынѣ совершенно измѣнилось. По ихъ почтительности было видно, что въ ихъ глазахъ будущая хозяйка и владѣлица Фланкъ-Холля—не м-съ Мозъ, а Одри. И Одри соглашалась, что кузены правы. Но ей не доставляло удовольствія отдавать приказанія. Тонъ ея былъ рѣшительный и твердый, но про себя она знала, что это—только видимость, а рѣшительности никакой въ себѣ не чувствовала. Она прежде все обижалась что на нее не возлагалось никакой отвѣтственности, теперь же, когда эта отвѣтственность была, руки ея дрожали, и она готова была бросить свою ношу и убѣжать отъ нея, какъ отъ бомбы, еслибы не была слишкомъ труслива, чтобы выказать свою трусость.

Напримѣръ, съ Эгвиларомъ, главнымъ садовникомъ и механикомъ, она вела себя совсѣмъ по дѣтски. Она терпѣть не могла Эгвилара; и мать ея терпѣть его не могла, и слуги тоже. Слѣдователю онъ показалъ, что автомобиль былъ въ полной исправности, но что м-ръ Мозъ былъ слишкомъ раздражителенъ, чтобы хорошо управлять автомобилемъ. Онъ показывалъ истинную правду, но слѣдователю тоже не понравилась его манера. И на деревнѣ его осуждали. Не хорошо такъ говорить о покойникѣ. У Эгвилара было только два хорошихъ качества—честность и знаніе дѣла—качества рѣдкія и именно потому возбуждающія скорѣе зависть, чѣмъ восторгъ. Одри страшно хотѣлось вышвырнуть его за бортъ; ей тошно было видѣть среди деревьевъ его неласковое, грубое лицо. Но, тѣмъ не менѣе, его не трогали, и онъ надоѣдалъ всѣмъ въ кухнѣ, не давалъ требуемыхъ овощей, доказывалъ, что автомобиля уже не поправить, и онъ теперь не стоитъ ни гроша и жаловался на боли въ печени. У Одри были ноги, былъ языкъ; она владѣла даромъ членораздѣльной рѣчи. Ни въ желаніи, ни во власти избавиться отъ непріятнаго садовника у нея недостатка не было. И, однакожъ,

у нея не хватало духу подойти къ Эгвилару и сказать ему: „Вы можете искать себѣ другого мѣста. Я вамъ даю недѣлю сроку.“ Почему? На этотъ вопросъ она не умѣла отвѣтить, и это роняло ее въ собственныхъ глазахъ.

Такъ же нелѣпо все вышло и съ кассой. Кассу нельзя было открыть. Деревня, переживъ четыре дня волнующихъ и жуткихъ впечатлѣній, послѣ похоронъ переживала тягостную реакцію обычной скуки. Она страдала бы еще больше, еслибъ не провѣдала о томъ фактѣ, что касса была заперта и ее нельзя открыть. Погружаясь въ глубокое уныніе на утро послѣ погребенія, деревня все же говорила себѣ: „Романъ еще не конченъ; интересное еще впереди: ключъ отъ кассы потерянъ, а въ кассѣ завѣщаніе старика Моза. Кто знаетъ, что въ немъ, въ завѣщаніи?„

Но въ деревнѣ не знали, что отъ кассы было два ключа и что оба ключа потеряны. Никто не зналъ этого, кромѣ Одри, миссъ Ингэтъ и м-ра Коуля. Одинъ ключъ, всѣмъ извѣстный, былъ потерянъ потому, что исчезло, вообще, кольцо съ ключами. Предполагалось, что оно выскочило изъ кармана м-ра Моза во время крушенія автомобиля. Его усиленно искали, но не могли найти. Что же касается запаснаго ключа Одри не могла вспомнить, куда она дѣвала его послѣ кражи во время которой ее спугнуло появленіе миссъ Ингэтъ. Ей то казалось, что она оставила ключъ въ дверцѣ, то—что она держала ключъ въ правой рукѣ (а деньги въ лѣвой) когда вошла миссъ Ингэтъ; а черезъ минуту она увѣряла, что передъ приходомъ миссъ Ингэтъ, она подбѣжала къ письменному столу и сунула запасный ключъ обратно въ ящикъ. Какъ бы то ни было, и второй ключъ не находился. Одри на всякіе лады обсуждала эту дилемму съ миссъ Ингэтъ, которая любезно согласилась погостить у нихъ. Онѣ перебирали всѣ детали, кромѣ кражи учиненной Одри—объ этомъ обѣ деликатно умалчивали. Въ концѣ концовъ онѣ рѣшили, что, можетъ, лучше не скрывать что Одри извѣстно было о существованіи второго ключа, и сказали объ этомъ м-ру Коулю, потому что онъ случился подъ рукой. И напрасно это сдѣлали, ибо м-ръ Коуль повелъ себя весьма характерно и не обычно, что имъ слѣдовало предвидѣть.

Наканунѣ похоронъ, м-ръ Коуль прислалъ телеграмму откуда то изъ Девоншира, что онъ пріѣдетъ на похороны, въ качествѣ представителя Общества Національной Реформаціи, и просилъ разрѣшенія переночевать, подъ предлогомъ, что ему не попасть во время къ погребенію, если онъ отложитъ свой отъѣздъ до слѣдующаго утра. Телеграмма была, вообще, презанятная. Пріѣхалъ онъ къ обѣду и оказался грузнымъ мужчиной, лѣтъ тридцати восьми, рыжимъ,

съ низкимъ, вкрадчивымъ голосомъ и съ маленькимъ ручнымъ саквояжикомъ. Онъ мало говорилъ о Національной Реформаціи, но очень много о покойномъ м-ръ Мозѣ, съ которымъ былъ повидимому, очень близокъ и druженъ—надо полагать, подружились они при встрѣчахъ на Собраніяхъ Общества. Послѣ обѣда онъ, не торопясь, подошелъ къ буфету, открылъ ящикъ сигаръ покойнаго и, замѣтивъ, что ему хорошо знакома эта марка, такъ какъ м-ръ Мозъ часто угощалъ его сигарами, сказалъ, что ему хотѣлось бы выкурить сигарочку въ память усопшаго. Это встревожило миссъ Ингэтъ. Онъ выкурилъ цѣлыхъ четыре сигарочки въ память покойнаго и, удаляясь въ свою комнату, захватилъ съ собой еще четыре на ночь, выяснивъ, что онъ спитъ, вообще, очень плохо.

Утромъ онъ съ восьми часовъ засѣлъ въ ванной и сидѣлъ тамъ до полудня, читая и куря сигары и все время подбавляя въ ванну горячей воды. Потомъ вышелъ, разнѣженный, попросилъ миссъ Мозъ не безпокоиться относительно его завтрака и любезно принялъ на себя распоряженіе обрядомъ погребенія. Послѣ похоронъ онъ объявилъ, что уѣдетъ завтра, но тайна кассы приковывала его къ этому дому. Узнавъ о существованіи втораго ключа, онъ организовалъ тщательные поиски въ кабинетѣ, причемъ обшарилъ всѣ углы и кстати просмотрѣлъ всѣ документы, лежавшіе въ столѣ, говоря, что ему извѣстно о намѣреніи покойнаго оставить крупную сумму его Обществу, и онъ не вправѣ покинуть Мозъ, пока не будетъ отыскано завѣщаніе.

Одри, конечно, слѣдовало тотчасъ же телеграфировать повѣренному ея покойнаго отца въ Челмсфордъ. Или же пригласить спеціалиста по отпиранію несгораемыхъ кассъ, или взломщика изъ Колстера. Но она не сдѣлала ни того, ни другого. Имѣя полную возможность сдѣлать все по своему, она только откладывала. И сама себѣ дивилась, ибо до дня смерти отца рѣзко критиковала ошибки абсолютной власти.

На площадкѣ послышались тяжелые полицейскіе шаги м-ра Коуля.

— Онъ словно говоритъ: „иду на васъ"! — вскричала миссъ Ингэтъ, немножко испугавшись и сама подтрунивая надъ своею трусостью: — Нѣтъ, правда. Ты знаешь, Одри, онъ мнѣ сначала нравился, но теперь я боюсь его. Прямо боюсь. И я убѣждена, что онъ красить усы. Нельзя ли попросить его, чтобы онъ уѣхалъ.

— Неужели у него усы крашенные, Винни? Какъ смѣшно!

Опасенія миссъ Ингэтъ оправдались. Раздался стукъ въ дверь кабинета, тихій, настойчивый—и угрожающій; стучавшій былъ м-ръ Коуль. Онъ вошелъ, улыбаясь серьезно и немного грустно, однакожь, съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ помучить тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ. Цвѣтущій, грузный, жирный и зловѣщій, своей развязностью онъ представлялъ разительный контрастъ съ Одри, такой юной, чистой и безыскусственной въ ея новомъ, траурномъ платьѣ, и даже съ миссъ Ингэтъ, блѣдной и пожилой, но все-жь наивной и невинной. М-ръ Коуль походилъ на большаго звѣря, добродушно расхаживающаго по клѣткѣ, въ которую посажено, на забаву ему и на удовлетвореніе его голода, два кролика.

Вытащивъ изъ кармана своего обширнаго жилета ключикъ, онъ освѣдомился своимъ вкрадчивымъ голосомъ, такимъ тихимъ и знаменательнымъ:

— Не это ли ключикъ отъ кассы?

И деликатно передалъ его Одри.

— Его нашли во рву? — спросила Одри, краснѣя, ибо знала, что этотъ ключъ не могъ быть найденъ тамъ, во рву—знала по особой зазубринкѣ на бородкѣ ключа, что это былъ ключъ, потерянный ею самой.

— Нѣтъ,—сказалъ м-ръ Коуль: — ключикъ я самъ нашелъ, и не въ канавѣ. Помнится, вы изволили говорить, что вы давеча ходили къ портнихѣ на деревню и оставили у нея ваше старое платье?

— Развѣ?—удивилась Одри и еще гуще покраснѣла.

М-ръ Коуль кивнула головой.

— И у меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, ключъ, былъ у васъ, и вы оставили его въ карманѣ платья. Ну, я и догадался пойти къ портнихѣ и спросить у нея платье, конечно, отъ вашего имени—и вотъ, глядите.

Онъ указалъ на ключикъ, лежавшій на длинной, тонкой ладони Одри.

— Но какимъ же образомъ этотъ ключъ могъ попасть ко мнѣ, м-ръ Коуль? — наивно схитрила Одри. — Зачѣмъ онъ могъ быть у меня?

— Объ этомъ вамъ ужъ лучше знать, миссъ Мозъ,—отвѣтилъ онъ какимъ-то особеннымъ тономъ и съ особенною усмѣшкой.—Прикажете попробовать, подходитъ ли?

Властнымъ движеніемъ онъ снова взялъ ключъ изъ рукъ Одри и грузная фигура его нагнулась надъ кассой. Воспользовавшись этимъ, миссъ Ингэтъ за его спиной состроила насмѣшливую и въ то же время испуганную гримасу; Одри хотѣла было отвѣтить тѣмъ же, но самообладанія не хватило. Однакоже, она заставила себя сказать, по адресу наклоненной спины м-ра Коуля:

— Вы *не могли* найти ключа въ карманѣ моего стараго платья, м-ръ Коуль.

— А почему?—благосклонно освѣдомился онъ, разгибаясь и поворачивая къ ней свою лохматую рыжую голову. Даже въ этотъ волнующій моментъ Одри способна была спрашивать себя, дѣствительно ли его роскошные усы крашеные.

— Потому что въ томъ платьѣ нѣтъ кармановъ.

— Вѣрно,—послѣ маленькой паузы подтвердилъ м-ръ Коуль.—Я, вѣдь, только сказалъ, что мнѣ пришла счастливая мысль—вѣдь, мысль то, все-таки, была удачная—посмотрѣть, не оставили ли вы ключика въ карманѣ. Кармана не было, но ключикъ я нашелъ за поясомъ въ подкладкѣ—тамъ есть прорѣшка... Должно быть, вы—*второпяхъ*—сунули его туда. — Онъ какъ-то особенно подчеркнулъ это слово „*второпяхъ*".—Да, ключъ отъ кассы,—заключилъ онъ, когда тяжелая дверь кассы безшумно отворилась.

Впервые Одри почувствовала себя воровкой, видя передъ собой знакомую внутренность несгораемаго шкафа, нѣсколько дней тому назадъ ограбленнаго ею.—„Ужели это правда—думала она—что я дѣйствительно, взяла у папы деньги изъ этого шкафа и что они сейчасъ лежатъ у меня въ комнатѣ, между страницъ „Путешествія въ Палестину"?

М-ръ Коуль осторожно перебиралъ документы, которыми биткомъ набито было верхнее отдѣленіе кассы, надъ выдвижными ящиками. Одри никогда не интересовалась этими документами. Низменное созданіе искало только денегъ. Никакія бумаги не дали бы ей свободы. Но теперь она со страхомъ думала: „Моя судьба—въ этихъ документахъ". И была готова услыхать, что отецъ ея въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ невѣроятную глупость...

— А вотъ это какъ будто завѣщаніе, — сказалъ м-ръ Коуль, ухмыльнувшись себѣ въ бороду, и вытаскивая листокъ бумаги небольшаго формата, сложенный и надписанный.—Да. Такъ и есть. Помѣчено истекшимъ годомъ.

Онъ развернулъ документъ; оттуда выпало письмо. Онъ положилъ письмо на столикъ, случайно очутившійся около шкафа и вручилъ Одри завѣщаніе тѣмъ самымъ жестомъ какимъ онъ давеча поднесъ ей ключикъ.

Одри стала читать—и не могла разобрать почерка.

— Можетъ быть, вы прочтете, миссъ Ингэтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не могу!—взволнованно залепетала та.—Право же, не могу. Я не умѣю читать завѣщаній. Они всегда такія какія-то курьезныя. Да со мной и очковъ нѣтъ.—Она немножко покраснѣла.

— Можетъ быть, разрѣшите *мнѣ* прочесть и сообщить вамъ его содержаніе?—предложилъ м-ръ Коуль.—Нескром-

ности съ моей стороны тутъ быть не можетъ, ибо послѣ утвержденія всякое завѣщаніе становится, такъ сказать, общимъ достояніемъ и можетъ быть прочитано любымъ желающимъ, за шиллингъ.

Онъ взялъ документъ и необычно долго читалъ его, вглядываясь въ каждую строчку, переворачивая страничку то въ одну сторону, то въ другую.

Одри, сгоравшая отъ нетерпѣнія, твердила про себя:—Ну вотъ, онъ теперь уже знаетъ, а я еще не знаю. Онъ знаетъ, а я не знаю. Онъ уже знаетъ, а я все еще не знаю.

Наконецъ, м-ръ Коуль сообщилъ:

— Завѣщаніе самое обыкновенное. Все свое состояніе завѣщатель оставляетъ пожизненно своей супругѣ, м-съ Мозъ, а послѣ ея смерти, вамъ, миссъ Мозъ. Только два имени и упомянуто. Да еще десять фунтовъ Джемсу Эгвилару, садовнику. А акціи Закатехасскаго Нефтянаго Промысла—Обществу Національной Реформаціи. Могу подтвердить, что завѣщатель при мнѣ высказывалъ свое намѣреніе оставить Обществу именно эти акціи. Мы предпочли бы деньги, ибо за нихъ не платятъ пошлины, но у м-ра Моза, конечно, были достаточныя основанія такъ поступить. Ну-съ, а теперь, позвольте мнѣ проститься съ вами, медамъ,—неожиданно закончилъ онъ, не сдѣлавъ паузы.—Миссъ Мозъ, прошу васъ передать вашей матушкѣ мое почтеніе, глубокое сочувствіе и благодарность за ея милое гостепріимство. Прощайте, миссъ Ингэтъ... Почему вы на меня такъ странно смотрите, миссъ Ингэтъ?

— Вы сами, м-ръ Коуль, немного странный человѣкъ. Можно узнать, вы здѣшній? Вы гдѣ родились?

— Въ Клактонѣ, миссъ Ингэтъ.

— Я такъ и думала,—сказала миссъ Ингэтъ, и уголки ея губъ сардонически опустились.

— Пожалуйста не безпокойтесь провожать меня,—говорилъ м-ръ Коуль. Вещи мои уже уложены. Горничной я ужъ далъ на чай, и я какъ разъ успѣю попасть на ближайшій поѣздъ.

И онъ ушелъ, оставивъ обѣихъ женщинъ въ полномъ недоумѣніи.

Немного погодя, миссъ Ингэтъ сухо замѣтила:

— Онъ такой странный, что я была увѣрена, что онъ не изъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Откуда онъ узналъ, что я оставила свое синее платье у миссъ Пэннель?—изумленно вскричала Одри. — Этого я ему не говорила.

— Онъ, должно, быть, подслушивалъ. И вовсе онъ не въ платьи нашелъ ключъ. Онъ, навѣрно, нашелъ его здѣсь,

въ кабинетѣ. Я такъ и знала, что ты уронила его гдѣ-нибудь возлѣ шкафа, и готова пари держать, что онъ еще до этого отпиралъ кассу и прочелъ завѣщаніе. Я угадала это по тому, какіе у него были виноватые глаза.

— А почему онъ догадался, что ключъ у меня?

— Я тебѣ говорю: подслушалъ. Я убѣждена, что этотъ человѣкъ знаетъ слишкомъ много.—Одри вспыхнула.—Онъ, должно быть, думалъ, что ты способна сжечь завѣщаніе. Потому и хотѣлъ, чтобъ ты прочла его при мнѣ и въ его присутствіи.

— Ну, Винни, все это вы могли бы сказать и ему самому, пока онъ былъ здѣсь, а не отпускать его отсюда такимъ торжествующимъ.

Миссъ Ингэтъ тихонько смѣялась.

— Я и хотѣла, но, вѣдь, ты не поддержала меня, маленькая трусиха.

— Никогда больше не буду трусить!—сердито воскликнула Одри.

Затѣмъ онѣ прочли завѣщаніе вмѣстѣ и теперь превосходно разобрались въ немъ.

— По моему, это возмутительно, что Эгвилару оставлено 10 фунтовъ,—говорила Одри.—А, впрочемъ, мнѣ все равно. Ну, слава Богу, все въ порядкѣ. Теперь я успокоилась. А то, знаете, Винни, вѣдь, я страшно боялась. Мнѣ мерещились всякіе ужасы,—сама не знаю, что. А оказывается, имѣніе и деньги—наши, съ мамой, и мы можемъ тратить ихъ, какъ хотимъ.—Одри даже заплясала на мѣстѣ что-то вродѣ джиги.—Ну, мама у меня будетъ ходить по стрункѣ. Я заставлю ее свезти меня въ Парижъ. Мнѣ всегда очень хотѣлось познакомиться съ м-мъ Пиріакъ,—она такъ забавно пишетъ по-англійски.

— Что ты такое говоришь?—разсѣянно пробормотала миссъ Ингэтъ, начавшая читать письмо, взятое ею со столика, куда положилъ его м-ръ Коулъ.

— Я говорю, что я повезу маму въ Парижъ.

— Не повезешь. Ни за что она не поѣдетъ. Я твою маму лучше знаю, чѣмъ ты ее знаешь... Ой, Одри! Что же это?

Миссъ Ингэтъ вспыхнула вся, отъ корней волосъ до шеи. И выронила письмо. Одри поспѣшно подхватила его. Оно гласило:

„Дорогой Мозъ. Прилагаю при семъ отчетъ о послѣднемъ собраніи Мексиканской нефтяной компаніи въ Нью-Іоркѣ. Изъ него вы увидите, что договоръ, которымъ Закатехаскіе нефтяные промыслы передаютъ все свое имущество намъ, въ обмѣнъ на наши шеры и акціи, съ такимъ разсчетомъ, что за четыре мексиканскихъ акціи, утвержденныхъ общимъ

собраніемъ, идетъ одна закатехаская. А такъ какъ каждый изъ паевъ синдиката расширенія дѣла представляетъ собой десять паевъ компаніи и такъ какъ, по моему совѣту, вы вложили въ синдикатъ 4,500 фунтовъ, слѣдовательно, вы являетесь обладателемъ 180,000 акцій мексиканской компаніи. Сейчасъ они стоятъ аль пари. Но, попомните мое слово, черезъ годъ они будутъ стоить отъ 7—10 долларовъ каждая. Согласитесь, что вамъ есть за что поблагодарить меня—а, какъ вы думаете?"

Письмо было подписано именемъ, неизвѣстнымъ обѣимъ женщинамъ и помѣчено: „Кольманъ-стритъ, Ч. С."

IV. М-ръ Фульджеръ.

Часъ спустя обѣ женщины, еще не успѣвшія оправиться отъ удручающихъ событій, связанныхъ съ посѣщеніемъ м-ра Коуля, были окончательно уничтожены совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ о пріѣздѣ м-ра Фульджера. Мистеръ Фульджеръ былъ повѣреннымъ покойнаго м-ра Моза въ Челмсфордѣ. Первой мыслью Одри было: „Само небо послало его!" А второй:—что всѣ стряпчіе въ мірѣ безсильны отвратить страшное бѣдствіе, обрушившееся на нее.

Надо замѣтить, что положеніе Одри не стало хуже, чѣмъ до того, какъ она узнала о сногсшибательной цѣнности закатехасскихъ акцій. Имущество Мозовъ, переходившее изъ рода въ родъ и состоявшее главнымъ образомъ изъ фермъ и десятинъ, собираемыхъ съ арендаторовъ, осталось неприкосновеннымъ. Наоборотъ, успѣхи земледѣлія въ Эссексѣ сулили съ годами увеличеніе доходовъ. И, тѣмъ не менѣе, Одри казалось, что она и мать ея раззорены въ конецъ, а Общество національной реформаціи жестоко обидѣло вдову и сироту. Восхитительное видѣніе несмѣтнаго богатства сверкнуло передъ ея ослѣпленными глазами—и исчезло, оставивъ послѣ себя только черную пустоту. И Одри знала, что никогда уже ей не быть счастливой.

И съ гнѣвомъ думала: „Какъ могъ отецъ всегда быть такимъ озабоченнымъ и мрачнымъ, имѣя въ своихъ рукахъ столько денегъ?" Она не могла представить себѣ, чтобы такой богачъ, какъ ея отецъ, могъ втайнѣ день и ночь не пребывать въ состояніи непрерывнаго умиленія и восторга при одной мысли о находящихся въ его распоряженіи возможностяхъ. Матью Мозъ еще ниже упалъ въ ея глазахъ и уже навсегда.

Горничная, небрежность туалета которой свидѣтельствовала о томъ, что въ домѣ не осталось ни одного мужчины, ждала у дверей отвѣта—можетъ ли барышня принять гостя.

— Его нельзя не принять,—рѣшительно заявила миссъ Ингэтъ.—Ты обязана это сдѣлать. Не бойся. Я давнымъ давно его знаю. Онъ очень милый человѣкъ.

И, когда горничная ушла, добавила:

— Только у жены его одна нога деревянная.

Вошелъ м-ръ Фульджеръ. Это былъ приземистый, съ коротенькими ножками мужчина лѣтъ пятидесяти, съ брюшкомъ, но вообще не толстый, одѣтый, какъ спортсменъ. Поступь у него была удивительно легкая. Выраженіе его румянаго лица было привѣтливое, но настороженное, порой становившееся болѣе жесткимъ, рѣшительнымъ, или же выжидающимъ. Онъ увидалъ передъ собой насупившуюся, видимо, нервничающую дѣвушку въ простенькомъ черномъ платьѣ и миссъ Ингэтъ, глядѣвшую на него съ любопытствомъ, причемъ уголки ея губъ застѣнчиво-иронически вздрагивали. На мигъ онъ растерялся, но тотчасъ оправился, весело поздоровавшись съ обѣими.

— Наконецъ-то вы, м-ръ Фульджеръ! —сказала миссъ Ингэтъ.—Но, къ сожалѣнію, вы опоздали.

Загадочность этихъ словъ и безмолвіе Одри, ни слова не сказавшей гостю, вновь смутили его.

— Я гостилъ въ Сомерсетширѣ, у знакомыхъ, рыбу удилъ,—объяснилъ онъ, выразивъ сожалѣніе по поводу смерти м-ра Моза, болѣзни м-съ Мозъ, огорченія миссъ Мозъ и поздравивъ миссъ Мозъ съ тѣмъ, что она находится подъ крылышкомъ его стараго друга, миссъ Ингэтъ.—Соблазнился немножко порыбачить, но, какъ только до меня дошла эта грустная новость, поспѣшилъ домой. И вотъ, я здѣсь.—Онъ откашлялся и посмотрѣлъ сперва на Одри, затѣмъ на миссъ Ингэтъ. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдовало бы обращаться къ Одри, но почему-то вмѣсто этого все время обращался къ миссъ Ингэтъ. На стулѣ онъ сидѣлъ удивительно прямо, широко разставивъ коротенькія ножки въ сѣрыхъ брюкахъ, чтобы очистить мѣсто животу.

— Вы, навѣрное, безпокоитесь относительно завѣщанія. Я захватилъ его съ собой.—Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана визитки бѣлую бумагу и небрежно осѣдлалъ носъ очками.—Оно составлено еще до вашего рожденія, миссъ Мозъ. Но завѣщаніе все равно, что вино—отъ времени не портится. Здѣсь все имущество полностью оставлено миссъ Мозъ, и она является единственной душеприказчицей. Буде же она умретъ раньше завѣщателя, все переходитъ къ ея дѣтямъ. Завѣщаніе, пожалуй, не очень дѣловое и могущее привести къ неожиданнымъ осложненіямъ, но въ первые годы супружества влюбленные мужья часто пишутъ такого рода завѣщанія.

Вашъ батюшка былъ превосходный человѣкъ, имѣлъ массу хорошихъ качествъ, но, если мнѣ позволено будетъ такъ непочтительно выразиться о немъ, я скажу, что онъ былъ человѣкъ не дѣловой. Хотя, сказать по правдѣ, загрудненій я никакихъ не предвижу. Разумѣется, придется платить пошлину, но у вашего батюшки всегда лежала въ банкѣ на текущемъ счету значительная сумма денегъ. Подъ значительной" я подразумѣваю нѣсколько тысячъ. Относительно этого у насъ съ нимъ бывало немало споровъ.

М-ръ Фульджеръ самодовольно оглядѣлся. Перспектива привычныхъ хлопотъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и хорошаго заработка на этомъ дѣлѣ уже успѣла измѣнить выраженіе его лица съ огорченнаго и сочувственнаго, какъ и подобаетъ повѣренному, искренно огорченному смертью кліента, на дѣловое, профессіональное. Но молодая дѣвушка, глядѣвшая до тѣхъ поръ въ одну точку на коврѣ, вдругъ заплакала. Само по себѣ, это не встревожило адвоката—дѣло привычное—но выраженіе лица миссъ Ингэтъ вызывало въ немъ странныя предчувствія, которыя перешли въ увѣренность, когда миссъ Ингэтъ, явно чувствовавшая себя неловко, сообщила:

— Существуетъ другое завѣщаніе, м-ръ Фульджеръ, болѣе позднее. Оно было написано въ прошломъ году.

— Понимаю,—выговорилъ онъ, почти шепотомъ.

Ему казалось, что онъ понялъ теперь, почему его заставили ждать, почему м-съ Мозъ сказалась больной, почему дѣвушка такъ хмурилась, а эта наивная старая дѣва нервничала. Все объяснялось очень просто. Онъ не былъ нуженъ здѣсь, такъ какъ м-ръ Мозъ взялъ себѣ другого повѣреннаго. Лицо его неожиданно стало жесткимъ, ибо дядя его и послѣ дяди онъ уже семьдесятъ лѣтъ „работали" для семьи Мозовъ.

Онъ съ достоинствомъ поднялся, сказалъ:—Въ такомъ случаѣ не стану больше утруждать васъ,—и хотѣлъ откланяться.

И былъ необычайно изумленъ, когда Одри вскочила вдругъ, метнулась къ двери и стала спиной къ ней, заслонивъ дорогу гостю. Дѣло въ томъ, что Одри вдругъ вспомнила свой обѣтъ никогда больше не быть трусихой. Когда же и миссъ Ингэтъ съ неожиданнымъ въ ней проворствомъ тоже вскочила съ кресла и приблизилась къ нему, адвокатъ испугался, вспомнивъ, что миссъ Ингэтъ слыветъ завзятой феминисткой, какъ бы и его не постигла участь министра, не благоволящаго къ суффражисткамъ, и приготовился къ защитѣ.

— Не уходите!—сказала миссъ Ингэтъ.

— Вы—мой повѣренный, что бы ни говорила мама, и вы не должны уходить!—ласково прибавила Одри.

М-ръ Фульджеръ былъ восхищенъ. Ему представилось, какой эффектъ произведетъ въ его клубѣ разсказъ о „красавицѣ кліенткѣ, имени которой онъ, разумѣется, не назоветъ"...

Минуту спустя онъ уже выслушивалъ романтическій, почти истерическій разсказъ обѣихъ женщинъ о случившемся и просматривалъ документы. Случилось такъ, что первымъ онъ прочелъ письмо объ акціяхъ. Что Матью Мозъ составилъ завѣщаніе безъ его вѣдома и содѣйствія, было ударомъ для него; что Матью Мозъ, не посовѣтовавшись съ нимъ, вложилъ свои деньги въ невѣдомое ему предпріятіе, было ударомъ, не менѣе тяжкимъ. Но положеніе Мексиканской Нефтяной Компаніи было извѣстно ему, и лицо его просвѣтлѣло при мысли объ огромномъ %, который сулитъ утвержденіе въ правахъ этого милліоннаго наслѣдства. Даже при приблизительномъ подсчетѣ, сумма получалась очень и очень кругленькая. И, заглянувъ въ завѣщаніе, найденное м-ромъ Коулемъ, онъ, удовлетворенный, презрительно пробормоталъ:

— Гмъ. Это онъ самъ писалъ.

И посмотрѣлъ сострадательно на документъ, какъ столяръ краснодеревецъ глядитъ на неуклюжую рѣзьбу.

И, не садясь, перечиталъ его вполголоса, медленно и раздѣльно. А, кончивъ читать, резюмировалъ свой выводъ классическою фразой:

— Это завѣщаніе не стоитъ той бумаги, на которой оно написано.

Затѣмъ онъ снова сѣлъ, и кругленькій животикъ его уютно угнѣздился между его ногъ. Адвокатъ былъ доволенъ собой. Онъ видѣлъ, что эффектъ былъ потрясающій.

— Но—но—...—задыхаясь, лепетала миссъ Ингэтъ.

— Я вамъ говорю: оно не стоитъ той бумаги, на которой оно написано.—повторилъ м-ръ Фульджеръ.—Тутъ свидѣтель только одинъ, а нужно два, да и этотъ одинъ—Эгвиларъ—негоденъ, потому что онъ въ числѣ наслѣдниковъ. Для того, чтобы его подпись была признана законной, онъ долженъ сперва отказаться отъ наслѣдства, да и то одного свидѣтеля мало. Еслибы не существовало другого завѣщанія, болѣе ранняго, еслибы Эгвиларъ былъ вполнѣ надежнымъ свидѣтелемъ, и если бы семья покойнаго пожелала отстаивать новое завѣщаніе,—тогда, быть можетъ, судъ и утвердилъ бы его. Но при данныхъ условіяхъ, ни малѣйшихъ шансовъ на утвержденіе оно не имѣетъ.

. . .

— А Общество Національной Реформаціи? Оно не будетъ оспаривать завѣщанія?—спросила миссъ Ингэтъ.

— Пусть попробуетъ!—задорно сказалъ м-ръ Фульджеръ

И не успѣлъ сказать этого, какъ увидѣлъ, что Одри идетъ къ нему отъ двери, увидѣлъ траурное платье и бѣленькое личико съ выпуклымъ лбомъ и восхитительно крохотнымъ носикомъ. Дѣвушка протянула руку.

— Какой вы милый!..

Губки ея нерѣшительно потянулись къ его лицу. Вправду ли онѣ слегка коснулись—что за дивное прикосновеніе!—его щетинистаго подбородка, или это была сладкая иллюзія?., Одри замѣтно покраснѣла. Адвокатъ блаженно щурился, какъ бы говоря:—утверждаютъ только тѣ завѣщанія, которыя составлены мною... Не говорилъ ли я вамъ, что м-ръ Мозъ не дѣловой человѣкъ?

Одри подбѣжала къ миссъ Ингэтъ.

М-ръ Фульджеръ внезапно устыдился своей разнѣженности и порѣшивъ быть дѣловымъ, какъ подобаетъ адвокату, коротко освѣдомился:

— М-съ Мозъ составила завѣщаніе?

— Мама? Завѣщаніе? О нѣтъ.

— Тогда ей слѣдуетъ немедленно составить завѣщаніе конечно, въ вашу пользу. Не теряя времени.

— Но м-съ Мозъ больна, въ постели,—запротестовала миссъ Ингэтъ.

— Тѣмъ больше основаній составить завѣщаніе. Это избавитъ васъ отъ множества хлопотъ. И это—долгъ ея. Я предложу ей взять на себя обязанности опекуна и душеприказчика—что, конечно, не лишаетъ меня обычнаго моего гонорара за введеніе въ права наслѣдства.—Лицо его вдругъ стало жесткимъ.—Вы послѣ поблагодарите за это, миссъ Мозъ.

— Вы хотите—сейчасъ?—почти вскрикнула миссъ Ингэтъ.

— Хочу!—рѣшительно объявилъ онъ.—Если вы дадите мнѣ листикъ бумаги, я предпочелъ бы сейчасъ же пойти къ м-съ Мозъ. Вы можете быть одной изъ свидѣтельницъ, миссъ Ингэтъ. Я могъ бы быть другимъ, но, такъ какъ мое имя будетъ упомянуто въ завѣщаніи, какъ душеприказчика лучше было бы взять кого-нибудь другого.

— Можетъ быть, Эгвилара?—предложила миссъ Ингэтъ и уголки ея рта опустились.

Миссъ Ингэтъ пошла впередъ, приготовить больную.

Оставшись одна въ кабинетѣ—она даже не предложила пойти вмѣстѣ съ старшими въ спальню къ матери—Одри

издала протяжный звукъ: „Ооо!—Потомъ подпрыгнула на мѣстѣ и стала у окна, глядя на рѣку. Она силилась совладать съ собой, напоминала себѣ, что она въ трауръ—и не могла. Красоты всего міра развертывались въ ея душѣ. До сихъ поръ событія съ такой головокружительною быстротой сыпались на нее, что она почти ничего не чувствовала. Но теперь наплывъ чувствъ обуревалъ ее.—Наконецъ, я живу!—говорила она себѣ. — Случилось чудо... Невѣроятно... Съ мамой я могу дѣлать, что хочу... Но, если я не справлюсь съ собой, я вотъ сейчасъ умру отъ счастья...

V. Мертвая рука.

Не успѣла Одри уснуть въ эту ночь, какъ она проснулась, отъ прикосновенія къ ея щекѣ. У кровати ея стояла ея мать, смутно бѣлѣя въ темнотѣ. На ней былъ бѣлый пеньюаръ, поверхъ ночной рубашки; на головѣ обычная повязка изъ бѣлаго носоваго платка, издававшая слабый запахъ одеколона.

— Одри, милочка, мнѣ надо поговорить съ тобой.

Мгновенно Одри почувствовала себя мудрой руководительницей своей бѣдной нелѣпой матери.

— Мама,—сказала она, ласково, но твердо,—поди, пожалуйста, къ себѣ и лягъ. Сейчасъ же. Ты простудишься. Для твоей невральгіи это страшно вредно. А я сейчасъ приду къ тебѣ.

И м-съ Мозъ послушно повернулась и пошла къ себѣ, даже раньше, чѣмъ дочь ея успѣла найти и зажечь свѣчу. Одри была очень довольна, что мать послушалась ея и что она такъ умѣетъ все устроить къ лучшему. Она догадывалась, что больную тревожила какая-то забота касательно наслѣдства, или ея духовной, или повѣреннаго, или памятника, и это не давало ей уснуть. Мать и миссъ Ингэтъ—которая теперь ужь переѣхала къ себѣ—послѣ отъѣзда торжествующаго м-ра Фульджера, о чемъ то безъ конца бесѣдовали между собой въ полголоса. Одри мягко протестовала: она боялась, какъ бы мать не устала и не видѣла надобности посвящать больную во всѣ детали этого сложнаго дѣла, но пріятельницы не слушали ея... у старыхъ людей привычка болтать безъ конца слишкомъ сильна.

Просторная родительская спальня была освѣщена только свѣчей Одри. М-съ Мозъ, какъ и всегда, лежала на правой сторонѣ огромной двухспальной кровати. Она могла бы лежать посерединѣ, такъ было бы просторнѣй и удобнѣе, но, опять таки, привычка брала свое.

Дѣвушка, вся въ бѣломъ, подняла свѣчу выше, и тѣни побѣжали по стѣнамъ. М-съ Мозъ поморщилась.

— Поставь свѣчу на столикъ,—коротко приказала мать.

Одри поставила. Для нея эта комната была полна воспоминаній о родительской власти. Она всегда побаивалась входить въ спальню. И, при мысли, что на этой кровати она родилась, у нея какъ-то странно щекотало въ горлѣ.

— Я рѣшила — заговорила м-съ Мозъ, лежа на спинѣ и глядя въ потолокъ—я рѣшила выполнить послѣднюю волю твоего отца.

— Относительно чего, мамочка?

— Относительно этихъ акцій, которыя онъ хотѣлъ отдать Обществу Національной Реформаціи. Разъ онъ хотѣлъ этого, пусть такъ и будетъ, какъ онъ хотѣлъ. Я все обдумала и рѣшеніе мое неизмѣнно. Я не сказала миссъ Ингэтъ, такъ какъ это ея не касается. Но тебѣ я должна была сказать, сейчасъ же.

— Мама! Да вы съ ума сошли! — вскричала Одри.—И задрожала вся. Въ комнатѣ было холодно и, когда она задрожала, тѣнь ея полѣзла на стѣнку и перегнулась на карнизѣ подъ прямымъ угломъ, дойдя до середины потолка.

М-съ Мозъ упрямо возразила:

— Я не сошла съ ума и очень буду тебѣ благодарна, если ты будешь помнить, что я мать твоя. Я всю жизнь была послушна волѣ твоего отца—въ мои годы ужь не мѣняются. Твой отецъ былъ очень умный человѣкъ. Онъ зналъ, что дѣлалъ. Мы съ тобой проживемъ не хуже прежняго. И даже лучше, потому что я умѣю экономить и буду экономить. Мы не нищіе; намъ жаловаться не на что и, еслибы я ослушалась твоего отца, у меня не было бы оправданій. Онъ все оставилъ мнѣ, съ правомъ распорядиться всѣмъ, какъ я хочу, и эти акціи я отдамъ Обществу. Сколько онѣ стоятъ, мнѣ все равно—это моего долга не мѣняетъ. Притомъ же, можетъ быть, онѣ еще и ничего не стоятъ. Такія бумаги всегда то поднимаются, то падаютъ, и, въ концѣ концовъ, по большей части оказываются ровно ничего нестоющими. Это все, что я хотѣла сказать тебѣ.

Почему Одри схватила свѣчку и, не оглядываясь, вышла изъ комнаты, оставивъ позади себя темноту? Потому ли, что она не могла совладать съ собой, или же потому, что инстинктивно знала, что рѣшеніе ея матери неизмѣнно? Возможно и то, и другое.

Она бросилась на кровать съ безвучнымъ вздохомъ полнаго изнеможенія. Не задула свѣчи, лежала и смотрѣла на огонь. Мечта ея была разбита. Ей представлялось нескончаемая, скучная и пустая жизнь, все въ томъ же Мозѣ, или

по близости къ нему, и мать, всегда больная, раздражительная странно упорная въ своей слабости и безпомощности. Но, несмотря на такое трагическое разочарованіе, Одри не столько была въ отчаяніи, сколько приведена къ смиренію. Она вдругъ поняла, что она дочь своего отца и матери и что ея судьба неотдѣлима отъ ихъ судьбы. Ее трогало, что мать считаетъ отца умнымъ человѣкомъ, въ то время, какъ она, Одри, знаетъ, что онъ былъ вовсе не уменъ Ей было жаль обоихъ, и отца, и мать, и мать по матерински жаль, какъ младшую... Ея покорность волѣ отца, даже и послѣ смерти его, эта мистическая власть мертвеца надъ живой, глубоко волновала ее... Она гордилась собой, что не струсила и не дала адвокату уйти, но ужасно стыдилась своего сантиментальнаго и безстыднаго поведенія потомъ... Всѣ эти сложныя и разнообразныя мысли умѣряли ея отчаяніе. Но, тѣмъ не менѣе, мечта ея была разбита.

VI. Молодая вдова

Было начало октября. Одри стояла у садовой калитки Фланкъ-Холля и смотрѣла на рѣку. Вѣтеръ шаловливо игралъ ея волосами, волнами ходилъ по густой травѣ у плотины, качалъ лодки съ красными парусами, такъ что онѣ какъ будто присѣдали на водѣ, вздымали бѣлые гребни на волнахъ и длинными горизонтально разостлавшимися полосами гналъ надъ водою дымъ судовъ, очертанія которыхъ неясно обрисовывались въ гавани.

Одри была одѣта въ черное, но платье ея не было сшито ни въ ея родной деревушкѣ, ни въ Колсгерѣ и даже не въ Ипсвичѣ, городѣ, какъ извѣстно большомъ и стильномъ. Она казалась теперь старше, чѣмъ въ тѣ дни, когда мы съ ней впервые познакомились; въ ней, несомнѣнно, появились признаки знанія людей, увѣренности въ себѣ, умѣнья господствовать, дерзости и задора—все это отчасти подчеркнутое задорною большою шляпой. Мятежный духъ, который такъ успѣшно подавлялъ покойный м-ръ Мозъ, всплылъ теперь на поверхность, явно для всѣхъ, и процессъ эволюціи, начавшійся съ того момента, когда Одри бросилась къ двери, чтобы помѣшать выйти обиженному адвокату, уже значительно подвинулся впередъ. Однако-же, выраженіе глазъ молодой дѣвушки часто мѣнялось, и минутами она казалась совсѣмъ маленькой дѣвочкой, наивной, невинной и немножко грустной—хотя теперь ей ужъ минуло двадцать лѣтъ. Быть можетъ, ей было жаль дѣвочки, которою она была еще такъ недавно.

Несомнѣнно, ей было жаль и матери, которая умерла черезъ восемь часовъ послѣ ночного ихъ свиданія и разговора. Кончина м-съ Мозъ всѣхъ удивила, кромѣ, пожалуй, самой м-съ Мозъ. Результатомъ операціи, явилась неожиданная закупорка венъ, имѣвшая послѣдствіемъ кровоизліяніе въ мозгу и внезапную смерть—къ великому огорченію и ущербу Общества Національной Реформаціи. Такимъ образомъ, причина смерти была очень простая. Но, стоя возлѣ трупа матери, Одри чувствовала, что, еслибъ въ ея власти было воскресить умершую, обогативъ Общество Національной Реформаціи, она бы отдала ему все, что имѣла.

Постепенно, радость сознанія своей свободы вытѣснила все прочее, и Одри поставила себѣ задачей совершенно подчинить себѣ м-ра Фульджера и заставить его исполнять всѣ свои желанія.

Изъ холла были убраны всѣ ковры и картины и на мебель надѣты сѣрые чахлы. Во всѣхъ комнатахъ было то-же, и, такъ какъ окна всѣ были закрыты, ставнями, въ комнатахъ царилъ унылый полумракъ. Только часы жили нормальной жизнью, должно быть, чувствуя себя безсмертными. Посуду послѣ завтрака убрали со стола, вымыли и спрятали въ буфетъ. Обѣ служанки, разсчитанныя еще наканунѣ, ушли. За спиною Одри высилась груда сундуковъ и чемодановъ, большой букетъ цвѣтовъ, завернутый въ бумагу, и футляръ съ зонтиками; все съ иголочки новое, и на каждомъ предметѣ, кромѣ цвѣтовъ, наклеена этикетка съ надписью: „Парижъ via Чэрингъ-Кроссъ и Калэ“.

Одри открыла свою сафьянную сумочку и кошелекъ внутри ея. Въ кошелькѣ было маленькое отдѣленіе для англійскаго золота, другое—для французскаго и еще одно, набитое разноцвѣтными французскими кредитками; а въ сумочкѣ, кромѣ того, лежала голубая чековая книжка аккредитивовъ, и каждый аккредитивъ былъ на 500 франковъ, или 20 фунтовъ—толстая книжка. И, еслибы даже Одри потеряла сумочку со всѣмъ, что въ ней лежало, она не огорчилась-бы—такъ легко было ей замѣнить все это.

Къ воротамъ, не спѣша, подъѣхала небольшая каретка—собственный экипажъ миссъ Ингэтъ, въ которомъ она ѣздила къ сосѣдямъ, причемъ согласно разъ навсегда отданному приказу, въ гору кучеръ ѣхалъ шагомъ, щадя лошадь, а подъ гору шагомъ же, изъ боязни, какъ бы лошадь не споткнулась и не опрокинула миссъ Ингэтъ. За кареткой ѣхала телѣжка, на которой лежалъ огромный чемоданъ.

Въ то же мгновеніе откуда-то вынырнулъ Эгвиларъ, садовникъ, ограбленный, такъ какъ онъ не получилъ завѣщан-

ныхъ ему десяти фунтовъ, но за честность и добросовѣстность пожалованный въ званіе хранителя Фланкъ-Холля.

Оба кучера сняли шляпы передъ Одри и соскочили на земь; изъ каретки высадилась миссъ Ингэтъ, въ синей вуали, повязанной, какъ носовой платокъ, вокругъ шляпки и лба, иронически усмѣхающаяся по собственному адресу и по адресу всѣхъ прочихъ, и слишкомъ взволнованная, чтобъ поздороваться. Мужчины принялись перетаскивать вещи на телѣжку, а женщины между тѣмъ шептались въ холлѣ.

— Одри,—вдругъ изумившись, спросила миссъ Ингэтъ,—что это у тебя за кольца?

— Одно—вѣнчальное, другое—траурное. Я ихъ пріобрѣла вчера въ Колстерѣ... Тссъ!—отмахнулась она отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, такъ какъ садовникъ и кучеръ вошли въ холлъ.

— Глядите-ка! Живѣе!—шепнула она, торопливо открывая огромную шляпную картонку, единственную вещь, еще оставшуюся въ холлѣ. Миссъ Ингэтъ заглянула—и увидала черный токъ, совершенно неподходящій для молодой дѣвушки, и вдовій траурный вуаль.

— Какъ это все идетъ мнѣ! Обворожительно!—сказала Одри, закрывая крышку.

— Но, дитя мое, что же все это значитъ?

— Это значитъ, что я не такъ глупа, чтобы ѣхать въ Парижъ въ качествѣ молодой дѣвицы. Будетъ съ меня дѣвичествовать. Въ Парижѣ я буду фигурировать въ роли молодой вдовы. Это во всѣхъ отношеніяхъ будетъ много пріятнѣе и гораздо удобнѣе для васъ... Вамъ, въ сущности, не придется меня охранять. Наоборотъ, dame chaperon буду я. Не смѣйте мнѣ говорить, что такъ вы не поѣдете—вы, все равно, поѣдете.

— Ты должна была раньше мнѣ сказать.

— Нисколько не должна. Это было бы очень глупо.

— Но чья же ты вдова?

— Ура! Вы молодчина, Винни! Всѣ интересныя подробности я вамъ сообщу въ вагонѣ.

Черезъ минуту Эгвиларъ, угрюмый и прямой, какъ палка, съ негнущейся спиной, принялъ отъ молодой хозяйки ключи отъ усадьбы, и карета, а вслѣдъ за ней телѣжка двинулись, не спѣша, внизъ по откосу, по направленію къ станціи желѣзной дороги.

VII. Папиросница.

Одри почувствовала, что она живетъ лишь на другое утро, когда онѣ выѣхали изъ Лондона, проведя ночь въ отелѣ Чарингъ-Кроссъ. За лѣто Одри успѣла уже нѣсколько разъ

побывать въ Лондонѣ и кое чему научилась—узнала, напримѣръ, какъ мало цѣнятъ деньги въ столицѣ, обитаемой, главнымъ образомъ, людьми, которые положительно не знаютъ, что дѣлать съ своими деньгами. Узнала на опытѣ, что, такъ какъ денегъ всюду очень много, а стильныхъ шляпъ въ природѣ очень мало, за крохотную шляпку можно заплатить очень большія деньги. Узнала, что большіе, раззолоченные магазины кишмя кишатъ людьми, у которыхъ карманы биткомъ набиты деньгами и они явно спѣшатъ разстаться съ ними, промѣнявъ ихъ на товары, а надменныя продавщицы, твердо зная, что деньги—ничто, а товары—все, говорятъ съ ними свысока и очень неохотно разстаются съ товарами. А все таинственный Законъ Обмѣна. Это Одри ужъ знала твердо. Она утратила свои дѣтски-наивныя иллюзіи касательно всемогущества денегъ.

И, тѣмъ не менѣе, во время своего перваго путешествія, обставленнаго со всей роскошью, какую только могло придумать воображеніе гг. Томаса Кука и Сына, раза два-три дѣвушка была ошеломлена. На чарингкросскомъ вокзалѣ за багажъ пришлось доплатить добавочныхъ четыре фунта и девять пенсовъ. Полгода тому назадъ всѣ ея вещи, какія у нея были, не стоили больше четырехъ фунтовъ. Она чуть не спросила кассира у окошечка: „Вы хотите сказать: четыре шиллинга?“ Но, хоть она и нервничала, краснѣла и живо реагировала на всякій новый опытъ, прирожденное хладнокровіе и инстинктивное знаніе свѣта спасало ее отъ многихъ страшныхъ промаховъ, и она положила на столъ билетъ въ 50 фунтовъ, ничѣмъ не показавъ, что мысленно она соображаетъ, не выгоднѣе ли было бы бросить багажъ на станціи.

Пароходъ былъ биткомъ набитъ; моро и вѣтеръ ничего добраго не предвѣщали. Проталкиваясь на палубѣ вслѣдъ за нагруженными носильщиками, Одри и миссъ Ингэтъ разомъ остановились передъ спискомъ каютныхъ пассажировъ, вывѣшеннымъ на видномъ мѣстѣ. И принялись изучать его съ такимъ интересомъ, какъ будто это былъ отчетъ о какомъ нибудь сенсаціонномъ процессѣ. Въ спискѣ были два лорда, жена депутата, баронесса съ венгерскою фамиліей, нѣсколько нѣмецкихъ фамилій и м-съ Монкрейфъ.

При видѣ этого имени Одри вся вспыхнула, ибо м-съ Монкрейфъ была она. Подъ траурной вуалью, въ токѣ съ бѣлымъ кантикомъ ей можно было дать отъ двадцати до двадцати-восьми лѣтъ. Невозможно было сказать, что это молодая дѣвушка, не видѣвшая свѣта, и что мужчинъ она не знаетъ какъ свои пять пальцевъ. Каждый, случайно посмотрѣвшій на нее, взглядывалъ снова въ ея сторону, съ сочув

ствіемъ и любопытствомъ, и тогда Одри становилось совѣстно—она чувствовала себя воровкой, крадущей сочувствіе. Но настроенія ея быстро мѣнялись. То ей казалось, что она воровка, неловкая обманщица, глупенькая дѣвченка, за которой, чего добраго, еще увяжется сыскная полиція; то она вдругъ становилась умна, увѣрена въ себѣ, вполнѣ на высотѣ положенія, наслаждалась этимъ положеніемъ такъ, какъ она никогда еще и ничѣмъ не наслаждалась, и готова была длить это положеніе безъ конца.

Каюта ихъ была просторная, но не больше, чѣмъ полагается, принимая въ расчетъ, что платить за нее приходилось около шести пенсовъ въ минуту; даже и послѣ того, какъ всѣ вещи были разсованы по мѣстамъ, обѣимъ женщинамъ хватило мѣста лечь. Но, вмѣсто того, чтобы лечь, онѣ принялись тщательно осматривать свою каюту. Нашли умывальникъ съ кранами для горячей и холодной воды, но ни горячей, ни холодной воды не было, какъ не было мыла и полотенецъ. Нашелся графинъ для воды, но пустой. Затѣмъ явилась экономка и освѣдомилась, не нужно ли имъ чего-нибудь, и такъ какъ обѣ онѣ были жалкія трусихи, онѣ сказали: „нѣтъ". Втайнѣ онѣ были убѣждены, что всѣ прочія „собственныя" каюты, обитаемыя титулованными аристократами и финансистами, были гораздо лучше ихъ каюты, и что капитанъ корабля надулъ ихъ, подсунувъ имъ не настоящую каюту.

И вотъ тутъ-то миссъ Ингэтъ, которая еще на вокзалѣ наскоро заглянувъ въ газету, взволновалась, прочитавъ о столкновеніяхъ суффражистокъ съ полиціей въ то утро, въ отворенную дверь каюты увидала элегантнѣйшую красавицу, одѣтую безукоризненно въ обязательный дорожный костюмъ, какой носятъ только истинные космополиты во время комбинированныхъ желѣзнодорожно-морскихъ путешествій и нигдѣ больше. Сразу видно было, что небесное созданіе надѣло именно эту шляпу, именно этотъ вуаль, манто и перчатки, будучи глубоко увѣрено, что именно такъ нужно быть одѣтой въ дорогѣ, и что никогда больше она ихъ не надѣнетъ, если только судьба не толкнетъ ея снова за море, а если ей никогда больше не придется путешествовать моремъ, она никогда больше и не надѣнетъ всѣхъ этихъ принадлежностей дорожнаго костюма, безупречность котораго могла равняться только его дороговизнѣ.

Однако, молодая женщинм, видимо, совершенно не думала о своемъ костюмѣ. Мысли ея витали въ другой плоскости. Миссъ Ингэтъ, озабоченная опасностями и несправедливостями, угрожающими ея полу, мгновенно позабыла о своемъ ироническомъ отношеніи къ ближнимъ, и расчувст-

вогалась, заподозривъ, что передъ ними жертва угнетенія или небрежности. Жертва полулежала на жесткой деревянной скамьѣ, у перилъ, огораживавшихъ палубу. По временамъ она съ мольбою раскрывала темные глаза, и очаровательный профиль ея, подъ шляпкой, стоившей бѣшенныхъ денегъ, но съѣхавшей на бокъ, вырисовывался то на фонѣ морской воды, то на фонѣ далекихъ мѣловыхъ скалъ Альбіона, смотря по тому, подбрасывало ли корабль, или же накреняло—была жестокая качка. Порой ее обрызгивало пѣной. Она не обращала вниманія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея былъ парусиновый навѣсъ, подъ которымъ она могла бы укрыться, но она судорожно цѣплялась за перила и не трогалась съ мѣста.

Полилъ дождь, но она и на дождь не обратила вниманія.

Но тогда выбѣжали миссъ Ингэтъ и Одри, подхватили ее и увлекли въ свою каюту. Онѣ могли бы оказать помощь и другимъ мученицамъ современной страсти бродить по палубѣ во время качки, ибо такихъ было не мало, но онѣ выбрали эту мученицу потому, что она такъ удивительно одѣта, и еще, можетъ быть, потому, что она была такъ молода. Теперь, на диванѣ, у нихъ въ каютѣ, она казалась еще болѣе молодой, совсѣмъ ребенкомъ. Однако-жъ, когда миссъ Ингэтъ сняла съ нея перчатки, чтобы согрѣть въ своихъ крохотныя, холодныя ручки съ изумительно отполированными ногтями, на правой оказалось обручальное кольцо. Это придало незнакомой красавицѣ еще больше романтическаго интереса въ глазахъ Одри и миссъ Ингэтъ, и обѣ, каждая про себя, подумали:

— Она, должно быть, замужемъ за однимъ изъ этихъ лордовъ.

Каждая деталь костюма красавицы, подмѣченная, пока она снимала корсетъ, показывала, что она была одѣта такъ, какъ, по мнѣнію Одри и миссъ Ингэтъ, должны были одѣваться супруги пэровъ. А потому, какъ подабаетъ истымъ англичанкамъ, къ участію и жалости онѣ примѣшали почтительность. Но почтительность умѣрялась гордымъ сознаніемъ своей предусмотрительности, ибо, сбираясь въ дорогу, онѣ захватили съ собой предупредительное средство отъ морской болѣзни, которое позволяло имъ съ надменнымъ равнодушіемъ смотрѣть на качку и сумасбродныя выходки моря. Специфическое лекарство сдѣлало чудеса, все, что отъ него требовалось, и теперь онѣ чувствовали себя сверхъ-женщинами среди слабыхъ и жалкихъ бабенокъ. И это поднимало ихъ мнѣніе о себѣ, что было чрезвычайно пріятно.

— Гдѣ я? Въ своей каютѣ?—прошептала мученица, четверть часа спустя послѣ того, какъ миссъ Ингэтъ раздо

бывъ содовой воды, заставила ее принять дозу чудодѣйственнаго лекарства.

Нѣжныя щечки теперь чуточку порозовѣли. Впрочемъ, онѣ все время были розовыми.

— Нѣтъ,—сказала Одри.—Вы въ нашей каютѣ. А ваша гдѣ?

— Должно быть, на другомъ концѣ корабля. Я вышла подышать немножко воздухомъ. И уже не могла вернуться. Какъ уцѣпилась за перила, такъ и прилипла къ нимъ—хоть помереть, только бы съ мѣста не сойти.

Этотъ простонародный способъ выражаться: „прилипла", „помереть" разрушилъ въ миссъ Ингэтъ и Одри пріятную увѣренность, что онѣ спасаютъ пэрессу.

— Вашъ супругъ ѣдетъ съ вами?—освѣдомилась Одри.

— А какъ же. Онъ тамъ, у насъ, въ каютѣ.

— Хотите, я схожу за нимъ? — предложила миссъ Ингэтъ. Уголки губъ ея снова немножко опустились.

— Правда, сходите? Вотъ хорошо бы! Онъ—лордъ Саузминстеръ. Я—леди Саузминстеръ.

Обѣ спасительницы пріятно взволновались. И каждая сказала себѣ, что она ничего не понимаетъ и что жены лордовъ навѣрное, всегда такъ говорятъ: „помереть" и „прилипла". И уголки губъ суффражистки снова поднялись.

— Я посмотрю въ спискѣ, какой номеръ вашей каюты,—сказала она и съ замираніемъ сердца пошла звать пэра.

Когда Одри, осталась одна въ каютѣ съ леди Саузминстеръ, та съ дѣтскимъ восторгомъ воскликнула:

— Вотъ вы обѣ такъ настоящія леди!

И Одри почувствовала себя старой и умудренной опытомъ. Она рѣшила, что леди Саузминстеръ не можетъ быть больше семнадцати лѣтъ, а она, Одри, уже забыла, когда ей было семнадцать—кажется, полстолѣтія тому назадъ.

— Онъ не можетъ прійти,—объявила запыхавшаяся миссъ Ингэтъ, хватаясь за дверь, такъ какъ полъ уходилъ изъ подъ ея ногъ.—О, да! Онъ тамъ, въ каютѣ, № 12. Я его видѣла. Да, я сказала ему, только врядъ ли онъ слышалъ—т. е. понялъ. По моему, еслибы и сорокъ женъ звали его, онъ не могъ бы прійти.

— Ахъ, скажите, пожалуйста! Не могъ бы!—презрительно замѣтила леди Саузминстеръ, приподнимаясь и садясь на диванѣ.

Къ тому времени, какъ пароходъ сталъ подходить къ французскимъ берегамъ, она уже оправилась настолько, что могла ходить. Въ сопровожденіи Одри, она кое-какъ добралась до палубной каюты № 12. Но въ ней никого и ничего не было, кромѣ вещей. Молодыя женщины обошли весь ко-

рабль, съ трудомъ пробираясь къ толпѣ пассажировъ, хлынувшихъ на палубу, разыскивая лорда Саузминстера, но не нашли его. Леди Саузминстеръ не упала въ обморокъ и не заплакала. Она только сказала:

— Ахъ, вотъ какъ! Если такъ... Ну, хорошо же!..

Пассажиры собирали вещи. Но леди Саузминстеръ не хотѣла собрать своихъ и никому не позволила взять ихъ, хотя и соглашалась съ Одри и миссъ Ингэтъ, что мужъ ея долженъ же былъ появиться въ концѣ концовъ на набережной или въ поѣздѣ. Въ то время, какъ онѣ стояли, стиснутыя въ толпѣ, ждавшей, чтобы на берегъ бросили сходни она неожиданно сообщила какъ-то вскользь:

— Я повѣнчалась съ нимъ только третьяго дня. Не знаю, знаете ли вы, но до того я набивала папиросы въ окнѣ Константинопулоса на Пиккадилли. Не вижу, собственно, чего мнѣ тутъ стыдиться. А вы?

— Ну, разумѣется, стыдиться нечего,—поддержала миссъ Ингэтъ.—Но какъ все это романтично! Правда, Одри?

Несмотря на романтическій интересъ обѣихъ женщинъ къ приключеніямъ прекрасной папиросницы, разочарованія начались тотчасъ же по выходѣ на берегъ. Францiя, о которой Одри столько слышала и мечтала, оказывалась довольно таки грязной, неряшливой и непривѣтливой. Таможня походила на поле битвы, въ которой не соблюдаютъ никакихъ законовъ войны; сцена въ буфетѣ напоминала грабежъ завоеваннаго города послѣ боя; вокзалъ представлялъ собою пустыню, въ которой тамъ и сямъ бродили какіе-то странные люди; платформы были нелѣпыя, въ вагоны надо лѣзть по ступенькамъ. Единственными романтическими черточками во всей этой картинѣ были сама Одри въ ея вдовьемъ вуалѣ и леди Саузминстеръ.

Одри пріѣхала во Францію и уѣхала въ Парижъ исключительно для того, чтобъ увидать воочію свою мечту, которая въ ней создалась подъ впечатлѣніемъ писемъ и фотографій, присылаемыхъ м-мъ Пиріакъ. Хотя никакого родства между нею и м-мъ Пиріакъ не было—м-мъ Пиріакъ была дочерью отъ перваго брака вдовы француженки, на которой былъ женатъ первымъ бракомъ м-ръ Мозъ—тѣмъ не менѣе Одри м-мъ Пиріакъ представлялась чѣмъ-то вродѣ ея старшей сестры. Она ни разу не видала м-мъ Пиріакъ, но питала къ ней большое уваженіе; несомнѣнно, это м-мъ Пиріакъ внушила ей мысль, что Францiя въ сравненіи съ Англіей—все равно, что рай въ сравненіи съ чистилищемъ. Кромѣ того, она влюбилась въ портреты м-мъ Пиріакъ, въ изящество ея нарядовъ, и до смерти завидовала м-мъ Пиріакъ особенно съ тѣхъ, поръ, какъ она сама стала свободной и

богатой. М-мъ Пиріакъ очень сердечно приглашала ее, послѣ смерти м-ра Моза, погостить у нея въ Парижѣ, Одри отказалась—изъ зависти. Она не хотѣла пріѣхать къ м-мъ Пиріакъ деревенщиной, неотесанной, умѣющей говорить только на одномъ языкѣ и совсѣмъ не знающей свѣта. Она придетъ къ ней—но придетъ взрослой, свѣтской женщиной, которая сумѣетъ держать себя въ любой гостиной. А потому миссъ Ингэтъ захватила съ собою адресъ одного изъ парижскихъ пансіоновъ и два-три рекомендательныхъ письма отъ своихъ политическихъ друзей въ Лондонѣ.

Да, Франція оказывалась много хуже своей репутаціи, и насмѣшливая улыбка миссъ Ингэтъ какъ-будто говорила: „Такъ вотъ она какая, ваша Франція?"

Однакожь, для Одри, если не для миссъ Ингэтъ съ ея старосвѣтскими требованіями, все это скрашивалось тѣмъ фактомъ, что она уѣхала въ Парижъ вмѣстѣ съ самой юной англійской пэрессой. Это леди Саузминстеръ сама сказала ей. Въ то время, какъ онѣ отправляли телеграмму по данному ею адресу въ Лондонъ, красавица нагнулась и шепнула имъ: „Вы знаете? я самая молодая пэресса въ Англіи". И, по ея открытой, ласковой улыбкѣ видно было, что она говоритъ правду. Пэра, однакожь, онѣ не нашли ни на вокзалѣ, ни на пароходѣ, ни на набережной. А пэресса ждать не хотѣла. Ее явно пугала перспектива остаться въ Калэ одной, хотя бы только до слѣдующаго экспресса. Она объяснила, что въ Парижѣ ихъ долженъ встрѣтить на вокзалѣ „человѣкъ" ея супруга. Въ буфетѣ она съ аппетитомъ пообѣдала вмѣстѣ съ Одри и миссъ Ингэтъ и все время не отпускала ихъ отъ себя ни на шагъ. Самое простое было предоставить ей поступать, какъ она хочетъ.

Такъ онѣ и сдѣлали.

Миссъ Ингэтъ заранѣе такъ безцеремонно разложила вещи по всѣмъ мѣстамъ, что молодыя женщины оказались однѣ въ купэ. Какъ только поѣздъ тронулся, пэресса разрыдалась. Затѣмъ, вытеревъ свои небесные глупые глазки, подбодрилась и принялась разсказывать своимъ спутницамъ о томъ, какой у нея чудесный новый приборъ для ногтей. Къ несчастью, показать имъ его она не могла, такъ какъ онъ остался въ каютѣ. Съ ней, вообще, ничего не было, кромѣ платья, которое было на ней надѣто, нѣсколькихъ англійскихъ журналовъ, купленныхъ въ Калэ, да сумочки, въ которой была кучка денегъ и конфектъ.

— Онъ это нарочно сдѣлалъ,—сообщила она Одри,—какъ только миссъ Ингэтъ пошла въ вагонъ-ресторанъ заваривать чай.—Я увѣрена, что это сдѣлалъ нарочно. Спрятался, а потомъ явится, когда будетъ думать, что я уже потеряла

надежду видѣть его снова. Вы знаете, почему я не хотѣла брать вещи изъ каюты? Потому, что мы изъ за нихъ поссорились, и онъ мнѣ наговорилъ всякихъ гадостей. Мы даже не разговаривали съ нимъ. И вчера вечеромъ не разговаривали. У него—т. е. у насъ — автомобиль испортился, и намъ пришлось ѣхать домой изъ цирка въ омнибусѣ. Онъ не могъ раздобыть таксомотора. Конечно, это не его вина, но мнѣ одна подруга сказала наканунѣ моей свадьбы, что леди непремѣнно должна разсердиться на своего мужа, если онъ послѣ театра везетъ ее домой не въ таксомоторѣ—она говоритъ: это для нихъ полезно,—для мужей, значитъ. И я сперва сказала, что, вѣдь, не мнѣ же идти за таксомотромъ. Потомъ, что пусть онъ сходитъ, а я подожду,—потомъ предложила идти пѣшкомъ, а потомъ ѣхать въ омнибусѣ. И это его доканало. Онъ говоритъ: „Что же мнѣ, прикажешь, родить таксомоторъ, если его нѣтъ?“ И выругался. Ну, я, понятное дѣло, надулась. Это, знаете, слѣдуетъ. А туфельки у меня были тоненькія, и я озябла. Но, вѣдь, всего двѣ недѣли тому назадъ я набивала папиросы въ витринѣ у Констанинопулоса. Не правда ли, забавно? Помимо этого, онъ дивный! Но, послушайте, нельзя же хворать морской болѣзнью, когда везешь молодую жену въ Парижъ, въ медовый мѣсяцъ. Я такъ и знала, что онъ заболѣетъ, когда уходила изъ каюты, но онъ увѣрялъ, будто онъ совсѣмъ здоровъ. Что жь это за мужчина, который не можетъ прійти поухаживать за женой, когда она больна? По моему, это вовсе и не мужчина. Вы не находите? Вы, вѣдь, навѣрное, въ этомъ во всемъ болѣе меня смыслите?

Одри коротко поддакнула ей, радуясь, что пэресса такъ занята собой, что ей не до разспросовъ и не до любопытства.

— Да, бракъ—не шеколадка съ кремомъ, — вздохнувъ, замѣтила пэресса.—Хотите шеколадку?—И она гостепріимно раскрыла сумочку.

И затѣмъ принялась за журналы. Но, не успѣла взглянуть на обложку втораго, какъ вскрикнула и, тяжело дыша, передала журналъ Одри. На обложкѣ было напечатано крупнымъ шрифтомъ заглавіе разсказа знаменитаго автора коротенькихъ разсказовъ:

Человѣкъ за бортомъ.

И подозрѣніе, таившееся въ глубинѣ сердецъ обѣихъ женщинъ, выползло на свѣтъ Божій.

— Ну, да, онъ это сдѣлалъ! Онъ это сдѣлалъ на зло мнѣ!—слезливо бормотала леди Саузминстеръ.

— Что вы такое говорите?!—возмущалась Одри.—Еслибы

онъ упалъ за бортъ, кто-нибудь увидалъ бы, и капитанъ велѣлъ бы остановить пароходъ.

— Ну, вотъ еще! Съ чего вы взяли? Нѣтъ ужъ—это мнѣ предзнаменованіе. Куда же еще онъ могъ дѣваться, я васъ спрашиваю?—И красавица заплакала.

Когда вошла миссъ Ингэтъ, молодая женщина, наплакавшись, уже спала. Миссъ Ингэтъ была чуточку блѣднѣй обыкновеннаго. Убѣдившись, что пэресса крѣпко спитъ, она шепнула Одри:

— Онъ въ сосѣднемъ купэ... Должно быть, до послѣдней минуты онъ прятался на пароходѣ, а затѣмъ сѣлъ въ вагонъ въ то время, какъ мы отправляли телеграмму.

Поблѣднѣла и Одри.

— Разбудить ее?

— Боже сохрани! Чтобъ она тутъ устроила супругу сцену? Ну нѣтъ, я не стану ее будить. Но онъ дуракъ.

— Почемъ вы знаете?

— Надо быть дуракомъ, чтобы жениться на ней.

— Ну, знаете, будь я мужчиной, я бы не задумалась жениться на такой очаровательной мордашкѣ.

— Да, еслибъ онъ женился только на мордашакѣ. Но, вѣдь, у нея, кромѣ мордашки, есть и то, что она зоветъ своей душой.

— Онъ молодой?

— Да. И, въ своемъ родѣ, такъ же красивъ, какъ и она.

— Тогда...

Спящая шевельнулась, и обѣ женщины умолкли.

Дорога имъ казалась безконечной, но юная графиня всю дорогу спала. Стало смеркаться; изъ лощинъ поднялся туманъ; станціи стали чаще. За стекломъ замелькали электрическіе фонари. Но поѣздъ все еще нещадно громыхалъ, раскачивался, дребезжалъ; усталые лорды, леди и финансисты перечитали всѣ иллюстрированные ежемѣсячники и всѣ дорожные романы, какіе только можно было найти на станціяхъ, и бродили скучающіе, среди разбросанныхъ газетъ, пустыхъ стакановъ и бутылокъ. Затѣмъ поѣздъ убавилъ ходу, и Одри, выглянувъ въ окно, увидала межъ темныхъ тучъ блѣдный куполъ собора. Это было волшебное видѣнье—первый намекъ на Парижъ. И Одри невольно воскрикнула: „О!“—совсѣмъ, какъ дѣвочка, не какъ вдова. Поѣздъ загромыхалъ въ ущельяхъ, между рядами высоченныхъ домовъ, въ окнахъ которыхъ мигали огоньки, съ ревомъ проносясь подъ мостами, визжа и попирая лѣса электрическихъ лампочекъ, лившихъ холодный, голубоватый свѣтъ, и наконецъ, остановился подъ высокимъ гулкимъ сводомъ.

Парижъ!

Невѣдомо почему, всѣ иллюзіи Одри относительно Франціи воскресли снова. Она вдругъ убѣдилась, что Парижъ не можетъ не быть раемъ.

Леди Саузминстеръ проснулась.

Почти одновременно съ этимъ по коридору прошелъ молодой человѣкъ, очень элегантный. Жена лорда вздрогнула, схватила свою сумочку и помчалась за нимъ, но ей загородили путь другіе пассажиры. Она поймала его только, когда онъ уже вышелъ на платформу, на днѣ темной пропасти подъ окнами вагоновъ. Онъ только что успѣлъ отвѣтить на поклонъ встрѣчавшаго его лакея и отдать ему пр..казаніе. Молодая женщина схватила его за руку. Онъ вырвался и быстро пошелъ по платформѣ, руководимый благоразумнымъ мужскимъ инстинктомъ, не выносящимъ сценъ при постороннихъ. Она почти бѣжала за нимъ и все время говорила. Они уходили все дальше. Одри и миссъ Ингэтъ, высунувшись изъ оконъ, смотрѣли имъ вслѣдъ. Въ концѣ платформы парочка шла уже рядомъ, и Одри видѣла, какъ лордъ Саузминстеръ прижалъ къ себѣ руку леди Саузминстеръ, послѣ чего оба мгновенно скрылись изъ виду. Одри и миссъ Ингетъ, брошенныя, забытыя, не получившія и слова благодарности за всѣ свои заботы, толкаемыя пассажирами и лакеемъ, влѣзшимъ въ вагонъ, чтобы взять вещи своего господина, посмотрѣли другъ на друга и расхохотались.

— Такъ вотъ оно что такое супружество!—сказала Одри.

— Нѣтъ,—возразила миссъ Ингэтъ:—это любовь. Я много видѣла влюбленныхъ на своемъ вѣку, со времени первой помолвки моей сестры Арабеллы и всѣ влюбленные, по моему, ужасно странные.

— Надѣюсь, они будутъ счастливы,—сказала Одри.

— Ты думаешь?—сказала миссъ Ингэтъ.

VIII. Эксплоатація вдовства.

Вагонъ весь опустѣлъ, и наши двѣ авантюристки стояли однѣ среди пустыхъ дивановъ. И платформа тоже была пуста Ни одного носильщика въ виду. Старая дѣва и молоденькая вдовушка съ полными кошельками денегъ, вынуждены были съ превеликими усиліями сами вытащить свои вещи на платформу.

Мимо прошелъ какой-то служащій.

— Porteur?—робко прошептала Одри.

Служащій ухмыльнулся, пожалъ плечами и исчезъ.

Одри снова почувствовала себя робкой школьницей. Здѣсь въ этомъ чужомъ городѣ она была безпомощна; миссъ Ин-

гэтъ тоже. И надо же ей было выдумать ѣхать въ Парижъ Сидѣла бы себѣ въ деревнѣ, въ Мозѣ, и какъ было бы хорошо! Какъ можно было выдумать такую глупость, какъ это нелѣпое путешествіе, которое могло только отдать ихъ на посмѣяніе и привести къ какой-нибудь бѣдѣ!.. Одри едва не плакала. Затѣмъ появился другой служащій, повидимому сторожъ, растрепанный и грязный; нерѣшительно взялъ одинъ чемоданъ, потомъ другой... и постепенно обвѣшалъ себя всего мѣшками и картонками. Одри и миссъ Ингэтъ покорно шли за нимъ. Высокій сводъ весь гудѣлъ отъ свистковъ, шипѣнья пара и стука колесъ вагоновъ.

Въ концѣ платформъ была толпа народу, всѣ почти озабоченные, суетливые. И что за публика! Одри въ мечтахъ ожидала увидѣть сверкающій бѣлый вокзалъ, полный изящныхъ дэнди и элегантныхъ парижанокъ, одѣтыхъ, точно модныя картинки, веселыхъ и безпечныхъ—вѣдь, это же Парижъ! Въ дѣйствительности, такой обтрепанной, грязной толпы она еще никогда не видала. Ни единаго проблеска изящества. Ни намека на колоритность, ни улыбающихся, ни насмѣшливыхъ красивыхъ лицъ. Такъ, просто толпа...

Въ концѣ концовъ, выполнивъ множество формальностей, Одри и миссъ Ингэтъ добрались до холодной и вонючей таможни, гдѣ происходилъ осмотръ багажа. Неузнаваемые пэры и прочія высокопоставленныя личности стояли въ ожиданіи возлѣ длинныхъ стоекъ, образовывавшихъ пролеты, въ которыхъ ровно ничего не было. Но вотъ, откуда-то, изъ задней двери выѣхала телѣжка, высоко нагруженная сундуками и чемоданами, носильщики мгновенно расхватали ихъ, разбросали по конторкамъ, и путешественники столпились около своихъ вещей. Появились таможенные чиновники. Щелкали поворачиваемые въ замкахъ ключи, отскакивали, поднимаясь, крышки, тамъ и сямъ на общемъ грязно-сѣромъ фонѣ сверкало бѣлизной бѣлье. Миссъ Ингэтъ съ ужасомъ замѣтила, что изъ одного дамскаго сундука выложили всѣ вещи, обнаруживъ передъ насмѣшливыми взорами интимнѣйшее достояніе его владѣлицы. Вскорѣ стойки были завалены вещами, какъ на ярмаркѣ. Но сундуковъ и чемодановъ Одри и миссъ Ингэтъ не видать было нигдѣ. Не даромъ обѣ онѣ, съ самаго выѣзда изъ Лондона, втайнѣ боялись, что ихъ багажъ заблудится въ дорогѣ.

— О! Мой сундукъ!—вскричала миссъ Ингэтъ.

Подъ грудою другихъ на вновь подъѣхавшей телѣжкѣ она высмотрѣла свой дорожный сундукъ. И Одри увидала его. И ужасно обрадовалась. Это былъ какъ будто кусочекъ дома, кусочекъ Англіи и Моза. Обѣимъ захотѣлось погладить его словно домашнее животное. И онѣ устремились

къ сундуку, позабывъ о ручномъ багажѣ. Носильщикъ перепрыгнулъ черезъ стойку и звалъ ихъ, требуя ключа Вслѣдъ за сундукомъ миссъ Ингэтъ появились и вещи Одри, все было въ цѣлости. Маленькій, но сердитый таможенный чиновникъ, въ отвѣтъ на призывы носильщика, подошелъ и сталъ у стойки противъ нихъ, и положилъ руку на сундукъ миссъ Ингэтъ.

— Открыть,—сказалъ онъ по англійски.

Миссъ Ингэтъ раскрыла кошелекъ и знаками дала понять чиновнику, что у нея тамъ нѣтъ ключа отъ сундука, и крикнула, погромче, чтобъ онъ понялъ:

— Нѣтъ ключа... Потерянъ!

И сконфуженно повернулась къ Одри.

— Мнѣ говорили, что когда вещей много, они открываютъ только одно что-нибудь. Пусть откроютъ какой-нибудь другой сундукъ.

Но чиновникъ уже шелъ дальше и занялся чьими то другими вещами.

Одри разсердилась.

— Миссъ Ингэтъ, у васъ былъ ключъ, когда мы садились въ вагонъ; вы мнѣ показывали его. Не можетъ быть чтобы вы его потеряли.

— Нѣтъ,—преспокойно, съ хитрой улыбочкой призналась Винни.—Я и не думала терять его. Но я не хочу, чтобы всѣ мои вещи выкладывали на столъ передъ этими иностранцами Это прямо постыдно. Для осмотра женскихъ вещей нужны особыя комнаты и женщины-чиновники. И онѣ будутъ, какъ только женщины получатъ право голоса. Пусть открываютъ твои сундуки. У тебя все новое.

Тѣмъ временемъ носильщикъ скороговоркой что-то кричалъ по французски на ухо Одри.

— Винни, вы обязаны отпереть свой сундукъ, разъ чиновникъ этого требуетъ,—сказала она.—Нельзя же быть такой нелѣпой.—Въ ея голосѣ была насмѣшливая ласка, но былъ и приказъ. Въ эту минуту ее, дѣйствительно, можно было принять за вдову.

— Да не хочу я...

— Носильщикъ говоритъ, что иначе мы будемъ тутъ сидѣть всю ночь.

— Ты развѣ знаешь по французски?

— Я, вѣдь училась, въ школѣ. Я не каждое слово понимаю, но общій смыслъ, все таки, уловить могу,—И Одри принялась, по своему разумѣнію переводить слова носильщика.—Онъ говоритъ, что, когда хозяева вещей не хотятъ отпирать сундукъ, здѣсь иногда разыгрываютъ ужасныя

сцены, зовутъ полицію. Онъ говоритъ, что вашихъ вещей выкладывать на столъ не будутъ.

Миссъ Ингэтъ смотрѣла въ одну точку и загадочно улыбалась. Одри и въ голову не приходило, что въ миссъ Ингэтъ сидитъ столько глупости и упрямства. Ея жизненный опытъ постепенно обогащался.

— О! Посмотри!—сказала миссъ Ингэтъ.—Вотъ это, ужъ навѣрное, настоящіе парижане.—Ея старанія отвлечь вниманіе, ея неспособность осмыслить положеніе выводили изъ себя молодую вдову. Одри посмотрѣла въ ту сторону, куда указывала миссъ Ингэтъ, и увидала въ дверяхъ таможни двухъ дамъ и юношу, закутанныхъ, но, очевидно, въ яркихъ маскарадныхъ костюмахъ. Всѣ трое весело смѣялись.

— Вотъ это такъ, сейчасъ видать, французы,—повторила миссъ Ингэтъ.

Одри топнула ножкой по асфальтовому полу. Ее поминутно толкали пассажиры, спѣшившіе забрать свои вещи, уже осмотрѣнныя. Она была настроена очень пессимистически; она видѣла что миссъ Ингэтъ не переупрямишь; мысль объ огромномъ, шумномъ, сверкающемъ огнями городѣ за стѣнами вокзала нагоняла на нее робость. Носильщикъ, отошедшій, чтобы взять ихъ ручной богажъ, который онѣ бросили, вернулся и подталкивалъ ее подъ локоть, указывая на чиновника, который снова подходилъ къ нимъ. Таможенникъ былъ сердитый, но маленькій и взглядъ у него былъ скорѣе ласковый.

Одри, вдругъ разхрабрившись, стала противъ него, иронически повела плечами, указавъ ему взглядомъ на сундукъ миссъ Ингэтъ, и съ милой, ласковой, грустной улыбкой очаровательнымъ пригласительнымъ жестомъ коснулась самаго маленькаго изъ своихъ чемодановъ. Это была сознательная эксплоатація ея вдовья положенія. Таможенный чиновникъ гнѣвно пожалъ плечами, развелъ руками и приказалъ носильщику открыть маленькій чемоданчикъ.

— Я тебѣ говорила,—небрежно бросила миссъ Ингэтъ.

Одри способна была бы ударить ее, еслибъ ее не отвлекло ошеломляющее сознаніе того факта, что однимъ лишь взглядомъ и жестомъ она покорила таможенника—иностранца и незнакомаго. Ей хотѣлось остаться одной, чтобы подумать. Не успѣли запереть чемоданчикъ, какъ Одри услыхала позади себя дѣвичій голосъ, говорившій съ американскимъ акцентомъ:

— Вы, навѣрное, миссъ Ингэтъ?

— Да, это я,—восторженно откликнулась миссъ Ингэтъ.

Тріо въ маскарадныхъ костюмахъ и плащахъ окружило миссъ Ингэтъ, какъ почетные тѣлохранители.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣло „Русскаго Богатства“

(Изъ матеріаловъ архива бывшаго Департамента полиціи).

Въ огромной массѣ бумагъ, хранившихся въ архивѣ покойнаго Департамента полиціи и переданныхъ послѣ февральской революціи въ Академію наукъ, есть значительное количество дѣлъ, посвященныхъ различнымъ событіямъ изъ жизни русской литературы и журналистики. Среди этихъ дѣлъ есть и дѣла почти о всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, отличавшихся оппозиціоннымъ направленіемъ,—отъ „толстыхъ“ журналовъ,—„Жизни“, „Научн. Обозрѣнія“, до ежедневныхъ газетъ:—амфитеатровской „Россіи“, тифлисскаго „Новаго Обозрѣнія“ и т. д. Трудно переоцѣнить интересъ этихъ дѣлъ: они знакомятъ насъ съ доселѣ намъ совершенно невѣдомою стороной исторіи журналистики,—съ тѣмъ, что думали о послѣдней руководители нашей внутренней политики, съ тѣми мѣрами борьбы противъ нея, которыя эти руководители вырабатывали въ укромныхъ кабинетахъ Департамента.

Среди этихъ дѣлъ намъ удалось найти и дѣло „Русскаго Богатства“.

Сравнительно небольшое по объему (16 документовъ на 37 листахъ), это дѣло, по всей вѣроятности, не было единственнымъ, заведеннымъ о журналѣ въ департаментскихъ тайникахъ. Начатое 27 сент. 1897 г. и законченное 13 января 1900 г., оно охватываетъ лишь очень небольшой періодъ изъ жизни журнала, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній, думать что ни раньше, ни тѣмъ болѣе позднѣе. Департ. полиціи не удостаивалъ послѣдній своимъ высокимъ вниманіемъ. Больше, чѣмъ вѣроятно, что въ архивѣ Департамента полиціи есть и другія дѣла о журналѣ, но разыскать ихъ тамъ, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ въ виду хаотическаго состоянія, въ которомъ въ данное время находится этотъ архивъ: дѣла лежатъ въ огромныхъ кучахъ по годамъ, безъ всякой системы, и тому, кто захочетъ найти какое либо дѣло, даже если онъ знаетъ годъ, когда оно начато, придется перекидать не одну сотню папокъ, прежде чѣмъ найдетъ нужную; искать же дѣло, не зная года его начала,—вещь явно безнадежная.

Поэтому приходится отказаться отъ мысли теперь же писать полную исторію журнала по департаментскимъ источникамъ и удовлетвориться лишь тѣмъ отрывкомъ изъ нея, который удалось найти. Но и этотъ небольшой отрывокъ охватывая такой интересный и въ исторіи русской общественной жизни, и въ исторіи журналистики періодъ, какъ конецъ 90-хъ г.г., даетъ не мало любопытнаго матеріала для составленія „послужного" списка журнала.

Обычно Деп. полиціи всѣ дѣла о легальныхъ изданіяхъ относилъ къ серіи дѣлъ о „произведеніяхъ легальной печати"; къ этой серіи отнесены дѣла „Жизни", „Нов. Слова", „Совр. Курьера", драмы О. Мирбо: „Дурные пастыри" и многія другія. Для „Русскаго. Богатства" сдѣлано почему то исключеніе: его дѣло отнесено къ другой серіи дѣлъ—о „произведеніяхъ нелегальной литературы", гдѣ оно фигурируетъ рядомъ съ дѣлами о заграничныхъ изданіяхъ,—о „Free Russia", „Листкахъ Фонда Вольн. Рус. Прессы", „Освобожденіе" и пр.

Чѣмъ вызвана эта необычная классификація дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и журнала, судить не беремся. Вѣроятнѣе всего,—простымъ недоразумѣніемъ и невысокимъ уровнемъ политической грамотности какого-нибудь изъ департаментскихъ столоначальниковъ,—изъ тѣхъ, которые вмѣсто: „Дѣло сотрудника изъ Карлсрүэ" писали: „Дѣло сотрудника изъ кастрюли" [1]). Но даже и въ этомъ случаѣ ошибка эта въ достаточной мѣрѣ показательна для характеристики отношенія, сложившагося къ журналу въ Департаментѣ полиціи. Открывается это дѣло слѣдующимъ доносомъ какого-то „Мстислава Всезнайскаго", поступившимъ въ Департаментъ 26 сент. 1897 г.:

„Ваше превосходительство! Преданность къ Вамъ заставляетъ меня дать вамъ знать, какъ мало толку въ постоянныхъ арестахъ, производимыхъ Вами. Вы хватаете не истинныхъ дѣятелей, а несчастныхъ жертвъ гипноза настоящихъ распространителей губительнаго ученія молодежи. Вамъ стоитъ взять въ руки одну изъ книгъ соціалъ-демократическаго журнала „Русское Богатство" и Вы поймете, гдѣ кишатъ главари распространенія возмутительныхъ идей. Каппните это сплоченное гнѣздо соціалъ-фанатиковъ, Вы найдете тамъ массу интереснаго. Если вамъ удастся пресѣчь подпольную пропаганду, Вы облегчите значительно вашу трудную дѣятельность и спасете общество отъ губительной заразы вредныхъ идей. Главари, какъ Иванченъ, дѣйствуютъ черезъ другихъ лицъ и прячутся за ихъ спины, о его подлостяхъ ходитъ много слуховъ по Петербургу и за чертой его. Что только есть политически-пре-

---

[1]) Такъ озаглавлено въ департаменскомъ архивѣ дѣло тогда еще скромнаго студента изъ Карлсрүэ, Азефа.

ступнаго—все найдете въ этой хитроумной старой лисицѣ. Теперь онъ немножко дрожитъ за свою судьбу, онъ удралъ по своимъ политическимъ дѣламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порастрясти свою трусость. Одна птичка, очарованная этой очковой змѣей, несетъ испытаніе и загублена его милостью, о чемъ сдѣлается извѣстнымъ Государю. Вашъ покорный слуга Мстиславъ Всезнайскій.»

Самъ по себѣ этотъ доносъ, написанный ломанными печатными буквами, никакого интереса не представляетъ, но характерно, что въ Департаментѣ полиціи къ нему отнеслись со вниманіемъ. Онъ былъ доложенъ „самому" директору Департамента полиціи,—г. Зволянскому,—который пробѣгаетъ его, отчеркивая синимъ карандашомъ пару мѣстъ (гдѣ говорится о „соціалъ-демократическомъ характерѣ" „Русскаго Богатства" и объ „Иванченѣ"), и собственноручно кладетъ резолюцію: „III. Прошу Л. А. Ратаева переговорить", т. е. направляетъ доносъ по III отдѣленію Департамента (отдѣленіе это завѣдывало всякаго рода административными дознаніями), во главѣ котораго стоялъ Л. А. Ратаевъ,—одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ дѣятелей стараго, до-зубатовскаго, Департамента полиціи. И дальше—повидимому, послѣ разговора съ Л. А. Ратаевымъ,—тѣмъ же Зволянскимъ въ другомъ углу доноса ставится другая помѣтка: „В. М. Пирамидову", направляющая доносъ къ полк. В. М. Пирамидову,—тогдашнему начальнику спб. охраннаго отдѣленія,—за справками.

Послѣдній не удостоилъ доносъ большими разъясненіями,—приписавъ лишь въ концѣ одну фразу: „Рѣчь идетъ, видимо, объ Иванчинъ-Писаревѣ. Полк. Пир..." Съ этой припиской доносъ возвращается въ Деп. полиціи Л. А. Ратаевъ дѣлаетъ на немъ помѣтку о заведеніи дѣла „Рус. Бог." и съ доносомъ дѣло закончено. Но для „Русскаго Богатства" дѣло такъ просто не оканчивается.

Какъ разъ въ это время м-во внутреннихъ дѣлъ, озабоченное оживленіемъ толстыхъ журналовъ, начинаетъ подготовлять нѣкорую чистку въ ихъ средѣ. И дѣйствительное значеніе доноса „Мстислава Всезнайскаго" въ томъ и заключалось, что онъ далъ Департаменту полиціи лишнее подтвержденіе вредоносности одного изъ этихъ журналовъ. Охранному отдѣленію поручается составить докладныя записки о направленіи и сотрудникахъ петербургскихъ ежемѣсячниковъ. И, въ результатѣ, въ „дѣлѣ Русскаго Богатства" появляется довольно обстоятельная записка о „Русск. Бог.", озаглавленная: „Русское Богатство", письмо второе". Изъ текста этого письма мы узнаемъ, что „письмо первое",—хранящееся, очевидно, въ какомъ нибудь другомъ дѣлѣ архива,—было посвящено характеристикѣ тогдашняго антагониста „Русскаго Богатства"—марксистскаго „Новаго Слова".

„Отъ Новаго Слова", — говорится въ „письмѣ второмъ",—къ „Русскому Богатству" переходъ представляется наиболѣе естественнымъ. Оба эти журнала дѣлаютъ одно и то же дѣло—подка-

пываются подъ самодержавный нашъ строй, но только съ двухъ противоположныхъ концовъ. „Новое Слово“, развертывая знамя марксизма и разсчитывая на аудиторію изъ читателей исключительно интеллигентныхъ, возлагаетъ всѣ надежды въ дѣлѣ борьбы съ самодержавіемъ на двѣ основныя силы: на разрушительное дѣйствіе „капитала“, естественное, по убѣжденію г.г. Туганъ-Барановскаго и Струве, и на проповѣдь революціонныхъ идей среди русской интеллигенціи. „Русское Богатство“ же, съ своей стороны, развертываетъ другое знамя, знамя „народничества“, на первый взглядъ болѣе невинное, а стало быть и менѣе опасное для редакціи, но стремится къ той же цѣли—разрушенію самодержавія. Дискредитировать дѣйствія администраціи, указывать на православное духовенство, какъ на источникъ народнаго невѣжества, вопіять о повсемѣстныхъ, непрерывныхъ голодовкахъ, плакаться на несчастную судьбу народнаго учителя—такова одна часть программы „Русск. Бог.“. Другая заключается въ томъ, чтобы подъ видомъ заграничныхъ писемъ, преимущественно изъ Лондона, Парижа, Берлина и Вѣны, въ простой общедоступной формѣ доказывать читателямъ, какъ счастливы наши западные сосѣди и какъ обездолены мы, русскіе. Авторами этихъ заграничныхъ писемъ выступаютъ либо пребывающіе въ Петербургѣ сотрудники журнала, либо же русскіе эмигранты въ Парижѣ и Лондонѣ. Съ этими послѣдними журналъ, вдохновляемый г.г. Н. К. Михайловскимъ и Короленко, поддерживаетъ постоянныя сношенія. Все это хорошо извѣстно всякому вдумчивому читателю „Русск. Богат.“—но что не совсѣмъ извѣстно очень многимъ, заключается въ нижеслѣдующемъ: какимъ образомъ возможно, чтобы журналъ, выходящій подъ предварительной цензурой, могъ такъ настойчиво и упорно проводить явно враждебныя нашему государственному строю идеи? Въ здѣшнихъ либеральныхъ литературныхъ кружкахъ объясняютъ себѣ этотъ фактъ тѣмъ, что у г.г. Михайловскаго и Короленко имѣются значительныя связи въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ. Этотъ престижъ, которымъ давно уже пользуется „Русское Богатство“, главнымъ образомъ, и обезпечиваетъ ему успѣхъ среди публики. Всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ журналъ этотъ, въ рукахъ Л. Е. Оболенскаго, влачилъ жалкое существованіе, хотя и тогда онъ придерживался радикальнаго направленія. Теперь же „Русское Богатство“ является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ и имѣетъ десятки тысячъ читателей, преимущественно читается учащеюся молодежью.

„Для характеристики „Русск. Бог.“ нѣтъ надобности дѣлать длинныя выписки изъ его статей. Достаточно заглянуть въ любую статью г. Южакова, въ любое ежемѣсячное „Внутреннее Обозрѣніе“, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что журналъ этотъ ведетъ упорную борьбу съ самодержавіемъ, преимущественно при-

бѣгая къ такому опасному орудію, какъ дискредитированіе органовъ администраціи.

„Главные вдохновители и сотрудники „Русск. Бог.“ старые, испытанные борцы за дѣло революціи, давно и хорошо извѣстные читающей публики; между ними не мало людей, пользующихся неотразимымъ вліяніемъ на умы молодежи. На первомъ мѣстѣ, конечно, Ник. Конст. Михайловскій, о политической благонадежности котораго говорить излишне. И наша учащаяся молодежь и либеральная публика давно уже привыкла связывать съ именемъ этого писателя представленіе о ненависти къ православію и самодержавію Правая рука покойнаго Салтыкова - Щедрина по редактированію „Отечеств. Записокъ“, другъ Некрасова, Чернышевскаго, Елисѣева, Плещеева, преемникъ Добролюбова, Писарева и Бѣлинскаго,— Н. К. Михайловскій пользуется огромнымъ нравственнымъ обаяніемъ въ мірѣ молодежи, съ которой онъ поддерживаетъ непрерывныя сношенія. Наряду съ именемъ Михайловскаго слѣдуетъ отмѣтить имена г.г. Короленко и Серг. Никол. Южакова, изъ которыхъ первый, слѣдуя по стопамъ Михайловскаго, какъ публицистъ, пользуется еще большимъ вліяніемъ на умы, какъ беллетристъ, а второй примыкаетъ прямо къ народовольческой партіи, какъ соціалогъ. Сотрудничество Южакова въ подпольныхъ народовольческихъ изданіяхъ послѣдняго времени года два тому назадъ не отрицалось ни имъ самимъ, ни его друзьями въ интимныхъ бесѣдахъ. Затѣмъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Русскаго Богатства“ состоитъ Н. Ѳ. Анненскій, у котораго обширныя связи въ провинціи, преимущественно среди земскихъ дѣятелей. Н. Ѳ. Анненскій ведетъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ „Внутреннее Обозрѣніе“, но свои многочисленныя письма изъ прог нціи онъ получаетъ не по адресу журнала, а по многимъ адресамъ своихъ многочисленныхъ здѣсь знакомыхъ и почитателей. Между послѣдними слѣдуетъ отмѣтить проф. Исаева, К. К. Арсеньева и баронессу Икскюль. Послѣдняя вообще оказываетъ „Русскому Богатству“ неоцѣнимыя услуги.

„Однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „Р. Б.“ состоитъ также В. М. Михеевъ, извѣстный украинофилъ, сепаратистъ. У В. М. Михеева обширныя связи среди русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи, въ Парижѣ и Лондонѣ. Если къ вышеупомянутымъ именамъ главныхъ сотрудниковъ „Р. Б.“ прибавить еще имена Михайловскаго-Гарина, профессоровъ Чупрова и Посникова, то этимъ будетъ исчерпанъ почти весь списокъ сотрудниковъ этого журнала.

„Въ послѣднее время замѣчается сближеніе между группою „Русскаго Богатства“ съ Н. К. Михайловскимъ и Кривенко во главѣ и группою „Вѣстника Европы“ во главѣ съ К. К. Арсеньевымъ, Спасовичемъ, Кони и Слонимскимъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что журналъ г. Стасюлевича, „В. Е.“, чуждаясь явно революціонной пропаганды, открыто стоитъ за конституціонный монархиче-

скій режимъ въ Россіи. Между нимъ и болѣе радикальными органами нашей печати, какъ, напр., „Новое Слово“‘ „Русск. Бог.“, ‚Русск. Мысль“, всегда шла ожесточенная борьба, причемъ радикалы вышучивали „В. Е.“, какъ органъ благонамѣренности и аккуратности. Теперь за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ, состоялось значительное сближеніе между обѣими враждовавшими сторонами.

„Это обстоятельство чрезвычайно характерно для переживаемаго либералами и радикалами момента. Обѣ группы сознають, что имъ необходимо временно сойтись во имя интересовъ, общихъ имъ обѣимъ. Связующимъ звеномъ въ этомъ дѣлѣ явилась мысль о нелегальномъ, т. е. негласномъ съѣздѣ литераторовъ, возникшая въ головѣ К. К. Арсеньева и поддержанная нѣкоторыми изъ радикальной группы. Въ продолженіе всего истекшаго лѣта мысль о негласномъ съѣздѣ литераторовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся организаціи синдиката и борьбы съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати служила предметомъ оживленной переписки между Михайловскимъ, Арсеньевымъ, Мордовцевымъ, Гольцевымъ, Засодимскимъ, Короленко, Слонимскимъ и др., но разныя обстоятельства мѣшали осуществленію ея. Въ настоящее время она обсуждается въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ, и окончательное рѣшеніе будетъ принято послѣ того, какъ состоится очередное общее собраніе литературнаго союза.

„Остается еще отмѣтить, что главными вдохновителями и сотрудниками „Вѣстн. Евр.“ являются, кромѣ его редактора-издателя Стасюлевича, г.г. А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ, Л. З. Слонимскій, проф. Пыпинъ, В. Д. Спасовичъ и С. А. Венгеровъ. Этой группы писатели являются наиболѣе вліятельными и популярными представителями идеи конституціи. Чуждаясь всего, что носитъ на себѣ отпечатокъ нелегальности, всего, что требуетъ какой бы то ни было конспиративности, они дѣлаютъ свое дѣло открыто на страницахъ „Вѣстника Европы“, нисколько не скрывая своихъ стремленій добиться конституціи путемъ воздѣйствія на правительство и на образованные классы населенія“.

Подписи подъ этимъ письмомъ нѣтъ; только „полк. Пирамидовъ“ расписался въ томъ, что данная копія „съ подлиннымъ вѣрна“.

„Письмо второе“ было доложено директору департамента г. Зволянскому, положившему на немъ резолюцію: „въ докладъ Г. М-ру (т. е. министру вн. дѣлъ) вмѣстѣ съ запиской о „Новомъ Словѣ“. И письмо это, дѣйствительно, было доложено министру— объ этомъ свидѣтельствуетъ другая помѣтка того же Зволенскаго, сдѣланная имъ поверхъ первой: „Доложено 23/XI“.

Эти резолюціи и дата наводятъ на рядъ сопоставленій. Какъ извѣстно, 12 дек. 1897 г. состоялось постановленіе трехъ министровъ о закрытіи „Новаго Слова“. О томъ, какую роль въ этомъ рѣшеніи должно было сыграть мнѣніе м-ра внутр дѣлъ, говорить

не приходится: вопросъ былъ рѣшенъ, собственно говоря, имъ. Но рѣшеніе министра въ такомъ вопросѣ, конечно, опредѣлялось въ первую очередь мнѣніемъ и отзывомъ Департамента полиціи. Сопоставленіе же даты закрытія „Новаго Слова“ съ датой доклада Зволянскаго о направленіи трехъ журналовъ—„Новаго Слова“, „Русскаго Богатства“, и „Вѣстника Европы“ заставляетъ полагать, что для министра вопросъ о закрытіи былъ рѣшенъ именно на этомъ совѣщаніи съ г. Зволянскимъ. На немъ, очевидно, были взвѣшены на вѣсахъ „общественнаго порядка и безопасности“ всѣ прегрѣшенія трехъ журналовъ и выборъ палъ на „Новое Слово“, какъ казавшееся болѣе опаснымъ; что же касается до „Русскаго Богатства“, отзывъ „письма второго“ о которомъ былъ въ достаточной мѣрѣ суровъ, то съ нимъ рѣшено было, какъ видно изъ дальнѣйшихъ документовъ дѣла, повременить карою, быть можетъ, руководствуясь обычнымъ въ то время правиломъ,—дѣлать какъ можно меньше шума, каковаго, несомнѣнно, было бы очень много при одновременномъ закрытіи двухъ самыхъ популярныхъ ежемѣсячниковъ. „Русское Богатство“ было отдано подъ особый надзоръ Департамента полиціи. Такая мѣра не была обычной, ей подвергались только очень немногіе изъ журналовъ, и заключалась она въ томъ, что въ Департаментѣ полиціи ежемѣсячно составлялись и докладывались директору, а потомъ подшивались къ дѣлу особые обзоры очередныхъ книжекъ журнала; подъ такимъ надзоромъ, какъ видно изъ дѣла, журналъ состоялъ почти два года,—отъ ноябрьской книжки за 1897 г. до сентябрьской за 1899 г. включительно.

Прежде, чѣмъ перейти къ этимъ обзорамъ, отмѣтимъ еще, что на „письмѣ второмъ“ рукою Зволянскаго, повидимому, послѣ доклада м-ру вн. дѣлъ, сдѣлана помѣтка съ предложеніемъ „заготовить записку для памяти для Соловьева“—тогдашняго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Слѣдовъ этой записки въ дѣлѣ нѣтъ, но она, конечно, была заготовлена,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія для каждаго, кто хоть немного знакомъ съ царившей въ Департаментѣ полиціи исполнительностью.

Переходя къ департаментскимъ обзорамъ „Русскаго Богатства“, приходится прежде всего указать, что сами по себѣ они какого-либо интереса не представляютъ: сухимъ, канцелярски-бездарнымъ языкомъ,—и притомъ отнюдь не съ пониманіемъ дѣла,—передаютъ они изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ немногихъ строкахъ содержаніе части статей каждой данной книжки; нѣтъ никакихъ комментаріевъ, никакой оцѣнки. Бросается въ глаза полная случайность въ выборѣ статей, признанныхъ достойными чести быть отмѣченными. Въ первомъ обзорѣ, — за ноябрь 1897 г.,—эта случайность не бросается въ глаза. Этотъ обзоръ вообще составленъ болѣе тщательно, чѣмъ другіе,— въ немъ разсмотрѣны всѣ статьи, кромѣ трехъ (Л. С. Зака: „Нѣмецкіе крестьяне послѣ освобожденія“,

В. А.: „Къ дворянскому вопросу„ и Н. К.: „Французская критика") Но уже со слѣдующаго обзора случайность начинаетъ бить въ глаза.

Если мы попробуемъ искать какой-либо руководящій принципъ въ выборѣ статей, то только напрасно потеряемъ время. Обычно въ обзорахъ не отмѣчается беллетристика, но вотъ почему-то удѣляютъ 1/2 строки одному очерку Погорѣлова; обычно не касаются статей о заграничной жизни, но вотъ нѣсколько словъ (не полную строку) удѣляютъ статьѣ Діонео о лондонскихъ газетахъ, — статьѣ съ охранительной точки зрѣнія ровно никакого интереса не представляющей. Почему, напримѣръ, въ февральскомъ обзорѣ за 1898 г. отмѣчено академически отвлеченное письмо въ редакцію Карышева, а не отмѣчены касающіяся такихъ жгучихъ вопросовъ статьи, какъ Сигова о жалобахъ уральскихъ горнозаводчиковъ, какъ наблюденія Курнина надъ „хитрованцами"? Почему вниманіе обозрѣвателя остановилось на статьѣ Діонео и прошло мимо интересной, много болѣе важной съ точки зрѣнія того же охранительства статьи Водовозова? Какъ бы мы не старались, раціональнаго объясненія всему этому мы не найдемъ; причина, очевидно, коренится въ качествахъ неизвѣстнаго намъ департаментскаго обозрѣвателя,—въ его неумѣніи и нежеланіи тратить много времени на составленіе обзоровъ.

Для журнала это „нерадѣніе" обозрѣвателя шло, конечно, только на пользу: чѣмъ скучнѣе и тоще становились обзоры, тѣмъ меньше обращалъ на нихъ вниманія директоръ Департамента, которому они доставлялись болѣе или менѣе регулярно.

Вначалѣ г. директоръ читалъ обзоры довольно внимательно; на нихъ мы находимъ и сдѣланныя характернымъ почеркомъ г. Зволянскаго помѣтки о направленіи бумаги, и нотабене на поляхъ, около наиболѣе важныхъ съ его точки зрѣнія статей. Но скоро этихъ помѣтокъ становится меньше, а потомъ онѣ и совсѣмъ исчезаютъ: обзоры на самомъ дѣлѣ становятся такими, что и отмѣчать въ нихъ нечего,—вообще, если о журналѣ слѣдить только по тимъ обзорамъ, то можетъ составиться впечатлѣніе объ его быстромъ умираніи.

Помѣтки, касающіяся направленія обзоровъ, свидѣтельствуютъ, что они шли по такъ называемому особому отдѣлу,—отдѣлу, выдѣленному въ самомъ концѣ 1897 г. изъ III отдѣла и вѣдавшему всѣ дѣла политическаго розыска; во главѣ этого отдѣла въ тѣ годы стоялъ Л. А. Ратаевъ. Часты также отмѣтки: „къ дѣлу" и даты прочтенія обзора директоромъ Департамента (ноябрьскій обзоръ за 1897 г. прочитанъ 4 декабря и т. д.).

Болѣе интересны другія помѣтки, свидѣтельствующія о томъ, какія статьи въ журналѣ обратили на себя вниманіе директора.

Въ ноябрьскомъ обзорѣ за 1897 г. Зволянскій ничего примѣчательнаго не нашелъ, и на обзоръ наложена только общая резо-

люція: „къ свѣдѣнію". Большаго вниманія удостоилась слѣдующая, декабрьская книжка „Русск. Богатство."; въ ней обратила на себя директорское вниманіе статья Н. Ѳ. Анненскаго: „Два рабочихъ закона". Въ этой статьѣ авторъ, разбирая существующее въ Россіи законодательство о сел.-хоз. рабочихъ, доказывалъ, что оно преслѣдуетъ одну цѣль—увеличеніе правъ помѣщика надъ рабочими, и безъ того, благодаря соотношенію силъ на рынкѣ труда, стоящимъ въ невыгодныхъ условіяхъ; заключительная мысль автора—о стремленіи помѣщиковъ къ дальнѣйшему закрѣпленію за ними сел.-хоз. рабочихъ, авторомъ обзора сформулирована такъ: „Землевладѣльцы ищутъ выхода изъ теперешняго положенія, добиваясь возстановленія того принудительнаго характера, *который былъ при крѣпостномъ правѣ. Первый шагъ къ тому—установленіе рабочихъ книжекъ съ уголовной отвѣтственностью за неисполненіе обязательства*".

Послѣднія слова, взятыя нами курсивомъ, подчеркнуты г. Зволянскимъ, и на обзорѣ его рукой сдѣлано двѣ помѣтки; первая гласитъ: „въ докладъ Г. М-ру" (т. е. Министру Вн. дѣлъ), а вторая, очевидно, позднѣйшая и явившаяся результатомъ доклада: „имѣть въ виду".

Помѣтка: „въ докладъ Г. М-ру" повторяется и на слѣдующемъ обзорѣ—январьской книжки за 1898 г., но подчеркнутыхъ мѣстъ въ этомъ обзорѣ нѣтъ; авторъ же отмѣчаетъ статьи Карышева, подчеркивая его мысль объ усиливающейся распродажѣ дворянскихъ земель, М. Безсонова о Брюссельскомъ „Université nouvelle", останавливаясь на составѣ его лекторовъ и особо выдѣляя лекторовъ русскихъ,—Ковалевскаго, де-Роберти, Щукина и Бланка, статью Н. К. Михайловскаго (съ сожалѣніемъ о закрытіи „Новаго Слова") и Плотникова („Хроника внутр. жизни"), въ которой выдѣляются части объ отношеніи мѣстной администраціи къ мѣстнымъ газетамъ и о ходатайствахъ нѣкоторыхъ земствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Отмѣтокъ, являвшихся результатомъ доклада министру, на обзорѣ нѣтъ,—повидимому, министръ не нашелъ нужнымъ принимать какія либо мѣры, заинтересовавшись только вопросомъ объ офиціальныхъ редакторахъ и издателяхъ журнала, о чемъ свидѣтельствуетъ появляющаяся въ дѣлѣ послѣ даннаго обзора краткая справка: „ежемѣсячный журналъ „Русск. Богатство" издается В. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ подъ редакціей П. Быкова и С. Попова".

Докладъ министру на основаніи обзоровъ дѣлался и еще разъ—18 августа 1898 г., но также не имѣлъ, повидимому, послѣдствій.

Такой исходъ этого послѣдняго доклада совершенно уничтожаетъ и вниманіе г. Зволянскаго къ обзорамъ (на нихъ больше нѣтъ никакихъ его помѣтокъ вплоть до самого конца „надзора" за „Русск. Богатствомъ"—сентября 1899 г.), и остатки старанія обозрѣвателя: обзоры послѣдняго катастрофически быстро уменьшаются въ объемѣ,

сокращаясь до неполной страницы въ четверть листа писчей бумаги; въ обзорѣ начинають отмѣчаться только такія статьи, о которыхъ можно отдѣлаться двумя-тремя словами и т. д. Даже пріостановка журнала въ маѣ 1899 г. не заставляетъ увеличить вниманія къ его содержанію; даже сама крамольная статья, навлекшая тогда за журналъ кару („Хроника внутренней жизни“ въ № 3 за 1899 г.), удостаивается всего неполныхъ 7 строкъ текста, изъ коихъ собственно вопросу о Финляндіи удѣлено всего на всего ½ строки; въ нихъ сказано: „Хроника затрагиваетъ вопросъ Финляндіи“... и все.

Сентябрьской книжкой за 1899 г. заканчивается негласный надзоръ за журналомъ. Въ дѣло больше не подшивается никакихъ документовъ,—только въ началѣ 1900 г. оно пополняется составленной по неизвѣстному для насъ поводу справкой о журналѣ.

„Съ декабря 1892 г.—говорится въ этой справкѣ—въ Департаментъ Полиціи стали поступать указанія на вредное направленіе журнала „Русск. Бог.“, такъ и на неблагонадежность его издателей редакторовъ и сотрудниковъ и на связь ихъ съ политическими эмигрантами и революціонной прессой.

„Въ ноябрѣ 1892 г. чиновникъ особыхъ порученій Рачковскій довелъ до свѣдѣнія Департамента, что осенью 1891 г. въ Парижѣ проживалъ Оболенскій, редакторъ „Русск. Бог.“ въ которомъ сотрудничаютъ Русановъ и другіе эмигранты. Оболенскій пользуется репутаціей человѣка сочувствующаго революціонному движенію. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ посѣщалъ эмигрантскія сходки и присутствовалъ на вечерѣ народовольцевъ; былъ знакомъ съ Лавровымъ, Русановымъ и Маріей Баранниковой, которой нѣкогда преподавалъ соціализмъ.

„По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1894 г., издательницей „Рус. Богатства.“ состояла Надежда Валеріановна Михайловская, редакторами—Быковъ и Поповъ, которые, повидимому, не имѣютъ никакого значенія, сотрудниками же извѣстные Департаменту полиціи Николай Златоврацкій, Владиміръ Короленко, Сергѣй Кривенко, Василій Семевскій, Глѣбъ Успенскій, Сергѣй Южаковъ, Михаилъ Миклашевскій, Генрихъ Фальборкъ и др.

„Въ ноябрѣ того же года Михайловская приняла въ соиздательницы извѣстную Департаменту полиціи Попову.

„Въ ноябрѣ 1894 г. СПБ. Градоначальникъ сообщилъ, что въ числѣ прочихъ отъ редакціи „Русск. Бог.“ былъ возложенъ вѣнокъ на гробъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, что возбудило неудовольствіе оппозиціонной молодежи, которая послала къ нему (*ней*—редакціи?) депутацію, предъявившую ему письмо, порицавшее его поступокъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, между которыми заключалась фраза, что „оппозиціонная пресса соединилась въ позорномъ шествіи ко гробу Царя съ представителями русскаго мракобѣсія“. По агентурнымъ свѣдѣніямъ, Михаиловскій, при

пріемѣ этой депутаціи, оправдывался тѣмъ, что вѣнокъ былъ посланъ редакторами Поповымъ и Быковымъ безъ вѣдома сотрудниковъ, что самъ же онъ, Михайловскій, въ возложеніи вѣнка не участвовалъ и этому факту совершенно не сочувствуетъ.

„Съ начала 1895 г. въ составъ редакціи вступилъ быв. политическій ссыльный Николай Анненскій, который въ частной корреспонденціи заявлялъ, что собственно редакція состоитъ изъ 3 лицъ—его, Михайловскаго и Южакова.

„Вслѣдъ затѣмъ Попова отказалась отъ издательства и журналъ фактически сталъ собственностью писательскаго товарищества которое предложило принять на себя издательство извѣстному Департаменту Владиміру Короленко, который принялъ это предложеніе и былъ утвержденъ въ званіи издателя Главнымъ Управленіемъ. Въ званіи же редактора по прежнему остались Быковъ и Поповъ, играющіе, очевидно, подставную роль. [1]).

„Въ январѣ 1895 г. въ письмѣ изъ С.-Петербурга, адресованномъ въ Бернъ къ Григорію Львовичу, неизвѣстная личность сообщала, что его статья можетъ быть напечатана Богдановичемъ въ журналѣ „Міръ Божій", только съ исключеніями, притомъ въ томъ лишь случаѣ, если будетъ пропущена цензоромъ. Не смотря на это, Богдановичъ проситъ автора продолжать писать „очерки народоправства", только не употребляя слова „народоправство", а назвавъ статью „очерки развитія законодательства". Богдановичъ, добавляла корреспондентка, работаетъ въ „Русскомъ Богатствѣ" и говорилъ, что тѣ статьи, которыя не пойдутъ у нихъ, онъ помѣститъ въ „Русскомъ Богатствѣ"

„Въ сентябрѣ 1897 г. въ Департаментѣ полиціи было получено анонимное письмо съ указаніемъ на редакцію „Русск. Бог.", какъ гнѣздо „соціал-фанатиковъ", проводящихъ идеи, пагубно дѣйствующія на молодежь которая подъ вліяніемъ ихъ становится политически преступной.

„Затѣмъ начальникомъ СПБ. Охраны получено было второе письмо въ которомъ сообщалось что „Рус. Богат." принадлежитъ къ числу журналовъ подкапывающихся подъ самодержавный строй Россійскаго Государства".

Далѣе идетъ опускаемая нами цитата изъ приведеннаго выше полностью „письма второго";—вслѣдъ затѣмъ авторъ справки даетъ сводку тѣмъ ежемѣсячнымъ обзорамъ „Рус. Бог.," съ которыми мы уже ознакомились, находя въ этихъ обзорахъ подтвержденіе выставленныхъ въ „письмѣ второмъ" противъ журнала обвиненій особенно подробно останавливается онъ на „Хроникѣ внутренней жизни" изъ № 10 „Р. Б." за 1897 г., усматривая въ ней сплошное „дискредитированіе дѣйствій администраціи". Надо отдать

[1]) Этотъ абзацъ отчеркнутъ синимъ карандашемъ,—очевидно, Зволянскимъ.

справедливость, въ этой „Хроникѣ", дѣйствительно, подобрано много фактовъ, дѣйствующихъ въ такомъ направленіи; поэтому работа составителя справки чрезвычайно легка: ему не приходится дѣлать никакихъ умозаключеній,—достаточно переписывать сообщенія о фактахъ. Кромѣ этой „Хроники" авторъ записки отмѣчаетъ еще „Хронику" М. А. Плотникова изъ іюльской книжки журнала за 1892 г., слѣд. образомъ излагая данную въ ней критику „положенія о наймѣ на сельскія работы": „Обозрѣватель говоритъ, что въ правилахъ объ отвѣтственности нагляднѣе всего выступаетъ неопредѣленность правъ слабѣйшей стороны,—той, которая ничего не приноситъ съ своей стороны, кромѣ рабочихъ рукъ и необезпечннаго существованія личнаго и своей семьи, оставшейся гдѣ то тамъ на стражѣ разореннаго хозяйства въ ожиданіи помощи отъ кормильца-работника".

Другихъ статей, затронутыхъ въ обзорахъ, авторъ не касается дѣлая лишь слѣдующій глубокомысленный общій выводъ: „вообще просматривая выдержки изъ „Русск. Бог."; выставляющія на видъ недостатокъ государственнаго благоустройства, нельзя не притти къ заключенію, что журналъ этотъ не стоитъ на сторонѣ правительственныхъ органовъ". И въ заключеніи „справки" добавляется, что, какъ „усматривается изъ сообщенія Гл. Упр. по дѣламъ печати отъ 4 мая 1899 г. за № 3202" по распоряженію м-ра вн. дѣлъ выпускъ журнала пріостановленъ на 3 мѣсяца „за помѣщеніе въ № 3 въ статьѣ „Хроника внутренней жизни" тенденціознаго толкованія законовъ, опредѣляющихъ державныя права Верховной Власти въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ".

Справка была прочитана г. Зволянскимъ, положившимъ на ней резолюцію: „Къ дѣлу". Этимъ и заканчивается все данное „дѣло о Русскомъ Богатствѣ".

Сообщилъ **Бор. Николаевскій.**

Къ теплу идетъ...

Разсказъ.

I.

Изъ-за сугробовъ не видно и церкви. Одна кривая колоколенка торчитъ надъ бѣлыми полями. Впрочемъ, церковь въ поселкѣ маленькая, старая и давно уже въ землю вросла. Прежде было четыре ступеньки на паперть, а теперь всего одна, да и та сгнила наполовину. Старушонкамъ хромымъ нынче удобно: шагнула съ улицы—и въ храмѣ Божіемъ...

Снѣжная была зима, ухъ, снѣжная!.. Передъ Рождествомъ такія мятелицы плясали надъ „Позёмками“, столько дней и ночей подрядъ со всего широкаго поля сгоняли къ церкви бѣлыхъ мухъ, что позёмковскій попъ отецъ Терентій, вмѣстѣ со своимъ работникомъ и по сейчасъ еще откопаться не успѣлъ. Удалось только узенькую тропинку прочистить къ церковному дому, да смести бѣлыя мягкія перинки, плотно, до верху завалившія окна и двери.

А вскорѣ пришелъ откуда-то, должно быть, издалека, давно небывавшій гость, крещенскій морозъ, злющій старикъ. Дунулъ на „Позёмки“ колючимъ вѣтромъ, похрустѣлъ валенками по вчерашнему снѣгу, накрѣпко, словно гвоздями прибилъ всѣ двери къ порогамъ, и ушелъ дальше, въ сосѣдній городъ. Надъ поселкомъ повисъ сѣрый дымъ, изъ каждой трубы потянулся онъ къ ясному небу, въ каждой печкѣ затрещали березовыя дрова; счетомъ клали ихъ позёмковцы, вздыхаючи жгли дорогія смолистыя сосенки.

Отецъ Терентій облачился въ лоснящійся ватный подрясникъ, еще покойницей попадьей стёганый, присѣлъ вечеромъ у печки, постучалъ кочергой по упрямой золотистой головнѣ и крикнулъ работнику:

— Викторъ Николаичъ, вздулъ бы ты самоваришко, что ли? Душа замерзла. Попьемъ, да и спать, а утромъ завтра мнѣ въ городъ нужно...

— Сахара нѣтъ у насъ...—отвѣтилъ изъ-за перегородки слегка простуженный голосъ.

— А мы съ изюмцемъ! — улыбнулся попъ. — Сахару-то нынче и въ городѣ нѣтъ. Горькая стала жизнь...—пошутилъ онъ.

— А къ Олонкинымъ-то развѣ не пойдете сегодня?

— Нѣтъ ужь...—отвѣтилъ отецъ Терентій и, нахмуривъ сѣдыя косматыя брови, снова ударилъ по тлѣющей головнѣ.—Довольно ужь!..—проворчалъ онъ тихонько.

Пять разъ ходилъ онъ къ этимъ Олонкинымъ. По часу сиживалъ въ душныхъ комнатахъ, уговаривая, вразумляя, грозя адскими муками, суля миръ душевный и все безъ толку.

Хорошіе были старики Олонкины, тихіе и богомольные и жили не бѣдно, да къ праздничку порадовалъ ихъ Господь,—вернулся съ фронта единственный сынъ Стёпушка и не поймешь отъ него: то-ли онъ по годамъ вышелъ со службы, то-ли на обще-дезертирскихъ правахъ.

Всего имущества при Стёпушкѣ оказалось только офицерскій ноганъ въ кобурѣ, жестяная коробочка съ папиросами, да еще серебряное кольцо на пальцѣ, изъ георгіевской медали перелито.

Поселился Степанъ у родителей, третью недѣлю живетъ, радуетъ старичковъ: свелъ въ городъ корову пеструю, продалъ на базарѣ старухинъ овчинный тулупчикъ и задумчиво поглядываетъ уже на отцовскіе серебряные часы—старинные часы, луковкой, и съ тяжелой цѣпью.

И опять непонятно: пропилъ ли онъ деньги, или проигралъ ихъ на билліардѣ въ позёмковской чайной.

На разспросы старухи въ присутствіи своего крестнаго, отца Терентія, Стёпушка улыбнулся ласково и отвѣтилъ:

— На монашенокъ пожертвовалъ... Пусть ихъ молятся за душу грѣшнаго воина...

И свистнулъ тихонько, скрививъ тонкія губы.

— Ну что-жь?—усмѣхнулся въ свою очередь отецъ Терентій.—Дѣло доброе! У Бога, значитъ, записано. Тамъ, сынокъ мой, бухгалтерія точная, строгая... За Нимъ не пропадетъ, ужо получишь! Воздастся тебѣ!

— Ладно!—согласился Степанъ, закуривая папироску.— Придется, такъ и въ аду побываемъ... Тёртые!

На томъ и разговоръ послѣдній кончился. Старуха заплакала беззвучно и скупо, остатками слезъ, а отецъ Терентій взялъ свою кривую палку и пошелъ домой, шаркая по насту тяжелыми сапогами, ёжась и поторапливаясь отъ морозца.

Дня черезъ два послѣ того былъ у него еще старикъ Олонкинъ Василій Федоровичъ, пилъ чай и снова плакался.

— Вы, батюшка, газеты-то читаете, можетъ посовѣтуете: бумагу что-ли куда написать? Можетъ есть такое управленіе... Жалобу подать. А такъ-то, вѣдь, что же? Онъ и домъ пропьетъ, и сапоги съ меня сниметъ...

— Сниметъ,—кивнулъ отецъ Терентій.—Его власть.

— Да кѣмъ же она дадена?

Отецъ Терентій только руками развелъ, а сидѣвшій тутъ же работникъ Викторъ Николаичъ пояснилъ:

— Революціей, дѣдушка. Революціей!

Дѣдушка поглядѣлъ на него обвѣтренными глазками, отвернулся въ сторонку и плюнулъ.

Потомъ выпилъ еще чаю, пожевалъ беззубыми деснами сладкую изюминку и отошелъ немножко. Даже помечталъ вслухъ:

— Зиму-бы протянуть... До пасхи бы... А тамъ по веснѣ-то, сказывали, землю начнутъ дѣлить. Можетъ быть и нашему солдату отрѣжутъ какой ни на есть клинъ. Землица-то своя, она, того... привязчивая. Только ковырни ее! Можетъ, и жениться надумаетъ...

— Едва-ли... — разочаровалъ старика Викторъ Николаевичъ.—По всей вѣроятности, онъ уже не разъ женатъ. Нынче это просто. Обвѣнчается такой хватъ въ одномъ мѣстѣ, поживетъ съ женой, пока приданое не пропито, и дальше... А въ ротной канцеляріи свой братъ писарь за полбутылки спирта новую книжку напишетъ и въ ней опять значится „холостъ“. Пожалуйте! Засылай свата къ новой дурѣ.

— А по моему, такъ и не вѣнчаются, а просто такъ, по граждански,—добавилъ отецъ Терентій.—Да опять-же и до весны-то еще потопаешь!—вздохнулъ онъ.—По всему видать поздняя нынче. Ишь, снѣга-то сколько навалило! Я такого обилія и не упомню. Разливъ-то нынче будетъ о-хо-хо!.. Ковчеги надо строить, а не то потонемъ.

Старикъ Олонкинъ махнулъ рукой, вздохнулъ два раза и сталъ прощаться.

— Такъ какъ-же?—спросилъ онъ, обматывая жилистую шею безконечнымъ шарфомъ.—Значитъ, намъ со старухой по міру идти? Значитъ, нашей бѣдѣ и конца-краю нѣту?

— Воля Божья...—вздохнулъ отецъ Терентій.

А работникъ его, съ лампочкой въ рукѣ, провожая гостя по темной кухнѣ, похлопалъ старика по согнутой спинѣ и сказалъ на прощанье:

— Потерпи, старичокъ, вотъ ужо, проглянетъ солнышко,

запоютъ жаворонки, сойдетъ водица весеняя и всю муть унесетъ.

— Унесетъ?—обернулся Олонкинъ.

— Унесетъ!—повторилъ коренастый работникъ.—Потерпи папаша. Много васъ такихъ-то, чающихъ движенія... Не ты одинъ.

II.

Отецъ Терентій вернулся изъ города поздно, когда уже стемнѣло и на главной улицѣ поселка загорѣлся единственный фонарь около аптеки. Вернулся онъ усталый и окоченѣвшій отъ холода, но веселый. Свалилъ на кухонькѣ на столъ всѣ свои покупки, снялъ шубу съ плѣшивымъ енотовымъ воротникомъ, похлопалъ ладонями о теплую печку...

— Благополучно-ли?—спросилъ работникъ.—Я уже глядя на часы, началъ побаиваться за васъ. По вечерамъ-то нынче не рекомендуется...

— Напрасно, сынокъ, обо мнѣ никогда не безпокойся, я застрахованный. Мое оружіе всякъ часъ при мнѣ...—улыбнулся отецъ Терентій и красными, онѣмѣвшими пальцами погладилъ висящій на груди поповскій серебряный крестъ.

— Гм... Крестоносцевъ-то, помнится, тоже и грабили и убивали.

— Такъ вѣдь то сарацины!—засмѣялся отецъ Терентій.— А мы, вѣдь, какъ ни какъ, среди православныхъ... Ты лучше послушай-ка, чего я тамъ сегодня навидался... На какую улицу ни выйду, ни тебѣ проходу, ни проѣзду... Со всѣхъ сторонъ, ото всѣхъ церквей—крестные ходы, хоругви, владыки—въ полномъ облаченіи, звонъ малиновый, тьма-тьмущая народу и всѣ поютъ на морозцѣ... Что? Чаялъ ты это? Я старый попъ, маловѣръ, снялъ шапку, гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю. Гдѣ я? Въ какомъ государствѣ? Неужто снова въ Рассею попалъ?

— По какому-же это случаю?

Отецъ Терентій махнулъ рукой, присѣлъ на сундучекъ и сталъ переобуваться.

— Все по тому-же,—усмѣхнулся онъ.—Святыню тронули. Подоплеку ковырнули, она и аукнулась... Посреди площади владыко слово сказалъ, да только не дослышалъ я, далеконько стоялъ, затолкали меня... Да оно и безъ того все явственно: къ теплу дѣло идетъ, таетъ душа-то человѣчья, заскучала она... Ну, да ужъ это философія, а вотъ я тебѣ сейчасъ и про земныя дѣла разскажу. Посуши-ка, сынокъ валенки-то, положь ихъ къ печкѣ, услужи старому... Такъ! Мое такое разсужденіе, что зря ты, Викторъ Николаичъ здѣсь въ моемъ ковчегѣ, обрѣтаешься. Слышалъ я нынче

что въ городѣ какія-то артели завелись, изъ такихъ-же вотъ, какъ и ты... вагоны разгружаютъ, ледъ на панеляхъ скалываютъ, газеты носятъ... Большія деньги зашибаютъ. Сказывали мнѣ, что по двѣ красненькихъ на день приходится. Вотъ, я и подумалъ о тебѣ... Мужчина ты здоровый, стужи да сырости не боишься, шелъ бы туда, записался бы въ артель-то...

— Богъ съ ними!—сказалъ Викторъ Николаичъ.—Я не жадный до денегъ. Здѣсь покою больше. Вы ужь меня не гоните отъ себя...—улыбнулся онъ.

— А вотъ, возьму палку и прогоню!—засмѣялся отецъ Терентій.—Не угодилъ ты мнѣ, поповъ работникъ. По ночамъ керосинъ жжешь, вольтерьянскія книги читаешь!.. Ну, да ужь, что съ тобой подѣлаешь? Вонъ, развяжи-ка этотъ пакетъ,—кивнулъ онъ на свои покупки,—тамъ и для тебя—гостинецъ. Давеча, въ книжной лавкѣ барышни на меня, ухмыляючись, поглядывали: деревенскій попъ, молъ, и на тебѣ! Этакую книгу требуетъ... Ха-ха-ха! А потомъ, сынокъ, и ужинать пора. Нагулялъ я аппетиту-то, да и наглядѣлся тоже... Въ одномъ окнѣ такой балыкъ видѣлъ, что постоялъ, постоялъ, да и зашелъ въ магазинъ, была не была, думаю, кутну на весь капиталъ...

— Гдѣ же онъ?—спросилъ Викторъ Николаевичъ, развязывая покупки.

— Да тамъ же, гдѣ и былъ, въ лавкѣ остался. Стукнули меня цѣной-то: двадцать восемь фунтъ. Слыхалъ? Да еще и приказчикъ такой величественный: меньше фунта, говоритъ, нельзя, и рѣзать не стану. Ничего, сынокъ. Мы вотъ сейчасъ селедочку съ лукомъ...

Послѣ ужина отецъ Терентій ушелъ въ свою спаленку, боковую комнатушку съ окномъ въ церковный палисадникъ, а работникъ прибралъ посуду, плотно завѣсилъ окно въ кухнѣ и устроилъ себѣ въ углу постель на большомъ поповскомъ сундукѣ. Придвинулъ табуретку и поставилъ на нее жестяную лампочку подъ самодѣльнымъ бумажнымъ абажуромъ. Раздѣлся и, вытянувшись подъ великолѣпнымъ шерстянымъ одѣяломъ, взялъ въ руки новую книжку, привезенную отцомъ Терентіемъ изъ города...

Тепло въ кухнѣ. Жаромъ пышетъ отъ большой печки. Даже тараканамъ не въ терпежъ. Расползлись по стѣнкамъ и по полу, шевелятъ длинными рыжими усами и любопытно поглядываютъ на попова работника. Не похожъ онъ на другихъ, жившихъ въ этомъ домѣ. Лицо у него сердитое и все обросло темной щетиной. На носу пенснэ въ роговой оправѣ. Кулачищи у работника настоящіе, здоровенные, а пальцы длинные и бѣлые. Фильдекосовая полосатая фуфайка на груди

растегнута и видна тоненькая шейная цѣпочка, а на ней два креста. Одинъ маленькій „крестильный", а другой большущій и тяжелый, золотой крестъ, вотъ, точь въ точь, какъ солдаты носили на полосатыхъ ленточкахъ. И посреди креста драконъ извивается, въ смертельной мукѣ корчится, и пасть страшенную разинулъ, а въ ней уже копье... всегда—копье, было, да и будетъ... Смотрятъ рыжіе, шушукаются. Да что тараканы. Если-бы и сосѣди позёмковскіе видѣли, заглянули сейчасъ въ кухоньку, и тѣ-бы подивились: работникъ необыкновенный, да и книга у него въ рукахъ особенная. Требники, да псалтыри они здѣсь видывали и пѣсенники тоже имъ знакомы, свои имѣютъ. У покойницы матушки, даже поваренная книга была, въ этой-же кухнѣ на полкѣ лежала. А вотъ такую книгу, что у работника въ рукахъ, никто не видывалъ. Въ желтенькой обложкѣ и не толстая, а буквы въ ней не наши и слова французскія...

III.

Не спится отцу Терентію. Старыя кости ноютъ съ дороги, зудятъ ноги усталыя. Много-ли времени въ городѣ побылъ, промежъ вавилонянъ потолкался, а разныхъ мыслей накопилось столько, что и ночи не хватитъ.

Попробуй-ка нынче „стезю праведную" найти... Только что обдумаешь свою стариковскую долю, только что примешь рѣшеніе, а минула ночь, всталъ день и запѣли новыя пѣсни. Онъ уже мысленно, про себя-то, твердо положилъ: рясу долой, церковь пустую на замокъ, котомку на плечи и въ путь-дорогу, все равно куда, лишь бы подальше отсюда. Пусть уже здѣсь безъ него башню-то достраиваютъ. Кто ихъ знаетъ, молодыхъ-то? Можетъ быть, теперь до неба-то рукой подать. Да и то сказать, велика она, Россія-то, гдѣ-нибудь еще и для стараго попа ковчежецъ построенъ. Можетъ гдѣ и мѣсто сухое найдется, ужли-жъ по всей землѣ потопъ? Горки вотъ, тоже есть высокія, аѳонская къ примѣру, авось еще не захлестнута...

Совсѣмъ уже было собрался отецъ Терентій и въ городъ-то сегодня поѣхалъ, чтобы, глядя на столпотвореніе, послѣднія колебанія откинуть, побывать у благочиннаго, запастись кой-чѣмъ на дорогу... А городъ-то его колокольнымъ звономъ встрѣтилъ, старое сердце умилилъ, зарытую надежду изъ могилки вытащилъ.

Душно старому попу. Позѣвалъ протяжно, откинулъ шубенку свою, выпросталъ руку и перекрестилъ беззубый ротъ.

— Пойметь, да не теперь, попозже!..—отвѣтилъ Викторъ Николаевичъ, перекидывая съ руки на руки свой легонькій парусиновый чемоданчикъ.

— Нѣтъ ужь, батюшка... Какъ это въ вашихъ книгахъ сказано: „Отойди отъ зла и сотвори благо"... Не столько за себя я опасаюсь, а не хотѣлось бы васъ подвести. Не утерпитъ вашъ крестничекъ, живо донесетъ, куда нужно, что въ домѣ у позёмковскаго іерея самая, что ни на есть „контра" засѣла. Что хорошаго? Явятся среди ночи, какъ полагается, все вверхъ дномъ перевернутъ, оскорбятъ васъ за компанію, а не то и арестуютъ, какъ моего сообщника... Нѣтъ ужь, вашъ ковчегъ теперь не для меня. Поищу другого...

— Уѣдешь что ли куда? Можетъ, на Донъ махнешь?

— Не знаю еще... Не по душѣ мнѣ это... Это мальчикамъ въ охотку, Вандеи-то разныя... Когда наши съ русскими воюютъ...—улыбнулся онъ.—Мысли собрать, офицерскія свои правила перетрясти на солнышкѣ... Да и что значитъ одинъ лишній человѣкъ противъ стихіи?

— Когда можно-то станетъ, пріѣдешь ко мнѣ, старику?—спросилъ отецъ Терентій.—Лѣтомъ-то здѣсь—благодать! Въ саду у меня яблоньки есть, смородина черная... Покойница любила ее, изъ городского питомника кусты привозила...

— Пріѣду,—отвѣтилъ Викторъ Николаевичъ, останавливаясь на углу и опуская на снѣгъ чемоданъ. — Я бы и не уѣхалъ отъ васъ... Отсидѣться думалъ.

— Хе-хе!..—засмѣялся отецъ Терентій...—До голубя норовилъ... Покудова-бы онъ съ масляничной вѣтвью. Я и сразу такъ понялъ о тебѣ, воителѣ... Ну, Христосъ съ тобой! Нагнись-ка, я тебя...

Бывшій поповъ работникъ снялъ свою заячью шапку съ наушниковъ, оглянулся назадъ на пустую улицу и склонилъ свою стриженую голову.

Старый попъ одернулъ широкій рукавъ шубенки, перекрестилъ, облобызалъ трижды, слегка наколовъ губы о жесткую щетину на щекахъ своего бывшаго работника.

— Куда бы тебя не занесло, сынокъ, въ какую бы бѣду ты ни попалъ, помни: къ теплу идетъ!.. А старому батькѣ пиши! Только покрупнѣй старайся, глаза то у меня... Ну, съ Богомъ!

Спряталъ въ рукавъ застывшую руку, согнулъ спину и пошелъ обратно къ своему пустому дому.

Съ полдороги обернулся, поглядѣлъ назадъ, да ничего не увидѣлъ. Ушелъ уже Николаичъ, скрылся за сѣрымъ заборомъ.

Одинъ теперь попъ, одинешенекъ. Къ старухѣ Олонкиной ужо надо зайти, подрядить ее, чтобы стряпала ему когда... самоваришко вздула...

Хруститъ снѣжокъ-то... Отецъ Терентій наровитъ идти посреди улицы, на мосткахъ-то скользко очень, гололедица...

Вотъ и кладбище. Сейчасъ онъ и дома. Кажись сегодня и печка въ спальнѣ не топлена. Стужа будетъ ночью...

— „Эхъ, старая!..“ — думаетъ попъ, глядя на бѣлые бугорки надъ кривыми крестами. — „Поспѣшила!.. Сейчасъ-то и на могилку не пробраться. Жди, когда весна силу завеберетъ, грачи захлопочутъ надъ погостомъ... Когда травка проглянетъ... Когда уйдетъ вода“.

Аркадій Селивановъ.

Изъ цензурной исторіи „Отечественныхъ Записокъ“ 1868—1871 гг.

(Къ пятидесятилѣтію основанія журнала).

„Это былъ единственный орган русской печати, въ которомъ сквоз. дымъ и копоть цензуры свѣтилась искра пониманія задачъ русской жизни во всемъ ихъ объемѣ. За это онъ долженъ былъ погибнуть—и погибъ“
(„Народная Воля“, сентябрь 1884 г.)

Въ переживаемые нами дни торжества освободительныхъ идеаловъ, торжества, увы, такъ скоро омраченнаго, не должно забывать тѣхъ борцовъ нашего историческаго прошлаго, на долю которыхъ выпала не радость побѣды, а горечь пораженія. Къ ихъ числу, прежде всего, надо отнести представителей активнаго народничества 70-хъ годовъ, какъ „лавристовъ“, такъ и „бакунистовъ“, какъ землевольцевъ, такъ, въ особенности, народовольцевъ. На ряду съ активными народниками, этими отважными и благородными рыцарями революціонныхъ и соціалистическихъ идей, нельзя забывать также и ихъ единомышленниковъ—имѣю въ виду, конечно, единомысліе не въ тактическихъ вопросахъ, а въ конечныхъ цѣляхъ и основныхъ принципахъ—въ рядахъ русскихъ литераторовъ и журналистовъ 70-хъ годовъ. Положеніе этихъ послѣднихъ въ силу условій тогдашней общественной дѣйствительности было исключительно трудное. Передъ лицомъ „властей предержащихъ“, въ частности, передъ лицомъ бдительныхъ и наматорѣлыхъ въ изобличеніи „крамолы“ цензоровъ, они должны были являться съ опущеннымъ забраломъ, старательно избѣгая фиксировать ихъ вниманіе на сущности своего общественнаго credo—иначе всякая возможность легальной литературной дѣятельности была бы для нихъ отрѣзана. Въ то же самое время предъ лицомъ читающей публики они должны были умѣть время отъ времени пріоткрывать это забрало, чтобы дать ей понятіе объ истинныхъ чертахъ своей общественно-политической физіономіи. Исключительная трудность положенія литературныхъ дѣятелей описываемаго не

ріода дала поводъ Г. З. Елисееву, одному изъ основоположниковъ русскаго народничества, употребить для ихъ характеристики особый терминъ—„герой-рабъ". „Для каждаго времени,—говоритъ Елисеевъ—является свой мужъ потребенъ. Герой тотъ, кто понялъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло, публично запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжденія; хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертію въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ внѣшнихъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу. По условіямъ нашей жизни, у насъ могъ выработаться въ литературѣ только герой-рабъ. Скажемъ болѣе: только такой герой и могъ вынести дѣло новой идеи при первомъ ея появленіи и утвержденіи въ обществѣ".

Насколько былъ правъ Елисеевъ въ этомъ своемъ взглядѣ на героевъ-рабовъ русской литературы, объ этомъ свидѣтельствуетъ общественная роль созданнаго ихъ усиліями народническаго журнала „Отечественныя Записки", первый номеръ которыхъ вышелъ ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. „Отечественныя Записки", за время своего существованія подъ новой редакціей, т. е. съ 1868 по 1884 г., сумѣли пріобрѣсти значеніе крупнаго общественнаго фактора—завидная участь, выпадающая на долю лишь очень и очень немногихъ органовъ повременной печати. Популярность „Отеч. Записокъ" одно время была беспримѣрна. Мало сказать объ этомъ журналѣ, что онъ былъ наиболѣе читаемымъ, наиболѣе распространеннымъ въ средѣ молодого поколѣнія,—онъ возбуждалъ къ себѣ прямо-таки лихорадочный интересъ. Въ чемъ же заключалась разгадка этого поразительнаго успѣха? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: ни въ одномъ журналѣ не воплощался въ той мѣрѣ духъ времени какъ въ „Отеч. Зап." Историкъ литературно-общественныхъ теченій 70-хъ годовъ (см. „Исторія русской литературы", изд. т-ва „Міръ", т. IV) съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ, что „онѣ дышали съ читателемъ одной жизнью, стремились къ однимъ берегамъ. Все, къ чему пришла протестующая мысль русскаго интеллигента, къ чему подвинули ее соціальныя и политическія условія времени, всѣ требованія момента вошли необходимыми элементами для созданія того духа, который вѣялъ со страницъ „Отечественныхъ Записокъ". Освобожденіе личности, отдача долга народу, довѣріе къ устоямъ народа и къ силамъ личности,—весь кодексъ вѣры, написанный на знамени практическихъ народниковъ, проповѣдывался, обсуждался, доказывался, распространялся „Отечественными Записками". Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей журналъ шелъ далеко впереди своего времени".

Подъ „лучшими представителями“ журнала, само собой разумѣется, надо понимать Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Елисеева, Михайловскаго и Г. И. Успенскаго. И „облитый горестью и злостью“ стихъ „печальника горя народнаго“, и язвительная, бичующая сатира Щедрина, и дѣловыя, спокойныя по тону, но скрывающія въ себѣ цѣлое море горячаго народолюбія, статьи Елисеева, и строго обоснованныя теоретически, возвышавшіяся нерѣдко до высотъ истинно-философскаго мышленія, изслѣдованія Михайловскаго, и скорбные, носящіе на себѣ яркую печать „больной совѣсти“, очерки Успенскаго—были въ одну цѣль, вдохновлялись одними и тѣми же идеалами, будучи выраженіемъ одного и того же соціально-политическаго символа вѣры. Этотъ символъ вѣры привлекалъ самое пристальное, но далеко не благожелательное вниманіе цензурнаго вѣдомства: „Отечественнымъ Запискамъ“ новой редакціи, съ колыбели, т. е. съ 1868 г., до преждевременно-раскрывшейся передъ ними, насильственной могилы, т. е. до апрѣля 1884 г., пришлось быть объектомъ всевозможныхъ цензурныхъ воздѣйствій, нависшихъ надъ ними на подобіе Дамоклова меча. Редакція журнала должна была дѣлать героическія усилія, чтобы не дать ему опуститься, живя въ атмосферѣ постояннаго трепета, не за себя, конечно, а за то, что для принципіальнаго человѣка дороже себя,—за возможность служить своему направленію. А эта возможность, въ значительной степени, пропадаетъ для писателя, лишившагося своего органа. Подобная атмосфера, расшатывая физическія и нравственныя силы редакторовъ «Отеч. Записокъ», доводя ихъ нерѣдко то до вспышекъ жгучаго негодованія, то до припадковъ безсильнаго, гложущаго душу отчаянія, не помѣшала все-же имъ, какъ выражается Н. К. Михайловскій, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, своего старшаго сотоварища по редакціи, положившаго основаніе журнала, Некрасова, провести „на немъ грузъ высоко-художественныхъ произведеній, составляющихъ нынѣ общепризнанную гордость литературы, и свѣтлыхъ мыслей, постепенно ставшихъ общимъ достояніемъ и частью вошедшихъ въ жизнь».

Учитывая отмѣченную выше роль „Отеч. Записокъ“ въ исторіи народническаго движенія, повлекшую за собой систематическую травлю этого журнала со стороны цензурнаго вѣдомства, а также принявъ во вниманіе удѣльный, такъ сказать, вѣсъ его руководителей въ современной имъ литературѣ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что цензурная исторія ихъ составляетъ одну изъ важныхъ страницъ въ лѣтописяхъ русской общественности и литературы. Однако работа надъ этимъ вопросомъ еще очень недавно представляла огромныя трудности въ виду полнаго почти отсутствія матеріала. Тщательно и добросовѣстно составленныя статьи объ „Отеч. Запискахъ“ г. Ершова (см. „Образованіе“, 1905 г., №№ 4 и 5) все же мало давали для цензурной исторіи журнала, такъ какъ излагали ее исключительно на основаніи текста

предостереженій, напечатанныхъ въ свое время въ офиціальныхъ изданіяхъ—единственнаго доступнаго автору статей источника. Едва-ли авторъ этихъ строкъ смогъ бы внести особенно много новаго по сравненію съ г. Ершовымъ, еслибы ему не посчастливилось получить доступъ къ цензурнымъ дѣламъ объ „Отеч. Запискахъ", хранящихся въ архивѣ бывшаго главнаго управленія по дѣламъ печати и заключающихъ въ себѣ богатѣйшій, никѣмъ еще доселѣ не использованный матеріалъ.

Имѣя ихъ въ рукахъ, я и рѣшаюсь предложить вниманію читателей изслѣдованіе, которое при всѣхъ своихъ несовершенствахъ имѣетъ за собою въ активѣ то, что цѣликомъ основывается на первоисточникахъ, каковыми являются донесенія цензурнаго комитета въ главное управленіе и отзывы членовъ этого управленія, т. е. тѣхъ инстанцій и лицъ, которымъ принадлежала власть «вязать и разрѣшать» многострадальную россійскую журналистику. Сверхъ того, для полноты картины, кромѣ печатнаго матеріала—статей „Отеч. Записокъ" и другихъ изданій 60-хъ, 70-хъ годовъ, мнѣ пришлось использовать еще нѣкоторое количество неизданныхъ документовъ историко-литературнаго характера, каковы, напр., воспоминанія и письма современниковъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обращаюсь къ последовательному изложенію начальнаго періода цензурной исторіи „Отеч. Записокъ"

Законъ 6-го апрѣля 1865 года, дѣйствіе котораго „Отеч. Записки" испытывали въ теченіе всего времени своего существованія при новой редакціи, горячо привѣтствовался частью либеральной прессы. На него возлагали большія надежды, такъ какъ провозглашенная имъ замѣна цензуры предупредительной цензурою карательной была, разумѣется, шагомъ впередъ. При этомъ, однако, забывали, во 1-хъ, то, что замѣна эта была частичной, распространяясь далеко не на всѣ періодическія изданія, и во 2-хъ, то, что ново-учрежденная карательная цензура давала полный просторъ административному воздѣйствію, предоставивъ администраціи возможность выбирать между объявленіемъ „крамольному" изданію предостереженія, зависѣвшему всецѣло отъ нея, и привлеченіемъ къ суду, приговоръ котораго могъ и не оправдать вожделѣній истца. Забывали это, конечно, далеко не всѣ. Еще до введенія закона въ дѣйствіе въ „Современникѣ" появилась статья, принадлежавшая М. А. Антоновичу, въ которой было совершенно опредѣленно указано, что положеніе печати, разъ новый законъ даетъ такой просторъ административному усмотрѣнію въ вопросѣ примѣненія тѣхъ или иныхъ каръ, и разъ къ управленію и руководству безцензурною прессою призваны все тѣ же дѣятели, выработавшіе себѣ уже опредѣленные взгляды и навыки, едва ли существеннымъ образомъ измѣнится къ лучшему. Нѣсколько ранѣе, еще до изданія

закона, когда проектъ его находился въ стадіи предварительной разработки, о немъ высказалось „Русское Слово“ (№ 6, 1863 г.), развивая въ своемъ отзывѣ ту мысль, что „всякое періодическое изданіе, желающее сохранить побольше независимости въ своихъ мнѣніяхъ, предпочтетъ предварительную цензуру“. Такъ же пессимистически смотрѣлъ на вопросъ умѣреннѣйшій А. В. Никитенко, искушенный къ тому же многими годами цензурной службы. Если „Современникъ“ и „Русское Слово“ могутъ быть названы стороной заинтересованной, а потому неспособною де взглянуть на вопросъ безпристрастно, то голосъ Никитенко, ненавидѣвшаго „ультра-прогрессистовъ“ и приложившаго руку къ репрессіямъ въ отношеніи „нигилистической“ журналистики, имѣетъ особую авторитетность.

Практика, усвоенная главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, бывшимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, доказала справедливость и опасеній „Современника“ и „Русскаго Слова“, и никитенковскаго пессимизма. Не повторяя фактовъ, иллюстрирующихъ положеніе печати непосредственно послѣ введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля, такъ какъ они неоднократно излагались въ спеціальныхъ работахъ по исторіи цензуры (см. у М. Лемке въ его „Эпохѣ цензурныхъ реформъ“, у К. Арсеньева—въ „Законодательствѣ о печати“, у Розенберга и Якушкина—въ ихъ книгѣ „Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ“) и такъ какъ мнѣ еще совсѣмъ недавно приходилось касаться ихъ въ печати (см. мою статью въ „Голосѣ Минувшаго“, №№ 11 и 12, 1916 г. „Гончаровъ, какъ членъ главнаго управленія по дѣламъ печати“), ограничусь коротенькой цитатой изъ „Дневника“ Никитенка, относящейся къ декабрю 1868 г.: „Вечеръ просидѣлъ у меня Гончаровъ. Онъ съ крайнимъ огорченіемъ говорилъ о своемъ невыносимомъ положеніи въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати, какъ полицейскій чиновникъ; предсѣдатель совѣта Щербининъ есть ничтожнѣйшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію, кромѣ честнаго и умнаго, а всему даетъ направленіе Ф(уксъ) и дѣлопрои водитель. Они доносятъ Валуеву о словахъ и мнѣніяхъ членовъ и предрасполагаютъ его къ извѣстнымъ рѣшеніямъ, настраивая его въ то же время противъ лицъ, которыя ему почему нибудь неугодны. Выходитъ, что дѣла цензуры, пожалуй, никогда еще не были въ такихъ дурныхъ, т. е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли рукахъ“.

Въ результатѣ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ литературѣ, создалось чрезвычайно подавленное настроеніе, которое характеризуетъ обычно такъ называемыя „эпохи цензурнаго террора“. Дѣло доходило до того, что нѣкоторыя изданія, поспѣшившія добиться безцензурности, пытались при благосклонномъ содѣйствіи

чиновниковъ цензурнаго вѣдомства, въ огражденіе себя отъ возможныхъ каръ, создать подобіе предварительной цензуры. Къ числу этихъ изданій принадлежали и „Отеч. Записки“, влачившія, какъ извѣстно, до перехода ихъ въ руки новой редакціи довольно-таки жалкое существованіе. Вотъ подтверждающій это отрывокъ изъ любопытнѣйшаго неизданнаго письма Н. С. Лѣскова къ Е. П. Ковалевскому:

„Хроника „Чающіе движенія воды“ мною была запродана въ „Отечественныя Записки“ въ іюлѣ прошлаго года... Первые два куска первой части прошли благополучно. Въ третьемъ отрывкѣ вдругъ оказались сокращенія весьма невыгодныя для достоинства романа. Мнѣ, какъ и всѣмъ ближайшимъ сотрудникамъ журнала, было извѣстно, кто сдѣлалъ эти сокращенія: ихъ келейнымъ образомъ производитъ въ „Отеч. Запискахъ“ одинъ цензоръ и одно лицо главнаго правленія по дѣламъ печати. Этихъ чиновниковъ г. Краевскій уполномочилъ и просилъ воздерживать неофиціальнымъ образомъ его безцензурный журналъ отъ опасныхъ, по его мнѣнію увлеченій его сотрудниковъ, и оба эти чиновника г. Краевскому не отказали въ его просьбѣ. Все предназначаемое къ печатанію въ „Отеч. Запискахъ“ посылается по заведенному нынѣ въ этой редакціи порядку на ихъ предварительный дружескій просмотръ, и они въ двѣ руки дѣлаютъ произвольныя и самыя безцеремонныя сокращенія точно такъ же, какъ это бывало въ доброе старое время при предварительной цензурѣ. Въ числѣ этихъ сокращеній бываютъ такія, которыя не могутъ не приводить въ ужасъ благонамѣреннаго русскаго человѣка: таковы, напримѣръ, извѣстныя намъ, сотрудникамъ, сокращенія замѣчательныхъ статей о Прибалтійскомъ краѣ. Это поистинѣ сокращенія такого обиднаго свойства, что никто бы не повѣрилъ, что ихъ дѣлалъ русскій человѣкъ; ихъ могъ только сдѣлать заклятый врагъ русскихъ интересовъ въ Остзейскомъ краѣ, баронъ-сепаратистъ или его форвальтеръ. Но однако ихъ дѣлали не Остзейскіе бароны.

„Упоминаю о сокращеніяхъ, которыя протерпѣла названная мною статья, не безъ цѣли. Они показали мнѣ, что можетъ случиться со всякой печатной вещью, которая прежде своего появленія въ нынѣшнихъ „Отечеств. Запискахъ“ должна пройти черезъ незримую, безконтрольную предварительную цензуру упрошенныхъ г. Краевскимъ цензоровъ. Я сообщилъ г. Краевскому, что романъ „Чающіе движеніе воды“ есть романъ, задуманный по такому щекотливому плану, что съ исполненіемъ его нужно обходиться очень осторожно; что я имѣю въ виду выставить нынѣшніе типы и нынѣшнія положенія людей „чающихъ движенія“ легальнаго, мирнаго, тихаго; но не желаю быть, не могу быть и не буду апологетомъ тѣхъ лицъ и тѣхъ принциповъ и направленій, интересы которыхъ дороги и милы секретнымъ цензорамъ безцензурнаго изданія г. Краевскаго Я написалъ ему (и мои товарищи и лите-

ратурные друзья знаютъ это), что я не могу стерпѣть никакихъ произвольныхъ сокращеній въ этомъ романѣ и что если сокращенія дѣйствительно окажутся необходимыми, то я прошу сдѣлать ихъ не иначе, какъ только съ моего согласія, съ представленіемъ мнѣ возможности, по крайней мѣрѣ, залатывать ямы, открываемыя негласными цензорами. При этомъ я добавилъ твердо и рѣшительно, что если такое мое законное требованіе не будетъ удовлетворено,—то я вынужденъ буду прекратить продолженіе романа. Г. Краевскій говорилъ объ этомъ моемъ требованіи литератору Зарину и другимъ, а характеръ моихъ предыдущихъ отношеній къ этому редактору не оставлялъ ему никакого права думать, что я не сдержу даннаго мною слова. Но, несмотря на все это, въ первой же слѣдующей книжкѣ (2-й, апрѣльской), когда эта книжка была уже отпечатана, сброшюрована и послана къ одному изъ негласныхъ цензоровъ, удерживающихъ безцензурный журналъ г. Краевскаго отъ увлеченій, мой романъ подвергся еще бòльшимъ помаркамъ. Въ силу этихъ помарокъ, одно изъ лицъ романа (протоіерей Савелій), въ особѣ котораго должна была высказываться „чающая движенія" партія русскаго честнаго духовенства, вышло изуродованнымъ. Объ этихъ сокращеніяхъ мнѣ не дали знать, какъ я этого просилъ. Напротивъ, ихъ отъ меня скрыли и начали перепечатывать и подверстывать книжку. Узнавъ объ этомъ случайно, я простеръ мою просьбу о томъ, чтобы романъ со сдѣланными сокращеніями не печатали, а дозволили бы мнѣ объясниться съ цензировавшимъ его негласнымъ цензоромъ, котораго я надѣялся разубѣдить его въ опасеніяхъ за мое легкомысліе и вольнодумство. Не знаю и не ручаюсь, удалось ли бы мнѣ достичь этого, но я надѣялся, ибо и опытность, и здравый смыслъ ручались, что вымаранныя мѣста совершенно позволительны. Но мнѣ измаранной книжки не дали и объявили, что сокращенія будутъ сдѣланы, ибо уже таковъ въ „Отечеств. Запискахъ" порядокъ, и номеръ выйдетъ.

„Мнѣ оставалось одно средство защищаться,—заявить въ какой нибудь газетѣ, что романъ выходитъ не въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ сданъ для печати и что онъ выходитъ въ свѣтъ почти насильно, противъ моего желанія. Я не хотѣлъ сдѣлать такого литературнаго скандала г. Краевскому, ибо вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей нрава и обычаевъ этого почтеннаго редактора, такіе скандалы для него уже не рѣдкость; а для публики они открываютъ только язвы нашей и безъ того много разъ компрометированной литературной семьи. Я ограничился однимъ исполненіемъ моего обѣщанія г. Краевскому, т. е. не далъ больше присланному имъ человѣку оригинала, и рукопись романа остается у меня, пока я оправлюсь, обдумаюсь и найдусь, что мнѣ съ нею можно сдѣлать, послѣ начала романа въ „Отеч. Запискахъ"...

8*

Итакъ, авторъ романа „Некуда" оказался передъ лицомъ негласной предварительной цензуры, организованной „предусмотрительнымъ Андреемъ" при своемъ журналѣ, во „крамольникахъ". Что можно добавить къ этому удивительнѣйшему казусу русской жизни, равно какъ и къ самому факту существованія негласной предварительной цензуры, которой по собственному почину пожелалъ подчиниться одинъ изъ старѣйшихъ и „благонадежнѣйшихъ" русскихъ журналистовъ?.. Мы располагаемъ данными, позволяющими установить, кто изъ членовъ совѣта главнаго управленія несъ, по соглашенію съ Краевскимъ, обязанности упоминаемаго Лѣсковымъ предварительнаго цензора. Это былъ не кто иной, какъ Өеоөилъ Матвѣевичъ Толстой, извѣстный въ лѣтописяхъ русской литературы не только, какъ цензурный дѣятель, но и какъ беллетристъ и музыкальный критикъ. Съ Краевскимъ его связывали давнишнія узы, такъ какъ въ 50-хъ годахъ онъ сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ", а въ 60-хъ въ „Голосѣ". Въ рукописномъ отдѣлѣ Публичной Библіотеки въ „Бумагахъ Краевскаго" хранится нѣсколько писемъ его къ этому послѣднему. Въ нихъ онъ, между прочимъ, касается своихъ отношеній къ „Голосу" и „Отеч. Запискамъ", какъ до перехода ихъ въ руки Некрасова, такъ и послѣ этого событія. Чуть ли не въ каждомъ письмѣ Ө. М. Толстой старается подчеркнуть, что онъ сочувствуетъ прогрессу литературы и радъ всѣми зависящими отъ него мѣрами ограждать ее отъ излишняго рвенія своихъ коллегъ.

Такъ въ одномъ изъ писемъ 1867 г., имѣя въ виду, по всей вѣроятности, предостереженіе, данное въ октябрѣ мѣсяцѣ „Голосу", Толстой пишетъ: „По случаю *горестнаго событія*, т. е. постигшаго Васъ предостереженія, прошу припомнить двѣ русскія поговорки: *Сила солому ломитъ и одинъ въ полѣ не воинъ*"...

Въ другомъ письмѣ того же года рѣчь идетъ уже объ „Отеч. Запискахъ": „Вы поставили меня въ весьма непріятное положеніе, почтенный Андрей Александровичъ. По Вашему желанію, я просматривалъ въ корректурѣ статью о прибалтійскихъ крестьянахъ, помѣщенную въ послѣднемъ № „О. З." Вамъ извѣстно, что я сообщилъ ее предсѣдателю и вслѣдствіе общаго нашего соглашенія—я просилъ Васъ не печатать куплетовъ въ полномъ ихъ составѣ и замѣнить пхъ сокращенною смягченною выпискою.

„Между тѣмъ, за небольшими исключеніями, куплеты напечатаны in extenso, за что на меня совершенно справедливо негодуетъ М. Н. „Если Вашими совѣтами пренебрегаютъ,—говоритъ онъ,—то зачѣмъ же и прибѣгаютъ къ нимъ?" Книжку, какъ вы знаете, не остановили, но я никакъ не могу поручиться, что она не послужитъ поводомъ къ административному взысканію, и въ такомъ случаѣ—пенять на меня Вы будете не въ правѣ.

„Я хотѣлъ избѣгнуть этой переписки и сегодня утромъ заѣзжалъ

къ Вамъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ Васъ дома и даже *не дозвонился*".

Это письмо, имѣющее характеръ нагоняя, все-же написано въ такихъ выраженіяхъ, которыя давали автору возможность утверждать, что онъ хлопочетъ не о себѣ, а о пользѣ журнала.

Наконецъ, въ третьемъ письмѣ, относящемся къ тому же году, Толстой подробно разъясняетъ, въ чемъ видитъ свою роль въ отношеніи „От. Зап.": „Вамъ извѣстно, вѣроятно, различіе, существующее между обязанностями члена Совѣта Гл. Упр. и обязанностями цензора. Цензоръ отвѣчаетъ передъ совѣтомъ за одобреніе или за неодобреніе просматриваемой статьи или корректуры (въ подцензурныхъ изданіяхъ), мнѣніе же члена совѣта имѣетъ законную силу только въ совокупности другихъ членовъ и по утвержденіи журнала министромъ.

„Слѣд.: просматривая въ угожденіе Вамъ корректуру—я принимаю на себя роль цензора, но прошу Васъ имѣть въ виду, что въ настоящемъ случаѣ, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность и дѣйствую, какъ частное лицо, а не какъ членъ Совѣта...

„Повторяю еще разъ, что ни поправки мои, ни одобреніе мое не имѣютъ никакого офиціальнаго значенія.—Вы спрашиваете мнѣнія частнаго человѣка, и я высказываю впечатлѣніе, произведенное на меня чтеніемъ корректуры—вотъ и все".

Эти письма писаны, какъ уже было указано, въ 1867 г.; однако и впослѣдствіи, съ переходомъ журнала въ руки Некрасова, предварительный просмотръ помѣщаемаго въ немъ матеріала Толстымъ по прежнему имѣлъ мѣсто. Быть можетъ, это произошло по настоянію Краевскаго, быть можетъ, этого хотѣлъ самъ Некрасовъ, не видѣвшій иной возможности благополучно лавировать между цензурными Сциллами и Харибдами. Во всякомъ случаѣ, о наличности какихъ-то отношеній между Некрасовымъ и Толстымъ, которыя, если не возникли, то возобновились съ момента перехода „Отеч. Зап." къ Некрасову, можно судить по нижеслѣдующему письму Н. А. къ Толстому, относящемуся къ 23 декабря 1867 г., т. е. какъ разъ къ тому времени, когда заключалось соглашеніе между Некрасовымъ и Краевскимъ („Ежемѣсячныя сочиненія", 1903 г. № 1):

„Вы совершенно правы, многоуважаемый Теофилъ Матвѣевичъ, меня бы стоило обругать. Мнѣ и *должно*, и *желательно*, и нужно побывать у Васъ, что, наконецъ, и исполню завтра же часу въ первомъ.

„Дѣло въ томъ, что по утрамъ я все это время былъ несвободенъ, а заѣзжать на минуту считалъ безполезнымъ. Слыхалъ отъ Краевскаго, что Вы нездоровы, и это поистинѣ прискорбно. Надѣюсь, Вы меня простите за нѣкоторую безцеремонность,—я привыкъ смотрѣть на наши отношенія болѣе какъ на товарищескія, чѣмъ офиціальныя, и отсюда это временное забвеніе долга.

Преданный вамъ искренно *Н. Некрасовъ*.

Соглашеніе между Некрасовымъ и Краевскимъ, о которомъ только что было упомянуто, явилось результатомъ длительныхъ переговоровъ между ними, завязавшихся уже лѣтомъ 1867 г., о чемъ свидѣтельствують хранящіяся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной библіотеки письма Некрасова къ Краевскому. Исторія этихъ переговоровъ, какъ и исторія этого перехода вообще, подробно разсказана мною въ моей недавней статьѣ „Н. А. Некрасовъ и Г. З. Елисеевъ въ дѣлѣ воссозданія „Отеч. Зап.“ Краевскаго“ („Голосъ Минувшаго“, 1916 г., № 2), причемъ главнымъ источникомъ, кромѣ вышеупомянутыхъ писемъ, мнѣ служили неизданныя воспоминанія Елисеева и его жены и нотаріальная копія договора Некрасова съ Краевскимъ, переданная мнѣ покойнымъ В. И. Семевскимъ. Всестороннее разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла, въ особенности же этого послѣдняго документа, привело меня къ убѣжденію, что Некрасовъ шелъ въ журналъ, получивъ значительныя гарантіи отъ своего партнера въ томъ, что идейное руководство всецѣло будетъ принадлежать ему. Во всякомъ случаѣ, п. 9-й договора давалъ ему возможность почетно и безубыточно порвать съ Краевскимъ, если бы послѣдній послѣ полученія перваго предостереженія сталъ посягать на направленіе „Отеч. Записокъ“. При такихъ условіяхъ едва ли было бы благоразумно со стороны Некрасова не согласиться на этотъ договоръ, уклонившись такимъ образомъ отъ попытки сдѣлать *своимъ* журналъ, принадлежавшій до сихъ поръ противному лагерю, попытки, какъ мы знаемъ, блистательно удавшейся. Тѣмъ не менѣе первые мѣсяцы существованія *молодого* журнала (подчеркиваю свое опредѣленіе, такъ какъ между „Отеч. Записками“ до 1868 г. и „Отеч. Записками“ послѣ 1868 г. нѣтъ ничего общаго; въ концѣ 1868 г. *старыя* „Отеч. Записки“ Краевскаго приказали долго жить, зато народился *новый* журналъ—„Отеч. Зап.“ Некрасова) протекали въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ и атмосферѣ чрезвычайно тяжелой. Самое сочетаніе именъ Некрасова и Краевскаго, которыхъ, по справедливости, можно назвать антиподами русской журналистики, производило на многихъ странное, даже непріятное впечатлѣніе. Его усиливали общеизвѣстные факты недавняго прошлаго, и прежде всего тѣ „невѣрные звуки“ (стихотвореніе въ честь Комиссарова, а особенно Муравьева), которые Некрасовъ исторгалъ въ 1866 г. со струнъ своей лиры, тщетно пытаясь спасти „Современникъ“ отъ угрожавшаго ему запрещенія. Все это создавало благодарную почву для предположеній о томъ, что Некрасовъ спустилъ флагъ передъ Краевскимъ и сдѣлался, подобно ему, сторонникомъ девиза: „чего изволите?“ Подобныя предположенія представлялись тѣмъ болѣе естественными, что за Некрасовымъ въ „Отеч. Записки“ пошелъ лишь одинъ изъ его соредакторовъ по „Современнику“—Г. З. Елисеевъ; трехъ же другихъ соредакторовъ—М. А. Антоновича, Ю. Г. Жуковскаго и А. Н. Пыпина—въ числѣ сотрудниковъ

новаго журнала не оказалось. Это обстоятельство не могло не вносить смущенія въ передовые круги, такъ какъ причины, помѣшавшія Некрасову сойтись съ Антоновичемъ и Жуковскимъ, были извѣстны только немногимъ. Что это были за причины, объ этомъ имѣются двѣ группы объясненій. Одна, въ лицѣ М. Е. Салтыкова (см. „Отеч. Зап." 1869 г., № 4), Г. З. Елисеева (ibidem, а также въ напечатанныхъ мною воспоминаніяхъ), Н. К. Михайловскаго (см. „Послѣднія сочиненія", т. II, стр. 359—361 и „Литер. воспоминанія") и Рождественскаго (см. его брошюру „Литературное паденіе г.г. Антоновича и Жуковскаго") утверждаетъ, что главнымъ виновникомъ расхожденія былъ Ю. Г. Жуковскій, добивавшійся равныхъ съ Некрасовымъ правъ на доходы отъ журнала („вопросъ о четвертакѣ") и не желавшій принять въ долю Г. З. Елисеева; другая, въ лицѣ Ю. Г. Жуковскаго и М. А. Антоновича (см. ихъ брошюру „Матеріалы для характеристики современной русской литературы" и отчасти статей Антоновича въ „Журналѣ для всѣхъ" и „Голосѣ Минувшаго"), возлагаетъ отвѣтственность на Некрасова и Елисеева, перваго изъ нихъ упрекая въ лицемѣріи всего его литературнаго служенія и въ эксплоатаціи сотрудниковъ, второго въ томъ, что онъ, соединившись съ Некрасовымъ, „отбился отъ артели". Въ помянутой уже статьѣ моей въ „Голосѣ Минувшаго" я весьма опредѣленно всталъ на сторону перваго объясненія. Съ того времени мнѣ удалось найти новыя документальныя доказательства его справедливости. Вотъ не появлявшееся еще въ печати письмо Н. А. Некрасова къ А. Н. Пыпину, завершившее неудачный исходъ его переговоровъ со своими бывшими соратниками по „Современнику":

„Александръ Николаевичъ,

„Изъ переговоровъ съ Жуковскимъ я убѣдился, что мы съ нимъ сойтись не можемъ. Онъ хочетъ, между прочимъ, чтобы хозяйство было взято у Краевскаго и перешло къ кому-нибудь изъ насъ. Не знаю, согласился бы на это Кр., но я на это не согласенъ. Самъ я возиться со счетами и долгами не имѣю охоты, а васъ же считаю для этого достаточно практичнымъ.

„8-я доли [1]), выговариваемыя Жуковскимъ въ пользу *свою* и *вашу*, тоже поведутъ къ затрудненію отчетности и къ путаницѣ, и, поразмысливъ обстоятельно, я на нихъ не могу согласиться. Во 1-хъ потому, что желаю стоять въ такомъ положеніи, чтобы не быть обязаннымъ ни передъ кѣмъ отчетностью и стѣсненнымъ въ распоряженіи цифрою, опредѣленною на расходы по журналу (а Жуковскій желаетъ въ этомъ отношеніи одинаковыхъ правъ со

[1]) Согласно договору Некрасова съ Краевскимъ прибыль отъ журнала дѣлилась между ними пополамъ; слѣдовательно Жуковскій посягалъ на половину половины Некрасова.

мною и имѣетъ виды на какія-то сокращенія расходовъ, по моему невозможныя и могущія только испортить дѣло); а во 2-хъ потому, что, согласившись на уступку Вамъ и ему, я долженъ былъ бы по совѣсти предоставить такую же долю Елисееву, котораго считаю въ предполагаемомъ дѣлѣ нужнымъ и полезнымъ не менѣе каждаго изъ Васъ, что онъ доказалъ многолѣтнимъ участіемъ въ „Современникѣ"; а тогда что же осталось бы мнѣ?

„Итакъ этотъ вопросъ покончонъ. Остается рѣшить другой. Потрудитесь отвѣчать поскорѣе и рѣшительно, согласны Вы или нѣтъ принять участіе въ редакціи, „От. Зап.", если я буду ихъ редакторомъ на условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя Вы имѣли въ Соврем. съ тою выгодою, что здѣсь Вы будете освобождены отъ роли отвѣтственнаго редактора?

„Этотъ отвѣтъ дайте не позже завтрашняго дня, ибо Кр. проситъ рѣшенья, да и мнѣ эти дѣла до смерти надоѣли.

Пред. Вамъ *Н. Некрасовъ*".

Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что камнемъ преткновенія для соглашенія Жуковскаго съ Некрасовымъ былъ вопросъ о „доляхъ" и участіи Жуковскаго въ веденіи хозяйства журнала, съ одной стороны, и игнорированье Жуковскимъ правъ и интересовъ Елисеева, съ другой. Пыпинъ отвѣтилъ Некрасову обширнымъ письмомъ, въ которомъ со свойственнымъ ему благородствомъ отнималъ, говоря, впрочемъ, только за себя и только о себѣ, у вопроса о доляхъ его рѣшающее значеніе и выражалъ также полную готовность на принятіе въ долю Елисеева, но возможность своего участія въ „Отеч. Запискахъ", помимо Жуковскаго, совершенно исключалъ. Письмо Пыпина написано въ очень миролюбивомъ тонѣ и абсолютно лишено какихъ-либо враждебныхъ выпадовъ противъ Некрасова. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и впослѣдствіи Пыпинъ не принялъ участія въ выступленіяхъ своихъ товарищей противъ Некрасова, съ которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ у него снова наладились отношенія. Иначе повели себя Антоновичъ и Жуковскій. Черезъ какой-нибудь годъ послѣ перехода „Отеч. Зап." въ руки Некрасова, они выпустили обширную брошюру, въ которой, помимо личныхъ выпадовъ противъ Некрасова, пытались доказать, что соединеніе его съ Краевскимъ знаменуетъ измѣну прежнимъ убѣжденіямъ, и что руководимыя имъ, Елисеевымъ, и прочей „шушерой" (подъ шушерой разумѣлся Салтыковъ-Щедринъ) „Отеч. Записки" могутъ внушать къ себѣ только презрѣніе. Не имѣя возможности, не подводя свой журналъ подъ удары цензуры, заявить, что онъ вѣренъ тому общественному міровоззрѣнію, за проповѣдь котораго недавно былъ закрытъ „Современникъ", Некрасовъ предпочелъ промолчать на обвиненія Антоновича и Жуковскаго. Имъ отвѣчали въ особыхъ статьяхъ его ближайшіе сотрудники и соредакторы, Салтыковъ и Елисеевъ.

Какъ ни доказательна, однако, была ихъ полемика съ Антоновичемъ и Жуковскимъ, въ части своей, касающейся направленія возрожденныхъ „Отеч. Записокъ“, она уступаетъ въ убѣдительности матеріаламъ, имѣющимся въ архивѣ главнаго управленія по дѣламъ печати. Изъ нихъ съ неопровержимою ясностью вытекаетъ, что союзъ Некрасова съ Краевскимъ ни на минуту не затемнилъ въ глазахъ властей предержащихъ истиннаго смысла перехода „Отеч. Зап.“ въ руки бывшаго редактора-издателя „Современника“, и новый журналъ сразу же былъ взятъ ими подъ сильнѣйшее подозрѣніе. Это видно, хотя бы, изъ отрицательнаго исхода домогательствъ Краевскаго и Некрасова, имѣвшихъ цѣлью добиться утвержденія Некрасова въ званіи редактора „Отечеств Записокъ“. Изъ дѣла 1-го отдѣленія канцеляріи главнаго управленія по дѣламъ печати „по изданію журнала „Отечественныя Записки“ (№ 53) явствуетъ, что прошеніе Краевскаго объ этомъ, помѣченное 9-ымъ апрѣля,—12-го апрѣля докладывалось Валуеву, а 16-го апрѣля Краевскому уже было послано (за № 795) лаконическое увѣдомленіе, что «разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ дѣлъ» на его ходатайство «не послѣдовало». Это было уже, конечно, достаточно неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ, послѣ котораго надо было ждать враждебныхъ дѣйствій. И они не замедлили начаться.

Первымъ произведеніемъ, привлекшимъ вниманіе цензуры, былъ помѣщенный въ мартовской и апрѣльской книжкахъ романъ Дмитрія Гирса „Старая и новая Россія“. Романъ этотъ, по свидѣтельству современниковъ, напр. А. М. Скабичевскаго въ его «Исторіи новѣйшей русской литературы», „произвелъ большую сенсацію“, являясь для своего времени незауряднымъ литературнымъ произведеніемъ, а потому на оцѣнкѣ его цензурою особенно интересно остановиться. Цензоръ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета Лебедевъ, на котораго была возложена обязанность слѣдить за направленіемъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ засѣданіи комитета 11 апрѣля 1868 г. прочелъ свой докладъ о романѣ Гирса. Докладъ вызвалъ сочувственное отношеніе комитета и былъ въ значительной части своей [1]) приведенъ въ донесеніи его (отъ 14-го

---

[1]) Въ „значительной части“, но не полностью. Изъ архивнаго дѣла С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета объ „Отеч. Запискахъ“ (№ 60; началось 14-го сентября 1865 г.) видно, что къ апрѣлю 1868 г. Лебедевъ составилъ уже весьма опредѣленное мнѣніе о журналѣ, которое и высказалъ въ концѣ своего доклада въ комитетъ: „При этомъ цензоръ не можетъ не замѣтить, что „Отеч. Зап.“ съ января нынѣшняго года измѣнили совершенно свой характеръ; изъ изданія строго консервативнаго, какимъ онѣ были долгое время, онѣ сдѣлались органомъ, если не безусловно нигилистическимъ, то по крайней мѣрѣ сочувствующимъ отрицательному направленію, которое проводится во всѣхъ статьяхъ, какъ въ беллетристическихъ, такъ научныхъ и критическихъ“. Однако, комитетъ не внесъ этой характеристики журнала въ свое донесеніе.

апрѣля, № 281) въ главное управленіе по дѣламъ печати. Онъ начинался нижеслѣдующей характеристикой романа: „Изъ самаго заглавія этого романа видно, что авторъ имѣетъ цѣлью сопоставить два періода нашего общественнаго настроенія; представители одного изъ нихъ—консерваторы, придерживающіеся старыхъ воззрѣній и порядковъ, другого—прогрессисты новаго направленія. Гранью между этими двумя періодами служитъ 1861 годъ, т. е. время освобожденія крестьянъ. Для большей рельефности дѣйствующими лицами романа избраны съ одной стороны дворяне и богатые помѣщики со всѣми старыми понятіями и предразсудками, а съ другой—лица, принадлежащія къ такъ называемой молодой Россіи, разночинцы, не имѣющіе никакой собственности. Къ послѣднимъ и лежатъ всѣ симпатіи автора. Сколько можно судить по началу романа, помѣщенному въ вышедшихъ только 2 частяхъ, онъ написанъ въ духѣ отрицательнаго направленія, съ такъ называемыми нигилистическими тенденціями". Въ дальнѣйшемъ докладъ указывалъ на героевъ романа—гимназиста Оглоблина, студента Теленьева и доктора Маркинсона, видя въ нихъ разновидности нигилистическаго типа и ставя автору въ вину то, что онъ представилъ ихъ „идеалами совершенства". Кромѣ того, въ докладѣ отмѣчалось нѣсколько особенно „рѣзкихъ и предосудительныхъ", по мнѣнію цензора, мѣстъ.

„Комитетъ,—такъ заканчивалось донесеніе,—соглашаясь съ мнѣніемъ цензора о тенденціозности этого романа, но не усматривая въ наиболѣе рѣзкихъ мѣстахъ основаній къ преслѣдованію редакціи за помѣщеніе онаго, считаетъ долгомъ заявить о семъ Главному Управленію по дѣламъ печати, на основаніи конфиденціальной, данной Столичнымъ Комитетомъ, инструкціи".

Инструкція, о которой здѣсь упоминается, получила утвержденіе 23 августа 1865 г. и была напечатана въ „Матеріалахъ для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати" (СПБ., 1870 г. часть II, стр. 177—182). Вотъ та часть ея, на которую ссылался С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ: „Относительно повременныхъ изданій постоянно должно имѣть въ виду ихъ отличительное свойство непрерывныхъ проводниковъ впечатлѣній на публику. Посему они могутъ сообщать свои взгляды и стремиться къ своимъ цѣлямъ, не формулируя категорически этихъ взглядовъ и цѣлей, но выражая ихъ рядомъ намековъ, недоговоровъ, повтореній и другихъ редакторскихъ и издательскихъ пріемовъ. При наблюденіи за повременными изданіями, цензоры обязаны прежде всего изучить господствующіе въ нихъ виды и оттѣнки направленія и, усвоивъ себѣ такимъ образомъ ключъ къ ближайшему уразумѣнію каждаго изъ нихъ, разсматривать съ этой точки зрѣнія отдѣльныя статьи журналовъ и газетъ. Всѣ тѣ нарушенія законовъ, которыя при такомъ наблюденіи окажутся сознательными со стороны редакціи, какъ бы средствомъ для поддержа-

нія и уясненія въ глазахъ читателя предвзятаго направленія по- временнаго изданія, должны быть постоянно заявляемы, если сказанное направленіе есть въ какомъ-либо отношеніи вредное или противоправительственное. Если при этомъ не всякое нарушеніе закона можетъ быть формулировано съ достаточною, для судебнаго преслѣдованія, ясностью, то оно во всякомъ случаѣ не должно быть предаваемо забвенію, ибо масса подобныхъ нарушеній с теченіемъ времени составитъ, наконецъ, основаніе для положительнаго судебнаго преслѣдованія".

Характерно, что инструкція не только рекомендовала помнить занося ихъ, очевидно, въ особый синодикъ, эти сомнительныя нарушенія закона, сомнительныя потому, что они не поддавались даже формулировкѣ; она особымъ пунктомъ требовала, чтобы не предовались забвенію и „прошлое и личный составъ каждаго изданія". Я настаиваю на томъ, что составители инструкціи, внося въ нее этотъ пунктъ, имѣли въ виду некрасовскій „Современникъ" и благосвѣтловское „Русское Слово", а потому привожу его полностью: „Журналы и газеты, подвергшіеся судебному преслѣдованію, административнымъ предостереженіямъ, или временной пріостановкѣ, должны подлежать болѣе строгому разсмотрѣнію, причемъ цензорамъ предстоитъ наблюдать, чтобы въ такихъ періодическихъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялись случаи, вызывавшіе уже подобныя мѣропріятія, а также, чтобы эти случаи не выставлялись въ превратномъ видѣ, съ цѣлью искусственнаго возбужденія сочувствія въ публикѣ. Что же касается до состава редакцій, то литературное и политическое прошедшее сотрудничествующихъ лицъ, очень часто составляетъ знамя редакціи, дающее достаточный матеріалъ для опредѣленія направленія газетъ и журналовъ".

Нужно ли говорить, что съ переходомъ „Отечественныхъ Записокъ" въ руки Некрасова, онѣ тотчасъ же подпали подъ дѣйствіе этого пункта, что, безъ сомнѣнія, сильно усложнило ихъ положеніе? Въ частности, если бы романъ Гирса печатался въ какомъ либо другомъ журналѣ, то онъ едва-ли могъ навлечь на себя обвиненія, подобныя тѣмъ, которыя содержались въ рапортѣ Лебедева. По крайней мѣрѣ, наблюдавшій за „Отеч. Зап." членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати (кромѣ наблюдающихъ членовъ цензурнаго комитета, къ каждому журналу былъ приставленъ еще наблюдающій членъ Совѣта) Ѳ. Толстой, котораго, конечно, нельзя подозрѣвать въ какомъ либо потворствѣ радикальной журналистикѣ, рѣшительно не поддержалъ мнѣнія цензора и солидарнаго съ нимъ цензурнаго комитета. Нижеприводимый отзывъ Толстого о романѣ Гирса взятъ мною не изъ дѣла № 53, а изъ дѣла № 48 (№ 911 архива):

„Въ романѣ „Старая и новая Россія" Г. Цензоръ усматриваетъ чрезвычайную тенденціозность и невыгодное сопоставленіе двухъ пе.

ріодовъ нашего общественнаго развитія до 1861 года въ сравненіи съ настоящими порядками. „Для большей рельефности, говоритъ Г. Цензоръ, дѣйствующими лицами романа избраны авторомъ съ одной стороны дворяне и богатые помѣщики со всѣми старыми понятіями и предразсудками, а съ другой лица, принадлежащія къ такъ называемой молодой Россіи, разночинцы, не имѣющіе никакой собственности“. Не подлежитъ сомнѣнію, мнѣ кажется, что всѣ честные и благомыслящіе люди сочувственно отнеслись къ реформѣ 1861 года, но конечно, что она чувствительнѣе отозвалась на обстоятельствахъ тѣхъ, у которыхъ находилась поземельная собственность и крѣпостные крестьяне, чѣмъ на жизнь не имѣвшихъ никакой собственности.—Этотъ весьма интересный вопросъ еще не исчерпанъ, и я полагаю, что нельзя ставить нашимъ литераторамъ, въ вину желаніе исчерпать его до дна.—Предосудительно, если авторъ, разрабатывая этотъ еще животрепещущій вопросъ, стремится раздражать противоположныя партіи и старается возбудить ненависть неимущихъ противъ имущихъ.—Но этого въ романѣ Г. Гирса вовсе не замѣтно.—Во первыхъ въ числѣ людей со старыми понятіями и предразсудками, по выраженію Г. Цензора, находится и старикъ Теленьевъ, отецъ одного изъ передовыхъ или изъ лицъ, принадлежащихъ къ молодой Россіи, какъ выражается Г. Цензоръ, человѣкъ неимущій, находящійся въ услуженіи въ качествѣ управляющаго у богатой помѣщицы, а во вторыхъ изъ числа дворянъ выставлена только одна закоснѣлая помѣщица Оглобина, вдова мелкаго чиновника взяточника, всѣ же прочіе люди менѣе или болѣе развитые.—Предводитель Тавровъ выставляется дѣйствительно не въ выгодномъ свѣтѣ, но такого рода личности встрѣчаются сплошь да рядомъ въ обширной Россіи, и невозможно требовать, чтобы литераторы обходили ихъ молчаніемъ. Г. Цензоръ находитъ тенденціознымъ, что молодой Оглобинъ, гимназистъ, не окончившій курса, не уживается съ матерью, которая требуетъ отъ него болѣе барскаго обращенія съ крестьянами, и укоряетъ ее за то, что имѣньице ихъ пріобрѣтено покойнымъ отцомъ помощью взятокъ, а не честнымъ трудомъ.

„Желательно было бы, конечно, чтобы молодой Оглоблинъ окончилъ курсъ и не сопротивничалъ матери, тѣмъ болѣе, что мать его оказывается, не смотря на свою косность въ отношеніи крѣпостного права, добрѣйшею старушкою; но и того достаточно, мнѣ кажется. что мать и сынъ разстаются весьма дружелюбно, и что трогательная сцена прощанья не возбуждаетъ въ читателѣ возмутительныхъ чувствъ.—Такъ какъ романъ далеко еще не оконченъ, то нельзя еще постановить о немъ рѣшительнаго сужденія, но я положительно не могу согласиться съ Г. Цензоромъ, утверждающимъ что онъ написанъ въ духѣ отрицательнаго направленія съ такъ называемыми нигилистическими тенденціями.

„Г. Цензоръ находитъ, что отношенія молодого Теленьева къ

отцу сильно напоминаютъ подобныя же отношенія прототипа своего Базарова.—Базаровъ рѣзокъ и грубъ, а Теленьевъ мягокъ и почти нѣженъ.—Базарова ни за что не уговорилъ бы отецъ отправиться на поклоненіе къ помѣщицѣ въ день пріѣзда, а Теленьевъ въ угоду отцу отправляется и держитъ себя въ гостинной весьма прилично.

„Г. Цензоръ говоритъ, что на стр. 381 выражено пренебреженіе молодого Теленьева къ образу, который отецъ повѣсилъ въ его спальнѣ.—Вотъ что сказано въ романѣ: „Когда Теленьевы возвратились отъ генеральши, старикъ провелъ сына въ ту комнату, которую онъ приготовилъ къ пріѣзду Васеньки".—Тутъ описывается чистенькая внутренность комнаты и сказано между прочимъ, что надъ самой кроватью привѣшенъ былъ маленькій образокъ въ почернѣлой ризкѣ"... Видно, говоритъ авторъ, что чья-то любящая, заботливая рука прошла по всему этому.

„Сынъ нагнулся къ образку, чтобы лучше разсмотрѣть... И у отца вдругъ испуганно забилось сердце...

— Ты вѣдь не будешь въ претензіи? — Какъ то глухо, чуть слышно освѣдомился отецъ, робко заглядывая въ лицо сыну...

На лицѣ у сына ничего однако-жъ не было замѣтно.—

— Нѣтъ, нѣтъ, отчего же!—отвѣтилъ онъ,—пусть виситъ, если вы желаете.

„Мнѣ кажется, что въ словахъ этихъ не выражается пренебреженіе, опасенія же отца объясняются тѣмъ, что ему извѣстно было, что нынѣ въ молодыхъ людяхъ, къ сожалѣнію, довольно распространено матеріалистическое ученіе.

„Эти строки указаны между прочимъ Г. Цензоромъ въ числѣ самыхъ рѣзкихъ и предосудительныхъ мѣстъ романа.

„На стр. 356 Г. Цензоръ указываетъ также, какъ на предосудительное мѣсто, на слѣдующее обстоятельство.—Сынъ сельскаго священника проситъ Теленьева довести его до одной деревни, такъ какъ отецъ его, напившись до пьяна на постояломъ дворѣ, не въ состояніи ѣхать съ нимъ, а онъ (т. е. Яша, мальчикъ лѣтъ десяти) торопится къ больной своей матери, женѣ священника.

„Желательно было бы конечно, чтобы сельскіе священники никогда не напивались до пьяна, не нельзя обвинить въ тенденціозности автора, изобличающаго подобный грустный фактъ.

„Наконецъ Г. Цензоръ указываетъ на стр. 359, въ которой, по его мнѣнію, докторъ Маркинсонъ (признаваемый также за нигилиста Г. Цензоромъ) оправдываетъ поступокъ Оглобина, осмѣявшаго свою мать и сестру за то, что онѣ во время грозы осѣнили себя крестомъ.

„Вотъ какъ сказано въ романѣ:

„Теперь то Оглобинъ говоритъ, объяснялъ Яша (сынъ священника), все произошло собственно изъ за того, что онъ при предво-

дителѣ попрекнулъ мать или намекнулъ, что ли, что отецъ судился за взяточничество.

— Хе—усмѣхнулся Маркиносовъ, и нужно замѣтить, добавилъ онъ, обращаясь къ Теленьеву, что рѣдкій изъ этихъ Оглобиныхъ не выгнанъ со службы за взятки, да и теперь первые живодеры съ крестьянами въ уѣздѣ... а тутъ, вотъ что!

— Ну вотъ мать и взбеленилась,—продолжалъ говорить Яша—да еще за то, что разъ позволилъ себѣ посмѣяться въ шутку надъ нею да надъ сестрою, что ли. Что онѣ понимаете... при грозѣ... [1])

— Хе, еще разъ раздалось со стороны доктора.—И Маркиносовъ, улыбнувшись сострадательно, посмотрѣлъ на Теленьева, какъ бы приглашая и его раздѣлить такое же мнѣніе.—Теленьевъ, однако медлилъ почему-то присоединиться къ такому мнѣнію.—„Ну, этого и я не оправдываю, скромно, но твердо вмѣшался онъ потомъ, выходя изъ своего молчаливаго наблюденія".—Замѣчательно, что отпоръ этотъ дѣлается человѣкомъ, котораго Г. Цензоръ причисляетъ къ категоріи нигилистовъ.

„Представляя на благоусмотрѣніе Совѣта разборъ наиболѣе *рѣзкихъ и предосудительныхъ мѣстъ*, по мнѣнію Г. Цензора, я полагаю, что окончательное обсужденіе направленія и тенденціозности романа слѣдуетъ отложить до совершеннаго его окончанія".

Я внимательно прочелъ романъ Гирса и положительно утверждаю, что Ѳ. Толстому надо было проявить лишь минимальныя объективность и безпристрастіе, чтобы дать такое заключеніе. Романъ написанъ въ чрезвычайно сдержанныхъ и умѣренныхъ тонахъ, что отчасти объясняется тѣмъ, что къ нему руку приложилъ самъ Некрасовъ, вынужденный силою обстоятельствъ считаться со мнѣніемъ цензуры. До его свѣдѣнія, по всей вѣроятности, дошло—онъ, вѣдь, имѣлъ знакомыхъ среди цензоровъ,—что недреманное око начальства усмотрѣло крамолу въ романѣ Гирса, первая часть котораго появилась въ мартовской книжкѣ, и онъ принялся за приспособленіе второй его части къ цензурнымъ требованіямъ. На этой почвѣ ему пришлось столкнуться съ авторомъ, какъ это видно изъ имѣющихся у меня писемъ Гирса къ Некрасову, въ которыхъ онъ очевидно, не зная, чѣмъ вызваны передѣлки въ романѣ, настойчиво отстаиваетъ свой текстъ отъ всякихъ измѣненій. Читая эти письма, трудно не согласиться съ резонностью соображеній Гирса, и тѣмъ обиднѣе дѣлается за него и за редакцію журнала, принужденную силою внѣшнихъ, „независящихъ" отъ ея воли обстоятельствъ, брать на себя функціи домашней цензуры. Эта послѣдняя, какъ видно изъ протестовъ Гирса, не отличалась особой снисходительностью, но все-же ея усилія забронировать романъ отъ придирокъ цензуры офиціальной лишь отчасти достигали цѣли. Въ спорѣ съ

[1]) Достойно замѣчанія, что выраженіе „осѣнили себя крестомъ" даже избѣгнуто въ текстѣ.

Гирсомъ Некрасовъ настоялъ на своемъ. Какіе резоны онъ ему приводилъ, мы не знаемъ, но въ нашемъ распоряженіи находится нижеслѣдующая записка къ нему Гирса: „Пусть будетъ по Вашему Я только все-таки остаюсь при мнѣніи, что это не подлежало бы духовной цензурѣ—и, внесенное въ отдѣльные оттиск,и пройдетъ благополучно... Дѣло все-таки настолько важно для меня въ томъ, чтобы появился цѣлый романъ—что не стоитъ дѣлать скандала изъ пустяка, хотя этотъ пустякъ—я объяснялъ—и важенъ для меня здѣсь. Кассаціонный Депар. Сената по дѣлу Вундта, положительно объяснилъ, какія мѣста могутъ подлежать духовной цензурѣ Тамъ сказано, что ей подлежатъ только мѣста чисто духовнаго содержанія, т. е. богословскія. Богословскою же эту сцену уже никакъ нельзя назвать. Прикажите печатать, какъ Вы желаете. Смотрите на это все-таки, какъ на наши личныя недоразумѣнія. Можетъ, я и неопытенъ въ дѣлахъ съ цензурой.

Вашъ *Д. Гирсъ*".

Далѣе, говоря о цензурномъ воздѣйствіи на „безцензурный" журналъ Некрасова, нельзя не отмѣтить одного факта, о которомъ въ письмѣ Гирса вовсе не упомянуто: полнаго исчезновенія изъ текста его главы VII, замѣненной двумя рядами точекъ, исчезновенія, вызвавшаго особое объясненіе со стороны редакціи (стр. 402), которое гласило: „Редакція считаетъ справедливымъ заявить, что въ этой первой половинѣ II части, VII глава не могла явиться въ печати, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ".

Если вопросъ о романѣ Гирса былъ возбужденъ всецѣло по иниціативѣ цензурнаго комитета, то въ возбужденіи новаго дѣла объ „Отечественныхъ Запискахъ", относящемся къ осени 1868 года, рѣшающую роль сыграла иниціатива Ѳ. Толстого. Въ своемъ заявленіи о № 9 журнала онъ утверждалъ, что „въ послѣднихъ номерахъ" „Отечественныхъ Записокъ" начинаетъ проглядывать тѣсное ихъ сродство съ бывшимъ „Современникомъ". Сродство это, по его мнѣнію, сказывается, какъ въ „пріемахъ" и „складѣ рѣчи", такъ и въ увлеченіяхъ, свойственныхъ прежнему „Современнику". „Отрицаніе авторитетовъ, преклоненіе только предъ юными, свѣжими силами молодого поколѣнія и глумленіе, направленное противъ лицъ, завѣдывающихъ администраціей, вотъ принципы, начинающіе проглядывать въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Отечественныхъ Записокъ". Въ подтвержденіе Ѳ. Толстой ссылается на двѣ статьи Щедрина и статью Скабичевскаго въ сентябрьской книжкѣ журнала „Въ статьѣ Щедрина, читаемъ въ его донесеніи, подъ заглавіемъ „Легковѣсные, картины въ натуральную величину", авторъ, со свойственной ему исключительною, довольно туманною, но рѣзкою рѣчью утверждаетъ, что было время, когда въ нашемъ обществѣ большую роль играли „каплуны мысли" (стр. 254), которыхъ нынѣ

замѣнили „легковѣсные“ люди... Авторъ не можетъ оговориться тѣмъ, что сатира его бьетъ на пустоголовыхъ „коптителей неба“ потому что изображенному имъ типу „легковѣсныхъ“ онъ приписываетъ громадное вліяніе не только на современный общественный строй, но и на будущность государственнаго нашего благосостоянія... Въ „Письмахъ изъ провинціи“, подписанныхъ Гуринымъ, но очевидно, принадлежащихъ тому же перу, т. е. перу Щедрина,—слышно то же глумленіе надъ провинціальными администраторами и подвѣдомственными имъ дѣятелями; первыхъ онъ почему-то называетъ историографами, а вторыхъ—фофанами.

„Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ онъ фофановъ (стр. 102): „Прежде всего передъ вами обнаружится совершенная неспособность фофановъ къ какой бы ни было производительности исключая унаваживанія полей; потомъ обнаружится, что при всей неспособности и непроизводительности, фофаны въ высшей степени прозорливы и непрочь погулять въ златотканныхъ одеждахъ, что обходится обществу довольно дорого“, и пр. и пр.

„Исторіографовъ же авторъ описываетъ на манеръ, какъ Тургеневъ описываетъ молодыхъ генераловъ въ повѣсти „Дымъ“...

„Все это высказывается иносказательно въ какомъ то туманѣ, съ такими пріемами, къ которымъ прибѣгалъ „Современникъ“ до 1865 года, но съ очевидною цѣлью сатиры и презрительнаго глумленія надъ провинціальной администраціей.

„Въ статьѣ, озаглавленной „Русское недомысліе“, сгруппированы для бичеванія всѣ произведенія, написанныя въ отпоръ нигилизму. „Отцы и дѣти“ Тургенева, „Взбаламученное море“ Писемскаго, „Марево“ Клюшникова, „Некуда“ Стебницкаго и „Бродячія силы“ Авенаріуса—подвергаются строгой критикѣ и безпощаднымъ насмѣшкамъ... Эта замѣчательная статья, написанная довольно сдержаннымъ тономъ, по существу своему не имѣетъ ничего предосудительнаго, потому что она стремится только доказать, что новое поколѣніе, несправедливо обозванное нигилистами, не имѣетъ вовсе желанія все сокрушать и уничтожать, а напротивъ, стремится только водворить владычество полезной науки и проповѣдываетъ трудолюбіе. Тѣмъ не менѣе статья эта, какъ кажется, не совсѣмъ умѣстна, потому что она какъ бы возстановляетъ знамя бывшаго „Современника“—изданія, запрещеннаго по высочайшему повелѣнію.

„Представляя замѣчаніе мое на благоусмотрѣніе Совѣта, я съ своей стороны полагаю, что на этотъ разъ достаточно ограничиться словеснымъ внушеніемъ отвѣтственному редактору, съ объясненіемъ ему высказенныхъ мною соображеній. Зная по опыту, какъ внимательны г. Некрасовъ и Краевскій къ дѣлаемымъ ему указаніямъ наблюдающимъ членомъ—я убѣжденъ, что означенное внушеніе принесетъ желаемый плодъ и удержитъ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ отъ дальнѣйшихъ уклоненій“.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого заявленія вниманіе Ѳ. Толстого было привлечено къ помѣщенному въ № 12 продолженію статьи Скалдина „Въ захолустьѣ и въ столицѣ". Толстому очень не понравились указанія автора, что среди помѣщиковъ „не мало было такихъ, которые, взявъ ссуду изъ продовольственнаго капитала для прокормленія крестьянъ, употребляли ее на свои собственныя нужды и потомъ заставляли крестьянъ ее выплачивать," а также разсужденіе о томъ, что „если почиталось справедливымъ вознаградить помѣщиковъ за потерю крѣпостного права, тоне было-ли бы еще болѣе справедливо вознаградить и крестьянъ за двухвѣковую безвозмездную работу ихъ на помѣщиковъ, за то, что они расчистили и распахали помѣщичьи земли, повыстроили ихъ усадьбы понадѣлали дорогъ, гатей, прудовъ, однимъ словомъ, обратили прежніе пустыри въ благоустроенныя имѣнія?" Отмѣчая эти „выходки", изобличающія въ Скалдинѣ писателя извѣстнаго закала т. е. писателя въ духѣ прежнихъ сотрудниковъ „Современника", Толстой все же долженъ былъ признаться, что статью Скалдина „въ сущности нельзя счесть неблагонамѣренною", а потому предлагалъ лишь принять ее „къ свѣдѣнію, какъ крупный матеріалъ для опредѣленія направленія журнала".

Думается, что эти два донесенія [1]) Толстого въ достаточной степени выясняютъ его позицію въ отношеніи „Отечественныхъ Записокъ". Стремясь къ тому, чтобы „и волки были сыты и овцы цѣлы", онъ не упускалъ случая возбуждать вопросы о той или другой статьѣ журнала, чѣмъ и доказывалъ свое служебное усердіе, но возбуждая ихъ, отнюдь не настаивалъ на репрессіяхъ. Эта, въ достаточной степени, двойственная, чтобы не выразиться рѣзче, политика не мѣшала ему въ своихъ письмахъ къ Краевскому весьма велерѣчиво говорить о томъ, что онъ искренно благожелательствуетъ литературѣ, почему и взялъ на себя предварительный просмотръ матеріала, помѣщаемаго въ „Отеч. Запискахъ". Вотъ весьма характерное въ этомъ отношеніи письмо его отъ 5 іюля 1869 г.,

---

[1]) Если бы мы слѣдовали въ нашемъ изложеніи строго хронологическому принципу и задавались цѣлью использовать весь находящійся въ нашемъ распоряженіи архивный матеріалъ, то вслѣдъ за этими донесеніями Толстого намъ пришлось бы упомянуть о двухъ докладахъ Лебедева въ цензурный комитетъ (см. арх. дѣло цензурнаго комитета объ „Отеч. Зап." № 60); первый по поводу январской книжки 1869 года говорилъ о поэмѣ Некрасова „Кому на Руси жить хорошо" (глава „Попъ"), „Исторіи одного города" Салтыкова-Щедрина и статьи Елисеева „Когда благоденствовалъ русскій мужикъ, и когда начались его бѣдствія?"; второй по поводу февральскаго номера за тотъ же годъ былъ посвященъ стихотворенію „Воспоминанія ночи 4 декабря" (изъ В. Гюго, пер. Буренина), заключавшему въ себѣ, по мнѣнію докладчика, „неприличные и оскорбительные отзывы объ императорѣ Наполеонѣ". Оба эти доклада были „приняты къ свѣдѣнію", но не вызвали особыхъ обращеній въ главное управленіе.

относящееся къ періоду временнаго исполненія имъ обязанностей начальника главнаго управленія по дѣламъ печати:

„Благодарю Васъ, читаемъ мы здѣсь, за довѣріе и пользуюсь имъ на благо общаго нашего дѣла, т. е. для постепеннаго и безмятежнаго развитія свободнаго русскаго слова.

„Въ настоящую минуту я „калифъ на часъ" и потому я долженъ былъ оставить надзоръ за „О. З." за наблюдающимъ временно членомъ; въ слѣдствіе этого отмѣтки, которыя сдѣланы въ оттискахъ съ Вашего позволенія, сдѣланы нами съ общаго согласія.

„Какъ ни ненавистенъ „красный карандашъ", это цензорское орудіе, но вникнувъ въ наши отмѣтки, Вы конечно согласитесь, что тутъ нѣтъ никакого *оскопленія*,—а только оставленъ излишній *задоръ*—отъ котораго страсти возбуждаются, но не удовлетворяются .

„Вся суть осталась въ неприкосновенности—и потому я въ полной надеждѣ, что никто не будетъ въ претензіи [1]) на Васъ за вашу снисходительность и за Ваше довѣріе—а на насъ за нашу осторожность, проистекающую отъ искренняго желанія быть полезнымъ общему нашему дѣлу".

Повидимому, въ іюлѣ же написано и слѣдующее письмо Толстого безъ даты: „Благодарю Васъ—за добросовѣстное исполненіе принятаго Вами добровольно обязательства—я хочу сказать о перепечатаніи отмѣченныхъ *пассажей*. Я твердо убѣжденъ, что дѣлая ничтожныя исключенія—мы оба съ вами служимъ вѣрою и правдою *неокрѣпшему* еще у насъ свободному слову. Всего не усмотришь,—а вольно практикующая цензура *стоустой толпы* такъ и ловитъ каждое слово и каждый промахъ, чтобы какъ нибудь да напакостить литер. дѣлу. Такъ, напримѣръ, въ Парижскихъ письмахъ на стр. 151 приведена программа одной изъ фракцій соціалистовъ,—въ которой сказано между прочимъ—параграфъ 12: „экспропріація всѣхъ финансовыхъ компаній" (посмотрите теперь), другими словами отнятіе собственности частной въ пользу неимущихъ

„Это какъ историческій фактъ можно и должно огласить, но что не хорошо—это *одобреніе* вашего корреспондента этого предложенія. Я не полагаю, чтобы эти обмолки вызвали протестъ со стороны совѣта—но сообщаю вамъ для вашихъ будущихъ наблюденій".

Статья, о которой идетъ рѣчь, трактовала о французскихъ выборахъ депутатовъ въ 1869 г., причемъ воспроизводила, между прочимъ, и текстъ соціалистической программы желательныхъ реформъ. Программа эта, говорящая объ уничтоженіи постоянныхъ армій, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о свободѣ

---

[1]) Насколько ошибался Ѳ. М. Толстой въ этомъ своемъ убѣжденіи, видно изъ письма Г. З. Елисеева къ Некрасову отъ іюля 1869 г. (см. мою статью объ Елисеевѣ въ „Русск. Запискахъ", 1916 г., № 1).

ассоціацій, сходокъ, печати, введеніи прогрессивнаго налога, заключала въ себѣ и 12-й пунктъ, привлекшій особое вниманіе Толстого и гласившій: „Экспропріація всѣхъ финансовыхъ компаній и признаніе національною собственностью, для общественнаго пользованія, банковъ, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, транспортировокъ, страховыхъ учрежденій, копей.“ Изъ приведеннаго письма видно, что съ опубликованіемъ этого пункта Толстой готовъ былъ бы примириться, но его испугало благожелательное отношеніе автора статьи ко всей программѣ французскихъ соціалистовъ. „Я думаю,—писалъ послѣдній,—что этому изложенію нельзя отказать ни въ простотѣ, ни въ логичности, ни въ спокойномъ тонѣ, особливо если принять во вниманіе, откуда оно идетъ, и то, что документъ этотъ не произведеніе одной личности, которой могло бы руководить тщеславіе. Мнѣ кажется яснымъ, что если бы работники могли, или лучше сказать, должны были бы при условіи дѣйствительно свободныхъ выборовъ—представить изъ среды своей въ народное собраніе выразителя и истолкователя своихъ идей, то онъ сумѣлъ бы ихъ съ достоинствомъ отстоять.“

Болѣе сердитыя ноты звучатъ въ письмѣ Ѳ. М. Толстого къ Краевскому отъ 12 августа 1869 г.

„Мнѣ сдается,—читаемъ мы здѣсь,—многоуважаемый Андрей Александровичъ, что хроникеръ общественной жизни, свирѣпствовавшій въ „От. Запискахъ“, перекочевалъ въ „Голосъ“.

„Фельетонъ „По губерніямъ“ проникнутъ тою же желчью, тою же *руссофобіей* и тѣмъ же злорадствомъ, которыми отличается хроникеръ общественной жизни. Указывать на недостатки или ошибки своихъ соотчичъ—и подтрунивать надъ ними съ мефистофельскимъ хохотомъ—двѣ вещи разныя.

„Указаніями можно исправить, а злорадствомъ можно возбудить презрѣніе къ такого рода людямъ, которые болѣе заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія.

„Простите великодушно *за дидактическій этотъ тонъ*, но Вы знаете, что стараться по возможности провести благополучно новорожденную нашу свободную прессу *промежду подводныхъ камней*—составляетъ мой конекъ.

„Я опасаюсь, что новый Вашъ сотрудникъ какъ разъ наскочитъ на подводный камень, и тогда трудно будетъ поправить дѣло—такъ какъ надъ „Голосомъ“ виситъ III-ье предостереженіе. Кажется, Вы должны были убѣдиться, что *мысль* я никогда не преслѣдую, а отклоняю только *злоумышленность* и *зловредныя ученія*.

„Хроникеръ общественной жизни можетъ еще быть терпимъ съ грѣхомъ пополамъ въ ежемѣсячномъ журналѣ,—но въ ежедневной газетѣ съ нимъ наживете бѣды!

„Августовская хроника „От. З.“ не была у меня въ просмотрѣ и я признаюсь Вамъ, что обязанъ заявить ее въ Совѣтъ.

„Есть поводъ надѣяться, что заявленіе мое не поведетъ къ какимъ либо карательнымъ мѣрамъ—но, желая сохранить *примирительный характеръ* добровольныхъ нашихъ соглашеній, я считаю долгомъ *по совѣсти* увѣдомить Васъ о томъ.

„Есть также кое-какія не совсѣмъ удобныя выходки въ статьѣ „Цивилизація и дикія племена“, — но это статья серьезная и въ высшей степени интересная. — Налагать цензурную руку на подобныя статьи отзывалось бы *обскурантизмомъ*; но *гаерству* не слѣдуетъ давать ходу...

„Сейчасъ узналъ, что я превратился *въ простого смертнаго*, т. е. что я уже болѣе не халифъ на часъ. Пріѣхалъ М. Н. Похвисневъ. Тѣмъ лучше—голосъ мой становится независимымъ“.

Изъ этого письма, между прочимъ, слѣдуетъ, что столь подчеркивавшій свое доброжелательное отношеніе къ литературѣ, въ частности къ органамъ Краевскаго, Ѳ. М. Толстой въ иныхъ случаяхъ оказывался нетерпимѣе цензурнаго комитета, ибо статья Демерта „Наша общественная жизнь“ въ августовской книжкѣ, не вызвавшая никакихъ официіальныхъ шаговъ со стороны комитета, побудила Толстого, по его собственному сознанію, выступить съ заявленіемъ въ Совѣтѣ. Само собою разумѣется, что заявленіе въ совѣтѣ, да еще со стороны такого члена его, славившагося своей умѣренностью, какъ Толстой, легко могло повести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ для журнала, во всякомъ случаѣ болѣе серьезнымъ, чѣмъ рядовое донесеніе комитета. Что касается до статьи, давшей поводъ для этого выступленія Толстого, то суть ея содержанія заключалась въ томъ, что она указывала въ очень энергичныхъ выраженіяхъ на недостатки нашего городского самоуправленія и нѣкоторыхъ общественныхъ организацій, въ родѣ потребительныхъ обществъ, объясняя эти недостатки сословными и классовыми вожделѣніями; былъ въ ней и выпадъ противъ полиціи, которая-де притѣсняетъ мелкихъ торговцевъ и потворствуетъ денежнымъ тузамъ. Но особенно рѣзкихъ выраженій въ этой статьѣ, основанной, какъ и большинство хроникъ Демерта, на непреложныхъ фактическихъ данныхъ, я не замѣтилъ и недоумѣваю, что собственно въ ея содержаніи заставило протестовать Толстого. Вѣрнѣе всего, что его раздражилъ пессимистическій взглядъ автора на русскую дѣйствительность и два-три допущенныхъ имъ язвительныхъ обобщенія, въ родѣ слѣдующаго: „Литературные протесты у нас помогаютъ столько же, сколько помогаетъ, напримѣръ, крикъ подъ розгами: узаконенное число ударовъ, разумѣется, отсчитаютъ, но все-таки какъ-то легче, когда орешь“.

Нельзя сказать, такимъ образомъ, чтобы цензура была особенно милостива къ „Отеч. Запискамъ“ въ первые 1½ года ихъ существованія подъ новой редакціей. Тѣмъ не менѣе по сравненію съ тѣмъ, что пришлось испытать въ послѣдній годъ „земного бытія“ „Современника“ все же жилось легче. Однако, не примѣчая-

покамѣстъ въ отношеніи „Отеч. Записокъ" репрессивныхъ мѣръ, главное управленіе по дѣламъ печати успѣло составить о нихъ вполнѣ опредѣленное и въ основѣ своей глубоко отрицательное мнѣніе, какъ объ оппозиціонномъ органѣ, замѣнившемъ „Современникъ". Въ подтвержденіе, помимо приведенныхъ выше донесеній Ѳ. Толстого, сошлюсь на весьма интересный документъ, еще не появлявшійся въ печати, на отчетъ главнаго управленія за 1868 г. („Дѣло объ отчетѣ за 1868 г. по главному управленію по дѣламъ печати", № 238, № архива 1027; началось 11 декабря 1868 г.) Особенно интересна та часть отчета, въ которой дается общая характеристика русской журналистики за время непосредственно до и послѣ закона 6 апрѣля 1865 г. Такъ какъ эта общая характеристика, въ значительной степени, опредѣлила собой все направленіе дѣятельности главнаго управленія по дѣламъ печати, а въ частности и отношеніе его къ „Отеч. Запискамъ", то я позволяю себѣ остановиться на ней подробнѣе.

„На частныхъ повременныхъ изданіяхъ,—читаемъ мы здѣсь,—съ политической программой, изъ коихъ главнѣйшіе освобождены отъ предварительной цензуры на основаніи закона 6 апрѣля 1865 г., сосредоточивалось наибольшее вниманіе вѣдомства печати. Всѣ карательныя мѣры, противъ печати въ минувшемъ году вызваны были исключительно предосудительными явленіями въ журналистикѣ. Но прежде изложенія отношеній къ ней главнаго управленія, необходимо остановиться на общей ея характеристикѣ.

„Отличительное свойство всякой независимой политической печати, по самой природѣ ея, есть направленіе такъ называемое оппозиціонное и, болѣе или менѣе, прогрессивное. Затѣмъ, по смыслу отношеній различныхъ органовъ печати къ государственной власти и къ основнымъ началамъ существующаго государственнаго и общественнаго строя, органы сіи имѣютъ характеръ охранительный или либеральный и даже радикальный, обнаруживающій стремленіе къ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ общественнаго и государственнаго быта, а иногда и ниспроверженію нѣкоторыхъ его началъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, русская печать представляетъ слѣдующія явленія.

„При облегченныхъ цензурныхъ условіяхъ, русская политическая печать, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, усвоивъ общій характеръ западно-европейской прессы, не только не избѣгала крайностей, характеризующихъ послѣднюю, но даже благодаря своей незрѣлости, предпочтительно увлеклась ими, всецѣло перенеся на русскую почву и такія понятія и ученія, которыя здѣсь не имѣли никакого историческаго основанія. Съ расширеніемъ въ нашемъ отечествѣ свободы мысли и жизни, современное поколѣніе усвоило себѣ либеральное направленіе гораздо шире тѣхъ предѣловъ, которые могли быть начертаны политическимъ разумомъ. Всестороннія реформы, предпринятыя самимъ правительствомъ, служили

какъ бы поощреніемъ такому направленію современнаго общества и литературы; послѣдняя устремлялась по этому пути тѣмъ съ большею горячностью, что, желая подражать дѣятельности и пользоваться ролью западной печати, т. е. держать въ своихъ рукахъ монополію либеральнаго почина, она встрѣчала въ своемъ правительствѣ такого соперника, подобнаго которому не представляетъ вся исторія свободныхъ учрежденій западной Европы. Такимъ образомъ русская печать очень скоро, не имѣя необходимой политической подготовки и вообще при политической незрѣлости, стала доводить свои политическія и соціальныя ученія до тѣхъ крайностей, которыя столь разительно проявились въ нѣкоторой части нашей журналистики 1862 г. и послѣдующихъ годовъ.

„Изложенныя причины крайняго направленія нашей печати дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что она попала въ руки такъ называемаго литературнаго пролетаріата, проникнутаго духомъ вражды и отрицанія. Не успѣвъ примкнуть къ правительственной организаціи, такъ какъ коронная служба была переполнена необходимымъ персоналомъ, этотъ быстро возраставшій кружокъ людей получилъ возможность создать для себя независимую и привлекательную общественную дѣятельность въ печати, пользуясь открывшейся свободой и невѣжествомъ или индиферентизмомъ общественной массы,—и дѣятельность эта обѣщала ему тѣмъ болѣе блеска и успѣха, чѣмъ радикальнѣе и энергичнѣе были его стремленія и дѣйствія. Озлобленнымъ семинаристамъ, недоучившимся студентамъ, недовольнымъ чиновникамъ, составлявшимъ этотъ кружокъ, терять было нечего, а пропаганда новыхъ идей встрѣчаема была среди молодого поколѣнія рукоплесканіями и давала видное общественное положеніе. Такъ развилась дѣятельность „Современника“ и „Русскаго Слова“, которымъ единодушно вторила почти вся петербургская политическая печать, со включеніемъ даже „Русскаго Инвалида“, или прямо пропагандируя ученія двухъ названныхъ передовыхъ журналовъ, или обходя деликатнымъ молчаніемъ то, что въ этихъ ученіяхъ требовало трезваго разъясненія или энергическаго отпора. Эта сдержанность была отчасти добровольная, отчасти вынужденная своего рода терроромъ, къ которому прибѣгли быстро усилившіеся либеральные журналы, для упроченія своего господства въ литературѣ, чего они вполнѣ и достигли, не встрѣчая себѣ противодѣйствія: консервативные классы общества не давали себѣ труда оцѣнить это явленіе, подчинившее себѣ все молодое поколѣніе и цѣлыя сферы общественной жизни, и принять противъ него серьзныя мѣры, употребивъ для сего то же оружіе—печать; такія слабыя попытки, какъ основаніе Павловымъ газеты „Наше Время“, очень скоро прекратившейся, или изданіе Скарятинымъ газеты „Вѣсть“, лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ достигшей нѣкотораго значенія, не могли успѣшно противодѣйствовать господствовавшему въ нашей литературѣ отрицательному направленію.

„Съ теченіемъ времени первоначальный пылъ русскаго печатнаго слова постепенно охладѣлъ. Польскій мятежъ, сопровождавшійся угрожающимъ положеніемъ западной Европы, и безумныя попытки русскихъ агитаторовъ—дѣйствовали до нѣкоторой степени отрезвляющимъ образомъ на общество и печать, а законъ 6 апрѣля, поставивъ послѣднюю въ болѣе опредѣленныя внѣшнія отношенія къ правительству и обществу, привлекъ къ участію въ литературѣ болѣе разумные элементы,—но, къ сожалѣнію, въ столь незначительной мѣрѣ, что между большинствомъ органовъ печати 1863 и и 1868 г.г. можно усмотрѣть разницу не въ оцѣнкѣ разсматриваемыхъ ею политическихъ и соціальныхъ вопросовъ и не въ тенденціяхъ редакціи, а лишь въ силѣ и способахъ выраженія политическихъ мнѣній, которыя въ существѣ остаются до настоящаго времени почти безъ измѣненія. Герценъ, въ своемъ изданіи „Съ того берега“, особымъ трактатомъ доказывалъ необходимость всеобщаго соціальнаго переворота, катаклизма, который бы захватилъ всю глубь общественнаго строя и открылъ возможность сложиться новымъ организаціямъ; въ 1859 г. Писаревъ говорилъ: „бей на право и на лѣво,—что гнило, то повалится, что здорово, то устоитъ“; нѣсколько лѣтъ позже Елисѣевъ, нынѣ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“,—убѣждалъ, что задача современныхъ частныхъ дѣятелей—расшатывать старое зданіе, пока оно не рухнетъ, чтобы изъ подъ его развалинъ возникло что-нибудь лучшее, новое. Эта программа, привлекательная своею простотою, господствовавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не лишена и нынѣ сочувствія и исполнителей. Во всякомъ случаѣ, и въ минувшемъ году, такъ же, какъ въ 1868 г., многія изъ нашихъ повременныхъ изданій относились враждебно къ административной власти и занимались преимущественно критикою правительственныхъ дѣйствій, мало обращая вниманія на положеніе и дѣятельность самаго общества; оппонировали идеѣ власти, правительству, какъ правительству, а вмѣстѣ съ тѣмъ оппонировали и всему, что служитъ опорою правительству и основами государственнаго зданія: высшимъ общественнымъ классамъ, всѣмъ видамъ администраціи, религіознымъ установленіямъ, правамъ собственности въ различныхъ видахъ; проводили демократическія идеи, враждебно относясь къ аристократіи и вообще ко всему привилегированному; обращались съ ироніей или явнымъ глумленіемъ къ основамъ семейнаго быта и нравственнымъ вопросамъ, нерѣдко относясь какъ бы поощрительно къ распущенности нравовъ. Тѣ же самые интересы, къ которымъ враждебно или одобрительно относились „Современникъ“, „Русское Слово“ и проч.,—занимали въ минувшемъ году, болѣе или менѣе въ такомъ же смыслѣ „Отечественныя Записки“, „Вѣстникъ Европы“, „Всемірный Трудъ“, „Дѣло“, „Недѣлю“, „Русско-славянскіе отголоски“ Иллюстрированную Газету“, „Искру“, „Будильникъ“,

„С.-Петербургскія Вѣдомости", „Петербургскій Листокъ", „Голосъ" (послѣдній за исключеніемъ вопросовъ по западному краю). Въ этихъ изданіяхъ замѣчалось существенное отличіе отъ печати 1863 г. лишь въ формѣ и внѣшней силѣ рѣчи и въ нѣкоторыхъ пріемахъ борьбы: не было той обнаженной прямоты и откровенности, фраза выработалась, округлилась и смягчилась, сдѣлавшись цензурною, отчего мысль не утратила своей силы; наконецъ, явно обнаруживалось ослабленіе энергіи, проявляемой печатью нѣсколько лѣтъ тому назадъ;—она представляется какъ бы временно утомленною и оскудѣвшею въ своихъ силахъ—пока не подрастетъ поколѣніе, воспитываемое нынѣ „Отечественными Записками", „Дѣломъ" и тому подобными изданіями. Въ частности, въ минувшемъ году журналистика отвлеклась отъ пропаганды вредныхъ началъ обсужденіемъ положенія дѣлъ на нашихъ окраинахъ,—обсужденіемъ, имѣвшимъ еще то полезное значеніе, что оно естественно сводилось на патріотическую почву, возбуждая въ массѣ публики интересъ и сочувствіе къ началамъ нашей государственности. Но это практическое направленіе въ дѣятельности нашей журналистики, не смотря на нѣкоторыя крайнія въ этомъ отношеніи увлеченія, благотворное для общественнаго сознанія,—должно быть сопоставлено съ другою характеристическою чертою, практическою же, но въ иномъ смыслѣ, которою можетъ быть отмѣчена наша печать за послѣднее время. Коммунистическія и демагогическія утопіи, занимавшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ господствующее положеніе, нынѣ отошли на второй планъ и уступили мѣсто правильной, послѣдовательной борьбѣ противъ извѣстныхъ учрежденій и правительственныхъ началъ, противъ частностей и цѣлой системы. Здѣсь печать быстро выростаетъ въ общественную силу, которая съ настойчивостью и успѣхомъ завоевываетъ себѣ шагъ за шагомъ (вліяніе) на поприщѣ общественныхъ интересовъ, явно подчиняя себѣ общественное мнѣніе и даже обнаруживая болѣе или менѣе чувствительное давленіе на самыя оффиціальныя сферы".

Если исключить изъ этой характеристики нѣкоторыя условныя такъ сказать, выраженія, имѣющія своимъ источникомъ официальное положеніе ея автора, если, съ другой стороны, игнорировать ея основную точку зрѣнія—точку зрѣнія бюрократа-охранителя,—то едва-ли возможно будетъ отрицать, что она довольно вѣрно рисуетъ физіономію русской печати 60-хъ годовъ. Съ 1862 года правительство явно вступило на путь реакціи, а потому прогрессивные органы, волей-неволей, должны были перейти въ оппозицію. Въ оппозицію не перешли только тѣ изъ нихъ, которые перестали быть прогрессивными. Конечно, степень ихъ оппозиціонности была глубоко различна, но вѣдь это обстоятельство, хотя, быть можетъ и недостаточно рельефно, все-же оттѣнено и въ отчетѣ главнаго управленія. Во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній превосходно уяснилъ себѣ ту общественную роль, которую играли въ 60-хъ годахъ

„Современникъ“ и „Русское Слово“ и которая въ отчетномъ, т. е. 1868 году перешла къ „Отеч. Запискамъ“ и „Дѣлу“. Какъ только это убѣжденіе созрѣло и оформилось въ сознаніи дѣятелей главнаго управленія, оно должно было сдѣлать „Отеч. Зап.“ объектомъ постоянныхъ и жестокихъ репрессій, распространившись, само собой разумѣется, и на низшую инстанцію цензурнаго вѣдомства—цензурный комитетъ. Дѣйствительно, если въ 1868 году офиціальная переписка между цензурнымъ комитетомъ и главнымъ управленіемъ была возбуждена лишь по поводу одного романа Гирса, то въ 1869 году она приняла болѣе интенсивный характеръ, будучи возбуждена уже въ связи съ цѣлымъ рядомъ произведеній, помѣщенныхъ въ „Отеч. Зап.“. Такъ отъ 16-го сентября 1869 г., т. е. ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ было законченно дѣло объ отчетѣ, иными словами черезъ недѣлю послѣ того, какъ репутація „Отеч. Зап.“ была окончательно установлена и закрѣплена въ офиціальномъ документѣ (я прошу обратить вниманіе на это обстоятельство, которое, конечно, не можетъ быть сбъяснено случайнымъ совпаденіемъ, а представляетъ собой яркій примѣръ отраженія вѣяній, возобладавшихъ въ главномъ управленіи, на дѣятельности цензурнаго комитета, помѣщавшагося, кстати сказать, въ одномъ съ нимъ зданіи), цензурный комитетъ доносилъ уже главному управленію (за № 712, см. архивное дѣло № 53) о сомнѣніяхъ, возбуждаемыхъ слѣдующими статьями сентябрьской книжки журнала: „Новая воля“ „Государственные преступники“ и “Современныя замѣтки“. Хотя онѣ, по мнѣнію комитета, и не давали еще возможности возбудить судебное преслѣдованіе противъ „Отеч. Зап.“, но все-же должны были быть отмѣченными и доведенными до свѣдѣнія главнаго управленія.

Весьма характерно, что и Ѳ. М. Толстой все болѣе „правѣлъ“ въ своемъ отношеніи къ „Отеч. Зап.“ Вотъ что онъ писалъ въ своемъ отзывѣ по поводу донесенія цензурнаго комитета: „Совершенно раздѣляю мнѣніе Цензурнаго Комитета на счетъ тенденціозности, замѣченной имъ въ 9-мъ № „Отечественныхъ Записокъ“. Почти всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ нумерѣ, изобличаютъ то направленіе, о которомъ Главное Управленіе заявляло Совѣту. Упорное порицаніе всего, что дѣлается въ Россіи, какое-то злорадство при указаніи на происхожденіе неурядицы и отъявленный космополитизмъ—вотъ отличительный признакъ присущаго въ настоящее время „Отеч. Запискамъ“ направленія. Такъ, напримѣръ въ юмористическомъ разсказѣ Щедрина подъ названіемъ „Испорченныя дѣти“ находится образчикъ сочиненія 10 лѣтняго Васи, озаглавленный „Добрый Патріотъ“. Авторъ повѣствуетъ, что у одной старой слѣпенькой кротихи родился маленькій кротикъ, который былъ большой шалунъ, потому что очень часто выбѣгалъ изъ своей норы.—Однажды кротикъ напугалъ кротиху, оставаясь долго въ отлучкѣ.

„Но зачѣмъ ты, другъ мой, выбѣгаешь изъ нашей норы?—упрекнула его слѣпенькая кротиха.

„Да мнѣ, маменька, здѣсь скучно!

„Но отчего же тебѣ, глупенькій, скучно?

„Да тутъ у насъ, маменька, и сыро, и тѣсно, и темно, а тамъ наверху, аленькіе цвѣточки цвѣтутъ, пестренькія птички поютъ и свѣтитъ ясное солнышко.

„А-а-ахъ! глупенькій ты—да знаешь ли, что эту сырую и темную нору ты долженъ любить больше всего на свѣтѣ!

„Да почему же—маменька?"

„А потому, что это твое отечество."—

Авторъ дѣлаетъ отъ себя педагогическую отмѣтку „Мысль недурна, но выражена кратко и потому на будущее время надо стараться быть болѣе *обстоятельнымъ*—(стр. 310).

„*Обстоятельность* эта—далеко можетъ повести! Въ томъ же разсказѣ описывается, какъ нѣкто Тумановъ попалъ сначала въ разбойничьи атаманы, а изъ атамановъ прямо въ Губернаторы, и тутъ же иносказательно описываетъ происхожденіе учрежденія *жандармовъ* въ провинціяхъ подъ названіемъ *откровенныхъ ребятъ*.—Все это не имѣетъ, конечно, большого значенія, но сильно напоминаетъ междустрочную литературу 60-хъ годовъ.

„Вторая статья „О направленіи въ литературѣ" отличается, напротивъ, откровенностью, тутъ авторъ прямо и ясно говоритъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ дарованіемъ всѣмъ гражданскаго полноправія, пресса совершила поворотъ не къ свободному праву, а къ репрессивной системѣ, и притомъ къ гласной репрессивной системѣ, которая своею *жестокостью и строгостью* превосходитъ репрессивныя системы странъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ заключеніе авторъ категорически говоритъ, что новый законъ ничего не уясняетъ, а напротивъ, вноситъ *неопредѣленность* и *путаницу понятій*.

„Соглашаясь съ Центральнымъ Комитетомъ, что вышеупомянутыя статьи не подаютъ достаточныхъ поводовъ къ судебному преслѣдованію, я тѣмъ не менѣе полагаю необходимымъ принять ихъ къ свѣдѣнію, какъ крупный матеріалъ, для опредѣленія неодобрительнаго направленія „Отечественныхъ Записокъ".

Ѳ. Толстой.

Въ особенности достойно примѣчанія въ этомъ отзывѣ то, что авторъ не ограничился изъявленіями своей солидарности съ цензурнымъ комитетомъ, а принялъ на себя активную роль. Хотя подобная активность со стороны Ѳ. Толстого и свидѣтельствовала, безъ сомнѣнія, о значительной перемѣнѣ въ его отношеніи въ „Отеч. Запискамъ", но въ интересахъ справедливости, я не могу не сказать, что разсказъ Салтыкова и статья „О направленіи въ литературѣ" гораздо рѣзче чѣмъ статьи указанныя

въ донесеніи цензурнаго комитета. „Испорченныя дѣти"—это одна изъ тѣхъ оглушительныхъ пощечинъ, на которыя былъ такъ расточителенъ великій сатирикъ, когда надо было заклеймить или администраторовъ, видѣвшихъ въ населеніи ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ областей дойную скотину, выданную имъ на „потокъ и разграбленіе", или представителей отечественнаго сыска, съ восторгомъ и упоеніемъ предающихся ловлѣ крамольниковъ, тѣмъ болѣе, что въ обывательской массѣ 60-хъ годовъ крамольникъ представлялъ собою весьма рѣдкостную птицу. Что касается статьи „О направленіи литературы", то она является первой попыткой „Отечественныхъ Записокъ" высказаться по поводу новыхъ законовъ о печати и ихъ примѣненія на практикѣ. Давъ краткій очеркъ законодательства о печати въ западно-европейскихъ странахъ, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ русскаго законодательства. „Россія, говоритъ онъ, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и съ дарованіемъ всѣмъ гражданскаго полноправія, совершила поворотъ отъ подцензурнаго состоянія прессы не къ свободному праву прессы, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а къ репрессивной системѣ, которая своею жестокостью и строгостью превосходитъ репрессивныя системы всѣхъ странъ вмѣстѣ взятыя". Репрессивная система имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ тамъ, гдѣ печать является органомъ различныхъ политическихъ партій, а у насъ нѣтъ и не было ни одного журнала, ни одной газеты, „которыя бы имѣли не только какую нибудь политическую программу дѣйствія, но даже вообще опредѣленную программу дѣйствія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это прилагается въ журналистикѣ французской, со стоящею за ними партіей".

Нельзя отрицать того, что въ этой статьѣ довольно опредѣленно осуждались дѣйствующіе законы печати, хотя, съ другой стороны, едва-ли можно сомнѣваться, что она писалась съ спеціальной цѣлью убѣдить цензурное вѣдомство въ томъ, что его охранительная политика не выдерживаетъ критики, хотя бы уже потому, что примѣняется въ странѣ, въ которой нѣтъ ни политическихъ партій, ни политической журналистики. Эта послѣдняя мысль даже для 60-хъ годовъ была справедлива лишь въ очень относительной мѣрѣ и, высказывая ее въ столь категорической формѣ, авторъ рассматриваемой статьи едва-ли не руководствовался извѣстными тактическими соображеніями. Но если онъ надѣялся такимъ путемъ смягчить и урезонить цензурную власть, то дѣйствительность не замедлила опровергнуть его расчеты. Вторая часть его статьи въ октябрьской книжкѣ журнала, посвященная критикѣ законовъ о диффамаціи, препятствующихъ изобличенію дурныхъ чиновниковъ, и законовъ о наблюденіи за произведеніями печатнаго слова, вызвала въ отношеніи цензурнаго комитета отъ 20 октября 1869 г. за № 801, очень рѣзкую квалификацію, какъ „перешедшая границы" допустимаго, какъ наполненная „самыми рѣзкими и

неприличными отзывами, какъ о самомъ законѣ, такъ и о сословіи чиновниковъ".

Ноябрьскій номеръ „Отеч. Записокъ", въ свою очередь, обсуждался въ цензурномъ комитетѣ, такъ какъ представившій о немъ докладъ (см. арх. дѣло ценз. к-та, № 60) цензоръ Лебедевъ нашелъ предосудительными статьи: 1) „Столкновенія между судомъ и администраціей," 2) „Письма изъ провинціи" Щедрина, 3) „Современныя замѣтки", 4) „Новыя книги" и 5) „С.-Петербургское педагогическое общество"; тѣмъ не менѣе, особаго донесенія въ главное управленіе этотъ докладъ не вызвалъ.

Совокупность того, что доносилъ объ „Отечественныхъ Запискахъ" цензурный комитетъ, поддерживаемый, какъ мы видѣли, и наблюдающимъ членомъ совѣта, не могла не оказать своего дѣйствія на главное управленіе по дѣламъ печати, и начальникъ этого учрежденія принялъ мѣры къ болѣе основательному изслѣдованію вопроса о направленіи Некрасовскаго журнала. Отвѣчая на его запросъ, цензурный комитетъ отъ 2-го декабря 1869 г., за № 925; сообщалъ главному управленію:

„Вслѣдствіе распоряженія Господина Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, о представленіи Главному Управленію заключенія Цензурнаго Комитета относительно направленія журнала „Отечественныя Записки" въ послѣдніе два года, Комитетъ въ засѣданіи 26 ноября слушалъ, составленный по сему предмету, нижеслѣдующій докладъ наблюдавшаго Цензора Лебедева.

Съ января 1868 года „Отечественныя Записки" измѣнили составъ своихъ сотрудниковъ и приняли характеръ, рѣзко отличный отъ прежняго. До 1868 года журналъ этотъ, насколько содержаніе его относилось къ современнымъ вопросамъ, отличался направленіемъ консервативнымъ или безразличнымъ; съ этого же времени онъ принялъ направленіе прогрессивно-либеральное. Направленіе это систематически проводилось въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ относительно статей беллетристическихъ, научныхъ и критическихъ, помѣщавшихся въ журналѣ. Справедливость требуетъ сказать, что направленіе это выражалось въ журналѣ весьма осторожно и осмотрительно, никогда не впадая въ тонъ крайняго либеральнаго направленія, составляющаго отличительную черту запрещеннаго журнала „Современникъ", часть сотрудниковъ котораго перешла въ „Отечественныя Записки". Замѣченная выше сдержанность тона объясняется и происходившими ежемѣсячно соглашеніями редакціи съ наблюдающими учрежденіями.

„Можно довольно вѣрно характеризовать этотъ журналъ, сказавши, что направленіе его состоитъ въ постоянной гражданской скорби о меньшей братіи (т. е. о простолюдинахъ и о неимущихъ) съ выставленіемъ обществу тѣхъ язвъ, которыя кроются, по мнѣнію редакціи, въ современномъ административномъ и соціальномъ порядкѣ. Умѣренность тона журнала относительно либеральнаго

направленія можетъ подтвердиться тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые литераторы, непринятые въ составъ редакціи вслѣдствіе крайне ихъ радикальнаго направленія, какъ напр. Ю. Жуковскій и Антоновичъ, печатно назвали новую редакцію „Отечественныхъ Записокъ" отщепенцами, а журналъ водянистымъ, вялымъ и недостаточно смѣлымъ. Но тѣмъ не менѣе журналъ этотъ благонамѣреннымъ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. такимъ, который бы защищалъ авторитетъ правительства и стоялъ за тѣ начала, на которыхъ держится нашъ общественный и политическій порядокъ, назвать нельзя. Въ большей части статей, въ которыхъ обсуждались дѣйствующіе законоположенія, журналъ этотъ часто расходился со взглядами правительства и впадалъ иногда въ тонъ неприлично рѣзкій. Такъ точно журналъ этотъ весьма откровенно въ вопросахъ о молодомъ поколѣніи бралъ его сторону, направляя свои литературные удары противъ тѣхъ изданій и издателей, которые нападаютъ на такъ называемыхъ нигилистовъ и нигилистическое направленіе.

„Отвергая всякую солидарность съ нигилистами въ ихъ крайнихъ выводахъ, журналъ раздѣляетъ ихъ мнѣнія относительно полнаго права и умѣстности въ литературѣ отрицательнаго направленія и реализма и въ этомъ отношеніи рѣзко расходится съ нѣкоторыми солидными журналами, какъ „Русскій Вѣстникъ", „Вѣстникъ Европы" и „Заря". Но при всемъ томъ „Отечественныя Записки" никакъ нельзя признать такимъ журналомъ, который бы систематически приводилъ разрушительныя ученія, какъ напр. неповиновеніе установленнымъ властямъ, неуваженіе къ праву собственности или несостоятельность началъ семейнаго союза. Нельзя, конечно, отрицать въ журналѣ того, что взглядъ его на положеніе нашего государства пессимистическій, что выражается особенно въ его современныхъ обозрѣніяхъ; въ нихъ всегда подбирается рядъ явленій самыхъ мрачныхъ въ общественной жизни, какъ напр. ошибки или злоупотребленія въ сферѣ нашей администраціи, земскихъ и судебныхъ учрежденій.

Такое направленіе журнала, при нѣкоторой сдержанности тона и прежней готовности редакціи устранять замѣченныя рѣзкости, не подававшее серьезнаго повода къ судебному преслѣдованію или административнымъ взысканіямъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, нарушалось однако иногда рѣзкими и неумѣстными статьями и выраженіями".

Далѣе въ донесеніи указывались слѣдующія статьи 1868 — 1869 г.: 1) романъ Марко Вовчка „Живая душа" („порицаніе условій нашего общественнаго строя"), 2) „Наказъ Императрицы Екатерины" Елисеева („щекотливость предмета"), 3) „Эй, Иванъ" стих. Некрасова („всегдашняя мысль Некрасова объ угнетенномъ положеніи низшаго класса"), 4) „Гдѣ лучше?" романъ Рѣшетникова („авторъ приходитъ къ тому результату, что на вопросъ, гдѣ

лучше рабочему человѣку, отвѣчаетъ,—въ могилѣ"), 5) „Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ" Мордовцева („авторъ объясняетъ это возстаніе не однимъ личнымъ участіемъ Пугачева, а неизбѣжнымъ продуктомъ того положенія, въ которомъ находилось все порабощенное населеніе Россіи"), 6) „Медвѣжья охота" Некрасова („преданы осмѣянію молодые бюрократы, представленные людьми формы и слова, а не дѣла... весьма неумѣстно между прочимъ описаніе времени 40-хъ годовъ, въ которое будто приходилось всякому мыслящему человѣку задыхаться отъ невыносимаго гнета"), 7) „Старая Помпадурша" разсказъ Щедрина (... „разсказъ принимаетъ видъ пасквиля... тѣмъ болѣе предосудителенъ, что онъ представляетъ высшую власть въ губерніи въ самомъ непривлекательномъ видѣ"); 8) „Народныя преступленія и несчастія" — Максимова („нельзя не замѣтить той неумѣстной симпатіи и того ореола, которыми авторъ окружаетъ декабристовъ"), 9) „Кому на Руси жить хорошо" Некрасова („описаніе положенія сельскаго попа, участь котораго представлена въ самыхъ мрачныхъ и грустныхъ краскахъ"), 10) „Когда благоденствовалъ русскій мужикъ и когда начались его бѣдствія"? („статья имѣетъ весьма недоброжелательный и тенденціозный характеръ, относя оскудѣніе народа къ неминуемымъ послѣдствіямъ укрѣпленія неограниченной монархіи"), 11) „Исторія одного города" Щедрина („предается осмѣянію провинціальная администрація... въ особенности обращаетъ на себя вниманіе окончаніе очерка, въ которомъ авторъ глумится надъ властью, предлагая учредить для приготовленія градоначальниковъ особенное воспитательное заведеніе, носящее характеръ шутовскаго института"), 12) „Игра въ потраву" Волкова („пародія на помѣщиковъ по поводу разбирательствъ ихъ съ крестьянами за потраву полей"...), 13) „Своимъ путемъ" Ожигиной („въ мрачномъ видѣ представлено положеніе бѣдной дѣвушки", снискивающей себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ"), 14) „Уличная философія" („статья эта изложенная самымъ рѣзкимъ и неприличнымъ тономъ, направлена противъ Гончарова за его романъ „Обрывъ"; критикъ въ особенности нападаетъ на автора за выведеніе въ немъ будто-бы въ утрированномъ видѣ одного героя изъ среды нигилистовъ"), 15) „О направленіи въ литературѣ" (отзывы цензуры были приведены выше), 16) „Новая воля" (авторъ „позволяетъ себѣ порицать дѣйствія правительства при усмиреніи крестьянскихъ волненій и позорить дворянское сословіе за его дѣйствія"), 17) „Столкновеніе между судомъ и администраціей („авторъ признаетъ почти во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ администрацію неправою стороной").

Послѣ этого перечня цензурный комитетъ заключаетъ свое донесеніе такими словами: „Приведенныя статьи, по мнѣнію цензора, составляютъ самое замѣчательное въ цензурномъ отношеніи изъ всего, что печаталось въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ

теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Прочее же не обращаетъ на себя вниманія, отчасти вслѣдствіе своей безцвѣтности и отчасти вслѣдствіе вполнѣ удовлетворительнаго содержанія въ цензурномъ отношеніи".

На основаніи сего доклада Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ цензора, пришелъ къ заключенію, что „Отечественныя Записки" съ января 1868 года приняли направленіе прогрессивно-либеральное и отчасти враждебное существующимъ административнымъ порядкамъ и общественному строю.

„Выставляемыя ими темныя стороны настоящаго положенія, безъ примиряющаго элемента исторической необходимости или свѣтлой надежды, оставляютъ на читателѣ тяжелое впечатлѣніе. Но направленіе это, вообще говоря, не касается основныхъ началъ государственнаго устройства, не проводитъ субверсивныхъ доктринъ и по выраженію довольно сдержанно. Когда имъ случалось измѣнять этой сдержанности, редакція до 9-го № текущаго года выказывала готовность устранять неудобныя мѣста и даже исключала цѣлыя статьи или прекращала ихъ продолженіе.

„Такое заключеніе о направленіи журнала „Отечественныя Записки" въ послѣдніе два года Комитетъ имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе Главнаго Управленія по дѣламъ печати".

Подведемъ нѣкоторые итоги.

Въ приведенномъ донесеніи поименовано 17 статей, кромѣ того въ своихъ прежнихъ донесеніяхъ цензурный комитетъ и наблюдающій членъ совѣта обращали вниманіе на семь статей: романъ Гирса, „Легковѣсные" Щедрина, „Письма изъ провинціи" его же, „Русское недомысліе" Скабичевскаго, „Въ захолустьи и въ столицѣ" Скалдина, „Современныя замѣтки" и „Испорченныя дѣти". Слѣдовательно 24 статьи были признаны криминальными. Распредѣлились эти статьи по отдѣльнымъ книжкамъ журнала такимъ образомъ, что и въ теченіе 1868 года и въ теченіе 1869 года не было выпущено ни одного номера, въ которомъ дѣятели цензурнаго вѣдомства не нашли-бы чего-либо предосудительнаго. За два года ни одного „праведнаго номера". Это ли не потрясеніе основъ съ точки зрѣнія цензоровъ-охранителей! Однако справедливость требуетъ оговорить, что въ опредѣленіи самаго понятія предосудительности чины цензурнаго комитета, очевидно, сильно колебались, впрочемъ, только до тѣхъ поръ, пока не было получено спеціальнаго предписанія отъ начальника главнаго управленія представить свои заключенія относительно направленія „Отеч. Записокъ". Получивъ же это предписаніе, знаменовавшее, что на „Отеч. Зап." обращено неблагосклонное вниманіе высшаго начальства, они кинулись просматривать старыя книжки журнала и въ 1868 году, вмѣсто одного инкриминированнаго первоначально произведенія (романъ Гирса), нашли цѣлыхъ 7, а въ 1869 г., вмѣсто четырехъ („Новая воля", „Государственные преступники", „Современныя за-

мѣтки", „О новомъ направленіи въ литературѣ") цѣлыхъ 10. Боязнь черезчуръ переусердствовать—что переусердствованіе, даже съ точки зрѣнія бюрократически-охранительной, тутъ было, это не подлежитъ никакому сомнѣнію,—заставила, однако, комитетъ въ полномъ несоотвѣтствіи съ массою криминальныхъ статей, имъ указанныхъ, заявить о томъ, что все же направленіе „Отеч. Зап." „по выраженію довольно сдержанно", не касается основныхъ началъ государственнаго устройства и не проводитъ субверсивныхъ доктринъ. Было еще одно обстоятельство, которое не могло не умѣрять воинственнаго пыла цензурнаго комитета: въ своемъ донесеніи въ главное управленіе цензуры онъ долженъ былъ признать, что редакція журнала, вступая ежемѣсячно въ соглашенія съ наблюдающими учрежденіями, не только высказывала свою готовность устранять неудобныя мѣста, но даже исключала цѣлыя статьи или прекращала ихъ продолженіе, какъ было, напримѣръ съ продолженіемъ статьи Елисеева „Когда благоденствовалъ русскій мужикъ..." Такимъ образомъ, цензурный комитетъ не считалъ возможнымъ скрывать, что въ отношеніи „Отеч. Записокъ" имъ практиковался порядокъ, который опредѣляется словомъ „предварительная цензура". Но вѣдь предварительная цензура, даже если она имѣетъ неофиціальный характеръ и примѣняется втихомолку, переноситъ часть отвѣтственности съ редактора на цензоровъ. Цензурный комитетъ, очевидно, понималъ это, а потому и не рѣшался поднять вопросъ о прямыхъ репрессіяхъ противъ „Отеч. Записокъ", справедливо опасаясь того, что и начальство можетъ сказать ему: „что же вы смотрѣли раньше?" и въ отношеніи редакціи онъ попадетъ въ болѣе чѣмъ неловкое положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на что онъ могъ бы сослаться, если бы редакція упрекнула его въ томъ, что ея постоянная готовность сообразоваться съ его указаніями не помѣшала Дамоклову мечу цензуры опуститься на ея голову.

Эти соображенія, надо думать, были не чужды и неблюдающаго члена совѣта Ѳ. Толстого, такъ какъ и онъ въ своемъ отзывѣ о донесеніи комитета не видѣлъ надобности прибѣгать къ карательнымъ мѣрамъ. Вотъ этотъ отзывъ:

„Въ общихъ чертахъ я совершенно раздѣляю воззрѣнія Цензурнаго комитета на смыслъ тенденцій и направленіе „Отечественныхъ Записокъ"и доказательствомъ этому служитъ то, что въ заявленіяхъ я указывалъ на тѣ статьи, о которыхъ упоминается въ докладѣ комитета. Вслѣдствіе этого, я считаю возможнымъ, впредь до болѣе рѣзкихъ отступленій отъ цензурныхъ правилъ со стороны редакціи, присоединиться къ мнѣнію, выраженному въ заключеніи доклада, а именно: что направленіе „Отечественныхъ Записокъ" хотя и не заслуживаетъ одобренія, но не можетъ вызвать немедленной карательной мѣры, такъ какъ оно „не касается основныхъ началъ государственнаго устройства, не проводитъ суб-

версивныхъ доктринъ и по выраженію довольно сдержанно". Что касается до *сдержанности*, то это не совсѣмъ вѣрно, потому что, напримѣръ, въ статьѣ „О направленіи въ литературѣ" и въ нѣкорыхъ очеркахъ Щедрина нерѣдко встрѣчаются довольно крупныя отступленія отъ сдержанности, но, тѣмъ не менѣе, нельзя, мнѣ кажется, подвергнуть карательной мѣрѣ журналъ, который, по завѣренію Цензурнаго Вѣдомства „не касается основныхъ началъ государственнаго устройства и не проводитъ субверсивныхъ доктринъ".

„Въ докладѣ сказано, что редакція выказывала готовность устранять неудобныя мѣста по указанію цензуры до сего—я же могу засвидѣтельствовать, что редакція по сіе время выказываетъ замѣчательную уступчивость и сговорливость; такъ, напримѣръ, она исключила цѣлую статью, приготовленную для 11 № (продолженіе, „Ташкентцовъ") и въ 12 № сдѣлала исключеніе и перепечатала вновь опредѣленные листы по требованію Цензурнаго Комитета—не дожидаясь даже указанія наблюдающаго Члена Совѣта, какъ дѣлала это она прежде".

Я обращаю особое вниманіе читателей на послѣднія слова Толстого, такъ какъ изъ нихъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, что приведенныя документальныя данныя не даютъ еще полной картины тѣхъ цензурныхъ мытарствъ, которыя пришлось испытать „Отеч. Запискамъ". Эти данныя отнюдь не касаются обширной сферы непосредственныхъ сношеній цензурнаго комитета съ редакціей, результатами которыхъ являлись измѣненія, сокращенія, а то и исключенія очень значительнаго числа статей. Но если даже игнорировать эту сторону цензурной исторіи „Отеч. Записокъ" и оставаться въ плоскости зафиксированнаго въ официальныхъ донесеніяхъ матеріала, то и въ этомъ случаѣ отношеніе цензурнаго вѣдомства къ „Отеч. Запискамъ" нельзя не охарактеризовать словами „цензурный терроръ".

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИХЪ ЖИЗНЬ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У тихой станціи, среди высокихъ, шелестящихъ травъ росла Грунюшка. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались въ обнимку зеленыя поля и шаловливо разлетались въ безкрайный просторъ. Глядя въ эту даль изъ маленькаго оконца тѣснаго домишка, гдѣ жилось такъ трудно, томилась Грунюшка.

Правда, она не боялась матери, крѣпкой, черноглазой, румянощекой женщины и худосочнаго, долговязаго отца. Ей не боязно было и тогда, когда онъ, взъерошенный, косматый и выпившій, безсильно грозилъ добраться до жены за ея шашни съ молодыми желѣзнодорожниками. Не страшно, но сердце щемило недоумѣнной грустью и жалостливымъ отвращеніемъ къ его хриплому голосу и дикимъ, уродливымъ тѣлодвиженіямъ.

Она любила обоихъ крѣпкой, но разной любовью. Мать за ея веселый нравъ, за то, что она жарко ласкала ее, прижимая къ своему сильному, статному, славно пахнущему тѣлу. Тощаго, изнуреннаго, выпивавшаго отца жалѣла неразсуждающей, почти нестерпимой болѣзненной жалостью. Ей всегда хотѣлось заботы о немъ. Обуть, когда онъ, шаркая нетвердыми, отяжелѣвшими отъ водки ногами, не попадалъ въ туфли, отвести въ постель и укрыть потеплѣе.

И съ серьезнымъ лицомъ, съ сознаніемъ своего превосходства, она брала его потную немощную руку своей пухлой рукой и уводила спать.

— Не оступись, тутъ порогъ, — говорила Грунюшка, по-дѣтски картавя и совершенно пропуская мимо ушей его, никогда не приводившіяся въ исполненіе, угрозы добраться до нея и до сестры.

Севьку и Ваську, двухъ лютыхъ озорниковъ, ея братьевъ онъ называлъ „статуями" и иногда, крехтя, стегалъ брючнымъ ремешкомъ, но ее и младшую сестренку Апу не трогалъ никогда.

Въ этомъ періодѣ поркой, вообще, не донимали и мальчишекъ, и только изрѣдка выведенная изъ терпѣнья ихъ озорствомъ горячая Глафира хватала какую нибудь попавшуюся ей подъ лихую руку, вихрастую голову и, зажавъ ее между колѣнъ, шумно и быстро задавала „порцію".

Послѣ этого она всегда ссорилась съ мужемъ, горько укоряя его за распущенность мальчишекъ, таскавшихъ уже изъ буфета отцовскую водку и плакалась на свою загубленную дѣвичью красу и испорченную молодость.

Не понимая точно смысла словъ и морща лицо, какъ отъ зубной боли, Грунюшка всѣмъ существомъ сострадала матери, но жалость къ отцу отъ этого не уменьшалась.

Если бы онъ былъ такой же сильный, буйный, съ такимъ же румянымъ ртомъ и крѣпкими, круглыми щеками, какъ она, которой все можно и которая всегда права! Но онъ былъ худой, весь какой то выцвѣтшій, платье неуклюже болталось на немъ, руки жилились толстыми венами, чахлая бороденка расползалась во всѣ стороны, а прекрасные синіе глаза были недоумѣнны и грустны.

— Не ори ты на него,—говорила иногда строго Грунюшка встрѣчая взглядъ отцовскихъ глазъ, и властная Глафира часто смягчалась отъ этихъ ребяческихъ словъ, таившихъ какую то обуздывающую для нея силу.

Вмѣстѣ съ дѣвочкой, она, молча, сердито собирала его на службу. Но въ томъ, какъ обѣ дѣлали это, кладя въ узелокъ ѣду, табакъ и даже водку, проглядывала забота.

— А, ну его—какъ бы говорилъ горькій жестъ Глафиры, провожавшей мужа до калитки,—что съ него возьмешь?

И, встряхнувъ тяжелой, круглой, въ темныхъ завитушкахъ головой, она, послѣ этого, яростно принималась за работу: мыла, скребла свой домишко, стряпала, стирала вмѣстѣ съ нянькой, пятнадцатилѣтней корелкой Ксюшей и пѣла пѣсни. Дѣтей она водила чисто: аккуратно вычесывала частымъ гребешкомъ всѣ эти бѣлобрысыя головенки, безпощадно отдирала отъ носовъ засохшія корки и грязь и, не обращая вниманія на ревъ, жестоко терла мыломъ „замурзанныя" дѣтскія лица, исправно давая шлепки за ихъ изорванныя и перепачканныя платья.

И весь день она шумѣла на дѣтей, резонилась съ сосѣдками, пѣла, хохотала, ни на минуту не оставаясь праздной. А вечерами, выпроводивъ мужа на работу или уложивъ его

пьянаго, спать, жарко цѣловалась съ кѣмъ нибудь изъ молодыхъ желѣзнодорожниковъ и, въ глубинѣ своей женской совѣсти, полагала себя честной и правой въ этихъ страстяхъ.

Рано узнала Грунюшка о причинѣ неладовъ въ семьѣ и незамѣтно, гдѣ то въ глубокихъ нѣдрахъ души залегла не тѣнь, а бѣлесая, жуткая мгла. Ея робкая натура безропотно переносила семейную разруху и только бунтовала противъ материнскихъ „дружковъ“.

Синіе, какъ у отца, подернутые легкой грустью, глаза дѣвочки загорались недобрымъ огонькомъ при видѣ кудряваго весельчака Алеши или широкоплечаго Митяя и никакія ихъ улещиванія не вызывали у нея отвѣтной улыбки.

Но бывали и иные дни. Веселая, хлопотливая Глафира, легко носившаяся по дому, ходила тогда грузно и тяжело, стучала грубо башмаками и разражалась гнѣвомъ по всякому поводу. Оживленное лицо ея портилось сразу поперечной морщиной у переносья и голосъ начиналъ срываться въ крикъ. Шитье валилось изъ быстрыхъ, неутомимыхъ рукъ, хозяйство вызывало утомленіе и скуку, а густыя брови хмурились и смыкались въ одну зловѣщую, пушистую дорожку. Она трепала по щекамъ и загоняла работой неповоротливую Ксюшу, ставя ей на видъ рѣшительно всѣ промахи. Какой то демонъ вселялся въ нее и напрягалъ ея лицо и глаза въ сварливой, тяжелой злобѣ. Глафира яростно накидывалась на сосѣдей, наказывала сыновей, бушевала съ мужемъ и лѣзла въ драку.

Въ такіе дни обѣ дѣвочки, которыхъ мать однако не трогала, убѣгали въ сарай и плакали до тѣхъ поръ пока не засыпали. Изъ дома, между тѣмъ, неслись пронзительные крики Сеньки и Васьки:

— Маменька, не буду, родна маменька, не буду!

И изрѣдка прорывался слабый голосъ отца.

— Глафира въ дому воюетъ,—говорили тогда насмѣшливо на станціи.—Знать, опять не поладила съ дружкомъ!

Бывало и такъ, что ночью въ окна уснувшаго дома летѣли камни соперничавшихъ между собою молодцовъ и раздавались срамныя, непонятныя малымъ и соннымъ дѣтямъ, слова. Случалось, что послѣ этого слабый и немощный дорожный мастеръ въ ярости кидался на сильную Глафиру и она безропотно переносила его побои, хотя свободно могла побороть его одной рукой.

Но однажды произошло самое страшное, чего всю жизнь не могла забыть Грунюшка. Глафира исчезла и въ теченіе мѣсяца не возвращалась домой.

Наканунѣ ухода, она заперлась съ отцомъ въ комнатѣ и долго, непривычно о чемъ то умаливалъ ея негромкій голосъ.

Отецъ же, говорившій всегда тихо, кричалъ и грозилъ.

— Такъ не отдашь дѣвчонокъ, Онисимъ Петровичъ?— спросила она взволнованно и просительно.

И отрывистыя слова дальнѣйшаго разговора глухо донеслись до Грунюшки.

— Не держи ты меня здѣсь силкомъ. Ужь лучше врозь, чѣмъ этакъ срамиться. Я? Ну, пусть я... такъ неужъ нужна тебѣ здѣсь?.. Отпусти... Мальчишекъ отдай въ ученіе. Съ какихъ поръ твержу. Все равно, и при мнѣ сладу нѣтъ никакого съ ними. Дѣвчонокъ свезу къ своимъ и сама туда же. Твоего не надо, у ихъ хватитъ...

— Чего лучше? — закричалъ онъ визгливо. — Заведешь тамъ заведеніе и ихъ обучишь...

Они еще о чемъ то поговорили, чего не слышно было за шумомъ голосовъ.

— Погубитель, чортъ, сухотка несчастная! — закричала Глафира и выскочила вся красная, съ растрепанной косой.

А утромъ ея уже не оказалось дома.

Грунюшкѣ запомнилась навсегда опустѣвшая и холодная постель матери, съ которой она спала и ужасъ безпредѣльной дѣтской тоски. Въ теченіе долгихъ часовъ она безсильно надрывалась въ плачѣ. отказывалась отъ ѣды и засыпала ненадолго тяжелымъ, неживымъ сномъ. Грунюшка не могла понять беззаботности Аши и братьевъ, которые не только не плакали, но узнавъ о томъ, что „мать уѣхала къ бабушкѣ“, радовались и прыгали на одной ножкѣ, приговаривая:

— Бабушка пришлетъ гостинцевъ, бабушка пришлетъ гостинцевъ!

И смѣялись надъ убивавшейся сестрой.

Глафира была однако не у бабушки.

Она, какъ узнали потомъ, уѣхала на сосѣднюю станцію и жила тамъ у вѣсовщика Митяя, который давно подбивалъ ее бросить мужа и разгулъ и поселиться съ нимъ.

Изъ отрывистыхъ словъ самой бѣглянки выяснилось позже, что Митенька былъ ревнивъ и не позволялъ ей даже выглянуть въ окошко, а тоска по дому и дѣтямъ съ перваго же дня стала грызть ея сердце. Сбивчиво объяснила сконфуженная Глафира, что когда ей окончательно опостылѣлъ мужъ, ссоры, ложь и любовныя огорченія и она затѣяла уйти къ Митяю, то почувствовала вдругъ, какъ скучно безъ дѣтей и какъ противно сносить его дикую ревность.

Утромъ, когда Митенька отправился на работу, Глафира досыта наплакавшись и сама себя не понимая (вѣдь ей искренно казалось, и она всѣмъ говорила, что милѣе нѣтъ другого на свѣтѣ „дружка“ и что съ нимъ она начнетъ новую „честную“ жизнь), схватила свой узелокъ и шмыгнула на поѣздъ.

Она прожила нѣсколько дней у родителей, нѣжно любившихъ свою Глашеньку, и нагруженная всякимъ добромъ, вернулась домой.

Грунюшка помнитъ это неожиданное возвращеніе и тотъ столбнякъ радости, отъ котораго она долго не могла произнести ни слова. Она стояла возлѣ бурно ласкавшей ее и плакавшей навзрыдъ Глафиры, но не было ни слезъ, ни голоса у исхудавшей до прозрачности дѣвочки, а ночью у нея сдѣлался жаръ, судорога сводила все ея худенькое тѣло и заставляла пронзительно кричать.

Мужъ встрѣтилъ Глафиру молчаніемъ, которое такъ поразило провинившуюся женщину, что она кинулась ему въ ноги и въ слезахъ умоляла простить ее.

Покорная и просвѣтленная, ходила она по дому и особенно нѣжно относилась къ больной Грунюшкѣ, которую въ свободныя минуты носила на рукахъ и баюкала, какъ маленькую.

— Вотъ кому мать нужна, такъ нужна!—говорила она задумчиво при остальныхъ дѣтяхъ. — Вамъ озорникамъ все трынъ-трава, а эта словно рыбка безъ воды. Еще немного и не застать бы, можетъ, и въ живыхъ.

Она бурно вздыхала и утирала глаза.

Грунюшка помнитъ, что послѣ этого мать больше не уходила изъ дому и надолго присмирѣла, отдавшись семьѣ.

Изъ скучной вереницы безрадостныхъ дѣтскихъ дней это праздничное время особенно запало въ душу. Никогда, казалось Грунюшкѣ, такъ свѣтло не было въ насквозь вычищенной, выскобленной квартиркѣ дорожнаго мастера, гдѣ шла необычная, домашняя суета и звенѣлъ по особому, словно пѣлъ побѣдно радостный голосъ вернувшейся бѣглянки. Хмурый Онисимъ, понукаемой доброй теперь женой, кректя, шелъ чаще мыться въ пристройку—баньку, что стояла въ саду, и смотрѣлъ опрятнѣе и свѣтлѣе во всемъ чистомъ. Дѣти, съ прибранными, какъ въ большой праздникъ, головами, съ вымытыми до лоска лицами, шумѣли тугими, крахмальными, завидной бѣлизны нарядными платьями и передничками. Но лучше всего было лицо самой Глафиры: свѣтлое, красивое, дышавшее жаркой жизнью, горѣвшее алымъ румянцемъ. Въ ея улыбкѣ таилось необъяснимое для Грунюшки очарованіе, что то побѣдное, окрыляющее и нѣжное, что то говорившее ей: „Не бойся, я все могу, все знаю, отъ всего уберегу“.

Однако и послѣ возвращенія ея, радость не держалась долго въ этой семьѣ. Казалось, все шло еще такъ хорошо въ домѣ дорожнаго мастера и вдругъ все мѣнялось. Грунюшка напряженно вглядывалась въ любимое лицо и чув-

ствовала, что ей не удержать никакими силами надвигавшихся злыхъ духовъ. Повторялись старые, ненавистные дни когда Глафира снова заводила любовныя интриги, ходила грозная при неудачахъ, не умѣя, очевидно, извлекать изъ грѣшной любви нужной ей радости, и когда снова ея боялись Она не кричала только на Грунюшку и рѣже привязывалась съ ссорой къ мужу, но отъ этого дѣвочкѣ все же было не легко. Видъ разъяреннаго, дрожащаго лица матери наполнялъ ее трепетомъ и снова терзалъ ее страхъ, что она уйдетъ и броситъ ихъ.

Вмѣстѣ съ Ашей-сестренкой, Грунюшка любила бѣгать на станцію, у которой они жили, встрѣчать поѣзда. Нравился ей ладный станціонный домикъ начальника, увитый розами и плющемъ, раскинувшееся вокругъ хлѣбородной Ольховки море овсовъ и ржей, пестрые, бойкіе въ ростѣ цвѣты. Станція выбѣгала на самое высокое мѣсто и весело бывало смотрѣть оттуда въ расцвѣченную даль и видѣть, какъ среди жнивья извивается въ стремительномъ бѣгѣ темный поѣздъ. Оттуда, изъ безкрайнаго дымчато-голубого простора несся онъ съ грохотомъ и свистомъ и сердито запыхавшись, останавливался на минуту у платформы. Дѣти, не отрываясь, смотрѣли, какъ онъ, отшумѣвъ бѣлыми парами, весь въ огненныхъ искрахъ, срывался съ мѣста и шумно вздыхая, уносился прочь.

На скоромъ поѣздѣ съ паровозомъ ѣздилъ часто хромой и горбатый кочегаръ Михей, котораго дѣти долго не замѣчали, занятые созерцаніемъ пассажировъ. Но однажды имъ бросился въ глаза сѣдой, растрепанный, присѣдающій, какъ въ пляскѣ, горбунъ, отсвѣчивавшій пламенемъ печи, въ которую кидалъ уголь. Онѣ услышали, какъ онъ визгливымъ, тонкимъ бабьимъ голосомъ, кричалъ:

— Кормись, чертово дѣтище, утроба пропастная, у, дьяволъ окаянный!

Когда Грунюшка впервые встрѣтила взглядъ его горящихъ, упористыхъ глазъ, увидѣла длинныя, обезьяньи руки, то сейчасъ же рѣшила, что онъ — колдунъ. Однажды кочегаръ спустился съ паровоза къ крану, что на платформѣ, и сталъ жадно пить воду. Уродливо и быстро припадая одной ногой къ землѣ, онъ не прошелъ, а, казалось, промчался мимо застывшей отъ ужаса дѣвочки. И въ страхѣ, не помня себя, она закричала пронзительно и забилась, какъ въ припадкѣ.

Храбрая Аша не растерялась и даже погрозила вслѣдъ хихикающему старику. Она подняла съ земли сомлѣвшую

сестру и, уговаривая, повела къ выходу, а старыя желѣзнодорожныя кумушки, неодобрительно поглядывали на переполошенныхъ дѣвочекъ и говорили:

— Шатаются тутъ безъ пути! Съ энтихъ поръ мамзелей выстраиваютъ. Эхъ, Глафира, Глафира!

Хорошо было въ Ольховкѣ весной, но еще лучше лѣтомъ, когда можно было безъ конца барахтаться въ рѣчкѣ, ходить по грибы, а ихъ тамъ было великое множество, объѣдаться ягодами и плодами, плести вѣнки изъ колосьевъ и цвѣтовъ и по цѣлымъ днямъ не видѣть горницы.

Хрупкая Грунюшка загорала мѣднымъ румянцемъ и чаще звучалъ ея тихій смѣхъ. Она уходила съ деревенскими ребятами далеко отъ дома и старалась не отставать, когда они, подражая старшимъ, пронзительно и крикливо выпѣвали:

Тирли, бутырли, каряковки,
Мы сидѣли на елкѣ, на маковкѣ.

Аша не любила этихъ развлеченій, она вѣчно возилась съ тряпками, рядила своихъ куколъ и мастерила имъ „туалеты“. Она могла цѣлый день прокопаться въ темномъ углу чулана съ лоскутьями или перебирала въ рукахъ подаренныя ей яркой мѣди копѣечки и неутѣшно плакала когда Сенька или Васька крали ея сокровища.

Съ лица Аша была миловиднѣе Грунюшки и цыганки пророчили ей богачество и счастливую долю. Хороши были у нея необыкновенно нѣжнаго, блеклаго цвѣта невинные глаза со стрѣльчатыми рѣсницами, узкія, румяныя губы и путанные, льняные волосы. Въ ней не было и слѣда Грунюшкиной робости. Она съ утра до вечера натаскивала на себя материнскія юбки и кофты, и путаясь въ нихъ, воображала себя барыней съ хвостомъ, то-есть съ шлейфомъ, въ голову натыкала гребни съ лентами, раскрывала огромный зонтикъ и разгуливала павой, пока мать послѣ звонкихъ и увѣсистыхъ шлепковъ, не срывала съ нея украшеній и не выталкивала прочь изъ комнаты.

Грунюшка вмѣсто куколъ и тряпокъ, любила играть только съ Ашей и изливать на нее свойственную дѣвочкамъ материнскую заботливость. Пока Аша была мала, она буквально изводила ее своимъ уходомъ и изводилась сама, потому что не въ силахъ была поднимать съ земли здороваго, шаловливаго ребенка и таскать его по комнатамъ и по саду.

Но Аша подростала и упорно уклонялась отъ заботъ сестры. Она любила играть одна и отвѣчала болѣе умѣренной любовью на чувство Грунюшки. Дѣвочка жестоко страдала отъ этой холодности, а мать сердилась на нее:

— Нельзя же и въ самомъ дѣлѣ такъ неволить ребенка дай ты ему спокой. Пущай самъ побѣгаетъ, да погуляетъ.

— Да она, маменька, расшибется!

— Ну и расшибется, эка важность! Отъ такого ухода и жизни радъ не будешь. Чай, мы не баре.

И мать пространно разсказывала, какъ у баръ съ дѣтей не сводятъ глазъ, ходятъ за ними по пятамъ, кормятъ по часамъ, купаютъ по градусамъ и дѣти у нихъ худыя, больныя и капризныя.

— Ежели бы я такъ за вами ходила, такъ ужъ вѣрно и сама высохла бы, да и васъ уморила бы!

Но Грунюшкѣ надо было о комъ-нибудь заботиться и она шла къ мальчикамъ.

Она умѣла съ ними ладить и тѣ охотно играли съ нею, хотя она быстро уставала отъ ихъ дикихъ грубыхъ затѣй.

— Давайте, лучше расчешу вамъ головы,—предлагала она и они покорно ложились къ ней на колѣни и отдавали въ ея распоряженіе свои спутанные, шершавые вихры.

Въ это время дѣти любили говорить о страшномъ и всѣ трое испытывали острую жуть.

Они вспоминали часто, какъ однажды Грунюшку напугалъ старый горбатый кочегаръ Михей и тема эта никогда не прiѣдалась дѣтямъ. Старикъ былъ хорошо ими изученъ Всѣ его движенiя, мельчайшiя детали его внѣшности и костюма, страстно и на перебой обсуждались ими и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно было двинуться съ мѣста или заглянуть въ темный уголъ.

— У его огонь изъ глазъ сыпется, я самъ видѣлъ,—говорилъ трусливо Сенька!—Сыпитъ и сыпитъ у печку, словно уголь горитъ.

Грунюшка явственно видѣла въ углу комнаты кочегара съ красными углями вмѣсто глазъ и мелкая дрожь била ее по тѣлу.

— Ежели не взлюбитъ,—изведетъ,—утверждалъ авторитетно вихрастый Васька.—Намедни и сторожъ говорилъ. Они одной деревни. Онъ, баитъ, и тамъ извелъ не мало на роду, до ребятъ, баитъ, охочъ. Чортъ онъ и роги имѣетъ, только спрячено у него.

Если мать слышала эти разговоры, то сердито отзывалась:

— Опять вы тамъ о глупостяхъ завели! Я вамъ покажу чертей, лоботрясы. Вотъ я васъ выдеру сейчасъ!

Грунюшка чувствовала, что мать права, но ее подмывало слушать, разсказывать и пугаться до дрожи въ ногахъ. У мальчишекъ же глаза становились круглыми отъ страха и только Аша изъ сосѣдней комнаты хвастливо отзывалась, картавя:

— Вотъ и дураки вы тамъ! Маменька, а маменька, хочете я сама на чердакъ схожу безъ свѣту, ей-ей схожу! Ничего я не боюсь.

Поднимался общій смѣхъ, а мать хвалила самую меньшую изъ дѣтей и ставила ее въ примѣръ.

Медлительная корелка Ксюша увѣряла, что страшнѣе чорта бываютъ воры, которые напугали ее въ дѣтствѣ и чуть не убили всю ея семью.

Она ломаннымъ русскимъ языкомъ надоѣдливо и въ который уже разъ повторяла, какъ это случилось, и твердила тупо:

— Срасно воре, срасно воре!

Послѣ этого вся ватага, не исключая и храброй Аши просилась спать къ матери, а Глафира сердилась на нихъ и на Ксюшу.

Иногда Онисимъ, если не валялся пьяный послѣ службы, ѣдко высмѣивалъ эти страхи:

— Ты бойся чортушки безъ роговъ, а не съ рогами,— говорилъ онъ Грунюшкѣ.—Того, который въ грѣхъ вводитъ человѣка и совѣсть его глушитъ. А то выдумали. Эхъ вы, мелкота несмысленная!

— А воры?—боязно спрашивали дѣти.

— Воръ иной разъ добрѣй бываетъ, нежели честный,— говорилъ онъ загадочно,—не страшенъ чортъ, а страшны бываютъ люди.

Грунюшка слушала это съ кривой, вымученной улыбкой. Воры и даже прежніе младенческіе страхи, ничто въ сравненіи съ Михеемъ. Днемъ она маялась еще кое-какъ, держась ближе къ матери, но вотъ наступалъ вечеръ и изо всѣхъ угловъ на нее глядѣли его неотпускающіе глаза, безъ смѣха скалился черный, заросшій ротъ и шелъ на нее присѣдая горбунъ, валилъ объ земь, душилъ за горло черными неразжимающимися пальцами.

Ее поднимали съ полу въ безчувственномъ состояніи и, переполошенные, допытывались, чего она испугалась. Но какъ сказать это? И такъ уже вся станція издѣвалась надъ нею, а мать запретила даже и заикаться объ этихъ глупыхъ страхахъ. Всѣ твердили, что стыдно дочери дорожнаго мастера бояться поѣзда и стараго пьяницы Михея. Грунюшка все это понимала и неискусно прятала свой страхъ, подъ гримасой улыбки. Она худѣла, плохо спала, а ея испуганные глаза выводили изъ себя Глафиру.

— Не иначе, какъ сглазили ребенка,—говорила она раздраженно, и продѣлывала надъ Грунюшкой обычные въ этихъ случаяхъ пріемы: шептала, спрыскивала съ уголька, поила какими-то травами, а больше всего сердилась, прика-

звала ей не быть „растяпой", и ругала на чемъ свѣтъ стоитъ людей.

— Народъ здѣсь разбойный, не пожалѣетъ и ребенка глупаго,—повторяла она злобно. Въ глаза урезониваетъ, а за глаза изведетъ.

Грунюшка, слушая это, и въ самомъ дѣлѣ привыкла къ тому, что семья ихъ сторонилась людей и мать больше перекорялась, тѣмъ водила дружбу съ обитателями поселка. И не потому, что ее презирали. Всѣ женщины на станціи выражали свое озорство тѣмъ, что открыто измѣняли своимъ мужьямъ, пили вино, громко, нагло смѣялись и артистически ругались между собой. Если на Глафиру и косились, то только за ея гордость и за то, что она отбивала у всѣхъ дружковъ. Но Грунюшка чувствовала въ косыхъ взглядахъ и полусловахъ сосѣдей, какое-то скрытое недоброжелательство къ своей семьѣ и въ душу ея запала увѣренность, что чужіе—это враги.

Резонясь съ мужемъ, Глафира не разъ свысока и презрительно пожимала статными плечами при его словахъ: „Что люди говорятъ".

— А что мнѣ люди?—говорила она такъ брезгливо, словно ногой отталкивала какую-то ветошь.—Кабы я воровкой была, кабы дѣти у меня ходили разуты, али не ѣвши!

Въ словахъ ея звучала такая непререкаемая убѣжденность въ правѣ жить по своему, что они запомнились дѣвочкѣ навсегда.

Уже въ дѣтствѣ узнавшая о порочности человѣческихъ страстей, Грунюшка умудрилась однако же считать гулящую мать и пьянствующаго отца—стоящими внѣ всякаго порицанія людьми. Ничто такъ не выводило ее изъ себя, какъ наглыя клички, которыми называли между собой родителей разозленные иной разъ братья. Аша еще ничего не понимала и смѣясь, повторяла за ними грязныя слова. Врядъ ли и Грунюшка знала ихъ точный смыслъ, но чувствовала оскорбительность тона и въ слезахъ ссорилась съ озорниками.

— Что досталось уже намъ, старичкамъ, наньче отъ сыночковъ?—спрашивалъ иной разъ, безо всякаго зла, дорожный мастеръ у дочери.

— Брось ты, Грунюшка, огорчаться. Отступись.

Какъ часто онъ повторялъ это слово!

Если Глафира позорила его и оскорбляла, онъ говорилъ ей:

— Что съ тебя взять, съ этакой? Ужъ давно я отступился отъ тебя!—Службу онъ бранилъ, какъ всѣ желѣзнодо-

іожные, но терпя болѣе другихъ изъ-за своего пьянства, однако ограничивался только презрительными словами вродѣ того, что:

— Ежели я свое дѣло самосильно сполняю, и день и ночь держусь на работѣ, то не смѣють укорять. Сами не радѣють, а съ другихъ взыскиваютъ. Одно слово, не связывайся съ ими, а лучше отступись.

Иной разъ Грунюшка, хорошо ладившая съ отцомъ, говорила ему тономъ взрослой:

— Папенька, послушайте, зачѣмъ вы пьете? Вѣдь вамъ же вредно, папенька, бросьте.

Отецъ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Чудной ты ребенокъ, право! Во-первыхъ, какъ же мнѣ не пить, когда и прадѣдъ, и дѣдъ и отецъ мой отъ водки померши—это разъ, а во-вторыхъ, при этакой то жизни, да не пить! Нѣтъ, ужь лучше отступись.

И нисколько не считаясь съ ея пониманіемъ и возрастомъ, онъ принимался говорить о своей жизни. Если онъ просто, не осуждая, а только перечисляя свои злоключенія, оказывалъ, что его спасенье въ водкѣ, то Грунюшка не сердилась, а только по-дѣтски упрямо просила не пить, но если онъ бранилъ жену, то между ними поднималась ссора.

— Вы не смѣете такъ обзывать ее—кричала въ слезахъ дочь.—Грѣхъ вамъ...

— А ты какъ смѣешь учить меня? Вотъ ужо покажу вамъ всѣмъ!

Нерѣдко сама Глафира разводила ихъ, но они и безъ этого скоро мирились и Онисимъ, крехтя, подзывалъ ее первый и говорилъ:

— Ну, полно-ка губу дуть, заступница! Вотъ послушай-ко, помоги мнѣ обуться.

Ей же онъ жаловался на службу, на хворость свою и на всѣ невзгоды. Часто, унылый и больной, говорилъ ей, какъ взрослой:

— Поди-ко, урезонь ее тамъ, чего она опять содомится? Эхъ, жизнь проклятая!

Грунюшка шла на кухню и говорила матери, „что папенька нонче недужитъ и въ разстройствѣ и нельзя его огорчать и надо бы ей угомониться“.

Глафира, ежели это случалось не подъ сердитую руку, молча выслушивала и первымъ дѣломъ выгоняла на улицу мальчишекъ, закрывая двери въ комнату, а затѣмъ умѣряла раскаты гнѣвнаго голоса.

— Когда вырастешь, Грунюшка, ты замужъ не ходи,—говорилъ ей иногда мастеръ.—Съ твоимъ характеромъ оби-

дить тебя. Гляди-ка вонъ, какъ меня тутотка заѣздили. Тоже и съ тобой будетъ.

Грунюшка любила слушать о томъ времени, когда Онисимъ былъ молодой и бравый. Она всегда неустанно просила.

— Папенька разскажите, какъ вы молодымъ были, а, папенька!

И слушала не мигая, какъ чудесную сказку. Было, значить время, когда отецъ ея, молодой и трезвый, ничѣмъ не напоминалъ жалкаго теперь, опозореннаго и пьянаго, больного человѣка, когда онъ всѣмъ нравился и полюбился ея матери.

Сердце Грунюшки сжималось непонятной скорбной болью и отрадой.

— И маменька любила васъ? — спрашивала она чуть слышно.

Случалось, хоть и рѣдко, и Глафирѣ вспоминать свое дѣвичество и сватовство и тогда лицо ея принимало мечтательное выраженіе, а въ голосѣ не звучала обычная, вкоренившаяся въ привычку, раздражительность на отца.

И видя, какъ при этомъ расцвѣтало дѣтское лицо, она удивленно думала:

— И что имъ, этимъ дѣтямъ нужно, не поймешь! Канатами рады привязать другъ къ дружкѣ отца и мать, ничего знать не хотятъ... Чудаки, ей-богу!

Она впрочемъ сравнивала ее съ сыновьями и вспоминала, что у нихъ не замѣчала никакой такой чувствительности. Съ самаго младенчества, кажись, они уже были жадными, черствыми и злыми звѣренышами. Улицѣ не пришлось и вытравлять ничего изъ ихъ сердецъ.

„И въ кого они такіе? — думала Глафира: — сказать въ меня — такъ вѣдь я бѣднаго человѣка не обижу. Что грѣшимъ мы—такъ это дѣло десятое. Отецъ ихній, къ слову сказать, и мухи не обидитъ, а чадушки наши вышли озорники и хулиганы".

— Сенька, ты любишь мать?—спрашивала она раздумчиво у подвернувшагося мальчугана.

— А за что тебя любить то?—отвѣчалъ онъ вопросомъ.— Дай-ко вотъ гостинца, али денежку, тогда дѣло иное.

— Дай, дай денежку, — подхватывалъ и другой и въ ихъ круглыхъ хищныхъ и блестящихъ глазахъ она не находила ничего, кромѣ жадности.

— Экое звѣрье, право, звѣрье!—говорила она, удивленная.—И родитъ же Господь такое племя лѣсное!

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ дѣвочекъ начали обучать грамотѣ у сельской учительницы, у которой учились братья. Она пріѣзжала къ нимъ обыкновенно по ут-

рамъ на крестьянской телѣгѣ съ кѣмъ-нибудь изъ мужиковъ, которымъ нужно было на станцію. Ея желтое, увядшее и апатичное лицо, слабый голосъ, усталыя движенія, не вызывали у дѣвочекъ охоты къ ученію.

Учительница долго пила чай, закусывая пирогомъ и жаловалась на Сеньку, и Ваську, на деревенскихъ дѣтей, мужиковъ и на свою незадачливую жизнь.

И только послѣ всѣхъ такихъ причитаній принималась, наконецъ, съ дѣвочками за букварь. Занятія эти навсегда связались въ памяти Грунюшки съ унылыми, тягучими вздохами желтой, какъ лимонъ, женщины, съ тусклымъ, больнымъ голосомъ, отъ звука котораго дѣвочка сразу начинала зѣвать и вянуть. Нетерпѣливая Аша ерзала на мѣстѣ, смотрѣла въ окно, перебирала подъ столомъ какія-то тряпочки и болтала судорожно ногами. Кое-какъ и не скоро дѣвочки выучились читать и писать, но интереса къ книжкѣ въ нихъ не заронили, наоборотъ, учёба казалась дѣломъ невыносимо скучнымъ и не оставила никакого слѣда въ ихъ жизни.

Въ одну изъ глухихъ Ольховскихъ зимъ Глафира съ присущимъ ей увлеченіемъ и страстностью начала учить ихъ хозяйству и шитью, слѣдя строго-взыскательно за работой.

И это дѣло спорилось и шло успѣшно. Обѣ дѣвочки отличались въ шитьѣ, но работа Аши выдѣлялась особеннымъ изяществомъ, хотя она была лѣнивѣе сестры. Всякая вещица выходила изъ ея быстрыхъ, гибкихъ рукъ преображенной, возбуждая завистливое удивленіе на станціи.

— Учить надо, — говорили, не удерживались иныя сосѣдки Глафирѣ.—Она у тебя золото загребать будетъ.

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей мать, и сама, впрочемъ, понимавшая толкъ въ шитьѣ, стала подумывать о томъ, чтобы отдать Ашу въ профессіональную школу.

Какъ разъ въ это время дорожному мастеру отказали отъ мѣста „за дрожаніе рукъ", какъ ему было объявлено.

— Не могли за пьянство уволить, — говорилъ сердито мастеръ,—такъ дрожаніе нашли, а того не признаютъ, что отъ вина работа у меня еще лучше спорилась. Да и много ли я пью? Всякъ знаетъ. Пущай найдутъ тверезаго такого, подлецы! Онъ имъ покажетъ рабтоу,—говорилъ мастеръ съ горестью.—Возьму, вотъ, да открою свое дѣло.

— Откроешь, — отзывалась зло Глафира. — Тебя, вонъ, упреждалъ докторъ, что отъ вина раньше времени сдохнешь, а берешься еще дѣло затѣвать. Поглядите-ко, на чего похожъ. Кащей.

Глафира злобствовала за отказъ отъ мѣста и грозилась, И раньше былъ хорошъ муженекъ, а теперь и вовсе!—„За-

беру дѣвчонокъ, да и уйду. Пропадай тутъ одинъ, трясучка болотная!“

Слыша ея угрозы, дѣвочки ревѣли и жались къ отцу, у котораго, какъ онѣ теперь замѣтили, и въ самомъ дѣлѣ дрожали руки.

Глафира, накричавшись до-сыта, уходила къ себѣ за перегородку и по-долгу плакала.

Что ей дѣлать съ этакимъ мужемъ, съ большой семьей?

Правда, отецъ съ матерью помогутъ. У нихъ добра хватитъ. Такъ, вѣдь, много ли радости въ этомъ для замужней дочери? Глафира горда и просить для нея—мука. Слышно, что и старички ея начали грѣхи замаливать, да деньгами откупаться за нихъ у проходимцевъ всякихъ, того и гляди все тамъ растащутъ.

Глафира чувствовала себя одинокой и огорченно думала о томъ, что ей не съ кѣмъ даже посовѣтоваться о свалившейся бѣдѣ. Сосѣди только позлорадствуютъ, а дружки любятъ ее веселой и беззаботной.

Но, погоревавъ нѣсколько времени, она съ обычной рѣшительностью уже стала придумывать способы вновь наладить разрушенный распорядокъ своего существованія.

Прежде всего Онисимъ обѣщался работать у себя на дому и увѣрялъ, что у него не будетъ отбою отъ заказовъ и починокъ всякаго рода. Правда, это связывало ее, но тутъ ужь ничего не подѣлаешь. Затѣмъ Глафира ухватилась за мысль отослать меньшую дочь въ школу и дать въ руки ремесло. Вопросъ объ отъѣздѣ нѣжно любимой Ашеньки въ городъ къ теткѣ былъ рѣшенъ быстро и безъ колебанія, почти молніеносно, какъ все, что она рѣшала.

Послѣ этого Глафира успокоилась. „Главное для человѣка—быть при дѣлѣ — думала она, — двигаться, шумѣть, уставать и не видѣть дня“. Жить для нея значило работать и давать исходъ здоровой и переливающейся по тѣлу силушкѣ-мочи купецкой, позаимствованной въ ея родной семьѣ.

II.

Когда за тринадцатилѣтней Ашей пріѣхала рыхлая и и добродушная Настасья, сестра мастера, чтобы увезти ее съ собой въ городъ, то на смѣлую дѣвочку впервые напала робость и защемило сердце.

Въ заваленныхъ всякимъ добромъ комнатахъ тетки Настасьи, стоялъ затхлый и отвратительный запахъ нафталина, мышей, прогорклаго лампаднаго масла и заношеннаго платья, было неуютно и скучно, скучно до смерти.

Аша повертѣлась по конуркамъ толстой женщины, еле двигавшейся среди этого хлама, ахнула при видѣ множества иконъ и лампадокъ, погладила огромнаго кота, постояла у окна, о чемъ-то думая.

Тоска по Грунюшкѣ особенно мучала ее. Въ Ольховкѣ она не замѣчала сестры и тяготилась ея нѣжностью, но въ разлукѣ ея не хватало, было пустынно и одиноко.

— Тетенька, везите назадъ, а то убѣгу!—грозила она.

Трудно было неподвижной, сырой Настасьѣ взяться за хлопоты сразу, чтобы опредѣлить Ашу, которая надоѣдала ей слезами, а пришлось. Не прошло и двухъ недѣль, какъ дѣвочка бѣгала на занятія. Тамъ она сейчасъ же сдружилась съ сестрами Василенко, сидѣвшими въ классѣ рядомъ съ нею. Старшая, Мотя была коренастымъ, некрасивымъ, съ мальчишескими ухватками, подросткомъ. Во время перемѣны она курила изъ-подъ фартука, плевала по-мужски на нѣсколько шаговъ отъ себя съ особеннымъ ухарствомъ, при этомъ совершенно не стѣсняясь, употребляла крѣпкія мужскія словечки.

Не только сестра ея, розовая Капочка, съ нечистыми, бѣгающими глазами, но и другія дѣвочки смѣялись при каждой выходкѣ Моти и, видимо, побаивались ее.

Обѣ онѣ взапуски разсказывали Ашѣ много диковинныхъ исторій, изъ которыхъ ясно было, что учиться глупо, а можно и не учась весело проводить время на каткѣ или на улицѣ, гдѣ встрѣчаются между собой барышни и кавалеры.

— Такъ мы, вѣдь не барышни,—замѣтила наивно Аша.

— Вотъ и дура! Для мальчишекъ и мы барышни. Конечно, у сестры Дуни — настоящіе кавалеры. Такъ она взрослая.

Сестры много говорили о Дунѣ, которая ничего не дѣлаетъ, а только завивается, пудрится, и красится, увлекаетъ мужчинъ и не знаетъ, куда деньги дѣвать.

Жизнь дома кое-чему научила Ашу, но многаго она еще не понимала. Ея наивные вопросы возбуждали ихъ дружный хохотъ и покровъ съ ея дѣтскаго невѣденія былъ сорванъ быстро и грубо.

Мотя и Капочка командовали всѣмъ классомъ, хотя ихъ не особенно любили. Цинизмъ и озорство Моти подчинялъ ей многихъ, ея насмѣшекъ боялись и ей старались подражать. Самая испорченность сестеръ окружала ихъ ореоломъ въ глазахъ падкихъ ко всему непозволительному дѣтей. А когда онѣ разсказывали длинныя любовныя исторіи разныхъ Пашъ и Анютъ, которыя хорошо устроились, не работая, и живутъ припѣваючи, то собирали вокругъ себя весь классъ. Почти всѣ дѣвочки были изъ бѣдныхъ семействъ и, отрыва-

ясь отъ шитья, въ отсутствіе учительницы, или отъ игръ, на перемѣнахъ, внимательно прислушивались къ словамъ сестеръ.

„Чистехи", то есть дѣти побогаче, держались въ сторонѣ, а нѣкоторыя и вовсе сторонились общихъ разговоровъ. Онѣ усердно работали, какъ будто имъ то и предстояло потомъ добывать себѣ хлѣбъ, а не тѣмъ, которыя въ нуждѣ мечтали здѣсь о привольной жизни и объ удовольствіяхъ.

Аша не любила „чистехъ" и, подстрекаемая сестрами Василенко, всячески изводила ихъ: прятала ножницы, утаскивала нитки или кружева, портила иглу въ машинѣ и строила имъ рожи. Но она и настоящихъ, здоровыхъ шалостей не любила. Нравилось, какъ дома, копаться со своими вещами, шить что нибудь для себя, и такую работу она исполняла тщательно, даже на перемѣнахъ. Дали бы ей въ классѣ смастерить для себя,—такъ ужъ отличилась бы! А иначе—лѣнь. Эта лѣнь прекрасно убаюкивалась разсказами подругъ.

— Жить въ роскоши, ничего не дѣлать, какъ Дуня или какая нибудь богатая барыня—это бы мнѣ не наскучало,—думала она.—Вотъ Мотя говоритъ, да и Капочка тоже...

Слушая изо дня въ день мужеподобную Мотю и вьюномъ вьющуюся Капочку, лѣнивая Аша скоро и твердо усвоила, что работать скучно и не къ чему, ежели можно и безъ этого прожить. Она не намѣрена портить себѣ глаза и пальцы. Лучше погулять по улицамъ и постоять у магазиновъ, гдѣ столько чудесныхъ вещей. Аша замирала въ экстазѣ передъ витринами и мысленно клялась все это пріобрѣсти и быть нараднѣе всѣхъ. Пусть смотрятъ и говорятъ: какая красавица и какъ одѣта, просто кукла!

Не только Василенко, но и другія подруги восхищались ея красотой. Когда ходили щебечущей стайкой по улицѣ, то подолгу простаивали у кондитерскихъ и жадно облизываясь, говорили:

— Вотъ имѣли бы мы кавалеровъ, и было бы у насъ всего вдоволь! А ты, Ашенька и сейчасъ могла бы понравиться и полакомиться вволю. Гляньте-ко, дѣвушки, на нее! Совсѣмъ, какъ есть барышня, ей Богу!

Онѣ подмигивали на сложившуюся уже, изящную фигурку подруги и смѣялись при этомъ нечистымъ смѣхомъ.

Эти слова мало по малу стали возбуждать въ Ашѣ еще съ дѣтства затаенное желаніе имѣть всего вволю и весело жить.

Уже въ первую зиму подростки-гимназисты, кадеты и другіе юнцы часто заговаривали съ нею на улицѣ и отпу-

скали ей пылкіе, неуклюжіе комплименты. Аша готова была горячо расцѣловать ихъ: не потому, что они ей нравились, а потому, что выражали ей восхищеніе. Ихъ восторгъ предъ ея красотой звучалъ чудесной музыкой, опьянялъ ее, будилъ благодарное къ нимъ чувство за доставленную, острую, несравненную радость—сознавать себя прелестной.

Но не прошло и мѣсяца, какъ уже испарилась эта радость. Правда, отъ нихъ она узнала про себя, но вѣдь, наскучитъ всегда слышать одно и тоже. Потомъ, когда они стали водить ее въ кинематографъ, угощать мороженнымъ и сластями, она уже нетерпѣливо выслушивала надоѣвшіе комплименты, настороженно ждала и думала: „Когда же они предложатъ мнѣ что нибудь?“. И очень скоро стала отличать тѣхъ, кто дарилъ ей, отъ другихъ, которые говорили ей „одни пустяки“, потерявшіе уже прелесть новизны.

Вначалѣ съ мальчишками было весело. Они дрались изъ за нея, ревновали другъ къ другу, поджидали на всѣхъ перекресткахъ, и такъ какъ она не была барышней ихъ круга, а только будущей швейкой, то они учили ее грязнымъ словамъ и анекдотамъ и задавали ей вопросы, которыхъ она не понимала. Аша по ребячески, стѣснялась своего невѣдѣнія. Сестры Василенко, видно, не всему ее выучили и старалась не отставать отъ своихъ поклонниковъ.

Было это вродѣ шалости. Не хотѣлось отставать отъ нихъ вдумываться въ смыслъ словъ, одобреніе и смѣхъ мальчишекъ подзадоривали ее еще больше. Но постепенно грязные намеки и плотскіе нескрываемые инстинкты жадно тянувшихся къ ней юнцовъ, стали будить въ ней нездоровое любопытство. Нѣжная, изящная Аша огрубѣла въ первую же зиму и все чаще находило на нее глухое и безпричинное раздраженіе. Изъ какого то озорства она натравляла ихъ другъ на друга и радовалась, когда они ссорились изъ за нея. Аша брезгливо относилась къ тѣмъ изъ кавалеровъ, которые особенно преслѣдовали ее назойливыми приставаніями. А когда одинъ изъ такихъ вздыхателей рѣшился на героическую мѣру и чтобы сломать упорство дѣвочки, предложилъ ей, вдругъ, жениться, то она искренно и зло расхохоталась.

— До чего ты глупъ, мой милый,—сказала она иронически.—Въ шестнадцать лѣтъ жениться вздумалъ! Скажу, вотъ, твоему папашѣ, онъ те всыпетъ въ штанишки. Женихъ!

Уличная грязь, волнуя, озлобляла ее, а мечты о роскоши и богатствѣ были сладостны и заманчивы, какъ никогда. Имѣть роскошный домъ, много слугъ, богатые туалеты, драгоцѣнности—это радость. Съ утра до вечера ходить по ма-

газиналь, перебирать въ рукахъ струящійся шелкъ, темный бархатъ, газъ волнистый, мѣха и кружева. Боже мой, какъ это все волшебно и прекрасно и какова бы она была въ богатой обстановкѣ! Аша громко высказывала это и сердито обрывала настойчивыя приставанія подростковъ.

Въ эту зиму привычка къ улицѣ стала для Аши властной потребностью Свѣтло тамъ, нарядно, весело и ждешь чего то неожиданнаго. Вдругъ промчится роскошный моторъ и какой нибудь милліонеръ поманитъ ее рукой и увезетъ въ свой богатый особнякъ! Школа была предлогомъ, чтобы вырваться изъ затхлыхъ комнатушекъ похварывавшей тетки. Аша возненавидѣла усидчивую, кропотливую и неизящную школьную работу и только ловкость и сообразительность помогали ей тамъ удерживаться. Когда нужно было скроить какое нибудь платье или придумать какой нибудь фасонъ то никто изъ прилежныхъ „чистехъ“, корпѣвшихъ надъ нужнымъ шитьемъ, не могъ ничего сдѣлать и тогда отзывалась лѣнивая Аша. Она быстро вооружалась ножницами, хватала тонкую бумагу и, сдвинувъ напряженно золотистыя брови, въ нѣсколько минутъ выкраивала нужный патронъ. Никто лучше ея не умѣлъ подбирать шелковъ для вышиванія и работа ея въ школѣ отмѣчалась, какъ самая художественная и тонкая.

— Золотыя руки,—говорила раздраженно учительница.— И такой то даръ въ землю зарывается!

Въ теченіе зимы Аша мало скучала по Ольховкѣ. Случалось, однако, и ей взгрустнуть и вспомнить, какъ баловала и лелѣяла ее Грунюшка. Какъ хорошо бывало вскарабкаться къ матери на колѣни или услышать ласковое словечко отъ отца. Въ такія минуты даже Сенька съ Васькой казались милыми издалека. Къ веснѣ она усердно засѣла за работу и съ блестящими отмѣтками закончила первый годъ занятія

Когда къ лѣту городъ опустѣлъ, Аша была рада вернуться въ Ольховку. Дома ее встрѣтили тепло и радостно, любовались ея выросшей фигурой и много смѣялись забавнымъ разсказамъ о порядкахъ у Настасьи. Аша впрочемъ не жаловалась, и Глафира, видя ее въ довольствѣ, радовалась „счастью“ дочери.

Черезъ недѣлю пріѣхала и Настасья погостить въ Ольховку, но долго не разсказывала о лѣни Аши и ея отлучкахъ изъ дому. Ей не хотѣлось „заводить канители“. Вѣдь Аша привезла хорошія отмѣтки, не хорошо вотъ, что дома не сидѣла. Такъ, вѣдь, Ашка, бывало, клянется божится, что съ подругами занимается, а ей, вѣдь, не гоняться за ней по городу.

Уже предъ самымъ отъѣздомъ Настасья, боясь отвѣтственности, не удержалась и нажаловалась брату и женѣ его.

Глафира забушевала и такъ накричала на дочь, что та отъ страху обмерла и плача клялась въ томъ, что нигдѣ не шаталась и ни въ чемъ не виновата.

— Если узнаю что, минуты не оставлю въ городѣ,—пригрозила мать,—да и вовсе не пущу больше. Я тебѣ покажу, какъ по панели шлендать, паскуда!

Послѣ этого она засадила Ашу за работу и безжалостно заставляла ее шить и строчить, несмотря на жаркіе, лѣтніе дни. Кончилось тѣмъ, что лѣнивую дѣвочку снова потянуло въ городъ. Она заскучала по мальчишкамъ и развлеченіямъ и, не скрывая, говорила объ этомъ Грунюшкѣ.

— Ну, чему ты ужасаешься?—спрашивала она раздраженно у сестры. Что жъ по твоему киснуть, да кухарничать тутъ веселѣй! Я за этотъ годъ, братъ, многое поняла.

Грунюшка принималась горячо просить и, какъ взрослая говорила.

— Ашенька ты, вѣдь, еще ребенокъ. Тебѣ Богъ счастье послалъ. Можешь выучиться ремеслу, а ты что же дѣлаешь?

— А ты то больно стара, учить вздумала! Нѣтъ, докажи мнѣ, чѣмъ твоя жизнь лучше. Цѣльный годъ ты кухарила тутъ съ Ксюшей и маменькой, ходила за отцомъ, да ублажала братьевъ. Весело тебѣ было? Ужь я про другое не спрашиваю, про скандалы эти...

Грунюшка молчала.

— А мнѣ было весело. Я ни минуточки не скучала тамъ

Въ глубинѣ души у осуждавшей ее сестры поднимались даже зависть. Въ самомъ дѣлѣ подумать только, до чего монотонно и тоскливо идутъ ея дни! У нея нѣтъ подругъ. На станціи у всѣхъ вражда, грамоту знаетъ кое-какъ, не водится у нихъ въ домѣ ничего, кромѣ сонника. Съ утра она впрягается въ домашнюю возню и такъ изо дня въ день. Одна забота—это, чтобы въ домѣ было тихо и никто ни съ кѣмъ не ссорился. Но теперь, когда отецъ сидѣлъ безъ службы, вяло ковыряя что то у станка—это было еще труднѣе. Отъ скуки онъ во все вмѣшивался, слѣдилъ за Глафирой и взыскивалъ за отлучки.

Грунюшкѣ приходилось изворачиваться и невольно покрывать Глафиру въ то время, какъ все ея сочувствіе было на сторонѣ отца.

Для дѣятельной же Глафиры видъ празднаго мастера былъ нестерпимъ и она сразу взмывала злобой.

Грунюшка слушала ихъ ссоры и думала:

— Куда же мнѣ убѣжать отъ этого?

Пока еще дома была Аша, это скрашивало ея жизнь, можно было поиграть, поболтать и посмѣяться, теперь же она словно старушка сдѣлалась и часто отъ тоски плачетъ. Просилась у матери отпустить ее учиться вмѣстѣ съ Ашей но изъ этого ничего не вышло. Отецъ, услышавъ это, заволновался.

— Какъ же это безъ тебя? Выдумала тоже. Не смѣй и заикаться.

Грунюшка удивилась его словамъ. Чудной онъ какой-то становится!

Но и Глафира сказала ей вкрадчиво:

— Ну, куда я пущу тебя такую слабенькую, пуганую, словно Богомъ обиженную? Ашка—та бѣдовая, а ты ужь оставайся съ нами, дочка.

И чувствовалось въ ея словахъ что-то недоговоренное, какъ и у отца.

Грунюшка и не подозрѣвала, насколько она, „пуганая“ и не смѣлая, нужна въ этомъ домѣ. Она была той соломинкой, за которую держалась неладно скроенная, плохо собранная семья.

— Маменька, скучно мнѣ этакъ, нудно чего-то!—говорила она со слезами на глазахъ.

— Погодикося, дочка, вотъ зимою съѣздіимъ съ тобой въ Москву, право съѣздіимъ,—обѣщала ласково мать.—А оттуда къ бабушкѣ. Ужо погуляешь и гостинцевъ привезешь.

Грунюшка утѣшалась на время этими обѣщаніями и жила всякими мечтами. Въ мечтахъ она видѣла все иначе. Ольховка съ ея пашнями и свѣтлой, шумливой рѣчкой оставалась прежняя, но жили въ ней иные люди, которые не злорадствовали, не издѣвались и не пьянствовали. Семья у нихъ была дружная и крѣпкая, а сама Грунюшка смѣлая веселая и красавица.

Она брала въ руки зеркало, и отрываясь отъ мечтаній, нерадостно разглядывала себя. Лицо блѣдное, грустное, глаза, какъ у схимницы, постные, худая, неуклюжая... Ну, для чего родятся вотъ этакія?

— Маменька, скажите, очень я страшная?—спрашивала она тоскливо у Глафиры.

— Ничего не страшная,—заступался отецъ за любимицу.—Растешь, тянешься, оттого и худая, а выправишься и будешь молодцомъ.

— Маменька!

— Да что ты пристала, Грунюшка!—спрашивала слегка улыбаясь и подмигивая, мать.—Своего хаять не люблю, а правду ужь надо сказать: сплоховала ты у насъ.

И видя огорченное лицо дѣвочки, прибавляла:

— Ничего, не робѣй, Пантелей! Авось ужъ обойдешься и такъ. Глаза у тебя и косы больно хороши. Вѣрно говорю, безъ обмана, дѣвушка.

Грунюшка расцвѣтала, а родители переглядывались и и ухмылялись.

Лѣто было такое солнечное, дарящее, что казалось, и конца не будетъ цвѣту-запаху луговъ и полей, росту травъ и деревьевъ, собираніе ягодъ и грибовъ, было щедрое и невѣрное, потому что прошло, какъ часъ одинъ, для Грунюшки.

Ольховка быстро заволоклась дождями, завернулась туманами, стала глухой и дремучей. Всѣ понахмурились и сердитѣе глядѣлъ начальникъ станціи и его сизый носъ, чаще и настойчивѣе зазывалъ онъ на картишки толстаго грузового кассира, дежурнаго по станціи и жандармскаго ротмистра. А иногда, если партнера не хватало, то и здоровеннаго, зычнаго обера.

— Скука, глушь,—оправдывались они для чего-то вслухъ, пропуская безсчетныя рюмки и тасуя затасканныя карты.

Желѣзнодорожная мелкота тоже сражалась въ картишки и заливала осеннюю или зимнюю скуку водкой, бранью, побоями и распутствомъ. Длинными ненастными или вьюжными ночами неслись пьяныя пѣсни изъ приземистыхъ домишекъ, гдѣ собравшіеся гости „провожали время".

Иногда появлялась тамъ и Глафира, время отъ времени примирявшаяся со своими соперницами. И тогда можно было видѣть, какъ смуглая кондукторова жена, Агаша умильно и фальшиво улыбалась своей сосѣдкѣ и клялась въ дружбѣ, а разряженная Глафира, обмахивая платочкомъ разгорѣвшееся, красивое лицо, черезъ ея голову задорно поглядывали на мужчинъ и мысленно выбирала болѣе достойнаго изъ наскучившихъ „дружковъ".

Но по мѣрѣ того, какъ добрая рюмка винца дѣлала свое дѣло, всѣ эти жены кондукторовъ, составителей поѣздовъ, проводниковъ, осмотрщиковъ вагоновъ, десятниковъ и др., разныя Агаши, Стеши, Дуни взъѣдались другъ на друга, начинали ссориться безъ всякой видимой причины и шпынять одна другую колкостями.

— Не люблю я осени, оченно сумно,—заявляла въ отсутствіи мужа, напримѣръ, одна изъ нихъ своему кавалеру.

И на эту невинную фразу, другая вдругъ ни съ того, ни съ сего шипѣла:

— Извѣстно, што у васъ (обычно онѣ всѣ были на „ты") характеръ оченно капризный. Вотъ и погодой Господь не угодилъ, вамъ кажный день что-нибудь новенькое...

Ядовитый взглядъ въ сторону кавалера довершалъ сказанное.

Обмѣнявшись такимъ вѣжливымъ діалогомъ, дамы уже переходили на „ты“ и начинали площадно ругаться, и даже драться, а осовѣвшіе мужчины бросались разнимать ихъ.

— И чего онѣ подѣлить не могутъ — спрашивалъ при этомъ молодой машинистъ, краса станціи и мѣстный сердцеѣдъ Ардальонъ, украдкой обнимая чью-нибудь жену, къ примѣру Агашу, и пріятельски подмигивая ничего невидящему или притворяющемуся слѣпымъ, пьяному мужу.

— Скажи-ка ты, кондукторъ, стеариновая душа твоя, чего имъ надо?

— Все отъ бездѣлья,—говорилъ сцѣпщикъ,—заставили бы пахать, али за машиной ходить—такъ не то-бъ запѣли...

— Кто отъ бездѣлья, а кто отъ дѣла,—подхватилъ вѣсовщикъ Митяй и сердито кивнулъ въ сторону Глафиры,—ужь эта кажись не лѣнтяйка, а блудитъ.

— У ей мужъ—чахотка,—заступался Ардальонъ.—Хорошая бабочка, да ужь больно того, характерная. Не въ моемъ вкусѣ, я люблю смирныхъ женщинъ, а эта что тебѣ—держава заморская!

Мужчины засмѣялись.

Глафира съ другого конца комнаты слушала и не слушала. Было время, когда Ардальонъ ей очень нравился и ее злила его неподатливость. Было и прошло. Она никому не навязывалась и горе ея въ иномъ, въ томъ, что полюбивъ, она требуетъ всего человѣка на всю жизнь, а на это никто не идетъ. Митенька вотъ злится и ревнуетъ, но вралъ онъ, когда предлагалъ вѣчную любовь, вралъ и надувалъ и теперь вретъ. Всѣмъ имъ нужно тѣло, души не цѣнятъ, да и тѣло-то каждый разъ новое. Одна водка имъ не пріѣдается. Подлецы...

Она бросила колкостью въ группу сплетничавшихъ желѣзнодорожныхъ и нервно захохотала. Остальныхъ женщинъ тоже злила согласная бесѣда обманываемыхъ ими мужчинъ, и онѣ начинали съ ними ссориться, пока дѣло не кончилось общими побоями и свалкой, только что мирно бесѣдовавшихъ мужей и дружковъ.

— Господа, что за страмъ! Ведите себя прилично. Наша станція—Ольховкой называется, а не Зубровка али Хмѣлевка,—кричалъ весело станціонный зубоскалъ Алеша, пришедшій прямо со смѣны въ гости.—Здрасте бабочки, здрасте Глашенька. Какъ здоровьице? А позвольте спросить, кого вы нынче обожаете? Никого. Ахъ, скажите, а я то, дуракъ, надѣялся, мечталъ... Эхъ, мечты, мечты!

Кудрявый Алеша подсѣлъ къ Глафирѣ и слегка при-

тронулся къ ея тяжелой, прохладной, и обнаженной рукѣ. Когда-то хорошо любила его Глашенька и знойнымъ приворотомъ налиты были эти прилипчивыя, медовыя губы...

Ему вспомнилось, вдругъ, какъ на этихъ же вечеринкахъ Глаша сводила съума всѣхъ мужчинъ, вызывая этимъ ярость прекраснаго пола. Достаточно было ей пристально, въ упоръ взглянуть иногда, и немногіе могли противиться этому колдующему призыву, пройти мимо и не почувствовать власти сильнаго, пахучаго тѣла, играющей, упругой груди.

Онъ весь зажется отъ воспоминаній и черной невымытой рукой потянулся было обнять ее.

Глафира брезгливо отодвинулась и такъ холодно взглянула на бывшаго дружка, что онъ сейчасъ же всталъ и смущенно сказалъ:

— Заходилъ я только что къ телеграфисту, сейчасъ смѣнится съ барышней и прійдетъ. У него новостей ворохъ.

Прыщеватый и невзрачный телеграфистъ приходилъ расфранченный и надушенный „Дивиніей", умильно поглядывая на достаточно уже потрепанную закуску. Онъ важно сообщалъ новости и на нѣкоторое время это вносило успокоеніе въ ошалѣвшія головы. Общее раздраженіе смѣнялось, вдругъ, какъ водится, пьяной умиленностью. Возобновлялась игра въ стуколку и нѣжно начинали ворковать по угламъ парочки, пока внезапно и безпричинно не вспыхивало новой ссоры.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Аши, Грунюшка стала упрашивать мать повезти ее къ бабушкѣ.

— Какое же это для тебя веселье?—спрашивала удивленно Глафира.—Москва—оно точно весело, да ѣхать-то недосугъ. Мальчишки здѣсь, поди, и домъ сожгутъ и отца уморятъ.

— Перемѣна хоть какая-нибудь,—сказала тоскливо Грунюшка. Не жалѣете вы меня совсѣмъ, мамаша.

— Нелюдимая ты, Груня, вотъ что. Да и то сказать, съ кѣмъ тебѣ дружить здѣсь.

Но сборы затянулись, и на дворѣ уже лежалъ снѣгъ. когда онѣ собрались.

Не выѣзжавшей изъ Ольховки Грунюшкѣ очень понравился городишко съ досчатой мостовой, слегка засыпанной первымъ снѣжкомъ, каменные дома и новыя, чужія лица, Солнце ярко свѣтило и было безотчетно весело.

Приняли ихъ радушно, кормили до отвала и любовались внучкой. Грунюшкѣ понравился просторный домъ и дворъ, заваленный дровами, которыми торговалъ дѣдъ, понрави-

вилось, что старики не бранились, много молились Богу и все наглядѣться не могли на свою Глашеньку.

Почему-то Грунюшкѣ, видавшей ихъ уже давно въ Ольховкѣ, они запомнились иными, какими-то связанными, угрюмыми.

Старикъ былъ высокій, красивый. Глафира вся въ него. Былъ теперь съ виду медлительный и все жаловался, что усталъ отъ дѣлъ и хочетъ на покой. Пора о душѣ подумать.

— О душѣ-то, о душѣ, тятенька,—замѣтила лукаво дочь,— А вѣдомо ли вамъ, что старики до тѣхъ поръ и живы, пока въ хлопотахъ, да въ трудѣ? Бросите вы дѣло и сразу захвораете. Вотъ посмотрите. Сколько ужь я этого навидалась.

Матери, хлопотуньѣ и когда-то лихой работницѣ, она въ первый день сказала:

— Чтой-то, мамаша, говорятъ, вы все со старцами, да съ монахами возитесь? Оберутъ васъ съ отцомъ за милую душу Поберегитесь-ка этихъ проходимцевъ.

— Глаша, помилуй Господи, что ты говоришь!—замахала на нее старуха.—Еретица, Бога не боишься. Твое цѣло будетъ, не тревожься.

— Чего мнѣ тревожиться-то? Руки есть, голова тоже. Но только пусть при мнѣ и носу не показываютъ. Выгоню вонъ,—сказала она рѣшительно.

И хотя больше этотъ разговоръ не возобновлялся, но въ домѣ не видно стало „проходимцевъ", которые сразу учуяли въ Глафирѣ врага.

Вдвоемъ съ матерью Грунюшка ходила теперь въ театръ, въ циркъ и въ кинематографъ, всему удивлялась и радовалась.

— Учить бы надо,—сказала какъ-то въ разговорѣ бабка про внучку Въ наше время безъ этого нельзя, Глашенька.

— Отецъ не отпускаетъ, да и мнѣ не прожить тамъ одной,—отвѣтила угрюмо дочь.

— Вотъ у васъ какъ,—замѣтила старуха, помолчавъ.— Не вы для дѣтей, а дѣти для васъ. Нешто такъ можно?

— А нешто можно такъ замужъ отдавать?—сказала Глафира жестко.—Чуть не съ соской, да подъ вѣнецъ! Чай, вы лучше моего понимали, за кого отдаете.

Старуха взволновалась и глухо кашлянула нѣсколько разъ.

— Сама вѣдь, просилась, а теперь попрекаешь.—А намъ, конечно, хотѣлось получше, откуда-жь мы знали, что онъ пить станетъ? Справный былъ, сурьезный. Самой тебѣ загорѣлось, а упираться-то стала послѣ вѣнца. Кто-жь тебя зналъ!

— Сколько разъ просилась я къ вамъ съ дѣтьми, ма

менька, сколько разъ! Вѣдь отъ злости и тоски сердце ломается, вѣдь вся молодость... Оттого и грѣхъ...—заговорила дочь безпорядочно и страстно.

— Разъ законъ приняла, нельзя тебѣ назадъ,—замѣтила строго старуха.—Отрѣзанный ломоть. Кабы мы всѣ, да отъ мужьевъ бѣгали, такъ что-жъ бы это стало? Отецъ-то твой тоже не сахаръ. Пока вы малы были, чего только не хлѣбнула съ имъ. Бывало схватитъ за косы и волочитъ по всему дому. А за что—не вѣдомо. Водочка, да характеръ мужицкій. Разъ есть у его баба, такъ долженъ ее учить. Что-жъ, по твому-то, надо было бросать домъ и убѣгать?

— А то терпѣть, да побои принимать? — вскричала возмущенно Глафира:—Эхъ вы, рабы!

— Горяча ты больно, Глаша. Мужъ пьющій—не въ радость, что и говорить, а только и хуже бываетъ! Онисимъ не обижаетъ, свободу даетъ... А ты ропщешь, Бога забыла...

— Удавлюсь я когда нибудь со свободой этой! Вы думаете, я грѣхъ свой люблю? Ненавижу... — вспыхнула сердито Глафира.—Богъ-то вашъ про меня забылъ, ну такъ и мнѣ его не надо...

— Глашенька. Вѣдь и я горячая была, а смирилась и Богъ меня услыхалъ. Прошло время, отецъ укротился. Угомонилась бы ты, маленько...—сказала старуха со слезами.— Свое горе не горе, а вотъ дѣтей горе—горше смерти. Смирись, Глашенька, нельзя тебѣ назадъ.

— А нельзя, такъ и толковать не о чемъ,—сказала, какъ отрѣзала, дочь.

Грунюшка слышала этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты и всю длинную, зимнюю ночь, не смыкая глазъ, старалась осмыслить логику старшихъ, но ничего не понимала Тяжелая безвыходность изъ круга жизни жестоко давила ея ребячью душу. Она не согласна съ бабкой, что нужно терпѣть, она думаетъ, какъ и мать, что это не нужно, но почему же Глафира хочетъ, чтобы она, Грунюшка, терпѣла изъ-за нихъ и оставалась въ Ольховкѣ? Вѣдь, если бы мать угомонилась, а отецъ пересталъ пить, отъ того, что Грунюшка дома! Такъ нѣтъ же,—этого нѣтъ, этому никогда не бывать! Все также будетъ идти ихъ жизнь: мать будетъ гулять съ дружками, ссориться съ больнымъ отцомъ, проклинать свою судьбу, также будетъ онъ напиваться отъ тоски и обиды, и грозить смертью Сенькѣ, Васькѣ и женѣ.

Она застонала такъ громко, что Глафира тревожно окликнула ее.

На другой день она, опустивъ глаза, сказала собиравшейся домой матери.

— Позвольте мнѣ тутъ еще остаться, маменька! Хочу походить въ мастерскую, подучиться шитью.

— Да, конечно, оставайся,—отозвалась радостно бабушка.—Хоть всю зиму живи, сдѣлай милость.

Мать взглянула на нее,—подумала, согласилась, и хмурая уѣхала домой. Грунюшка удивленно присматривалась къ дѣду, который не только не обижалъ жену, а заботился о ней и огорчался, если она за обѣдомъ мало ѣла. Бабка весело отшучивалась и влюбленными, какъ казалось внучкѣ, глазами посматривала на браваго старика.

— Любитъ она его, оттого и терпѣла,—подумала вдругъ дѣвочка и горечь шевельнулась въ душѣ. — Любитъ, а та нѣтъ..

Грунюшка стала учиться у портнихи, сдружилась съ ея дочерью, шустрой Анненкой, и отъ нея выучилась смѣяться и шалить.

— Узнать нельзя,—говорила любовно бабушка. — Замучили они ее тамъ, ей-ей замучили.—И окликала: Груня, Аннушка бросайте-ка шитво, идите въ мотографъ обѣ, вотъ вамъ деньги. Да смотрите, не балуйте тамъ. Аннушка ночуй у насъ. Ужо придете, вкусненькаго приготовлю къ чаю.

Дѣвочки срывались съ мѣстъ и быстро убѣгали.

Какъ весело бывало имъ вдвоемъ на улицѣ! Весело ходить по снѣгу, который скрипитъ подъ ногами и искрится синими звѣздочками, хвататься за замерзшіе носы и отряхать безшумныя бѣлыя, круглыя, облѣпившія шубку и шею, слѣпящіе глаза, висящія бахромкой на рѣсницахъ, пушинки. Ничего смѣшного нѣтъ въ прохожихъ или нѣтъ, смѣшно видѣть ихъ запорошенныя бороды и усы и зябнущія уши. И дѣвочки неудержимо заливаются смѣхомъ, глотая при этомъ холодный, пахнущій снѣжокъ и никакъ, никакъ не могутъ перестать, словно опились крѣпкаго, густого, студенаго воздуха подъ низко нависшимъ, глухимъ, снѣжнымъ небомъ.

На нихъ поглядываютъ и съ ними пытаются завести разговоръ, но дѣвочки не отвѣчаютъ и проносятся мимо. Приставанье смѣшитъ ихъ до слезъ, до коликъ, усиливаетъ буйное ребяческое веселье, но знакомство не заводится. Дикой Грунюшкѣ это не можетъ прійти въ голову. Анненка же—еще совершенный ребенокъ. Обѣ страстно любятъ „мотографъ“ и съ бьющимся сердцемъ смотрятъ на экранъ. Не разъ Грунюшка плакала тамъ и сладостно волновалась при опасности за любимыхъ героевъ пьесъ. Кажется, вѣкъ бы тамъ сидѣла и все не надоѣло бы смотрѣть на мечущіяся при невѣрномъ свѣтѣ фигуры, на Глупышкина, на моды и картины диковинныхъ странъ.

Не оглянулась она, какъ подошло Рождество и изъ дому получилось письмо, чтобы послѣ праздниковъ Грунюшка ѣхала домой непремѣнно.

„Бросила ты меня, дочка, и стало мнѣ совсѣмъ плохо", писалъ отецъ.

Въ первую минуту Грунюшка возмутилась.

— Плохо, ну и пусть! Чего я имъ далась тамъ на мученія! Пускай живутъ, какъ хотятъ.

Она ничего не сказала и бабкѣ, которая, послѣ прочтенія письма, отъ волненія раскашлялась и ушла къ старику.

— Не пущу я ее,—сказала она ему горячо.—И все тутъ. Не имѣютъ права ребенка изводить.

Грунюшка не разсказала о письмѣ и подругѣ. Отъ неожиданной, обидной боли она растерялась и ходила какая-то пустая, безъ мыслей, пришибленная, не чувствуя даже этой боли.

— Грунюшка,—сказала бабушка, найдя ее у окна, гдѣ она вертѣла какую-то ниточку въ рукахъ. — Не печалься, дружокъ мой милый, не пущу я тебя. Ну пойдемъ-ка чайку попить, унученька родная моя.

И тепло приласкала ее.

Грунюшка горько расплакалась.—Поѣду, — сказала она, вдругъ, неожиданно для самой себя: — Одинъ онъ тамъ. Какъ нибудь, все равно...

III.

Пока Грунюшка томилась и покорилась своей участи, Аша беззаботно носилась по улицамъ столицы. Въ четырнадцать съ лишнимъ лѣтъ она была высокой, хорошо сложенной дѣвочкой, усердно пудрила свое свѣжее, нѣжное лицо и считала себя барышней.

Школа посѣщалась кое-какъ, только для отвода глазъ, однако все же посѣщалась. Но когда къ веснѣ не только зеркало, но и улица стала ей неустанно льстить, а мужчины восхищаться ея красотой, голова у Аши быстро закружилась.

Ей нравилось возбуждать ихъ восторженные, словно пьяные взгляды, вести какую-то опасную, завлекающую игру молодого, глупаго мышенка съ большимъ, страшнымъ котомъ, своимъ еще угловатымъ, ребяческимъ кокетствомъ волновать взрослыхъ, бородатыхъ мужчинъ. И сама она, какъ большая, взрослая особа занимаетъ этихъ солидныхъ людей! Врядъ ли Аша, несмотря на уроки Моти, Капочки и мальчишекъ, понимала опредѣленно грозящую ей опасность... Просто и бездумно нравилось дразнить въ нихъ звѣря и

уклоняться отъ его прыжковъ. Со смѣхомъ сравнивала она съ ними своего кота Ваську, у котораго въ погонѣ за мышью, точно также, какъ у этого звѣря, фосфорятся бездонные глаза, дыбится черная шерсть и мягкія лапы пріоткрываютъ вдругъ безшумно свои когти. Хотѣлось крикнуть привычное: брысь, Васька, брысь!

И становилось весело и смѣшно.

Не разъ въ эту зиму ухаживавшій за ней офицеръ-кирасиръ предлагалъ ей прокатиться и она охотно соглашалась. Офицеръ ей нравился и было весело мчаться на горячемъ рысакѣ по снѣжной дорогѣ, опьяняло видѣть въ густой, сыплющейся, гдѣ-то шуршащей мглѣ красивое, волнующее лицо. Лошадь, кучеръ и сани, встрѣчные люди и дома ныряли и проваливались въ пухлой, бѣлой тьмѣ, казались смутной небывальщиной. Звуки долетали глухими, закутанными и, нарождаясь, падали тотчасъ же мягко и неподвижно.

Шорохъ, мгла, густой, обволакивающій снѣгъ, далекіе, смутные образы рождали дремлющую истому и безволіе, сливали сонъ и явь...

Останавливались, вдругъ, санки и Аша, очнувшись, входила въ настежъ распахнувшіяся двери ресторана. Ея дѣтское, разгорѣвшееся лицо подъ облакомъ спутанныхъ, разлетающихся волосъ вызывало восхищеніе не только гостей, но и лакеевъ.

Аша любила вкусно покушать, любила, жмурясь, долго и жадно тянуть искристое, прохладное вино. А когда голова ея начинала пріятно кружиться и глаза — эти слегка поблекшіе, синіе цвѣточки, вспыхивали веселымъ разгуломъ, то Аша безъ упрашиваній, плясала и на коврѣ, и на столѣ, и на колѣняхъ у поклонниковъ. Съ дѣтской наивностью во взорѣ изгибалась она въ пляскѣ, подъ довольное ржаніе гостей, и съ нарумяненныхъ узкихъ губъ слетали заученныя ею, обычныя въ этой средѣ, ухарскія, разухабистыя словечки и дикіе, волнующіе вскрики - стоны. Ея точеная, изящная фигурка, какъ заведенная игрушка, носилась по кабинету, въ пріотворенныя двери котораго заглядывали не только чужіе гости, но и слуги, и вдругъ падала на коверъ въ призывающей позѣ подъ вопли, хохотъ, хлопки и гоготаніе мужчинъ.

Вспоминая это время, она часто думала, что моментъ паденія ей самой былъ неизвѣстенъ. Всѣ ея ухаживатели поочередно катали ее на рысакахъ, поили виномъ и кормили пряными кушаніями въ отдѣльныхъ кабинетахъ, всѣ дарили ей деньги, цвѣты, бездѣлушки и въ пьяномъ угарѣ Аша совершенно не помнила, кто первый соблазнилъ ее и

по дѣтскому легкомыслію не особенно огорчалась своимъ паденіемъ.

— Я даже рада была и гордилась, что уже стала совсѣмъ большой и могу по своему повернуть жизнь,—говорила она потомъ въ откровенную минуту Грунюшкѣ.

Настасья понимала, что дѣло можетъ кончиться плохо и пока она раздумывала снова съѣздить въ Ольховку и на семейномъ совѣтѣ столковаться о томъ, какъ взять племянницу въ руки, улица быстро и опредѣленно рѣшила этотъ вопросъ.

Домъ тетки окончательно опостылѣлъ Ашѣ. Она не любила рыхлой, безвольной женщины, державшей грязно свое хозяйство и не понимала для чего живетъ такая „гора жира и мяса", для чего нудитъ бѣлый свѣтъ своимъ оханьемъ, зѣвотой, иканіемъ и нудится сама. Она лгала ей безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, отвѣчала дерзко и насмѣшливо.

Настасья видѣла, что планы ея имѣть преданную племянницу, которой можно было бы въ благодарность оставить свое добро, рушатся. Особенно обижала ее сухость Аши.

— Чужая и та пожалѣла бы больного человѣка, а эта— словно ворогъ. Воды не подастъ испить, когда хворая попросишь. Чортъ, а не дѣвка!

Теперь у Аши водились собственныя деньги и бездѣлушки, которыя она такъ любила еще въ дѣтствѣ. Своихъ поклонниковъ она переносила иногда равнодушно, иногда брезгливо, но по-дѣтски утѣшалась полученными подарками.

Однако Настасья ничего опредѣленно не подозрѣвала до того дня, когда племянница, уйдя изъ дому, не вернулась ночевать. На слѣдующее утро она сообщила запиской, что живетъ давно уже съ богатымъ купцомъ, который на ней женится и просила не безпокоиться.

А еще черезъ недѣлю Аша, свѣжая и красивая, явилась во всемъ новомъ, сіяя улыбками и драгоцѣнностями и нетерпѣливо постукивая изящной ножкой, выслушивала сердитыя причитанія тетки:

— Да когда же это сдѣлалось, Господи милостивый? Давно ли ты изъ Ольховки со мною пріѣхала, пятачками утѣшалась и въ тряпки играла? Чтожъ я тебя голодомъ держала, била я тебя, не обувала, не одѣвала, что ты изъ дому убѣгла? Еще молоко на губахъ не обсохло, а ужъ по мужикамъ соскучилась!.. Да когда же ты успѣла, окаянная душа твоя, этого озорства набраться, штобъ и красы своей дѣвичьей не пожалѣть? Смотри, Ашка, берегись, Богъ-отъ все видитъ и не попуститъ такому грѣху!

Настасья, обычно не отличавшаяся рѣчивостью, на этотъ разъ сыпала безъ устали бабьими словами и устрашала

племянницу всевозможными земными и небесными карами.

Аша смотрѣла, не слушая, на постылыя комнатушки, на закопченныя стѣны и думала:

„Какъ я могла тутъ жить, какъ давно не сбѣжала? Вотъ нашла тоже горе, дурища сырая“!

У купца были свѣтлые, высокіе хоромы, былъ моторъ и роскошный выѣздъ. Онъ осыпалъ ее подарками, возилъ по шантанамъ и дорогимъ кабакамъ. Жить было весело, ни о чемъ не думалось, а каждое ея желаніе немедленно выполнялось. Онъ баловалъ ее, какъ ребенка и обѣщалъ обезпечить.

— Ежели будешь мнѣ угождать, и вѣрность соблюдать, то награжу по царски, обезпечу капиталомъ.

Аша, правда, замѣтила, что онъ ревнивъ и подозрителенъ, сердится, когда она отвѣчаетъ улыбкой на восторженные взгляды мужчинъ, и успѣлъ уже устроить ей сцену въ ресторанѣ за то, что она будто бы перемигивалась черезъ два стола съ гвардейскимъ офицеромъ. Она такъ привыкла къ игрѣ глазами, что забывала прекращать ее въ присутствіи ревниваго купца. Не нравится ей его лошадиное, немолодое лицо и повадка хвастать своимъ капиталомъ. Проѣзжая по улицамъ, онъ тычетъ толстымъ, не гнущимся пальцемъ въ какіе-то дворы съ дровами и говоритъ:

— Видѣла, Асютка, дровишки-то? Все мои.

И подробно перечисляетъ:—Вонъ, погонная-то сажень... швырковые... а энти девяти-четвертовые. Гляди-ко, не товаръ—золото.

Это ей скучно слушать. Но вѣдь онъ такъ богатъ и щедръ! Гдѣ-то имѣется у него жена. Она вдвое богаче мужа и утѣшается съ кѣмъ хочетъ. Но Ашѣ все равно. Онъ, вѣдь, не женится на ней, да и ей замужъ за него не хочется.

Замужъ—значитъ скучно и постно жить, дрожать надъ своимъ добромъ, и поглядывать за прислугой, ссориться съ надоѣвшимъ мужемъ и бояться его, значитъ имѣть кучу ребятъ, не спать ночей и проклинать свою судьбу. Нѣтъ, это не весело и не манитъ Ашу, которая будетъ жить безъ заботъ и хлопотъ, не считая чужихъ денегъ и не дрожа надъ ними. Ей хочется такъ жить, чтобы ничего и никого не жалѣть, ни надъ чѣмъ не задумываться. Когда они познакомились, онъ сказалъ ей:

— У насъ, купцовъ, карманъ тугой, а у васъ дѣвчонокъ мордашки-фисташки—вотъ и устроимъ дѣльце.

И долго заливался послѣ этого жирнымъ смѣхомъ, долго колыхалось у него брюшко и расплывалось желтое лицо, напоминавшее Ашѣ рыбной студень.

Что скрывать! — онъ былъ бы ей невыносимъ своимъ

лицомъ и голосомъ, если бы оставаться съ нимъ долго съ глазу на глазъ, а такъ... ничего. Лучше, чѣмъ жить у тетки или дома, лучше, чѣмъ корпѣть въ школѣ надъ работой. Непривычная роскошь ослѣпила ее и внушила невольное уваженіе къ купцу.

— Попробуй-ка, наживи все это безъ ума,—думала она.— А какой щедрый! Задарилъ ее бѣльемъ, платьями, драгоцѣнностями.

Въ свободныя минуты Аша безъ устали перебирала въ рукахъ шелка, батисты и кружева, съ чувственной радостью приникала лицомъ къ пахучимъ тканямъ и съ какой-то самозабвенной страстью упивалась игрой драгоцѣнныхъ камней. Она смотрѣла на нихъ такъ долго, что впадала въ какую-то сладкую дрему, завораживалась ихъ загадочной расцвѣткой, испытывая при этомъ ни съ чѣмъ не сравнимое острое наслажденіе.

И на людяхъ Аша нѣжно заглядывалась на свои камни, а купецъ осклаблялся при этомъ:

— Не привыкла еще. Въ диковинку. Ничего, къ хорошему скоро привыкнешь.

Она хотѣла тогда что-то объяснить ему, но не съумѣла и промолчала.

Аша очнулась отъ раздумья и слыша причитанія тетки спросила себя:

— Объ чемъ она плачетъ и какое ей дѣло? Пусть каждый живетъ по своему и другому не мѣшаетъ. Кто можетъ ей запретить распоряжаться собой? Если бы она кого обидѣла, обокрала, причинила бы какое зло. По ихнему—ей плохо, а по ея, по Ашиному—ей лучше, чѣмъ имъ. У нея своя голова на плечахъ и за свою жизнь она сама отвѣтитъ.

— Что мать-то скажетъ?—услыхала она опять слова тетки.— У Глафиры судъ короткій: проклянетъ и выгонитъ. А родительско проклятіе, дѣвушка, до добра не доводитъ. Безъ матери не то што въ твои года, а и въ старости худо. Не разъ застонешь, да позовешь ее, заступницу...

Аша вздрогнула. Она и раньше думала о гнѣвѣ матери, объ отцѣ и Грунюшкѣ и больше всего злилась на то, что всѣ они имѣютъ не нее какія-то права и могутъ запрещать ей то или другое.

— Я сама себѣ хозяинъ,—упрямо твердила властная и свободолюбивая дѣвочка.—Ничего мнѣ отъ нихъ не надо и пусть меня оставятъ въ покоѣ.

Она задорно напѣвала подхваченныя гдѣ-то слова: „Свобода—жизнь, свобода—свѣтъ“ и произносила ихъ съ особымъ удареніемъ, словно спорила съ кѣмъ-то.

Мать—она ей не судья, но пусть же и Глафира не вмѣшивается въ ея дѣла. Отецъ вотъ будетъ плакать, и Грунюшка... Это немножко царапало ей сердце. Вольно же имъ, въ самомъ дѣлѣ, жить безъ понятія.

Она встряхивала упрямой головой и гнала скучныя мысли.

Зима прошла незамѣтно. Купецъ не любилъ сидѣть дома, когда бывалъ не занятъ. Одни удовольствія смѣнялись другими и некогда было думать объ Ольховкѣ.

— Надо тебѣ позаняться,—сказалъ ей онъ однажды.— Инструментъ стоитъ запертый, а я люблю цыганскіе романсы. Вотъ займись-ка съ учительницей.

Лѣнивая Аша, желая угодить купцу, принялась за дѣло и быстро выучилась барабанить польки, вальсы и „цыганить" въ пѣсняхъ подъ гитару. Купецъ въ восторгѣ заставлялъ ее подражать слышаннымъ ею цыганкамъ, подчеркивать страстныя мѣста. Иногда требовалъ „грустнаго" и она, подъ гитару, басила:

— „Я ухожу. Прощай. Довольно слезъ. Дово...ль...но..."

Онъ бывалъ въ восторгѣ и хвасталъ, что во всей столицѣ ни у кого нѣтъ такой метрески, какъ у него.

— Молода, совсѣмъ еще дѣвченка. Угождаетъ и ничего ей кромѣ тряпокъ и бездѣлушекъ не надобно,—говорилъ онъ своимъ пріятелямъ.—Красивая шельма. Не жалко и тратить на эдакую мордашку.

Дальше шли подробности о качествахъ Аши, сдабриваемыя гоготаніемъ пріятельской кампаніи.

Иногда встрѣчала она своихъ подругъ по школѣ и разсказывала имъ о своей жизни.

Мотя и Капочка завидовали ей, подбивали сдѣлать „какъ Дуня". Это значило обманывать купца и завести себѣ кромѣ него какого-нибудь молодого.

Аша энергично протестовала. Никого ей не нужно. Она не умѣетъ любить и не интересуется мужчинами.

— У нихъ у всѣхъ на умѣ одно и тоже. Вотъ еще глупости.

— Чтожъ ты съ купцомъ повѣнчалась, что ли? Экія нѣжности!—сказала насмѣшливо Мотя.—Наша Дуня не такая дура!

Другіе подростки безкорыстно восхищались удачей Аши, ея платьями и забѣгали къ ней въ гости. Аша раскладыдывала передъ ними все свое добро и съ горящими глазами и щеками выслушивала ихъ восхищенные возгласы. Эти минуты были для нея самыми яркими и опьяняющими и вознаграждали за сожительство съ купцомъ.

Въ концѣ зимы купецъ уѣхалъ по дѣламъ, а Аша, съ помощью домашней портнихи, вдругъ засѣла за шитье подарковъ для матери и сестры.

Она придумала для Глафиры красивые фасоны нѣсколькихъ платьевъ и прилежно работала, вкладывая въ это все свое умѣнье и врожденный вкусъ. Портниха помогала ей и восторгалась Ашиной сноровкой.

— Все то у васъ спорится, барышня, работа—первый сортъ!

Аша думала, что послѣ того, какъ мать проститъ ее, она не откажется и отъ подарка. Грунюшкѣ она сшила легкое, платье и припасла для нея много мелочей женскаго туалета.

Черезъ недѣлю купецъ вернулся домой, въ сопровожденіи старой родственницы и повезъ Ашу въ Крымъ „провѣтриться". Тамъ онъ устроилъ ее на прелестной дачѣ и снова уѣхалъ по дѣламъ, наказавъ ей безъ него „не гулять и сидѣть смирно".

Аша не чувствовала никогда красотъ природы и скучала, глядя на пустынное, жуткое, безкрайное море.

Отъ скуки она познакомилась съ жившими въ одномъ дворѣ военными летчиками и по привычкѣ стала кружить имъ головы.

Одинъ летчикъ чрезвычайно нравился Ашѣ; у него было тонкое, задумчивое, немного грустное лицо. Кажется, такъ бы и расцѣловала его, обняла бы за шею и прижалась бы крѣпко. Пришло и это...

— Почему вы не влюбляетесь въ меня? — спросила она его какъ-то съ ребяческимъ задоромъ.—Я стараюсь, стараюсь...

Онъ неудержимо расхохотался и покраснѣлъ даже отъ напряженія.

— У меня есть невѣста, Ашенька, — сказалъ онъ, подразнивая и отодвигаясь.—Она прелестное созданье, красивѣе всѣхъ невѣстъ на свѣтѣ: это моя птица. Когда летишь—то это слаще поцѣлуя, слаще...

Онъ запнулся не найдя сравненія.

— Ты пойми... вдругъ вся жизнь распластывается, какъ земля, когда глядишь на нее сверху. Вѣтеръ гудитъ, рветъ, гонитъ, больно обтекаетъ шею; небо, облака летятъ, обволакиваютъ, тянутъ вверхъ въ бездну, моторъ реветъ... и нѣтъ ничего, никакой связанности, страха... Свобода, Аша, опьяненіе, порывъ...

Она посмотрѣла на него. Сейчасъ онъ какой-то заоблачный сталъ, серьезный, но Аша поняла. Она, конечно, ему не пара, а если бы она бросила эту жизнь и стала иной.

Она сказала это вслухъ, а Алеша молча прижалъ ее къ себѣ о чемъ-то думая.

Отъ жаркихъ Ашиныхъ поцѣлуевъ кружилась голова и онъ, забывшись, отвѣчалъ на бурныя ласки красивой дѣвушки. Потомъ опомнился и блѣдный, Ашѣ показалось, враждебный, взглянулъ на ременный браслетъ съ часами и, какъ ужаленный, бросился вонъ.

Мало ли встрѣчъ и объятій было въ короткой жизни Аши, но эту мимолетную любовь она запомнила навсегда.

Чувствуя боль, она думала:

— Такъ вотъ оно что! Опилась однимъ глоткомъ, какъ отравой, этой немилосердной, злой любовью! Почему онъ убѣжалъ, не сказалъ ничего? Видно, не вѣритъ, боится... Ахъ, Леша, какъ онъ ей милъ и дорогъ, и жалокъ...

Аша вдругъ, горько заплакала потомъ опомнилась и по ребячески опасливо покосилась на окна дачи. Спитъ ея сторожъ-старуха день и ночь, будто опилась чего-то. Господи, сдѣлай такъ, чтобы Алеша повѣрилъ и полюбилъ, сдѣлай!

Она задумалась и предъ глазами затолпились вдругъ образы знакомые. Офицеры, купцы, и уличныя похожденія, и столько лицъ, столько объятій, и циничныхъ, грубыхъ, теперь отвратительныхъ словъ и ласкъ... Раньше это было не стыдно и покрывалось заранѣе поставленной себѣ цѣлью: жить по барски...

Аша приложила руки къ вискамъ. Никогда ея мысли не работали такъ быстро и никогда такъ не обступали, давя ее, эти образы вчерашняго дня, не мѣнялся такъ строй всей души... Ну, что-жъ. Теперь почти въ шестнадцать лѣтъ— она барыня, богатая сударка, но онъ не хочетъ ея любви и убѣжалъ, какъ отъ заразы...

Аша почувствовала приступъ такой жестокой слабости, что прислонилась къ дереву. Что это съ нею дѣлается, отчего такъ болитъ сердце? Съ чего это она съ ума вдругъ сошла, точно обошли ее колдовствомъ какимъ.

Она разсердилась и, не замѣчая катящихся слезъ, закричала:—Не хочу, не буду...

Что ей въ этомъ офицерѣ, котораго она раньше не знала и увидѣла такъ недавно? Съ какой стати она дрожитъ, трепещетъ и ждетъ отъ него, какъ отъ Бога рѣшенья своей судьбы? Глупости это, капризъ!

Она бросилась въ комнаты, съ грохотомъ подняла крышку піанино и громко запѣла романсъ. Пѣла пошлыя, банальныя, заѣзженныя слова и видѣла Лешину задумчивую улыбку и мягкіе, чистые, глаза...

Аша припала головой къ желтымъ клавишамъ и долго такъ лежала, не то слушала, не то думала или дремала. Вдругъ ей явственно послышалось похоронное пѣніе.

— Съ ума схожу,—подумала она и выскочила на улицу съ сильно бьющимся сердцемъ. Тамъ было весело, смѣялись у подворотенъ, лускали сѣмечки и перебранивались.

Въ какомъ-то забытьи и съ все растущей тревогой, Аша взяла извозчика и поѣхала на аэродромъ, но тамъ было пусто и она не могла понять, кончились ли полеты или еще не начинались. На самое поле ее не пустили. Она вернулась домой и до поздней ночи ждала Алешу, потомъ не раздѣваясь легла и долго плакала, пока наконецъ не заснула.

А на расвѣтѣ, во дворѣ дачи сразу поднялась суматоха. Бѣгали денщики, хлопая дверьми и что-то несвязно и взволнованно повторяли собравшимся у калитки бабамъ.

Тѣ охали, качая головами и приговаривали:

— Кажный мѣсяцъ убиваются, кажный мѣсяцъ, Господи милостивый, кажный тебѣ мѣсяцъ!..

Аша проснулась въ какомъ-то ужасѣ и еще не спрашивая, уже опредѣленно знала, *кто* погибъ на вчерашнихъ полетахъ. Чтобы летать, нужно быть спокойнымъ, а онъ убѣжалъ отъ нея, какъ помѣшанный. Она рванулась къ дверямъ, но, ослабѣвъ, упала внизъ лицомъ, распласталась, какъ птица и разметала по полу свои пушистые волосы.

Такъ закончился этотъ единственный въ ея жизни день съ его любовью, которую позднѣе она называла въ насмѣшку „приключеніемъ".

Во время похоронъ она шла за гробомъ и не отрываясь, смотрѣла на бѣлую, въ цвѣтахъ, колесницу и на коричневый шлемъ разбившагося летчика. Солдатскій хоръ задушевно пѣлъ слова молитвъ, играла музыка и съ спокойными, сосредоточенными лицами шли за гробомъ товарищи. Среди толпы офицеры вели подъ руку двухъ дамъ въ глубокомъ траурѣ.

Аша почувствовала, вдругъ, знакомую, тяжелую слабость въ сердцѣ. Неужели она причина этой смерти? Развѣ можетъ быть, чтобы изъ за такихъ, какъ она, умирали порядочные, не испорченные, образованные люди? Нѣтъ, это не такъ. Каждый день разбиваются летчики и онъ погибъ, какъ и другіе...

Она вспомнила, какъ собиралась летѣть съ нимъ, какъ хотѣла стать его невѣстой и судорожный смѣхъ застрялъ въ ея горлѣ. Хороша невѣста!

Ей хотѣлось упасть на колѣни передъ дамами въ траурѣ, плакать и молить о прощеніи. Развѣ она не понимаетъ теперь, что ей не мѣсто среди порядочныхъ, что у нея иная жизнь...

Когда купецъ вернулся въ Крымъ, то нашелъ Ашу похудѣвшей, но уже наружно успокоившейся.

Она разсказала ему, что одинъ летчикъ объяснился ей въ любви, но она отвергла его.

Егоровъ нахмурилъ брови, но узнавъ о томъ, что какой-то офицеръ разбился, рѣшилъ, что это тотъ самый и успокоился;

— Запретилъ я тебѣ знакомиться, — сказалъ онъ все-таки недовольно.

— Да вѣдь садъ общій! Какъ же не знакомиться? Сами виноваты.

— А я не зналъ этого,—замѣтилъ подозрительно Егоровъ.

— Спросите у хозяйки, коли не вѣрите. Деньщики цвѣты всѣ оборвали и ягоды. Ничего вамъ не оставили,—отвѣтила зло Аша.

Ее вдругъ неудержимо потянула домой, тоска схватила за сердце такой болью, что слезы навернулись на глаза. Будь, что будетъ, а ей надо отдохнуть и чтобы никто ее не трогалъ.

Ну, пусть покричатъ тамъ надъ нею, побьютъ ее, если ужь такъ нужно, и оставятъ въ покоѣ.

Неужели случай съ Алешей не забудется и навсегда ляжетъ тѣнью въ ея равнодушной душѣ, неужели ей не избыть во вѣки этой боли, этихъ мыслей? Тогда и жить незачѣмъ. Иногда ей казалось, что это не Леша разбился, смѣшавшись съ землей въ кровавый, грязный комъ. Онъ улетѣлъ на своей бѣлой птицѣ подальше отъ такихъ людей, какъ она.

— Маменька, больно мнѣ, больно...—шептала по-дѣтски Аша и ее тянуло къ дому, нестерпимо хотѣлось ничьей иной, а только материнской ласки.

Егоровъ замѣтилъ ея молчаливость и блѣдность и ревниво допытывался причины, хотя старуха и заявила ему, что у Аши съ офицеромъ ничего не было.

Егоровъ сердился и говорилъ:

— Зналъ бы, такъ и не пріѣхалъ бы. Что въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе на надутую физіономію смотрѣть!

Аша робко жаловалась на головныя боли и просила отпустить ее ненадолго въ Ольховку. Она говорила, что мать ничего не знаетъ объ ея теперешней жизни и нужно непремѣнно съѣздить домой, иначе хуже будетъ. Мать пріѣдетъ за нею и больше не пуститъ назадъ.

— Ладно, ладно,—говорилъ недовольно купецъ.—Отлыниваешь, видно. Чтожъ, не нуждаемся.

Аша стала увѣрять, что вернется непремѣнно. Она даже приласкалась къ нему и разсѣяла его опасенія, только бы скорѣй отпустилъ.

Рѣшено было уѣхать изъ Крыма черезъ нѣсколько дней.

Егоровъ со старухой отправился пока подъ Москву въ имѣніе, а Аша въ Ольховку.

Онъ усадилъ ее въ купе перваго класса и все повторялъ, чтобы она не обманула его и вернулась назадъ.

— Ежели что—напиши, я самъ пріѣду. Пусть увидятъ, что не вертопрахъ, не шелопай, а серьезный человѣкъ.

Аша вздохнула съ облегченіемъ, когда поѣздъ тронулся и высунувшись въ окно, радовалась свободѣ.

Купецъ щедрый, добрый, но Боже мой, до чего онъ бываетъ противенъ ей минутами! Видно за все, что было, надо расплачиваться дорогой цѣной. Мила ей роскошь, все, что красиво, удобно и изящно, что радуетъ глазъ, такъ плати за это!

Аша старалась не думать объ Алешѣ, но помимо воли вздыхала, мучилась и прижимала платокъ къ вздрагивающимъ губамъ. Потомъ стала гадать о томъ, что ждетъ ее дома и старалась подавить невольный стахъ.

Однако подъѣзжая къ родной Ольховкѣ, Аша чувствовала необычайную робость.

Она изъ окна увидѣла черноволосую статную Глафиру и сердце дрогнуло отъ наплыва нѣжности.

Аша выскочила на ходу и бросилась къ матери съ такимъ порывомъ, который удивилъ и встревожилъ немного Глафиру. Она цѣловала мать безъ счета, прижималась къ ней и твердила:

— Маменька, родная, родная моя!

Потомъ обняла выросшую Грунюшку и со слезами прижалась къ ней.

— А папенька, братья гдѣ?—спросила она, и обернувшись увидѣла ихъ. Отецъ показался Ашѣ умирающимъ, такъ онъ исхудалъ и состарился.

— Папенька, что съ вами?—спросила она съ испугомъ и тоской.

— Уговаривала не идти, нѣтъ—не послушался,—сказала Глафира.—Дождаться не могъ тебя, Ашенька.

Выросшіе братья показались ей совсѣмъ чужими.

— Велика Ѳедора, да дура,—замѣтила про нихъ мать въ отвѣтъ на слова Аши:—наказалъ Богъ...

Нѣсколько дней Ашѣ казалось, что она прежняя маленькая баловница. Всѣ такъ нѣжны и добры съ нею!

Она раздумала, какъ приступить къ щекотливому разговору и откладывала съ дня на день.

Наконецъ, однажды Глафира попросила показать ей аттестатъ професіональной школы и Ашѣ пришлось открыться.

Первый натискъ семьи показался страшенъ даже при всей ея храбрости.

Мать грозно наступала на нее и когда Аша не вытерпѣла и въ отвѣтъ заикнулась было о Глафириной жизни, то та такъ засверкала темными глазами и крикнула на нее, что она сейчасъ же прикусила языкъ. Мать бушевала не одинъ день и оттаскала ее нѣсколько разъ за косы; она грозила ей проклятьемъ и гнала вонъ изъ дому. Отецъ сквозь слезы презрительно оглядывалъ ее, не говоря ни слова. Братья грубо издѣвались.

Глафира не могла забыть того, что дочь, нѣжно любимая ею баловница, попрекнула ее собственной жизнью.

Дѣти родителямъ не указъ. Моя линія — другая и пускай Богъ разсудитъ—думала она. Никогда она не стала бы изъ-за лѣни продоваться, никогда безъ любви не сошлась бы ни съ кѣмъ,

Отъ жестокой душевной боли Глафира въ нѣсколько дней осунулась и Грунюшка съ удивленіемъ смотрѣла на надломленную позу матери, разсѣянно и устало о чемъ то думавшую. Расчесывая свои блестящія косы, Глафира какъ то увидѣла сѣдые волосы.

— Вотъ это награда отъ дѣтей—сказала она удивленно и огорченно смотрѣв ней Грунюшкѣ.—Ашинъ подарочекъ. Чѣмъ же ты порадуешь меня, дочка?

Грунюшка порывисто бросилась къ ней.

— Маменька, не говорите такъ. Не нужно.

Видѣть это лицо скорбнымъ было нестерпимо для нея. Зачѣмъ Аша такъ сдѣлала? Вѣдь мать изо всѣхъ силъ старалась поставить ее на ноги и для нея пожертвовала даже Грунюшкой, которая обречена, видно, жить въ этомъ домѣ до самой смарти. И что же вышло? Ашу послали зря, а ее, которая училась бы съ охотой, оставили здѣсь. Мать любила страстно меньшую дочь и хотѣла, чтобы ей получше жилось. Ну, что-жъ!

Грунюшка не сердилась, но временами испытывала боль и ревность отъ этой мысли. Не то, чтобы мать обошла ее любовью, нѣтъ, она любила ее горячо и пылко, а только Ашу, какъ меньшую, больше пестовала и она занимала первое мѣсто въ ея сердцѣ.

Иногда Грунюшкѣ это было все равно, она вѣдь сама любила сестру и баловала ее и чтожъ удивительнаго, если и мать такъ поступала? Иногда же обижало такое отношеніе и она возмущенно думала, что мать не имѣла права лишать ее дѣтства и радости изъ за своей неудавшейся жизни.

Однажды она сказала ей это съ той рѣзкой прямотой, съ которой дѣти касаются интимныхъ сторонъ жизни родителей.

Глафира взволновалась, поблѣднѣла и промолчала. На другой день она сказала ей:

— Не думалось, что такъ плохо дѣлаю, ей-ей не думалось, а выходитъ, видно, твоя правда! Поѣзжай жить къ бабушкѣ, тамъ тебѣ хорошо будетъ, а мы съ отцомъ обойдемся. Неужъ вѣкъ твой заѣдать?

Она заплакала и Грунюшка повѣрила, что мать безсознательно, безъ умысла, не отпускала ее. Ей, видно, казалось, что дочери также тоскливо будетъ безъ нихъ, какъ имъ безъ нея. Къ тому же она болѣзненная и робкая.

— Не злая мать, хорошая,—подумала Грунюшка, отрываясь отъ мыслей.—А ужъ и извелась изъ-за Ашки, такъ не приведи Господи!

Она оглянулась на нее.

Мать, нагнувшись молча перебирала что то въ комодѣ.

— Маменька, простите Ашу,—прошептала она робко.

— А къ чему ей это?—сказала съ усиліемъ Глафира, поднимая покраснѣвшее, наклоненное лицо.—Небось, баловства не броситъ послѣ прощенія.

— Поглядите-ка мамаша, какъ она поблѣднѣла,—продолжала Грунюшка, и своими словами увѣренно прокладывала Ашѣ путь къ прощенію Глафиры.—Набросились всѣ на нее словно звѣри, можетъ, она и не такъ виновата.

А Глафира слушала сердилась и упорно не мирилась.

Аша въ самомъ дѣлѣ исхудала и ея нѣжный румянецъ пропалъ. Она почти не прикасалась къ пищѣ и по цѣлымъ днямъ тихонько сидѣла въ прежней дѣтской комнатѣ.

Она говорила съ одной только сестрой. Мимоходомъ о купцѣ и много объ Алешѣ.

Грунюшка чувствовала къ ней глубокую жалость. Ей казалось, что сестра чахнетъ отъ любви и раскаянія.

Тяжелая атмосфера въ домѣ мастера долго не разряжалась и больше всѣхъ страдала отъ этого сама нетерпѣливая Глафира. Сердцемъ она жалѣла и рвалась къ любимой дочери. Ей хотѣлось и прибить ее и крѣпко прижать къ груди. И эти два чувства мучили ее несказанно.

Но прошла недѣля, другая, прошелъ мѣсяцъ и Глафира какъ раньше бывало, сама вымыла длинныя, путанныя волосы Аши. Отецъ сталъ понемногу отвѣчать на ея вопросы. Братья, получая отъ нея щедрыя подачки, смѣнили гнѣвъ на милость. Сестра потихоньку улыбалась. Она и раньше ни словомъ не попрекнула Ашу.

Понемногу зазвучали громче несердитые голоса и мать, внимательно слѣдя за аппетитомъ Аши, стала незамѣтно подсовывать ей лучшіе куски и гнать изъ душной горницы въ лѣсъ по грибы. Ища оправданія для дочери, она винила теперь во всемъ ея красоту, ея необыкновенное, врожденное изящество и мужчинъ, падкихъ до красивыхъ дѣвушекъ.

А когда прощенная, наконецъ, Аша однажды несмѣло вошла къ матери съ завѣтными подарками въ рукахъ и со слезами стала умолять ее и Грунюшку принять ихъ, то и одна, и другая расцѣловали ее горячо и съ загорѣвшимися глазами, принялись примѣрять роскошныя обновки, спитыя ея ловкими руками.

Время, какъ пластырь, смягчало боль, стирало грани и острые углы между людскимъ толкованіемъ добра и зла, правды и лжи.

Н. Чиховскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ФРАНЦІИ.

I.

Можно вполнѣ сознавать благоразуміе нѣкоторыхъ совѣтовъ, но это еще не значитъ, что они будутъ непремѣнно выполнены. Ларошфуко давно уже нашелъ, что гораздо, легче проявить себя мудрецомъ въ отношеніи съ другими, чѣмъ быть имъ для себя: il est plus aisé d'être sage pour les autres que l'être pour soi-même. Благоразумный совѣтъ, данный мнѣ, состоялъ въ томъ, чтобы не читать газетъ, не получать, если возможно, даже писемъ, а жить только какъ устрица, прикрѣпившаяся къ скалѣ. Моей скалой въ данномъ случаѣ долженъ быть домикъ въ предмѣстьи Парижа. И вотъ я въ моемъ устричномъ садкѣ окруженъ англійскими, французскими и испанскими газетами. Раскрывая одинъ за другимъ листы, пахнущіе типографской краской, я вспоминаю все Рудаго Панька: „Еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ"! И не только вспоминаю пасѣчника, но углубляю еще его слова. «Еще мало сотенъ десятинъ лѣса истребили теперь пушечными выстрѣлами. Такъ вотъ же губятъ теперь еще тысячи сосенъ, буковъ и осинъ на газетную бумагу! И что такъ настоятельно потребовалось повѣдать міру, чтобы оправдать превращеніе деревьевъ въ бумажную пульпу?» Читаю статьи. „Урожай во Франціи въ этомъ году такой, что подобнаго не было у насъ пятнадцать лѣтъ. Въ 1913 году во Франціи собрано 1.250 мил. гектолитровъ зерна, маслинъ, картофеля и свекловицы, въ 1914 году—1.057 мил. гектолитровъ, въ 1915 году—759 мил., въ 1916 году—798 мил., а въ 1917 году—777 мил. гектолитровъ." Въ нормальное время во Франціи восемь милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей работаютъ въ поляхъ. Съ августа 1914 года столько же милліоновъ французовъ находится подъ ружьемъ.

Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ.

Вслѣдствіе того, что крестьяне, призванные подъ ружье, жнутъ другую жатву, въ 1918 году придется привезти изъ-за границы на 140.000.000 гектолитровъ пищевыхъ продуктовъ. Перехожу къ другой статьѣ. Это—отчетъ о лекціи, прочитанной Сидней Веббомъ въ Лондонской школѣ политической экономіи. Извѣстный писатель доказываетъ, что миръ наступитъ неожиданно. И когда онъ будетъ заключенъ, мы увидимъ передъ собою общее оскудѣніе, черты котораго намѣтились уже. Главнѣйшимъ пищевымъ продуктомъ на западѣ является пшеница, а между тѣмъ никогда еще раньше запасы ея не были такъ истощены. Въ 1918 году недохватка ея будетъ равняться одному фунту на человѣка въ день. Стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота значительно уменьшились. Даже и столь презрѣнная раньше свинья быстро исчезаетъ. Потребленіе металловъ, масла, угля, шерсти, кокса и строевого лѣса значительно превышаетъ добычу этихъ продуктовъ. На землѣ и въ нѣдрахъ ея есть много продуктовъ, но нѣтъ рукъ, чтобы добывать ихъ. Въ настоящее время въ воюющихъ странахъ сорокъ пять милліоновъ рабочихъ, т. е. восьмая часть всѣхъ производителей на земномъ шарѣ, заняты изготовленіемъ боевыхъ снарядовъ. Прежде полагалось, что величайшей прибирихой запасовъ является зима. Какая же суровая зима можетъ сравняться съ войной? Послѣ войны,—предсказываетъ Сидней Веббъ, — явится громадный спросъ на продукты, которыхъ невозможно будетъ достать. Когда то экономисты утверждали, что опустошенія и разрушенія, произведенныя войной, быстро поправляются. Все это было вѣрно относительно *другихъ* войнъ; но міровая трагедія, свидѣтелями которой мы являемся, не скоро забудется. Даже если демобилизація будетъ произведена въ самое короткое время,—продолжаетъ Сидней Веббъ,—все таки пройдетъ значительное время, покуда промышленная жизнь наладится. Къ этому надо прибавить чрезвычайныя затрудненія въ транспортѣ и скудость въ сырыхъ матеріалахъ. Въ результатѣ Европу можетъ ждать голодъ въ давно невиданныхъ размѣрахъ.

На человѣчество надвигается зима, какой оно не видала, быть можетъ, уже нѣсколько вѣковъ. Исторія всѣхъ странъ богата описаніями страшныхъ голодовокъ. Россія, напримѣръ, перенесла голодъ 1601-2 годовъ. Все лѣто тогда были дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать. Онъ стоялъ, наливщись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ великій и побилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Въ этомъ году люди еще кормились съ нуждою старымъ хлѣбомъ и что собрали новаго. Новымъ же хлѣбомъ посѣяли, но онъ весь погибъ въ землѣ, и тогда то сдѣлался голодъ: купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья—женъ, мерли люди, какъ никогда отъ морового повѣтрія не мерли. Видали людей, которые, валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, землю ѣли, сѣно; у мертвыхъ нахо-

дили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческія кости; отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти—родителей, хозяева—гостей, мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники боялись останавливаться въ гостинницахъ. Въ страшной книгѣ Гомешъ Дѣтта „Famines in India" одна изъ самыхъ потрясающихъ главъ посвящена описанію голода 1790—1792 годовъ. Въ это время умерло около 12 милліоновъ человѣкъ. Мертвыхъ было такъ много, что трупы валялись неубранные кучами. У индусовъ этотъ голодъ извѣстенъ подъ названіемъ *Доджи-бара*, или „горы череповъ". Сама Англія не знала великаго голода съ 1586 года; но Ирландія испытала его въ 1846 году. Фермеры тогда безцѣльно бродили по полямъ и дорогамъ въ смутной надеждѣ, что ѣда явится какъ-нибудь. Они выкапывали забытую рѣпу, отмачивали коренья. Затѣмъ набросились на палыхъ лошадей, ословъ и собакъ. Во многихъ мѣстахъ поднимали умершихъ отъ голода людей, въ кишкахъ и желудкахъ которыхъ находили траву. Люди питались крапивой, полевой горчицей, конскимъ щавелемъ. У береговъ Ирландіи находятъ особенную, смолистую водоросль, сладковатую на вкусъ. Крестьяне знаютъ, что она ядовита; но муки голода были такъ велики, что люди поѣдали эту водоросль и умирали потомъ. Оффиціальное слѣдствіе констатировало случаи людоѣдства. На обочинахъ большихъ дорогъ всюду валялись неубранные трупы. То же самое было въ крестьянскихъ избахъ... Появился голодный тифъ.

Мнѣ припоминается оптимистическое предсказаніе того англійскаго автора, на знаменитой книгѣ котораго наше поколѣніе училось въ 17-18 лѣтъ. Бокль доказываетъ, что человѣчество уже побѣдило много враговъ, разившихъ его въ средніе вѣка. Чума и проказа, напримѣръ, совершенно исчезли на западѣ и врядъ ли возможно, чтобы они вновь появились тамъ когда нибудь. Истреблены дикіе звѣри и хищныя птицы, водившіеся когда-то на самыхъ окраинахъ большихъ городовъ. Затѣмъ, по мнѣнію Бокля, исчезли безслѣдно голодовки, опустошавшія почти періодически Западную Европу. Человѣчество такъ совершенно справилось съ голодомъ, что онъ мыслимъ теперь лишь въ отсталыхъ, деспотическихъ странахъ. Самое большое, возможно теперь лишь нѣкоторое оскудѣніе. Мнѣ припоминается другой англійскій соціологъ, болѣе современный, написавшій исторію голода. Онъ намѣчаетъ двѣ категоріи причинъ: естественныя и искусственныя. Естественныя это, конечно, воля небесъ: засуха, продолжительные дожди и т. д. Искусственныя причины, это война. Съ естественными причинами голода культурныя страны справились. Что же касается искусственныхъ причинъ, то теперь, самое большое, онѣ могутъ создать лишь *мѣстный* голодъ. Такъ утверждаетъ англійскій соціологъ въ своей книгѣ, появившейся до великой войны.

И вотъ теперь несмотря на всѣ оптимистическія предсказанія,

оказывается, что *весь* міръ стоитъ лицомъ къ лицу съ голодомъ. Искусственныя причины въ состояніи создать оскудѣніе во всѣхъ странахъ.

Перехожу къ другимъ статьямъ. Наступленіе во Фландріи! Великій полководецъ XVII вѣка Тюренъ, отлично знавшій Фландрію, утверждаетъ, что только безумцы могутъ воевать здѣсь. И, тѣмъ не менѣе, во Фландріи воюютъ! Я знаю много англійскихъ офицеровъ, побывавшихъ въ бояхъ близъ Ипра и на Изерѣ. Они сообщили мнѣ отдѣльные факты, на основаніи которыхъ я могу вызвать въ воображеніи цѣлую картину. Равнина Фландріи изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ болотистыми рѣчками. На сравнительно небольшой глубинѣ лежитъ водонепроницаемый пластъ глины, подъ которымъ таятся безчисленные ключи и подземныя рѣчки. Равнина Фландріи прежде была покрыта старинными, кокетливыми, городками, и нарядными фермами. Пространство между городами и фермами поросло лѣсомъ. Безпрерывныя бомбардировки превратили города и деревни даже не въ груды развалинъ, а въ прахъ. Деревья расщеплены снарядами и кажутся громадными зубочистками. Развалины городовъ, падая въ воду запрудили болотныя рѣчки и заставили ихъ разлиться. Въ то же время громадные снаряды такъ глубоко проникаютъ въ землю, что пробиваютъ подпласты и освободили подземныя рѣчки и ключи. Въ результатѣ Фландрія представляетъ собою теперь громадное совершенно пустынное болото, изрытое глубокими воронками. Однѣ изъ нихъ наполнены водою, окрашенною отъ вещества, которымъ начиненъ снарядъ, въ цвѣтъ охры. Въ этихъ воронкахъ плаваютъ раздувшіеся трупы или обрывки тѣлъ. Другія воронки наполнены не водою, а тиной, въ которую попадаютъ, солдаты, идущіе въ атаку. Провалившись въ такую воронку, солдаты тонутъ. Иногда ихъ засасываетъ, до шеи. Я помню одинъ разсказъ. Солдатъ провалился въ такую воронку, такъ что на поверхности видна была только голова въ беретѣ Изъ непріятельской траншеи пролетѣла пуля, убившая этого солдата. Все это было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ англійскихъ окоповъ. Англійскіе солдаты могли видѣть потомъ, какъ постепенно голова въ воронкѣ чернѣла, пухла; какъ сползали покровы съ лица и какъ обнажился черепъ подъ беретомъ...

Картина, вызванная воображеніемъ, не можетъ содѣйствовать успокоенію нервовъ. Я напрасно вызываю въ памяти старинные стихи Ронсара, говорящіе о живучести французовъ и о способности ихъ быстро оправляться, подобно ветлѣ, отъ всякихъ увѣчій

Le Gaulois semble au saule verdissant:
Plus on le coupe et plus il est naissant,
Et rejetonne en branches d'avantage,
Prenant viguenr de son propre dommage.

Надо найти въ газетѣ что нибудь болѣе веселое. Вотъ дѣло Боло. Репортеры обстоятельно сообщаютъ, что у „паши“ вчера

плохо работалъ желудокъ, но врачъ прописалъ лекарство, которое отлично подѣйствовало. Вотъ замѣтка, озаглавленная: „Кальсоны г. Тюрмеля“ „Депутатъ, сидящій въ тюрьмѣ по обвиненію въ торговыхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ, жалуется, что ему холодно въ камерѣ и требуетъ еще одного одѣяла. Тюремщики указали Тюрмелю, что ему уже дали лишнее одѣяло. Они посовѣтовали, если ему холодно, спать въ кальсонахъ.

— Jamais!—воскликнулъ въ негодованіи депутатъ...—Я никогда не спалъ въ кальсонахъ и не сдѣлаю этого теперь!“

И я думаю о томъ, какая часть сосны была превращена въ пульпу, чтобы репортеры могли повѣдать Франціи про твердое рѣшеніе Тюрмеля!

Я раскрываю Times и нахожу продолженіе статей Уилтона „Russia to-day“. Авторъ жилъ прежде въ Петроградѣ, но рѣшился разсказать свои взгляды только тогда, когда возвратился въ Лондонъ. Статьи эти производятъ удручающее впечатлѣніе на англичанъ. „The Bolshevik regime has been and remains only destructive; it cannot create“, — говоритъ авторъ. (Господство большевиковъ приносило и продолжаетъ приносить съ собою только разрушеніе. Оно не можетъ создавать). Авторъ стремится доказать, что „большевизмъ“ страшенъ не непримиримостью своею и фанатизмомъ, а *бездарностью*, тупостью, круглымъ невѣжествомъ и страшнымъ самомнѣніемъ. Большевикъ это—не мрачная трагическая фигура, какъ Эваристъ Гамелэнъ въ романѣ Анатоля Франса „Les Dieux ont soif“, а малый себѣ на умѣ, въ сущности, очень практичный.

Отчаянье овладѣваетъ послѣ такихъ статей, когда вспомнишь о впечатлѣніи, произведенномъ ими на англичанъ. У заграничныхъ читателей должно составиться такое представленіе, что русскіе это—не культурный народъ, создавшій, не смотря на всѣ препоны, великую культуру, а безвольная, невѣжественная, аморфная орда, слѣпо слѣдующая за первымъ, кто выкликаетъ громче всѣхъ формулы и сулитъ больше другихъ... Скорѣе что-нибудь болѣе „веселое“.

II.

Погружаюсь въ чтеніе объявленія о спектакляхъ во французскихъ газетахъ. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія эффектно противопоставлять трагизму переживаемой катастрофы жадную погоню за наслажденіями и зрѣлищами. Такое противопоставленіе is rather thin, какъ говорятъ англичане. Дѣлать какіе нибудь выводы изъ подобныхъ сопоставленій нельзя, хотя это практикуется съ незапамятныхъ временъ. Я давно знаю, что утвержденія древнихъ обличителей о „разложеніи“ Рима, которое повело за собою катастрофу сильнаго, жизнеспособнаго міра,—представляю собою только „публицистику“, и очень пристрастную притомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ прибѣгать къ такому фантастическому фактору, какъ

„вырожденіе“ для объясненія катастрофы, поразившей древній міръ (катастрофы, ввергшей человѣчество въ варварство на десять вѣковъ), когда у насъ есть совершенно простое и естественное объясненіе? На протяженіи 84 лѣтъ Римъ былъ взятъ и разграбленъ визиготами подъ предводительствомъ Аларика въ 409 году, гунами подъ предводительствомъ Аттилы въ 452 году, вандалами Гензерика въ 455 году, суевами Рицимера въ 472 году герулами Одоакра въ 476 году и остроготами Теодорика въ 493 году. Надо изумляться только жизненной силѣ государственнаго организма и цивилизаціи, не погибшихъ послѣ перваго же кровопусканія. Варвары, вырѣзавшіе древнюю цивилизацію, въ концѣ концовъ, подчинились ей. Когда мы обращаемся не къ пристрастнымъ отцамъ церкви, а къ Ювеналу, чтобы у него найти доказательства разложенія, мы обрѣтаемъ опять лишь „публицистику“ окрашенную крайнимъ націонализмомъ. „Римляне! Я не могу терпѣть города, наполненнаго греками“—восклицаетъ Ювеналъ въ третьей сатирѣ. „Luxurae sordes“, т. е. гнусная роскошь, которую Ювеналъ обличаетъ въ первой сатирѣ, является отличительнымъ признакомъ не одного Рима. Когда мы обращаемся къ Светонію или Тациту, мы видимъ во времена наибольшихъ безумствъ цезарей величіе души „разложившихся“ классовъ. Какъ въ тюрьмахъ во времена террора, люди, которыхъ ждетъ смерть, ведутъ философскія бесѣды о цѣнности жизни. Вотъ, напримѣръ, патрицій, которому квесторъ приноситъ приказъ умереть. Мы его находимъ въ саду, гдѣ онъ спокойно обсуждаетъ съ друзьями тезисы стоической философіи. Такимъ же мужествомъ отличалась богатая буржуазія, народившаяся при Августѣ и вытѣснившая древнюю аристократію. Образцомъ буржуазнаго императора былъ Веспасіанъ, ненавидѣвшій этикетъ и роскошь. Итакъ, я знаю, что мы напрасно стали бы искать то „разложеніе“, которое довело будто бы древній міръ до катастофы; но тѣмъ не менѣе, при чтеніи Гиббона меня всегда поражали описанія народныхъ празднествъ, устраивавшихся въ Римѣ именно тогда, когда врагъ стоялъ подъ стѣнами города. Въ пятомъ вѣкѣ, т. е. когда варвары со всѣхъ сторонъ надвигались на Римъ, жестокія зрѣлища, какъ бои гладіаторовъ, уже давно исчезли; но римляне тѣмъ не менѣе все еще считали циркъ своимъ домомъ, храмомъ и парламентомъ. Наканунѣ того дня, какъ вандалы взяли Римъ, толпа всю ночь прождала у дверей цирка, чтобы занять лучшія мѣста во время большаго представленія.

Казалось, что судьба Рима зависитъ отъ того, какая партія одержитъ завтра верхъ во время бѣга колесницъ.

Передъ войной, съ легкой руки нѣмецкихъ профессоровъ, принято было говорить о вырожденіи Франціи. Теперь, конечно, всѣ эти толки прекратились. Суровые, покрытые грязью „пермиссіонеры“ въ стальныхъ каскахъ, на которыхъ видны углубленія, произведенныя пулями, очень мало похожи на „дегенератовъ“. И,

тѣмъ не менѣе, сколько „легкомысленныхъ“ спектаклей во всѣхъ парижскихъ театрахъ! Какъ гармонируетъ характеръ этихъ представленій съ серьезностью момента и, повидимому, и настроеніемъ самаго населенія! Въ одномъ или двухъ театрахъ ставятъ классическія пьесы: „Федру“, „Поліевкта“, „Гоѳолію“; но во всѣхъ остальныхъ—вещи совсѣмъ другого жанра. Я знаю, что въ театрѣ Клюни идетъ „Chantecoq“; что въ Opera-Comique идетъ музыкальная пьеса „Афродита“, передѣланная изъ романа „Ночь любви“, которая во время перваго представленія носила совершенно неудобный для передачи подзаголовокъ. Затѣмъ онъ исчезъ безслѣдно. Въ театрѣ La Scala идетъ пьеса „Occupe-toi d'Amelie“. Судя по иллюстрированной афишѣ, наклеенной на всѣхъ колонахъ, эта пьеса должна заключать много щекотливыхъ положеній. Идетъ сенсаціонная revue Майоля, причемъ этотъ знаменитый авторъ и исполнитель скабрезныхъ куплетовъ изображенъ на афишѣ съ рыжимъ кокомъ на головѣ и съ букетомъ ландышей въ петличкѣ. Еще revue „Poil! Poil!“ въ театрѣ Гэтэ-Рошуаръ. Вотъ рядъ revues, разсчитанныхъна американскихъ солдатъ, привезшихъ много денегъ и усиленное желаніе спустить ихъ: „Come Along“, „Sam va!“ и т. д. Вотъ пьеса Саши Гитри „Иллюзіонистъ“, о которой я слышалъ уже такъ много отъ парижскихъ знакомыхъ. Наканунѣ того, какъ полчища Гензериха взяли Римъ, четыреста тысячъ любопытныхъ зрителей осаждали циркъ. Полчища новаго Гензериха угрожаютъ латинской цивилизаціи и демократіи, а между тѣмъ налогъ на театральные билеты далъ въ Парижѣ въ сентябрѣ около 800.000 франковъ. Въ парижскомъ изданіи New York Herald я нахожу выдержку изъ модной пѣсенки, содержащей совѣтъ, что надо дѣлать:

L' eau „rigole“ et moi je m'ennuie.
Que faire par un soir de pluie?
Que faire? Il te faut sans retard
Chasser loin de toi le cafard,
C'est-à-dire qu'il te faut rire.
Prends vite un fiacre, sans façon
Au gai Moulin de la chanson
Va! cours! vole! On y moud du rire,
Et souviens—toi bien, palsembleu!
Que rire c'est tenir un peu.

(Дождь льетъ и мнѣ скучно. Что дѣлать въ дождливый вечеръ? Что дѣлать? Необходимо тебѣ прежде всего отдѣлаться отъ подавленнаго состоянія. Другими словами это означаетъ, что тебѣ надо смѣяться. Живо кликни фіакръ и безъ церемоніи отправляйся въ Мельницу пѣсенъ. Ступай! Бѣги! Лети! Помолъ тамъ это—смѣхъ. Вспомни, что когда смѣешься то подбадриваешь себя.) Развѣ послѣдовать этому совѣту, чтобы прогнать „le cafard“? (подавленное состояніе). Вопросъ только въ томъ, на какомъ развлеченіи остановиться? Гдѣ настоящая „Moulin de la chanson“?

Стучатъ. Въ комнату входитъ молодой артиллерійскій офицеръ, сынъ хозяина. Молодой человѣкъ au civile готовился стать архитекторомъ, хотя увлекался онъ больше всего не красивыми зданіями, а астрономіей. Война превратила его въ воина. Онъ былъ сперва солдатомъ, потомъ его произвели въ офицеры. Теперь онъ пріѣхалъ съ фронта въ короткій отпускъ къ отцу, о которомъ, мнѣ кажется, умѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Какъ одинъ и тотъ же портретъ можно изобразить въ совершенно противоположныхъ тонахъ! Monsieur Дюпонъ-отецъ „мелкій буржуа", живущій размѣренной по часамъ жизнью. Надъ этой размѣренностью, надъ ѣдой въ опредѣленные часы, надъ пристрастіемъ къ своей раковинѣ такъ много смѣялись уже. Monsieur Дюпонъ вотъ уже болѣе двадцати пяти лѣтъ связанъ съ торговымъ домомъ, который экспортируетъ изъ Швейцаріи. Ежедневно, ровно въ безъ четверти восемь Monsieur Дюпонъ бѣжитъ на трамвай чтобы захватить поѣздъ, отправляющійся съ Gare St. Lazare. Въ вагонѣ онъ находитъ однихъ и тѣхъ же пассажировъ: конторщицъ и продавщицъ, не успѣвшихъ еще выспаться, приказчиковъ, спѣшащихъ въ вагонѣ прибѣжать нумеръ Matin, одноногаго monsieur Лабранша, котораго на вокзалѣ встрѣтитъ однорукій пріятель и поможетъ спуститься. За двадцатипятилѣтнюю службу monsieur Дюпонъ нажилъ домикъ на окраинѣ Парижа. Впереди этого домика monsieur Дюпонъ развелъ цвѣты, а позади—огородъ и нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ. Я доподлинно знаю, что съ одного дерева собрано семьдесятъ два персика. Было бы семьдесятъ три, но одинъ упалъ черезъ заборъ и достался по праву сосѣду. Домъ и добро въ немъ да вокругъ него стережетъ Медоръ, сидящій на цѣпи. И когда хозяинъ по воскресеніямъ дома, онъ водитъ Медора гулять, причемъ собака имѣетъ свои любимыя деревья, у которыхъ останавливается и поднимаетъ ногу. Внутри въ домикѣ все чисто, все сіяетъ. На стѣнахъ портреты: Monsieur и Madame Дюпонъ, какъ женихъ и невѣста, объ руку. Онъ — въ черномъ сюртукѣ, съ цвѣтами въ петличкѣ и съ бѣлой перчаткой въ рукахъ. Она, конечно, въ бѣломъ платьѣ съ фатой, съ вѣнкомъ на головѣ. Далѣе увеличенные портреты Дюпона-сына, когда ему было шесть мѣсяцевъ, и когда онъ причащался. Между портретами виситъ какой-то швейцарскій видъ съ коровками и пастухами. Подъ рисунками прошлогодній календарь, за который засунута поздравительная открытка, отправленная сослуживцемъ, посланнымъ по дѣламъ торговаго дома въ Англію. Съ ранняго утра до поздней ночи мадамъ Дюпонъ моетъ, скребетъ, чиститъ, натираетъ воскомъ трескучія лѣстницы и полы, провѣтриваетъ ковры. Ея волосы закручены въ это время рожками, чтобы они вились вечеромъ, когда мужъ придетъ съ работы. Мадамъ Дюпонъ справляется безъ прислуги. У ней отдыхъ лишь во время завтрака. Я вижу тогда, какъ она сидитъ въ кухнѣ, ѣстъ и

читаетъ вчерашній нумеръ Matin, привезенной мужемъ. Сколько забавлялись у насъ надъ такимъ „мѣщанствомъ"! Сколько негодовали по поводу его, причемъ жизнь Дюпона обобщалась, какъ „прозябаніе" всей Франціи! Упускается изъ вида упорный, „каторжный" трудъ изо дня въ день. „Во имя чего?" — спросятъ иные. Во имя *независимости*. У monsieur Дюпона идеалъ маленькій; но онъ знаменуетъ *свободу* на старости лѣтъ. Затѣмъ Monsieur и Madame Дюпонъ работали всю жизнь, чтобы дать хорошее образованіе своему сыну. И изъ „мѣщанскаго" домика вышелъ милый образованный молодой человѣкъ съ бол ьшими умственными за просами.

III.

Дюпонъ-сынъ предложилъ мнѣ программу дня, которую я тотчасъ же принялъ: днемъ мы идемъ смотрѣть „Иллюзіониста" Саши Гитри, затѣмъ обѣдъ en plein Montmartre въ кабачкѣ подъ заманчивымъ названіемъ *Красный Оселъ* въ интересной компаніи извѣстнаго профессора исторіи и американскаго публициста, причемъ Дюпонъ для bonne bouche обѣщаетъ мнѣ „нѣсколько любопытныхъ парадоксовъ", которые я непремѣнно услышу отъ нашихъ застольниковъ. Программа такъ соблазнительна, что забыты всѣ благоразумные совѣты объ абсолютномъ покоѣ и о томъ, что впечатлѣній надо всѣми силами избѣгать...

Вслѣдствіе исключительной талантливости и оригинальности французовъ, ни въ одной странѣ, нельзя найти такъ ярко какъ во Франціи выраженнаго нежеланія „думать какъ всѣ". Франція, какъ извѣстно, уже съ XVI вѣка является родиной великихъ идей, окрылявшихъ и окрыляющихъ во всѣхъ странахъ науку, литературу и философію. Всѣ оригинальныя теоріи въ области и искусства зарождаются въ Парижѣ. Правда, не мало теорій въ этой области имѣютъ спеціальной цѣлью épater le bourgeois. Стремленіе „поставить буржуя на корачки" парадоксомъ, эксцентричнымъ поступкомъ или же необычнымъ нарядомъ проявляли люди не только талантливые, но даже геніальные. Мнѣ припоминается анекдотъ о Бодлэрѣ, вычитанный у его англійскаго біографа ТюркэМильнеса. Два литератора встрѣчаютъ разъ ночью французскаго поэта, плетущагося домой.

— Вотъ Бодлэръ,—замѣчаетъ одинъ литераторъ.—Бьюсь объ закладъ, что онъ ляжетъ спать сегодня не въ постель, а подъ постель только для того, чтобы удивить ее.

Это тотъ самый Бодлэръ, который могъ удивлять и потрясать страшными стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Mon âme est un tombeau que, mauvais cénobite,
Depuis l'éternité je parcours et j'habite,
Rien n'embellit les murs de ce cloître odieux!

(Душа моя—могила. Плохой отшельникъ, я обитаю въ ней уже вѣчность. Ничто не украшаетъ стѣнъ этого отвратительнаго монастыря). Не позой, а стономъ сердца звучатъ стихи: „Земля превратилась въ сырую тюрьму, въ которой надежда, какъ летучая мышь, бьется объ стѣны своими робкими крыльями и ударяется о заплесневѣлый сводъ головой... Длинная цѣпь погребальныхъ дрогъ медленно тянется, безъ звуковъ музыки, въ моей душѣ. Побѣжденное упованіе плачетъ. Жестокая, деспотическая тоска водрузила надъ моимъ склоненнымъ черепомъ свое черное знамя".

Чтобы „поставить буржуя на корачки", Барбэ д'Орвильи носилъ же шляпы изъ розоваго шелка, а ученикъ его Жозефэнъ Пеладанъ появлялся на бульварахъ въ кружевномъ жабо и въ атласномъ дублетѣ Въ подраженіе этимъ французамъ, молодой Оскаръ Уайльдъ тоже появлялся на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ Лондона въ бархатномъ кафтанѣ бутылочнаго цвѣта, въ штапахъ до колѣнъ и съ подсолнечникомъ въ рукахъ... Въ Парижѣ вотъ уже три вѣка зарождаются идеи, совершенно не нуждающіеся въ маскарадной внѣшности, чтобы полонить весь міръ; но не мало также и такихъ мыслей, у которыхъ за душой ничего нѣтъ, кромѣ блестящаго наряда. Время отъ времени въ Парижѣ появляются произведенія имѣющія значительный успѣхъ, продолжающійся нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ. Основной характеръ этихъ произведеній—парадоксы, не мудренные по содержанію, но красивые по формѣ. По истеченіи извѣстнаго времени модный авторъ самъ собираетъ урожай съ своего литературнаго поля и подноситъ публикѣ книжечку своихъ мыслей, разсѣянныхъ по разнымъ произведеніямъ. Книжечкѣ дается названіе „Философія." Вотъ и теперь, не смотря на войну, большой успѣхъ имѣетъ такой сборникъ „La Philosophie de George Courteline". Жоржъ Куртелинъ авторъ романовъ „Бубурошъ", „Господа чиновники" (Messieurs les Ronds de cuir), „Маріонетки живни", „Серьезный кліентъ", „Лидуаръ и Потиронъ", „Вѣтренники" (Les Linottes),—у насъ, кажется, неизвѣстенъ, хотя во Франціи многіе герои его не стали нарицательными именами. Изъ всѣхъ этихъ романовъ Жоржъ Куртелинъ собралъ теперь „Философію". „Надо избѣгать парадокса, какъ публичныхъ женщинъ, такъ какъ парадоксы въ сущности проститутки, съ которыми иногда, шалости ради, спятъ, но на которыхъ женятся только сумасшедшіе",—говоритъ авторъ. Онъ тутъ же прибавляетъ, что главная трудность заключается въ томъ чтобы опредѣлить, гдѣ именно начинается парадоксъ, который иногда такъ странно приближается къ такъ называемымъ первоначальнымъ истинамъ. Какъ бы тамъ ни было, „философія" Жоржа Куртэлина состоитъ изъ парадоксовъ, содержаніе которыхъ примитивный гедонизмъ съ женщиной, какъ главнымъ догматомъ. Женщина, составляющая центръ философской системы—это, глав

нымъ образомъ,—„petite femme“—съ Монмартра. „Я безумно любилъ мою молодость,—говоритъ Жоржъ Куртэлинъ.—Я ее любилъ страстно, какъ любовницу, изъ за которой люди убиваютъ себя. Воспоминаніе о томъ, что я ее имѣлъ, порождаетъ печаль: я думаю о томъ, что ея у меня уже нѣтъ. Вотъ все, что остается мнѣ. Въ этомъ печальномъ состояніи я утѣшаюсь, какъ могу. Чтобы обмануть мою меланхолію, я сталкиваюсь съ бабочками съ Монмартра, съ „petites bonnes femmes de Montmartre“, одѣтыми въ свѣтлыя платьица, обутыми въ желтые башмаки и носящими розовыя или голубыя шляпки. И наклонившись надъ ними, какъ наклоняются надъ драгоцѣннымъ камнемъ, чтобы лучше насладиться его игрой, я съ восхищеніемъ слушаю ихъ глупости, грубыя какъ эти женщины“. Еще только одно изреченіе изъ философіи Жоржа Куртэлина: „Въ сущности говоря, женщинамъ мы прощаемъ рѣшительно все, exepté d'avoir les jambes grêles entre les jarrets et les hanches. Искуство которымъ иныя женщины обладаютъ въ совершенствѣ,—выпрыгнуть по кошачьи утромъ изъ постели и изящно натянуть чулки, замѣняетъ имъ вполнѣ отсутствующія добродѣтели“.

Модный драматургъ Саша Гитри пьеса котораго „Иллюзіонистъ“ имѣетъ теперь колоссальный успѣхъ, принадлежитъ къ категоріи французскихъ писателей, умѣющихъ облекать банальное содержаніе въ форму будто бы „смѣлыхъ“ парадоксовъ. Философія Саши Гитри, которую онъ проводитъ во всѣхъ своихъ пьесахъ, это своеобразный гедонизмъ, формулируемый грубымъ выраженіемъ: „je m'en f...“. „Нѣтъ ничего въ свѣтѣ, что могло бы меня остановить если меня ждетъ минута наслажденія“. Подъ послѣднимъ подразумѣвается исключительно женщина, чуть стоящая выше чѣмъ „petites bonnes femmes de Montmartre“ Жоржа Куртэлина... Я читалъ пьесы Саши Гитри, но никогда не видалъ ихъ со сцены. Тѣмъ болѣе мнѣ интересно было взглянуть на новую пьесу, главную роль въ которой играетъ самъ авторъ. Мнѣ говорили, что „Иллюзіонистъ“ пьеса *новая* во всѣхъ отношеніяхъ и смѣлая. Саша Гитри въ ней говоритъ je m'en f... не только установленному кодексу морали, но и всѣмъ принятымъ формамъ драматическаго произведенія.

Мы нашли театръ биткомъ набитый, хотя пьеса шла уже чуть ли не въ пятидесятый разъ. Было время, когда на площадяхъ и въ гаваняхъ большихъ городовъ по платью можно было узнать изъ какой страны путешественикъ. Это время снова возвратилось теперь въ Парижѣ, хотя относится оно только къ военнымъ. Я вижу смуглыхъ португальцевъ, серьезныя лица которыхъ отнюдь не подтверждаютъ французскую поговорку les portugais sour toujours gais, сербовъ, бельгійцевъ русскихъ, чувствующихъ себя теперь, послѣ нѣкоторыхъ событій въ октябрѣ, очень неловко; но больше всего въ залѣ англичанъ и американцевъ. Какъ люди основательные и

добросовѣстные, желающіе по возможности больше извлечь изъ пьесы, англійскіе офицеры принесли съ собою французскіе словари. Вотъ одинъ офицеръ впереди меня. По двумъ чернымъ лентамъ, пришитымъ сзади къ воротнику мундира, да по пуговицамъ съ изображеніемъ пучка порея на нихъ я узнаю валійца изъ стараго полка. Черныя ленты это—рудиментъ. Въ XVIII вѣкѣ этотъ полкъ носилъ напомаженные косы. И такъ какъ онѣ пачкали спину мундира, то подъ косой былъ пришитъ кусокъ черной матеріи. Напомаженныя косы исчезли безслѣдно, но черныя ленты на воротникѣ остались. Пучекъ порея тоже имѣетъ свою исторію. Валійцы выбрали его своей эмблемой съ незапамятныхъ временъ, точно такъ же, какъ англичане—алую розу, шотландцы—чертополохъ, а ирландцы „шэмрокъ" (родъ клевера). Въ началѣ этой войны сдѣлана была попытка замѣнить порей болѣе изящной эмблемой, а именно асфоделіей; но валійцы обидѣлись. „Чѣмъ лукъ хуже асфоделіи?"—допытывались они,—„съ асфоделіями у насъ не связано никакихъ воспоминаній, тогда какъ пучки порея играли видную роль уже въ мистеріяхъ друидовъ, для которыхъ онъ былъ такъ же священъ, какъ вѣтви омелы. Наши предки шли въ бой, прикрѣпивъ къ рогамъ, украшавшимъ ихъ шлемы, пучки порея. Чего же намъ отрекаться отъ эмблемы?" И на пуговицахъ старинныхъ валійскихъ полковъ значится теперь не гордая асфоделія, столь любимая эстетами, а скромный порей. Валійскій офицеръ впереди меня принесъ съ собою не только словарь, но и французскую грамматику. Покуда не поднялся занавѣсъ, офицеръ прилежно водитъ носомъ по книжкѣ: повидимому, повторяетъ неправильные глаголы Американскіе офицеры и солдаты держатся независимо какъ у себя на ранчо. Эта независимость не исключаетъ врожденную воспитанность. Не только у американскихъ офицеровъ, но и у солдатъ лица умныя, интеллигентныя, тонко очерченныя. Какой богатый матеріалъ въ этой разлоплеменной аудиторіи для всѣхъ, любящихъ присматриваться къ незнакомымъ лицамъ! У Шопенгауэра есть интересный этюдъ о чтеніи лицъ. Философъ утверждаетъ, что человѣческое лицо это—запись іероглифами, которая можетъ быть расшифрована. Азбука и словарь для этого давно уже составлены и усовершенствованы. Лицо человѣка можетъ повѣдать намъ больше свѣдѣній, чѣмъ его языкъ, причемъ свѣдѣнія эти будутъ обстоятельнѣе и полнѣе. Лицо—краткое изложеніе всего того, что человѣкъ когда либо скажетъ. Оно представляетъ собою единственную лѣтопись всего того, что человѣкъ передумалъ и совершилъ. Языкъ передаетъ только мысли *человѣка*, тогда какъ лицо выражаетъ мысль самой *природы*. Вотъ почему, по мнѣнію Шопенгауэра, всѣ лица достойны изученія, хотя не всѣ люди стоятъ того, чтобы съ ними говорили. Лицо человѣка никогда не обманываетъ, но мы обманываемъ себя: мы читаемъ въ немъ то, что на немъ не написано. О томъ, какъ звучитъ иностранный языкъ можетъ судить

лишь тотъ, кто не понимаетъ его и слышитъ впервые. Понимающіе языкъ, думаютъ о значеніи слова, не прислушиваясь къ тому какъ оно звучитъ. Такимъ же образомъ, по лицу можно читать только до тѣхъ поръ, покуда оно намъ совершенно чуждо, покуда мы не привыкли къ нему, встрѣчаясь часто и бесѣдуя съ обладателемъ его. Такимъ образомъ,—по утвержденію Шопенгауэра,—для расшифровки лица важна только первая встрѣча. Театръ и общественныя собранія явятся тогда своего рода александрійской библіотекой для каждаго, умѣющаго читать „іероглифы". Онъ только не долженъ бояться чувства отвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое лицо можно увидѣть у тѣхъ, которые всю жизнь, за рѣдкими только исключеніями, таили мелкія, низкія, презрѣнныя, вульгарныя мысли зависть и эгоистическія, дурныя желанія? Каждая изъ этихъ мыслей, каждое желаніе оставили свой слѣдъ на лицѣ. И такъ какъ эти думы и страсти повторялись, то на лицѣ остались, такъ сказать, отвратительныя рытвины и колдобины. Онѣ такъ безобразны и такъ краснорѣчивы, что по мнѣнію Шопенгауэра, надо лишь изумляться, какъ многіе люди рѣшаются появиться въ публичномъ мѣстѣ безъ маски.

Я всматриваюсь въ смуглыя африканскія лица португальцевъ въ тонко очерченныя лица американцевъ, въ открытыя, спокойныя—англичанъ и мнѣ кажется, что могу прочитать въ нихъ одно. Для меня сокрыты „рытвины и колдобины", оставленныя на лицахъ душевными переживаніями, но мнѣ кажется, что я могу на нихъ читать одну запись, вырубленную у всѣхъ той безпримѣрной трагедіей, которая унесла въ три года больше людей, чѣмъ погибло ихъ въ V вѣкѣ на поляхъ Италіи. На лицахъ португальцевъ, англичанъ, американцевъ, валійцевъ и французовъ значится та „модальная категорія", какъ говорятъ философы, которой [illegible]: *необходимость*. Быть можетъ тому, что модальная категорія обозначилась особенно отчетливо на лицахъ, содѣйствуютъ раны: почти всѣ военные въ залѣ съ повязками или со свѣжими слѣдами зажившихъ ранъ...

IV.

Трижды простучалъ молотокъ за сценой и поднялся занавѣсъ.

— Ну, посмотримъ, въ чемъ заключается „совершенно оригинальное" пьесы,—сказалъ кто-то въ темнотѣ. Вышелъ режиссеръ и предупредилъ публику, что дѣйствіе „Иллюзіониста" происходитъ въ „Мюзикъ-холлѣ". И какъ это принято въ мюзикъ-холлахъ напудренный лакей выставилъ у рампы табличку съ нумеромъ программы. Выѣхалъ акрабатъ, показавшій въ теченіи десяти минутъ разныя упражненія на велосипедѣ. Когда онъ наконецъ укатилъ на одномъ колесѣ, вытяпувъ весь велосипедъ столбомъ, мы рѣшили, что это еще „заспѣвъ", не имѣющій никакого отношенія къ „пѣснѣ" и что „новое" будетъ впереди. Напудренный

лакей выставилъ новую табличку съ обозначеніемъ нумера программы. Вышла на сцену отгадчица мыслей съ импрессаріо. Дамѣ завязали глаза и повернули спиной къ публикѣ. Въ такомъ видѣ она указала, что находится въ кошелькѣ зрительницы, къ которой подошелъ импрессаріо, затѣмъ, что хранитъ въ боковомъ карманѣ сержантъ, сидѣвшій въ партерѣ, и о чемъ думаютъ двѣ дамы, сидящія въ ложѣ.

— Какого цвѣта воротникъ пальто у этой дамы?—спросилъ импрессаріо, подойдя къ зрительницѣ въ партерѣ.

— Сѣрый,—отвѣтила отгадчица.

— А какого цвѣта волосы у этого господина?

— У него нѣтъ волосъ: онъ плѣшивъ.

„Отгадываніе“ продолжалось минутъ десять. То опять былъ только „запѣвъ“. Ушла отгадчица, и пудренный лакей снова перемѣнилъ табличку. Нѣкоторое время сцена оставалась пустою. Но вотъ занавѣсъ, образовывавшій заднюю сцену чуть-чуть раздвинулся на самомъ верху, подъ потолкомъ, и показалась женская нога въ чулкѣ. Нога эта дрыгнула нѣсколько разъ, затѣмъ обладательницу ея начали за занавѣсомъ медленно спускать все, ниже и ниже. Послышалось пѣнье. По всей вѣроятности, это должно было быть по англійски; но съ трудомъ можно было разобрать „J'am only a little baby“. Вотъ дрыгавшая нога спустилась до самаго пола, затѣмъ раздвинулся занавѣсъ и показалась сама пѣвица. Она—дѣйствующее лицо въ пьесѣ. Кончена пѣсенка, и обладательница дрыгавшей ноги скрывается за кулисы. Пудренный лакей снова мѣняетъ табличку. Теперь выходъ самаго „иллюзіониста“ т. е. фокусника, котораго играетъ самъ авторъ. Въ теченіи десяти минутъ Саша Гитри показываетъ игру руки и исчезаетъ въ концѣ концовъ въ ящикѣ. И когда онъ опять появляется на сценѣ, начинается, собственно говоря, пьеса. „Иллюзіонистъ“ это—символъ. Политическіе дѣятели, глашатаи новыхъ славъ, писатели, поэты, а въ особенности влюбленные—„иллюзіонисты“, т. е. не обманщики, а болѣе или менѣе ловкіе фокусники. Любовь, которая, собственно говоря, только и интересуетъ Сашу Гитри, это тоже продѣлка „иллюзіониста“. Таковъ не мудренный тезисъ пьесы. Самое интересное въ ней авторъ. Каждое слово его, каждый жестъ, каждый взглядъ на публику говоритъ о безграничной самовлюбленности, о глубокой увѣренности Саши Гитри, что всѣ красивыя женщины въ мірѣ (его отношеніе къ остальному человѣчеству: наплевать...!“) смотрятъ только на него и вожделѣютъ. Если онъ захочетъ, онъ осчастливитъ ихъ часомъ или нѣсколькими часами. И чего еще въ мірѣ могутъ онѣ желать послѣ этого? Не разъ выступали во всѣхъ странахъ великіе и маленькіе поэты, геніи и посредственности, возглашавшіе, что жизнь—ужасъ и что мы въ ней только призраки. Приведу стихи Шелли, потому что они не захвачены безпрерывными цитатами:

...in this life
Of terror, ignorance and strife,
Where nothing is, but all things seem
And we the shadow of the dream.

(„Въ этой жизни ужаса, невѣдѣнія и борьбы, гдѣ ничто не существуетъ, но все только кажется, мы только тѣни сна"). Чтобы избавиться отъ ужаса дѣйствительности, надобно забвеніе.

Саша Гитри тоже утверждаетъ что все видимое—только призракъ и „игра рукъ" фокусника. Говоритъ онъ это „упрощенно", приспособляясь къ пониманію публики, находящейся на уровнѣ развитія „petites bonnes femmes de Montmartre". Содержаніе пьесы „Иллюзіонистъ": сводится къ слѣдующему. Существуетъ въ мірѣ только одно важное: обладаніе женщиной, которая понравилась. Все дозволено, чтобы добиться этого обладанія. Непосредственно послѣ обладанія наступаетъ полное охлажденіе; но женщина не имѣетъ правъ требовать большаго: она получила—нѣсколько часовъ счастья.

Этотъ тезисъ демонстрируется въ пьесѣ „Иллюзіонистъ".

— Каково ваше мнѣніе о пьесѣ?—спросилъ Дюпонъ, когда мы вышли изъ театра.

Я сказалъ, что у насъ Пушкинъ мимоходомъ формулировалъ когда то тезисъ, который составляетъ центральный пунктъ философія Саши Гитри. Я посильно перевелъ стихи:

Мы съ молоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужь, охладѣвъ, скучаемъ и томимся!

Молодой офицеръ прослушалъ стихи въ моемъ переводѣ и промолчалъ. Мы вышли на большіе Бульвары, повидимому, столь же шумные, какъ и до войны; но даже поверхностный наблюдатель могъ бы замѣтить, что движеніе на широкихъ тротуарахъ имѣетъ мало общаго съ безпечнымъ фланированіемъ отдыхающихъ иностранцевъ, какъ это было до 1914 года. Толпа была всякая, безъ того „виталина", который составляетъ такую характерную особенность движенія на парижскихъ улицахъ. Штатскіе были всѣ старики. Молодежь и мужчины средняго возраста носили мундиры разныхъ странъ. Каждый разъ, когда я во время войны попадаю на улицы Парижа; когда я вижу толпу, утратившую вслѣдствіе сознанія великой опасности свой „виталинъ" и безконечное множество женщинъ въ траурѣ,—мною постоянно овладѣваетъ тотъ же ужасъ. Я не могу не думать, что западной цивилизаціи грозитъ такая же опасность, если еще не большая, какъ въ пятомъ вѣкѣ. Тѣ же силы стоятъ другъ противъ друга: съ одной стороны—потомки народовъ, создавшихъ латинскую цивилизацію; съ другой—потомки визиготовъ вандаловъ свевовъ, геруловъ и остроготовъ

сохранившихъ старую вѣру, что сила—это право, хотя стали въ первыхъ рядахъ культурныхъ народовъ...

— Человѣкъ бродитъ въ лабиринтѣ въ поискахъ за счастьемъ,— тихо началъ Дюпонъ. —Онъ спотыкается о невидимыя выбоины и наталкивается на выступы. Человѣкъ не только не находитъ счастья въ лабиринтѣ, но дѣлаетъ постоянно другихъ несчастными. Вотъ—жизнь. Къ счастью, она лишь сонъ, продолжающійся мгновеніе.

То былъ итогъ всѣмъ впечатлѣніямъ вынесеннымъ послѣ „Иллюзіониста". Культурный французъ, qui se respecte, формулируетъ свою мысль въ видѣ парадокса, точно такъ же въ прежніе вѣка каждый писатель, даже составитель ариѳметики, излагалъ то, что онъ считалъ истиной, не иначе, какъ въ стихахъ.

Oui, le plaisir s'envole,
La passion nous ment; la gloire est une idole
Non pas l'Art; l'Art sublime, éternel et divin
Luit comme la Vertu; le reste seul est vain,

— началъ декламировать онъ:—

(Да, наслажденіе улетучивается; страсть насъ обманываетъ; слава—только лишь идолъ. Но не искусство. Искусство величественно, вѣчно, божественно. Оно сіяетъ, какъ доблесть. Все остальное—суетно.) Но было ли искусство то, что мы видѣли? Отвѣтить на это, конечно, не трудно. Гораздо болѣе важно слѣдующее. Не знаю, сумѣю ли я вамъ ясно передать мою мысль. Передъ войной мы во Франціи не находились, какъ вы въ вашей странѣ, подъ такимъ вліяніемъ философа, провозгласившаго „Memento vivere"! Обуслов ливается это тѣмъ, что тезисъ этотъ былъ провозглашенъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ Раблэ, притомъ въ *гуманной* формѣ. У насъ не было столько учениковъ Ницше, какъ у васъ, но вліяніе его сказалось. Мы имѣли поэтовъ и беллетристовъ, провозглашавшихъ оргіазмъ и полное опьяненіе жизнью. Какъ схоластики, они учили что жить значитъ быть центромъ. Вмѣстѣ съ послѣдователями прагматической философіи, они провозгласили приматъ жизни надъ мыслью. И это, конечно, хорошо. Раблэ тоже училъ оргіазму и примату жизни надъ мыслью, но онъ внесъ коррективъ, подсказанный ему гуманностью. „Діонисъ, опьяненный жизнью" это— чудесно; но не слѣдуетъ забывать, что рядомъ существуетъ другой человѣкъ, имѣющій тоже полное право быть такимъ Діонисомъ. Мой оргіазмъ не долженъ быть за счетъ жизни другого. 1792 годъ формулировалъ это такъ: „Свобода моего *я* ограничена только свободой другого *я*". Ницше, а въ особенности ученики его, провозгласивъ великій тезисъ „Memento vivere", забыли про коррективъ, внесенный Раблэ и дѣятелями французской революціи. Въ силу этого вышло, что преобиліе жизненныхъ силъ означаетъ проявленіе насилія надъ другими... „an andern Macht anlassen". Единственное проявленіе „опьяненія жизнью" ‚это, будто-бы, господство надъ

другими. „Оргіазмъ“ заключаетъ,—говорили намъ,—три основныя добродѣтели: гордость, стремленіе къ наслажденію и желаніе властвовать. Въ пьесахъ Саши Гитри вся эта философія чрезвычайно упрощена. Есть нѣкоторы яды, которые въ ничтожныхъ дозахъ употребляются въ медицинѣ, какъ сильно стимулирующія средства. Такова роль, напримѣръ, мышьяка. Но, конечно, больного нуждающагося въ возбуждающихъ средствахъ, нельзя кормить *только* мышьякомъ: результаты тогда будутъ быстры и печальны.

Есть нѣкоторыя идеи, значеніе которыхъ въ литературѣ подобно мышьяку въ организмѣ: въ ничтожныхъ дозахъ онѣ будятъ мысль и укрѣпляютъ ее; но сознаніе отравляется, если *вся* умственная пища будетъ состоять изъ такого мышьяка. „Memento vivere“,— безъ корректива, предложеннаго Раблэ и французской революціей, т. е. безъ напоминанія о томъ, что рядомъ съ моимъ *я* живетъ другое *я*, тоже имѣющее право на всю полноту жизни,—представляетъ собою такой ядъ. Пьесы Саши Гитри это—неуклюжая попытка кормить людей только мышьякомъ. Не важкый ученый докторъ Гюставъ Лебонъ, имѣющій, говорятъ, почему то успѣхъ у васъ въ Россіи, выпустилъ недавно книгу „Premières Consequences de la guerre“, въ которой доказываетъ, что послѣдствіемъ войны будетъ новая mentalité. Въ этомъ отношеніи, Лебонъ, пожалуй, правъ, ибо трудно себѣ даже представить, чтобы и послѣ величайшей катастрофы, когда либо выпавшей на долю человѣчества, оно продолжало смотрѣть на вещи, какъ до войны. Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что результатомъ новой mentalité будетъ оцѣнка значенія „мышьяка“ и что безъ корректива, указаннаго Рабле и французской революціей, „memento vivere“ превращается... въ философію Саши Гитри. Однако вотъ мы дошли до *Краснаго Осла.*

V.

Наши застольники, одинъ изъ которыхъ, по обѣщанію Дюпона, долженъ былъ во всякомъ случаѣ, явится „съ парадоксомъ“, еще не пришли; мы заняли столъ въ ожиданіи ихъ. Толстый метръ д'отель, съ лицомъ великаго патриція, поднесъ карту, которую Дюпонъ съ обычной серьезностью, овладѣвающей французомъ, когда дѣло идетъ о ѣдѣ, принялся изучать. Молодой офицеръ такъ значительно сжалъ губы и такъ глубокомысленно сдвинулъ брови, что мнѣ невольно вспомнилось афоризмы изъ геніальной поваренной книги Брійя-Саварэна: „Судьбы націй зависятъ отъ способа, какъ онѣ питаются“ и „Только умный человѣкъ умѣетъ ѣсть, а не питаться“. Такъ-какъ мои гастрономическія стремленія не идутъ дальше предѣла, формулируемаго украинскимъ правиломъ, усвоеннымъ мною когда то по неволѣ: „хочь вовни, аби кішка повна“, то я всецѣло предоставилъ карту моему товарищу, а самъ принялся расматривать залъ и публику.

„Монмартрскіе кабачки“, въ которыхъ непремѣнно обѣдаютъ

герои и героини, когда еще „ни тучки нѣтъ на небосклонѣ“ ихъ отношеній, упоминаются въ каждомъ свѣтскомъ французскомъ романѣ. У русскаго читателя со словами „монмартрскій кабачекъ“, вѣроятно, ассоціируется представленіе о чемъ то „цыганскомъ“, развеселомъ, крайне легкомысленномъ, напоминающемъ тѣ бразильскія и аргентинскія блюда, главный ингредіентъ которыхъ каенскій перецъ. Такой читатель слышалъ, вѣроятно, про „Телемское Аббатство“, куда неизмѣнно попадали иностранцы, искавшіе „веселящійся Парижъ“. Они находили тамъ только голодную, накрашенную „старую гвардію“ тротуаровъ и С. Лазара, тоскливо дожидавшуюся до утра, чтобы какой нибудь „растакуэръ“ напиталъ ее и напоилъ шампанскимъ или хотя бы коньякомъ. Похожъ-ли на все это „Красный Оселъ“, представляющій собою одинъ изъ наиболѣе типичныхъ монмартрскихъ кабачковъ? Обстановка—обыкновеннаго дорогого парижскаго ресторана, гдѣ обѣдающихъ, когда имъ подносятъ конспиративно сложенный счетъ, всегда ждетъ какой нибудь сюрпризъ, такъ какъ цѣны блюдъ въ картѣ не указаны. О названіи кабачка говоритъ лишь красный оселъ на картѣ. Онъ блаженно улыбается и упирается, а его тащатъ двѣ дѣвицы, которымъ, судя по туалету, не холодно. На ослѣ верхомъ сидитъ еще дѣвица, не желающая, совсѣмъ по военному времени, тратиться на костюмъ... Столики, уставленные вдоль длинныхъ дивановъ, обитыхъ желтымъ шелкомъ, въ нѣкоторомъ родѣ напоминаютъ фронтъ: всюду, какъ пушки изъ за щитовъ, выглядываютъ бутылки изъ серебряныхъ лоханокъ... Я обращаю прежде всего вниманіе на группу молодыхъ людей въ углу. За отдѣльнымъ столикомъ тамъ сидятъ два американскіе офицера и двѣ молоденькія дѣвушки. Офицеры, повидимому, слѣдуютъ совѣту Виктора Гюго, что иностранному языку лучше всего учиться въ молодости изъ устъ возлюбленной, не понимающей другого языка, кромѣ родного. Самъ Викторъ Гюго слѣдовалъ этому методу въ Пассахесѣ, но испанскому языку, очевидно, не выучился, если судить по фантастическимъ словамъ, которыя встрѣчаются постоянно въ его романахъ. Молодые офицеры почти не говорятъ по французски. Дамы учатъ ихъ названію каждаго предмета. И чѣмъ чаще горлышки бутылокъ наклоняются изъ серебрянныхъ лоханокъ въ стаканы, тѣмъ урокъ, повидимому, становится веселѣе. Изъ угла доносится смѣхъ и веселыя восклицанія. Одинъ изъ американскихъ офицеровъ, очень молодой, съ красивымъ, умнымъ лицомъ, тоже смѣется. Другой — пожилой, съ лицомъ каубоя, очень серьезенъ и лишь иногда рѣшается чуть чуть улыбнуться... За сосѣднимъ столикомъ группа другого рода. Тамъ двѣ дамы, молодой человѣкъ съ женскимъ сопрано и пожилой французскій полковникъ съ тщательно зачесанной лысиной. Эта прическа потребовала, вѣроятно, не мало остроумія, великой изобрѣтательности и настойчиваго терпѣнія. Волосокъ прибранъ къ волоску. И точно такъ какъ при неожиданной непр...

тельской атакѣ находчивый командиръ собираетъ со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія, причемъ дорогъ каждый солдатъ,—полковникъ собралъ, чтобы прикрыть лысину, всѣ волосы: съ темени, изъ за ушей съ височковъ. И, не смотря на эту тщательную прическу, полковникъ, повидимому, исключительно храбрый офицеръ. На груди у него—всѣ французскія ордена, причемъ ленточка военнаго креста представляетъ собою подобіе американскаго знамени, до такой степени она унизана звѣздочками. (Каждая звѣздочка знаменуетъ упоминаніе въ реляціяхъ.) Надъ звѣздочками еще пальма.

Дамы, слегка накрашенныя, что разрѣшается по парижскому обычаю совершенно порядочнымъ женщинамъ,—не ѣдятъ, а поглощаютъ устрицы.

— Въ каждомъ ресторанѣ устрицы подаютъ на особый ладъ,— говоритъ одна дама.—У Ватели ихъ приносятъ на льду; у Прюнье ихъ вскрываютъ иначе. Здѣсь подаютъ устрицы съ верхними створками. Я не нахожу это особенно оригинальнымъ.

— Одинъ нашъ знакомый поѣлъ устрицъ и теперь умираетъ,— начинаетъ другая дама, щуря подведенные глаза и обнюхивая каждую устрицу. Не смотря на это мрачное вступленіе, она глотаетъ изслѣдованную устрицу. Передъ дамой уже цѣлая тарелка пустыхъ створокъ.

— La Liberté. L'Information!—возглашаетъ разносчикъ вечернихъ газетъ. То маленькій, широкоплечій бородатый мужчина въ солдатской шапкѣ, съ ленточкой военнаго креста на груди. Вмѣсто правой руки,—кисть, сдѣланная изъ дерева и стальныхъ шарнировъ. Солдатъ немножко подвыпилъ; онъ подходитъ къ каждому столику и предлагаетъ купившимъ у него газету потрогать искусственную руку.

— Гдѣ?—лаконически спрашиваетъ полковникъ съ тщательно зачесанной плѣшью.

— Марна,—столь же лаконически отвѣчаетъ солдатъ.

Съ другой стороны у меня тоже любопытные сосѣди за столикомъ. Тамъ два аргентинца, судя по разговору, и дама француженка. Одинъ аргентинецъ, толстый, бородатый, лѣтъ 55, съ перстнями на всѣхъ пальцахъ, въ сорочкѣ съ большими желтыми клѣтками, которая, повидимому, считается высшимъ идеаломъ изящества въ Южной Америкѣ. Галстухъ, цвѣта лягушачьей спинки, заколотъ булавкой съ большой жемчужиной, окруженной алмазнымъ вѣнчикомъ. Цѣпь, выпущенная по жилету, повидимому имѣетъ прототипомъ тѣ самыя золотыя оковы, въ которыхъ плѣненные цари шли за колесницей римскихъ полководцевъ. Другой аргентинецъ—старый, сморщенный, съ слезящимися глазами. На немъ тоже сорочка съ громадными желтыми клѣтками, но галстухъ цвѣта не лягушачьей спинки, а того салата, который носитъ странное названіе pisse en lit. Соціальное положеніе дамы, сидящей между аргентинцами, можно опредѣлить по „военной окраскѣ“,

по слишкомъ черно подведеннымъ глазамъ, по дрожащей собачкѣ въ вязанной попонкѣ, по тону отдѣльныхъ словъ, по ея манерамъ Она усиленно поглощаетъ устрицъ и запиваетъ ихъ шабли. Мужчины тоже ѣдятъ и усиленно пьютъ, но находятъ время говорить о политикѣ. И видно сейчасъ, что это—„not their line“, какъ говорятъ англичане. Толстый аргентинецъ повидимому, повторяетъ только что вычитанное въ газетѣ:

— Alemania habla de paz, pero calla sus condiciones, — слышу я авторитетный, солидный, внушительный голосъ. (Германія говоритъ о мирѣ, но умалчиваетъ о своихъ условіяхъ).

— Si, si!—соглашается старикъ, жадно глотая устрицы, на которые усердно сыплетъ вначалѣ перецъ изъ мельнички. Нѣкоторое время слышится только чавканье да звуки съ шумомъ выпиваемаго вина.

— La independencia economica de nuestra patria me parece como frase,—снова начинаетъ толстый аргентинецъ, когда всѣ устрицы проглочены. (Экономическая независимость нашей родины кажется мнѣ лишь фразой).

— Si, si yo lo creo!—спѣшитъ согласиться старикъ. (Да, да Я тоже такъ думаю).

— Ага! вотъ наши застольники! — радостно воскликнулъ Дюпонъ. Одинъ изъ нихъ былъ совершенно сѣдой, съ бородкой клинышкомъ, высокій, очень сухощавый, съ глубокими складками у угловъ рта, какъ у старыхъ провинціальныхъ актеровъ-комиковъ. Вслѣдствіе повышенной нервности, должно быть, онъ былъ весь какъ на ниточкахъ. У него подергивалось то плечо, то руки, то ртомъ онъ дѣлалъ такую гримасу, которая какъ бы говорила: „трынъ-трава!“ Лицо у него было нѣсколько растерянное, почти испуганное, какъ у сидней, рѣдко показывающихся въ людяхъ. Это и былъ профессоръ. Спутнику его, американскому литератору, можно было дать лѣтъ сорокъ. То былъ мужчина плотный, широкоплечій, съ гладко выбритымъ лицомъ и проницательными, очень живыми черными глазами. Если „профессоръ“ нѣсколько напоминалъ тѣхъ игрушечныхъ дикарей, руки и ноги которыхъ прикрѣплены къ спиральной проволокѣ, такъ что онѣ постоянно въ движеніи, то литераторъ былъ какъ бы весь выструганъ изъ очень крѣпкаго дерева. Во всей фигурѣ было нѣчто неподвижное, спокойное, застывшее. Плотно сжатыя губы американца, повидимому раскрывались только для короткихъ, сжатыхъ предложеній, тогда какъ „профессоръ“, производилъ впечатлѣніе говоруна. У такихъ людей иногда языкъ на такой же „спиральной проволокѣ“, какъ ихъ руки и ноги. Мы познакомились. Меню было обдумано къ тому времени, и Дюпонъ съ серьезнымъ видомъ представилъ его на наше одобреніе. У него былъ видъ государственнаго дѣятеля, вносящаго въ парламентъ новый законопроектъ и вполнѣ готоваго мотивировать каждый параграфъ билля. У Дюпона было лишь

одно сомнѣніе: надо ли спросить по дюжинѣ устрицъ на брата или хватитъ три дюжины на всѣхъ. Мы приняли военный „билль“ въ полномъ объемѣ, послѣ перваго же чтенія.

VI.

Разговоръ въ *Красномъ Ослѣ* оживлялся. Всюду раздавался тотъ смѣхъ, который слышится въ ресторанахъ къ концу обѣда, когда люди выпили, но держатъ себя хорошо.

— Кстати, профессоръ,—началъ Дюпонъ,—въ какомъ состояніи находится ваша историческая теорія, которую вы мнѣ давеча только набросали?

— Ну, какая же эта теорія?—пожалъ плечами профессоръ.— Просто маленькая историческая аналогія, поразившая меня.

Онъ охотно сообщилъ ее намъ. Если я вѣрно схватилъ историческую аналогію, она сводится къ слѣдующему. Точно такъ, какъ солнце въ своемъ *видимомъ* движеніи правильно вступаетъ въ знаки зодіака, человѣчество въ своемъ *видимомъ* прогрессѣ періодически находятся подъ знаками своего рода, Овна, Тельца, Близнецовъ, Рака и т. д. Зодіакъ этотъ—циклы идей, въ которые человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ началась его сознательная жизнь, періодически вступаетъ. Григорій Турскій, жившій въ шестомъ вѣкѣ, въ своей *Исторіи Франковъ* говоритъ, что парижане пользовались талисманами, представляющими животныхъ, и еврейскую букву „тофъ“ для защиты отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Такіе же талисманы, включительно до той же буквы, украшенные драгоцѣнными камнями, можно видѣть теперь въ окнахъ ювелировъ на Rue de la Paix. Но это лишь маленькая иллюстрація. Въ каждый знакъ идейнаго зодіака человѣчество вступаетъ съ глубокой вѣрой, съ упованіемъ, что золотой вѣкъ наконецъ достигнутъ; но выходитъ изъ этого знака съ сильнымъ разочарованіемъ, оставивъ позади всѣ надежды. Трагедія человѣчества заключается въ томъ, чта легковѣрная часть его, выступивъ изъ знака зодіака и унося съ собою только мѣднозвучныя слова, пустыя формулы и *шелуху* идей, волновавшихъ его,—глубоко убѣждено, что пріобрѣло вѣчную истину. Въ такой идейный знакъ зодіака человѣчество вступило въ началѣ нашей эры. Подъ другимъ знакомъ оно находится теперь. И это повторялось и будетъ повторяться. Человѣчество пробѣгаетъ зодіакальный кругъ и въ области политическихъ идей. Теперь, напримѣръ, справедливо говорятъ о Mittel-Europa, угрожающей всему міру. Подъ этимъ знакомъ человѣчество находилось уже давно, только это было не въ Европѣ, а въ Азіи. Тамъ когда-то существовала Mittel-Asien, грозившая безпрерывной опасностью высоко развитымъ южнымъ окраинамъ, т. е. Китаю и Индіи, стремившимся только къ мирному прогрессу. „Центральная Европа“ 27 іюля 1900 г., посылая своихъ воиновъ въ Китай, давала имъ инструкціи: „Pardon wird nicht gegeben, Gefangene wer-

den nicht genommen; führt eure Waffen so dass auf tausend Jahre hinaus kein Chinese mehr waggt einen Deutschen schell anzusehen“. Такія же инструкціи, начиная съ V вѣка до Р. Х. давала Mittel-Asien, посылая свои полки на окраины. И гуны, тунгусы, монголы, тюрки, татары и маньджуры изъ Mittel-Asien шли въ Корею, Китай или черезъ „азіатскія Альпы“, т. е., черезъ Гималайскія горы въ Индію, какъ теперь завоеватели изъ центральной Европы идутъ въ Бельгію, Францію, Италію и Россію. Мирныя, культурныя окраины азіатскаго материка боролись съ Mittel-Asien, но возлагали больше надежды на идейное подчиненіе ея. Это повело къ многовѣковому господству Mittel-Asien надъ окраинами. Человѣчество теперь снова вступаетъ въ тотъ же знакъ политическаго зодіака; но только происходитъ это не въ Азіи, а въ Европѣ.

— Не весела ваша теорія, профессоръ, — началъ американецъ.—Зачѣмъ человѣчеству гнаться за призраками? Зачѣмъ человѣчеству страдать, бороться, надѣяться и создавать съ такимъ трудомъ культурныя цѣнности, если вся его историческая жизнь—лишь *сансара*? Зачѣмъ окраиннымъ народамъ создавать цивилизацію, если *сансара* постоянно насылаетъ на нее разрушителей изъ центра материка? Я готовъ согласиться, что вы правы не только относительно Mittel-Asien и Mittel-Europa, но и относительно Африки. Тамъ тоже культура, созданная въ Египтѣ, т. е. на окраинѣ, была разрушена одно время нубійцами, т. е. выходцами изъ центра. Но я не признаю вашего фатализма. Мы, американцы не теоретики, поэтому вѣримъ въ творческую силу демократіи. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, освободивъ творческія силы человѣка, мы превратили пустыню въ цвѣтущій край. И когда скованы будутъ разрушительныя силы человѣчества, *сансара* исчезнетъ. Вы видите, моя философія очень проста и геніально формулирована вашимъ Вольтеромъ въ заключительныхъ словахъ *Кандида*.

Въ залъ вошла любопытная фигура: высокій, тщательно одѣтый, высокій какъ мумія старикъ, гладко выбритый, съ черепаховымъ пенснэ на длинномъ, сухомъ носу. Лицо у старика было благообразное, умное. Напоминалъ онъ не то профессора, не то переодѣтаго католическаго священника. Въ рукѣ у старика была корзинка. Онъ подходилъ къ столикамъ и вѣжливо предлагалъ купить куколокъ, которыя онъ доставалъ изъ корзины. На столикахъ, рядомъ съ чашками кофе и недопитыми рюмками ликера старикъ выстраивалъ маленькихъ продавцовъ газетъ, солдатиковъ, парижанокъ и политическія карикатуры. Куколки были очень хорошо раскрашены и одѣты.

— Это все ваша работа? — спросилъ офицеръ съ зачесанной плѣшью.

— Да, полковникъ,—вѣжливо и съ достоинствомъ отвѣтилъ старикъ.

— Tiens! Совсѣмъ Monsieur Бротэ!— замѣтилъ профессоръ.

Дѣйствительно, старикъ напоминалъ того аристократа Анатоля Франса, который во время террора продавалъ раскрашенныя фигурки, вырѣзанныя изъ картона.

— Чѣмъ вы были раньше?—допытывался полковникъ.

— Актеромъ. Я игралъ въ Одеонѣ,—отвѣтилъ съ достоинствомъ старикъ.

— Онъ прежде изображалъ людей на сценѣ героями, а теперь изображаетъ ихъ куколками. И то, и другое лишь призракъ,—тихо сказалъ профессоръ. Мы видимъ символы на каждомъ шагу.

— Идемъ, господа,—рѣшительно сказалъ американецъ.

На улицѣ было темно. Пахло упавшими и гніющими листьями. Гдѣ-то изъ темноты слышалось старческое покашливаніе. Мы прошли мимо сгорбленной закутанной въ тряпки старухи, предлагавшей простуженнымъ голосомъ Information. Встрѣчались обнявшіяся пары. „Онъ“ былъ почти всегда солдатъ въ стальной каскѣ. Прояснилось совершенно. Высоко надъ нами мерцали звѣзды, какъ бы переговариваясь и дѣлясь своими впечатлѣніями. Дюпонъ сталъ намъ показывать созвѣздіи. Онъ указалъ на Лебедя, плывущаго на зенитѣ въ блѣдныхъ водахъ млечнаго пути.—Это нашъ сѣверный крестъ, который гораздо болѣе красивъ, чѣмъ южный крестъ. Крестъ нашего горизонта весь инкрустированъ алмазами, рубинами, изумрудами и бирюзой изъ звѣздъ. Вонъ Бета или Альбирео, самая изумительная двойная звѣзда. Она состоитъ изъ золотого солнца третьей величины и другого солнца, поменьше, сапфироваго цвѣта... Вотъ раскрылъ свои крылья надъ вѣчностью Орелъ. Вы, профессоръ, ищете всюду на землѣ символы. Глядите на небо, на юго-востокъ, вонъ туда. Это Андромеда; это вѣчный символъ скованнаго человѣчества, ждущаго отъ вѣка своего Персея. Теперь, если хотите, еще символъ, представляющій вѣчное устремленіе: взгляните на западъ. Вотъ созвѣздіе Геркулеса. Тысячи солнцъ, изъ которыхъ оно состоитъ, далеки, какъ идеалъ. Свѣтъ отъ нихъ пробѣгаетъ разстояніе, отдѣляющее насъ, въ сто тысячъ лѣтъ. Я не могу показать вамъ звѣзду, обозначаемую греческой буквой λ, къ которой со скоростью двухъ лье въ секунду устремляется вся наша солнечная система. Это ли не символъ!

— Какъ вы хорошо изучили звѣздное небо,—сказалъ американецъ.

— Въ траншеяхъ ночью это наше развлеченіе. Глядя на звѣзды, думаешь такъ много! Если бы всѣ люди знали и постоянно помнили о величіи звѣзднаго неба! Злость ихъ и мысль о войнахъ тогда бы давно исчезли. La méchanceté et la guerre auraient depuis longtemps disparus de la mentalité humaine.

И. В. Ш.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

Брестскій миръ.

„Несчастный миръ“ подписанъ. Но онъ еще не ратификованъ—по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки. Возможно, что его невѣроятно тяжелыя условія будутъ отвергнуты всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, созываемымъ въ Москвѣ 14 марта.

Но, возможно, что условія, поспѣшно подписанныя 3 марта въ Брестѣ совѣтской делегаціей, получатъ въ Москвѣ такую же санкцію, какую законопослушный центральный исполнительный комитетъ охотно давалъ всей внѣшней политикѣ совѣтской власти. Возможно и то, что „миръ подписанъ, но война продолжается“... Даже и послѣ его ратификаціи мыслимо, вѣдь, положеніе, при которомъ мира не признаетъ часть населенія...

Но, если Россія все еще находится въ „состояніи неустойчиваго равновѣсія“, если всесторонней оцѣнкѣ послѣдствія акта, заключеннаго совѣтской властью отъ ея имени, еще поэтому не подлежатъ, то все же кой-какіе результаты уже дали тѣ болѣзненныя пертурбаціи, которыя выпали за послѣдніе мѣсяцы на долю измученной, истрадавшейся страны въ области международныхъ отношеній. Пожалуй, „несчастный миръ“, продиктованный въ Брестѣ совѣтской делегаціи и ею покорно принятый, какъ милость побѣдителя, только ясно и отчетливо выявилъ эти результаты, такъ сказать—констатировалъ фактъ. Ихъ, эти результаты, можно было бы формулировать такъ: Россія перестала быть *субъектомъ* международной жизни и превратилась въ ея *объектъ*.

Конечно, самъ по себѣ „несчастный миръ“ еще не знаменуетъ, превращенія страны изъ активнаго участника міровой жизни въ пассивную, страдательную сторону. Правда, условія мира — переданныя впервые по телеграфу изъ Стокгольма—необычайно тягостны. Фактически Россія отдана на „потокъ и разграбленіе“ цен-

тральнымъ державамъ и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи. Ея границы продвинуты вплотную не только къ границамъ до-Петровской Руси, но даже (поскольку рѣчь идетъ о западныхъ границахъ) до предѣловъ Московіи, какъ они опредѣлились въ первые моменты возрожденія русскаго государственнаго бытія вслѣдъ за государственнымъ распадомъ смутнаго времени. Польша, Литва, Курляндія, Эстляндія, часть Бѣлоруссіи, вся Финляндія „самоопредѣлились" въ фиктивныя государственныя единицы по предписаніямъ и планамъ германскихъ государственныхъ дѣятелей, и процессъ ихъ „самоопредѣленія" проходитъ при непосредственномъ содѣйствіи австро-германскихъ войскъ [1]), оккупирующихъ либо подготовляющихъ оккупацію ихъ, Значительная часть Кавказа отхвачена (вмѣстѣ съ Батумомъ, Карсомъ и т. д.) въ пользу, повидимому, Турціи. А отложившаяся отъ Великороссіи Украина „подалась підъ австріяка" и изгоняетъ изъ своихъ предѣловъ отряды совѣтской власти съ помощью австро-германскихъ штыковъ.

Политически, такимъ образомъ, отъ бывшей Россійской Республики остаются лишь области, нѣкогда составившіе то ядро, вокругъ котораго, слой за слоемъ, наростала великая страна. Экономически же, даже помимо какихъ-либо специфическихъ договорныхъ гарантій, Россія оказывается всецѣло во власти Германіи и ея союзниковъ. Всѣ балтійскіе порты—Ревель, Рига, Либава—обращены прямо въ германскія таможенныя заставы, и русскіе продукты могутъ поступать на міровой рынокъ только съ согласія и, конечно, при безусловномъ, обязательномъ посредничествѣ „хозяевъ". На дорогѣ къ югу, захвативъ главнѣйшіе горнозаводскіе районы страны—криворожскій желѣзорудный и донецкій каменноугольный—залегла самостоятельная Украйна. И единственными свободными и относительно близкими портами для обломковъ Россіи остаются старый Архангельскъ, большую часть года скованный льдами, да новый Мурманъ. Пути къ міровому рынку, очевидно, ей заказаны, и тѣмъ приведена въ исполненіе мечта нѣмецкаго публициста Мартина, въ 1913 г. писавшаго, что Россія „должна быть совершенно отрѣ-

---

[1]) Какъ обстоитъ дѣло съ „самоопредѣленіемъ"—показываютъ комментаріи „Germania" къ тезису „право націй на самоопредѣленіе". Въ номерѣ отъ 4 января органъ „отечественной партіи" указываетъ, что „завоеваннымъ территоріямъ судьба совершенно незаслуженно преподнесла высокій даръ". „Какое употребленіе они сдѣлаютъ изъ него—продолжаетъ газета—далеко не безразлично для сосѣдей. Они должны признать и признаютъ своимъ долгомъ хладнокровно прійти къ какому-либо рѣшенію. Въ противномъ случаѣ, они совершенно не должны расчитывать на самоопредѣленіе ...У насъ, по крайней мѣрѣ, создалось впечатлѣніе, что.. наши избирательные агенты, которые живутъ въ завоеванныхъ областяхъ вотъ ужь болѣе двухъ лѣтъ... скверно выполнили бы свою обязанность если бы имъ не удалось распознать подлинную волю гражданъ устраиваемыхъ областей". „Очень важно—кончаетъ „Germania"—чтобы эта воля была полностью выражена. Для этого нужно найти средства, которые облегчили бы намъ это"...

зана отъ морей". Цѣлая экономическая катастрофа произведена мирнымъ договоромъ и внутри страны. Значительная часть черноземной полосы европейской Россіи оказывается отрѣзанной отъ обслуживавшихся ею сѣвера и центра, и потокъ зерновыхъ продуктовъ, питавшихъ, черезъ черноморскіе порты внѣшнюю торговлю страны либо пополнявшихъ продовольственные запасы нехлѣбородныхъ губерній, теперь отведенъ въ сторону центральныхъ державъ. Отпала и вся почти желѣзодѣлательная индустрія, такъ какъ южно-русская вѣтвь ея, оказывающаяся въ предѣлахъ Украйны и потому призванная отнынѣ обслуживать нужды покровителей послѣдней, всегда, а за время войны въ особенности, доминировала надъ остальными отвѣтвленіями ея [1]).

Но, какъ ни печальны экономическія и политическія послѣдствія „несчастнаго мира", какъ ни колоссальны территоріальныя потери Россіи—изъ этого еще не слѣдуетъ, что Россія или, вѣрнѣе, то, что отъ нея осталось, утеряла, должна была необходимо утерять какое бы то ни было самостоятельное значеніе въ международной жизни, перестала быть субъектомъ ея и превратилась въ объектъ международнаго воздѣйствія. А между тѣмъ—таковъ именно главнѣйшій историческій итогъ всего пережитаго страной за время, истекшее въ моменты изданія „совѣтской властью" декрета о мирѣ и до подписанія делегаціей послѣдней мирнаго договора. Отчасти, этотъ итогъ данъ самимъ „несчастнымъ миромъ", но въ гораздо большей степени онъ предопредѣленъ былъ той исторической обстановкой, которая привела къ Бресту и окончательно сложилась въ Брестѣ же.

Отчасти, говоримъ мы, этотъ итогъ данъ „несчастнымъ миромъ". Въ самомъ дѣлѣ, существеннѣйшіе интересы Франціи, Англіи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ слишкомъ больно, слишкомъ непосредственно задѣты этимъ миромъ, чтобы страны согласія могли оставаться безучастными свидѣтелями событій, совершающихся на русской территоріи. Государственное казначейство Россіи долгіе годы питалось финансовыми рессурсами Франціи—можно даже сказать, что чуть не весь огромный, насчитывающій (по вычисленію извѣстнаго англійскаго экономиста Гёрста) болѣе 6 милліоновъ, классъ французскихъ рантье существовалъ съ 90-хъ годовъ процентами съ русскихъ долговыхъ обязательствъ,—а въ теченіи войны задолженность русскаго государства передъ другими союзниками поднялась, какъ извѣстно, съ 8,8 милліардовъ рублей до 16. Къ 1-му января 1918 г., напр., Англія, до войны вовсе не ссужавшая русское правительство, кредитовала его на

---

[1]) По даннымъ за 1916 г. выплавка чугуна южно-русскими доменными печами составляла болѣе 75% всего обще-русскаго производства этого продукта, а выплавки стали—около 50%.

сумму въ $7^{1}/_{2}$ милліардовъ рублей, Франція—на сумму въ $5^{1}/_{2}$ милліардовъ и т. д. Затѣмъ, помимо задолженности государственной, имѣла мѣсто и задолженность хозяйственная. Огромные капиталы, почти не поддающіеся точному учету, были вложены союзниками въ русскія торгово-промышленныя предпріятія. По англійскимъ даннымъ, ежегодно приходилось до войны выплачивать около 550 милліоновъ рублей въ качествѣ процентовъ на этотъ капиталъ, что даетъ цифру послѣдняго въ 11 милліардовъ рублей по меньшей мѣрѣ [1]). Естественно, что экономическій и политическій разгромъ Россіи, ставящій подъ сомнѣніе способность ея платить свои долговыя обязательства, не можетъ не создавать въ странахъ согласія сильной тревоги за свое собственное благополучіе и толкать ихъ на шаги, которые гарантировали бы ихъ отъ „нежелательныхъ послѣдствій“. Еще тогда, когда „несчастный миръ“ не былъ подписанъ, и „отказъ отъ долговъ“ совѣтской властью только проектировался, англійскій канцлеръ казначейства, Бонаръ Лоу, отразилъ эту тревогу въ своемъ выступленіи въ палатѣ общинъ по вопросу о дополнительныхъ военныхъ кредитахъ. „Когда я обращаюсь къ такъ называемымъ возмѣстимымъ издержкамъ—говорилъ онъ 12-го декабря 1917 г.—я признаю, конечно, что то, что произошло въ Россіи, ставитъ кредиты союзникамъ въ иное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ они рисовались во время обсужденія послѣдняго бюджета... Хотя мы можемъ добиться, въ конечномъ счетѣ, чтобы всѣ кредиты были оправданы, совершенно вѣроятно, что немедленно по окончаніи войны дебиторы—союзники не въ силахъ будутъ выплачивать проценты“. Кой-какія указанія на то, что союзники имѣютъ въ виду такъ или иначе обезпечить за собой полностью эту выплату, дѣлалъ и Бонаръ Лоу, который въ своей, только что цитированной рѣчи отмѣтилъ, что „эти деньги рано или поздно будутъ взысканы нашей страной“, и французское правительство, продолжающее и понынѣ регулярно выплачивать очередные проценты по русскимъ купонамъ [2]). Когда же совѣтская власть опредѣленно „аннулировала займы“, со стороны дипломатическаго корпуса послѣдовала столь же опредѣленная нота о непризнаніи этого аннулированія. „Всѣ союзные и нейтраль-

---

1) Finances of Russia, by our City Editor Daily Telegraph отъ 26-го ноября 1917.

2) Въ „Temps“ отъ 8 декабря 1917 г. было помѣщено такого рода офиціальное сообщеніе: „По свѣдѣніямъ, полученнымъ англійской печатью, народные коммиссары подумываютъ о непризнаніи займовъ, заключенныхъ Россіей за границей. Французское правительство считаетъ, что финансовыя обязательства, заключенныя ранѣе отъ имени Россіи, не зависятъ отъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ, происшедшихъ съ тѣхъ поръ или предстоящихъ въ этой странѣ, и что, слѣдовательно, эти обязательства ложатся и будутъ ложится на всѣхъ тѣхъ, кто представляетъ Россію. Въ силу этого мы можемъ извѣстить, что подлежащіе оплатѣ оплатѣ въ январѣ 1918 г. русскіе купоны будутъ оплачены, какъ обычно“

ные послы и посланники—гласитъ эта нота—аккредитованные въ Петроградѣ, доводятъ до свѣдѣнія коммиссаріата по иностраннымъ дѣламъ, что они считаютъ всѣ декреты рабочаго и крестьянскаго правительства объ аннулированіи государственныхъ займовъ, о конфискаціи имуществъ и т. п., поскольку они касаются интересовъ иностранныхъ подданныхъ, какъ бы несуществующими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послы и посланники заявляютъ, что ихъ правительства оставляютъ за собою право въ тотъ моментъ, когда они это признаютъ необходимымъ, настоятельно потребовать удовлетворенія и возмѣщенія всего ущерба и всѣхъ убытковъ, которые могутъ быть причинены дѣйствіями этихъ декретовъ иностраннымъ государствамъ вообще и ихъ подданнымъ, находящимся въ Россіи, въ частности". Уже изъ самаго факта предъявленія подобной ноты съ очевидностью вытекалъ тотъ выводъ, что Россія выпадала изъ цѣпи правомочныхъ членовъ международнаго общества, такъ какъ эта нота ясно и опредѣленно трактовала Россію, какъ пассивную сторону. „Не вы, а *мы* рѣшаемъ, что вамъ слѣдуетъ дѣлать"—таковъ переводъ ея на языкѣ обыденной жизни... И эта угроза превращенія въ объектъ международной жизни нависла надъ Россіей только въ силу произнесенной „совѣтской властью" и по существу безсильной фразой объ аннулированіи займовъ. Въ какой же мѣрѣ должно было усилиться стремленіе къ самоохраненію въ странахъ согласія, когда, съ заключеніемъ „несчастнаго мира" и фактическимъ установленіемъ протектората четверного союза надъ богатѣйшими областями Россіи, послѣдняя утеряла или необходимо теряетъ даже простую возможность выполнить взятыя на себя финансовыя обязательства? Разумѣется—не могло быть и рѣчи о томъ, что эти страны останутся безучастными свидѣтелями событій...

Пока что, остается невыясненнымъ, какъ именно собираются реагировать на заключенный отъ имени Россіи миръ ея бывшіе союзники. Но имѣются нѣкоторыя указанія на то, что опредѣленные шаги ими подготовляются. Таковъ, прежде всего, проектъ выступленія Японіи на защиту „союзныхъ интересовъ" въ Сибири. Телеграфныя свѣдѣнія не оставляютъ и тѣни сомнѣнія относительно того, что данный проэктъ встрѣченъ сочувственно въ странахъ согласія. „Бальфуръ имѣлъ третьяго дня продолжительное совѣщаніе съ японскимъ посломъ—сообщаютъ, напр., „Нашему Вѣку" изъ Парижа отъ 3-го марта:—...Признана необходимость противодѣйствія германскимъ ходамъ на Дальнемъ Востокѣ. Остается пока вопросомъ, будетъ ли это вмѣшательство интернаціональнымъ или только японскимъ". „Передаютъ — читаемъ мы далѣе,—что Китай также выступилъ съ предложеніемъ послать на Дальній Востокъ четыре дивизіи. По слухамъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ предполагаетъ со своей стороны отправить нѣкоторыя американскія части; быть можетъ, въ операціяхъ будутъ участво-

валь и англійскія войсковыя части. Офиціозныя сообщенія заявляютъ, что вопросъ о выступленіи Японіи и о моментѣ ея вмѣшательства будетъ регулированъ въ Лондонѣ между лондонскимъ и токійскимъ кабинетами и получитъ санкцію въ Вашингтонѣ, Римѣ и Парижѣ". Этотъ проектъ еще, конечно, не говоритъ о намѣреніи раздѣлить Россію на „сферы вліянія" (хотя онъ не говоритъ и объ отсутствіи таковаго), но онъ обсуждается *помимо* Россіи и проводиться въ жизнь будетъ, повидимому, независимо отъ того—захочетъ ли Россія этого, или нѣтъ. Ея желанія въ учетъ не принимаются, съ ней считаются лишь какъ съ пассивнымъ матеріаломъ для международной обработки... Да къ тому же, повторяемъ, не исключена и возможность формальнаго превращенія акта, задуманнаго для „противодѣйствія германскимъ ходамъ", въ актѣ явнаго раздѣла Россіи. „Morning Post", напр., послѣднее время пропагандировавшій въ Англіи идею реставраціи въ Россіи монархіи и выдвигавшій на этотъ постъ бывш. вел. князя Николая Николаевича, въ N-рѣ отъ 1 марта сообщаетъ, на основаніи слуховъ, циркулирующихъ въ вашингтонскихъ дипломатическихъ кругахъ, о новомъ мирномъ предложеніи со стороны Германіи. Послѣдняя какъ-будто готова вернуть Франціи Эльзасъ-Лотарингію, пойти на удовлетворительное рѣшеніе бельгійскаго и сербскаго вопросовъ и даже возмѣстить Франціи военныя издержки, понятно, въ обмѣнъ на сохраненіе за нѣмцами всей захваченной на востокѣ добычи... Словомъ—миръ за счетъ Россіи, заключенный безъ ея согласія и ведущій къ полюбовному дѣлежу ея.

Разумѣется, вторая часть картины, въ которую складываются теперь, послѣ „несчастнаго мира" и какъ его непосредственный результатъ, международныя отношенія, относится пока что къ области всего лишь возможнаго, вѣроятнаго, но не дѣйствительнаго. Однако, есть кой какія указанія, что граница, отдѣляющая вѣроятное отъ дѣйствительнаго, въ данномъ случаѣ и не такъ ужъ широка. Перспектива „мира за счетъ Россіи" уже внушаетъ опасенія тѣмъ слоямъ народа въ Западной Европѣ, которымъ совершенно чужды захватныя намѣренія. Въ этихъ слояхъ уже раздается голосъ протеста противъ японскаго выступленія, какъ прокладывающаго путь къ конечному дѣлежу Россіи. Такъ, „Manchester Guardian" пишетъ въ N-рѣ отъ 1-го марта: „Для Японіи представляется теперь удобный случай, такъ какъ она уже давно желаетъ завладѣть этими городами (т. е. Владивостокомъ и Харбиномъ), считая Россію своей соперницей. Конечно, во Франціи на это могутъ смотрѣть, какъ на справедливое наказаніе за отказъ отъ долговъ — за сепаратный миръ... Но, если Японія относится къ (своей?) западной границѣ еще болѣе цинично, чѣмъ Германія къ восточной, то какъ союзники могутъ принять это безъ протеста, стоя за болѣе высокіе принципы, чѣмъ ихъ противники? Поощрять подобныя дѣйствія или имъ не противиться было бы большою ошиб-

кой, было бы полнымъ противорѣчіемъ всей политикѣ президента Вильсона". Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что сравнительно давно уже—какъ въ странахъ согласія, такъ, особенно, въ центральныхъ державахъ—„миръ за счетъ Россіи" пользовался относительной популярностью. Извѣстна борьба въ Германіи двухъ „оріентацій"—западной и восточной,—каждая изъ которыхъ стремилась перенести центръ тяжести территоріальныхъ захватовъ на опредѣленный фронтъ. И такіе выдающіеся публицисты, какъ Пауль Рорбахъ и Мартинъ, цѣликомъ отдались „западничеству", указывающему на Россію, какъ на законный объектъ аннексій. Съ фактическимъ торжествомъ этой „оріентаціи" логически вступаетъ въ силу „творческая", „положительная" сторона дѣла: миръ за счетъ Россіи идетъ рука объ руку съ сближеніемъ съ западными сосѣдями. Въ средѣ послѣднихъ, правда, о такомъ мирѣ и сопутствующемъ ему сближеніи до сихъ поръ не говорили. Но, конечно, было бы странно слышать подобныя рѣчи отъ *союзниковъ* Россіи. Однако, и здѣсь были извѣстныя стремленія къ тому, чтобы использовать Россію для облегченія тяготъ военнаго наслѣдія. Во Франціи даже подготовлялась политическая комбинація, которая позволила бы кончить войну ко взаимной выгодѣ и Франціи и Германіи... по плану Рорбаха. Авторъ этой комбинаціи теперь оказался на скамьѣ подсудимыхъ, но одно время онъ былъ достаточно вліятеленъ и популяренъ, чтобы получить полную возможность провести ее въ жизнь. Въ досье по дѣлу Кайо—именно этотъ вождь французскихъ радикаловъ и является авторомъ комбинаціи—приводятся разговоры его съ выдающимися итальянскими политическими дѣятелями, разговоры, свидѣтельствующіе о подготовкѣ Кайо „мира за счетъ Россіи". Онъ предусматривалъ возможность своего возвращенія къ власти послѣ паденія кабинетовъ Бріана и Клемансо, который рисовался ему преемникомъ перваго, и собирался подписать миръ съ Германіей. Поэтому онъ—согласно обвинительному акту—совѣтовалъ „Италіи быть въ свою очередь готовой къ сепаратному миру съ Германіей, которая предложитъ замѣчательно хорошія условія и Италіи и Франціи, потому что за всю войну расплачиваться будутъ Россія и Балканы [1]). Политическая комбинація Кайо рухнула, и онъ самъ оказался обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ—въ значительной мѣрѣ потому, что онъ покушался и на Англію—но симптоматичность ея тѣмъ самымъ не уменьшается. Кайо строилъ свои планы на хитроумныхъ дипломатическихъ ходахъ, запутался въ нихъ и расплачивается. Но та идея, которую онъ проводилъ въ грубой формѣ, не чужда ни Франціи, ни Англіи, гдѣ въ емкости русскаго рынка и богатствъ естественныхъ рессурсовъ Россіи за все время войны усматривали именно такую „компенсацію", какая и нужна союзникамъ. Такимъ

---

[1]) Цит. по Daily Telegraph отъ 13 декабря 1917.

образомъ, степень вѣроятія „мира изъ за Россіи“ очень значительна, особенно теперь, когда минеральныя богатства Сибири и Урала и лѣса Сѣвера являются единственнымъ залогомъ по внѣшнимъ долговымъ обятельствамъ Россіи.

При всемъ томъ, подобный миръ—*только вѣроятенъ*. Союзники въ настоящее время обсуждаютъ возможность „противодѣйствія германскимъ ходамъ на Дальнемъ Востокѣ“. Рѣчь идетъ о соглашеніи между ними для охраны собственныхъ интересовъ и созданіи своего рода плотины, которая не дала бы потоку сибирскихъ продуктовъ потечь широкой рѣкой въ истощенныя войной страны четверного союза. Вырабатывается даже формальная декларація обѣщающая Россіи возстановленіе всѣхъ ея правъ на территоріи которыя могутъ быть оккупированы союзными войсками въ этихъ цѣляхъ. Печать же вполнѣ опредѣленно говоритъ только о спасеніи Россіи отъ германскаго плѣненія. „Matin“, напр., пишетъ въ N-рѣ отъ 4 марта. „Германія создаетъ новую пропасть между воюющими сторонами, Державы согласія никогда не примирятся съ подобнымъ раздѣломъ восточной Европы“. Дѣйствительно, поэтому, пока лишь одно: во всѣхъ проэктахъ и соглашеніяхъ нѣтъ мѣста для той какъ разъ страны, въ связи съ судьбами которой возникаютъ эти проэкты и заключаются эти соглашенія. Дѣйствительно то, что Россія перестала быть субъектомъ международной жизни и превратилась въ ея объектъ. Даже благожелательное отношеніе союзниковъ подчеркиваетъ этотъ фактъ, такъ какъ рѣшеніе судебъ Россіи произойдетъ, по мнѣнію, напр., англійской печати, на западѣ, а не на востокѣ, не силами самой Россіи, а по предписаніямъ побѣдившей Германію союзной коалиціи...

Но такой итогъ пережитаго Россіей въ плоскости международныхъ отношеній данъ „несчастнымъ миромъ“,—какъ мы говорили—только отчасти. Гораздо большее значеніе имѣла въ этомъ отношеніи та историческая обстановка, которая привела къ Бресту и пріобрѣла тамъ рѣзко очерченные контуры. Ибо къ Бресту логически велъ октябрьскій переворотъ, свершенный подъ флагомъ „немедленнаго мира“, и въ то же время въ Брестѣ Россія уже выступала совершенно обезсиленной, въ качествѣ *совершенно нереальной, въ международномъ смыслѣ, величины*, такъ какъ тотъ же октябрьскій переворотъ являлся актомъ *окончательнаго разрушенія русской государственности*.

На самомъ дѣлѣ, поскольку совѣтская делегація искренно [1])

[1]) Основанія ставить подъ вопросъ искренность этой вѣры даны двумя авторитетами—признанными выразителями идей и чувствъ обоихъ крыльевъ совѣтской власти. Одинъ изъ нихъ—участникъ брестскихъ переговоровъ о перемиріи С. Мстиславскій, обмолвившійся въ своей книгѣ „Брестскіе переговоры“ крылатой фразой: „въ лучшемъ случаѣ—это (возможность „говорить черезъ головы правителей“) добросовѣстное, но тѣмъ не менѣе глубокое заблужденіе. Баракъ конференціи въ Брестѣ—въ этомъ смыслѣ—

вѣрила въ возможность „порвать порочный кругъ имперіалистической войны“ и во всѣ выдвигавшіеся ею за время наматыванія брестскаго узла лозунги, она могла основать свою вѣру—и ее основывала—на надеждѣ „разжечь движеніе пролетаріата всѣхъ странъ въ пользу мира“. Достаточно просмотрѣть номера „Извѣстій Центральнаго Исполнительнаго Комитета“ за періодъ брестскихъ переговоровъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Защищалась ли готовность совѣтской власти „мира не подписывать, но и войны не объявлять,“ проповѣдывалась ли „священная война противъ хищнаго германскаго имперіализма“ или доказывалась неизбѣжность принять условія „несчастнаго мира“—лейтмотивомъ всегда была эта надежда на „революціонный пролетаріатъ“... не Россіи, нѣтъ, а другихъ странъ. Конечно, тема мѣнялась соотвѣтственно тому рѣшенію, которое выносилось въ каждый данный моментъ совѣтской властью,—въ силу этого внутренней логической связи нельзя найти въ развитіи этихъ темъ. Но лейтмотивомъ неизмѣнно оставалась надежда на помощь *извнѣ*. Комментируя, напр., отказъ делегаціи подписать мирный договоръ, предложенный австро-германскими дипломатами, „Извѣстія“ писали 30 января: „Какой же смыслъ имѣетъ вся эта тактика русской мирной делегаціи? Да такой же, какой имѣетъ вся внѣшняя политика русскаго пролетаріата. По существу, декларація нашей делегаціи есть аппеляція къ народамъ, къ трудящимся массамъ всего міра и особенно австрогерманской коалиціи... И если даже народы Европы на призывной кличъ русской революціи не отзовутся сегодня, то мы глубоко убѣждены, что близокъ день, когда подъ ихъ напоромъ падутъ послѣднія твердыни всемірнаго имперіализма и будутъ взяты штурмомъ послѣднія Бастиліи буржуазнаго насилія“. Въ другой стадіи брестскихъ переговоровъ, стадіи „священной войны“, когда въ Австріи, а затѣмъ въ Германіи, начались рабочія волненія, русская революція провозглашалась побѣдительницей, ибо революціонный пролетаріатъ запада „заговорилъ“. „Пролетаріи Австро-Венгріи и Германіи—читаемъ мы въ №-рѣ отъ 20 января—спѣшатъ на помощь русской революціи. Они не позволятъ австро-германскому имперіализму раздавить молодую соціалистическую республику: правителямъ центральныхъ державъ теперь уже не до того, чтобы подавлять революцію въ чужихъ краяхъ, имъ приходится тушить пожаръ въ собственныхъ странахъ“. Подписаніе „несчастнаго мира“ опять побудило офиціальный органъ совѣтской власти мотивировать неизбѣжность всего совершеннаго тѣмъ, что „соціали-

---

заглухо замурованный казематъ“ (стр. 30). Врядъ ли объ искренности своей и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ свидѣтельствуетъ и Ленинъ. Въ статьѣ, подписанной его старымъ псевдонимомъ „Карповъ“ („Правда“ отъ 21 февраля), онъ назвалъ „революціонной фразой“ тѣ именно лозунги, которыми все время и оперировала совѣтская власть въ области своей внѣшней политики„.

стическая революція пока еще не наступила" на Западѣ: „въ данный моментъ—писали „Извѣстія" въ №-рѣ отъ 5 марта 1918 г.—у рабочихъ центральныхъ державъ нѣтъ еще достаточно силъ, чтобы ударить въ тылъ своимъ имперіалистамъ и тѣмъ поддержать революціонную борьбу русскаго народа. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ у совѣтской власти не было другого выхода, какъ подписать предложенный германцами миръ, какими бы чудовищно тяжелыми, грабительскими, насильническими ни были его условія". На этой то надеждѣ, на убѣжденіи, что „русская революція погибнетъ, если она не перекинется на другія страны" и оттуда не придетъ спасеніе, и основывалась вся „политика" совѣтской власти. Другими словами, базой ея было не то фактическое соотношеніе силъ договаривающихся странъ, которое одно опредѣляетъ, въ области международныхъ отношеній, реальное содержаніе войны и мира, а ожиданія вмѣшательства извнѣ, появленія своего рода dei ex machina въ лицѣ „возставшаго пролетарія Запада"...

Уже одной такой постановкой вопроса удѣльный вѣсъ Россіи, какъ цѣлостной государственной единицы, сводился на нѣтъ въ ходѣ мирныхъ переговоровъ, а, слѣдовательно, и вообще въ міровой жизни. Государственная организація Россіи сознательно вычеркивалась изъ списка дѣйственныхъ факторовъ этой жизни, страна, какъ таковая, переставала быть субъектомъ международныхъ отношеній, и на смѣну ея въ этой роли выступалъ уже классъ, организованный внѣ національно-государственныхъ рамокъ, космополитически... Какъ намъ уже приходилось отмѣчать [1]), въ извѣстной мѣрѣ подобное пренебреженіе ролью государства въ вопросахъ войны и мира диктовалась идеологической концепціей международной жизни, свойственной дѣятелямъ октябрьскаго переворота. Вертикальное дѣленіе международнаго общества, дѣленіе его на націи-государства, изъ взаимоотношеній которыхъ складывается международная жизнь, они въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ подмѣняли дѣленіемъ горизонтальнымъ, соотвѣтственно классовому расчлененію современнаго хозяйственнаго организма, соотвѣтственно опредѣлившимся внутри каждаго государства имущественнымъ отношеніямъ. Государственный аппаратъ имъ и рисовался именно ненужной ветошью [2]), что, разумѣется, сильно принижало его значеніе въ тѣхъ переговорахъ, какіе начаты были совѣтской делегаціей въ Брестѣ.

Къ этой постановкѣ вопроса присоединялось, однако, еще одно

---

[1]) См. „Русское Богатство" кн. 11—12 за минувшій годъ.

[2]) Въ „Правдѣ" появилась даже статья, сочувственно цитировавшая извѣстное изрѣченіе М. Бакунина о государствѣ, какъ оплотѣ классового господства эксплуататоровъ. Ленинъ же во время одного изъ своихъ выступленій въ Таврическомъ дворцѣ прямо говорилъ о томъ, что диктатура пролетаріата является переходной ступенью къ уничтоженію государства.

обстоятельство, не только лишавшее Россію самостоятельнаго значенія, но и необходимо превращавшее ее въ пассивную и страдательную сторону въ международныхъ отношеніяхъ, въ объектъ международной жизни. Въ Брестѣ сошлись, вѣдь, не двѣ качественно равноцѣнныя величины—международный капиталъ и международный трудъ, и „поединокъ“ завязался не между представителями этихъ общественныхъ группировокъ, вступившихъ въ „послѣдній и рѣшительный бой“. Въ Брестѣ происходила гораздо болѣе скромная, если мѣрить ее международнымъ масштабомъ, но, по природѣ своей катастрофичная съ точки зрѣнія судебъ Россіи встрѣча двухъ политически разнородныхъ величинъ. Здѣсь сошлись съ одной стороны представители прекрасно организованнаго военнаго государства, дѣйствующіе соотвѣтственно реальному значенію этого государства въ международной жизни, а съ другой—группа лицъ, представляющая антигосударственные элементы русскаго общества, и возлагающая всѣ свои надежды на помощь извнѣ. Что болѣе мощная сторона направитъ ходъ событій соотвѣтственно *своимъ* планамъ—нельзя было сомнѣваться, если принять во вниманіе такую разноцѣнность встрѣтившихся за столомъ совѣщаній величинъ. Уже въ первые моменты этой встрѣчи—когда брестскій узелъ, впослѣдствіи оказавшійся для Россіи мертвой петлей, только завязывался переговорами о перемиріи —представители центральныхъ державъ дали совершенно ясно почувствовать, что въ Брестѣ процедура мирныхъ переговоровъ должна соотвѣтствовать общепринятымъ нормамъ отношеній между двумя мирящимися *государствами*. Г. С. Мстиславскій,—книга котораго о брестскихъ переговорахъ, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ недостаткахъ, проливаетъ свѣтъ на дѣйствительную, не расцвѣченную революціонной фразой обстановку переговоровъ—опредѣленно свидѣтельствуетъ о такомъ именно направленіи послѣднихъ представителями центральныхъ державъ. „Каждый разъ, какъ Каменевъ заканчиваетъ (свои программныя заявленія)—пишетъ онъ—мы слышимъ отъ Гофмана все тотъ же, но все болѣе и болѣе настойчивый „refrain“, смыслъ котораго: „давайте говорить о *дѣлѣ*“... Въ короткихъ, уклончивыхъ, но такъ опредѣленно уклончивыхъ отвѣтахъ ясно и томительно-настойчиво слышалось: „довольно же! Ну, мы понимаемъ, что этотъ „обрядъ“ заявленій о мирѣ всего міра необходимъ, обязателенъ для васъ, соціалистовъ и революціонеровъ. Мы подчиняемся: декларируйте, заносите въ протоколы, но—ради Создателя—не затягивайте этой обрядности. Вѣдь вы же не только революціонеры, вы и политики: должны же вы понимать, что все это для насъ—„милитаристовъ“ и „имперіалистовъ“—только „кимвалъ бряцающій“ и притомъ бряцающій отнюдь не мелодично. Не злоупотребляйте же „революціонной дипломатіей“: кончайте декламацію и перехо-

дите къ дѣлу, къ переговорамъ о сепаратномъ перемиріи [1])"... И въ самомъ дѣлѣ—идя на переговоры съ совѣтской властью Германія и ея сателлиты видѣли въ стремленіи послѣдней къ миру лишь признаніе военной несостоятельности Россіи, какъ государства, представляемаго совѣтской делегаціей. Разумѣется, ихъ нѣсколько пугала возможность „внутреннихъ обваловъ" въ странахъ четверного союза подъ вліяніемъ „русской заразы". Но выгоды мира, заключеннаго хотя бы и съ временной, не имѣющей возможности расчитывать на длительное существованіе властью, которая явилась плодомъ такого же „внутренняго обвала" въ Россіи, перевѣшивали всѣ отрицательныя послѣдствія—къ тому же проблематичныя—переговоровъ съ этой властью. Вѣдь возможность „обваловъ" открывалась и отсутствіемъ реальныхъ побѣдъ, которыя оправдывали бы понесенныя населеніемъ жертвы. Самый же фактъ переговоровъ съ государствомъ, центральные органы котораго держатся на одной только грубой, неорганизованной силѣ деклассированной массы уставшихъ отъ войны и продленія ея нежелающихъ солдатъ, закрѣплялъ за Германіей и ея союзниками всѣ плоды ихъ военныхъ успѣховъ, отдавалъ Россію, фактически, въ ихъ руки. Имѣя въ своемъ активѣ политическое и экономическое господство надъ послѣдней, легче столковаться и съ западными противниками и предупредить „обвалы" у себя. Такъ именно разсматривались брестскіе переговоры нѣмецкой печатью, отражающей взгляды правящихъ круговъ Германіи. Въ „Kölnische Zeitung", напр., во время переговоровъ появилась руководящая статья подъ характернымъ заголовкомъ „Большевики и мы", гдѣ реальное положеніе, какъ оно рисовалось противной сторонѣ, анализируется съ полной откровенностью и опредѣленностью.

„Слѣдуетъ—читаемъ мы здѣсь—вглядѣться въ общее положеніе, въ какомъ находится теперешняя петербугская власть, чтобы получить ясное представленіе, съ какой ставкой она приступаетъ къ дипломатической игрѣ. По мѣрѣ послѣдовательнаго развитія революціи все ощутительнѣе становились внутреннія противорѣчія, противорѣчія между отдѣльными частями огромнаго государства. Что было желательно для сѣвера, не отвѣчало желаніямъ юга, казаковъ, сибиряковъ... Но въ первую голову большевикамъ пришлось

---

[1]) С. Мстиславскій „Брестскіе переговоры", стр. 27—28. Радекъ въ „Извѣстіяхъ" (№ отъ 14 февраля) тоже писалъ, что германская дипломатія разсматривала революціонную фразеологію делегаціи лишь какъ декламацію. „Правда, русское рабочее правительство посылаетъ" всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ" радіотелеграммы, возбуждающія пролетаріатъ всѣхъ странъ къ революціи... Но все это такъ полагается по ритуалу—смѣясь, заявилъ мнѣ одинъ изъ умнѣйшихъ нѣмецкихъ дипломатовъ, членъ мирной делегаціи Рипперъ... насъ это нисколько не коробитъ—прибавилъ онъ снисходительно—мы знаемъ, что таково ваше ремесло. Вѣдь каждый говоритъ такъ, какъ онъ привыкъ"...

почувствовать эти противорѣчія *въ военномъ отношеніи...* Въ населеніи, какъ и въ войскѣ послѣ пораженія на полѣ битвы, наблюдалось *страстное стремленіе къ миру, и удовлетворить это стремленіе надо было въ самый краткій срокъ, если большевики*, расчитывая на это, *хотѣли остаться у власти.* Оттого большевики и стали хлопатать о мирныхъ переговорахъ, которые тогда же и начались." Отдавая должную дань „инстинкту политическаго самосохраненія", проявленному совѣтской властью въ этомъ ея шагѣ, и отмѣтивъ надежды ея на внутреннія неурядицы въ странахъ четверного союза, газета продолжала: „эти расчеты большевиковъ ложны, и они скоро сами убѣдятся, каково на самомъ дѣлѣ положеніе вещей, если они, въ надеждѣ на поддержку соціалъ-демократіи, прибѣгнуть къ попыткамъ затянуть дѣло. *Ихъ военная мощь пришла къ концу.* Полагаясь на свои собственныя силы, они не въ состояніи одержать ни одной побѣды, а помощи отъ своихъ союзниковъ имъ ждать нечего... Чтобы удержать власть— имъ необходимо преподнесть своему народу какіе нибудь результаты, и притомъ результаты немедленные и значительные. А въ данный моментъ такимъ результатомъ ихъ политики можетъ быть только *миръ.* Погоня за миражемъ интернаціональнаго благополучія народовъ можетъ лишь привести къ краху... Вѣдь среднеевропейскія державы... идя навстрѣчу желанію большевиковъ начать мирные переговоры, тѣмъ самымъ признали ихъ захваченную силою власть: петербургскіе правители несомнѣнно, достигли благодаря этому значительнаго укрѣпленія своихъ позицій... Но имъ неустанно должно быть указываемо, что *Россія побѣждена.* Нашимъ оружіемъ помогли мы революціонному движенію въ Россіи поднять голову, нашимъ же оружіемъ мы поразили революціонныя арміи Россіи, и это оружіе еще въ достаточной мѣрѣ остро отточено, чтобы ринуться съ нимъ въ новыя битвы, если въ этомъ представится надобность. И не разлетится ли въ этомъ случаѣ власть большевиковъ, какъ отъ дуновенія вѣтра—вотъ вопросъ, который слѣдуетъ петроградскимъ правителямъ поставить себѣ [1])".

Здѣсь на лицо всѣ признаки объективнаго учета реальной силы противника, какъ *государства, пережившаго огромный „внутренній обвалъ"* и не только не создавшаго для себя новыхъ формъ

---

[1]) „Die Boscheviki und Wir," Kölnische Zeitung отъ 8 января 1918 г. Совершенно тожественно оцѣнивалось положеніе и другими органами печати. „Tägliche Rundschau", напр., будировавшая противъ „умѣренныхъ" аппетитовъ Гертлинга, утверждала въ N-рѣ отъ 4 февраля 1918 г.: „въ Брестъ Литовскѣ мы встрѣтились съ Россіей, какъ побѣдители съ побѣжденной страной, страной съ небоеспособной арміей, съ анархіей внутри, съ правительствомъ, непризнаннымъ большинствомъ народа". Berliner Local Anzeiger еще рѣзче и опредѣленнѣе, если только это возможно, подчеркнулъ (24 января), что въ Брестѣ „наша побѣда на востокѣ закрѣплена. Врагу данъ окончательный шахъ и матъ, такъ что съ нимъ мы можемъ не считаться въ дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій".

государственной жизни, послѣ февральскаго крушенія старой государственности, но, напротивъ, съ октябрьскихъ дней *углублявшаго всеми силами свой собственный политическій распадъ*. Изъ этого же учета дѣлался и определенный выводъ: дѣйствительный удѣльный вѣсъ утерянъ Россіей, Россія побѣждена, а слѣдовательно и условія мира ей будутъ продиктованы на остріѣ меча. Естественно, что встрѣча въ Брестѣ должна была необходимо кончиться полной капитуляціей совѣтской власти на милость побѣдителя. Ибо у совѣтской власти *нечего*, абсолютно нечего было противопоставить державамъ четверного союза. Сознательно разложившая военную мощь государства, сознательно отказавшаяся использовать государственный аппаратъ въ международныхъ отношеніяхъ, она волей-неволей принуждена была признать себя совершенно несостоятельной, какъ власть государственная. И „несчастный миръ" былъ такимъ ея признаніемъ, своего рода testimonium paupertatis. Ей ничего не оставалось дѣлать, какъ только слѣдовать указкѣ болѣе сильнаго противника, отдать рѣшеніе судебъ всего государства, отъ имени котораго она дѣйствуетъ, въ руки послѣдняго...

Но государство, которое перестаетъ быть активнымъ участникомъ международной жизни, перестаетъ быть объектомъ ея, неизбѣжно становится объектомъ международнаго воздѣйствія, страдательной стороной. Судьбы Турціи, Персіи, Китая—достаточно показательные примѣры этого. Историческая Немезида, въ расплату за отсутствіе въ русскомъ народѣ чувства государственности, лишившее его возможности перейти послѣ февральскихъ дней къ государственному строительству и толкнувшее его, въ слѣпой погонѣ за „миромъ во чтобы то ни стало", къ „углубленію революціи" — повидимому уготовляетъ Россіи долю, аналогичную судьбамъ „больного человѣка" Европы... И это превращеніе Россіи изъ субъекта международной жизни въ ея объектъ—слѣдуетъ признать главнѣйшимъ политическимъ итогомъ Бреста.

II.

«Внутренніе обвалы».

Брестская политика совѣтской власти основывалась на надеждѣ что тяготы военнаго времени и вскрытая переговорами безпомощность „пролетарской" и „соціалистической" Россіи вызовутъ за рубежомъ широкое массовое движеніе „русскаго образца", создадутъ повсюду центры „соціальной бури". Спасена „совѣтская республика" должна была быть образованіемъ „международной республики совѣтовъ"...

И за время брестскихъ переговоровъ имѣло мѣсто кое что, какъ будто укрѣплявшее эту надежду. Въ Австріи 14 января вспыхнули массовые безпорядки, вскорѣ перекинувшіеся въ Гер-

манію. Въ теченіи нѣсколькихъ дней политическій барометръ тамъ угрожающе падалъ. Казалось, что пробилъ часъ и военнаго государства центральныхъ имперій, что подъ напоромъ извнѣ и изнутри государственный бытъ ихъ далъ уже значительныя трещины То обстоятельство, что военная цензура сразу же задернула плотную завѣсу тайны надъ австрійскими событіями и не позволила свѣдѣніямъ о нихъ проскользнуть даже въ союзную Германію [1])—говорило, какъ будто, объ исключительномъ значеніи происходившаго... Соотвѣтственно поднималось настроеніе совѣтской власти въ Россіи. „Правда" торжественно провозглашала что „красный флагъ поднятъ", а „Извѣстія" помѣщали длинныя статьи на тему о томъ, что „грядетъ міровая революція". Но этихъ надеждъ событія, все таки, не оправдали, и спасеніе „совѣтской республики" не послѣдовало. Движеніе прошло, „несчастный миръ" былъ подписанъ—и австрійскіе и германскіе соціалисты прямо и откровенно заявили, что разсчеты совѣтской власти на ихъ движеніе были абсолютно несостоятельными. Болѣе того—явно несостоятельные расчеты, отдавъ Россію на произволъ „германскому имперіализму", содѣйствовали дискредитированію соціализма и укрѣпленію захватныхъ настроеній въ центральныхъ державахъ 8 марта „Vorwärts" писалъ, что „Сокольниковъ (руководитель послѣдней, миръ подписавшей делегаціи) требуетъ отъ насъ невозможнаго; только сама Россія могла помочь себѣ". Столь же опредѣленно высказалась „Arbeiter Zeitung" въ №-рѣ отъ 5 марта. „Англійская и французская революція—говоритъ газета—возрождали военную мощь, русская—уничтожила ее. Малокультурный, безграмотный русскій крестьянинъ, лишенный національнаго чувства и всякаго политическаго сознанія, оказался неспособнымъ защищать родину и революцію, когда принудительная дисциплина отпала." Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ газеты констатируютъ, что пораженіе русской революціи нанесло тяжелый ударъ соціализму: „соціализмъ всѣхъ направленій потерпѣлъ пораженіе въ этой войнѣ", замѣчаетъ, напр., „Vorwärts" и полагаетъ, что „при блестящихъ успѣхахъ германскаго оружія трудно быть скромнымъ". И торжество шовинизма настолько широко захватило народныя массы и Австріи и Германіи, что не только отправка австрійскихъ и германскихъ отрядовъ противъ „соціалистической республики" не вызвала среди соціалистовъ Австріи и Германіи никакихъ про-

[1]) Органъ баварскихъ соціалъ-демократовъ, „Münchener Post", напр., писалъ 7 января: „Агентство Вольфа сообщаетъ намъ лишь скудныя свѣдѣнія о происходящихъ, въ связи съ переговорами въ Брестъ Литовскѣ, большихъ мирныхъ демонстраціяхъ въ Вѣнѣ... Итакъ, отъ германскаго народа скрываются важныя обстоятельства, которыя помогли бы ему судить о политическомъ и экономическомъ положеніи нашей союзницы". „Vorwärts'у", изъ за цензурныхъ стѣсненій, пришлось отозваться на австрійскія событія туманнымъ, но, на первый взглядъ, безпредметнымъ выраженіемъ сочувствія австрійскимъ рабочимъ, и даже подвергнуться закрытію...

тестовъ, но и сами эти послѣдніе, какъ сообщаетъ изъ Копенгагена корреспондентъ „Власти Народа“, „открыто выступаютъ въ защиту шовинистическихъ идей. Обрадованные дешевымъ успѣхомъ на востокѣ, они, подъ предлогомъ защиты интересовъ рабочаго класса, требуютъ установленія экономической и политической зависимости Бельгіи“... Такимъ образомъ, движеніе, взволновавшее поверхность политической жизни центральныхъ державъ, прошло почти безслѣдно для международныхъ судебъ Россіи, „совѣтскую республику“ не спасло и картины соціальной революціи не дало.

Но, за всѣмъ тѣмъ, симптоматичность этого движенія, несомнѣнно, велика. Въ австрійскомъ и германскомъ эпизодахъ мы имѣемъ дѣло съ начавшимися, но быстро задержанными и предупрежденными грандіозными „внутренними обвалами“. Въ этомъ отношеніи оба эти эпизода—не изолированные факты революціоннаго движенія, рожденные логикой политическаго и экономическаго прогресса той или иной страны, а именно эпизоды, частичное проявленіе того стихійнаго процесса политическаго и хозяйственнаго распада, который охватилъ собою всѣ—и воюющія и нейтральныя—страны, оказавшіяся подъ тяжелымъ прессомъ войны. Характерно, что революціонныя движенія даннаго типа вспыхиваютъ въ настоящее время не только въ такихъ государствахъ, какъ Австрія или Германія, гдѣ для ихъ возникновенія имѣются непосредственныя идейныя причины въ видѣ защиты отъ притязаній отечественнаго аннексіонизма „мира безъ аннексій и контрибуцій“ и „права націй на самоопредѣленіе“, но и въ такихъ, какъ Швейцарія или Испанія, гдѣ этихъ причинъ нѣтъ, либо гдѣ онѣ не въ состояній толкнуть—и не толкаютъ—народныя массы на рѣшительную борьбу. Какъ разъ въ разгаръ австрійскихъ и германскихъ событій въ Испаніи, напр., безпорядки приняли столь же грандіозный характеръ, какъ и въ Германіи... 20 января, напр., Петроградское телеграфное агентство получило свѣдѣнія, что эти „безпорядки продолжаются и охватываютъ все большій районъ. Въ Валенсіи всеобщая забастовка. Тоже самое происходитъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Въ Малагѣ остановилась работа въ докахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Повсюду женщины устраиваютъ грандіозныя демонстраціи. Вездѣ при столкновеніяхъ съ полиціей множество убитыхъ и раненыхъ. Въ Малагѣ тысячныя толпы женщинъ камнями разбивали окна домовъ въ богатыхъ кварталахъ. Крупныя столкновенія произошли въ Барселонѣ и Сантандерѣ“. Не менѣе характерно и то, что именно въ такихъ, сравнительно даже мало затронутыхъ войною непосредственно, но обладающихъ относительно низкимъ уровнемъ хозяйственной культуры странахъ движеніе оказывается упорнѣе, чѣмъ въ Австріи или особенно Германіи, болѣе или менѣе быстро изжившихъ свои „обвалы“. Еще 8 февраля, напр., мадридскія газеты выражали, по сообщенію П. Т. А., опасенія по поводу вспышки значительныхъ стачекъ въ Испаніи,

и совѣтъ министровъ рѣшилъ принять экстренныя мѣры противъ злоупотребленій въ продажѣ съѣстныхъ припасовъ и установить карточную систему распредѣленія важнѣйшихъ предметовъ потребленія. Наконецъ, развѣ не знаменательна, какъ свидѣтельство того, что движеніе носитъ отпечатокъ „внутреннихъ обваловъ", градація въ степени интенсивности движенія, градація обратно пропорціональная культурному уровню охваченной этимъ движеніемъ страны? Австрія изжила кризисъ съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ болѣе мощная въ хозяйственномъ и политическомъ отношеніи Германія. При этомъ, наиболѣе рѣзкія формы движеніе въ первой приняло въ наиболѣе отсталыхъ провинціяхъ—въ сельскохозяйственной Венгріи, въ Чехіи. Испанія же еще до сихъ поръ находится во власти непрерывно возникающихъ вотъ ужъ болѣе года внутреннихъ потрясеній. Въ Италіи „антипатріотизмъ" настолько силенъ, что тамъ массовые безпорядки теперь представляютъ собою заурядное, бытовое явленіе. А наименѣе культурная и потому наименѣе крѣпкая Россія уже изжила свой кризисъ, но изжила его только окончательно разложившись, окончательно утерявъ свою внутреннюю государственную спайку и фактически совершенно уничтожившись, какъ государственный организмъ...

Въ этомъ именно характерѣ ихъ, какъ „внутреннихъ обваловъ", и заключается главнѣйшее историческое значеніе австрійскихъ и германскихъ событій. Пройдя относительно безслѣдно въ международной жизни, быстро введенное въ организованныя рамки и снабженное конкретными цѣлями, движеніе въ Австріи и Германіи было своего рода „memento mori". Оно сыграло роль предостереженія, оно засвидѣтельствовало непрочность внутренней спайки даже тамъ, гдѣ, казалось, эта спайка достаточно крѣпка и надежна, чтобы выдержать напряженіе міровой войны...

Событія возникли какъ въ Австріи, такъ и въ Германіи, чисто стихійно. Телеграфныя свѣдѣнія относятъ ихъ возникновеніе къ 14 января. Но, по существу, неоформленное движеніе въ пользу немедленнаго мира и волна протеста противъ продовольственной нужды зародились здѣсь много раньше этой даты. Сжатая желѣзнымъ кольцомъ блокады, подобно Германіи, но не обладающая, подобно ей, крѣпкой, устойчивой государственностью, Австрія накопила, въ теченіи всей войны, несравненно большіе запасы горючаго матерьяла. Политическая атмосфера тамъ все время, поэтому, была накалена въ большей степени, чѣмъ въ Германіи, и вспышки бурныхъ протестовъ то противъ недостатка продуктовъ, то противъ войны, разбивающей матеріальное благосостояніе массъ происходили тамъ и чаще и раньше, чѣмъ въ послѣдней. Улицы Вѣны въ теченіи послѣдняго года неоднократно бывали свидѣтелями демонстрацій и безпорядковъ, иногда достигавшихъ весьма крупныхъ размѣровъ. Такъ, напр., 11 ноября 1917 г. свыше 30

тысячъ душъ приняло участіе въ шествіи съ лозунгами „Да здравствуетъ миръ!“ „Миръ во чтобы то ни стало“, „Немедленный миръ“ и т. д. Нѣсколькими днями спустя, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ „Neue Züricher Zeitung“ отъ 21 ноября, декретъ о запрещеніи занимать мѣста въ „продовольственныхъ хвостахъ“ еще съ ночи вызвалъ стычки съ полиціей и разгромъ лавокъ и рынковъ: почти никто не повиновался декрету, и ночныя дежурства въ „хвостахъ“ продолжались, а попытки полиціи разгонять собиравшихся толкали толпу на разграбленіе рыночныхъ ларей и складовъ... Уже по этимъ эпизодамъ—а ихъ за послѣдніе мѣсяцы было не мало — можно судить объ упадкѣ той самодисциплины, которая свойственна западно-европейскому и, въ частности, австрійскому рабочему и является основной гарантіей государственной устойчивости при сколько нибудь демократическомъ строѣ. Очевидно, что внутреннія спайки въ Австріи, вообще менѣе крѣпкія, чѣмъ въ Германіи, въ силу наличія обостренной національной розни и пороковъ бездарной бюрократіи, не выдержали напряженія, созданнаго войною, и начали поддаваться. Достаточно было толчка, чтобы произошелъ разрывъ. Но и въ Германіи далеко не все обстояло благополучно. „Daily Chronicle“ (4 декабря) передаетъ, напр., отзывъ одного нейтральнаго дипломата, имѣвшаго возможность близко наблюдать за послѣдніе мѣсяцы германскую жизнь и характеризовавшаго положеніе народныхъ массъ, какъ „крайне отчаянное“: „Дѣтская смертность достигаетъ огромныхъ размѣровъ; лишенія населенія не поддаются описанію. Не будь дисциплины и патріотизма, гибель страны стала бы уже совершившимся фактомъ. Жажда мира серьезно волнуетъ нѣмецкое правительство“. И, дѣйствительно, массовыя забастовки участились, въ теченіи 1917 г., въ Германіи (напомнимъ хотя бы апрѣльскую стачку), и популярность группы „Спартакъ“ и „независимыхъ“ соціалистовъ сильно возрастала. Здѣсь также напряженіе достигло значительной степени, и когда въ рейхстагѣ дебатировался вопросъ о закрытіи въ связи, съ австрійскими событіями, „Vorwärts“, Шейдеманъ имѣлъ полное основаніе сказать, что настроеніе германскихъ рабочихъ напоминаетъ собою настроеніе рабочихъ австрійскихъ въ канунъ стачекъ. Здѣсь, такимъ образомъ, тоже достаточно было лишь толчка, чтобы началось серьезное движеніе...

Такой толчекъ былъ данъ отчасти брестскими мирными переговорами, на которые австрійскіе и германскіе рабочіе смотрѣли, какъ на прелюдію къ окончательной и всеобщей ликвидаціи войны. Отчасти—этотъ толчекъ былъ данъ деклараціями руководителей союзной внѣшней политики, въ частности Ллойдъ-Джорджа и Вильсона, опредѣленно сводившими на нѣтъ угрозу аннексій со стороны странъ согласія, и отчасти же рѣзкимъ обостреніемъ продовольственной нужды. Такъ какъ и жажда мира во что бы то ни стало и про-

довольственная нужда ощущались несравненно рѣзче въ Австріи, то всѣ эти причины явились толчкомъ, прорвавшимъ плотину, прежде всего именно въ Австріи. Маленькій первоначально эпизодъ—стачка небольшой фабрики моторовъ въ Винеръ-Нейштадтѣ въ Нижней Австріи, начавшаяся тѣмъ, что персоналъ фабрики, что-то около 200 человѣкъ, вдругъ бросилъ работу и вышелъ на улицу съ требованіемъ мира и демилитаризаціи предпріятія [1])—сразу же развился въ мощное, охватившее всю страну движеніе. Мѣстами, оно приняло характеръ вооруженныхъ столкновеній и даже баррикадныхъ боевъ, и жизнь повсюду замерла. Въ Вѣнѣ, напр., не работалъ трамвай, не выходили газеты, кромѣ „Arbeiter-Zeitung“ и „Mitteilungen an Arbeiter“, листковъ, издававшихся стачечнымъ комитетомъ, составившимся по образу русскихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, и происходили непрерывно тысячныя демонстраціи, попытки прорваться къ центру города изъ рабочихъ кварталовъ (Флорисдорфа и др.) и т. д., и т. д. Въ Будапештѣ на улицахъ шла, къ тому же, стрѣльба и со стороны полиціи, и со стороны рабочихъ; въ Прагѣ движеніе усложнилось еще національнымъ моментомъ, такъ какъ чехи созвали свой съѣздъ и, пользуясь забастовкой, объявили Чехію независимой республикой... Но подобный результатъ небольшого, изолированнаго въ началѣ выступленіе винеръ-нейштадскихъ рабочихъ могъ получиться только въ силу наличности отзывчивости въ странѣ, въ силу сложившихся повсюду, но до того не проявлявшихся въ столь рѣзкихъ формахъ настроеній. Именно благодаря однообразію нѣсколько неопредѣленныхъ, не вполнѣ продуманныхъ, но глубоко прочувствованныхъ настроеній стачка 200 слесарей могла въ три дня превратиться въ грандіозную волну, захлеснувшую всю страну. И достаточно проглядѣть номера „Arbeiter-Zeitung“ за время, непосредственно предшествовавшее движенію, чтобы убѣдиться въ наличности подобныхъ настроеній. Въ № отъ 14 января, напр., приведены почти тожественныя резолюціи пяти митинговъ вѣнскихъ рабочихъ, въ которыхъ совершенно опредѣленно сказывается огромный напряженный интересъ, съ какимъ рабочая масса Вѣны слѣдила за ходомъ мирныхъ переговоровъ и внѣшней политики. „Рабочіе требуютъ — говорилось въ этихъ резолюціяхъ,—чтобы

[1]) Въ Австріи, какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, предпріятія, работающія на оборону, были милитаризованы, т. е. рабочіе превращены въ военнообязанныхъ и не могли ни бастовать, ни покидать предпріятія самостоятельно. Въ Англіи и то и другое было тоже запрещено. Рабочимъ, ищущимъ работы въ другомъ предпріятіи, нужно было, по „актамъ о производствѣ аммуниціи“ (Munitions Acts 1915 и 1917 г.), представлять особыя разрѣшительныя свидѣтельства, т. наз. Leaving certificates, которыя выдавались лишь съ большими затрудненіями. И здѣсь, поэтому, накапливалось достаточно недовольства. Но англійское правительство быстро отмѣнило разрѣшительныя свидѣтельства.

переговоры въ Брестѣ велись въ согласительномъ, дружественномъ духѣ... Рабочіе массы рѣшительно требуютъ общаго мира, привѣтствуя усилія рабочихъ всѣхъ странъ окончить войну. Въ рѣчахъ Ллойдъ Джорджа и въ особенности Вильсона они видятъ признаки того, что даже вражескія правительства готовы, подъ давленіемъ рабочихъ, ограничить свои имперіалистическія воззрѣнія. Австрійскій пролетаріатъ протестуетъ противъ планомѣрнаго игнорированія и замалчиванія этихъ заявленій нѣмецкой и австрійской печатью и требуетъ, чтобы правительства центральныхъ державъ предложили всѣмъ враждующимъ правительствамъ демократическій миръ безъ аннексій и контрибуцій". Въ другомъ №-рѣ той же газеты (отъ 16-го января) помѣщено огромное воззваніе въ цѣлую страницу, зіяющее цензурными пробѣлами, въ которомъ выдвигается уже и другая причина массоваго недовольства—все возрастающія продовольственныя затрудненія, явившіяся слѣдствіемъ „нерадивости бюрократіи и алчности имущихъ классовъ, въ особенности австро-венгерскихъ аграріевъ".

Впрочемъ и резолюціи и воззваніе—опубликованное, къ тому же, тогда, когда стачка охватила собою всю страну—отражаютъ настроенія въ куда болѣе литературно обработанной и продуманной формѣ, чѣмъ та, въ которую эти настроенія выливались de facto. Съ момента выступленія австрійской соціалъ-демократіи, характеръ *стихійности* всего движенія, такъ ярко сказывавшійся въ первые два-три дня его, — нѣсколько стирается, и само движеніе оформляется, вводится въ организованные рамки. Появляются стачечные комитеты, руководство забастовкой постепенно переходитъ въ руки партіи, которая и вступаетъ въ переговоры съ правительствомъ. До того же лозунги движенія, отвѣчавшіе движущимъ силамъ послѣдняго, отнюдь не отличались ясностью и оформленностью. „Vossische Zeitung", напр., (22 января) разсказываетъ, что демонстранты на улицахъ Вѣны, возмущенные и домогательствами германскаго ген. Гофмана, произнесшаго свою извѣстную рѣчь на засѣданіяхъ мирныхъ делегацій въ Брестѣ, и сокращеніемъ мучнаго пайка, предписаннаго къ этому времени австрійскимъ министромъ продовольствія ген. Гоферомъ — смѣшивали этихъ лицъ и предписывали все генералу германскому. Такимъ образомъ, протестъ противъ брестскихъ домогательствъ курьезно сочетался съ протестомъ противъ продовольственной разрухи. Болѣе того—первоначально движеніе развивалось не только помимо вѣдома и контроля рабочей партіи, но и массы проявляли склонность слѣдовать лишь за наиболѣе экспансивными „крайне лѣвыми" элементами. Судя по „Mitteilungen an Arbeiter", въ первые моменты движенія оно не поддавалось контролю руководителей офиціальной австрійской соціалъ-демократіи — Виктора Адлера, Зейца, Карла Реннера—впослѣдствіи успѣвшихъ превратить его въ орудіе борьбы за конкретныя цѣли, а шло при бли-

жайшемъ участіи тѣхъ партійныхъ работниковъ, чья повышенная политико-соціальная возбудимость мѣшала имъ учитывать реальное положеніе и побуждала давать массамъ лозунги, въ которые тѣ вкладывали свое, отличное отъ толкованія его „руководителями", содержаніе. Группа сотрудниковъ еженедѣльника „Der Kampf", во главѣ съ „австрійскимъ большевикомъ" Отто Бауэромъ, побывавшимъ въ русскомъ плѣну и работавшимъ здѣсь съ большевиками, своей дѣятельностью создавала внутри партіи серьезныя тренія въ дни забастовки. Органу большинства пришлось обращаться къ „непослушнымъ" съ призывомъ не нарушать партійной дисциплины, а къ рабочимъ—съ увѣщаніемъ не поддаваться агитаціи крайнихъ, безсознательныхъ и безоотвѣтственныхъ элементовъ... Движеніе, такимъ образомъ, лишь съ трудомъ было поставлено, въ конечномъ счетѣ, подъ контроль партіи въ цѣломъ — да и то лишь въ нѣмецкой Австріи. Венгерская соціалъ-демократія пережила гораздо болѣе тяжелый кризисъ, завершившійся отставкой всего центральнаго комитета...

Въ конечномъ счетѣ, повторяемъ, контроль перешелъ въ руки партіи въ цѣломъ, что и позволило поставить движеніе въ строго-государственныя рамки, и тѣмъ предупредить превращеніе его въ тотъ катастрофическій соціальный сдвигъ, который повторилъ бы всю картину „внутреннихъ обваловъ" въ Россіи. Начатые партіей переговоры съ правительствомъ велись офиціальными руководителями ея, при участіи четырехъ выборныхъ отъ рабочихъ, и дали осязательные результаты. „Mitteilungen an Arbeiter" 20 января 1918 г. такъ излагали сущность уступокъ, которыми государственная власть поспѣшила скрѣпить государственность, начавшую было, подъ давленіемъ стихійнаго взрыва, распадаться и обваливаться: „Переговоры съ правительствомъ сегодня закончены. Правительство дало отвѣтъ на предъявленныя требованія... Если правительство будетъ согласовать свои дѣйствія съ сегодняшними заявленіями, то дѣло мира непоколебимо... Въ дальнѣйшемъ правительство приняло требованіе объ ограниченіи частной торговли въ дѣлѣ продовольственнаго снабженія, и объ ограниченіи прибылей мельниковъ, обязалось демократизировать избирательное право въ общинахъ, на основѣ всеобщности и полнаго равноправія половъ, обѣщало принять мѣры къ устраненію милитаризаціи производства и приняло на себя обязательство внести въ рейхсратъ проектъ закона, освобождающаго рабочихъ отъ угрозы военнымъ судомъ".

Приблизительно такъ же протекали и событія въ Германіи. Правда, нѣкоторая и довольно значительная разница въ картинѣ австрійскаго и германскаго движенія имѣлась. Различіе въ степени организованности рабочихъ, различіе въ общемъ культурномъ уровнѣ народа и степени хозяйственной выносливости сказались полностью въ ходѣ движенія. Такъ, гораздо большую роль въ зарожденіи забастовокъ въ Германіи, чѣмъ въ Австріи

играли соціалъ-демократы, и „независимые", и „офиціальные". Забастовочное движеніе, во всякомъ случаѣ хоть отчасти, подготовлялось. „Local Anzeiger" еще 13 января сообщалъ, что въ Берлинѣ и въ главныхъ промышленныхъ центрахъ Германіи распространяются летучія воззванія независимыхъ соціалистовъ и группы „Спартакъ" съ призывомъ къ забастовкѣ. Копенгагентскій „Sozial-democraten" приводитъ одно изъ такихъ воззваній, датированное 10 января. Въ этомъ воззваніи говорится, что „тернистый путь брестскихъ переговоровъ, обнаружившихъ явное стремленіе германскаго правительства аннексировать русскія области и навязать Россіи насильническій миръ, рисуетъ грозныя перспективы, чреватыя новыми конфликтами въ будущемъ. Нѣмецкій народъ и народное представительство устранены отъ контроля надъ переговорами, а вмѣсто того—внутри странъ разгулъ реакціи, пользующейся широкимъ просторомъ, затыкающей ротъ трудовымъ массамъ и скованной военной диктатурой независимой печати". Кончается оно призывомъ къ народу „сказать свое слово и предотвратить несчастіе, грозящее ему и всему человѣчеству"... Почти одновременно и „офиціальные" соціалъ-демократы выступили въ рейхстагѣ съ рѣзкой критикой аннексіонистскихъ плановъ правительства и заговорили тамъ совершенно имъ несвойственнымъ языкомъ. „Освободитесь отъ аннексіонистскихъ вліяній — говорилъ, напр., Шейдеманъ въ бюджетной комиссіи въ концѣ января—а если не можете, то лучше уйдите; если вы не можете осуществить мира съ Россіей, то лучше уйдите, пока васъ не смело". И напоминалъ, что положеніе въ Германіи то же, что и въ Австріи наканунѣ забастовки. А въ „Vorwärts" 28 января помѣщена была резолюція общаго собранія, гласившая: „Мы обращаемся къ пролетаріямъ Германіи и всѣхъ воюющихъ странъ съ призывомъ ко всеобщей забастовкѣ. Только международная классовая борьба дастъ намъ окончательный миръ, свободу и хлѣбъ". Такимъ образомъ забастовка и подготовлялась, и ей давались опредѣленные, заранѣе формулированные лозунги. Иначе говоря она не была и не могла быть въ такой мѣрѣ стихійной, какъ австрійская. Затѣмъ, несмотря на формальное отдѣленіе „независимыхъ" отъ партіи, оба крыла германской соціалъ-демократіи сразу же поставили подъ общій контроль вспыхнувшее движеніе и дѣйствовали во всѣмъ солидарно. Въ образовавшійся въ Берлинѣ совѣтъ рабочихъ депутатовъ и исполнительный органъ совѣта вошли въ равномъ числѣ представители и „независимыхъ" и „офиціальныхъ" — причемъ отъ послѣднихъ вошелъ самъ Шейдеманъ, вмѣстѣ съ Эбертомъ и Брауномъ, и отъ первыхъ—Гаазе, Ледебуръ и Дитманъ. Это еще болѣе содѣйствовало превращенію забастовки — охватившей къ 3 февраля Берлинъ, Гамбургъ, Дюссельдорфъ, Кассель, Мангеймъ, Временъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Лейпцигъ, Галле, Данцигъ и др., центры хозяйственной жизни страны — изъ стихійнаго движенія

въ движеніе планомѣрное и организованное, движеніе съ строго опредѣленными цѣлями и заданіями. И хотя оно протекало въ очень бурныхъ формахъ [1]), планомѣрность и большая политическая выдержка, сказавшаяся въ точной формулировкѣ требованій, составляли его отличительную черту отъ начала забастовки и до самаго конца, когда оно было подавлено суровыми репрессіями, массовыми арестами и т. д.

За всѣмъ тѣмъ и въ Германіи стачечное движеніе, въ общемъ, напоминало австрійскія событія. Роль соціалъ-демократіи свелась здѣсь главнымъ и преимущественнымъ образомъ къ быстрому овладѣнію ходомъ событій, возникшихъ *стихійно*, хотя партіей и дѣлались шаги къ возбужденію массъ на протестъ противъ „имперіалистическаго мира". „Забастовка возникла стихійно—телеграфировалъ І. Гольденбергъ изъ Стокгольма „Новой Жизни" (№ отъ 2 февраля)—помимо профессіональныхъ союзовъ. Видное участіе въ движеніи принимаетъ молодежь. Генеральная комиссія союзовъ постановила соблюдать нейтралитетъ, въ виду политическаго характера забастовки". И этотъ характеръ стихійности находитъ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ событій, предшествовавшихъ стачечной волнѣ конца января и свидѣтельствовавшихъ о стихійномъ наростаніи въ народныхъ массахъ глухого, но грознаго недовольства войною и обусловленнаго ею хозяйственной разрухой. Еще до забастовки уличныя манифестаціи стали обычнымъ явленіемъ на улицахъ Берлина, на которыхъ нерѣдко происходили и столкновенія съ полиціей. Ростъ недовольства сказывался настолько сильно и опредѣленно, что попытка крайнихъ милитаристскихъ элементовъ, объединившихся подъ эгидой адмирала фонъ-Тирпица въ Vaterlandspartei (отечественную партію) поднять шовинистическія настроенія—приводили къ прямо противоположному результату. Въ серединѣ января, напр., въ Іенѣ состоялся организованный этой партіей, большой митингъ, на коромъ четыре тысячи человѣкъ собравшихся, выслушавъ длинную рѣчь одного изъ ораторовъ въ пользу „войны до конца", вынесли резолюцію, требующую „мира по соглашенію". Очевидно, „нервы" на хорошемъ состояніи которыхъ Гинденбургъ строилъ свои военные расчеты, значительно ослабѣли, стали болѣзненно чувствительными: патріотическій или, точнѣе, шовинистическій подъемъ настроеній уступилъ уже упадку вѣры въ возможность конечной побѣды и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабилъ внутреннюю спайку въ Германіи.

И нужно замѣтить, что основаній къ этому накопилось тамъ къ моменту вспышки далеко не мало. Несмотря на превосходную организацію, созданную въ Германіи государствомъ для борьбы съ

---

[1]) Въ Берлинѣ, напр., рабочіе задерживали трамвайное движеніе, опрокидывали вагоны, рѣзали провода. Въ рабочихъ кварталахъ (Моабитъ и др.) происходили столкновенія съ полиціей, были избитые и раненые съ обѣихъ сторонъ.

отрицательнымъ вліяніемъ войны на хозяйственную жизнь, напряженіе производственныхъ силъ, потребовавшееся отъ населенія для поддержанія сложнаго и расточительнаго военнаго аппарата, оказалось непосильнымъ. Даже эта организація угрожающе затрещала подъ бременемъ обслуживанія всѣхъ колоссальныхъ и національныхъ нуждъ фронта и тыла, что и сказалось на „лакмусовой бумажкѣ“ переживаемаго времени — продовольственномъ дѣлѣ. Желѣзныя правила распредѣленія продуктовъ, сразу же введенныя германскимъ правительствомъ съ начала войны и гибкій, за все время послѣдней совершенствовавшійся распредѣлительный аппаратъ перестали быть такими же дѣеспособными, какъ до 1917 года. На рынкѣ, надъ которымъ до того полный и безусловный контроль принадлежалъ военно-продовольственному комитету, стали появляться „контрабанднымъ путемъ“ продукты, продаваемые по „вольнымъ цѣнамъ“. Разумѣется, дѣло обстояло не такъ еще плохо, какъ въ Россіи, гдѣ по „твердымъ цѣнамъ“ доставать продукты можно только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, а „изъ подъ полы“ и по баснословнымъ цѣнамъ потребитель въ состояніи купить и мяса, и масла, и муки, и хлѣба—почти въ неограниченномъ количествѣ. Но вѣдь, при наличности сильной государственной власти, располагающей дѣеспособными контрольными органами, дѣйствительнаго учета продуктовъ вплоть до послѣдней картошки и послѣдней горсти муки — какъ это имѣло мѣсто въ Германіи 1915 или 1916 года—хозяйственный развалъ и не могъ принять быстро такія чудовищныя формы, какъ въ разложившейся политически Россіи. Болѣзненное состояніе германскаго народнаго хозяйства устанавливается фактомъ относительно случайныхъ, но все учащавшихся, обходовъ правилъ, утечки продуктовъ изъ подъ контроля государства и устанавливается тѣмъ ярче и опредѣленнѣе, что послѣднее употребляло всѣ усилія для установленія дѣйственного контроля. А между тѣмъ, при формально столь же строгой системѣ учета картофеля и др. продуктовъ и формальной же невозможности получать ихъ иначе, какъ по карточкамъ, въ Германіи, за послѣдніе мѣсяцы, какъ свидѣтельствовалъ „Vorwärts“ 13 декабря, „громадныя количества картофеля продавались контрабанднымъ путемъ по 15—20 марокъ“ (кило?). Газета предвидитъ, что проектировавшееся правительствомъ предоставленіе излишка картофеля надъ количествомъ, необходимымъ для всего населенія по расчету изъ 7 фунтовъ на душу въ недѣлю, поведетъ къ „такой же бойкой торговлѣ картофелемъ, какая производится съ хлѣбомъ“. Болѣе того—оказывается, что въ Германіи даже съ хлѣбными карточками ведутся довольно широкія операціи, и таковыя продаются „изъ подъ полы“ по 5 марокъ за штуку... Подобные факты, само собою, являются тѣми сравнительно малозамѣтными, но злокачественными образованіями на хозяйственномъ организмѣ страны,

по которымъ опытный экономистъ съ такой же легкостью и убѣжденностью можетъ опредѣлить серьезность болѣзненнаго процесса, съ какой венерологъ устанавливаетъ зараженіе сифилисомъ по двумъ-тремъ безобиднымъ на взглядъ неспеціалиста прыщикамъ... Имѣется, однако, и другой симптомъ германскаго хозяйственнаго распада, свидѣтельствующій о томъ, что напряженіе производственныхъ силъ страны достигло степени, при которой эти силы начинаютъ быстро истощаться. Этотъ симптомъ сквозитъ въ данныхъ статистики рабочаго рынка Германіи. Неизмѣнно сокращавшаяся, благодаря напряженной утилизаціи живой рабочей силы для обслуживанія фронта и тыла, армія безработныхъ начинаетъ уже рости, несмотря на все еще возрастающую потребность въ ней. По даннымъ Reichs Arbeitsblatt (№ 12), въ ноябрѣ на каждыя 100 незанятыхъ мѣстъ приходилось ищущихъ работы—мужчинъ 56 и женщинъ 108, тогда какъ въ октябрѣ для мужчинъ цифра безработныхъ была 54, а для женщинъ—98. Этотъ приростъ въ числѣ безработныхъ объясняется, разумѣется, тѣмъ, что общее хозяйственное разстройство (отсутствіе сырья, топлива, изнашиваніе машинъ и ихъ незамѣщеніе и т. д.) заставляетъ рядъ предпріятій сокращать производство—несмотря на существующую потребность въ его расширеніи...

Соотвѣтственно же перелому въ хозяйственномъ здоровьи страны необходимо долженъ былъ совершиться и переломъ въ умонастроеніяхъ. Внутреннія спайки тѣмъ крѣпче и опасность „внутреннихъ обваловъ" тѣмъ меньше, чѣмъ здоровѣе государственный организмъ и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи. Дюркгеймъ, въ своей извѣстной работѣ „La division du travail" установилъ, что „принудительное раздѣленіе труда является причиной изчезновенія общественной солидарности, обусловленной раздѣленіемъ труда нормальнымъ". Этимъ онъ сказалъ, что степень прочности общественнаго организма находится въ прямомъ со отношеніи со степенью здоровья этого послѣдняго, если считать, что признакомъ здоровья является нормальное, т. е. болѣе или менѣе солидарное функціонированіе всѣхъ его составныхъ частей. Но напряженіе, потребовавшееся на веденіе современной войны въ теченіе долгаго періода времени, и даже (какъ въ примѣрѣ нейтральныхъ странъ) для поддержанія во время войны существованія, создало крайне болѣзненное состояніе всего хозяйственнаго организма и въ силу этого прибавило къ основному злу капитализма, „принудительному раздѣленію труда", вызывающему классовые конфликты, настолько сильное ослабленіе внутренней общественно-государственной спайки, что каждая страна оказывается подъ угрозой „внутреннихъ обваловъ". И Германія, какъ и Австрія, пережила очень критическій моментъ, оказавшись въ концѣ января и началѣ февраля, лицомъ къ лицу съ такимъ обваломъ. Скрѣпить разваливающуюся государственность она могла

либо тѣмъ путемъ, на который попыталась стать ея болѣе слабая союзница, т. е. удовлетворивъ ближайшія требованія движенія и направивъ движеніе съ помощью государственныхъ элементовъ соціалистическихъ партій въ русло положительнаго государственнаго творчества, либо—опираясь на принудительную мощь государственнаго аппарата—подавить его и отвлечь вниманіе массъ отъ испытывающихся ими нуждъ къ перспективамъ блестящаго ближайшаго будущаго.

Германія избрала этотъ послѣдній путь. Военная автократія не выполнила почти ни одного изъ предъявленныхъ ей движеніемъ и, въ общемъ, умѣренныхъ требованій. Всеобщій миръ остается попрежнему вопросомъ спорнымъ, рѣшать который долженъ мечъ войны на западномъ фронтѣ; реформа избирательнаго права въ прусскій ландтагъ, намѣченная правительствомъ ранѣе начавшагася „внутреннаго обвала“, все еще наталкивается на оппозицію правящаго класса Пруссіи, который находитъ, что рабочій классъ не созрѣлъ для такой реформы; вмѣсто освобожденія ранѣе арестованныхъ „независимыхъ“ произведены новые массовые аресты и осужденія (такъ, Дитманъ, членъ центральнаго комитета берлинскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, приговоренъ къ 8 годамъ каторжныхъ работъ); а что касается реорганизаціи продовольственнаго дѣла, то военная автократія парировала это требованіе—брестскимъ миромъ. Доставивъ своей побѣдой надъ совѣтской властью реальные плоды завоевательной политики въ видѣ своего полнаго политическаго и экономическаго господства надъ Россіей и, сверхъ того, обязавъ Украйну, по сепаратному договору съ центральной украинской радой, доставить центральнымъ державамъ огромное количество зерна, сахара и др. продуктовъ,—она оказалась въ состояніи преодолѣть образовавшіеся въ странѣ факторы разложенія и укрѣпить свое, расшатавшееся было, положеніе...

А. Чекинъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

I

Покуда войнѣ еще не видно конца, хотя немногіе оптимисты увѣряютъ насъ, что въ любой моментъ можетъ раздаться крикъ: „се женихъ грядетъ, исходите, въ срѣтеніе его!“ Женихъ—это, конечно, миръ. По всему судя, мудрыя дѣвы, какъ и „дѣвы юродивыя“, могутъ спать спокойно, такъ какъ зажигать свѣтильники придется еще не скоро. Какіе вопросы волнуютъ Англію въ тотъ моментъ, когда я пишу это письмо? Русская ли трагедія? Англичане ежедневно читаютъ въ своихъ газетахъ тѣ телеграммы изъ Петрограда, которыя приводятъ насъ, русскихъ, въ отчаяніе: „Россія охвачена пожаромъ анархіи, раздираема гражданской войной и распадается на части, слѣдуя примѣру имперіи Гогенштауфеновъ или Филиппа II“; сообщенія корреспондентовъ почти не комментируются газетами. Тонъ ихъ вообще сдержанный. Daily Telegraph, напримѣръ, указываетъ, что союзнымъ государствамъ остается въ настоящій моментъ лишь созерцать агонію Россіи, „утѣшаться тѣмъ, что голосъ Ленина, въ концѣ концовъ—не голосъ всего народа“. Times напомнилъ своимъ читателямъ, что революція дѣйствуетъ на кровь народа, какъ лихорадка. „И если историческія аналогіи имѣютъ какую нибудь цѣнность, то можно предсказать, что Россія, переболѣвъ лихорадкой, будетъ еще сильнѣе, чѣмъ раньше“. Покуда Times, говоря о г. Ленинѣ, прибавляетъ непремѣнно въ скобкахъ такъ: „онъ же Цедербллюмъ“. Газета, конечно, знаетъ настоящую фамилію „русскаго Марата“, какъ его называютъ здѣсь, она не рѣшается утверждать, какъ это дѣлаетъ Morning Post, что все большевистское движеніе—это „только бунтъ евреевъ“; но находитъ почему то выгоднымъ для себя намекнуть на будто бы еврейское происхожденіе вождя. Газеты передаютъ вообще только сухіе факты, иллюстрирующіе положеніе дѣлъ въ Россіи (точнѣе въ Петроградѣ). Только изрѣдка факты комментируются ироническимъ замѣчаніемъ: „Торжество свободы завершилось запрещеніемъ всѣхъ не соціалистическихъ газетъ. Справедливость требуетъ сказать, что даже та печать, которую большевики терпятъ, осыпаетъ ихъ насмѣшками и презрѣніемъ“.

Русская трагедія окрылила сторонниковъ историческихъ аналогій. Одни вспоминаютъ „Les Origines de la France contemporaine“

и указываютъ на то, что седьмое ноября 1917 года, устроенное большевиками, это 31 мая 1793 года, устроенное Горой. Къ вождямъ 7 ноября, по мнѣнію сторонниковъ историческихъ параллелей, поразительно примѣнимы слова Тэна о вождяхъ якобинскаго coup d'état. Основными чертами характера этихъ вождей Тэнъ считалъ доктринерство и чрезмѣрную самонадѣянность, изъ которыхъ проистекали двѣ другія черты: крайняя нетерпимость и озлобленность по отношенію къ тѣмъ, которые иначе мыслятъ. Что же касается рядовыхъ большевиковъ, то къ нимъ тоже, по мнѣнію любителей историческихъ параллелей, поразительно примѣнимы слова Тэна: „Тутъ значительную роль играли патологическіе элементы, затѣмъ люди выбившіеся изъ жизненной колеи, сумасброды, проходимцы всякаго слоя, особенно низшаго; завистливые и злобные подчиненные, мелкіе торговцы, запутавшіеся въ долгахъ, слоняющіеся безъ дѣла рабочіе, завсегдатаи кофеенъ и кабаковъ, бродяги, мужчины, состоявшіе на счету у полиціи, словомъ—всѣ антисоціальные паразиты“. Среди этихъ людей „было нѣсколько фанатиковъ; всѣ остальные—простые хищники, эксплуатирующіе водворившійся порядокъ и усвоившіе себѣ революціонную догму только потому, что она обѣщаетъ удовлетворить всѣ ихъ желанія“.

Въ общемъ, какъ я сказалъ, событія въ Россіи почти не комментируются. Въ Россіи, судя по тѣмъ отдѣльнымъ нумерамъ *Новой Жизни* и *Извѣстій*, которые доходятъ до меня, несравненно болѣе рѣзко (и, къ сожалѣнію, съ очень плохимъ знаніемъ фактовъ), „костятъ“ Англію, чѣмъ въ Англіи критикуютъ дѣянія большевиковъ. Это не значитъ, что англичане скрываютъ свой взглядъ на мирные переговоры большевиковъ съ нѣмцами и на опубликованіе секретныхъ договоровъ. Какъ извѣстно, британское правительство опредѣленно высказало свой взглядъ. Такъ же опредѣленно высказалась и англійская печать. „Мы отказываемся думать, что русскій народъ въ цѣломъ поддерживаетъ такихъ людей, какъ г. Ленинъ или какъ г. Троцкій, но, къ несчастью, теперь власть всецѣло захвачена экстремистами. Мы не сомнѣваемся, что близко то время, когда выяснится, что большевики представляютъ лишь небольшую часть населенія... Покуда наше отношеніе опредѣлено вполнѣ Соединенными Штатами. Мы не можетъ оказать никакой помощи,—ни военной, ни экономической,—правительству, проявившему въ такой степени свою измѣну союзникамъ, какъ то, которое правитъ теперь въ Петроградѣ. Было бы безуміемъ помогать тѣмъ, которымъ мы такъ не довѣряемъ. Одно изъ двухъ: или такъ называемое, русское правительство дѣйствуетъ съ нами, или противъ насъ. Если оно предлагаетъ перемиріе, если оно обсуждаетъ условія мира или оно демобилизуетъ значительную часть арміи, — то государства согласія не только не могутъ больше считать Россію союзницей, которой необходимо помочь, но должны ее, какъ опредѣлили

Соединенные Штаты, признать „почти враждебной державой“. Я привелъ мнѣніе только одной газеты, но къ тому же сводятся взгляды почти всей английской печати. Долженъ сказать, что въ частныхъ бесѣдахъ англичане высказываются гораздо болѣе рѣшительно и рѣзко, чѣмъ лордъ Робертъ Сесиль въ парламентѣ или чѣмъ только что упомянутая газета. Если сепаратный миръ станетъ дѣйствительностью, то Россія должна быть приготовлена къ бойкоту со стороны всѣхъ демократическихъ государствъ. Это будетъ означать не только то, что мы для самыхъ демократическихъ странъ въ мірѣ войдемъ въ исторію съ именемъ измѣнниковъ, но, по всей вѣроятности, и бойкотъ будетъ проведенъ въ какой нибудь очень конкретной и осязательной формѣ. Францію въ концѣ XVIII вѣка тоже бойкотировали, но она тогда *была побѣдительницей* всей коалиціи и могла пренебречь бойкотомъ. Большевики же покуда никого не разгромили, кромѣ порядка, закона и гражданскихъ вольностей своего народа. Они введены въ заблужденіе, если полагаютъ, что только „имперіалисты“ и „буржуи“ на западѣ считаютъ ихъ измѣнниками передъ лицамъ демократіи. Я сказалъ, что вся английская печать, за ничтожнымъ исключеніемъ, опредѣленно высказала свой взглядъ на сепаратный миръ. Только Herald и Labour Leader приводятъ фактъ, не комментируя его совершенно и не высказывая своего мнѣнія. Обѣ газеты — еженедѣльныя, имѣющія крайне ограниченный кругъ читателей. Въ началѣ русской революціи Herald выступилъ съ проектомъ английскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который долженъ замѣнить Верхнюю палату. Программа Herald'а печаталась тогда въ каждомъ нумерѣ, но теперь исчезла. Русскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не оказался ареопагомъ государственныхъ мужей, могущихъ импонировать Англіи. Кстати отмѣчу одинъ фактъ. Большевистскія газеты увѣряли все время своихъ читателей, что Англія съ перваго момента отнеслась *враждебно* къ русской революціи. Это не вѣрно. Кромѣ Morning Post и Times, *вся* английская печать привѣтствовала русскую революцію. Я привелъ въ *Русскомъ Богатствѣ* цѣлый рядъ выдержекъ, иногда прямо восторженныхъ. То были отзывы не только радикальныхъ, но и умѣренно-либеральныхъ изданій. Даже консервативная, пустрая вечерняя газета Evening News, издаваемая Нортклифомъ, въ день мартовской революціи помѣстила статью, озаглавленную „Да здравствуетъ Россія! Темныя силы, наконецъ свержены!“ Да и Times вышелъ съ передовой статьей, озаглавленной „Народилась новая Россія“. Робертъ Блэтчфордъ теперь имперіалистъ и сотрудникъ Daily Mail. Но вотъ послушайте, что писалъ онъ, когда получилось извѣстіе о мартовской революціи: „Англичане не проявляютъ демонстративно свои чувства, а я—англичанинъ,—писалъ онъ.—Но когда я прочиталъ вѣсти изъ Россіи, мнѣ хотѣ-

лось подбросить шляпу вверхъ, заплясать и крикнуть трижды *ура*! То была радостная вѣсть, прибывшая такъ неожиданно! То была самая лучшая вѣсть за долгій періодъ времени... Наконецъ-то мы имѣемъ нашей союзницей Россію! Не царя, не дворъ, не германскихъ бароновъ, не министровъ - взяточниковъ, обагренныхъ кровью; не Распутина, не правительство, говорящее о патріотизмѣ и продающее армію непріятелю, но настоящую Россію!.. Россія теперь обрѣла себя!" и т. д.

Англійская печать, правда, критиковала дѣятельность совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, отказываясь видѣть въ немъ всероссійскій парламентъ; она отказывалась также признать „странствующихъ Редедей" этого совѣта великими дипломатами и указывала (очень сдержанно; не такъ какъ французская печать) на безчисленные промахи и грубыя безтактности, совершенныя этими новыми Редедями въ каждой странѣ. Но развѣ сомнѣніе въ томъ, что совѣтъ представляетъ всероссійскій парламентъ или сдержанную критику дѣйствительно грубыхъ безтактностей можно назвать „чрезвычайно враждебнымъ отношеніемъ къ русской революціи?" Недавно Хендерсонъ помѣстилъ въ Sunday Pictorial статью о русскихъ дѣлахъ. (То было еще до ноябрьскаго coup d'état). Въ этой статьѣ онъ говоритъ, между прочимъ: „Изъ русскихъ событій мы можемъ извлечь одинъ урокъ. Народу мало проявить свою численную силу. Онъ долженъ также доказать свои созидательныя способности и уваженіе къ порядку и закону. Помню, я какъ-то спросилъ у одного русскаго революціонера, что онъ понимаетъ подъ словомъ свобода? (Дѣло было въ Петроградѣ. Собесѣдникомъ Хендерсона былъ рабочій). И я тотчасъ же услышалъ въ отвѣтъ: „Революціонеры добились права говорить, что они хотятъ, дѣлать, что пожелаютъ, и взять, что имъ понравится". Если исторія вообще имѣетъ какое нибудь значеніе,—продолжаетъ Хендерсонъ,—то она преподаетъ намъ одинъ урокъ: демократія никогда не имѣла успѣха, если отступала отъ принциповъ справедливости и покушалась на чужую свободу. И лишь когда русскій народъ признаетъ, что прочная жизнь націи зиждется на признаніи въ теоріи принциповъ справедливости и свободы, — завоеванія революціи принесутъ плоды. И, несмотря на случившееся въ Россіи, у насъ все еще есть люди, серьезно предлагающіе намъ послѣдовать ея примѣру, т. е. сформировать и въ Англіи совѣтъ рабочихъ и содатскихъ депутатовъ!" Вы видите, — Хендерсонъ отрицательно относится къ совѣтамъ. (Тогда они еще не проявили себя во всемъ блескѣ, какъ послѣ 7 ноября, н. ст.). Между тѣмъ, передъ нами не „буржуа", а представитель англійскихъ рабочихъ, привѣтствовавшій русскую революцію и стоявшій за конференцію въ Стокгольмѣ.

Вы видите теперь, какъ откликается Англія на нашъ второй coup d'état. Повидимому, всѣ большія революціи развиваются

по одной и той же присущей имъ логикѣ. Обусловливается это, вѣроятно, тѣмъ, что вообще природа человѣческая всюду одна и та же При желаніи, можно провести много параллелей между французской трагедіей XVIII вѣка и русской XX вѣка. У насъ было свое 14 іюля, когда всѣ ликовали, свое 10 августа, когда республиканцы окончательно взяли верхъ надъ роялистами и свое coup d'état 31 мая, сопровождаемое терроромъ и невѣроятными насиліями. Дѣятельность Шнайдера въ Страсбургѣ, Каррьера въ Нантѣ, затѣмъ „революціонныя свадьбы" на Луарѣ, во всякомъ случаѣ, сравнятся съ погромами и пожарами, устроенными у насъ. Такъ вотъ. Если до сихъ поръ русская революція развивается по той же логикѣ, которая присуща всѣмъ большимъ революціямъ, то виновники нашего coup d'état „31 мая" (т. е. 7 ноября, н. с.) докатятся логически до девятого термидора III года. До „31 мая" французская революція докатилась лишь въ 1793 году, т. е. невступно черезъ четыре года. У насъ „седьмое ноября" произошло черезъ восемь мѣсяцевъ. Отсюда выводъ, что „9 термидора" наступитъ не черезъ 14 мѣсяцевъ террора, а гораздо раньше...

II.

Итакъ, бдите убо, яко не вѣсте дне ни часа, въ онь же пріидетъ... миръ. Подобно мудрымъ дѣвамъ англичане готовы встрѣтить его, когда бы онъ ни пришелъ, и въ ожиданіи его, обсуждаютъ вопросы, которые „женихъ" принесетъ съ собою. Загладитъ ли онъ политическіе грѣхи, совершенные въ разное время и повлекшіе за собою безпрерывное вооруженіе Европы? Разрѣшитъ ли онъ, напримѣръ, вопросъ объ Эльзасъ-Лотарингіи? Мы вступаемъ тутъ въ зачарованный лѣсъ, которому имя „націонализмъ"; въ тотъ зачарованный лѣсъ, полный неожиданностей, въ которомъ Европѣ, повидимому, предопредѣлено кружить. Германцы категорически заявляютъ, что ни пяди земли нельзя уступить французамъ, такъ какъ Эльзасъ принадлежитъ къ тѣмъ землямъ, гдѣ звучитъ нѣмецкій языкъ. Германцы указываютъ на то, что Эльзасъ былъ искони ихъ и уступленъ только по Вестфальскому договору въ 1648 году. Въ то же время, по особой логикѣ, присущей вообще крайнему націонализму, германцы не хотятъ и слышать о присоединеніи Познани къ Польшѣ. Если на конгрессѣ мира, который долженъ вѣдь когда-нибудь состояться, карта Европы будетъ дѣлиться въ зависимости отъ національностей, то это будетъ не легко! И если такой передѣлъ дѣйствительно совершится какъ нибудь, то Европа увидитъ еще болѣе интенсивное развитіе наступательного націонализма: каждая державная національность станетъ преслѣдовать двѣ цѣли; первая изъ нихъ формулируется такъ: „Окраинныя мелкія народности должны принять языкъ державной народности". У насъ на югѣ уже началась украинизація этническихъ

элементовъ, пріобщившихся къ великой русской культурѣ, благородной, широко терпимой, гуманной, къ культурѣ, созданной *всѣми* народностями Россіи: въ созданіи ея участвовали великороссы Пушкинъ, Тургеневъ, Достоевскій и Толстой, украинцы Гоголь, Костомаровъ и Короленко, полуполякъ Некрасовъ, полуеврей Фетъ, полуфранцузъ Григоровичъ, полунѣмецъ Герценъ, бѣлорусъ Глинка, евреи Антокольскій, Левитанъ и Рубинштейнъ; тутъ были *всѣ* классы: титулованное дворянство дало князя Одоевскаго, графа Л. Н. Толстого, князя П. Л. Кропоткина, скульптора князя П. Трубецкаго; рядовое дворянство дало Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Некрасова и др. Разночинцы выдвинули Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Глѣба Успенскаго. Податныя сословія дали Антокольскаго, Левитана, Чехова и др. Чѣмъ культура менѣе классовая и менѣе узко національная, т. е. чѣмъ больше классовъ и больше національностей участвуетъ въ созданіи ея, тѣмъ она выше, благороднѣе, гуманнѣе и ярче. Каждый классъ вноситъ въ нее свои завѣтныя стремленія и каждая національность свои мысли. Русскій языкъ такъ красочень, такъ гибокъ, такъ богатъ и такъ благороденъ именно потому, что безчисленныя сокровища областныхъ говоровъ и нарѣчій—въ его распоряженіи.

Вторая цѣль, которую будетъ преслѣдовать державная національность, созданная будущимъ мирнымъ договоромъ, явится результатомъ первой цѣли. Такъ какъ каждая національность постарается въ возможно болѣе скоромъ времени навязать свой языкъ вкрапленнымъ въ нее этническимъ элементамъ, то у сосѣднихъ народовъ явится стремленіе „освободить своихъ братьевъ изъ подъ ига", „спасти гибнущій родной языкъ". Другими словами, явится поводъ для предстоящихъ войнъ. Кто желаетъ только думать и кто не ослѣпленъ иллюзіей, тотъ не вѣритъ, что нарожденіе крайняго національзма всюду—принесетъ Европѣ вѣчный миръ.

Вѣроятно, въ силу всѣхъ этихъ соображеній, англичане, обсуждая вопросы, которые принесетъ съ собою „женихъ", мало говорятъ о Европѣ какъ она будетъ послѣ заключенія мира. Прежде всего заботы всѣхъ сводятся къ тому, чтобы „привести въ порядокъ собственный домъ". Война унесла нѣкоторыя вольности, составлявшія характерныя черты англійскаго народа. Мы слышимъ теперь рѣчи, чуждыя духу англійскаго народа, и наблюдаемъ факты, которыхъ до войны не было.

„Теперь прекратились нелѣпые толки про то, что это—война противъ милитаризма,—читаемъ мы, напримѣръ, въ Mornig Post.—Британскій народъ убѣдился, что только разумнымъ пользованіемъ военной силой можетъ онъ разгромить дерзкаго и кичливаго сосѣда. Британскую имперію создали армія и флотъ послѣ упорной борьбы. Военный духъ присущъ британской расѣ, и такъ какъ вопросъ идетъ о національномъ существованіи, то оправданія

для веденія войны вообще не приходится искать. Насъ слишкомъ долго обманывали ложные совѣтники и сантименталисты, которые даже теперь пытаются увѣрить насъ, что эта война ведется только для того, чтобы убить войну. Война никогда не прекратится до тѣхъ поръ, покуда человѣческая природа остается тою же, что и теперь. Не смотря на всѣ бѣдствія, присущія войнѣ, она учитъ насъ многому хорошему. Она напоминаетъ намъ о значеніи національности, которое во время мира рискуетъ быть забытымъ. Передъ войной всюду развилась страшная болѣзнь интернаціонализма, сильно ослабившая насъ". „Мечты о вѣчномъ мирѣ никогда не осуществятся,—говоритъ Джеромъ К. Джеромъ, который еще недавно былъ пасифистомъ:—До тѣхъ поръ, покуда земля будетъ приносить сынамъ Адама терны и волчецъ, борьба между людьми не прекратится. До тѣхъ поръ, покуда не замолкнетъ на землѣ послѣднее слово, нація станетъ воевать съ націей". Джеромъ К. Джеромъ предсказываетъ, что эта война ничего не разрѣшитъ. Франція была разгромлена въ 1871 году и воскресла снова для борьбы. Тоже самое случится и съ Германіей, даже если бы удалось повергнуть ее въ прахъ. Насъ ждетъ, послѣ „пришествія жениха" интервалъ мира, а затѣмъ война начнется снова. Другими словами, Британская Имперія должна стать могучимъ военнымъ государствомъ. Сторонники необходимости войны, какъ фактора цивилизаціи, ссылаются на авторитетъ адмирала Мэхана (Mahan): „Уничтожьте даже, если это возможно, соперничество между народами и установите, такимъ образомъ, общее разоруженіе,—говоритъ величайшій авторитетъ въ морскихъ дѣлахъ;—замѣните войну искусственной системой третейскихъ судовъ и вы осуществите соціалистическія государства, въ которыхъ сила личнаго почина націй и отдѣльныхъ индивидуумовъ, т. е. все то, что дало намъ величайшія достиженія цивилизаціи,—будутъ постепенно атрофированы Результатомъ можетъ быть то, что европейская цивилизація, вѣроятно, не выживетъ, либо потеряетъ всю свою боевую энергію" [1]). „Исторія Греціи предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ поспѣшнаго увлеченія мечтой о вѣчномъ мирѣ,—говоритъ проф. Риджуэй.—Міръ, состоящій только изъ демократическихъ государствъ, думающихъ лишь о сохраненіи мира, былъ бы похожъ на стоячій прудъ въ тѣни деревьевъ и тростниковъ. Въ такой стоячей водѣ могутъ жить только низшія животныя. Другими словами, при общемъ вѣчномъ мирѣ все человѣчество погибло бы отъ моральнаго и физическаго вырожденія." Другой профессоръ находитъ, что „вооруженіе представляетъ собою отраженіе національной души. Громадная военная и морская мощь Германіи свидѣтельствуютъ о томъ, что ея моральныя и соціальныя условія выше нашихъ." „Только вырождающіеся народы сдѣлали открытіе, что военный

---

[1]) Admiral Mahan, „Armaments and Arbitration". p. 10.

духъ не совмѣстимъ съ духомъ христіанства,—продолжаетъ профессоръ въ другомъ мѣстѣ. Покуда нація еще сильна; покуда коэфиціентъ рождаемости возрастаетъ; покуда кровь въ ея артеріяхъ здорова,—она не думаетъ о томъ, что стремясь къ войнѣ, нарушаетъ заповѣдь Христа. Но когда энергія націи начикаетъ увядать, когда стремленіе къ наслажденію вытѣсняетъ мысль о самопожертвованіи, когда сыны и дочери ея вырождаются, тогда ложный, ублюдочный (spurious and bastard) гуманизмъ, выдающійся себя за религію, называетъ войну анахронизмомъ и грѣхомъ, переданнымъ намъ отъ варварскихъ временъ". До войны такая философія была популярна только въ Германіи. Война принесла съ собою не только „прусскую идеологію", но и другія проявленія „пруссачества", тревожащія англичанъ разныхъ партій. „Многія вольности отняты у насъ,—пишетъ одинъ изъ членовъ Союза Демократическаго Контроля.—Даже тори жалуются на такія покушенія на свободу, на которыя не рѣшались раньше самыя консервативныя министерства. Свобода печати почти исчезла. Даже тѣ журналы, которымъ эта свобода должна бы быть особенно дорога, не опротестовали выступленій противъ печати. Во многихъ случаяхъ военные суды вытѣснили обычные. Что же касается свободы слова, то она замѣнена свободой лжи. Борьба политическихъ партій почти исчезла. Если политическая жизнь еще существуетъ, то она крайне одностороня. Театръ, литература и искусство терпятся постольку, поскольку они отражаютъ „національный" духъ. [1]) Свобода передвиженія стѣснена паспортами и многими ограниченіями. Неприкосновенность переписки нарушена не только открытой цензурой. Недавно коммонеръ Понсоби жаловался въ парламентѣ на то, что правительство назначило спеціальныхъ чиновниковъ для вскрытія частныхъ писемъ. Письма, прибывающія изъ нейтральныхъ государстъ и Россіи, носятъ отмѣтку: „Oppened by military censor", т. е. „вскрыто военнымъ цензоромъ." И такой контроль вполнѣ понятенъ. Понсоби жаловался на негласную перлюстрацію внутреннихъ писемъ которыя „вскрываются, фотографируются, а затѣмъ снова подклеиваются такъ, чтобы адресатъ не зналъ, что письмо читалось". „Извѣстно, что служащимъ на телефонныхъ станціяхъ велятъ подслушивать переговоры. Крайне прискорбно узнать, что такія государственныя учрежденія, какъ почта, военное министерство и министерство внутренныхъ дѣлъ ввели тщательно разработанную систему шпіонства, съ которой можетъ быть сравнена лишь система, существовавшая при царскомъ правительствѣ въ Россіи,—продолжалъ Понсоби.—Зловѣщая дѣятельность подобнаго рода унижаетъ Британское правительство". Товарищъ министра внутренних дѣлъ, отвѣчая Понсоби, сказалъ что „государство имѣетъ неоспоримое право вскрывать нѣкоторыя письма съ

---

[1]) Norman Angell The Prussian in our midst", стр. 7.

цѣлью охраненія общественной безопасности". „Право это существуетъ издавна. Оно установлено одновременно съ введеніемъ почты". „Мы живемъ теперь въ крайне трудныя времена,—продолжалъ товарищъ министра.—Если правительство не приметъ всѣхъ мѣръ чтобы помѣшать злонамѣреннымъ людямъ сноситься съ непріятелемъ,—то оно не исполнитъ порученій, данныхъ ему населеніемъ Нѣкоторыя письма конечно вскрываются. Дѣлается это для того, чтобы слѣдить за дѣятельностью подозрительный лицъ".

III.

Въ ноябрѣ 1917 года правительство ввело еще одну мѣру, сокращающую старинныя вольности народа: частично, на основаніи законовъ о защитѣ королевства, введена предварительная цензура. Дѣйствіе ея, правда, ограничено и касается только брошюръ, въ которыхъ трактуется „нынѣшняя война или способы заключить миръ". Такія брошюры должны: 1) носить имя автора и печатника и 2) быть просмотрѣны чиновниками Бюро Печати. Исключительная мѣра эта, носящее офиціальное названіе „Распоряженіе 27°" направлена, главнымъ образомъ, противъ пасифистовъ.

Правительственная мѣра, сопровождавшаяся рядомъ обысковъ въ книжныхъ складахъ пасифистовъ, вызвала рядъ энергичныхъ протестовъ со всѣхъ сторонъ. Англичане безъ различія политическихъ партій выступили въ защиту свободы слова. „Распоряженіе 27 означаетъ, что отнынѣ всякій глупецъ, разъ онъ только состоитъ на службѣ въ Бюро Печати, превращается въ судью, стоящаго внѣ закона"; это рѣзкое опредѣленіе принадлежитъ вечерней газетѣ Star. „Есть предѣлъ произволу даже во время войны,—говоритъ Westminster Gazette:—Намъ кажется, что Министръ внутреннихъ дѣлъ, издавъ „Распоряженіе 27°" переступилъ всѣ границы допускаемаго въ административномъ порядкѣ. До сихъ поръ каждый могъ печатать въ видѣ брошюры, что онъ хотѣлъ, имѣя, конечно, передъ собою отвѣтственность передъ судомъ согласно законамъ страны. Отнынѣ всѣ брошюры, обсуждающія войну или миръ, должны быть даны чиновникамъ Бюро Печати на просмотръ. И только когда рукопись будетъ скрѣплена подписью цензора, ее можно будетъ сдать въ наборъ. По мнѣнію газеты, Бюро Печати такимъ образомъ далеко переступаетъ свои первоначальныя полномочія, занявшись просмотромъ брошюръ. Затѣмъ тягость „Распоряженія 27°", по мнѣнію Westminster Gazette, усугубляется еще тѣмъ, что идеальныхъ цензоровъ не существуетъ. Въ Англіи не было цензоровъ, поэтому нѣтъ людей, умѣющихъ сколько нибудь разбираться въ томъ, что можно писать и чего нельзя. Покуда правительственные чиновники, дѣлая обыски въ книжныхъ

складахъ пасифистовъ, уже отличились: одинъ изъ нихъ забралъ книгу „О свободѣ“, Милля, думая, вѣроятно, что авторъ—нашъ современникъ.

„Намъ говорятъ, что новое распоряженіе направлено, по преимуществу, противъ лицъ, пропагандирующихъ преждевременный миръ,—продолжаетъ Westminster Gazette ,—насъ спѣшатъ увѣрить, что только неумѣстный пасифизмъ пострадаетъ отъ цензуры. Кто же будетъ судьею? Кто опредѣлитъ, что подходитъ и что не подходитъ подъ рубрику „неумѣстный пасифизмъ?“ Гдѣ гарантіи, что цензоръ не злоупотребитъ своею властью? Кто будетъ опредѣлять, гдѣ кончается „брошюра“, подлежащая цензурѣ и начинается „книга“, не нуждающаяся въ благословленіи Бюро печати? Въ силу какой логики „листокъ“ (leaflet) долженъ быть просмотрѣнъ цензурой, если тамъ говорится о войнѣ или мирѣ, а газета—нѣтъ?“ Westminster Gazette указываетъ, что въ Германіи, гдѣ Бюро Печати контролируетъ теперь все выходящее изъ типографіи, правительство „открываетъ то тотъ, то другой кранъ, чтобы направлять общественное мнѣніе по желанію: правительство то даетъ полную волю пангерманистамъ и обуздываетъ пасифистовъ, то, наоборотъ, оно даетъ свободу пасифистамъ и сдерживаетъ пангерманистовъ. При такомъ режимѣ графъ Ревентловъ такъ же безопасенъ, какъ и Максимиліанъ Гарденъ. Публика въ Германіи и внѣ предѣловъ ея интересуется не тѣмъ, правильно или нѣтъ то либо другое мнѣніе, а тѣмъ, какая причина побуждаетъ правительство снять узду съ Ревентлова или Максимиліана Гардена? Англія должна избѣгать „пруссачества“ (Prussianism), какъ чумы,—продолжаетъ газета. Хотя это стѣсняетъ и раздражаетъ правительство да людей, воинственно настроенныхъ,—но обшіе принципы свободы мнѣнія не могутъ быть нарушены даже въ такое время, какъ нынѣшнее. Ограниченія могутъ быть сдѣланы только когда они абсолютно необходимы, т. е. когда они продиктованы дѣйствительной необходимостью сохранить какія нибудь тайны отъ непріятеля. Англіи грозитъ великая опасность, если все то броженіе, которое наблюдается здѣсь, какъ и въ другихъ воюющихъ странахъ не сможетъ вырваться открыто, а уйдетъ въ подполье. Правительство мѣтитъ только въ пасифистовъ, но оно можетъ раздражить и людей, стоящихъ за „войну до конца“, но безконечно цѣнящихъ также свободу печати“.

Вестминстерская Газета—органъ радикаловъ; но вотъ что говорятъ по тому же поводу газеты консервативныя, джингоистскія, „уличнаго“ типа. Противъ цензуры брошюръ рѣзко высказывается Daily Mail, т. е. та самая газета, которая вела систематическую и далеко не всегда добросовѣстную кампанію противъ пасифистскихъ организацій, какъ, напр., „Союзъ Демократическаго Контроля“. Daily Mail предупреждаетъ правительство, что оно „очутится въ крайне затруднительномъ положеніи“, если будетъ

настаивать на своемъ „Распоряженіи 27°". Другая джингоистская газета, возникшая одновременно съ Daily Mail въ 1896 году и пытающаяся все время обскакать ее,—Daily Express,—выступила съ передовой статьей „Привилегіи свободы". Газета совершенно справедливо доказываетъ, что въ свободномъ государствѣ *только* судъ, дѣйствующій на основаніи полнаго закона, можетъ опредѣлить, какая пропаганда путемъ печати дозволена или преступна.

Послѣ газетъ съ протестомъ противъ введенія цензуры выступили разныя организаціи. Вотъ, напримѣръ, резолюція, вынесенная Исполнительнымъ Комитетомъ Рабочей Партіи. „Исполнительный комитетъ строго осуждаетъ обыски, произведенные сыскной полиціей (Scotland Yard) въ комитетахъ, охраняющихъ гражданскія вольности во время войны и обсуждающихъ вопросы, связанные съ войною, затѣмъ конфискацію такихъ изданій, какъ *О свободѣ* Милля и протоколы общества. Исполнительный комитетъ совѣтуетъ правительству осторожнѣе обращаться съ временными законами объ охранѣ государства и горячо протестуетъ противъ введенія на основаніи этого закона цензуры". Затѣмъ большая группа коммонеровъ заявила, что намѣрена дать правительству генеральный бой въ парламентѣ по поводу „Распоряженія 27°". Вы видите, что если духъ „пруссачества" и проникъ въ правительство, нормальный срокъ существованія котораго давно бы уже истекъ, если бы не война,—то, съ другой стороны, энергичный протестъ поступаетъ со всѣхъ сторонъ.

Возьмемъ еще проявленіе „пруссачества". Въ Англіи, не смотря на войну, обсуждается теперь новый радикальный избирательный законъ, допускающій къ урнамъ мужчинъ и женщинъ. И вотъ группа коммонеровъ внесла поправку, чтобы отказывающіеся отъ военной службы по принципіальнымъ соображеніемъ (conscientious objectors) лишены были права участвовать въ выборахъ. Надо сказать, что консервативная и уличная печать вела систематическую кампанію противъ „кончи", какъ ихъ называютъ. Внѣ сомнѣнія, что среди conscientious objectors, т. е. среди принципіальныхъ противниковъ войны мы видимъ благородныхъ людей самыхъ высокихъ правилъ, какъ квакеры или нѣкоторые соціалисты. Не подлежитъ также сомнѣнію, что многіе изъ этихъ благородныхъ conscientious objectors вызвались служить въ арміи, какъ братья милосердія, причемъ проявили на полѣ сраженія поразительное мужество. Но нельзя также отрицать и того факта, что люди, не желающіе идти въ солдаты, находятъ „идеологію", утверждая, что они conscientions objictors. Эти не желаютъ ничего дѣлать для страны. Имъ говорятъ: „Какъ вы можете сидѣть спокойно, когда тысячи молодыхъ людей отдаютъ свою жизнь за васъ? Какъ вы можете утромъ спокойно завтракать, когда знаете, что каждый съѣдаемый вами кусокъ хлѣба, каждый кусокъ сахара, который вы кладете въ чай, то масло, которое вы намазываете,—привезены

въ Англію по морю, бороздимому сумбаринами. Какъ вы можете завтракать, когда читаете, что торговые корабли гибнутъ ежедневно, т. е. ежедневно тонутъ мирные моряки и рыбаки, доставляющіе вамъ провизію?"

— Да,—отвѣчаютъ conscientious objectors,—все это такъ. Вотъ почему мы стоимъ за миръ.—Чтобы понять раздраженіе противъ conscientious objectors, надо принять во вниманіе психологію матерей, женъ и невѣстъ, которыхъ сыновья, мужья и возлюбленные сидятъ на фронтѣ или погибли въ болотахъ Фландріи, въ Месопотаміи или Галлиполи. Такихъ матерей, женъ и невѣстъ раздражаетъ видъ здоровыхъ, сытыхъ, гладкихъ молодыхъ людей, заявляющихъ, что они принципіальные противники войны. Это раздраженіе усиленно раздувалось уличной прессой, которая уже совершенно упустила изъ вида благородныхъ и искренно убѣжденныхъ conscientious objectors. И вотъ группа коммонеровъ, какъ я сказалъ, внесла поправку о лишеніи всѣхъ conscientious objectors избирательнаго права. Вопросъ въ парламентѣ былъ поставленъ такъ, что многіе коммонеры, считаясь съ настроеніемъ своихъ избирателей, не рѣшились выступить противъ поправки. И тутъ мы видимъ опять, что старинныя вольности дороги всѣмъ независимымъ англичанамъ, какъ радикаламъ, такъ и консерваторамъ. Самую блестящую рѣчь противъ поправки произнесъ крайній консерваторъ лордъ Хью Сесиль, сынъ покойнаго маркиза Сольсбри. Всѣ партіи признаютъ, что лордъ Хью Сесиль произнесъ величайшую рѣчь въ своей жизни. Онъ указалъ, что поправка, если она пройдетъ, придаетъ закону обратную силу. Законъ о введеніи обязательной военной службы предсматриваетъ существованіе людей, которымъ религіозныя убѣжденія не позволяютъ носить оружіе. Теперь эти люди, освобожденные закономъ отъ дѣйствительной службы, будутъ лишены политическихъ правъ. Есть другой законъ, болѣе высокій, чѣмъ тотъ, который выработанъ парламентомъ. Предъ этимъ закономъ люди отвѣтственны какъ на землѣ, такъ и за предѣлами ея, въ вѣчности. Затѣмъ лордъ Хью Сесиль обратился къ Бонаръ-Ло, защищавшему поправку.

— Вы утверждаете, что безопасность государства является высшимъ закономъ и что серьезнѣе этого ничего нѣтъ,—продолжалъ лордъ Хью. — Въ вашей доктринѣ нѣтъ ничего новаго. Это именно та теорія, которую выдвинулъ Бетманъ-Гольвегъ для защиты захвата со стороны Германіи. Почему въ такомъ случаѣ мы осуждаемъ германское правительство? Технически сестра милосердія Кавель, разстрѣлянная нѣмцами, была виновна. Разстрѣлъ ея составляетъ преступленіе только со стороны высшаго, не человѣческаго, закона. Почему же вы хотите воспользоваться идеологіей убійцъ миссъ Кавель? Мы прежде всего христіане, а потомъ уже англичане. Христіанство требуетъ, чтобы мы преданы были ему душой и тѣломъ. Взгляните только, въ какую чашу вы попадаете.

принявъ поправку. Вы дали въ Ирландіи избирательныя права мужчинамъ призывного возраста, потому что они ирландцы. Вы отказываете въ тѣхъ же правахъ англичанамъ, потому что они точно слѣдуютъ евангельскому указанію. Вы даете избирательныя голоса даже тѣмъ шинъ-фейнерамъ, которые были изобличены въ полученіи денегъ отъ Германіи. Вы предоставляете право голосовать солдатамъ, осужденнымъ военнымъ судомъ за всѣ проступки, кромѣ отказа, по религіознымъ мотивамъ, носить оружіе. Вы допускаете къ избирательнымъ урнамъ прелюбодѣевъ, виновныхъ въ несказуемыхъ порокахъ, карманщиковъ и грабителей, отбывшихъ положенный срокъ наказанія. Почему вы это дѣлаете? Потому что въ дѣяніяхъ этихъ преступниковъ нѣтъ никакихъ повелѣній совѣсти. Вы совершенно не знаете настроенія страны. Мирные и религіозные люди не поддержатъ васъ, когда вы собираетесь дать избирательный голосъ каждому уголовному преступнику, и у каждаго принципіальнаго противника войны—отнять политическія права.

Лордъ Хью Сесиль напомнилъ парламенту про квакеровъ, которые въ самомъ началѣ войны снарядили полевой госпиталь. Квакеры мужественно работаютъ подъ непріятельскими выстрѣлами, ежедневно подвергая свою жизнь опасности. Мы считаемся съ религіозными убѣжденіями магометанъ и индусовъ, даже признавая ихъ ошибочными, но не желаемъ признавать религіозныя воззрѣнія христіннъ. Вы ихъ тоже считаете ошибочными. Наказывать людей за ошибочные взгляды значитъ возвратиться къ мрачнымъ вѣкамъ, когда всюду пылали костры. Насиловать совѣсть другого—противно моей совѣсти,—продолжалъ лордъ Хью Сесиль при оглушительныхъ аплодисментахъ. Обожествленіе государства унижаетъ человѣка. Лордъ Хью Сесиль дальше сказалъ о неисчислимыхъ опасностяхъ для цивилизаціи и для человѣчества, проистекающихъ изъ преклоненія передъ государствомъ, какъ передъ новымъ Молохомъ.

Лорду Хью Сесилю возражалъ Чэмберлэнъ. Онъ сказалъ, что отнимая у человѣка избирательный голосъ, мы не превращаемъ еще гражданина въ мученика. Избирательный голосъ не есть прирожденное право, но только актъ довѣрія на извѣстныхъ условіяхъ. Впрочемъ и Чэмберлэнъ находилъ несправедливымъ отнимать избирательный голосъ у квакеровъ, работавшихъ на фронтѣ, какъ братья милосердія.

За поправку, лишающую избирательнаго права тѣхъ, которые по принципіальнымъ соображеніямъ отказывались служить въ солдатахъ, высказались 209 коммонеровъ, и противъ нея—171. Такъ какъ всѣхъ коммонеровъ болѣе 600, то мы видимъ, что многіе воздержались отъ голосованія. Рѣшеніе палаты встрѣчено было рѣзкимъ протестомъ въ странѣ. „Это рѣшеніе устыдитъ тысячи согражданъ и приведетъ ихъ въ негодованіе,—пишетъ престарѣлый вождь диссентеровъ докторъ Джонъ Клиффордъ.—Оно прибавляетъ еще одну несправедливость къ тѣмъ, которыя принесены

уже закономъ о военной службѣ. Тотъ пунктъ закона, который предоставляетъ conscientious objectors право не служить,—часто нарушался властями. Теперь правительство рѣшило наказывать держащихся опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ двадцатомъ вѣкѣ мы видимъ возвращеніе режима Стюартовъ. Кайзеръ восторжествовалъ, такъ какъ теперь британскій парламентъ принимаетъ взглядъ Вильгельма II на государство и наноситъ рѣшительный ударъ „уваженію къ правамъ отдѣльнаго гражданина, справедливости, братству и прогрессу", которыя, по словамъ Морлея, лежатъ въ основѣ либерализма. Докторъ Клиффордъ умоляетъ парламентъ сознаться въ сдѣланной ошибкѣ и спасти Англію отъ подчиненія „духу пруссачества".

Не подлежитъ сомнѣнію, что Джонъ Клиффордъ имѣетъ много единомышленниковъ, какъ въ странѣ вообще, такъ и въ парламентѣ. Теперь идетъ рѣчь о „поправкѣ поправки" принятой 209 голосами противъ 171.

IV

Мы видѣли разныя проявленія „пруссачества",—какъ говорятъ англичане, — причиненнаго войною. Мы видѣли также упорную борьбу даже теперь съ этимъ „пруссачествомъ", т. е. съ обожествленіемъ государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ проявленія его исчезнутъ безслѣдно послѣ первыхъ же общихъ выборовъ, которые состоятся, когда „придетъ женихъ". До войны въ соединенномъ королевствѣ было 8.357.000 избирателей. Теперь число мужчинъ избирателей увеличено въ силу новаго закона на 2.000.000. Затѣмъ впервые выступятъ женщины, какъ парламентскіе избиратели. Милитантки-суфражистки стремились къ политическому освобожденію независимыхъ женщинъ, платящихъ налоги. Такимъ образомъ, къ урнамъ явилось бы нѣсколько *больше милліона* избирательницъ. По новому закону избирательныя права предоставлены будутъ всѣмъ мужнимъ женамъ и независимымъ одинокимъ женщинамъ старше 30 лѣтъ. Вслѣдствіе этого, къ избирательнымъ урнамъ явятся около 6.000.000 женщинъ. Другими словами, избирательная система будетъ демократизирована, а число избирателей увеличено *вдвое*. Можно ли думать, что какое-нибудь „пруссачество", если оно останется послѣ войны, устоитъ передъ напоромъ громадной демократической войны на ближайшихъ выборахъ? По всей вѣроятности, полическія партіи, съ которыми связана вся новѣйшая исторія Англіи, примутъ совершенно иной видъ послѣ первыхъ общихъ выборовъ. Сперва въ парламентѣ были тори и либералы; потомъ находилась сильная ирландская націоналистическая партія, дѣйствовавшая вообще въ союзѣ съ либералами. Послѣ выборовъ 1906 г. народилась парламентская рабочая партія, которая тоже находилась въ коалиціи съ либера-

лами. Послѣ войны все это должно измѣниться. Ирландцы, по всей вѣроятности, будутъ сидѣть въ дублинскомъ парламентѣ. Увеличеніе числа избирателей означаетъ, конечно, ростъ демократической партіи въ парламентѣ. И вотъ парламентская рабочая партія идетъ навстрѣчу новому избирателю. Она выработала новую конституцію, въ силу которой членомъ партіи можетъ быть всякій зарабатывающій свой хлѣбъ, какъ ручнымъ, такъ и умственнымъ трудомъ. Прежде въ рабочую партію входили только *организаціи* (тредъ-юніоны, промышленные совѣты, фабіанское общество); теперь въ нее могутъ войти *индивидуумы*. Врачъ, инженеръ, литераторъ, архитекторъ—всѣ могутъ быть членами новой рабочей партіи, ибо всѣ они „рабочіе", т. е. живутъ своимъ трудомъ. Такой притокъ новыхъ элементовъ должны крайне усилить новую партію. Неизвѣстной величиной явятся женщины-избиратели. Новая рабочая партія тоже идетъ имъ на встрѣчу. Она предлагаетъ имъ четыре мѣста въ исполнительномъ комитетѣ партіи и многія другія преимущества. Хендерсонъ, которому принадлежитъ инвціатива преобразованія партіи, заявилъ, что на ближайшихъ общихъ выборахъ рабочая партія выставитъ всюду своихъ кандидатовъ. И если новый элементъ, впервые выступающій на арену англійской политической жизни, т. е. женщины,—дѣйствительно демократичен (къ слову сказать, крайне консервативные элементы тож съ надеждой глядятъ на 6.000.000 женщинъ), то парламентъ долженъ принять совершенно иной характеръ.

Итакъ, немногіе пессимисты, мрачно смотрящіе на будущее Англіи и обличающіе гибель ея вольностей (собственно говоря, такихъ пессимистовъ неизмѣримо больше въ Россіи, чѣмъ здѣсь) далеко не правы. Посмотримъ, можетъ ли пессимизмъ базироваться „на продолженіи войны послѣ войны?" Другими словами возможно ли, что послѣ „пришествія жениха" начнется промышленная война между государствами и экономическій бойкотъ который, въ концѣ концовъ, неминуемо закончится новымъ вооруженнымъ столкновеніемъ, еще болѣе ужаснымъ, такъ какъ къ тому времени, выражаясь словами лорда Лэнсдауна, наука будетъ еще больше проституирована съ цѣлью взаимнаго истребленія? И тутъ мы подходимъ къ очень интересному вопросу, формулируемому такъ: „Можетъ ли вообще какое-нибудь государство побѣдивъ сосѣда, захватить его торговлю?"—„Можетъ",—отвѣчаютъ намъ имперіалисты всѣхъ странъ.

Посмотримъ, какими цифрами опредѣлялась до войны торговля воюющихъ странъ. (Цифры показаны въ фунтахъ стерлинговъ):

Государства.	Ввозъ.	Вывозъ.	Всего.
Великобританія . .	565.300.000	330.000.000	895.300.000
Германія	336.500.000	279.300.000	615.800.000
Франція	191.200.000	194.700.000	385.900.000
Италія	76.500.000	63.900.000	140.400.000

Государства.	Ввозъ.	Вывозъ.	Всего.
Бельгія.	111.000.000	86.500.000	197.500.000
Австро-Венгрія . .	89.900.000	90.300.000	180.200.000
Россія	61.500.000	105.000.000	166.500.000
Турція	21.500.000	13.400.000	34.900.000
Португалія	13.800.000	6.800.000	20.600.000
Японія	37.000.000	32.000.000	79.000.000
Соед. Штаты . . .	242.300.000	328.700.000	571.000.000
Австралія	37.000.000	55.100.000	92.100.000
Н. Зеландія	13.300.000	14.600.000	27.900.000
Южн. Африка . . .	32.500.000	29.300.000	61.800.000
Канада	56.900.000	41.800.000	98.700.000

Тысяча девятьсотъ пятый годъ былъ „средній", поэтому я возьму его, какъ норму. Посмотримъ, кому на какую сумму посылала тогда свои товары Англія и откуда получала фабрикаты. Въ томъ году ввозная торговля Соединеннаго Королевства опредѣлялась въ 565.020.000 ф. ст., а вывозная въ 407.597.000 ф. ст.

	Англія ввозила.	Англія вывозила.
Соединенные Штаты	115.573.000	47.282.000
Британскія владѣнія	127.869.000	122.713.000
Франція	53.073.000	23.223.000
Германія	35.800.000	42.742.000
Голландія	35.481.000	14.517.000
Росссія	33.366.000	14.884.000
Бельгія	27.751.000	14.819.000
Аргентина	25.034.000	13.384.000
Данія	15.607.000	4.610.000

(См. J. G. Bartholomew, „Atlas of the World's Commerce").

Изъ этой таблицы мы видимъ, что до войны значительная часть англійскихъ фабрикатовъ шла въ Германію. Бойкотъ, такимъ образомъ, отразился бы прежде всего на интересахъ Соединенаго Королевства. Теперь разберемъ болѣе подробно вопросъ: можетъ ли побѣдитель силой оружія уничтожить промышленное соперничество противника и захватить его торговлю? Въ своей книжкѣ „Can Trade be Captured?" Норманъ Энджель доказываетъ, что если бы даже Англіи удалось не только разгромить, но и расчленить Германію, то и тогда промышленная конкуренціи этой страны не исчезла бы. „Предположимъ даже,—писалъ Норманъ Энджель въ 1915 г.,—что Германія раздѣлена между Россіей, Швейцаріей, Даніей, Бельгіей и Франціей. Какія послѣдствія это имѣло бы для промышленной конкуренціи? Никакихъ. Все ограничивалось бы лишь тѣмъ, что товары, привозимые въ Англію, скажемъ изъ Вестфаліи, носили бы марку „Изготовлено въ Бельгіи" вмѣсто „Изготовлено въ Германіи". Товары изъ Эльзаса носили бы клеймо „Изготовлено во Франціи", а изъ Познани или Восточной Пруссіи— „Изготовлено въ Россіи". И если англійскіе потребители, изъ ло-

яльности къ союзникамъ, рѣшать послѣ побѣдоносной войны усиленно покупать ихъ фабрикаты, то германское промышленное соперничество только увеличится. Имена германскихъ торговыхъ фирмъ могутъ измѣниться; но врядъ ли англійскій заводчикъ, у котораго, скажемъ, вестфальскій конкурентъ отобьетъ заказъ на динамо-машины въ Чили, будетъ утѣшенъ тѣмъ, что этотъ заказъ перебилъ не Allgemeine Elektrische Geseleschaft, a Société Industrielle de Westphalie Belge. Съ тѣхъ поръ какъ началась война, англійское законодательство всѣми силами старается помѣшать промышленнику Карлу Шварцу фигурировать, какъ „Чарльзъ Блэкъ и К°". Но если бы даже раздѣлъ Германіи былъ въ предѣлахъ возможности то вышло бы лишь, что правительство заставило фабриканта Шварца именоваться Блэкомъ" [1]

V

Энергичныя государства поразительно быстро возрождаются послѣ войны. Когда Чарльзъ Дилкъ посѣтилъ въ 1866 г. южные штаты Сѣверной Америки, то нашелъ всюду страшные результать великой войны, продолжавшейся болѣе четырехъ лѣтъ. Города и фермы лежали въ развалинахъ, хлопчатныя плантаціи были выжжены, мосты и дамбы всюду взорваны, а населеніе разорено. Здѣсь прошелъ побѣдитель, выставившій тезисъ, подхваченный потомъ Бисмаркомъ, что побѣжденнымъ надо оставить только глаза, чтобы плакать. На придачу въ разоренномъ краѣ было нѣсколько милліоновъ негровъ, только что освобожденныхъ отъ рабства, безъ всякихъ средствъ. Черезъ два года южные штаты уже залѣчили раны, причиненныя многолѣтней войной. Стали на ноги даже освобожденные невольники, не смотря на крайне неблагопріятныя условія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ статьяхъ „Избранныя и отверженныя расы", помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ, я говорилъ подробно о возрожденіи американскихъ негровъ послѣ гражданской войны. Въ Европѣ мы имѣемъ поразителное по быстротѣ возрожденіе Франціи послѣ 1871 г. Германія была увѣрена тогда, что задушила сосѣда, а черезъ три года великая страна уже кипѣла новой жизнью. Обсуждая способность народовъ быстро возрождаться послѣ войны, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ экономистовъ говоритъ: „Если бы матеріальныя цѣнности, созданныя міромъ, были бы въ силу какой-нибудь катастрофы всѣ разрушены, то человѣчество создало бы ихъ снова въ десять лѣтъ, при условіи, что знанія, дисциплина и способность къ общественной организаціи не были бы утеряны во время великаго бѣдствія".

Побѣдитель не можетъ силой оружія сокрушить промышленнаго конкурента и громадная вывозная торговля, которую до-

---

[1] Norman Angell, „Can Trade be Captured?" Стр. 2.

начала войны вела Германія съ Великобританіей, Россіей, Франціей и другими странами, воюющими теперь съ нею, совершенно прекратилась. Что же касается торговли Германіи съ нейтральными государствами, то она сильно сократилась. Почему же намъ не взять теперь всѣ заказы, которыя до войны другія государства давали Германіи?—спрашиваютъ имперіалисты.—Почему намъ теперь не укрѣпиться на иностранныхъ рынкахъ такъ, чтобы Германія нашла невозможнымъ вытѣснить насъ, когда наступятъ нормальныя времена? Результатомъ такого захвата будетъ ростъ британской промышленности, и параллельно съ этимъ, значительное улучшеніе положенія рабочихъ классовъ. Такъ говорятъ имперіалисты. На это является возраженіе. Если англійская промышленность можетъ захватить германскіе рынки, то почему ей не начать съ внутренняго рынка? До войны Германія и Австрія ввозили въ Англію товаровъ на 70 мил. ф. ст. и теперь дѣлаются усилія замѣнить эти товары англійскими. Можетъ ли Англія использовать такое положеніе, созданное войною, чтобы всѣ товары, привозимые раньше изъ Германіи и Австріи, фабриковались дома? „Многіе забываютъ тотъ простой фактъ, что, прекративъ ввозъ иностранныхъ товаровъ, мы остановимъ этимъ самымъ также вывозъ англійскихъ фабрикатовъ, идущихъ въ уплату импорта,—говоритъ Норманъ Энджель.—Такимъ образомъ, задавшись цѣлью изготовлять дома всѣ фабрикаты, привозимые раньше изъ за-границы, мы не увеличимъ нашу промышленность. Мы возмѣстимъ только отчасти то, что потеряли отъ прекращенія вывоза товаровъ". Экономисты считающіе для государства выгоднымъ только экспортъ, исходятъ, повидимому, изъ не совсѣмъ научнаго положенія, которое можно было бы формулировать такъ: „Умный продаетъ, а дуракъ покупаетъ". Германія и Австрія вывозили на нейтральные рынки до войны фабрикатовъ на 400 мил. ф. ст. Покуда продолжается война, Англія можетъ снабжать нейтральныя рынки частью этихъ товаровъ. Вполнѣ возможно,—говоритъ Норманъ Энджель,—что и послѣ войны, когда германскіе товары снова появятся, нѣкоторые новые заказчики останутся вѣрны Англіи; но увеличеніе англійской промышленности не будетъ такъ значительно, какъ предполагается. Частнымъ результатомъ этого увеличенія будетъ не захватъ германской торговли, а только нейтрализація потерь, понесенныхъ англійской промышленностью. Исчисляя, какіе рынки можно захватить, имперіалисты основываются на данныхъ, существовавшихъ до войны. Предполагается, что и послѣ заключенія мира будетъ существовать то же количество потребителей съ спросомъ на тѣ же машины, сукна и химическіе препараты, что и раньше. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не такъ. Катастрофа, обрушившаяся на міръ въ 1914 году, разрушила также старыя потребности. Вліяніе войны отразилось на всѣхъ рынкахъ.

и теперь нельзя строить плановъ „захвата" ихъ, ибо мы не знаемъ совершенно новыхъ условій, которыя возникнутъ послѣ заключенія мира.

Когда раздѣленіе труда было такъ слабо развито, что каждое хозяйство производило почти все необходимое,—не имѣло никакого значенія, если часть государства бывала отрѣзана на продолжительное время отъ всего міра. Если, напримѣръ, непріятель сжигалъ почти всю деревню или моръ уносилъ значительную часть населенія, то оставшіеся въ живыхъ могли существовать собственными средствами. Если бы въ X вѣкѣ Англія могла какимъ-нибудь чудомъ перебить всѣ народы Европы, отъ этого ей было бы не только не хуже, но даже лучше, такъ какъ не было бы вторженій. Если бы такое чудо могло быть сдѣлано теперь, то половина населенія Англіи умерла бы съ голода. Предположимъ, по одну сторону границы живетъ народъ, сѣющій пшеницу, а по другую, народъ, добывающій уголь. Каждый изъ этихъ народовъ кровно заинтересованъ въ томъ, чтобы сосѣдъ могъ успѣшно продолжать свою работу. Углекопы не могутъ въ недѣлю стать хлѣбопашцами, а земледѣльцы, даже при желаніи, не могутъ сдѣлаться углекопами. Обмѣнъ черезъ границу между обоими народами долженъ продолжаться. Въ такомъ случаѣ оба народа будутъ благоденствовать. Если же обмѣнъ прекратился, то оба народа умрутъ. Каждый народъ при обмѣнѣ долженъ ждать, покуда сосѣдъ успѣетъ собрать результатъ своего труда. Этотъ примѣръ даетъ намъ первоначальное представленіе о торговлѣ и кредитѣ. Развитіе путей сообщенія и ускореніе письменныхъ сношеній между отдѣльными странами, сдѣлали всѣ народы „сосѣдями". Отношенія между самыми отдѣльными странами крайне усложнились теперь, такъ что ударъ, нанесенный торговлѣ или кредиту одного народа, немедленно отражаются всюду. И эта взаимная зависимость всѣхъ странъ создалась въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Капиталъ всѣхъ странъ связанъ такъ, что если какой-нибудь кризисъ возникаетъ въ Нью-Іоркѣ; финансисты Лондона чувствуютъ его немедленно и спѣшатъ на помощь. Дѣлаютъ они это не изъ человѣколюбія, а въ интересахъ самозащиты. Сложность финансовой системы ставитъ теперь Нью-Іоркъ въ еще большую зависимость отъ Лондона, Лондонъ отъ Парижа, а Парижъ отъ Берлина, чѣмъ когда-либо раньше въ исторіи. Эта мѣстная зависимость является результатомъ повседневнаго пользованія удобствами цивилизаціи, созданными въ послѣднія десятилѣтія, т. е. быстрой почтой, телеграфомъ и высоко развитой системой банковъ. Послѣдствіемъ поразительно быстраго развитія путей сообщенія является то, что столицы всѣхъ главныхъ государствъ связаны теперь въ финансовомъ отношеніи крѣпче, чѣмъ когда-либо раньше, съ главными городами Великобританіи. Когда катастрофа разразилась въ 1914 году, финансовое зданіе рухнуло. Ни одно государство не можетъ захватить те-

перь вывозную торговлю Германіи уже потому, что торговля эта перестала существовать. Вооруженная сила можетъ разрушить финансовую систему, но не можетъ создать ее.

„Разсматривая вопросъ о захватѣ торговли Германіи съ Аргентиной, Бразиліей, Соединенными Штатами и британскими владѣніями, лежащими за морями, мы не должны забывать, что страны эти быстро развились въ послѣдніе годы и что ростъ ихъ въ промышленномъ отношеніи обусловливается поглощеніемъ европейскаго капитала,—говоритъ Норманъ Энджель. — Эмигрирующій капиталъ долженъ постоянно притекать въ эти молодыя страны, такъ какъ безъ него онѣ не могутъ ни производить цѣнности для продажи, ни покупать фабрикаты, изготовленные въ Англіи или Германіи. Съ 1915 г. англійское правительство запретило выпускъ иностранныхъ займовъ въ Великобританіи. Не рискуя оказаться ложнымъ пророкомъ, можно предсказать, что послѣ войны всѣ Европейскія государства будутъ сами искать капиталъ, вмѣсто того, чтобы снабжать имъ другія страны. И такъ какъ капиталъ перестанетъ притекать въ Южную Америку изъ Европы, то врядъ-ли Аргентина, Бразилія и другія латинскія республики смогутъ стать покупателями англійскихъ товаровъ".

Много лѣтъ тому назадъ, обсуждая на страницахъ „Русскаго Богатства" вопросъ объ имперіализмѣ, я разбиралъ, нѣсколько вѣрна формула: «Trade follows the flag», т. е. промышленность растетъ съ новыми завоеваніями [1]). Я указалъ тогда, что промышленность не можетъ угнаться за флагомъ, какъ предсказываютъ имперіалисты: территорія Британской имперіи растетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ея промышленность. Затѣмъ статистическія таблицы говорятъ намъ также, что захватъ новой территоріи означаетъ иногда новый рынокъ для иностранныхъ конкурентовъ. Послѣдующіе факты показали, что развитіе промышленности страны не находится въ зависимости отъ завоеваній и захватовъ колоній силой оружія; государство отнюдь не обезпечиваетъ себѣ этимъ вѣрнаго рынка для своихъ фабрикатовъ. При нормальныхъ условіяхъ, какъ это ни странно, государства, въ томъ числѣ и Англія, находятъ своихъ лучшихъ потребителей не въ собственныхъ колоніяхъ. Франція имѣетъ громадную колоніальную имперію, но республика не развила такой заморской торговли, какъ Германія, колоніи которой ничтожны. Когда наши интернаціоналисты, обличающіе Англію, утверждаютъ, что это государство начало войну, позарившись на африканскія колоніи Германіи, то они не знаютъ о чемъ говорятъ. Германія не знала, что дѣлать со своими африканскими колоніями. Она должна была давать взятки своимъ подданнымъ, чтобы они переселялись туда. Торговля метрополіи съ африканскими колоніями была ничтожна. Теперь даже

---

1) Діонео, „Очерки современной Англіи", стр. 50—56.

самые крайніе англійскіе имперіалисты говорятъ не о присоединеніи захваченныхъ африканскихъ колоній, а о нейтрализаціи ихъ Англичане боятся, что Германія, если она останется въ Центральной Африкѣ, сформируетъ тамъ многомилліонную черную армію для захвата всего континента и превратитъ берега въ базы для подводныхъ лодокъ.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ замѣчаній слѣдующій. Ни одно изъ воюющихъ государствъ, сколько бы территорій оно ни забрало мечемъ, не увеличитъ этимъ свою промышленность. Побѣдителемъ на нейтральныхъ рынкахъ, въ концѣ концовъ, окажется не то государство, которое имѣетъ самую лучшую армію и самый сильный флотъ, а то, которое имѣетъ наиболѣе способныхъ и технически обученныхъ рабочихъ; то государство, населеніе котораго болѣе предпріимчиво и обладаетъ большимъ количествомъ знаній. Война никому не поможетъ захватить торговлю. Торговое соперничество между государствами основано на недоразумѣніи. Предполагается, что „міровая торговля" это—опредѣленная величина, это золотое руно, которое достается самымъ предпріимчивымъ и удалымъ аргонавтамъ. И когда это „золотое руно" захвачено, то для тѣхъ, которые приплывутъ позже, уже ничего не останется. Имъ тогда надо пуститься въ догонку за аргонавтами, чтобы дать имъ бой и отнять силой золотое руно, т. е. міровую торговлю. Между тѣмъ міровая торговля растетъ и безгранична, какъ человѣческое желаніе. Каждый предпріимчивый, смѣлый фабрикантъ можетъ самъ открыть новую человѣческую потребность и явиться со своими фабрикатами. Создавая новую потребность, онъ порождаетъ этимъ самымъ цѣлый рядъ промышленностей среди потребителей. У нихъ является больше цѣнностей, которыя могутъ быть обмѣнены на другіе товары. Такимъ образомъ, захватъ оружіемъ и развитіе промышленности—взаимно исключающія другъ друга понятія.

VI.

Когда придетъ наконецъ „женихъ", онъ найдетъ, что матеріальныя богатства, накопленныя Великобританіей, замѣнились колоссальнымъ долгомъ, размѣры котораго также не могутъ быть постигнуты умомъ обывателя, какъ, скажемъ, цифры, выражающія разстояніе земли отъ „беты" въ созвѣздіи Геркулеса. До октября 1917 года Англія, для веденія войны, заключила заемъ въ 4.369.537.000 ф. ст., что по курсу составитъ болѣе ста милліардовъ рублей. Съ тою же цѣлью она продолжаетъ занимать у населенія до 2 милліардовъ ф. ст. въ годъ. И если война продолжится еще годъ, то „женихъ" найдетъ государственный долгъ въ 7.368.537.000 ф. ст. (считая одинъ милліардъ ф. ст. на демобилизацію). Такъ какъ въ Англіи нѣтъ такихъ геніальныхъ фи

нансистовъ, какъ у большевиковъ, которые полагаютъ, что финансовыя затрудненія поправить очень просто: надо объявить государство банкротомъ и отказаться отъ платежей по всѣмъ обязательствамъ,—то канцлеру казначейства придется разрѣшить страшно трудную задачу. Ему придется найти ежегодно 780.500.000 ф. ст. Колоссальная сумма составляется такъ.

Проценты и погашеніе государствен. долга	460.500.000 ф. ст.
Пенсіи увѣчнымъ воинамъ и ихъ семьямъ	45.000.000 ф. ст.
Обычные государственные расходы	275.000.000 ф. ст.
Итого бюджетъ въ	780.500.000 ф. ст.

Въ 1913 году *весь* доходъ страны, обложенный подоходнымъ налогомъ, представлялъ собою сумму въ 791.714.000 ф. ст. Такимъ образомъ, передъ канцлеромъ казначейства въ ближайшемъ будущемъ стоитъ невѣроятно трудная задача. „Мы будемъ счастливы, если отдѣлаемся подоходнымъ налогомъ въ размѣрѣ 10 шил. на фунтъ ст. (50%)",—говоритъ одинъ экономистъ. Очень умѣренные экономисты говорятъ о „конскрипціи части капитала". И когда недавно явилась съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ депутація къ канцлеру казначейства, Бонаръ Ло отвѣтилъ, что въ конскрипціи части капитала нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ прибавилъ только, что отъ „конскрипціи" совершенно будутъ избавлены тѣ, которые дали свои сбереженія государству, т. е. которые купили бумаги военнаго займа. Богатства, впрочемъ, дѣло наживное. Энергичное, талантливое, свободное, предпріимчивое населеніе, какъ мы видѣли, поразительно быстро оправляется послѣ войны, если имѣетъ возможность *сейчасъ* же взяться за работу и если *сейчасъ* же начинаетъ борьбу съ надвигающейся нищетою. Будетъ ли эта возможность у Англіи? Экономическій кризисъ,—говорятъ намъ,—опредѣлится вполнѣ только послѣ войны. И тогда *вся Европа*, въ томъ числѣ и Англія, конечно, увидитъ себя лицомъ къ лицу съ голодомъ, котораго культурныя страны не знаютъ уже очень давно. Война съ незапамятныхъ временъ порождала голодъ. Въ странахъ, лежащихъ далеко отъ театра войны, чувствуется тоже, что милліоны людей заняты истребленіемъ другъ друга, вмѣсто того, чтобы пахать или создавать цѣнности, необходимыя для скрашиванія жизни, но пока имѣются громадные запасы пищевыхъ продуктовъ. Въ Новой Зеландіи, напримѣръ, накоплены въ холодильникахъ громадные запасы мороженной баранины. Британское правительство закупило въ Австраліи на сорокъ милліоновъ ф. ст. пшеницы, которая хранится тамъ въ элеваторахъ. Аргентина имѣетъ теперь четыре милліона тоннъ пищевыхъ продуктовъ. Запасы для вывоза имѣются въ Канадѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Приблизительно такія же условія существуютъ въ Египтѣ и въ Индіи. Всюду имѣются значительные запасы для вывоза, хотя не такіе большіе, какъ до

войны. Все это надо *вывезти*. Другими словами, необходимы корабли. Немедленно послѣ заключенія мира громадный торговый флотъ понадобится также, чтобы перевезти солдатъ домой. Затѣмъ всѣ фабрики и заводы будутъ нуждаться въ сырьѣ, для перевозки котораго опять понадобятся корабли. По оффиціальнымъ отчетамъ Англія потеряла до октября 1917 года торговый флотъ въ 2.500.000 тоннъ. Нейтральныя націи потеряли флотъ приблизительно въ 2.000.000 тоннъ. Германія потеряла не меньше торговыхъ кораблей. Теперь слѣдующее: до войны всѣ страны имѣли торговый флотъ въ сорокъ пять милліоновъ тоннъ; но сюда входитъ каждая барка въ сто тоннъ и каждое судно, пригодное только для каботажнаго плаванія. Что касается торговаго флота, пригоднаго для плаванія черезъ океанъ, то, вѣроятно, водоизмѣщеніе его было двадцать милліоновъ тоннъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что война уничтожила уже значительную часть торговаго (океанскаго) флота всего міра. И когда придетъ „женихъ“; когда „голодныя“ фабрики потребуютъ сырья, когда понадобится колоссальный строительный матеріалъ для возстановленія руинъ; когда милліоны солдатъ будутъ ждать, чтобы ихъ перевезли изъ Европы въ Соединенные Штаты, Канаду, Австралію, Новую Зеландію, Индію или въ Южную Африку; когда наконецъ, сотни милліоновъ людей будутъ требовать хлѣба и другихъ пищевыхъ продуктовъ, которыхъ нѣтъ въ Европѣ,—окажется, что не хватаетъ кораблей. „Корабли“ это—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, которые возникнутъ передъ „женихомъ“. Отъ удачнаго разрѣшенія его зависитъ предупрежденіе смутъ и голода.

О соціальномъ броженіи я писалъ уже подробно въ „Русскомъ Богатствѣ“. Я дополню уже сказанное тѣмъ, какъ вопросъ представляется англійскимъ консерваторамъ. Осенью 1917 года Times помѣстилъ рядъ статей о броженіи въ массахъ. И вотъ какъ консервативная газета ставитъ вопросъ. Теперь въ Англіи существуютъ два рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга міра, двѣ націи, по терминологіи Times'а. Каждая заключаетъ около 4 милліоновъ семействъ. Одинъ міръ это „нація организованныхъ рабочихъ“. „Структура ея довольно однородна: она состоитъ изъ рабочихъ, трудъ которыхъ очень хорошо оплачивается. Каждая семья этой націи имѣетъ недѣльный заработокъ отъ двухъ до пяти фунтовъ ст. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заработокъ этотъ достигаетъ гораздо большихъ размѣровъ“. Вся эта *нація* (по терминологіи Times'а) состоитъ изъ убѣжденныхъ соціалистовъ, „признающихъ своимъ сувереномъ державный пролетаріатъ“. У нея теперь нѣтъ всѣми признанныхъ вождей, авторитетъ которыхъ неоспоримъ, хотя время отъ времени, въ зависимости отъ того или иного случая „нація“ эта слѣдуетъ за какимъ нибудь героемъ момента. Въ началѣ войны „нація“ эта имѣла годовой доходъ приблизительно въ

шестьсотъ милліоновъ ф. ст., но съ тѣхъ поръ доходъ этотъ достигъ одного милліарда ф. ст. Но такъ какъ покупательная сила денегъ уменьшилась, то, по всей вѣроятности, матеріальное благосостояніе этой націи возрасло не очень сильно,—замѣчаетъ Times.—Нація организованныхъ рабочихъ помогла странѣ вести войну. Она дала людей (большею частью волонтеровъ, записавшихся въ началѣ войны), согласилась работать на заводахъ сверхъ условленныхъ часовъ и участвовала въ подпискѣ на военный заемъ. Но бремя, падающее на націю организованныхъ рабочихъ, сравнительно съ тяготами, лежащими на плечахъ второй націи,—не велико. За время войны уровень жизненныхъ удобствъ націи организованныхъ рабочихъ повысился. Теперь,—по увѣренію Times'а,—нельзя больше утверждать, что капиталъ въ Англіи управляетъ и эксплоатируетъ, тогда какъ трудъ создаетъ и страдаетъ. Нація организованныхъ рабочихъ, съ тѣхъ поръ какъ началась война, сбросила съ себя контроль, какъ индивидуальнаго предпринимателя, такъ и акціонерной компаніи. „Нація" эта, работающая въ угловныхъ шахтахъ, на корабельныхъ верфяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ докахъ, на металлургическихъ заводахъ всякаго рода и въ мастерскихъ на оборону,—имѣетъ теперь своимъ предпринимателемъ *государство*. Прежній хозяинъ сталъ теперь главнымъ надсмотрщикомъ, состоящимъ на службѣ у государства, а прежній акціонеръ—государственнымъ пенсіонеромъ.

Вторая нація, столь же численная, какъ и первая, это,—по терминологіи Times,—„Старая Англія". Она представляетъ во всемъ противоположность „націи организованныхъ рабочихъ". „Старая Англія" имѣетъ теперь такой же характеръ, какой имѣла въ XIX вѣкѣ. Въ составъ ея входятъ всѣ классы, имѣющіе земельную собственность, затѣмъ представители либеральныхъ профессій, торговые классы, лица, заинтересованныя такъ или иначе въ землѣ, а также рабочіе, занятые въ тѣхъ отросляхъ промышленности, которыя еще не взяты государствомъ подъ контроль. Таковы—батраки, ланкаширскіе ткачи и стафордширскіе гончары. Мы видимъ, что „Старая Англія" состоитъ, по континентальной терминологіи, изъ буржуа и пролетаріевъ. Въ этой „націи" мы находимъ и первыхъ богачей, и батраковъ, которымъ теперь государство гарантируетъ minimum въ двадцать пять шиллинговъ въ недѣлю. Общій доходъ Старой Англіи" значительно выше валового дохода „націи организованныхъ рабочихъ", но если мы выключимъ немногихъ, получающихъ колоссальные доходы, то найдемъ, что остальныя семьи имѣютъ меньше, чѣмъ семьи, входящія въ составъ другой націи. Въ среднемъ, доходъ одной семьи изъ націи „Старая Англія" равняется 250 ф. ст. въ годъ. Съ тѣхъ поръ какъ началась война, „Старая Англія" принуждена была сильно сократиться. Большинство ея—значительно бѣднѣе, чѣмъ большинство другой націи. „Старая Англія" состоитъ изъ индивидуалистовъ, думающихъ о черномъ днѣ

и припасающихъ поэтому, что могутъ". „Старая Англія", законопослушна, подчиняется авторитету парламента и признаетъ правительство, тогда какъ „Нація организованныхъ рабочихъ",—по увѣренію Times'a,—„можетъ быть союзникомъ правительства, но не является подданнымъ его". „Эта нація пытается выжать возможно больше изъ государства, не считаясь съ дѣйствительностью". Съ этою цѣлью она ставитъ своимъ девизомъ: „Требуйте все бо́льшую и бо́льшую заработную плату. Пусть ударъ слѣдуетъ за ударомъ, а стачка за стачкой". Times стремится доказать, что эта политика безпрерывно нарастающихъ требованій поведетъ неизбѣжно къ послѣдовательному обезцѣненію денегъ и къ истощенію матеріальныхъ ресурсовъ страны. Times, какъ примѣръ, приводитъ углекоповъ Южнаго Валиса. Въ августѣ 1915 г. они устроили стачку и потребовали увеличенія заработной платы на 25%. Шахтовладѣльцы по предложенію правительства уступили. Углекопы затѣмъ потребовали, чтобы правительство установило твердыя цѣны на уголь. И какъ только это было выполнено, рабочіе запросили новую прибавку въ размѣрѣ 40% заработной платы. Шахтовладѣльцы тогда отказались отъ контроля надъ шахтами. Правительство взяло на себя контроль и дало рабочимъ требуемую прибавку. Такъ какъ цѣны на уголь фиксированы, то правительство теперь оказывается въ роли управляющаго съ ограниченнымъ годовымъ доходомъ. И вотъ рабочіе снова требуютъ прибавку въ размѣрѣ 25%. Доковые рабочіе предъявили еще большія требованія, чѣмъ углекопы. Какъ можетъ удовлетворить государство, ставшее предпринимателемъ, эти чрезмѣрныя требованія? — спрашиваетъ Times.—Оно вынуждено будетъ, въ концѣ концовъ, увелить количество бумажныхъ денегъ, что поведетъ къ круговому вздорожанію жизненныхъ продуктовъ, а это, въ свою очередь, повлечетъ за собою новыя требованія объ увеличеніи заработной платы. Правительство, такимъ образомъ, находится въ заколдованномъ кругѣ.

При своемъ появленіи статьи Times'а произвели большое впечатлѣніе и по поводу ихъ много говорили въ печати и въ обществѣ. Спокойные люди указали на то, что спеціальный корреспондентъ Times'a сильно сгустилъ краски, изображая „двѣ націи". Въ доказательство они привели недавнее голосованіе тѣхъ же валійскихъ углекоповъ. Дѣло шло о колосальной стачкѣ для протеста противъ привлеченія на дѣйствительную военную службу нѣкоторыхъ углекоповъ. Эта стачка усиленно рекомендовалась нѣкоторыми вождями; но когда состоялся плебисцитъ, то оказалось, что углекопы патріоты относятся къ интернаціоналистамъ, какъ 8:1. И это въ самомъ „революціонномъ" районѣ Соединеннаго Королевства, т. е. тамъ, гдѣ зарождались въ послѣдніе годы всѣ великія стачки, потрясавшія экономическую жизнь Великобританіи. Стачка была отклонена

углекопами изъ патріотическихъ соображеній. Такимъ образомъ, обѣ „націи" не такъ уже раздѣлены, какъ увѣрялъ Times. Спокойные люди дальше приводили безчисленные примѣры, доказывающіе, что обѣ „націи" смотрятъ на парламентъ (на парламентъ, обновленный послѣ ближайшихъ выборовъ), какъ на громадный предохранительный клапанъ. И если парламентъ, послѣ крайне скромной реформы 1832 г., спасъ Англію отъ громаднаго количества взрывчатыхъ газовъ, накопленныхъ въ странѣ наполеоновскими войнами, то тѣмъ легче ему будетъ сдѣлать это послѣ радикальной реформы, *удвоившей* число избирателей и привлекшей къ урнамъ шесть милліоновъ женщинъ.

Діонео.

Трагедія русской интеллигенціи *).

(Разумъ и совѣсть народа или соціальные грабители?)

I.

Революція принесла русской интеллигенціи своеобразный подарокъ. Шапку-невидимку. 130 лѣтъ русская интеллигенція была въ видимомъ состояніи. Впервые ее воочію увидѣли именно 130 лѣтъ тому назадъ въ тотъ день, когда по повелѣнію Екатерины II сжигали на площади, какъ гласитъ преданіе, рукой палача книгу Радищева: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". Язычки краснаго пламени манифестировали на рожденіе видимой русской интеллигенціи съ ея пламенными поисками правды-истины и правды-справедливости. И вотъ пришла революція въ февралѣ-мартѣ 1917 года и принесла свои подарки, какъ сказочная фея. Кому что, а русской интеллигенціи— шапку-невидимку. Вдругъ не стало видно интеллигенціи, существовавшей въ видимомъ состояніи 130 лѣтъ. Среди красныхъ знаменъ, напоминавшихъ о красномъ огонькѣ, зажженномъ невольно рукой палача Екатерининскихъ временъ для увѣковѣченія Радищевской тревоги о судьбахъ русскаго народа, вдругъ ничего не оказалось, кромѣ пролетаріата и буржуазіи съ „буржувазіей".

Конечно, это не было совсѣмъ неожиданно. Вѣщія знаменія были уже давно, въ тѣ давнія времена, когда теперешніе сѣдые люди переживали свою „счастливую, невозвратимую" пору юности. Въ эти давніе, старые годы существовалъ категорическій императивъ, требовавшій прежде всего изученія политической экономіи. Необходимо было проштудировать Милля и непремѣнно съ примѣчаніями Чернышевскаго. Потомъ надо было почитать Рикардо и дойти мало по малу до вершины человѣческихъ знаній, до „Капитала" Маркса. Кто могъ имѣть этотъ „Капиталъ", тотъ чувствовалъ себя по-истинѣ капиталистомъ, хотя это и тогда для русскаго интеллигента было самымъ ужаснымъ словомъ во всей

---

*) Докладъ, прочитанный въ публичномъ собраніи Союза Русскихъ писателей 31 (18) марта с. г.

русской рѣчи... Помню я, распродавалъ какъ-то, вслѣдствіе денежныхъ затрудненій, свою библіотеку покойный беллетристъ Шеллеръ-Михайловъ. Конечно, Марксъ у него былъ на лицо. И вотъ Шеллеръ-Михайловъ за „Капиталъ" взялъ съ насъ, юнцовъ, всего половину цѣны, напечатанной на обложкѣ; взялъ, въ качествѣ безсребренника, какимъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ, всего одинъ рубль семьдесятъ пять копѣекъ. Я это какъ сейчасъ помню,—до такой степени это было тогда поразительнымъ счастьемъ, выпавшимъ на нашу долю.

Но были и терніи въ нашемъ счастьи отъ политической экономіи. Эти терніи принесла терминологія классической экономіи, признававшей два вида труда: производительный и непроизводительный. Къ первому относились тѣ виды труда, которые физически создаютъ цѣнности; ко второму—„непроизводительному"—всѣ остальные... Очень грустно и пророчески обидно звучало это слово. Вѣдь всѣ мы готовились именно къ этой долѣ—заниматься „непроизводительнымъ" трудомъ. Правда, въ книгахъ, которыя мы читали, какъ вѣрующіе Священное Писаніе, давались успокоительныя разъясненія. Говорилось, что „непроизводительный", по терминологіи политической экономіи, трудъ можетъ быть соціально очень полезенъ и продуктивенъ; что нѣтъ другого болѣе точнаго термина, поэтому приходится пользоваться тѣмъ, который есть, въ силу недостатковъ языка... Приходилось мириться съ этимъ недостаткомъ политико-экономическаго языка, но какъ хотѣлось, чтобы этого недостатка не было, чтобы филологи выдумали для экономистовъ нужное слово, не обидное для людей „непроизводительнаго" труда.

Но филологи ничего не придумали. А грустное чувство отъ неточнаго обозначенія оказалось пророческимъ. Февральско-мартовская революція пришла и раздѣлила людей по буквальному содержанію терминовъ экономики на „производящихъ" цѣнности въ смыслѣ экономики и на „непроизводящихъ" таковыхъ. Первые были признаны имѣющими цѣну, а вторые сочтены недоразумѣніемъ, допущеннымъ со стороны пролетаріата, вслѣдствіе злого происка капиталистовъ и „стараго режима".

II.

Помимо экономическихъ мотивовъ на это пренебрежительное отношеніе къ интеллигенціи повліяли также и мотивы, т. е. вѣрнѣе—недоразумѣнія, политическаго характера.

Какъ это ни неожиданно, но получилась почти забавная и во всякомъ случаѣ странная вещь. Масса упоена своей побѣдой надъ царской властью, такъ легко ей доставшейся. Именно въ этомъ масса усмотрѣла дополнительный поводъ для презрительнаго отношенія къ интеллигенціи, которая не съумѣла добиться того-же

при необычайныхъ усиліяхъ въ теченіи десятковъ лѣтъ интеллигентской борьбы. Въ самопоклоненіи своемъ масса не замѣтила одного компрометирующаго логическаго вывода. Если дѣло низверженія царской власти было такимъ простымъ дѣломъ, какъ только вмѣшалась масса, то вѣдь, значитъ, царская власть и неволя на Руси только потому и держались, что имѣли за собой попустительство этой самой массы. Интеллигенція-то вѣдь пыталась добиться свободы. Но это оказалось невозможно, потому что этого не хотѣла масса... Гдѣ-же причина для опьяненія массы своей ролью въ февральско-мартовской революціи? Казалось-бы, нужно чувствовать укоръ, что попустительствомъ массы этого не было сдѣлано давнымъ-давно. Откуда было прійти гордости тѣхъ, кому оказалось такъ легко сдѣлать это въ февральскіе и мартовскіе дни? Какъ будто неоткуда было взяться самопоклоненію массы. Но оно взялось, и непосильно одинокая борьба русской интеллигенціи съ царизмомъ оказалась не въ честь, а въ поношеніе...

III.

По существу положеніе интеллигенціи не очень ново. Въ сущности масса желаетъ поставить творческую интеллигенцію, въ широкомъ значеніи этого слова въ такое-же положеніе, какъ и капиталистическій режимъ. Разница только въ грубыхъ и нелѣпыхъ пріемахъ. Капитализмъ покупалъ, масса хочетъ принудить. Но цѣль одна и та же—сдѣлать творческую интеллигенцію рабой. Я припоминаю одного, нынѣ покойнаго, дѣльца и капиталиста, который говорилъ, что онъ „покупаетъ мозгъ". И это, пожалуй, болѣе цѣлесообразный методъ, чѣмъ тотъ, къ которому нынѣ пытается прибѣгнуть торжествующая мускульная аристократія.

Вотъ ужь поистинѣ неисповѣдимы судьбы русской интеллигенціи, всегда отстаивавшей свой надклассовый или внѣклассовый характеръ. Не связанная сословнымъ происхожденіемъ питающаяся изъ трудовыхъ низовъ—со временъ освобожденія крестьянъ, русская интеллигенція пыталась отстаивать государственную обще-народную точку зрѣнія. Это именно то, что разумѣется подъ почетнымъ опредѣленіемъ: разумъ и совѣсть народа. Взвѣшивая на основаніи всего доступнаго современному знанію существующее положеніе вещей, русская интеллигенція пыталась найти ту тропинку, которая ведетъ къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ въ наиболѣе выгодномъ для трудовой массы направленіи. Конечно, она могла ошибаться; и, конечно, она во многомъ ошибалась; мы теперь это доподлинно знаемъ. Но это не мѣняетъ дѣла. Мы вѣдь говоримъ не о точности прогноза, который устанавливала русская интеллигенція относительно грядущихъ судебъ Россіи; мы говоримъ не объ остротѣ анализа, которому подвергала русская интеллигенція обще-народную психологію, дѣлая изъ нея отправ

ныя точки для своего всенароднаго служенія. Мы говоримъ только о томъ, что русская интеллигенція всегда стремилась къ этому всенародному служенію, усматривая въ этомъ свою соціальную миссію. И это было такъ. 130 лѣтъ русская интеллигенція по справедливости считала себя служительницей всенародныхъ интересовъ и дѣйствительно служила имъ по совѣсти. Именно—по совѣсти. Не за страхъ, какъ она принуждена была въ отношеніи государственной исторической власти. А только за совѣсть.

Революція сдѣлала это смѣшнымъ самообманомъ. Трудовыя массы прониклись лозунгами о классовой психологіи и о классовой борьбѣ, какъ непреложномъ свойствѣ всякой общественной группы. То же самое относится и къ интеллигенціи, какъ таковой. Отнынѣ она уже не представительница всенароднаго служенія; не выразительница народной совѣсти думающая о томъ, чѣмъ можетъ жить и дышать Россія. Отнынѣ она только участница въ соціальномъ грабежѣ трудящихся массъ со стороны всякаго рода эксплоататоровъ, о которыхъ поется въ рабочей марсельезѣ:

Твоимъ потомъ жирѣютъ обжоры,
Твой послѣдній кусокъ они рвутъ.

Отнынѣ русская интеллигенція только разновидность этихъ рвачей и соціальныхъ „пауковъ", о которыхъ К. Либкнехтъ говоритъ въ своей достаточно дикой агитаціонной брошюрѣ: „Пауки и мухи".

Въ рабочей марсельезѣ поется:

Бей, губи ихъ, злодѣевъ проклятыхъ...

и для интеллигенціи не дѣлается исключенія. Она котируется тоже въ качествѣ злодѣевъ проклятыхъ. Это все та же свора богачей, только богачей „умственныхъ", которые расхищаютъ тяжелый трудъ народа. Расхищаютъ. Только расхищаютъ.

Отъ логики вещей спасенія нѣтъ. Массовая психологія фактъ, съ которымъ приходится считаться. Если интеллигенція не хочетъ даже, то она все же должна будетъ считаться съ воззрѣніемъ, что ея роль — „расхищеніе" народнаго труда; что она принадлежитъ къ категоріи Либкнехтовыхъ соціальныхъ пауковъ, живущихъ кровью мухъ, т. е. представителей физическаго труда.

Выбора нѣтъ. Интеллигенція должна предъявить свой счетъ массѣ. Должна заявить, по установившемуся обычаю, „декларацію своихъ правъ".

Я не хотѣлъ бы создать почву для недоразумѣнія въ отношеніи сказаннаго мною. Поэтому я точно формулирую то, что считаю нужнымъ сказать.

На вопросы, которые поставила предъ собою масса,—что такое

интеллигенція? какова ея соціальная роль? каково ея будущее? обречена ли она на исчезновеніе, какъ особая категорія соціальнаго бытія, играющая роль только потребителя прибавочной доли труда?—интеллигенція должна отвѣтить повтореніемъ старыхъ, но внезапно и революціонно позабытыхъ истинъ. Интеллигенція въ защиту этихъ старыхъ истинъ, вѣрнѣе трюизмовъ, должна сойти съ привычной, какъ мы говорили, внѣклассовой точки зрѣнія; должна попытаться самоопредѣлиться, если не какъ классъ, то какъ особая категорія всенароднаго сотрудничества. И должна твердо опредѣлить свое положеніе. Должна твердо сказать, что именно создаетъ физическій трудъ, какъ таковой и что создаетъ интеллектуальный трудъ—тоже, какъ таковой.

На этотъ вопросъ самый благопріятный отвѣтъ, казалось бы, даетъ исторія духовной культуры, въ частности исторія литературы. Здѣсь роль интеллигенціи неоспорима. Весь запасъ идей, которыми жила революція 1917 г., имѣетъ своимъ источникомъ—къ сожалѣнію, засореннымъ и испорченнымъ—русскую литературу въ ея лучшихъ представителяхъ. Объ этомъ еще 9 марта, въ своемъ первомъ послѣ-революціонномъ засѣданіи, счелъ необходимымъ торжественно заявить союзъ писателей. Это было правильнымъ дѣломъ, хотя и вызвало возраженія изъ рядовъ виднѣйшихъ представителей русской литературы. Нѣкоторымъ казалось, что это утвержденіе заслугъ литературы передъ русскимъ народомъ, передъ русской массой, ненужное, въ общественномъ смыслѣ, дѣло. Зачѣмъ ломиться въ открытую дверь, славя русскую литературу? Обстоятельства показали ошибочность этого мнѣнія. Дверь оказалась не только не открытой, но на глухо запертой. И русская литература въ данный моментъ занята именно этимъ горькимъ вопросомъ—о закрытыхъ дверяхъ, отдѣляющихъ русскую интеллигенцію отъ народныхъ массъ, интересами которой она жила.

Тѣмъ не менѣе мы не будемъ основываться на роли интеллигенціи въ области служенія чистой идеѣ. Пойдемъ въ ту область гдѣ отношеніе къ интеллигенціи прежде всего получило характеръ борьбы и пріобрѣло тяжелый мучительный характеръ. Это область производственныхъ отношеній. Здѣсь разразились первые порывы бури, которая смела, въ концѣ-концовъ, культуру современной Россіи.

Я не скрываю отъ себя, что при такихъ условіяхъ вопросъ переносится на наиболѣе трудную почву. Темнымъ дѣломъ остается для массы коренной вопросъ, что именно создаетъ въ ея собственной жизни интеллектуальный трудъ и какъ велика его доля по сравненію съ физическимъ трудомъ. На этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія наиболѣе „сознательныхъ" рабочихъ группъ, возможенъ, пожалуй, перевопросъ съ оттѣнкомъ удивленія. „Создаетъ"? кто? интеллектуальный трудъ? Увы! интеллектуальный трудъ ничего не создаетъ

Ибо здѣсь опять власть той магіи экономическихъ терминовъ, о которой уже отчасти говорили по поводу словъ „непроизводительный“ и „производительный“ трудъ.

Утверждается—учеными спеціалистами,—что существуетъ только одинъ источникъ созданія матеріальныхъ цѣнностей—физическій трудъ непосредственно у рабочаго станка, въ полѣ за плугомъ. Въ обмѣнъ поступаетъ только то, что создано этимъ трудомъ. Обмѣниваются только эквиваленты этого труда. Другого источника для созданія матеріальныхъ цѣнностей нѣтъ. Въ устахъ теоретиковъ-спеціалистовъ эти слова значатъ только то, что должны значить. Въ устахъ массы эти слова значатъ гораздо больше. Если существуетъ только одинъ источникъ созданія матеріальныхъ цѣнностей—физическій трудъ, то значитъ, для распредѣленія на жизненномъ пиру поступаетъ только то, что создано физическимъ трудомъ. Значитъ, распредѣленіе нормируется только тѣмъ, сколько часовъ физическаго труда затрачено на данный продуктъ. Ничье вмѣшательство въ процессъ созиданія цѣнностей, обращающихся на міровомъ рынкѣ, невозможно. А стало быть всѣ—кто не стоитъ у рабочаго станка—соціальные пауки, которымъ пришла пора сказать знаменитую фразу: „довольно вы нашей кровушки попили“.

Правда, кто-то выдумалъ станокъ, за которымъ работаетъ тотъ, кто поетъ строфу изъ рабочей марсельезы:

Расхищаютъ тяжелый свой трудъ...

Но изобрѣтеніе станка—заслуга прошлаго, уже ставшаго историческимъ, не создающая никакихъ правъ въ настоящемъ. Это рабочая масса знаетъ вполнѣ опредѣленно изъ устъ представителей научнаго соціализма. Рабочая масса освѣдомлена, что выдумка станка въ сущности вноситъ только временное измѣненіе въ обмѣнъ на рынкѣ матеріальныхъ цѣнностей. Пока станокъ существуетъ только на одной фабрикѣ—это еще вноситъ нѣкоторыя особенности въ общее положеніе вещей. Роль интеллектуальнаго элемента становится на это время видной, потому что на фабрикѣ съ новаторскимъ станкомъ вырабатывается больше цѣнностей, чѣмъ на другихъ, и этотъ излишекъ долженъ быть отнесенъ явно за счетъ тѣхъ, кто выдумалъ усовершенствованную машину, станокъ. Но это временное, только временное явленіе. Какъ только станокъ дѣлается общимъ достояніемъ, все выравнивается. Ни одна фабрика не получаетъ въ обмѣнъ больше того, что причитается по количеству затраченнаго ею физическаго труда рабочихъ. Обмѣнъ регулируется только количествомъ рабочаго труда и ничѣмъ больше.

Сдѣлайте отсюда кажущійся логическій выводъ—тотъ, который дѣлаетъ масса. Этотъ кажущійся выводъ — роль интеллигенціи ничтожна въ стихіи установившихся экономическихъ явленій.

Интеллигенція способна создать только временныя возмущенія въ процессѣ экономической жизни, почти такомъ же стройномъ и могучемъ, какъ движеніе планетъ по своимъ орбитамъ, вычисляемымъ по астрономическимъ законамъ. Основная роль и непреходящее значеніе принадлежатъ только рабочей массѣ.

Прибавьте къ этому, что существующій техническій строй мыслится какъ своего рода послѣднее достиженіе въ области техники; за время революціи массѣ не разъ приходилось слышать, что въ настоящее время —по состоянію современной техники—человѣчеству достаточно четырехъ, даже двухъ часовъ работы для удовлетворенія всѣхъ потребностей средняго человѣка, и неизбѣженъ выводъ, что никакого дальнѣйшаго промышленнаго совершенствованія уже не нужно. Достаточно и того, что есть. Не нужны, стало быть, никакія дальнѣйшія техническія выдумки. Не нужна, стало быть, и творческая интеллигенція—въ области производственныхъ отношеній.

Вотъ та магія словъ и терминовъ политической экономіи, жертвою которой прежде всего оказалась творческая интеллигенція въ области производственныхъ отношеній—на заводахъ, на фабрикахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и пр.

IV.

Но вѣдь то, что создано творческими силами интеллигенціи въ производственномъ обиходѣ, въ конечномъ счетѣ составляетъ не что иное, какъ всю сумму человѣческой культуры? Все, что отличаетъ человѣческую коллективную жизнь отъ звѣриной?

Да, это вѣрно.

Это и есть трагедія творческаго труда интеллигенціи. Ея роль величава въ глазахъ массы только временно, въ первичные моменты созиданія новыхъ цѣнностей. Только тогда, когда она создаетъ новое въ области промышленной техники. Только тогда когда она создаетъ—порой—революцію въ промышленной жизни. Только въ это время ея роль видна и почетна—въ глазахъ массы.

Въ этомъ отношенія были собраны очень любопытные музейные данныя на парижской выставкѣ 1900 г. относительно вліянія на общественное чувство такого факта, какъ открытіе первыхъ желѣзныхъ дорогъ. Странно подумать, что общественныя впечатлѣнія, пережитыя около 1825 г. въ Европѣ, были очень близки къ тому, что называется восторгомъ и поэзіей. Существовали пѣсни въ честь желѣзныхъ дорогъ. Существовали въ честь нихъ даже музыкальныя произведенія. На выставкѣ находился именно такой раритетъ, подъ названіемъ: „Les chemins de fer“—музыка Charles Plantade'a на слова Th. Muret:

Vivent les chemins de fer!
O merveille!
Sans pareille!
Comme l'eclair
On fend l'air!
Vivent les chemins de fer!

Если можно было пѣть во славу новаго „чуда безъ сравненія", очевидно, что переживалось нѣчто огромное, недостаточно выражаемое обыкновенными словами и обыкновенной рѣчью. Еще черезъ 50 лѣтъ было свѣжо впечатлѣніе отъ открытія Ливерпуль-Манчестеркой ж. д.; объ этомъ говорила музейная выдержка изъ рѣчи, сказанной членомъ парламента Leemann'омъ на юбилеѣ первой жел. дороги (27 сентября 1875 г.): „Во всей исторіи науки я не знаю ничего, что могло-бы сравниться съ тѣмъ великимъ тріумфомъ—это точное выраженіе—который представляло собою открытіе Ливерпуль-Манчестерской жел. дороги".

Но это было почти 100 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время о поэзіи желѣзныхъ дорогъ можно говорить, конечно, только смѣючись или бранясь. Это будничное скучное дѣло, въ которомъ останавливаетъ вниманіе только количество израсходованнаго рабочаго труда и количество топлива и которое никого больше не прельщаетъ полетомъ человѣческаго генія, въ свое время проявленнаго.

Только новое—въ области авіаціи и моторизма—снова въ наши дни возбудило чувство поэтовъ и художниковъ. Но пройдетъ время и все станетъ снова незамѣтнымъ для глаза и поэтовъ и толпы. Полетъ человѣческаго генія вновь и вновь останется за бортомъ обыденнаго разсмотрѣнія. Экономикѣ повседневныхъ отношеній до этого нѣтъ дѣла.

V.

Здѣсь область вниманія другой науки. Здѣсь судья—историкъ культуры.

Передъ нами любопытные „живые свидѣтели", собранные Департаментомъ Труда Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Путемъ кропотливыхъ сопоставленій въ двухъ книгахъ, составляющихъ 1.597 страницъ мелкаго текста, выяснено, что именно получило человѣчество отъ всякаго рода механическихъ изобрѣтеній, позволяющихъ замѣнить ручной трудъ машиннымъ во всевозможныхъ отрасляхъ труда.

Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ интересны сами по себѣ и заслуживаютъ вниманія—я готовъ сказать—съ эстетической точки зрѣнія. До такой степени онѣ красочны и ярки.

Беру примѣръ изъ наиболѣе отсталой отрасли человѣческой мысли. Это, конечно, область земледѣлія. Въ книгѣ американскаго департамента труда даны справки о томъ, сколько рабочаго вре-

кони требовалось на производство 20 бушелей (1.240 п.) пшеницы при ручныхъ методахъ работы въ 1829-30 гг., т. е. въ годы открытія первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ мірѣ, и сколько требовалось ко времени составленія книги въ 1895-96 гг. при машинныхъ пріемахъ работы.

Трудно преувеличить краснорѣчіе помѣщенныхъ въ книгѣ цифровыхъ данныхъ, удостовѣряющихъ, что успѣшность человѣческаго труда возрасла за истекшія 65 лѣтъ больше, чѣмъ въ 20 разъ. Въ 1829-30 гг.—для производства 20 бушелей пшеничнаго зерна, считая отъ поднятія поля плугомъ до собиранія обмолоченнаго зерна въ мѣшки, требовалось въ общемъ сложности 64 часа 15 мин. Въ 1895-96 гг. потребовалось только 2 часа и 58¼ минутъ.[1] Другими словами рабочаго времени потребовалось въ 22 раза меньше или въ 22 раза зерна выработано больше.

Не касаясь другихъ отраслей техники, остановимся еще на области химической промышленности—въ Германіи... У философовъ считалось догматомъ: ex nihilo nihil fit. Изъ ничего не дѣлается ничего. У химиковъ это совершенно обыденное дѣло—создавать именно изъ ничего. И вы не посѣтуете, если я воспользуюсь случаемъ и приведу нѣкоторыя цифровыя данныя, тоже интересныя сами по себѣ, положенныя въ основы законодательнаго проекта относительно открытія при Петроградскомъ Политехническомъ Институтѣ особаго химическаго отдѣленія. Какъ извѣстно,—впрочемъ, можетъ быть, не всѣмъ извѣстно—при добываніи свѣтильнаго газа получается каменноугольная смола. Она была такъ называемымъ отбросомъ производства; отъ этого отброса нужно было избавляться такъ или иначе. Проще всего было сжигать такъ и дѣлали. Но изслѣдованія химиковъ показали, что этотъ отбросъ можетъ стать цѣнностью, если его подвергнуть цѣлому ряду химическихъ процессовъ; въ результатѣ получаются разнообразнѣйшія цѣнныя краски и разнообразнѣйшія цѣнныя лекарственныя вещества. Первымъ, проложившимъ дорогу къ этому, былъ русскій химикъ Зининъ. Но русскій химикъ былъ въ положеніи—одинъ въ полѣ не воинъ. Изъ его открытія не родилось ничего, кромѣ чести для русской химической науки. Превратить его въ силу, передѣлывающую жизнь, суждено было Германіи съ ея культомъ знанія въ борьбѣ за обогащеніе страны реальными богатствами. И произошло по истинѣ культурное чудо. Изъ ничего не стоившаго отброса нынѣ вырабатывается или, точнѣе говоря, вырабатывалось до войны на 430 мил. марокъ цѣннѣйшихъ красочныхъ и лекарственныхъ матеріаловъ, съ одной стороны, и парфюмеріи (духи), а также взрывчатыхъ веществъ, съ другой стороны. Изъ перечисленныхъ столь разнообразныхъ фабрикатовъ 80%, т. е. на 180 милліоновъ потреблялось самой Германіей, а на

---

[1] Thirteenth annual report of the commissioner of labor. 1898. Hand vup machine labor. Washington, 1899. (Томъ 2, стр. 472—473).

300 милл. вывозилось за-границу. Весь міръ сталъ данницей Германіи постольку, поскольку рѣчь шла о химической промышленности. Само собою разумѣется, что Россія была одной изъ главнѣйшихъ данницъ, расплачиваясь своимъ зерномъ за продукты, выработанные изъ отбросовъ нѣмецкаго газоваго производства. И если-бы нѣмецкую творческую интеллигенцію упрекнули въ томъ, что она вырываетъ послѣдній кусокъ изо-рта трудящихся, то она въ правѣ была-бы, конечно, сказать, что дѣло обстоитъ нѣсколько наоборотъ: кусокъ хлѣба, испеченнаго изъ русскаго зерна, получается нѣмецкимъ рабочимъ—въ обмѣнъ на ничего не стоившіе прежде отбросы—усиліями германской науки, германской химіи, германской интеллигенціи.

Нужно прибавить, что въ свою очередь эту интеллигенцію великолѣпно использовалъ капитализмъ Германіи. Создалась своего рода крѣпостная зависимость химиковъ отъ владѣльцевъ капитала химической промышленности. Сдѣлано это было въ гигантскихъ размѣрахъ. Одинъ изъ русскихъ химиковъ сообщилъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ онъ получилъ приглашеніе поступить на службу на одинъ изъ главныхъ химическихъ заводовъ Германіи. При этомъ директоръ завода похвалился тѣмъ, что онъ, вновь приглашаемый, будетъ 104-мъ докторомъ химіи, работающимъ въ лабораторіяхъ на этомъ заводѣ. Для иллюстраціи можно отмѣтить, что въ Россіи химическіе заводы очень часто не насчитываютъ такого числа рабочихъ.

Роль этихъ докторовъ химіи была такою. Имъ платилось жалованье и ничего не требовалось, кромѣ занятія теоретическими работами въ сферѣ своей спеціальности. Но зато всѣ открытія, сдѣланныя такимъ докторомъ химіи, дѣлались eo ipso достояніемъ завода, собственностью собственниковъ завода, которые въ тайнѣ сохраняли выгодныя изобрѣтенія своихъ ученыхъ наемниковъ.

Какъ видите, создавалось такое положеніе, какое въ экономической наукѣ извѣстно подъ именемъ ренты Рикардо. Тотъ заводъ который имѣлъ талантливыхъ химиковъ и выгодныя химическія открытія, извлекалъ такое количество зерна изъ Россіи за свои продукты, какого не приходилось получать другому заводу, не располагавшему такими-же совершенными химическими методами.

Какъ видите, творческая интеллигенція сама оказывалась въ положеніи не соціальнаго паука по терминологіи К. Либкнехта, а пролетарской „мухи". И были свѣдѣнія, что германское законодательство нашло необходимымъ вмѣшаться въ эти крѣпостныя отношенія между интеллектуальнымъ трудомъ и капиталомъ, обезпечивъ интеллигенціи то, что создано ею въ народномъ и міровомъ богатствѣ.

Этимъ красочнымъ примѣромъ мы закончимъ свой экскурсъ въ область промышленно-творческой интеллигенціи.

VI.

Интеллигенція должна защищать—не себя только, но и Россію. И если интеллигенціи говорятъ: вы захватчики, вы пауки и довольно вы нашей кровушки попили, интеллигенція въ правѣ отвѣтить: нѣтъ, созидатели, а не захватчики; нѣтъ, творцы, а не припущенники; нѣтъ, кормимся своимъ кускомъ, а совсѣмъ не чужимъ, да еще послѣднимъ, будто бы вырваннымъ изъ чужого рта, какъ поется въ рабочей марсельезѣ.

Но вѣдь вражда и антагонизмъ на-лицо. Откуда же они? На этотъ вопросъ можно отвѣтить: а было ли когда-нибудь иначе—при столкновеніи двухъ стихій: міра умственной силы и міра упрощенной физической силы? Не только сейчасъ, въ минуту идеологически-разожженной классовой борьбы, выросшей на почвѣ капитализма, но и раньше—во всякій моментъ культурной исторіи, начиная съ первыхъ проблесковъ цивилизаціи? Основываясь на данныхъ исторіи культуры, можно утвердать, что по иному было развѣ только во времена каменнаго вѣка. Только этотъ періодъ не зналъ, быть можетъ, недовѣрія и пугливости простецкой массы передъ тѣмъ, что именуется умственной силой... Но, во всякомъ случаѣ царство мира кончилось съ каменнымъ вѣкомъ. Привязать кусокъ кремня къ палкѣ и имъ рубить дерево; необдѣланный кусокъ кремня замѣнить обтертымъ и отшлифованнымъ и тѣмъ добиться облегченія тяжелаго и продолжительнаго мускульнаго усилія,—здѣсь все было ясно, просто и понятно. Но уже изобрѣтеніе плавки металловъ—бронзы, желѣза—выдвинуло на первый планъ иную стихію, творящую цѣнности невѣдомыми путями, вмѣсто яснаго, простого и понятнаго усилія мускуловъ. Нѣтъ надобности говорить о томъ значеніи, которое имѣло въ жизни человѣчества примѣненіе металловъ. Въ исторіи культуры началась новая эра, продолжающаяся до нашихъ дней. Новое изобрѣтеніе создало промыселъ, произведенія котораго высоко цѣнились. Но люди, занимавшіеся этимъ высоко цѣнимымъ промысломъ, обработкой и полученіемъ металловъ, оказались предметомъ *враждебныхъ* чувствъ со стороны массы.

Объяснить это явленіе столкновеніемъ экономическихъ интересовъ невозможно. Конечно, новый промыселъ держится въ глубокой тайнѣ тѣми, кому извѣстны способы производства. Въ этомъ отношеніи первобытные люди дѣйствовали еще болѣе рѣшительно, чѣмъ современные заводчики и фабриканты. Филистимляне, отступая передъ побѣдителями-евреями, уничтожали за собою всѣ кузницы, чтобы евреи, не знавшіе обработки желѣза, не могли ей научиться. И евреи, при всей враждѣ своей къ филистимлянамъ, вынуждены были обращаться къ ихъ помощи, когда нуждались въ предметахъ кузнечнаго мастерства.

Подобная культурная зависимость могла, конечно, создавать непріязненное чувство. Но все-таки экономическими причинами явленіе не исчерпывается. Этому мѣшаетъ своеобразная природа того враждебнаго чувства, которое возбуждаютъ къ себѣ кузнецы въ первобытномъ обществѣ. Ихъ услугами пользуются, но къ нимъ самимъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, связаннымъ съ почтеніемъ. Это распространенный фактъ, отмѣчаемый съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ этнографами и историками культуры. Летурно въ своей книгѣ: „Соціологія по даннымъ этнографіи" отмѣчаетъ, что кузнецовъ именуютъ „знахарями огня". Липпертъ въ „Исторіи культуры" отмѣчаетъ то же самое. Кузнецы—говоритъ онъ—„повсюду на землѣ, а въ особенности въ Африкѣ, являются предметомъ суевѣрнаго страха". Въ отношеніи къ нимъ со стороны народа характерна—по Липперту—„странная смѣсь ненависти и уваженія". Кузница является въ глазахъ африканской массы не то храмомъ, не то мѣстомъ чернаго колдовства, но всегда „священнаго страха". Доходитъ до того, что кузнецовъ въ Центральной Сахарѣ держатъ „внѣ общества", на правахъ зачумленныхъ. Эта изолированность не угрожаетъ кузнецу опасностью; его боятся, какъ опаснаго волшебника; это спасаетъ отъ нападеній. Абиссинцы-христіане относятся къ кузнецамъ съ такими же странностями; кузнецы у нихъ презираемая каста. Чтобы сдѣлать яснымъ это странное отношеніе къ производителямъ высоко цѣнимыхъ предметовъ, намъ нужно обратиться къ вѣрованіямъ и воззрѣніямъ древнихъ грековъ. Нужно вспомнить миѳъ о Прометеѣ, принесшемъ людямъ съ неба огонь и за это понесшемъ жестокую кару отъ боговъ. Что, собственно, знаменуетъ этотъ миѳъ, какъ не то, что Прометей дѣйствительно совершилъ преступленіе, по внутреннему сознанію грековъ, открывъ людямъ то, что боги хотѣли скрыть отъ нихъ? Древніе греки не отказывались отъ жизненныхъ благъ, открытыхъ имъ проступкомъ Протемея; они пользовались огнемъ и цѣнили это, какъ высочайшее благо, но это не мѣняло въ ихъ глазахъ сущности положенія. Они все-таки являлись участниками кощунственнаго нарушенія воли боговъ. Къ счастью, боги не мстили людямъ-простецамъ и ограничились свирѣпою казнью только самому Прометею—похитителю огня.

Эта увѣренность, что богамъ желанно человѣческое смиреномудріе, свойственно было не только греческой массѣ. Совершенно также вѣрили и представители интеллектуальныхъ верховъ Эллады. Объ этомъ свидѣтельствуетъ легенда, что боги наказали смертью геометра—ученика Пиѳагора—за то, что онъ обнаружилъ существованіе такихъ геометрическихъ величинъ, которыхъ нельзя выразить никакимъ конечнымъ числомъ, ни цѣлымъ, ни дробнымъ (діагональ квадрата, у котораго стороны равны единицѣ). Эта была тайна боговъ, и смерть оказалась удѣломъ для того, кто счастливо

проникъ умомъ за грань, долженствовавшую быть открытой только для боговъ.

Вспомнимъ тѣ же самыя воззрѣнія у христіанъ въ позднѣйшія времена. Что погубило людей и лишило ихъ блаженнаго состоянія въ раю? Желаніе „быть, какъ боги", нарушеніе тайны, которая должна была оставаться тайной. Удѣлъ людей смиреномудріе, о которомъ они сами молились въ борьбѣ съ искушеніемъ нарушить жребій, имъ уготованный.

Вспомнимъ эту всесвѣтную психологію простецкой массы, отразившуюся съ особой наглядностью въ миѳѣ о свирѣпой казни, уготованной Прометею богами за предоставленіе людямъ чудесной силы огня, и для насъ станетъ понятной „странная смѣсь ненависти и уваженія", съ которой повсюду на землѣ относились и посейчасъ относятся къ кузнецамъ. Прибавимъ, что у африканскаго мусульманскаго народца, подвергающаго своихъ кузнецовъ общественной изоляціи, существуетъ вѣрованіе, что кузнецы въ этомъ случаѣ несутъ потомственную отвѣтственность за какого то предка, который чѣмъ-то и когда то прогнѣвилъ Магомета... Въ результатѣ цѣнятся лишь продукты творчества кузнецовъ, но не они сами. Ихъ самихъ считается болѣе надежнымъ держать въ изоляціи, внѣ общенія.

Во всякомъ случаѣ передъ нами любопытный фактъ, что уже въ началѣ желѣзнаго вѣка просачиваніе въ жизнь чисто интеллектуальнаго элемента въ формѣ „тайнъ" плавильнаго и кузнечнаго искусства встрѣтило со стороны массы чувство отчужденія и опасливой непріязни.

У насъ въ Россіи кузнецъ тоже считался злохудожественнымъ элементомъ. Отъ него всего можно было опасаться. Слѣдъ этого сохранился въ нашемъ искусствѣ. Вакула способенъ ѣздить на чортѣ; кузнецъ Еремка — у Островскаго и Сѣрова — почти самъ дьяволъ.

И дальше все то же—въ сложномъ процессѣ исторіи. Стихія мускульнаго труда не только чужда, но и враждебна пріобрѣтеніямъ интеллектуальной стихіи. Паровозъ пугаетъ и его пытаются остановить силой креста и видомъ иконъ, въ качествѣ порожденія дьявольской силы.

То же самое повторилось уже на нашихъ дняхъ, когда были изобрѣтены самодвижущіеся по улицамъ экипажи. Поэты слагали „поэзы" въ честь моторовъ; футуристы старались превзойти въ этомъ отношеніи всякіе предѣлы, а для простецкой массы то новое, что пришло на улицы городовъ, казалось снова порожденіемъ діавола.

То же было совсѣмъ недавно съ освѣщеніемъ керосиновыми лампами. Керосинъ считался чертовымъ масломъ, совершенно такъ же, какъ ранѣе картофель—чертовыми яблоками.

Всѣмъ этимъ я хочу подчеркнуть, что міръ простецкаго труда и міръ интеллектуальнаго, непривычнаго, непонятнаго творчества искони вѣковъ двѣ не только разныя, чуждыя, но и враждебныя стихіи.

Что же удивительнаго, что революція и торжество простецовъ тысячелѣтней Россіи привело ее къ гибели? Печально, но не удивительно.

Беллетристъ И. Шмелевъ, сопровождавшій первый поѣздъ, снаряженный въ Сибирь сейчасъ же послѣ революціи для обратнаго торжественнаго вывоза изъ Сибири политическихъ ссыльныхъ, разсказывалъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ, печатавшихся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", чрезвычайно любопытныя вещи. Деревенскіе люди, съ которыми онъ бесѣдовалъ по пути, мечтали о томъ какъ они устроятъ деревенскую жизнь по хорошему и при этомъ мечтали о томъ, какъ они прогонятъ агрономовъ. Революція въ самарскихъ деревняхъ сопровождалась насиліями противъ школьныхъ учителей, учительницъ, кооператоровъ деревенскихъ и вообще деревенской интеллигенціи (С. Кондурушкинъ).

То же самое и въ отношеніи научной медицины. Земское врачебное дѣло въ Россіи имѣетъ чисто общественный характеръ общественнаго служенія. Такой организаціи нѣтъ во всемъ мірѣ. Масса десятки лѣтъ пользовалась услугами земской медицины. Но это не измѣнило судьбы медиковъ, какъ только разразилась революція. Въ числѣ траги-комическихъ эпизодовъ въ исторію перейдутъ такіе случаи, какъ пожалованіе въ рангъ врача такъ называемыхъ ротныхъ фельдшеровъ, по приговору крестьянскихъ сходовъ. Нельзя ярче оттѣнить скептицизмъ массы. Для нея весь вопросъ въ пожалованіи званія врача. Въ сознаніи массы врачъ не имѣетъ за собой никакихъ иныхъ правъ на свое соціальное положеніе, кромѣ прозвища: „врачъ". Стоитъ пожаловать это прозвище кому угодно, и все въ порядкѣ.

Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Пользуясь десятки лѣтъ помощью врача, масса по-прежнему глубоко презирала ученыхъ медиковъ, которые ничего не понимаютъ. Для нея лихорадка по-прежнему нѣчто сверхестественное и олицетворенное,—въ родѣ злого духа. И борьба съ лихорадкою, какъ во времена древлянъ, двоякаго рода: одни предпочитаютъ ѣсть все, что нравится больному, въ разсчетѣ, что это будетъ пріятно и самой лихоманкѣ, которою одержимъ больной. Это своего рода подкупъ. Другіе пробуютъ своего рода терроръ—ѣдятъ исключительно невкусныя и даже отвратительныя вещи, разсчитывая, что „окаянная видомъ дьяволица - лихоманка", поселившаяся внутри больного, не выдержитъ этихъ непріятныхъ вещей и сбѣжитъ изъ больного [1]). Почти также относятся къ роженицамъ. Муки дѣторожде-

[1]) Демичъ. Очерки народной медицины. „Лихорадочныя заболѣванія и ихъ леченіе у русскаго народа". СПБ. 1894 г.; стр. 18, 33, 36 и др.

нія почти такой же непонятный результатъ одержанія, какъ и лихоманка. И роженицъ въ трудныхъ случаяхъ кормятъ вшами, чтобы сдѣлать отвратительнымъ пребываніе въ тѣлѣ роженицы той „проклятой нечисти“, тому злому началу, которое ее мучитъ во время родовъ [1]).

Мало того, вѣрятъ, что свѣдущіе люди (бабки) могутъ сдѣлать такъ, что вмѣсто роженицы будетъ испытывать родовыя муки ея мужъ.

Немудрено, что революція, передавшая власть массѣ по четырехчленной формулѣ, привела къ трагикомическимъ результатамъ, о которыхъ мы говорили выше.

Нужно замѣтить, что все это было въ первые дни революціи, когда всякаго рода запломбированные реформаторы еще оставались за предѣлами Россіи, и черноземная Россія была еще цѣликомъ предоставлена самой себѣ. Тѣмъ не менѣе на лицо уже былъ взрывъ противъ чуждой умственной силы, какъ таковой Этого взрыва только не хотѣли видѣть и чувствовать, пока было возможно обманывать самихъ себя, толкуя явную борьбу съ интеллигенціей во всѣхъ ея разновидностяхъ только въ качествѣ борьбы съ капиталистами, съ помѣщиками, или только съ „кадетами“, занимавшими-де недостаточно рѣзкую позицію въ борьбѣ съ царизмомъ

VII.

Теперь намъ стало ясно, что борьба гораздо глубже. Идетъ борьба съ гегемоніей умственныхъ силъ .Идетъ захватъ этой гегемоніи въ руки физической силы.

Нерѣдко говорятъ о правѣ массъ на высшее образованіе. Пользуюсь словами Розберри, что при господствѣ демократическихъ началъ нужно говорить не о правѣ, но объ обязанности высшаго образованія, такъ какъ иначе демократія не надежда, а угроза міровой культурѣ.

Намъ приходится манифестировать степень справедливости этого давняго прогноза англійскаго государственника.

Заголовкомъ для нашей бесѣды взяты слова: „трагедія интеллигенціи“. Быть можетъ правильнѣе было бы говорить о трагикомедіи. Еще недавно,—при исторической мѣркѣ времени—съ болью въ душѣ русской интеллигенціи приходилось присутствовать при такихъ дикихъ явленіяхъ, какъ усмиреніе картофельныхъ бунтовъ

---

1) Рядъ указаній по этому поводу содержится въ другой работѣ того же д-ра Демича: Очерки народной медицины. „Акушерство у народа“, а также у д-ра Сицинскаго, Д. Успенскаго, Даля и др. Сводка литературы сдѣлана въ моей работѣ: „Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери“ („Этнографическое обозрѣніе“, 1899 г. №№ 1 и 2).

при Николаѣ I. Съ кольями въ рукахъ масса защищалась отъ такой опасности, какъ засѣвъ полей картофелемъ. Теперь съ такой же силой масса защищаетсяотъ своей интеллигенціи.

Фактъ остается фактомъ. Торжествующая, по недоразумѣнію, отъ легкой побѣды надъ царизмомъ масса провозгласила—„государство—это мы.“

Не нужно бояться заострить вопросъ. Слишкомъ грозенъ моментъ и слишкомъ остро положеніе. Слишкомъ велика отвѣтственность на каждомъ. И нужно сказать правду, какъ она есть.

Царямъ никогда не говорили правды. А если говорили, то только съ улыбкой. Державинъ ставилъ это себѣ въ историческую заслугу:

...истину царямъ съ улыбкой говорилъ.

Сейчасъ царь—масса. И ей больше, чѣмъ единоличному царю, говорятъ неправду, преувеличивая ея заслуги и роль въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

180 лѣтъ русская вольница-интеллигенція дѣлала свое дѣло по совѣсти, спасая свободу трудящихся массъ, вопреки ихъ волѣ. И не будетъ иначе и впредь. Но правда объ интеллигенціи должна быть сказана ею-же самой. Если нужно,—долженъ быть сдѣланъ даже раздѣлъ заслугъ между двумя историческими силами: массой и ея интеллигенціей... Если требуется,—въ интересахъ освѣщенія того, что есть,—интеллигенція должна провести разграничительную линію, отдѣляющую въ историческомъ процессѣ то, что создано въ міровомъ богатствѣ мускульнымъ трудомъ, какъ таковымъ, отъ того, чѣмъ міръ обязанъ умственной силѣ.

Все въ мірѣ развивается эволюціоннымъ порядкомъ и нельзя установить никакихъ точныхъ пограничныхъ знаковъ, если вспомнить, что долгое время физическій трудъ не былъ отдѣленъ отъ интеллектуальнаго. Такъ было черезъ фазу ремесленнаго періода въ промышленности до самаго наступленія царства машинъ и царства капитала, съ одной стороны, развитія науки и вліянія ея на развитіе промышленности съ другой стороны.

Но грубую линію все-таки можно провести. Ихъ разграниченіе теряется гдѣ-то далеко, на рубежѣ каменнаго вѣка, какъ мы это видѣли. И если оцѣнивать то, что принесено міру тою и другою силой—физической и умственной, то результатъ будетъ парадоксальный, но близкій къ истинѣ. Царство мускульнаго труда кончилось давно, во всякомъ случаѣ, съ каменнымъ вѣкомъ. То, что принесла культура послѣдующаго періода, создано умственной силой, какъ таковой, не только безъ дружественной помощи со стороны мускульной стихіи, но часто вопреки ей.

Этимъ парадоксомъ — съ точки зрѣнія экономики—рѣшается вопросъ о правѣ массы обречь интеллигенцію на подчиненное по-

ложеніе, въ качествѣ послушной исполнительницы велѣній массы. Этому быть невозможно. Не свойственно самому существу вѣковыхъ отношеній между обѣими силами. Кромѣ того заставить интеллигенцію творчески работать, выдумывать и изобрѣтать изъ-подъ палки, въ качествѣ раба физической силы—невозможно и психологически. Этотъ трудъ живетъ вдохновеніемъ, собственнымъ почином и самостійностью, по крылатому украинскому словечку.

Итакъ, встать на своего рода „классовую" точку зрѣнія: выдѣлить себя изъ общей семьи государственной, чего русская интеллигенція никогда не хотѣла,—дѣло совсѣмъ не безнадежное для интеллигенціи, какъ кажется массѣ и вовсе не безвыгодное, съ точки зрѣнія групповыхъ интересовъ интеллигенціи.

Интеллигенція можетъ занимать почетное мѣсто за столомъ не боясь упрека, что она ѣстъ чужой хлѣбъ, созданный не ею.— Пусть каждый изъ представителей этой интеллигенціи не участвуетъ непосредственно въ созданіи матеріальныхъ цѣнностей. Въ цѣломъ, какъ категорія, какъ „классъ",—она и только она увеличиваетъ богатство и дѣлаетъ то, что завтра за столомъ будетъ больше, чѣмъ сегодня, а сегодня больше, чѣмъ было вчера.

Мнѣ могутъ сказать, что это не ново; что это давно извѣстно; что это—азбучныя истины. Я не буду съ этимъ спорить. Да, все это азбучныя истины. Но въ этомъ и есть трагедія русской интеллигенціи. Мы живемъ въ пору отвергнутыхъ азбучныхъ истинъ. Исторію-же дѣлаютъ тѣ, кто беззаботенъ въ этомъ отношеніи. И русская интеллигенція оказалась жертвой этой беззаботности толпы, творящей исторію, опираясь на единственный непреложный догматъ—физическую силу.

VIII.

Какъ ни выгодно для интеллигенціи стать на „классовую" точку зрѣнія, психологія этого рода до сихъ поръ была не свойственна интеллигенціи въ цѣломъ, въ особенности, если судить по русской интеллигенціи.

Въ чемъ основной признакъ классовой психологіи? Сознаніе внутренняго единства группы и по-волчьи твердое отстаиваніе этихъ групповыхъ интересовъ. Но интеллигенція въ этомъ отношеніи грѣшна не болѣе, чѣмъ младенецъ, по православной легендѣ, поступающій прямо въ рай. Она никогда не умѣла и не хотѣла быть единой, отстаивающей только *свои* интересы, по признаку умственнаго труда.

Кромѣ промышленно-творческой интеллигенціи есть вѣдь другая категорія интеллигенціи, принявшей на себя функціи всенароднаго гражданскаго мышленія, всенародной гражданской совѣсти. Эта часть интеллигенціи издавна выдѣляла себя изъ массы аполитической интеллигенціи и отношеніе ея къ аполитическимъ эле-

ментамъ интеллигенціи, причастнымъ къ производственнымъ процессамъ, всегда было сверху внизъ. И не только у насъ, вслѣдствіе глубокаго невѣдѣнія во всемъ, что касается производственныхъ отношеній и производственной психологіи. По существу это пренебреженіе было всеобщимъ. Этотъ творческій трудъ въ кругахъ интеллигенціи считался непочетнымъ, считался ремесломъ. Было почетно интересоваться исторій, юриспруденціей, филологіей, гуманитарными науками, даже—если хотите—медициной, но почти зазорно было интересоваться вопросами производственными. Первая страна, сдѣлавшая крутой поворотъ въ этомъ отношеніи—это Германія. Впервые она нашла необходимымъ торжественно признать своихъ работниковъ въ области промышленнаго творчества равными—по интеллектуальному достоинству—служителямъ чисто гуманитарныхъ знаній и демонстрировала это почетное равенство распространеніемъ на техниковъ ученаго титула „докторовъ" своей науки.

Во Франціи поворотъ создала война и испугъ предъ германскимъ могуществомъ въ области производственныхъ отношеній. Явились призывы не игнорировать промышленно-творческой мысли, считать ее такимъ-же общественнымъ служеніемъ, какимъ является, напримѣръ, юриспруденція.

У насъ еще больнѣе. У насъ участіе въ производственныхъ процессахъ котировалось только, какъ участіе въ грабежѣ трудовыхъ массъ. Что, собственно, дѣлаетъ эта промышленно-творческая интеллигенція, какова ея культурно-соціальная роль,—мало останавливало остальную интеллигенцію, пріобрѣвшую сепаратное право на это почетное имя.

У насъ еще въ 60-хъ годахъ образовался спеціальный отборъ. Въ область промышленнаго творчества шли люди съ особой психологіей.

Шестидесятые годы—начало промышленности и расцвѣтъ политически-активной интеллигенціи. И это оказались сразу два враждующихъ стана.

Интеллигенція была сплошь народнической. Влекла идея служенія народу, трудовой массѣ. И поскольку влекла эта идея, постольку пугала идея служенія промышленному творчеству. Работа на заводѣ была работой на капиталистовъ, т. е. участіемъ въ эксплоатаціи трудящихся. И потому практическое участіе въ промышленности было служеніемъ Мамонѣ, а не народу, т. е. Богу, въ котораго вѣрили, отвергая на словахъ, шестидесятники и семидесятники—нигилисты.

Существовала разница уже съ момента выбора школы. Въ медико-хирургическую Академію шли, чтобы служить народу; въ техническую школу шли, чтобы служить себѣ. Конечно, было не все такъ. Были элементы общественнаго характера и въ технической средѣ. Но они извлекались условіями полицейскаго режима изъ

оборота. Процвѣтали за-то крѣпкіе люди, служившіе себѣ, а не народу, равнодушные къ эксплоатаціи трудовой массы. Они-то и окрашивали собой коллективное цѣлое, всю среду промышленнагс творчества.

Къ этому надо прибавить, что грюндерскій періодъ въ исторіи Россіи сопровождался на самомъ дѣлѣ чрезвычайными злоупотребленіями. О напряженномъ негодованіи корыстно незаинтересованной интеллигенціи говорятъ сатирическія вещи Некрасова. У него ихъ великое множество. Сейчасъ кажется даже чрезмѣрно великимъ этотъ элементъ въ его настроеніи.

Въ результатѣ создалось стремленіе отмежеваться. Слово „интеллигенція" стало обозначать не всѣхъ, кто занятъ умственнымъ трудомъ. Нѣтъ. Это наименованіе стало своего рода священнымъ титуломъ. Недостаточно было стоять на вершинахъ человѣческой мысли, чтобы пользоваться этимъ священнымъ титуломъ. Я помню, какіе страстные споры возбуждалъ вопросъ,—имѣетъ-ли право на это наименованіе, напр., Менделѣевъ? Такіе споры бывали въ свое время въ Петербургскомъ Литературномъ Обществѣ. Отрицательное рѣшеніе вызывало негодованіе среди тѣхъ, для кого, въ свою очередь, была священна самая геніальность ума Менделѣева.

Но здѣсь спорить было нечего. Принадлежность къ „интеллигенціи" создавала не права, а только обязанности, налагавшія тяготу исполненія политическаго долга. Кто не былъ причисленъ къ „интеллигенціи", тотъ былъ исключенъ изъ числа обреченныхъ на политическое самопожертвованіе. Вотъ и все.

Если даже Менделѣевъ исключался, то естественно, что рядовая творческая интеллигенція была почти предметомъ отчужденія. Въ порывѣ этого отчужденія оказался какъ-то забытымъ самый принципъ необходимости промышленной интеллигенціи. Она подвергалась мысленному небытію; жизнь мыслилась безъ нея... Забывалось какъ-то, что злоупотребленія требуютъ борьбы съ ними, и только съ ними, а не съ самымъ явленіемъ въ его соціальной сущности.

И траги-комическій элементъ въ переживаемой нынѣ трагедіи интеллигенціи питается въ немалой долѣ тѣмъ, что подрывъ обаянія творческой интеллигенціи, какъ таковой, по признаку умственнаго труда, въ немалой долѣ производился ею-же самой, провозглашался изъ ея собственныхъ рядовъ.

Какъ на классическій образчикъ этой внѣ-классовой психологіи и классоваго самоотреченія, приходится указать на знаменитое стихотвореніе Некрасова: „Желѣзная дорога". Какъ помните отецъ говоритъ мальчику-сыну, что желѣзныя дороги строятъ „инженеры". Это вызываетъ гнѣвную отповѣдь поэта:

Добрый папаша, къ чему въ обаяніи
Умнаго Ваню держать?
Вы мнѣ позвольте при лунномъ сіяніи
Правду ему показать...

И правда, которая должна погасить „обаяніе", заключается по Некрасову въ томъ, что желѣзныя дороги съ мучительными жертвами строитъ народъ... Эта тема была общей тому времени; она совпадала съ общимъ уклономъ тогдашней „политической жизни въ сторону жертвенной любви къ народу и къ культу народа. Некрасовъ схватилъ самую суть въ переживаніяхъ тогдашней интеллигенціи, преклонявшейся предъ народными страданіями, вплоть до готовности отрицать свое собственное значеніе въ культурномъ строительствѣ. И не мудрено, что „Желѣзная дорога" стала одною изъ любимыхъ пѣсенъ революціонной молодежи, оглашавшей школы и тюрьмы всея Великія и Малыя Россіи 70—80 гг. прошлаго столѣтія...

Кто, конечно, не зналъ—первый зналъ Некрасовъ—что безъ вмѣшательства творческой мысли и знанія (т. е. интеллигенціи) ничего не сдѣлать. Но интеллигенція, во имя верховенства народа охотно отказывалась, забывала о своей роли. Такъ надлежало вѣрить во славу трудовой массы, и въ это, какимъ-то чудомъ, вѣрилось; вѣрили тѣ, кто требовалъ отъ себя суровой работы „критически-мыслящей личности". Критика и отказъ отъ „обаянія" интеллигенціи, противодѣйствіе этому обаянію, оказывались совмѣстимыми вещами.

Этотъ отказъ отъ собственнаго обаянія былъ доведенъ русской интеллигенціей до болѣзненныхъ призраковъ сначала въ теоретическомъ обоснованіи, а затѣмъ и въ практическомъ осуществленіи классовой борьбы.

Интеллигенція приняла дѣятельное участіе въ разрушеніи обаянія умственной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ разрушеніи Россіи. Въ этомъ приходится сознаться. Изъ печальной пѣсни печальныхъ словъ не выкинешь.

Это было неожиданно для нея самой, для той самоотреченной политической интеллигенціи, которая вынесла на своихъ плечахъ 130 лѣтъ борьбы за свободу и счастье русскому народу.

Въ увѣренности своихъ заслугъ эта часть интеллигенціи была въ твердой надеждѣ, что она не будетъ отвергнута той массой, ради которой она не хотѣла сознавать себя особой группой, объединенной сословными признаками ремесла. Но революція осмѣяла эту надежду. Политическая интеллигенція оказалась выброшенной за бортъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и остальная интеллигенція. И это логично—по своему. Интеллигенція можетъ пользоваться „обаяніемъ" не по спеціальности, а только по основному качеству своему—творческой способности во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности.

IX.

Итакъ, что-же? Разумъ и совѣсть народа? Да, разумъ и совѣсть народа. Но не съ легкимъ чувствомъ приходится говорить это русской интеллигенціи.

Велики политическія заслуги ея за 130 лѣтъ борьбы во имя политическаго и соціальнаго освобожденія Россіи, но велика и отвѣтственность ея.

То, что сдѣлала народная масса въ избыткѣ незаслуженнаго самоуваженія и самовлюбленности—это трагедія для русской интеллигенціи. Но къ этой трагедіи многое приходитъ отъ трагикомедіи и это траги-комическое создано тѣмъ, чего не было у интеллигенціи, по сравненію съ массою—уваженія къ самой себѣ, къ своимъ историческимъ заслугамъ. Въ этомъ русская интеллигенція виновата и предъ самой собой и предъ Россіей—она не имѣла права не уважать себя и поступиться своими правами на водительство русскою жизнью.

X.

Что-же дѣлать? По старой пословицѣ: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу", такая попытка сдѣлана во Франціи. Французскіе соціалисты, по крайней мѣрѣ, часть изъ нихъ подвергла проклятію доктрину классовой борьбы. По ихъ мнѣнію, это специфически германская идея—нѣчто, имѣющее марку: made in Germany. Нужна иная идея—сотрудничества классовъ. Но легче заявить, чѣмъ оформить эту идею въ точныхъ терминахъ и лозунгахъ.

И я ограничусь только тѣмъ, что укажу на эту проблему, выдвинутую въ рядахъ французской соціалистической демократіи Несомнѣнно, что соціальное сотрудничество на лицо; несомнѣнно, что государства существуютъ не вслѣдствіе соціальной борьбы классовъ, а не смотря на наличіе таковой; несомнѣнно, что классовая борьба при всей ея законности должна находить себѣ какой-то коррективъ въ общественной психологіи, но гдѣ и въ чемъ? Остается искать. Это дѣло „совѣсти народа"—дѣло русской интеллигенціи.

Много вынесла она за 130 лѣтъ своей государственно-общественной службы Россіи. Вынесетъ и ту тяжкую невзгоду, которая выпала нынѣ на ея долю. Вынесетъ все и широкую, ясную грудью дорогу проложитъ себѣ и народу. У Некрасова это не такъ сказано. У него это дѣлаетъ самъ народъ, но въ этомъ и есть та ересь, въ которой я долженъ признать себя виновнымъ.

Мои самыя горячія симпатіи принадлежатъ партіи, принявшей

на себя защиту интересовъ трудовой массы, но не обязанность льстить ей. И съ девизомъ этой партіи „все для народа“ я согласенъ; въ каждой буквѣ этихъ трехъ словъ вѣковая правда русской интеллигенціи. Но у той-же партіи есть второй девизъ, роднящій ее съ эпохой французской революціи: „все черезъ народъ“, и въ этой части необходима оговорка. Опасна магія словъ. Когда-то вѣрили, что слово способно создавать цѣлые міры. Сейчасъ магія словъ способна создавать „міры“ только въ душѣ человѣческой. Здѣсь слова всесильны, опредѣляя зачастую отношеніе человѣка къ міру дѣйствительныхъ явленій не по существу ихъ, а по тому, какія о нихъ слова говорятся. Поэтому, когда говорится безбрежное слово: „все“, нужно приглядѣться пристальнѣе къ этому слову изъ трехъ буквъ. „Все черезъ народъ“—что это значитъ? Если это значитъ, что въ соціальной жизни все совершается—или должно совершаться—„черезъ народъ“, то приходится сказать, что здѣсь слово „все“ значитъ больше, чѣмъ должно подразумѣваться, и наступаетъ магія словъ. Много, вѣдь совершается не черезъ народъ. Стоитъ только вспомнить науку, искусство, литературу. Несчастье міра, что эти высшія проявленія человѣческаго духа живутъ и развиваются именно не „черезъ народъ“, а только для народа. Невозможно думать о будущемъ русскаго народа, не думая о русской наукѣ, о русскомъ искусствѣ, о русской литературѣ. Но каковы-бы ни были сила и власть народа,—въ области искусства, литературы, науки—сила и власть сами собою кончаются. Здѣсь наступаетъ дѣйственная роль творческихъ единицъ.

Возможно, конечно, сказать, что девизъ „все черезъ народъ“ относится только къ сферѣ политической жизни: только въ этой сферѣ все совершается или должно совершаться черезъ народъ. Но по существу всѣ сдѣланныя оговорки о магіи безбрежнаго слова „все“ остаются въ силѣ и относительно сферы политической жизни. И въ этой области творчества—есть такое красочное слово: правотворчество—тоже совершается, главнѣйшимъ образомъ, не черезъ народъ. Иниціатива, творчество принадлежитъ и здѣсь, главнѣйшимъ образомъ, интеллигенціи, которая должна убѣдить „народъ“ въ цѣнности тѣхъ или иныхъ достиженій интеллигентской мысли. Вотъ взаимоотношенія интеллигенціи и народа и въ области политической жизни.

Трудно рѣзче выразить это взаимоотношеніе, чѣмъ нѣкогда сдѣлалъ это Ибсенъ. Догмату практической политики: „большинство всегда право“ онъ противопоставлялъ свое утвержденіе: „меньшинство всегда право“, прибавляя, что онъ говоритъ о томъ „меньшинствѣ, которое идетъ впереди и котораго большинство еще не догнало“. А когда догонитъ, окажется, что меньшинство (интеллигенція) снова ушло впередъ.

Такимъ образомъ къ какой бы области мы ни обратились—результатъ одинъ и тотъ же.

Итакъ, формула „все черезъ народъ“, поскольку она должна обнять существующій жизнепорядокъ, связана съ магіей словъ. Въ ней спорнымъ является слово „все“, коротенькое и въ то же время безбрежное, грозящее поглотить интеллигенцію, какъ творческую силу жизни...

А теперь, оговоривъ свое отношеніе къ объективному содержанію формулы, мы можемъ подойти къ ней, какъ къ субъективной истинѣ, съ такой стороны, съ которой она не только пріемлема, но и неоспорима.

Пусть формула: „все черезъ народъ“ не покрываетъ всей полноты живой дѣйствительности. Этого и не нужно, если посмотрѣть на формулу только какъ на *завѣтъ* интеллигенціи, данный ею самой себѣ. Это она потребовала сама отъ себя: все, что раскрылось передъ нею въ поискахъ красочной человѣческой жизни, должно быть осуществлено не иначе, какъ черезъ народъ. Здѣсь слово „все“ не требуетъ никакой поправки.

Такъ было... Но такъ будетъ ли? Будетъ. Завѣтъ интеллигенціи, данный ею самой себѣ, останется тѣмъ же и впредь: „все черезъ народъ“... Но этотъ завѣтъ долженъ быть свободенъ отъ всякой магіи словъ. Нужно сдѣлать яснымъ въ сознаніи народа и самой интеллигенціи то, что есть: чарующее слово „все“ принесено въ эту формулу только отъ любви и преданности несчастной русской интеллигенціи несчастному русскому народу, а совсѣмъ не отъ суровой объективной правды, правды историческихъ фактовъ.

До сихъ поръ этого не было. Интеллигенція могла бы о себѣ сказать, перефразируя героя французскаго романса:

...въ народъ,
Какъ въ Бога, вѣрю я

одѣляя его всѣми мыслимыми совершенствами, свойственными божеству, и направляя свою интеллигентскую дѣятельность, сообразно съ этимъ, въ сторону мечты о народѣ.

Въ результатѣ несчастная, опозоренная интеллигенція и опозоренный народъ, не знающій еще о своемъ несчастьи.

Будетъ, вѣроятно, иначе когда-нибудь. Будетъ... „Жаль въ эту пору прекрасную жить не придется“... Это слова опять изъ Некрасова, но сейчасъ звучатъ они совсѣмъ не такъ, какъ звучали у Некрасова.

Въ этомъ трагедія современной русской интеллигенціи, раненой въ своихъ чаяніяхъ славнаго будущаго для Россіи—великой, свободной и великодушной, равной въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ тому, передъ чѣмъ добровольно преклонялся культурный міръ,—русской литературѣ.

А. Рѣдько.

ГОДОВЩИНА.

Прошелъ годъ съ того памятнаго момента, какъ въ Россіи ярко и побѣдно вспыхнула революція. Прошелъ годъ—и мы переживаемъ моментъ полнаго развала революціи и развала самой Россіи.

Когда это случилось? И, разъ ужъ такъ случилось, то какіе уроки вытекаютъ изъ случившагося и какія задачи ставитъ оно передъ нами?

Ходъ нашей революціи представляетъ собою чрезвычайно сложное явленіе. Но я не собираюсь разсматривать его во всей его сложности,—я хотѣлъ бы попытаться намѣтить лишь наиболѣе крупныя, наиболѣе существенныя черты этого сложнаго явленія. И точно также изъ ряда многоразличныхъ задачъ, поставленныхъ передъ нами ходомъ революціи къ настоящему моменту, я хотѣлъ бы попытаться выдѣлить лишь наиболѣе настоятельныя, наиболѣе неотложныя задачи. Только въ этихъ предѣлахъ я и буду разсматривать указанную тему, стараясь опредѣлить основныя причины постигшей насъ неудачи и основныя задачи, выдвинутыя на очередь этой неудачей.

Опасенія за исходъ нашей революціи существовали и высказывались съ перваго момента ея возникновенія. Но у большинства лицъ, питавшихъ подобныя опасенія, они выливались исключительно въ форму боязни контръ-революціи. Однако контръ-революція и до сихъ поръ еще не пришла на русскую почву. Мало того,—всѣ группы, которымъ придавали за этотъ годъ названіе контръ-революціонныхъ, подавлены и разбиты. И тѣмъ не менѣе для всѣхъ ясно, что революція оборвалась, потерпѣла жестокую неудачу. Очевидно, причины этой неудачи коренятся не столько во внѣшнихъ препятствіяхъ, встрѣченныхъ революціей, сколько во внутреннихъ особенностяхъ самого революціоннаго движенія.

Не надо забывать, конечно, что наша революція вспыхнула въ мало культурной странѣ и притомъ вспыхнула въ такой моментъ, когда народъ былъ уже сильно утомленъ трехлѣтней войной, успѣвшей взять отъ него громадныя жертвы. Оба эти обстоятельства не

могли, понятно, остаться безъ вліянія на ходъ нашей революціи и оба они въ достаточной мѣрѣ наложили на него свою печать. Но наряду съ этимъ на ходъ нашей революціи оказывали воздѣйствіе и другія обстоятельства, носившія не столь общій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшія въ прямой связи съ дѣйствіями организованныхъ общественныхъ силъ, принимавшихъ активное участіе въ революціонномъ движеніи.

Одною изъ характерныхъ особенностей нашей революціи явилось то, что революціонный взрывъ не создалъ въ странѣ единаго органа власти. Съ перваго момента революціи рядомъ съ временнымъ комитетомъ Государственной Думы, попытавшимся взять на себя руководство движеніемъ, усиліями главныхъ соціалистическихъ партій—соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ—созданъ былъ въ Петербургѣ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ совѣтъ или, точнѣе говоря, его исполнительный комитетъ, явился конкурентомъ временнаго правительства, постоянно вмѣшиваясь въ кругъ дѣйствій и распоряженій послѣдняго и тѣмъ самымъ создавая въ странѣ двоевластіе. Это двоевластіе на первыхъ порахъ старались замалчивать, его порою весьма категорически отрицали, но оно все же существовало и оказывало свое—далеко не положительное, конечно,—воздѣйствіе на ходъ дѣлъ революціи. И такое воздѣйствіе становилось все болѣе глубокимъ и все болѣе серьезнымъ по мѣрѣ того, какъ организація совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ, а затѣмъ и крестьянскихъ депутатовъ распространялась дальше и дальше по странѣ.

Въ результатѣ такого распространенія рядомъ съ временнымъ правительствомъ и его органами, пытавшимися опираться на всю страну и говорить и дѣйствовать отъ имени всего ея населенія, стали совѣты, руководимые соціалистическими партіями и опиравшіеся на рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, больше всего—на солдатъ. Точнѣе говоря, эти совѣты не столько даже стали рядомъ съ временнымъ правительствомъ, сколько были противопоставлены ему, какъ организаціи, въ свою очередь претендующія на власть. Сперва эти претензіи носили сравнительно скромный характеръ, но, чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше онѣ разростались и тѣмъ откровеннѣе велась борьба за переходъ всей власти къ совѣтамъ. Въ послѣднемъ фазисѣ этой борьбы ею руководили большевики, которые въ октябрѣ минувшаго года и низвергли путемъ военнаго заговора временное правительство, поставивъ на его мѣсто диктатуру совѣтовъ. Но это былъ только послѣдній фазисъ, послѣдній этапъ борьбы и въ немъ большевики продолжали въ сущности не ими или, по меньшей мѣрѣ, не ими одними начатое дѣло. Первоначально же самое дѣло борьбы съ временнымъ правительствомъ отъ имени совѣтовъ вели и соціалъ-демократы-меньшевики, и соціалисты-революціонеры. Большевики шли въ томъ же направленіи, дѣлали то же дѣло, только дѣлали его болѣе рѣ-

шительно, послѣдовательно и откровенно, проповѣдуя не контроль совѣтовъ надъ временнымъ правительствомъ, не вмѣшательство первыхъ въ кругъ дѣйствій послѣдняго по отдѣльнымъ поводамъ, а прямой переходъ всей власти къ совѣтамъ. Находившаяся подъ обаяніемъ соціалистическихъ партій масса — и, прежде всего, солдатская масса — естественно предпочла ту позицію, которая представлялась ей болѣе рѣшительной и менѣе двусмысленной и въ результатѣ тянувшаяся почти восемь мѣсяцевъ борьба изъ-за власти закончилась октябрьскимъ переворотомъ и провозглашеніемъ диктатуры совѣтовъ. На словахъ это была диктатура рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства, на дѣлѣ—диктатура кучки захватчиковъ власти, прикрывающихъ свои дѣйствія именемъ рабочихъ и крестьянъ. Но путь, которымъ эта кучка насильниковъ пришла къ захвату власти, былъ проложенъ не только ея усиліями,—ей помогли и ошибки другихъ группъ, далеко не солидарныхъ съ нею и тѣмъ не менѣе подобно ей проповѣдывавшихъ построеніе власти на основѣ классовой диктатуры и противопоставленіе этой диктатуры общенародной волѣ. Въ тѣсной связи съ этой характерной особенностью нашей революціи стояла другая, не менѣе характерная ея черта, которую въ короткихъ словахъ можно было бы опредѣлить, какъ преобладаніе мѣстныхъ, классовыхъ и личныхъ интересовъ надъ интересами общедосударственными и общенародными.

Въ послѣднее время въ соціалъ-демократической прессѣ стали появляться статьи, объясняющія эту черту нашей революціи тою ролью, какую сыграли въ ней не-пролетарскіе элементы. Деклассированная солдатчина и некультурная деревня—вотъ, по указанію авторовъ этихъ статей, тѣ элементы, среди которыхъ будто разыгрались хищническіе инстинкты, погубившіе дѣло революціи. Солдатчина и деревня явились тѣми силами, которыя не сумѣли удержать знамя соціализма, и именно онѣ своимъ давленіемъ доставили господство большевизму. Не будь этого давленія, оставайся руководство революціей за пролетаріатомъ, — и весь ходъ революціи сложился бы иначе, такъ какъ пролетаріатъ въ массѣ своей былъ чуждъ большевизма и шелъ по правильной дорогѣ революціонной борьбы и революціоннаго творчества новыхъ формъ жизни.

Вѣрно ли однако такое объясненіе? Стоитъ вспомнить лишь нѣкоторые факты недалекаго прошлаго, чтобы дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отозвалась въ первый моментъ деревня на взрывъ революціи? Этотъ откликъ деревни выразился въ пониженіи ею во многихъ мѣстахъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты и въ усиленіи подвоза этихъ продуктовъ въ города. А что происходило въ этотъ же моментъ—первый моментъ революціи—на фабрикахъ и заводахъ Петербурга? Фабрично-заводскій пролетаріатъ Петербурга съ пер-

выхъ же дней революція выступилъ съ рядомъ экономическихъ требованій, направленныхъ къ пониженію количества рабочаго времени и поднятію заработной платы. И эти требованія, все повышаясь, очень быстро достигли такого уровня, при которомъ ихъ удовлетвореніе грозило самымъ серьезнымъ разстройствомъ промышленности, въ частности—промышленности, работавшей на оборону государства. Такое поведеніе петербургскихъ рабочихъ вызвало было большое недовольство въ рядахъ расположенныхъ въ Петербургѣ полковъ, солдаты которыхъ указывали, что рабочіе въ своихъ требованіяхъ и выступленіяхъ не считаются съ интересами и положеніемъ находящейся на фронтѣ арміи. Это недовольство приняло настолько острыя формы, что дѣло доходило чуть не до прямыхъ столкновеній между солдатами и рабочими. Въ свое время объ этихъ явленіяхъ сообщали всѣ органы петербургской прессы, и соціалистической, и не соціалистической. Но уже очень скоро большинство соціалистическихъ газетъ взяло въ данномъ вопросѣ вполнѣ опредѣленный курсъ и стало утверждать, что весь раздоръ между солдатами и рабочими вызывается исключительно происками буржуазіи. Все свое вниманіе и всѣ свои усилія эти газеты и стоявшія за ними партіи обратили на то, чтобы водворить миръ между петербургскими рабочими и солдатами петербургскаго гарнизона. Такой миръ очень скоро и былъ водворенъ, но рабочее движеніе продолжало развиваться по пути, на который оно вступило, пути чисто классовыхъ требованій, не соображенныхъ съ интересами другихъ классовъ и съ потребностями и силами всего государства въ цѣломъ.

Отмѣчая эти факты, я не имѣю, конечно, въ виду ни идеализировать нашу деревню и нашу армію, ни изображать въ особо мрачныхъ краскахъ нашъ пролетаріатъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно вѣдь напомнить и иного рода факты, столь же памятные всѣмъ, какъ и только что помянутые мною. Тѣ самые солдаты петербургскаго гарнизона, которые возмущались черезчуръ эгоистическимъ поведеніемъ рабочихъ на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, выставили требованіе о невыводѣ изъ Петербурга расположенныхъ въ немъ полковъ на фронтъ, такъ какъ они-де нужны въ столицѣ для защиты завоеванной свободы. Деревня откликнулась на низверженіе революціей стараго порядка пониженіемъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства. И та же деревня черезъ нѣкоторое время дала намъ картину аграрнаго движенія, въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ доходившаго до крайней безсмысленности и крайняго звѣрства и нерѣдко вырождавшихся въ простой грабежъ. Съ одной стороны, если въ Петербургѣ рабочее движеніе сразу пошло по пути узко классовыхъ требованій, то въ рядѣ провинціальныхъ городовъ рабочіе въ первые дни и недѣли революціи выступали съ заявленіями о готовности повысить производительность своего труда, не останавливаясь даже передъ увеличеніемъ количества

рабочаго времени, и эти выступленія не ограничивались одними только словами.

Повторяю, путемъ этихъ фактическихъ справокъ я вовсе не собираюсь идеализировать какой-либо классъ, какую-либо группу. Я лишь хочу при помощи ихъ напомнить, какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности ни деревня, ни армія не являлись живыми воплощеніями классоваго и личнаго эгоизма въ противоположность пролетаріату, который будто бы шелъ по совершенно иной дорогѣ. Дѣло было много сложнѣе. Въ годы войны, прошедшіе до революціи, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло въ нашей жизни хищничество и мародерство. Значительная часть имущихъ классовъ въ эти годы всячески стремилась уклониться отъ тяжести, легшей на плечи народа, или даже старалась воспользоваться этою тягостью, чтобы извлечь изъ нея выгоду въ свою личную пользу. Революція, казалось, открыла возможность равномѣрнаго распре дѣленія этой тягости, возможность подчиненія всѣхъ частныхъ интересовъ общимъ интересамъ народа и государства. Въ освобожденныхъ революціей трудящихся массахъ были, конечно, эгоистическія стремленія, но былъ также и патріотическій порывъ, была извѣстная готовность поступиться своими частными интересами въ пользу цѣлаго. Вышло однако такъ, что этотъ порывъ скоро замеръ, заглохъ, а рѣшительное преобладаніе получили именно эгоистическія стремленія, и трудящіяся массы и города, и деревни безъ оглядки пошли по тому же пути преслѣдованія исключительно частныхъ, групповыхъ и личныхъ интересовъ, по какому шли до того имущіе классы. Но отвѣтственны за это не однѣ масоы. Немалая доля отвѣтственности лежитъ и на тѣхъ, кто взялся быть ихъ руководителемъ, въ частности на имѣвшихъ наиболѣе шумный успѣхъ соціалистическихъ партіяхъ, не проявившихъ способности къ государственному творчеству и своими лозунгами, своею проповѣдью лишь поощрявшихъ и развивавшихъ въ массахъ хищническіе инстинкты. Вмѣсто того, чтобы настойчиво раскрывать передъ освободившимися отъ политическаго гнета народными массами всю сложность обстановки, въ которой протекаетъ соціальная жизнь и совершаются ея реформы, вмѣсто того, чтобы въ переживаемый страной критическій моментъ призывать эти массы въ ихъ собственныхъ интересахъ къ сдержанности и благоразумію, ихъ звали къ самой острой враждѣ, къ разрѣшенію экономическихъ противорѣчій голой силой, вплоть до силы оружія, къ немедленному захвату частныхъ имуществъ. И даже тѣ, кто понималъ опасность подобныхъ призывовъ, нерѣдко не противились имъ, потому ли, что не находили въ себѣ мужества противостоять возбужденнымъ массамъ, или потому, что считали нужнымъ и полезнымъ въ своихъ партійныхъ цѣляхъ прибѣгать къ демагогіи. Въ такихъ условіяхъ пропаганда меньшевиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ оказывалась подчасъ очень близкой къ пропагандѣ большевиковъ, цѣли-

комъ построенной на крайнемъ обостреніи классоваго антогонизма, близкой чуть не до полнаго совпаденія. И неудивительно, что результатомъ такого рода пропаганды, обращенной къ мало культурнымъ массамъ, явилось рѣшительное преобладаніе въ этихъ массахъ частныхъ интересовъ надъ общимъ, очень скоро дошедшее до безусловнаго перевѣса групповыхъ и личныхъ интересовъ надъ интересомъ классовымъ.

До извѣстной степени то же самое происходило и въ другой области нашей жизни—въ сферѣ національныхъ отношеній. Центробѣжныя силы и здѣсь взяли верхъ надъ центростремительными, причемъ и здѣсь это совершилось не безъ участія и вліянія организованныхъ общественныхъ силъ, порою даже такихъ, отъ которыхъ, казалось бы, подобнаго вліянія трудно было ожидать.

Въ условіяхъ стараго, до-революціоннаго порядка въ Россіи всякое національное движеніе считалось запретнымъ, всѣ стремленія отдѣльныхъ національностей къ самостоятельному развитію признавались опасными для государства и безпощадно глушились и подавлялись. Революція, разрушившая этотъ старый порядокъ, открыла, казалось, возможность созданія иного, новаго порядка, въ которомъ единство Россіи было бы согласовано съ удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ и потребностей отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ ея составъ, съ свободнымъ ихъ развитіемъ. И можно было думать, что такого рода согласованіемъ всего болѣе озабочены будутъ соціалисты, въ силу самыхъ основъ своего міропониманія, одинаково заинтересованные и въ томъ, чтобы возможно ближе притянуть одну къ другой рабочія массы различныхъ національностей, и въ томъ, чтобы не разрушить создававшіяся вѣками хозяйственныя связи между различными областями громаднаго государства. На дѣлѣ однако случилось иное. Не только большевики, но и нѣкоторыя соціалистическія партіи и группы выступили въ эпоху революціи съ лозунгомъ немедленнаго и полнаго самоопредѣленія всѣхъ населяющихъ Россію національностей вплоть до совершеннаго ихъ отдѣленія отъ россійскаго государства,—съ лозунгомъ, заключавшимъ въ себѣ прямое поощреніе всѣхъ сепаратистскихъ тенденцій, направленныхъ къ расчлененію Россіи. Выставленіе даннаго лозунга обязывало и къ поддержкѣ этихъ тенденцій на практикѣ и подобная поддержка нерѣдко, дѣйствительно, имѣла мѣсто, какъ ни странна была она со стороны группъ и партій, именовавшихъ себя соціалистическими. И наличность подобной поддержки въ свою очередь усиливала перевѣсъ частныхъ интересовъ надъ общими, центробѣжныхъ силъ надъ центростремительными.

Правда, расчлененіе Россіи въ концѣ концовъ было достигнуто не столько центробѣжными стремленіями, создавшимися въ отдѣльныхъ областяхъ, сколько внѣшней силой, силой германскаго оружія.

Но сопротивленіе этой послѣдней въ значительной степени было ослаблено именно этими центробѣжными стремленіями и той неожиданной поддержкой, какую они нашли себѣ въ самомъ центрѣ государства. Достаточно вспомнить хотя бы ту роль, какую сыграло въ дѣлѣ разложенія нашей обороны образованіе національныхъ армій. А наряду съ этимъ, конечно, громадную роль сыграло и все отношеніе нѣкоторыхъ изъ соціалистическихъ партій къ борьбѣ съ внѣшней силой, громившей русское государство, въ борьбѣ съ Германіей и ея союзниками.

Первые дни революціи во многихъ мѣстностяхъ Россіи были днями патріотическаго воодушевленія, усилившаго надежды на Россію въ рядахъ нашихъ союзниковъ и поселившаго тревогу въ лагерѣ нашихъ враговъ. Но это воодушевленіе длилось не долго. Очень скоро оно уступило свое мѣсто другому настроенію и въ созданіи этого другого настроенія сыграли видную роль нѣкоторыя изъ соціалистическихъ партій. Съ одной стороны, въ армію была внесена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ политическая борьба и въ рядахъ арміи самымъ рѣшительнымъ образомъ подрывалась необходимая для ея существованія дисциплина, съ другой—то дѣло, которое дѣлала армія на фронтѣ, дѣло прямой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, объявлялось ненужнымъ, излишнимъ. Въ Россіи зазвучали воззванія, въ основу которыхъ были положены идеи, провозглашенныя въ Циммервальдѣ и Кинталѣ,—воззванія, приглашавшія прекратить вооруженную борьбу на внѣшнемъ фронтѣ и въ ожиданіи неминуемой всеобщей соціальной революціи начать гражданскую войну внутри собственной страны. Войну на внѣшнемъ фронтѣ, войну съ занявшимъ земли русскаго государства врагомъ разсчитывали замѣнить и устранить краснорѣчивыми воззваніями, обращенными ко всѣмъ народамъ міра. И, хотя на народы міра и на ходъ войны эти воззванія явно не оказывали никакого воздѣйствія, они упорно повторялись снова и снова. Впрочемъ, на ходъ войны они, пожалуй, и оказывали извѣстное воздѣйствіе, способствуя именно выведенію изъ борьбы русской арміи. Они ослабляли въ ея рядахъ болѣе сильные и стойкіе элементы и содѣйствовали разростанію элементовъ слабыхъ и малодушныхъ, давая какъ нельзя болѣе удобное идейное оправданіе всѣмъ тѣмъ, кто усталъ отъ тягостей войны и не хотѣлъ болѣе нести ихъ. Вѣрѣ въ смыслъ того дѣла, которое дѣлала отстаивавшая родину отъ врага армія, наносился такимъ путемъ тяжелый ударъ и внутри арміи создавалась борьба противоположныхъ теченій, соединявшаяся и переплетавшаяся съ борьбой противъ командного состава. Результатомъ всего этого явилось непрерывное пониженіе боеспособности арміи. Большевистскій переворотъ, приведшій къ окончательному уничтоженію русской арміи, къ Брестскому миру и раздробленію Россіи, послужилъ въ сущности логическимъ завершеніемъ этого процесса. Въ конецъ уничтожая стоявшую противъ врага армію и

заключая позорный миръ, большевики заканчивали дѣло, не ими одними начатое и веденное, они только проявили въ доведеніи до конца этого дѣла больше послѣдовательности, больше прямолинейности, чѣмъ другіе его участники.

Въ этихъ условіяхъ, нимало не пытаясь сколько-нибудь уменьшить вину, лежащую на большевикахъ, не приходится и возлагать цѣликомъ на нихъ однихъ всю отвѣтственность за переживаемое нами положеніе. Въ извѣстной мѣрѣ эту отвѣтственность раздѣляютъ съ ними и другіе элементы. Въ довольно широкихъ кругахъ нашего общества сейчасъ очень распространено мнѣніе, согласно которому этими другими элементами являются исключительно соціалисты. Соціалисты, только соціалисты, и притомъ всѣ соціалисты, безъ различія оттѣнковъ, виновны въ томъ, что мы переживаемъ,—такого рода заявленія, дѣлаемыя въ самой категорической формѣ, неоднократно повторяются сейчасъ и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ печати. Другой вопросъ, вѣрны ли подобныя заявленія, точно ли они передаютъ и объясняютъ дѣйствительность.

Выше я пытался указать рядъ существенныхъ ошибокъ, совершенныхъ въ нашей политической жизни при участіи и подъ воздѣйствіемъ нѣкоторыхъ изъ соціалистическихъ партій. Можно ли однако сказать, что партіи не-соціалистическія, въ частности партіи либеральныя, совершенно неповинны въ этихъ ошибкахъ? Врядъ-ли можно. Въ самомъ дѣлѣ, не мѣшаетъ вѣдь вспомнить, что первое временное правительство включало въ свой составъ всего лишь одного соціалиста, а между тѣмъ именно при этомъ первомъ временномъ правительствѣ начались нѣкоторыя изъ указанныхъ выше явленій и оно весьма слабо боролось съ ними, если только боролось вообще. Съ первыхъ недѣль революціи петербургскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ сталъ присваивать себѣ право властнаго контроля надъ дѣйствіями временнаго правительства, сталъ, какъ власть имущій, вмѣшиваться въ нихъ, отмѣнять ихъ и замѣнять своими распоряженіями. Извѣстія объ этомъ расходились въ различныхъ общественныхъ кругахъ и вызывали большое смущеніе. Но временное правительство, правительство, отнюдь не соціалистическое, находило нужнымъ опровергать эти извѣстія, заявляя, что оно находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ совѣтомъ и что никакого двоевластія въ государственной жизни не существуетъ. Тѣмъ самымъ, конечно, оно ослабляло отпоръ, какой на первыхъ же порахъ могли бы встрѣтить неумѣренныя притязанія совѣта, и укрѣпляло позицію сторонниковъ совѣтской власти. Ужасы Кронштадта, таившіе въ себѣ сѣмя многихъ позднѣйшихъ ужасовъ, также разыгрались при первомъ временномъ правительствѣ. И не только они не встрѣтили достаточно энергичнаго отпора съ его стороны, но оно старалось даже замолчать ихъ, не оповѣщая о нихъ населеніе, хотя такое оповѣщеніе могло вызвать протестую-

щее движеніе, которое придало бы силу самому правительству. Наряду съ этимъ и общее разложеніе арміи началось тогда, когда во главѣ военнаго министерства стоялъ не соціалистъ, а октябристъ Гучковъ, и тѣмъ не менѣе именно этимъ послѣднимъ не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ такого разложенія. Наоборотъ, именно Гучковъ оказался человѣкомъ, готовымъ удовлетворять наиболѣе далеко идущія и наименѣе обдуманныя требованія, предъявляемыя къ арміи. Достаточно напомнить, что именно при немъ началось образованіе національныхъ полковъ и національныхъ армій. Не такъ трудно припомнить и другіе эпизоды минувшаго года, въ которыхъ политическіе дѣятели, отнюдь не принадлежавшіе къ соціалистамъ, шли по дорогѣ, весьма мало согласованной съ общегосударственными интересами или, по меньшей мѣрѣ, обнаруживали очень мало энергіи въ отстаиваніи этихъ интересовъ. А наряду съ этимъ можно вѣдь напомнить и тотъ фактъ, что такой недостатокъ энергіи въ отстаиваніи общегосударственныхъ интересовъ нерѣдко соединялся у дѣятелей не-соціалистическаго лагеря съ упорной защитой интересовъ и позицій узко классоваго характера.

Съ другой стороны, утверждать, что всѣ соціалисты, безъ различія оттѣнковъ, повинны въ разрушительной проповѣди, будившей узко эгоистическіе инстинкты, и потому отвѣтственны за сложившееся нынѣ положеніе, можно только совершенно не считаясь съ фактами и спокойно проходя мимо нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ трудно назвать соціалистическія партіи и группы, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ принять на себя подобнаго упрека. Напомню хотя бы партію народныхъ соціалистовъ или соціалъ-демократическую группу „Единство". Обѣ онѣ—каждая съ точки зрѣнія своей программы,—нимало не отступаясь отъ защиты интересовъ трудящихся, все время революціи доказывали, что именно классовый интересъ крестьянъ и рабочихъ требуетъ отъ нихъ въ данное время прежде всего защиты общегосударственныхъ интересовъ, обѣ все время призывали всѣ классы къ самоограниченію и самопожертвованію во имя общенароднаго блага, обѣ все время звали къ энергичной защитѣ родины отъ внѣшняго врага и настойчиво доказывали, что власть въ странѣ должна быть организована не на классовомъ, а на всенародномъ началѣ, и притомъ организована именно какъ власть, обладающая принудительнымъ характеромъ, а не дѣйствующая исключительно силою однихъ моральныхъ увѣщаній. Приблизительно такъ же высказывалась по даннымъ вопросамъ и группа, извѣстная подъ именемъ правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ, хотя ея позиція не всегда бывала достаточно опредѣленной и вдобавокъ нерѣдко затемнялась отсутствіемъ какого-либо организаціоннаго разграниченія между этой группой и другими частями партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Нельзя сказать такимъ образомъ, что только соціалисты по-

винны въ создавшемся нынѣ для насъ положеніи. Нельзя сказать и того, что въ немъ повинны всѣ соціалисты. Нѣтъ, изъ соціалистическаго лагеря, какъ и изъ лагеря не-соціалистическаго, своевременно раздавались голоса, предупреждавшія объ опасности того пути распыленія, на который стала наша революція, пути, на которомъ отсутствіе внѣшней обороны сочеталось съ ожесточенной борьбой внутри страны и классовые, групповые и личные интересы не примирялись съ интересами общенародными, а получали рѣшительное преобладаніе надъ ними. Наше несчастье оказалось въ томъ, что эти голоса были немногочисленны, что за ними стояло слишкомъ мало организованныхъ силъ и что гораздо громче звучали и гораздо большее вліяніе въ народныхъ массахъ пріобрѣли иного рода голоса, звавшіе къ немедленному осуществленію классовыхъ требованій безъ какой бы то ни было оглядки на интересъ всего народа и всего государства въ цѣломъ. Исходили ли такіе призывы изъ искренней вѣры въ неминуемость и близость всеобщей соціальной революціи или же они диктовались другого рода побужденіями,—результатъ ихъ во всякомъ случаѣ былъ одинъ и тотъ же. На фронтѣ онъ выразился въ разложеніи арміи, внутри страны—въ полномъ разстройствѣ ея хозяйства и въ созданіи якобы классовой власти, на дѣлѣ попадавшей въ руки небольшой кучки людей, безсильной справиться съ потребностями страны. И завершеніемъ всего этого процесса явился большевистскій октябрьскій переворотъ съ его естественными и неизбѣжными послѣдствіями—совершеннымъ уничтоженіемъ русской арміи, закрѣпляющимъ раздробленіе Россіи, Брестскимъ миромъ и окончательнымъ разваломъ внутри страны.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы жили въ громадномъ, вѣками создававшемся государствѣ, носившемъ имя Россіи. Теперь, послѣ заключенія Брестскаго мира, Россіи какъ будто нѣтъ уже на свѣтѣ. Нѣтъ во всякомъ случаѣ прежней Россіи, отъ которой отрѣзанъ рядъ областей.

Отъ Россіи отдѣлена Финляндія и уже идетъ разговоръ о присоединеніи къ этой отдѣлившейся Финляндіи частей Архангельской, Олонецкой и Петербургской губерній, объединяемыхъ подъ именемъ русской Кареліи. Въ печати передаютъ даже слухи, будто Финляндіи даны какія-то формальныя обѣщанія на счетъ такого присоединенія. Отдѣлены, далѣе, отъ Россіи прибалтійскія губерніи, и притомъ отдѣлены такимъ образомъ, что Петербургъ—это пробитое Петромъ I для Россіи окно въ Европу—оказывается стоящимъ чуть не на самой границѣ государства. Нѣтъ надобности, конечно, доказывать, что поставленный въ такое положеніе Петербургъ не можетъ оставаться не только столичнымъ городомъ, но и тѣмъ крупнымъ промышленнымъ центромъ, какимъ онъ являлся до настоящаго времени. Во вновь созданныхъ для него условіяхъ онъ долженъ будетъ, по всей вѣроятности, въ значительной мѣрѣ

потерять и свое значеніе портового города. И во всякомъ случаѣ въ результатѣ этого отдѣленія Финляндіи и прибалтійскихъ провинцій у Россіи вмѣсто прежняго широкаго окна въ Европу остается лишь жалкая форточка, которая къ тому же въ любую минуту можетъ быть захлопнута властной рукой могучаго сосѣда—Германіи.

На западѣ отъ Россіи отдѣлены Литва и значительная часть Бѣлоруссіи. Отдѣлена отъ Россіи, далѣе, и Украина. По условіямъ Брестскаго мира, совѣтъ народныхъ коммиссаровъ обязался признать независимость Украины, вывести свои войска изъ ея предѣловъ и заключить міръ съ кіевской украинской радой, ставшей подъ покровительство германскаго императора. Украина такимъ образомъ отдѣлилась отъ Россіи. Но что представляетъ изъ себя эта отдѣлившаяся Украина въ территоріальномъ смыслѣ,—въ точности, кажется, никому неизвѣстно... Повидимому, въ ея составъ предполагается включить не только былую гетманщину или лѣвобережную Малороссію, т. е. нынѣшнія Черниговскую и Полтавскую губерніи, не только правобережную Малороссію, т. е. губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую, но и Слобожанщину или нынѣшнюю Харьковскую губернію, входившую въ составъ стараго Московскаго государства еще въ XVI вѣкѣ, и Новороссію, отвоеванную русскими войсками отъ татаръ въ XVIII столѣтіи, и сѣверные уѣзды Крыма. Каковы однако должны быть точныя границы этой предполагаемой независимой Украины, остается все-таки невыясненнымъ. Невыяснено это, кажется, и для тѣхъ уполномоченныхъ совѣта народныхъ коммиссаровъ, которые подписали Брестскій миръ, и для того съѣзда совѣтовъ, который утвердилъ этотъ миръ. Отдѣленіе Украины отъ Россіи они признали, условіе объ немъ подписали, но что собственно отдѣляется подъ именемъ Украины,—этимъ они, повидимому, не особенно интересовались и не очень были озабочены.

Ясно во всякомъ случаѣ одно. Какъ отдѣленіе Финляндіи и прибалтійскихъ губерній отбрасываетъ Россію отъ Балтійскаго моря, такъ—и еще въ большей мѣрѣ—отдѣленіе Украины отрѣзываетъ уцѣлѣвшіе остатки Россіи отъ Чернаго моря. Крымъ какъ будто остается еще въ обладаніи русскаго государства, но у послѣдняго нѣтъ уже прямого пути въ Крымъ, путь туда лежитъ черезъ территорію другого государства, черезъ Украину. И въ газетахъ уже мелькаютъ извѣстія, что Турція, также заключившая въ Брестѣ миръ съ Россіей, готовитъ экспедицію въ Крымъ. Не для того, конечно, чтобы аннексировать Крымъ—Россія вѣдь противъ аннексій, да къ тому же она и въ мирѣ съ Турціей,—а только для того, чтобы помочь Крыму самоопредѣлиться и водворить въ немъ порядокъ. Но не будетъ, конечно, особенно удивительнымъ, если въ результатѣ такого самоопредѣленія Крымъ пожелаетъ признать надъ собою власть турецкаго султана, какъ Эстляндія, Лифляндія,

Курляндія и Литва пожелали признать власть германскаго императора.

Вмѣстѣ съ извѣстіями о готовящейся турецкой экспедиціи въ Крымъ газеты сообщаютъ въ послѣднее время и другого рода извѣстія—о предложеніи Германіи, по условіямъ мира съ Румыніей, отдать этой послѣдней русскую Бессарабію. Такимъ образомъ и Бессарабія, повидимому, можетъ быть отдѣлена отъ Россіи. Но это отдѣленіе Крыма и Бессарабіи пока носитъ все-таки гадательный характеръ, оставаясь въ области возможностей и предположеній, хотя бы и весьма близкихъ къ осуществленію. За то часть Кавказа—именно Карсъ, Батумъ и Ардаганъ съ ихъ областями—уже теперь, по оглашеннымъ условіямъ Брестскаго мира, признается отдѣленной отъ Россіи и переданной подъ власть Турціи. И для того, чтобы оцѣнить экономическое значеніе отхода этихъ областей, достаточно напомнить хотя бы тотъ фактъ, что въ Батумъ поступаетъ по нефтепроводу бакинская нефть, предназначенная къ вывозу по Черному морю. Такимъ образомъ въ результатѣ отхода Батума къ Турціи послѣдняя, помимо всего прочаго, получитъ возможность облагать пошлиной въ свою пользу русскую нефть, вывозимую въ Россію.

Въ результатѣ этихъ отдѣленій отъ Россіи, той прежней Россіи, въ которой мы еще недавно жили, остаются только обломки, введенные въ предѣлы, близкіе къ предѣламъ Московскаго государства XVI вѣка. Правда, сами по себѣ эти обломки и по своимъ территоріальнымъ размѣрамъ, и по количеству заключающагося въ нихъ населенія еще довольно велики: на оставленной еще пока за русскимъ государствомъ территоріи насчитывается, вѣроятно, около 100—120 милліоновъ населенія. Но жизнь народовъ и государствъ зависитъ не только отъ размѣровъ государства и отъ количества его населенія, а и отъ тѣхъ условій, въ какія оно поставлено. Между тѣмъ для уцѣлѣвшихъ остатковъ Россіи эти условія въ томъ видѣ, въ какомъ они созданы Брестскимъ міромъ, складываются самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Начать съ того, что уцѣлѣвшая часть Россіи отрѣзана отъ Балтійскаго и Чернаго морей, къ которымъ русскій народъ пробивался втеченіе столѣтій съ величайшими жертвами, съ величайшимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ. Теперь надъ всѣми этими жертвами, надъ всѣми вѣковыми усиліями ставится крестъ и русскій народъ оказывается сразу отброшеннымъ на два слишкомъ вѣка назадъ и почти совершенно лишеннымъ путей морского сообщенія, что одно уже создаетъ для него крайне невыгодныя условія хозяйственнаго развитія, ставя его въ черезчуръ большую зависимость отъ сосѣдей. Но этого мало. Дробя Россію, Брестскій миръ разрѣзаетъ ея хозяйственный организмъ по живому тѣлу и насильственно разрываетъ экономическія узы, складывавшіяся втеченіе весьма долгаго времени и создавшія опредѣленный типъ хозяйственнаго развитія страны.

Отъ уцѣлѣвшей части русскаго государства этимъ миромъ отрѣзывается хлѣбородный югъ, отрѣзываются каменноугольныя и рудоносныя области, отрѣзываются, наконецъ, по крайней мѣрѣ, частью, и нефтяные промысла. И хлѣбъ, и сахаръ, и уголь, и нефть, и руду уцѣлѣвшая сѣверная и центральная часть Россіи должна будетъ впредь получать изъ-за границы, получать въ томъ количествѣ, въ какомъ ей оставитъ эти продукты Германія, и на тѣхъ условіяхъ, какія поставитъ послѣдняя. Но и этимъ дѣло еще не ограничивается. По условіямъ Брестскаго мира уцѣлѣвшей части Россіи навязанъ торговый договоръ, предоставляющій Германіи право почти безпошлиннаго ввоза товаровъ въ нее, и такимъ путемъ обезсиленная русская промышленность ставится лицомъ къ лицу съ непосильнымъ для нея въ данныхъ условіяхъ конкурентомъ, тѣмъ самымъ обрекаясь почти на полное уничтоженіе. Въ конечномъ итогѣ раздробленная, доведенная въ уцѣлѣвшей своей части почти-что до предѣловъ Московскаго государства XVI вѣка, отброшенная отъ морей Россія отдается такимъ образомъ въ полную политическую и экономическую зависимость отъ Германіи, чтобы не сказать—въ полное рабство ей. Нечего и говорить, что никакія сколько-нибудь серьезныя соціальныя реформы, направленныя ко благу трудящихся массъ русскаго народа, при такой обстановкѣ невозможны. Русскій народъ въ условіяхъ, создаваемыхъ этой обстановкой, будетъ обреченъ служить своимъ трудомъ своимъ потомъ благосостоянію чужого народа и чужого государства, а на его собственную долю останутся только нищета и разореніе. Россія такимъ образомъ утрачиваетъ не только свои прежнія границы, не только теряетъ рядъ областей и перестаетъ быть прежней Россіей, она утрачиваетъ и свободу своего развитія и самая государственная самостоятельность ея становится въ сущности призрачной, всецѣло зависящей отъ воли Германіи.

Таково положеніе, созданное для насъ Брестскимъ миромъ. И для всѣхъ, кто не хочетъ и не можетъ примириться съ мыслью о гибели Россіи, изъ этого положенія неизбѣжно вытекаетъ одна, прежде всего другого подлежащая разрѣшенію задача—задача возстановленія цѣлостности и независимости родины. Передъ этой задачей сами собой отходятъ на второй планъ всѣ другія, такъ какъ внѣ ея, безъ ея разрѣшенія немыслимо разрѣшеніе никакихъ иныхъ сколько-нибудь крупныхъ и серьезныхъ задачъ политическаго и соціальнаго строительства русской жизни. Только сбросивъ съ себя тяжело легшее на насъ чужеземное иго, только возсоединивъ раздробленную на куски родину и вернувъ ей ея самостоятельность, мы можемъ вновь стать хозяевами своей жизни и браться за ту или иную ея перестройку. До той же поры, пока на насъ лежитъ это чужое иго, пока нашей жизнью правитъ и судьбы нашей родины куетъ не наша, а чужая воля, намъ не приходится говорить ни о какихъ самостоятельныхъ задачахъ въ сферѣ строи-

тельства русской жизни. Всѣ такія задачи, изъ какихъ бы программъ онѣ ни исходили, какого рода идеалами онѣ бы ни диктовались, одинаково неосуществимы безъ возсозданія лежащей нынѣ въ развалинахъ Россіи, безъ возстановленія разложенной русской государственности. И поэтому такое возстановленіе въ условіяхъ настоящаго момента является первой и основной задачей для всѣхъ группъ и лицъ, которыя такъ или иначе связаны въ своей судьбѣ съ судьбами русскаго народа, чьи интересы болѣе или менѣе прочно сплетены съ его интересами.

Правда, эта задача сопряжена съ чрезвычайно большими затрудненіями. Они настолько велики, что многимъ представляются даже совершенно непреоборимыми, и сейчасъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ русскаго народа есть не мало людей, которые готовы примириться съ разгромомъ Россіи и съ владычествомъ надъ нею Германіи, утѣшая себя мыслью, что такое владычество по необходимости будетъ внѣшнимъ и болѣе или менѣе кратковременнымъ, такъ какъ Германіи въ ея собственныхъ интересахъ придется водворить порядокъ въ уцѣлѣвшей отъ разгрома части Россіи и въ этихъ видахъ возстановить въ тѣхъ или иныхъ формахъ русскую государственность. Въ такихъ утѣшеніяхъ однако много наивнаго самообмана. Если Германія останется хозяиномъ русской жизни, она, конечно, постарается установить въ ней извѣстный порядокъ, но только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ нуженъ въ интересахъ Германіи, и только такой, какой ей нуженъ. Германскіе государственные дѣятели хорошо знаютъ, что разгромленный народъ въ концѣ концовъ не такъ легко мирится съ понесеннымъ имъ разгромомъ, какъ отдѣльныя лица, что, если только у него есть какія-либо силы, онъ стремится собрать ихъ и отплатить за понесенное пораженіе. На опытѣ Франціи, вынесшей разгромъ 1870—71 гг., Германія узнала, какая жажда мести закипаетъ въ душѣ разгромленнаго и ограбленнаго народа послѣ первыхъ моментовъ унынія и апатіи, узнала, какъ долго живетъ такой народъ мечтой отплатить насильнику и силой вернуть отъ него награбленное. И руководители германской политики, конечно, учтутъ этотъ опытъ и постараются обезопасить себя, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уцѣлѣвшая часть Россіи и въ будущемъ не пріобрѣла такой силы, которая позволила бы ей выйти изъ-подъ властной опеки Германіи и занять положеніе сколько-нибудь серьезнаго противника послѣдней. Въ виду этого мириться сейчасъ съ положеніемъ, созданнымъ для Россіи, значитъ въ сущности допускать возможность такого положенія на долгое время и упускать моментъ благопріятный для его измѣненія.

Признать это значитъ, конечно, только лишній разъ подтвердить наличность стоящей передъ нами задачи, но не найти путь къ ея рѣшенію, путь, на которомъ можно было бы достигнуть такого измѣненія. На счетъ такого пути возможны различныя мнѣнія

И эти различныя мнѣнія не только возможны, но существуютъ и на дѣлѣ.

Въ результатѣ всѣхъ тяжелыхъ событій, пережитыхъ нами за минувшій годъ, и того трагическаго положенія, къ которому они привели Россію, въ различныхъ кругахъ нашего общества сейчасъ широко распространены сомнѣнія въ государственныхъ силахъ и способностяхъ русскаго народа. И даже среди тѣхъ, кто чувствуетъ себя неспособнымъ примириться съ положеніемъ, уготованнымъ для Россіи условіями Брестскаго мира, кто хотѣлъ бы стремиться къ возсозданію Россіи, это стремленіе нерѣдко соединяется съ увѣренностью, что подобное возсозданіе неосуществимо силами самой Россіи, что его можетъ дать намъ только посторонняя сила, и именно—сила нашихъ союзниковъ по борьбѣ съ Германіей. Такая увѣренность диктуетъ вполнѣ опредѣленный планъ практическаго поведенія и на ней стоитъ поэтому нѣсколько остановиться съ тѣмъ, чтобы попытаться провѣрить степень ея основательности.

Нѣтъ возможности отрицать, что наши союзники заинтересованы въ возсозданіи Россіи. Признать положеніе, созданное Брестскимъ миромъ, отдать Россію цѣликомъ въ жертву Германіи означало бы для нихъ черезчуръ усилить эту послѣднюю, черезчуръ нарушить въ ея пользу равновѣсіе міровыхъ силъ. И на дѣлѣ союзники уже и заявили, что они не признаютъ Брестскаго мира, считая его какъ бы несуществующимъ. Точно также не въ интересахъ нашихъ союзниковъ выдѣленіе изъ состава Россіи якобы независимыхъ государствъ, на дѣлѣ входящихъ въ орбиту вліянія Германіи или прямо являющихся ея вассалами. И соотвѣтственно этому союзники въ свое время опять-таки заявили, что они не признаютъ отдѣленія Украйны, принявшей имя украинской народной республики, отъ Россіи. Но заинтересованность нашихъ союзниковъ въ возсозданіи Россіи все же имѣетъ свои предѣлы, за которые она не переходитъ и не перейдетъ. Еслибъ нашлись русскіе люди, которые взялись бы за дѣло, тѣмъ самымъ вступая въ борьбу съ Германіей, то союзники, несомнѣнно, могли бы придти и пришли бы имъ на помощь. Но сами они браться за такое дѣло не станутъ, такъ какъ оно потребовало бы отъ нихъ слишкомъ большихъ силъ и давало бы имъ слишкомъ мало шансовъ на успѣхъ. И въ концѣ концовъ, если они не увидятъ въ Россіи никакихъ силъ, которыя хотѣли и могли бы вырвать ее изъ цѣпкихъ объятій Германіи, они всегда вѣдь могутъ до извѣстной степени парализовать усиленіе послѣдней, найдя себѣ соотвѣтственное вознагражденіе въ другомъ мѣстѣ, быть можетъ, даже въ той же самой Россіи. Совсѣмъ недавно мы видѣли уже подобнаго рода попытку со стороны Японіи и, если эта попытка осталась не доведенной до конца, то это вовсе не значитъ, что мы можемъ считать себя въ ближайшемъ будущемъ застрахованными отъ еще болѣе рѣшительныхъ попытокъ такого же характера. Наоборотъ, онѣ вполнѣ возможны, и

притомъ возможны въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, со стороны не какой-либо одной изъ борющихся противъ Германіи союзныхъ державъ, а всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И въ томъ случаѣ, еслибы такая возможность осуществилась, задача возсозданія Россіи стала бы, конечно, еще болѣе трудной, если даже не безнадежной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было бы и наиболѣе вѣроятнымъ результатомъ того пути бездѣйствія и пассивнаго ожиданія, какой выбирается людьми, возлагающими всѣ свои надежды въ дѣлѣ возсозданія Россіи на союзниковъ.

Осуществить такое возсозданіе чужими руками, очевидно, невозможно. Мы можемъ искать въ этомъ дѣлѣ помощи, но, если мы сами не станемъ дѣлать его, никто не сдѣлаетъ его за насъ—ни англичане, ни французы, ни японцы, ни американцы. Только взятое въ наши собственныя руки, это дѣло можетъ быть сдѣлано. И, хотя въ сложившихся обстоятельствахъ оно представляетъ для насъ по-истинѣ громадныя затрудненія, его все же нельзя считать неосуществимымъ.

Наше положеніе было бы невѣроятно труднымъ, еслибы совершенно почти лишившаяся средствъ защиты Россія стояла лицомъ къ лицу съ Германіей, располагающей возможностью безпрепятственно бросить на нее всѣ свои силы. Но дѣло вѣдь обстоитъ иначе. Германія, сама въ достаточной мѣрѣ истощенная затянувшейся войной, вынуждена вдобавокъ сейчасъ держать главную массу своихъ войскъ на западномъ фронтѣ, для борьбы съ Франціей, истекающей кровью, но удерживающейся на своихъ позиціяхъ, съ Англіей, далеко еще не исчерпавшей своихъ богатыхъ рессурсовъ, съ Америкой, только что начинающей развертывать свои громадныя силы. И если въ этихъ условіяхъ мы все же оказались разгромленными, то это произошло благодаря не столько силѣ Германіи, сколько нашему безсилію. Достаточно напомнить, что при германскомъ наступленіи, предшествовавшемъ заключенію Брестскаго мира, наши города и крѣпости занимались десятками и сотнями нѣмецкихъ солдатъ и передъ этими десятками и сотнями въ паникѣ бѣжали тысячи и десятки тысячъ русскихъ солдатъ. Въ этой обстановкѣ рѣчь, очевидно, должна идти не столько о созданіи громадной арміи, сколько о созданіи арміи, способной сражаться съ врагомъ. Будь у насъ такая армія, даже не особенно сильная количественно, и дальнѣйшій побѣдоносный походъ нѣмцевъ на Россію едва-ли могъ бы имѣть мѣсто, а, можетъ быть, имъ пришлось бы очистить и многія изъ занятыхъ уже ими мѣстностей. Конечно, и созданіе такой арміи является для насъ въ условіяхъ переживаемаго нами момента далеко не легкимъ дѣломъ, особенно если припомнить, что большая часть техническаго снаряженія нашей боевой арміи находится нынѣ въ рукахъ нашихъ враговъ. Но именно въ этомъ послѣднемъ случаѣ намъ могли бы придти на

помощь наши союзники и эту сторону дѣла нельзя считать представляющей непреоборимыя затрудненія.

Неизмѣримо важнѣе другое. Армія въ концѣ концовъ лишь служебный аппаратъ государственной власти и ея возсозданіе можетъ совершаться лишь параллельно съ возсозданіемъ этой послѣдней. Именно возсозданіемъ, такъ какъ государственной власти въ настоящемъ смыслѣ этого слова у насъ сейчасъ нѣтъ, мы пришли къ полному ея разложенію. И передъ всякимъ, кто думаетъ о возсозданіи разорванной Россіи, о защитѣ ея отъ разгромившаго и еще продолжающаго громить ее врага, о созданіи необходимой для такой защиты арміи, неизбѣжно встаетъ вопросъ о возсозданіи русской государственности, о возсозданіи разрушенной русской государственной власти.

Есть разныя мнѣнія на счетъ того, какъ можетъ быть достигнуто такое возсозданіе. И, въ частности, существуетъ, и нерѣдко высказывается въ нашей прессѣ такое представленіе, по которому это возсозданіе можетъ быть осуществлено лишь путемъ болѣе или менѣе серьезныхъ ограниченій народовластія, такъ какъ спасти Россію, возсоединить ее, возстановить въ ней государственную власть сможетъ скорѣе отдѣльная сильная личность, отдѣльный диктаторъ, выдвинувшійся изъ среды народа, чѣмъ самъ народъ.

Нельзя отрицать, конечно, возможности появленія у насъ подобнаго диктатора. Въ прошломъ народовъ не разъ бывали случаи когда въ результатѣ затянувшейся и не дававшей осязательныхъ результатовъ революціи появлялся тотъ или иной диктаторъ, овладѣвавшій волей утомленныхъ массъ и утверждавшій надъ ними свою власть. Быть можетъ, это повторится и у насъ—будущее предсказывать трудно. Но вопросъ вѣдь приходится ставить иначе. Дѣло не въ томъ, возможно ли появленіе подобнаго диктатора, а въ томъ, желательно ли оно. Можетъ быть, такой диктаторъ возсоздастъ Россію, но можетъ быть, онъ и не сдѣлаетъ этого. Но ужъ во всякомъ случаѣ онъ не устроитъ жизни Россіи такъ, какъ этого требовали бы интересы народа,—порукой въ этомъ служитъ весь опытъ, накопленный до сихъ поръ исторіей человѣчества. Почему же при такихъ условіяхъ надо желать появленія диктатора? Гдѣ собственно основаніе ожидать, что сильная власть, ставшая надъ народомъ и ограничившая его права, скорѣе и лучше, чѣмъ самъ народъ, возсоздастъ Россію, гдѣ основанія отказываться въ интересахъ такого возсозданія отъ осуществленія въ русской жизни принципа народовластія?

Психологію, на почвѣ которой зародилось стремленіе къ подобнаго рода отказу, понять не трудно. Это психологія извѣрившихся, разочаровавшихся людей. Такъ неожиданно жестоки и трагичны были событія минувшаго года, такія глубокія потрясенія принесли они съ собою, что въ результатѣ ихъ многіе и многіе разо-

чаровались въ русскомъ народѣ, усомнились въ его творческихъ силахъ и способностяхъ, въ возможности вручить въ его руки распоряженіе его собственными судьбами. И надо сказать, конечно,—событія минувшаго года дали много законныхъ поводовъ для сомнѣній и разочарованій. Только въ данномъ случаѣ, думается мнѣ, эти сомнѣнія направляются не по надлежащему адресу и переходятъ свои законные предѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ идея народовластія скомпрометировала себя въ событіяхъ, пережитыхъ нами за минувшій годъ? Развѣ идея народовластія, предполагающая въ своемъ практическомъ осуществленіи неотъемлемыя личныя права каждаго отдѣльнаго гражданина и создающуюся въ результатѣ использованія этихъ правъ общенародную волю, правящую государствомъ, развѣ эта идея была осуществлена нами въ минувшемъ году и не оправдала себя? На дѣлѣ вѣдь случилось нѣчто другое, чтобы не сказать—нѣчто прямо противоположное. Идея народовластія, провозглашенная въ теоріи, на практикѣ была смыта и унесена разбушевавшимся потокомъ эгоистическихъ классовыхъ, групповыхъ и личныхъ стремленій, отказывавшихся считаться съ общенародной волей, съ благомъ народа въ его цѣломъ. И этотъ потокъ питался не только классовыми инстинктами народныхъ массъ, не только соотвѣтствующими инстинктами верхнихъ общественныхъ слоевъ, но и призывами значительной части интеллигенціи, пытавшейся построить все зданіе русской общественности исключительно на классовыхъ интересахъ и находившей поэтому нужнымъ потакать этимъ интересамъ даже въ наиболѣе низменныхъ ихъ проявленіяхъ.

Сейчасъ этотъ бурный и мутный потокъ увлекъ нашу родину на самое дно глубокой и мрачной пропасти. И для того, чтобы выкарабкаться изъ этой пропасти, для того, чтобы снова выйти на вольный свѣтъ, намъ, быть можетъ, прежде всего надо постараться возстановить во всей ея чистотѣ и неприкосновенности идею общенароднаго блага, идею общенародной воли, стоящей выше всѣхъ частныхъ воль, идею народовластія. Намъ нужно научить себя и другихъ уважать права каждаго отдѣльнаго гражданина и дѣятельно бороться противъ каждаго ихъ нарушенія. Намъ нужно научить себя и другихъ склонять голову передъ выраженіемъ общенародной воли и отказаться отъ всякихъ попытокъ насиловать ее. Тогда передъ нами откроется широкій путь спасенія родины.

На тяжкомъ опытѣ учатся сейчасъ отдѣльныя группы населенія Россіи познавать связь, существующую между ними и всѣмъ народомъ, между ихъ благомъ и благомъ общенароднымъ. Въ тяжкомъ опытѣ начинаютъ сейчасъ народныя массы познавать тѣ истины, что ихъ существованіе тѣсно связано съ существованіемъ родины что внѣ ея рамокъ въ данный историческій моментъ не могутъ быть удовлетворены наиболѣе элементарные ихъ интересы, что, когда опозорена, унижена и ограблена страна, нищета и раззореніе

тяжелымъ бременемъ ложатся на всѣ слои ея населенія и, прежде всего, на трудовыя массы. Нужно ускорить процессъ проникновенія этихъ истинъ въ народное сознаніе, такъ какъ, усвоивъ ихъ, народъ можетъ найти въ себѣ силы для новой борьбы за родину и можетъ еще спасти ее.

Но надо спѣшить,—судьба даетъ намъ слишкомъ малый срокъ Скоро можетъ такъ или иначе окончиться жестокая борьба народовъ и, если мы до момента ея окончанія не будемъ вновь стоять въ рядахъ борющихся, при заключеніи мира разговоръ, вѣроятно, пойдетъ не съ нами, а объ насъ. Я не хочу сказать, что въ этомъ случаѣ Россія непремѣнно совсѣмъ и навсегда исчезнетъ, какъ самостоятельное государство, съ карты міра. Лично я не считаю даже этого возможнымъ. Народъ, насчитывающій въ себѣ около 100 милліоновъ людей, народъ, вѣками строившій свое государство, не можетъ такъ легко отказаться отъ государственной жизни и отъ государственной самостоятельности. Онъ можетъ пережить моментъ ослѣпленія, но, какъ бы ни была тяжела расплата за этотъ моментъ, она не уничтожитъ, не можетъ уничтожить плодовъ вѣкового государственнаго строительства и въ такомъ народѣ неизбѣжно вновь проснется тяга къ государственности. И если даже въ результатѣ происходящей сейчасъ борьбы народовъ и долженствующаго закончить ее мира Россія останется раздробленной и подчиненной чужому владычеству, въ русскомъ народѣ, несомнѣнно, не умретъ стремленіе къ возсозданію родины и ея государственной самостоятельности. Но тогда на пути осуществленія этого стремленія будутъ стоять громадныя препятствія. Русскій народъ тогда будетъ имѣть противъ себя не слабаго сравнительно врага, вынужденнаго отвлекать главную долю своихъ силъ въ другую сторону, а могущественнаго противника или, быть можетъ, рядъ противниковъ, располагающихъ, возможностью употребить на борьбу всѣ свои силы. Возможно, что исходъ этой борьбы будетъ все-таки благопріятенъ для русскаго народа. Но для того, чтобы добиться этого, придется втеченіе ряда лѣтъ быть можетъ, ряда десятилѣтій напрягать всѣ свои усилія для достиженія одной цѣли, направлять всѣ свои силы въ одну сторону, подчинить всю свою жизнь одному стремленію, сузить и сократить ея размахъ и всю ее пропитать враждой и ненавистью къ противникамъ. Мало радости, мало свѣта въ такомъ будущемъ и безконечно лучше было бы избѣжать его. Но для этого надо возобновить борьбу съ врагомъ сейчасъ, надо прекратить распыленіе народныхъ силъ, надо вернуться къ защитѣ общенароднаго блага, вернуться къ защитѣ родины. И въ первую голову эта обязанность лежитъ на той части русской интеллегенціи, которая пишетъ на своемъ знамени слова, говорящія о благѣ народа.

В. Мякотинъ.

На очередныя темы.

Провалилось ли народовластіе?

I.

Полгода тому назадъ я началъ статью для „Русскаго Богатства“ и за недосугомъ не кончилъ. Но тема, которой я намѣревался посвятить ее, не только не утратила своего значенія, но и пріобрѣла еще болѣе актуальный, какъ принято въ такихъ случаяхъ выражаться, характеръ. Больше того: теперь, когда я возвращаюсь къ ней, она имѣетъ уже злободневный интересъ и вызываетъ остроболѣзненное къ себѣ отношеніе. И мнѣ придется трактовать ее въ другихъ тонахъ,—менѣе мягкихъ, чѣмъ я думалъ сдѣлать это шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Воспроизведу начало статьи, какъ оно было написано тогда.

Я писалъ:

„Да, вѣра поколеблена; у многихъ, быть можетъ, даже расшатана... Я имѣю въ виду вѣру въ идеалы, къ которымъ такъ долго стремилась русская интеллигенція, надъ осуществленіемъ которыхъ такъ самоотверженно боролась. И, вотъ, она къ нимъ приблизилась,—къ нѣкоторымъ подошла, можно сказать, вплотную. Подошла, — и уже готова въ ужасѣ отпрянуть: да это совсѣмъ не то, о чемъ она мечтала!

„Народная воля... Таковъ былъ ближайшій идеалъ, который она передъ собой видѣла. Лишь достигнувъ его, она разсчитывала осуществить всѣ остальные. Относительно этого идеала въ ея средѣ было меньше всего разногласій. Въ борьбѣ за него ею было принесено больше всего жертвъ... Наконецъ, преграда, стоявшая на пути къ нему опрокинута.

„Народная воля!.. Покойный Н. К. Михайловскій когда-то возхищался „поразительной внутренней красотой“ русскаго слова „правда“, — слова, какого „нѣтъ, кажется, ни въ одномъ другомъ европейскомъ языкѣ“, слова, въ которомъ „истина и справедливость сливаются въ одно неразрывное цѣлое“. Въ могучемъ русскомъ языкѣ имѣются и еще такія слова, — и едва ли не самымъ красивымъ и содержательнымъ среди нихъ является „воля“, осо-

бенно въ сочетаніи: „народная воля“. Оно охватываетъ и свободу и власть народа, — притомъ свободу, какъ мы привыкли представлять себѣ, наиболѣе полную, и власть, наиболѣе совершенную. Не въ словѣ или сочетаніи только та и другая неразрывно связаны между собою, но и въ самомъ существѣ своемъ: истинная свобода возможна вѣдь только при народовластіи и, наоборотъ, подлинное народовластіе возможно только при свободѣ. Такъ мы всегда думали, въ это вѣрили, къ этому стремились... И что же теперь передъ нами открылось?

„Вмѣсто свободы—произволъ и насилія; вмѣсто народовластія—безчинства и анархія... Есть, отъ чего придти въ ужасъ. Самые твердые въ вѣрѣ могутъ поколебаться. Признаюсь, и у меня бываютъ минуты, когда хочется сказать: „вѣрую, Господи, но помоги моему невѣрію“...

Таково было начало моей статьи, задуманной еще лѣтомъ минувшаго года, начатой и неоконченной осенью. У меня, какъ публициста, была тогда склонность и готовность до извѣстной степени поддаться сомнѣніямъ и колебаніямъ, какія все больше и больше захватывали русскую интеллигенцію, чтобы вмѣстѣ съ читателями пережить ихъ, передумать и перечувствовать.

Эти сомнѣнія и колебанія при данныхъ условіяхъ представлялись мнѣ вполнѣ естественными, пожалуй, даже неизбѣжными—и, въ конечномъ счетѣ, не такъ ужь страшными. Я понималъ, конечно, что это—не легкая зыбь; не то небольшое волненіе, какое остается на морѣ послѣ затихшаго вѣтра. Тогда можно совсѣмъ бросить весла и руль, всецѣло отдаться этимъ плавно поднимающимся и плавно опускающимся волнамъ,—онѣ не разобьютъ лодки, не угонятъ ее вдаль. Она останется, приблизительно, на томъ же мѣстѣ, и потомъ достаточно будетъ одного-двухъ ударовъ веслами, чтобы дать ей опять надлежащее направленіе. А пока—такъ пріятно отдохнуть подъ этотъ неспѣшный ритмъ и тихій всплескъ, помечтать, подумать. Мысли приходятъ и уходятъ, какъ волны,—бѣгутъ плавно, легко, свободно, какъ облака въ безбрежномъ небѣ...

Нѣтъ! Не съ легкой зыбью—и я видѣлъ это—въ данномъ случаѣ приходилось имѣть дѣло. Дулъ крѣпкій, порывистый вѣтеръ; вздымались и набѣгали одна за другой высокія, способныя захлестнуть, волны. Опасность уже въ ту пору, несомнѣнно, была, и въ душѣ быстро наростала тревога. Но достаточно тверда еще была увѣренность, что испытанный челнъ выдержитъ и что въ средѣ русской интеллигенціи, видавшей уже виды, не разыграется паника. Нѣтъ!—думалъ я—цѣннаго груза, какой ввѣрила ей исторія, за бортъ она не выкинетъ и курса—въ страну свободы, равенства и братства — она не измѣнитъ. Что по пути туда „будетъ буря“,— это вѣдь она предвидѣла; какъ „нелюдимо наше море“, — она знала...

Теперь мы проходимъ, видимо, самую бурную часть его; на

нашу долю выпали, быть можетъ, самыя тяжкія испытанія. „Надо претерпѣть“—хотѣлось сказать мнѣ читателямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ звать ихъ къ „спору“ со стихіей, къ борьбѣ съ ней. Нельзя бросать весла и руль, надо изо всѣхъ силъ налечь на нихъ!—такой нотой я думалъ кончить...

Послѣ того прошло полгода. Буря разыгралась во всю. Съ бѣшенной злобой она треплетъ цѣлую ладью русской интеллигенціи, кидаетъ ее, какъ щепку, грозитъ разбить вдребезги. Кажется, насталъ послѣдній часъ...

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна..

Но гдѣ? въ какомъ направленіи? Да и есть ли она?

Сомнѣнія уже прорвались. Голоса малодушія уже слышны.

— Напрасно выѣхали! — ропщутъ одни.—Не туда правили!—кричатъ другіе. — Кидай грузъ за бортъ!—командуютъ третьи.

Моя бесѣда съ читателями въ этихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть, столь задушевной, какой она могла бы быть раньше. Волей-неволей мнѣ придется сразу же прервать ее репликами въ сторону тѣхъ, кто во всѣхъ бѣдахъ винитъ идеалы русской интеллигенціи, кто спѣшитъ самъ и зоветъ другихъ отказаться отъ нихъ...

II.

„Пересмотръ идеологіи“ уже начался... Между прочимъ подъ такимъ заглавіемъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ печатаются сейчасъ статьи г. Бѣлоруссова. Приведу нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, чтобы читатели наглядно могли видѣть, какъ далеко уже зашло дѣло.

Свой „пересмотръ“ г. Бѣлорусовъ начинаетъ съ соціализма, но останавливается на немъ недолго, удѣляетъ ему всего лишь нѣсколько строчекъ. Это и понятно. Что соціализмъ виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія,—это сотрудниками „Русскихъ Вѣдомостей“ и, въ частности, тѣмъ-же г. Бѣлорусовымъ уже установлено. Кто желаетъ ознакомиться съ мотивами ихъ приговора, можетъ обратиться къ другимъ статьямъ. Насъ сейчасъ не соціализмъ интересуетъ, и возвращаться къ нимъ мы не будемъ. Достаточно сказать, что суровый приговоръ вынесенъ „Русскими Вѣдомостями“ съ легкимъ сердцемъ. Но и это понятно: газета никогда вѣдь соціализма въ своемъ багажѣ не числила, ну, а теперь и подавно. Чего тутъ разговаривать! Кидай его за бортъ. Однако этого, оказывается, уже недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ:

Вся русская интеллигентная мысль, за исключеніемъ реакціоннаго праваго крыла,—пишетъ г. Бѣлорусовъ, — проникнута народолюбивымъ чув.

ствомъ и демократическими идеями, то близкими къ соціализму, то сливающимися съ нимъ рядомъ малозамѣтныхъ переходовъ. Русская прогрессивная демократическая мысль и революціонный соціализмъ, какъ двѣ вѣтви одного общаго символа, питались въ значительной мѣрѣ общими соками. Если поэтому революціонный соціализмъ расцвѣлъ ядовитымъ краснымъ цвѣткомъ, то какова въ этомъ отвѣтственность нашей несоціалистической, общеинтеллигентской мысли, всей нашей духовной и умственной культуры, надъ которыми трудились послѣднія поколѣнія? [1])

Такъ г. Бѣлорусовъ ставитъ вопросъ. Отвѣтить на него „исчерпывающе",—съ точностью указать, какова отвѣтственность „всей нашей духовной и умственной культуры" онъ „не претендуетъ". Потомъ онъ, быть можетъ, и доберется до корней, до почвы, откуда идутъ „общіе соки". Но пока онъ ограничивается тѣмъ, что находится снаружи, что видно съ перваго взгляда. Ясно вѣдь, что недостаточно сорвать лишь „красный цвѣтокъ". Только Гаршинскій безумецъ могъ думать, что вмѣстѣ съ „краснымъ цвѣткомъ" можно уничтожить все зло міра. Г. Бѣлорусовъ — не безумецъ; во всякомъ случаѣ онъ берется за дѣло болѣе основательно и считаетъ необходимымъ оборвать обѣ „вѣтви общаго символа", т. е. выбросить за бортъ не только соціализмъ, но и демократизмъ.

Едва ли нужно говорить, что г. Бѣлорусовъ разсуждаетъ въ данномъ случаѣ совершенно здраво. Дѣйствительно, соціализмъ и демократизмъ очень близки другъ къ другу, прямо „сливаются рядомъ малозамѣтныхъ переходовъ". И отдѣлить ихъ, оторвать одинъ отъ другого не такъ-то просто. „Русскія Вѣдомости" это по себѣ знаютъ. Газета не мало за послѣдніе годы и мѣсяцы, потрудилась, чтобы, сохраняя демократизмъ, отмежеваться отъ соціализма и придать своей идеологіи не смутно-соціалистическій, а явно-буржуазный оттѣнокъ. И тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сбивается. Пишетъ, можно сказать, отходную за отходной соціализму,—и вдругъ: многая лѣта! За примѣрами далеко ходить нечего. Рядомъ со статьей г. Бѣлорусова, которую я только что цитировалъ, помѣщена статья Б. Савинкова, который, не смотря на „предательство, измѣну, малодушіе, легкомысліе, празднословіе, оплеваніе родины, непониманіе свободы", — не смотря на все, въ чемъ онъ обвиняетъ русскихъ соціалистовъ, поименно называя ихъ,—видимо, находитъ въ себѣ силу сказать и пишетъ: „да, вѣрую въ демократію, да, вѣрую въ грядущій соціализмъ". Судите сами, что же въ такомъ случаѣ получается: въ одномъ столбцѣ „ядовитый цвѣтокъ", а въ другомъ столбцѣ того же номера „да здравствуетъ!"... Это, конечно, явное шатаніе; но еще труднѣе, поддерживая демократизмъ, удержаться отъ уклона,—хотя бы и совсѣмъ малозамѣтнаго,—въ сторону соціализма.

Суть въ томъ, что связь между соціализмомъ и демократизмомъ не механическая, а органическая. Правъ,—повторяю—г. Бѣлорусовъ, который утверждаетъ, что стволъ у нихъ общій. Я бы

---

[1]) „Русскія Вѣдомости", 24 (11) марта 1918 г.

не сказалъ только, что это—*двѣ* вѣтви; надо просто сказать: это—одно растеніе, лишь въ разныхъ стадіяхъ своего развитія. Поэтому и всѣ усилія избавиться отъ соціализма, сохранивъ демократизмъ, заранѣе обречены на неудачу. Если вы насадите демократизмъ (въ умахъ или въ жизни—безразлично), то соціализмъ самъ собою уже появится. Если вы сорвете этотъ „красный цвѣтокъ" или онъ почему-либо захирѣетъ, то появится другой,—быть можетъ, ярче и больше прежняго. Послѣдовательный демократизмъ неизбѣжно переходитъ въ соціализмъ, ибо логическимъ предѣломъ и историческимъ завершеніемъ политическаго равноправія является и должно быть соціальное равенство. Съ этимъ ничего не подѣлаешь,—ни въ теоріи, ни на практикѣ...

При извѣстномъ складѣ ума (или безумія, какъ въ разсказѣ Гаршина) люди могутъ, конечно, думать, что въ „красномъ цвѣткѣ" сосредоточено все зло міра. Возможно, что у г. Бѣлорусова такой именно складъ ума. Во всякомъ случаѣ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, онъ желаетъ избавиться отъ соціализма, но, какъ человѣкъ, разсуждающій здраво, онъ понимаетъ, что суть не въ цвѣткѣ, а въ растеніи. Чтобы добраться до него, онъ и считаетъ необходимымъ „пересмотръ идеологіи", „такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію,—пишетъ онъ,—что вся русская интеллигенція десятки лѣтъ готовила почву для растенія и ухаживала за ростомъ и развитіемъ его, — ростомъ и развитіемъ, который и увѣнчался расцвѣтомъ краснаго цвѣтка позора, униженія и разоренія". Какъ видите, онъ винитъ русскую интеллигенцію — притомъ „всю", а не соціалистическую только — именно за растеніе; цвѣтокъ — это уже слѣдствіе...

Ополчиться противъ демократизма, конечно, не такъ легко, какъ противъ соціализма. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ни у кого, „за исключеніемъ реакціоннаго праваго крыла", какъ-будто не хватало для этого рѣшимости. У г. Бѣлорусова она нашлась,—и именно теперь, въ дни „позора и униженія". Однимъ изъ первыхъ въ такъ называемомъ „прогрессивномъ" лагерѣ поднялъ онъ руку, чтобы, пользуясь постигшими демократизмъ неудачами, совершенно открыто бросить въ него камнемъ. Онъ стремится, конечно, поразить его въ самое сердце и направляетъ первый ударъ въ идею народнаго суверенитета.

Мы создали себѣ—пишетъ г. Бѣлорусовъ—внѣвременный, безпространственный, абстрактный идеалъ неограниченнаго народоправства и какъ съ писанной торбой разлетѣлись съ нимъ къ народу, неподготовленному къ его воспріятію: вотъ тебѣ неограниченныя полномочія, учреждай! Онъ и учредилъ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наступилъ то лаптемъ, то рабоче-солдатскимъ сапогомъ на народные же элементы, способные мыслить государственно и національно, и властно устранилъ ихъ отъ общественно-политической роли,—въ этомъ и выразилось его неограниченное народоправство. За льстецами же и демагогами онъ пошелъ, какъ послушное теля, на веревочкѣ. И когда

благодаря этому отъ Россіи остались одни осколки,—что же? Мы будемъ вновь повторять зады о народномъ самодержавіи—Учредительномъ Собраніи?

Ну, конечно, нѣтъ!—такого отвѣта, несомнѣнно, ждетъ отъ читателей г. Бѣлорусовъ на свой риторическій вопросъ, которымъ онъ заканчиваетъ статью.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, этому неимовѣрно грубому и донельзя глупому народу предоставить всю власть! Конечно, она должна быть ограничена...

Кѣмъ? въ пользу кого? въ какихъ предѣлахъ?—этого г. Бѣлорусовъ не говоритъ. Возможны, какъ мы знаемъ, монархія и анархія, аристократія и плутократія... Всѣ эти формы достаточно уже скомпрометированы, казалось бы, окончательно. Во всякомъ случаѣ у каждой изъ нихъ бывали свои неудачи,—и еще какія! Каждая приводила при тѣхъ или иныхъ условіяхъ къ „позору, униженію и разворенію". Послѣ каждой бывало, что отъ государства оставались лишь осколки. Какую изъ этихъ формъ имѣетъ въ виду г. Бѣлорусовъ,—мы не знаемъ. Не говоритъ онъ и того, кто эту форму для русскаго народа выберетъ. Бѣлый генералъ или центральный комитетъ какой либо партіи? И какъ онъ ее утвердитъ? Огнемъ и мечомъ или лестью и подачками? Загонитъ ли онъ „послушное теля" въ выбранное имъ стойло кнутомъ репрессій или приведетъ его на веревочкѣ демагогіи?

Любопытно отмѣтить, что и другія лица, участвующія въ начавшемся походѣ противъ народовластія, какъ увидимъ дальше, объ этомъ умалчиваютъ,—не говорятъ, чѣмъ же они намѣрены замѣнить народную волю, хотя бы только въ моментъ установленія облюбованной ими формы правленія. Можетъ быть, они не хотятъ раньше времени открывать свои карты; можетъ быть, они и сами еще не знаютъ, съ какой пойдутъ масти, какіе у нихъ будутъ козыри. Пока ясно одно: народный суверенитетъ нужно выбросить...

Лиха бѣда начать, конечно... Покончивъ съ „писанной торбой", съ народнымъ верховенствомъ, г. Бѣлорусовъ идетъ дальше. „Всеобщее, прямое, равное"... „но и его надо примѣнять во благовременіи и съ разумѣніемъ".

Опасно и нецѣлесообразно—пишетъ г. Бѣлорусовъ—давать взрывчатую гранату въ руки несмышленышей, и столь же опасно и нецѣлесообразно вручать судьбу государства и ряда будущихъ поколѣній ребятахъ, которымъ впору играть въ бабки... Отборъ избирателей долженъ происходить тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе серьезные государственные вопросы зависятъ отъ „представителей народа". Ибо безсмысленно и преступно вручать судьбы народовъ и человѣческой культуры троглодитамъ, каннабаламъ, готентотамъ... [1])

Не въ примѣръ „писанной торбѣ", народному суверенитету, „взрывчатую гранату", „народное представительство",—правда, заключенное уже въ кавычки,—г. Бѣлорусовъ, видимо, желаетъ сохранить. Онъ только считаетъ нужнымъ, подальше отодвинуть

[1]) „Русскія Вѣдомости", 27 (14) марта 1918 г.

эту опасную штуку отъ „несмышленышей“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „троглотитовъ, каннибаловъ и готентотовъ“,—другими словами отъ того неимовѣрно грубаго и вмѣстѣ съ тѣмъ донельзя глупаго животнаго, которое называемыя народомъ: „Отборъ способныхъ стать у государственнаго дѣла—пишетъ г. Бѣлорусовъ—совершенно необходимъ“...

Кѣмъ долженъ производиться этотъ „отборъ“? въ какихъ пре дѣлахъ? какими способами или по какимъ признакамъ?—и этого г. Бѣлорусовъ прямо не говоритъ. Онъ упоминаетъ и о многостепенности выборовъ, и о множественности вотумовъ, и о возрастномъ, образовательномъ или „иномъ“ цензѣ... Разные-де имѣются способы отбора,—но это мы и безъ г. Бѣлорусова знали. А какой онъ считаетъ нужнымъ,—неизвѣстно.

Упоминая про разные способы, онъ какъ будто хочетъ намекнуть, что, можетъ быть, найдетъ достаточнымъ отказаться лишь отъ прямого голосованія (многостепенность выборовъ); но, можетъ быть, онъ найдетъ нужнымъ выбросить и равенство избирательнаго права (множественность вотумовъ); возможно, что онъ не пощадитъ и его всеобщности (тотъ или иной цензъ). Пока онъ ко всему готовитъ. Возможно, что въ результатѣ предпринятого имъ „пересмотра“ отъ „всеобщаго, прямого, равнаго“—ничего не останется...

Г. Бѣлорусовъ спѣшитъ при этомъ увѣрить, что онъ проектируетъ отборъ „не во имя классовыхъ интересовъ „господствующихъ“ слоевъ общества, а во имя высочайшихъ государственныхъ и національныхъ интересовъ“. Не имѣемъ никакихъ основаній въ этомъ сомнѣваться. Охотно вѣримъ, что онъ желаетъ лишь отобрать „народные элементы, способные мыслить государственно и національно“, чтобы ихъ и приставить къ государственному дѣлу Но какъ это сдѣлать? Естественнѣе всего, казалось бы, воспользоваться для этого образовательнымъ цензомъ. Закроемъ глаза на то, что этотъ цензъ доступенъ по преимуществу имущимъ классамъ. И за всѣмъ тѣмъ,—даже ставъ всецѣло на точку зрѣнія г. Бѣлоруссова,—мы не можемъ забыть, что именно интеллигенція выходила „ядовитый цвѣтокъ“, какъ бы опять она не увлеклась „народолюбивымъ чувствомъ“ и не уклонилась въ сторону демократизма и соціализма! Можетъ быть, г. Бѣлорусовъ разсчитываетъ что теперь, послѣ „пересмотра“, ея идеологія получитъ другой уклонъ. Но чтобы вся интеллигенція перешла при этомъ на новую позицію,—на это едва ли надѣется и самъ г. Бѣлорусовъ. Очевидно, и въ ея средѣ нуженъ будетъ „отборъ“. Необходимъ и неизбѣженъ возрастный цензъ,—говоритъ г. Бѣлорусовъ. Конечно, необходимъ. Но и онъ едва ли въ данномъ случаѣ поможетъ. Не забудемъ, что русская интеллигенція „*десятки лѣтъ* готовила почву для растенія, ухаживала за его ростомъ и развитіемъ“... Легко понять, что чѣмъ дольше люди занимались этимъ дѣломъ,

тѣмъ труднѣе оторвать ихъ отъ него. Пожалуй, среди молодежи г. Бѣлорусовъ скорѣе найдетъ себѣ адептовъ,—возможно вѣдь, что „молодые, да ранніе", какъ ихъ принято называть, появятся теперь въ изобиліи. Но не думаетъ же г. Бѣлорусовъ примѣнить возрастный цензъ наоборотъ,—вѣдь это значило бы, на ряду съ „молодыми, да ранними" призвать къ государственному дѣлу и „ребятъ, которымъ впору играть въ бабки". Очевидно, для отбора придется прибѣгнуть къ „иному" цензу, который г. Бѣлорусовъ дипломатично не называетъ. Но люди съ этимъ „инымъ" цензомъ уже обязательно внесутъ въ государственное дѣло свой классовый интересъ. Конечно, этотъ интересъ будетъ совсѣмъ не тотъ, какой склонны вносить соціалисты. Но вѣдь не для этого же—не для того, чтобы одинъ интересъ замѣнить другимъ,—г. Бѣлорусовъ предпринялъ свой „пересмотръ"?

А между тѣмъ онъ уже выбросилъ за бортъ народный суверенитетъ, поднялъ руку на политическое равноправіе... Когда я пишу эти строки, онъ еще не кончилъ пересмотра. Вѣроятно, дальше онъ возьмется за „свободы", и, если сохранитъ ихъ, то развѣ только для избранныхъ. Одно съ другимъ неразрывно вѣдь связано. И тогда въ томъ углу русской общественности, гдѣ онъ теперь хозяйничаетъ, ничего отъ „народной воли" не останется...

III.

Читатели вправѣ, конечно, спросить, почему я удѣлилъ такъ много вниманія г. Бѣлорусову. Нѣкоторые припомнятъ, быть можетъ, другого писателя, нынѣ уже покойнаго, Мих. Энгельгардта. Въ 1905—1906 гг., онъ выступалъ, какъ соціалистъ-революціонеръ, притомъ самый крайній,—писалъ максималистскія статьи. А потомъ, когда революція провалилась, онъ и заявилъ: „Фефела!" Это—по адресу русскаго народа, передъ которымъ онъ только что преклонялся. Велика—говоритъ—Федора, да дура... Бываютъ такіе неуравновѣшенные люди, которымъ ничего не стоитъ отъ одной крайности перейти къ другой; потомъ они и опять могутъ перебѣжать. Тотъ же Мих. Энгельгардтъ — доживи онъ до нашихъ дней—былъ бы, можетъ быть, теперь большевикомъ или „немедленнымъ соціалистомъ". Стоитъ ли на такихъ писателей—скажутъ, быть можетъ, мнѣ—обращать вниманіе? Не подорвалъ вѣры въ въ русскій народъ Энгельгардтъ, не подорветъ ее и г. Бѣлорусовъ...

Мнѣ кажется однако, что по отношенію къ послѣднему болѣе умѣстна другая параллель. Я бы сравнилъ его съ боярышней, передъ теремомъ которой Потокъ-богатырь триста лѣтъ тому назадъ цвѣтокъ сорвалъ и которою онъ былъ тогда обруганъ, — можно сказать, тѣми же самыми словами, изъ того же лексикона, какими

ругаетъ его теперь г. Бѣлорусовъ: „поросенокъ, теленокъ, свинья, эфіопъ“...

Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощалыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала...

Но и эта параллель не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ. Боюсь, что она еще собьетъ читателей и они, пожалуй, примутъ г. Бѣлоруссова за боярышню XVI—XVII столѣтія. Но эту „боярышню“ нужно искать въ наши дни въ „крайнемъ правомъ, реакціонномъ лагерѣ“. Тутъ же передъ нами нѣчто другое...

Если не ошибаюсь, въ своихъ статьяхъ мнѣ приходится упомянуть о г. Бѣлорусовѣ впервые. Но постояннымъ читателямъ „Русскаго Богатства“ это имя должно быть все-таки знакомо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ журналѣ были помѣщены три-четыре его статьи-корреспонденціи изъ Франціи. Предполагалось и постоянное сотрудничество, но таковое не наладилось. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ же г. Бѣлорусовъ за послѣдніе десять лѣтъ является постояннымъ и виднымъ сотрудникомъ,—раньше въ качествѣ корреспондента изъ Франціи, а теперь—какъ писатель на общественно-политическія темы.

Писатель онъ—бойкій и талантливый. Но въ моемъ представленіи о немъ есть одна особенность: г. Бѣлорусовъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, на мой взглядъ, имѣетъ что-то общее съ г. Изгоевымъ изъ „Рѣчи“,—и я попробую это общее формулировать.

Дѣло не въ томъ только, что оба они пришли въ к.-д. газеты слѣва: одинъ—отъ марксизма, другой—отъ болѣе радикальнаго народничества; пришли со стороны—и чувствуютъ себя, какъ дома; больше того: выступаютъ патріотами своего новаго отечества и притомъ чуть ли не самыми правыми. Это бываетъ,—и если я отмѣчаю данное обстоятельство, то только потому, что оно находится до извѣстной степени въ связи съ тѣмъ представленіемъ, какое у меня сложилось объ этихъ писателяхъ.

Г. Изгоевъ производитъ впечатлѣніе человѣка, уязвленнаго народничествомъ. Та борьба между народничествомъ и марксизмомъ, въ которой онъ принималъ въ свое время участіе, со стороны послѣдняго, давно уже затихла, а г. Изгоевъ все не можетъ успокоиться. Онъ не упускаетъ случая чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь уязвить своего прежняго противника; какъ будто все время даже высматриваетъ такіе случаи. При этомъ онъ часто дѣйствуетъ невпопадъ: поднимаетъ вопросы, давно утратившіе значеніе, припутываетъ иногда народничество ни къ селу, ни къ городу, теряетъ подъ часъ самообладаніе... Тѣмъ виднѣе, что имъ руководитъ не только общественный интересъ, но и личное чувство.

Г. Бѣлорусовъ производитъ—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—впечатлѣніе такого же уязвленнаго человѣка, уязвленнаго, кѣмъ-то

или чѣмъ-то отъ соціализма и демократизма, и какъ будто ищетъ случая, чтобы свести съ ними счеты.

Въ общественной жизни бываютъ періоды, когда такіе именно люди появляются на авансценѣ. Можетъ быть, примѣсь личнаго чувства даетъ имъ ту смѣлость, чтобы выступить въ такіе моменты на первый планъ, какой не хватаетъ у другихъ. Можетъ быть, даже не столько смѣлость тутъ сказывается, сколько настороженность, готовность при первомъ же подходящемъ случаѣ перейти въ наступленіе.

Такой именно случай теперь представился для противниковъ соціализма и демократизма. Если бы дѣло было только въ г. Бѣлорусовѣ, то можно было бы пройти мимо. Но онъ только больше другихъ выдвинулся впередъ, а за нимъ имѣются и видны уже другіе.

Прежде всего,—„Русскія Вѣдомости". Газета,—умѣренная, но въ приверженности которой къ демократизму до сихъ поръ можно было не сомнѣваться. Правда, „Русскія Вѣдомости" теперь, при г. Мануиловѣ,—хотя не всѣ это замѣчаютъ—не совсѣмъ то, чѣмъ они были при Соболевскомъ и тѣмъ болѣе при Посниковѣ. Понемногу, но уже давненько они выкидывали изъ своего багажа народничество, поскольку оно тамъ имѣлось, и замѣняли другимъ грузомъ, который все больше и больше давалъ газетѣ уклонъ, не совсѣмъ совмѣстимый съ послѣдовательнымъ демократизмомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Столыпинское „землеустройство" торжествовало, казалось, побѣду надъ всѣми другими теченіями въ аграрномъ вопросѣ, г. Мануиловъ собственными руками втащилъ въ газету грузъ личной земельной собственности, выбросивъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нея не совсѣмъ опредѣленное, но достаточно благожелательное отношеніе къ собственности коллективной, какое проявляли прежде „Русскія Вѣдомости". Я тогда же этотъ фактъ отмѣтилъ на страницахъ нашего журнала. Можно было бы напомнить и еще кое-какіе факты въ томъ же духѣ, хотя и менѣе значительные... Какъ бы то ни было, демократизма „Русскія Вѣдомости" изъ своего багажа до сихъ поръ не выбрасывали. И только теперь они дошли до этого, выбросивъ руками г. Бѣлорусова народный суверенитетъ и всеобщее избирательное право.

Статьи г. Бѣлорусова появились въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" безъ всякой оговорки съ стороны редакціи. Нельзя поэтому думать что послѣдняя лишь предоставила своему постоянному сотруднику мѣсто въ газетѣ, не раздѣляя сама его мнѣній. Несогласіе редакціи съ сотрудникомъ по такому кардинальному вопросу было бы, конечно, оговорено.

Необходимо такъ же отмѣтить, что за два дня до того, какъ г. Бѣлорусовъ началъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" свой „пересмотръ идеологіи". въ той же газетѣ появилась статья П. Новго-

родцева: „Мечта и дѣйствительность въ вопросѣ объ Учредительномъ Собраніи". Она написана въ несравненно болѣе мягкихъ тонахъ, чѣмъ статьи г. Бѣлоруссова, и направлена не столько противъ самой идеи учредительнаго собранія, сколько противъ даннаго Учредительнаго Собранія,—того, которое предполагалось созвать 28 ноября, которое попыталось собраться 5 января и дальнѣйшая судьба котораго не вполнѣ еще опредѣлилась. Относительно идеи учредительнаго собранія г. Новгородцевъ высказываетъ кое-какія сомнѣнія—главнымъ образомъ, со стороны ея осуществимости,—но въ достаточно мягкой формѣ.

Исторія прошлаго,—говорятъ онъ—показываетъ, что удача Учредительныхъ Собраній есть дѣло чрезвычайно рѣдкое. Не всегда и не вездѣ умиротвореніе потрясенной страны совершается этимъ путемъ; скорѣе слѣдуетъ сказать, что въ условіяхъ революціонныхъ потрясеній это путь, наименѣе доступный, сколько бы ни представлялся онъ желательнымъ. [1])

Зато противъ даннаго Учредительнаго Собранія г. Новгородцевъ высказывается совершенно опредѣленно, хотя и заканчиваетъ свою статью, какъ и г. Бѣлорусовъ, риторическимъ вопросомъ:

Какую власть,—спрашиваетъ онъ,—поставитъ то Учредительное Собраніе, которое уже обнаружило извѣстнымъ для всѣхъ образомъ преобладающія въ немъ политическія теченія? Неужели опять тѣ же Черновъ и Церетелли, тѣ-же опыты гнилыхъ коалицій и тотъ же призракъ безвластной власти?

Такимъ, образомъ опредѣленному отрицанію народнаго суверенитета, съ чѣмъ выступилъ г. Бѣлоруссовъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" были предпосланы сомнѣнія на счетъ осуществимости Учредительнаго Собранія вообще въ условіяхъ революціонныхъ потрясеній и не менѣе опредѣленное отрицаніе даннаго Учредительнаго Собранія. Такимъ образомъ позиція, которую занялъ г. Бѣлорусовъ, до извѣстной степени была уже подготовлена въ газетѣ.

Можно думать, что въ своей статьѣ г. Новгородцевъ выразилъ не только свое личное мнѣніе, но и мнѣніе нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ, при томъ болѣе широкихъ, чѣмъ газетная редакція, По крайней мѣрѣ, я, проживая въ Москвѣ, уже за два дня—притомъ не изъ литературныхъ круговъ—слышалъ, что въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" появится статья г. Новгородцева указаннаго содержанія. А за три дня до ея появленія въ „Утрѣ Россіи" была напечатана статья проф. Устинова подъ заглавіемъ: „Крахъ идеи Учредительнаго Собранія". Авторъ ея—къ слову сказать, не мало потрудившійся, чтобы популяризировать идею учредительнаго собранія въ первые мѣсяцы революціи,—отрицаетъ ее теперь, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ Россіи не менѣе рѣшительно, чѣмъ г. Бѣлорусовъ.

Отъ Учредительнаго Собранія въ Россіи—пишетъ г. Устиновъ—не осталось ровно ничего. Его идея потерпѣла полный крахъ... Только неисправимые партійные филистеры могутъ еще не сознавать, что въ Россіи нѣтъ

---

[1]) „Русскія Вѣдомости", 22 (9) марта 1918 г.

и не было почвы для подлиннаго Учредительнаго Собранія... По волѣ народа создать совершенный демократическій строй на другой день послѣ сверженья абсолютизма невозможно по той простой причинѣ, что никакой воли, направленной къ опредѣленной государственной организаціи, въ политически безграмотной массѣ нѣтъ и быть не можетъ... Можно ли массу, еще не сознающую необходимости и желательности связи своей съ русскимъ государствомъ, призывать къ государственному строительству? Не удивительно, что продѣланный опытъ окончился столь жалко. И выборы въ Учредительное Собраніе и составъ его, работа его и разгонъ его все это свидѣтельствуетъ, до какой степени русскій народъ еще не созрѣлъ до учредительной власти. [1]).

„Можно было это предвидѣть“—пишетъ г. Устиновъ. И, конечно онъ, спеціалистъ по государственному праву, такъ увѣренно пишущій теперь, что „въ Россіи нѣтъ и не было почвы для подлиннаго Учредительнаго Собранія“, могъ это предвидѣть лучше, чѣмъ кто-либо другой. Однако, вотъ, не предвидѣлъ... Да и теперь—не лишне отмѣтить эту характерную мелочь—г. Устиновъ, какъ и г. Новгородцевъ, какъ и г. Бѣлорусовъ, заканчиваетъ свою статью не рѣшительнымъ отрицаніемъ, а вопросительнымъ знакомъ: „Надо ли повторять—пишетъ онъ—этотъ тягостный опытъ для новаго подтвержденія и безъ того очевидной истины?“ Вопросъ, конечно, риторическій. Но нѣтъ ли тутъ и еще чего нибудь, кромѣ риторики? Не остается ли у г. Устинова,—равно и у другихъ, обнаружившихъ въ данномъ пунктѣ склонность къ риторикѣ, хотя маленькаго сомнѣнія въ „очевидной истинѣ“? Оставляя вопросъ безъ прямого отвѣта, не желаютъ ли они—быть можетъ совершенно инстинктивно, сами не давая себѣ въ томъ отчета,—сохранить мостикъ на случай возможнаго отступленія? Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, не пришлось еще г. Устинову вновь писать или переиздавать свои брошюрки объ Учредительномъ Собраніи?

Но оставимъ это... Послѣ сказаннаго, я думаю, читателямъ ясно, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ индивидуальнымъ выступленіемъ г. Бѣлорусова, а съ цѣлой кампаніей, которая началась противъ демократизма. [2]). Меня интересуетъ, конечно не г. Бѣлорусовъ, высунувшійся впередъ,—у него могутъ имѣться для этого свои побужденія; и не „Русскія Вѣдомости“, уже давно начавшія движеніе въ данномъ направленіи; и даже не политическія группы, принимающія сейчасъ въ этомъ походѣ участіе. Я знаю, что политическія партіи силою обстоятельствъ вынуждены бываютъ иногда мѣнять свои тактическія позиціи,—и отъ ихъ искусства зависитъ, чтобы при этомъ не зайти слишкомъ далеко

---

[1]) „Утро Россіи,“ 19 (6) марта 1918 г.

[2]) Моя статья была уже написана, когда появился первый номеръ новой еженедѣльной газеты „Наканунѣ“, видимо, задающейся цѣлью обслуживать эту кампанію. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ этой газеты мы находимъ и г. Бѣлорусова, и г. Устинова, и г. Новгородцева... Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ какой то группой,—быть можетъ, съ политическимъ новообразованіемъ.

и не растерять свой идейный багажъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнихъ своихъ сторонниковъ. Но съ политическими партіями на ихъ новыхъ позиціяхъ мы еще встрѣтимся и что онѣ, совершая тактическое движеніе, потеряли и пріобрѣли, еще увидимъ.

Начиная статью, я имѣлъ въ виду не тѣ или иные политическіе вопросы, а душевный процессъ, какой переживаетъ сейчасъ русская интеллигенція. Меня безпокоитъ, какъ бы ее не охватила паника,—особенно теперь, когда въ ея средѣ появились люди которые, руководясь, быть можетъ, особыми соображеніями, начинаютъ выкидывать свой и ея идейный багажъ за бортъ. Мнѣ хочется, какъ я уже сказалъ, вмѣстѣ съ читателями продумать ихъ сомнѣнія, пережить ихъ колебанія. Къ этому я и возвращаюсь.

IV

Остановимся, прежде всего, на Учредительномъ Собраніи,—именно на данномъ Учредительномъ Собраніи, которое многихъ сбиваетъ съ толку и является теперь, если не яблокомъ раздора, то предметомъ разногласій между политическими партіями.

Одни считаютъ его мертворожденнымъ и смотрятъ на него, какъ на трупъ, который остается лишь закопать въ землю. Ни на что другое—говорятъ они—пригодиться оно не можетъ, что бы оно изъ себя ни представляло, во всякомъ случаѣ это—уже пройденный этапъ въ народной жизни. Другіе вѣрятъ въ то, что оно возродится и поможетъ возрожденію Россіи, склонны даже видѣть въ немъ единственную и чуть ли не послѣднюю надежду. Одни, не желая примириться съ даннымъ Учредительнымъ Собраніемъ, чтобы начать борьбу даже съ идеей народовластія. Другіе, опасаясь, чтобы идея народнаго суверенитета не потерпѣла крушенія, считаютъ необходимымъ защищать данное Учредительное Собраніе, какъ ея носителя.

Таковы предѣлы имѣющихся разногласій,—предѣлы, въ сущности, не очень широкіе. Я не знаю ни одной политической партіи, которая готова была бы отстаивать данное Учредительное Собраніе, какъ безусловную цѣнность,—которая была бы увѣрена, что оно будетъ „полновластнымъ хозяиномъ земли русской“, которая не сомнѣвалась бы въ его силѣ и способностяхъ, которая не видѣла бы его недостатковъ. Если этого нѣкоторые не говорятъ, то по тактическимъ соображеніямъ. Прежде всего не хотятъ лишиться лозунга въ борьбѣ съ большевиками. Тѣ говорятъ: „вся власть совѣтамъ!“ А съ этой стороны отвѣчаютъ: „вся власть Учредительному Собранію!“ А какому Собранію, можетъ ли таковымъ быть данное Учредительное Собраніе,—лучше не говорить, чтобы не осложнять своей позиціи. Иначе вѣдь на митингахъ и въ печати придется давать отвѣты и объясненія, не всегда для насъ удобные. Такъ

разсуждаютъ политическіе дѣятели, приписывающіе, „лозунгамъ" особо важное значеніе и привыкшіе дѣйствовать ими, не вскрывая ихъ конкретнаго содержанія, предоставляя каждому понимать ихъ по своему. А кромѣ того и рано—прибавляютъ нѣкоторые изъ нихъ—идти на компромиссъ. Имѣя Учредительное Собраніе, состоящее въ громадномъ своемъ большинствѣ изъ соціалистовъ, мы еще можемъ поторговаться съ буржуазіей. Потомъ увидимъ, что придется уступить, а пока нѣтъ основаній отказываться отъ этой карты. Неизвѣстно вѣдь какъ развернутся событія,—возможно, что данное Учредительно Собраніе окажется въ состояніи сдѣлать гораздо больше, чѣмъ это позволительно теперь думать. Зачѣмъ же заранѣе отказываться отъ этой возможности? Подобныя рѣчи мнѣ приходилось слышать, напримѣръ, отъ меньшевиковъ.,. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и съ другой стороны разсуждаютъ, примѣрно, такъ же: потомъ посмотримъ, быть можетъ, уступимъ, признаемъ въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ и это Учредительное Собраніе, а пока, чтобы не связывать себя, будемъ считать его какъ бы не существующимъ...

Для насъ всѣ эти тактическія соображенія и разсчеты политическихъ партій не могутъ въ настоящій разъ имѣть значенія. Насъ вѣдь интересуетъ не политическая проблема, не то, какъ ее лучше разрѣшить, а душевный процессъ, какой переживаетъ русская интеллигенція, и то, какъ его облегчить. Поэтому всѣ политическіе разсчеты и соображенія мы можемъ просто откинуть. Взглянемъ на данное Учредительное Собраніе, какъ оно есть, не задаваясь мыслію какъ бы его получше использовать или какъ бы отъ него пооснователънѣе избавиться.

Несомнѣнно, дефектовъ у него очень много. Начну съ наиболѣе виднаго и безспорнаго.

По своему составу данное Учредительное Собраніе является далеко не полнымъ,—на столько неполнымъ, что говорить о немъ, какъ о всероссійскомъ, мы даже не вправѣ. Выборы не вездѣ были закончены, а тамъ, гдѣ они состоялись, ихъ результаты не вездѣ приведены въ извѣстность. Эта работа была прервана большевиками, и закончить ее, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже немыслимо. Но этотъ ущербъ не такъ еще важенъ. Гораздо важнѣе другіе.

Большевики и лѣвые с.-р., составляющіе свыше трети Учредительнаго Собранія, ушли изъ него, и послѣ того, что они съ нимъ сдѣлали, возвратъ ихъ въ тоже Учредительное Собраніе представляется чѣмъ-то прямо противоестественнымъ. А безъ нихъ—свыше трети народа въ Учредительномъ Собраніи окажется не представленнымъ.

Депутаты-украинцы, какъ извѣстно, въ Учредительное Собраніе не явились, прислали лишь небольшую делегацію. А теперь, когда Украина „самоопредѣлилась", заключила не только миръ, но и

союзъ съ центральными державами,—правильнѣе сказать, попала въ вассальную отъ нихъ зависимость,—могутъ ли депутаты-украинцы считаться членами Учредительнаго Собранія? Могутъ ли быть таковыми эстонскіе депутаты, латышскіе, бессарабскіе, крымскіе, новороссійскіе, бѣлорусскіе, псковскіе? А безъ нихъ—какое же это всероссійское Учредительное Собраніе?

Намъ говорятъ, что отъ этого Учредительнаго Собранія остались лишь „охвостья", что оно независимо даже отъ того, признавать или не признавать его разгонъ большевиками,—уже дезорганизовано и возстановить его немыслимо... Надо сказать, что я отмѣтилъ наиболѣе опредѣлившіеся дефекты въ его составѣ. Но возможны и другіе. Такъ, къ открытію Учредительнаго Собранія 5 января не явились казаки, не явилась к.-д. фракція, не явился цѣлый рядъ другихъ видныхъ членовъ его (начиная съ Керенскаго). Представьте себѣ, что и вновь многіе не явятся,—потому ли, что не смогутъ, или потому, что не захотятъ,—а вѣдь это возможно со стороны цѣлыхъ фракцій, не желающихъ признавать данное Учредительное Собраніе. Что же тогда отъ послѣдняго останется?—даже не „охвостья, а просто одна фракція с.-р. съ кое-какими незначительными и случайными къ ней придатками. Да и относительно фракціи с.-р. нельзя сказать, что она изъ себя представитъ. Время вѣдь идетъ, а время—самый неуклонный дезорганизаторъ всякаго института, находящагося въ состояніи анабіоза. Одни члены фракціи с.-р., быть можетъ, уже умерли, другіе—махнули рукой на политику и ушли въ частную жизнь. Тѣхъ и другихъ можно, конечно, замѣнить—законъ это позволяетъ—слѣдующими по спискамъ той же партіи лицами. Но вѣдь такъ дѣло дойдетъ, пожалуй, до „послѣдышей", до людей совершенно невѣдомыхъ, включенныхъ въ кандидатскіе списки лишь „на затычку",—а такихъ людей, какъ извѣстно, было особенно много въ спискахъ именно партіи с.-р.... Можно ли положиться, что Учредительное Собраніе въ такомъ всячески ущербленномъ составѣ выразитъ мысль и волю русскаго народа?

Не мало сомнѣній данное Учредительное Собраніе возбуждаетъ и съ другой стороны... Избрано оно—если мы примемъ во вниманіе тотъ темпъ, какимъ идетъ теперь жизнь,—уже давно, еще болѣе давно были заявлены кандидатскіе списки. Послѣ того произошелъ рядъ событій, совершенно исключительныхъ. Группировка общественныхъ силъ существенно измѣнилась, произошли, несомнѣнно, крупныя перемѣны и въ настроеніи избирателей. Если бы выборы произвести теперь, то они, конечно, велись бы съ совершенно иными лозунгами, на нихъ фигурировали бы уже не прежніе кандидатскіе списки, и результаты выборовъ были бы совершенно иные. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, и никто оспаривать этого, вѣроятно, не будетъ.

Даже въ обычныхъ условіяхъ, при совершенно установившихся

отношеніяхъ, нерѣдко возникаетъ потребность обратиться къ странѣ провѣрить мысль и волю избирателей при помощи новыхъ выборовъ. Англійскій парламентъ, какъ извѣстно, почти всегда распускался до истеченія семилѣтняго срока своихъ полномочій. Мы живемъ теперь такимъ темпомъ, что мѣсяцъ приходится считать больше, чѣмъ за годъ, чуть не за вѣкъ. Во всякомъ случаѣ семь послѣднихъ мѣсяцевъ—это куда больше, чѣмъ семь лѣтъ въ обычной жизни англійскаго народа.

Насколько и въ какомъ направленіи измѣнились мысль и воля избирателей—мы въ точности, конечно, не знаемъ и безъ новыхъ выборовъ узнать не можемъ. Но мы знаемъ кое-что о томъ, какъ измѣнились и даже чему измѣнили люди, выбранные въ свое время въ Учредительное Собраніе. Напомню одно очень яркое въ этомъ отношеніи явленіе, произошедшее еще до окончанія выборовъ,—явленіе, на которое я тогда же въ печати указалъ. Въ спискахъ, заявленныхъ партіей с.-р., по многимъ мѣстностямъ правые с.-р. были перемѣшаны съ лѣвыми. А затѣмъ, прежде чѣмъ выборы произошли, партія раскололась. Люди, которые пошли на выборы рука-объ-руку, вступили въ борьбу между собою чуть не на смерть. Перемѣнить списки было уже нельзя, отказаться отъ нихъ—у партіи не хватило духу или еще чего-то. На выборахъ эта партія получила абсолютное большинство, но вѣдь мы такъ и не знаемъ, за какую партію эти голоса были поданы—за лѣвыхъ с.-р. или правыхъ?.. И послѣ того въ людяхъ и въ позиціяхъ, какія они занимали и занимаютъ, происходили конечно перемѣны, порой очень существенныя. Нѣкоторые—и мы знаемъ такихъ—изъ интернаціоналистовъ сдѣлались какъ будто патріотами, другіе—съ классовой точки зрѣнія перешли на государственную, третьи, наоборотъ, раньше были сторонниками всенародной власти, а теперь являются приверженцами классовой диктатуры... Я не знаю, выставлялись ли гдѣ на выборахъ въ Учредительное Собраніе кандидатами гг. Бѣлорусовъ и Устиновъ, но если выставлялись, то, конечно, какъ сторонники народовластія. А теперь они ведутъ походъ противъ него. Тогда они не были выбраны и, повидимому, не были даже выставлены. А теперь—за то, что они были бы выбраны, я не поручился бы,—но ихъ непремѣнно, конечно, выставили бы. Тѣ группы, для которыхъ они сдѣлались идеологами, несомнѣнно, объ этомъ позаботились бы.

Можетъ ли данный составъ Учредительнаго Собранія выразить теперь мысль и волю страны,—мы не знаемъ. По меньшей мѣрѣ, это очень сомнительно. Надо однако сказать, что въ этомъ приходилось сомнѣваться и раньше,—тотчасъ послѣ выборовъ. Въ настроеніи Учредительнаго Собранія, когда оно только еще собиралось, былъ, несомнѣнно, крупный изъянъ. Въ немъ совсѣмъ не чувствовалось воли къ власти и вовсе какъ будто не было чувства отвѣтственности передъ народомъ. Выше я упомянулъ, что нѣко-

торые члены Учредительнаго Собранія, даже цѣлыя фракціи не явились къ его открытію, не присутствовали въ этотъ самый отвѣтственный, быть можетъ, моментъ въ жизни верховнаго органа народной воли. Какъ это могло быть? Говорятъ: не рисковать же имъ было своей жизнью! Позвольте! Если они взялись дѣйствовать именемъ народа, осуществлять его волю, то о своей личной жизни, о собственномъ самосохраненіи они могли бы и не думать. Если отъ гражданъ можно требовать мужества,—мужества, доходящаго до самозабвенія,—то именно въ такіе моменты и на такихъ постахъ. И этого мужества проявлено не было. Не обнаружили должнаго мужества и тѣ депутаты, которые въ Учредительное Собраніе явились,—иначе вѣдь разгонъ послѣдняго большевиками не дался бы имъ такъ легко и не обошелся бы такъ „дешево"...

Съ неменьшею наглядностью уже обнаружилось, что данное Учредительное Собраніе не имѣетъ надлежащей силы и надлежащей воли, чтобы противоставить себя узурпаторамъ государственной власти. Вѣдь ни малѣйшей попытки—ни тогда, когда Собраніе открылось, ни потомъ, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ,—взять власть въ свои руки имъ сдѣлано не было. Что такъ будетъ, это уже раньше чувствовалось; не къ тому, чтобы взять власть, собиравшіеся депутаты готовились. Они были озабочены тѣмъ, какъ бы „укрѣпить" Учредительное Собраніе, что и разсчитывали сдѣлать при помощи „лозунговъ". А о томъ, что они сразу же должны проявить народную волю, даже какъ будто и не думали. И такой воли—воли непреклонной и дѣйственной,—очевидно, въ себѣ они не чувствовали...

Почему?.. Не виновныхъ я ищу и не въ обвиненіе кому-либо я все это пишу. Я понимаю, конечно, что дѣло тутъ не въ личныхъ свойствахъ тѣхъ или иныхъ депутатовъ, что въ данномъ случаѣ дѣйствовали болѣе общія и глубокія причины. Я не сомнѣваюсь, что при другихъ обстоятельствахъ, при иномъ общемъ настроеніи, тотъ же Керенскій явился бы въ Учредительное Собраніе, чтобы дать ему отчетъ въ дѣйствіяхъ Временнаго Правительства; явился бы и Калединъ, явился бы и Набоковъ,—явились бы хотя-бы для того только, чтобы умереть, выполняя свой долгъ передъ народомъ. Не сомнѣваюсь я, что въ залѣ Учредительнаго Собранія, среди явившихся къ его открытію депутатовъ, при другихъ обстоятельствахъ нашлось бы не мало людей, способныхъ проявить рѣшительность и готовыхъ идти на самопожертвованіе за народное дѣло. Но ни этой рѣшительности, ни этой готовности проявлено все-таки не было...

Почему?.. Въ явленіяхъ коллективной психологіи мы многаго до сихъ поръ не понимаемъ, много еще въ ней для насъ темнаго и загадочнаго. Но одну изъ основныхъ причинъ этого, по меньшей мѣрѣ, страннаго для Учредительнаго Собранія настроенія, — его безволія и внутренняго безсилія,—мнѣ кажется, указать все-таки

можно: ее слѣдуетъ искать въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ происходили выборы, и въ томъ, какъ они производились.

Выборы происходили въ исключительной, совершенно невозможной обстановкѣ, въ предчувствіи и подъ шумъ большевицкаго переворота, когда вниманіе гражданъ и политическія силы страны были отвлечены совсѣмъ къ другимъ вопросамъ. Предвыборной агитаціи, можно сказать, не было,—во всякомъ случаѣ ту, которая велась, нельзя сравнить, по ея размѣрамъ, даже съ агитаціей при выборахъ въ первую и вторую Гос. Думы, хотя и тогда было не Богъ вѣсть что. Предвыборныя собранія, по общему правилу, если и устраивались, то въ совершенно недостаточномъ количествѣ, чтобы пропустить черезъ нихъ сколько-нибудь значительную часть избирателей и заинтересовать ихъ предвыборной борьбой. Предвыборной литературы было мало и распространялась она очень слабо; газеты избирательной кампаніей почти не интересовались и не занимались. Политическіе дѣятели, выставленные кандидатами отъ центровъ, за единичными исключеніями, даже не выѣзжали на мѣста,—имъ было не до того, они были заняты другими дѣлами и заботами. Да и мѣстнымъ дѣятелямъ нерѣдко было не до выборовъ. Я уже не говорю о разстройствѣ въ сношеніяхъ—телеграфныхъ, почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ,—при какомъ должна была идти избирательная кампанія. Не буду говорить и о репрессіяхъ и всякихъ эксцессахъ,—едва ли еще при какихъ выборахъ они отливались въ такія формы и достигали такого количества... Оглушенное и сбитое съ толку большевицкимъ переворотомъ, напуганное въ одной части репрессіями и всякими напастями, а въ въ другой—взбудораженное несбыточными обѣщаніями и неизвѣданными перспективами, лишенное возможности уяснить себѣ, что происходитъ и за кѣмъ лучше идти, населеніе не могло, конечно, сознательно и обдуманно отнестись къ выборамъ, сказать въ нихъ, что оно думаетъ и чего хочетъ.

Прибавьте къ этому „самый совершенный избирательный законъ“... Массѣ избирателей, не усвоившей еще толкомъ политической ариѳметики, было предложено выразить свою мысль и волю въ алгебраической формулѣ. Она должна была имѣть дѣло не съ конкретными, а съ абстрактными величинами. Ей приходилось голосовать не за лицъ, а за партіи, за ихъ программы, которыхъ она, въ сущности, не знала и которыя за время избирательной кампаніи ей разъяснены не были. Въ дѣйствительности она голосовала за „номера“, часто вовсе не давая себѣ отчета, что каждый изъ нихъ значитъ.

Отвѣтъ должна была дать личность,—въ ней вѣдь первоисточникъ мысли и воли народной. Но эта личность, едва лишь подпимающаяся въ народныхъ низахъ и далеко еще не окрѣпшая, впервые лишь выступающая на политическую арену, чувствующая

себя вообще робко и нерѣшительно,—въ описанныхъ условіяхъ, естественно, должна была растеряться и спряталась за массу.

Приходилось ли вамъ бывать на экзаменахъ въ сельской школѣ? Если приходилось, то вы, конечно, знаете, какъ много значитъ обстановка, въ какой они происходятъ. Если вы войдете въ классъ спокойно, ласково объясните ученикамъ, чего вы отъ нихъ ждете, какое значеніе будутъ имѣть ихъ отвѣты, и начнете ихъ спрашивать серьезно, но просто, въ возможно доступной для нихъ формѣ, то экзаменъ пройдетъ блестяще. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ съ вашей стороны и болѣе или менѣе удачныхъ отвѣтовъ съ ихъ стороны, эта кучка ребятишекъ оживится, у нихъ заблестятъ глазенки, каждому захочется отличиться и всѣ они, на перебой будутъ стремиться вамъ отвѣтить. Нѣкоторые, быть можетъ, будутъ отвѣчать невпопадъ, но въ общемъ вы всецѣло будете удовлетворены ихъ смышленностью, ихъ толковостью, ихъ знаніями... Но если экзаменаторъ ворвется въ школу съ шумомъ и крикомъ, если на улицѣ будетъ продолжаться вызванная его пріѣздомъ суматоха и еще начнется новый скандалъ, который будетъ все время отвлекать вниманіе школьниковъ, если экзаменаторъ, ничего не объяснивъ толкомъ, начнетъ предлагать отрывистые вопросы и еще въ самой замысловатой формѣ, какъ бы нарочно, чтобы срѣзать экзаменующихся,—ну, тогда пиши: пропало. Ребятишки растеряются и окажутся не въ силахъ сосредоточить вниманіе на томъ, что ихъ спрашиваютъ, никто изъ нихъ не высунется впередъ, всѣ собьются въ кучу, одинъ будетъ стараться спрятаться за другого. Сколько-нибудь толковыхъ отвѣтовъ отъ нихъ уже нельзя будетъ добиться,—школа неизбѣжно провалится...

Это, приблизительно, и произошло на экзаменѣ, какимъ явились для русскаго народа ноябрьскіе выборы въ Учредительное Собраніе... Граждане, какъ разъ передъ самыми выборами, были ошарашены, вниманіе ихъ все время разсѣивалось, вопросъ имъ былъ предложенъ въ замысловатой формѣ,—и они оказались не въ состояніи толково на него отвѣтить. Личность въ массѣ спряталась, отвѣчали не граждане, а безличныя толпы, отвѣчали всѣ скопомъ. Такъ было во многихъ деревняхъ, въ казармахъ, а кое-гдѣ и на фабрикахъ: сообща рѣшали, какой подавать „номеръ“, и не позволяли никому отъ этого отступать,—даже уничтожали всѣ остальные списки, чтобы не вышло какой ошибки. И личность не протестовала, своихъ правъ не отстаивала,—напротивъ, охотно пряталась за другихъ.

Такъ шли выборы... Конечно, мы и не въ правѣ были разсчитывать, что они будутъ происходить при общемъ спокойствіи, пройдутъ безъ сучка и задоринки. Не въ такое время мы живемъ, да и нигдѣ—даже при обычныхъ условіяхъ—этого не бываетъ. Шероховатости неизбѣжны. Но тутъ вѣдь было, какъ я уже ска-

залъ, нѣчто исключительное, совершенно невозможное... Во всякомъ случаѣ до первоисточниковъ народной мысли и воли--и это мы прямо должны сказать себѣ—мы не добрались, и уже поэтому Учредительное Собраніе не могло явиться тѣмъ стремительнымъ и мощнымъ потокомъ, который способенъ все снести на своемъ пути и который во всякомъ случаѣ скорѣе разобьется, чѣмъ остановится въ своемъ бѣгѣ. Если Учредительное Собраніе не было таковымъ въ самомъ началѣ, то едва ли оно можетъ сдѣлаться такимъ теперь, послѣ того, какъ оно всесторонне „ущерблено", теченіе его остановлено и оно долгое уже время представляетъ изъ себя—да извинятъ меня дѣятели, принадлежащіе къ его составу,—застоявшуюся лужу.

Я знаю, что мнѣ скажутъ: но вѣдь ничего лучшаго у насъ нѣтъ и въ ближайшее время быть не можетъ; нужно этимъ, какъ-никакъ представительнымъ и всероссійскимъ, собраніемъ воспользоваться... Да, и я думаю, что имъ можно воспользоваться,—не для переустройства Россіи по мысли и волѣ народной, для чего оно не годится,—а для санкціи государственной власти, которая, очевидно, помимо него должна будетъ сложиться. Такая санкція поможетъ упроченію государственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаетъ для нея обязательнымъ новое обращеніе къ первоисточникамъ народной воли при помощи всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Но это—уже вопросъ политическаго такта, а политическими вопросами мы условились въ настоящій разъ не заниматься.

Насъ интересовало данное Учредительное Собраніе, какъ попытка создать верховный органъ народной воли. Положа руку на сердце, я думаю, мы можемъ и должны признать, что эта попытка потерпѣла неудачу.

Что однако изъ этого слѣдуетъ?

V.

Слѣдуетъ ли изъ этого,—какъ убѣждаетъ своихъ читателей проф. Устиновъ,—что „отъ Учредительнаго Собранія въ Россіи не осталось ровно ничего", что „его идея потерпѣла полный крахъ"? Значитъ ли это—какъ убѣжденъ, повидимому, самъ ученый профессоръ,—что „повторять этотъ тягостный опытъ для новаго подтвержденія и безъ того очевидной истины", а именно, что „русскій народъ не созрѣлъ еще до учредительной власти"—не слѣдуетъ?

Не будемъ забывать логики: изъ единичныхъ фактовъ нельзя дѣлать общихъ выводовъ... Ставя опытъ, подлинный ученый принимаетъ всѣ мѣры, чтобы устранить могущія осложнить его и помѣшать ему обстоятельства, но и за всѣмъ тѣмъ однимъ опытомъ,

если онъ даже совсѣмъ не удастся, онъ не ограничится. Вновь и вновь онъ его продѣлаетъ, стараясь каждый разъ обезпечить ему болѣе благопріятныя, менѣе „возмущающія“ условія, прежде чѣмъ онъ откажется отъ вывода, къ которому онъ пришелъ въ своей мысли. Вѣроятно, и профессоръ Устиновъ въ другихъ случаяхъ поступаетъ также,—въ нѣкоторыхъ опытахъ онъ проявляетъ повидимому, даже чрезмѣрную настойчивость. Вѣдь, вотъ, онъ пишетъ и пишетъ объ Учредительномъ Собраніи, хотя прежніе его опыты о немъ, съ его теперешней точки зрѣнія, не могутъ, конечно, считаться удачными. Только къ самому Учредительному Собранію, къ идеѣ народнаго суверенитета, онъ строгъ и не милостивъ: разъ опытъ не удался, то и кончено,—повторять его не зачѣмъ.

Опытовъ было уже достаточно,—спѣшитъ къ нему на помощь г. Бѣлорусовъ. „Массы,—пишетъ онъ въ своей новой статьѣ—устали отъ имѣющагося опыта народовластія“ [1]. И повторять „зады“ незачѣмъ. Демократія уже довела страну до позора, униженія и раззоренія. Если такъ, то, конечно, не до опытовъ съ нею...“

Допустимъ, что г. Бѣлорусовъ правъ: въ томъ, что мы пережили за послѣдній годъ, виновата демократія,—это она довела Россію до гибели. Но если такъ, то позволительно спросить, гдѣ же были до сихъ поръ сторонники плутократіи, аристократіи или монархіи [2]? Почему они до сихъ поръ не появились на политической аренѣ и не предотвратили постигшихъ насъ несчастій?

Не въ качествѣ упрека имъ я ставлю этотъ вопросъ. Я представляю себѣ, что они выступили бы въ февралѣ, въ апрѣлѣ, въ іюлѣ, въ октябрѣ... И для меня ясно: ничего бы они не сдѣлали,—ни въ эти мѣсяцы кризисовъ, ни въ какое другое время бурнаго года. Г. Бѣлорусовъ вправѣ, конечно, сказать: насъ и не послушали бы... Вѣрно. Но изъ этого вѣдь слѣдуютъ и еще кое-какіе выводы.

Стало быть, они ждали и ждутъ, когда расходившееся народное море успокоится. Тогда они и поставятъ свой опытъ плутократіи, аристократіи или монархіи. До сихъ поръ они сидѣли у моря и ждали погоды. Но только теперь,—въ надеждѣ, быть можетъ, что народъ скоро уже перебѣсится и настолько устанетъ, что его можно будетъ, „какъ послушно теля“, повести на веревочкѣ, повести назадъ или куда то въ сторону,—они выступили... Съ этой точки зрѣнія, они, конечно, имѣютъ преимущество передъ сторонниками демократіи, которые все время около разбушевавшагося

---

[1] „Свобода Россіи“, 13 апрѣля (31 марта) 1918 г.

[2] Мы не знаемъ, какъ уже было отмѣчено, какую форму государственнаго устройства г. Бѣлоруссовъ и другіе противники народовластія считаютъ для Россіи наиболѣе подходящею. Но это въ данномъ случаѣ и не важно,—я называю для примѣра нѣсколько изъ наиболѣе извѣстныхъ.

моря суетились. Едва ли однако это преимущество—преимущество людей, которые не терпѣли неудачъ только потому, что ничего не дѣлали,—можно поставить въ особую заслугу передъ родиной.

Послѣ того, какъ народное море успокоится и даже тогда, когда оно начнетъ успокаиваться, поставить опытъ государственнаго устройства Россіи будетъ, конечно, гораздо легче, чѣмъ тогда, когда оно бушевало. Почему же мы должны при этомъ отказаться отъ демократіи, отъ того, чтобы повторить опытъ съ нею при болѣе благопріятныхъ условіяхъ? Я бы понялъ противниковъ народовластія, если бы они привели какіе нибудь доводы отъ разума, отъ справедливости. Но такихъ доводовъ они не приводятъ, ихъ аргументація идетъ отъ опыта.

Они посмотрѣли, какъ бушуетъ море, какъ массы бросаются изъ стороны въ сторону, и рѣшили, что народовластіе не годится Бурю они приняли за народовластіе, — въ этомъ и заключается недоразумѣніе. Въ дѣйствительности же никакого народовластія у насъ еще не было и мы его не видѣли.

„Эти самыя массы—пишетъ г. Бѣлорусовъ—и являются субъектомъ народовластія". На это я г. Бѣлорусову уже отвѣтилъ, что „эти массы далеко не народъ, — не тотъ „демосъ", который имѣютъ въ виду, говорятъ о демократіи, такъ же, какъ толпы солдатъ, хотя бы очень большія, далеко не армія,—которую имѣютъ въ виду, когда говорятъ о защитѣ родины". „Мы имѣемъ въ виду—продолжалъ я—организованный народъ и притомъ народъ, включающій въ себѣ и „массы", и интелигенцію. Такого народа въ Россіи мы еще не видѣли" [1])...

---

[1]) „Народное Слово", 14 (1) апрѣля 1918 г. Не только г. Бѣлорусовъ, но и другіе впадаютъ иногда въ это недоразумѣніе: принимаютъ „эти массы" за народъ, отождествляя послѣдній съ простонародьемъ и противополагая ему интеллигенцію. До извѣстной степени впадаетъ въ это недоразумѣніе и А. М. Рѣдько въ статьѣ, напечатанной въ настоящей книгѣ. Соглашаясь всецѣло съ первой половиной извѣстной формулы, являющейся девизомъ н.-с. партіи, „все для народа", онъ считаетъ необходимой оговорку ко второй ея половинѣ—„все черезъ народъ". Спорнымъ для него представляется въ этой части слово „все". „Много вѣдь—пишетъ онъ — совершается не черезъ народъ. Стоитъ только вспомнить науку, искусство, литературу". „И въ политической области, продолжаетъ онъ дальше, творчество—тоже совершается не черезъ народъ. Иниціатива, — творчество принадлежитъ и здѣсь интеллигенціи, которая должна убѣдить „народъ" въ цѣнности тѣхъ или иныхъ достиженій интеллигентской мысли". Отсюда ясно, что интеллигенцію А. М. Рѣдько исключаетъ изъ народа, противополагаетъ ему. Между тѣмъ въ нашемъ народническомъ пониманіи и притомъ уже давно—я могъ бы привести этому много доказательствъ — интеллигенція включается въ народъ, который мыслится—правда, какъ совокупность трудящихся классовъ,—но трудящихся не только физически, но и умственно. Я думаю, что А. М. Рѣдько не впалъ бы въ это недоразумѣніе, если бы, желая напомнить о творческой и производительной роли, какую играетъ интеллигенція въ народной жизни, онъ не началъ съ пресловутаго дѣленія труда на „производительный" и „непроизводительный", т. е., въ сущности, съ марксистской схемы, которою народничество—на моей по крайней мѣрѣ,

Демократіи у насъ еще нѣтъ и не было... Нѣкоторые говорятъ, что у насъ имѣла и имѣетъ мѣсто охлократія. Я бы этого не сказалъ. Въ дѣйствительности, послѣ того, какъ пало самодержавіе, у насъ нѣтъ никакой ни „архіи", ни „кратіи",—нѣтъ государственной власти. Въ этомъ и заключается наша бѣда, основная причина всѣхъ нашихъ несчастій. По этой причинѣ до сихъ поръ и не могла остановиться демократія,—какъ не могла бы установиться и никакая другая форма правленія.

Суть въ томъ, что наша государственность разрушена. Мы впали — какъ и указываютъ нѣкоторые — въ догосударственное состояніе. И мы переживаемъ, въ сущности, не „революцію", а „смуту"...

Что наша революція получила такой именно характеръ, на то были, конечно свои причины. Не забудемъ, что она произошла совершенно стихійно. Никто планомѣрно ея не подготовлялъ и никто ею не руководилъ. Для меня, близко видѣвшаго, какъ она надвигалась и какъ разразилась, это особенно было ясно и, какъ нельзя болѣе, памятно. При случаѣ я какъ нибудь подѣлюсь своими впечатлѣніями и воспоминаніями. Но сейчасъ едва ли въ этомъ есть надобность: никто, конечно, не станетъ спорить, что февральскій переворотъ былъ дѣломъ стихійнымъ. Но не всѣ, быть можетъ, сознаютъ, что и до сихъ поръ мы находимся во власти все той же стихіи.

Февральскимъ переворотомъ государственная власть была низвергнута, но организованныхъ силъ въ странѣ, которыя были бы въ состояніи сразу же подхватить и утвердить ее на новыхъ началахъ, въ странѣ не оказалось. И эта власть до сихъ поръ не установлена. Если смута не сразу разыгралась во всю, то благо-

---

памяти—никогда не пользовалось и которую, напротивъ, всегда оспаривало Въ указаніи А. М. Рѣдько, что не все совершается черезъ народъ, есть конечно, мысль, по существу, совершенно справедливая, но ее слѣдовало бы выразить въ иной формѣ, къ которой и подходитъ А. М. Рѣдько. Нужно было бы взять слово не „народъ", а „масса": конечно, не масса творитъ, а личность. Послѣдняя достаточно высоко для этого поднялась въ средѣ интеллигенціи, но по мѣрѣ того, какъ она растетъ въ простомъ народѣ, и онъ привлекается къ творчеству. Но это не значитъ, конечно, что всякая развитая личность выходитъ за предѣлы народа; напротивъ, мы можемъ и и должны представлять себѣ, что весь народъ когда нибудь сплошь будетъ состоять изъ такихъ развитыхъ личностей. Къ этому и приходитъ въ концѣ концовъ А. М. Рѣдько. Считаю не лишнимъ во всякомъ случаѣ отмѣтить, что недоразумѣніе, въ которое онъ впалъ, отнюдь не вліяетъ на его отношеніе къ народовластію, не дѣлаетъ его противникомъ послѣдняго. Приписывая—и совершенно правильно, конечно—„иниціативу" въ политической области интеллигенціи, онъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что она „должна убѣдить народъ". „Вотъ—по его мнѣнію—взаимныя отношенія интеллигенціи и народа въ области политической жизни". Отсюда ясно, что онъ вовсе не думаетъ, будто интеллигенція можетъ что-либо насильно навязывать народу или пытаться осчастливить его помимо его воли и вѣдома. Но это вѣдь и значитъ другими словами, что она должна дѣлать „все черезъ народъ"..

царя, съ одной стороны, инерціи жизни, продолжавшей течь большею своей частью въ извѣстномъ руслѣ, а съ другой—призракамъ власти, какія мы имѣли, зачаткамъ ея, какіе удавалось создавать.

Попытки установить настоящую — „сильную и крѣпкую"— государственную власть все время дѣлались, но изъ нихъ ничего почти не выходило. Пожалуй, самой рѣшительной является та, которую дѣлаютъ теперь большевики, но едва ли и она удастся: слишкомъ ужь своеобразны начала, на которыхъ они попытались ее установить, и имъ приходится самимъ все время разрушать то, на чемъ они обосновались. Если они все-таки держатся, то не столько благодаря своей рѣшительности, сколько благодаря народной усталости и нерѣшительности другихъ. Во всякомъ случаѣ пока не они управляютъ событіями. И они ѣдутъ не туда, куда хотѣли, а туда, куда ихъ несутъ волны,—притомъ волны далеко уже не тѣ, какими на первыхъ порахъ они пользовались.

Въ неудачѣ болѣе раннихъ попытокъ обычно винятъ: одни— совѣты, другіе — Временное Правительство. Напомню вкратцѣ, какъ было дѣло. Въ моментъ возстанія государственную власть принялъ Комитетъ Государственной Думы. Я былъ въ Таврическомъ дворцѣ, когда г. Родзянко взялъ себѣ четверть часа, чтобы подумать, и помню съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали его рѣшенія и съ какимъ удовлетвореніемъ узнали, что онъ согласился. Временный Комитетъ власть „принялъ", но чисто номинально и такъ же номинально черезъ два дня передалъ ее Временному Правительству. Чтобы обладать дѣйствительною государственною властью, послѣднему нужно еще было создать государственную организацію, такъ какъ старая въ Петроградѣ была совершенно разрушена, да и въ странѣ, если не сразу, то очень скоро начисто развалилась. Безъ организаціи же Правительство было совершенно безсильно и не имѣло никакой власти ни въ Петроградѣ, гдѣ хозяйничали „безсвязныя толпы", ни въ странѣ. Къ сожалѣнію, въ этомъ самомъ важномъ и неотложномъ государственномъ дѣлѣ Временное Правительство не проявило надлежащей энергіи и рѣшительности.

„Революціонная демократія" его опередила. Г. Родзянко еще думалъ, принимать или не принимать власть, а въ другой залѣ Таврическаго дворца въ это время уже засѣдалъ „совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—конечно, самочинный, совершенно случайный, наскоро составившійся изъ кое-какихъ революціонеровъ и рабочихъ, явившихся въ Таврическій дворецъ. И онъ сразу же началъ дѣйствовать.

Это былъ кристалликъ въ насыщенномъ растворѣ, къ которому потянулись всѣ активные элементы и около котораго быстро стала складываться совѣтская организація. Эта организація, сыгравшая потомъ роковую роль въ развитіи смуты, и спасла насъ на первыхъ порахъ отъ анархіи.

У насъ много говорили о двоевластіи. Но въ дѣйствительности Исполнительный Комитетъ с.-р. и с.-д. тоже не былъ властью. Какъ и Временное Правительство, это былъ только призракъ власти,—призракъ, въ который массы больше вѣрили и которан больше поэтому слушались. Но „революціонная демократія", какъ принято называть кучку интеллигентовъ, ставшихъ во главѣ совѣтской организаціи, не столько владѣла и управляла массами, не столько сдерживала народныя волны, сколько качалась на нихъ. Порой она превращалась просто въ пѣну, притомъ далеко не чистую.

Какъ бы то ни было, уже съ самаго начала не трудно было видѣть, что совѣтская организація—это только временные бараки, въ которыхъ, если и можно было кое-какъ укрыться отъ непогоды, то регулярная государственная жизнь ни въ коемъ случаѣ идти не можетъ. Нужно было спѣшно, ни медля ни дня, ни часа, особенно при тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась страна, строить новое, постоянное государственное зданіе, которое мы представляли себѣ, да и сейчасъ продолжаемъ еще мечтать объ этомъ, въ видѣ просторнаго и свѣтлаго дворца, въ которомъ народъ могъ бы расположиться на свободѣ и съ комфортомъ. Но Временное Правительство, какъ я уже сказалъ, медлило съ этимъ дѣломъ и на первыхъ порахъ оно совсѣмъ не двигалось. Нужно было, конечно, прежде всего, заложить фундаментъ новаго зданія и, казалось бы, декреты о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи должны были быть изданы въ первые же дни—я бы даже сказалъ: въ первые часы—революціи. Но дни шли, шли недѣли,—а декретовъ все не было.

Въ эти первые дни и недѣли я былъ комиссаромъ въ одной изъ частей Петрограда. Я „явился" туда, чтобы установить новую народную—государственную власть. Мнѣ особенно ясно было, какъ трудно это сдѣлать явочнымъ порядкомъ снизу, безъ всякаго содѣйствія и регулировки, даже безъ санкціи сверху. Изъ членовъ Временнаго Правительства мнѣ въ то время приходилось встрѣчаться только съ покойнымъ А. И. Шингаревымъ и я каждый разъ приставалъ къ нему съ вопросомъ: когда же? когда же законы о самоуправленіи Правительствомъ будутъ изданы?.. Ихъ все не было,—они еще вырабатывались.

Вырабатывались „самые совершенные законы"... Когда мы, соціалисты, вступили въ Правительство, нѣкоторые проекты были уже подготовлены и только при насъ они были изданы. Съ этимъ насколько только можно было, торопились, но время было уже упущено. Слишкомъ поздно появились органы всенародной власти въ городахъ, еще позднѣе въ волостяхъ, еще позднѣе въ уѣздахъ и губерніяхъ. Запоздало изъ-за этого и Учредительное Собраніе.

Во время іюльскаго кризиса я возбудилъ во Временномъ Правительствѣ вопросъ о необходимости прекратить дальнѣйшее при-

своеніе и расхищеніе государственной власти. Моя мысль была сразу же воспринята, и И. Н. Ефремовъ, бывшій въ то время министромъ юстиціи, черезъ день представилъ по порученію Временнаго Правительства, проектъ закона, карающаго за присвоеніе государственной власти не уполномоченными на то органами. Но когда этотъ проектъ стали обсуждать, то обнаружилось, что почти никакихъ законныхъ органовъ власти въ Россіи нѣтъ. Даже комиссары какъ оказалось, правили губерніями и уѣздами—если правили, конечно, — на основаніи лишь телеграммы кн. Львова, посланной имъ въ день вступленія въ Правительство на имя предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ. Никакого положенія о нихъ издано не было,—оно было издано лишь потомъ, при Авксентьевѣ, и чуть-ли даже не еще позднѣе, чуть-ли не при Никитинѣ.

Никакихъ преградъ волнамъ поставлено не было и онѣ пріобрѣтали все болѣе и болѣе широкій размахъ... Органы самоуправленія начали, наконецъ, возникать, но, какъ я уже сказалъ, было поздно. Окрѣпнуть и упрочиться, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ мѣстную власть, они не успѣли, какъ буря разыгралась во всю,—произошла „октябрьская революція"...

Мы не должны забывать, единственными упорами въ народной жизни, которые оказались противопоставленными этой бурѣ, были именно эти органы всенародной власти. Они были еще слишкомъ слабы, чтобы сдержать стихію и были ею смыты. Но свой долгъ они во всякомъ случаѣ выполнили.

Въ дѣйствительности только такую демократію—только самые слабые ея зачатки—мы до сихъ поръ и имѣли. И я думаю, что, положа руку на сердце, мы можемъ сказать, что этотъ опытъ не даетъ еще права отворачиваться отъ всенародной власти.

„Самодержавный строй—писалъ я еще въ 1905 г.—не Юпитеръ и демократія—не Минерва, не готовою она появится передъ нами" [1]) Въ нестерпимыхъ мукахъ она родится, неимовѣрныхъ трудовъ она будетъ стоить.

Между тѣмъ нѣкоторые и посейчасъ думаютъ, что разъ пало самодержавіе, то имѣется, стало быть, демократія. А нѣкоторые, пользуясь этимъ, и спѣшатъ на демократію свалить всѣ бѣды.

Въ дѣйствительности же—повторяю еще разъ—демократіи, за исключеніемъ кое-какихъ слабыхъ ея зачатковъ, мы еще не видѣли. Демократію нужно еще установить.

Трудное это дѣло,—и особенно трудно оно теперь. Раньше нужно вѣдь возсоздать русскую государственность, возсоздать государственную власть. Этого нельзя сдѣлать путемъ всеобщаго равнаго голосованія,—она должна появиться раньше, чтобы такое голосованіе сдѣлалось возможнымъ. Она возникнетъ, скорѣе всего, самочинно, въ процессѣ борьбы съ внѣшними врагами или внутрен

---

[1]) „Русское Богатство". 1905 г. мартъ.

ней смутой. При этомъ необходимо, конечно, приложить всѣ усилія, чтобы эта самочинная власть была не противницей, а сторонницей народовластія и, сдѣлавъ свое дѣло, преклонилась передъ народной волей.

Мы вѣримъ, что русскій народъ возсоздастъ свою государственность и надѣемся, что эта государственность будетъ демократическая.

Но что бы ни случилось, мы во всякомъ случаѣ не потеряли и не потеряемъ вѣры, что

Тамъ, за далью непогоды,
Есть желанная страна...

Она далеко еще нами не достигнута. Мы проходимъ сейчасъ, какъ я уже сказалъ, самую бурную часть нашего нелюдимаго моря. И это была лишь иллюзія, что, что мы дошли вплотную къ одному изъ идеаловъ русской интеллигенціи. Нѣтъ! онъ еще далеко впереди и разочаровываться въ немъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно.

Съ своей стороны мы зовемъ нашихъ читателей не обращать вниманія на трусовъ и малодушныхъ, на людей близорукихъ и своекорыстныхъ и смѣло продолжать путь туда,—въ сторону свободы, равенства и братства.

А. Пѣшехоновъ.

Въ гримѣ и безъ грима.

(Мысли хроникера).

Правительство Львова-Гучкова-Милюкова продержалось около $1^1/_2$ мѣсяцевъ. Приблизительно столько же существовало революціонное правительство второго состава, не совсѣмъ точно называемое: „кадетско-соціалистическимъ“. Дальнѣйшія правительственныя комбинаціи вплоть до октябрьскаго переворота были еще болѣе эфемерными. Большевицкое правительство послѣ октября подвергалось нѣкоторымъ частичнымъ кризисамъ и перестройкамъ. Но въ общемъ оно держится уже около полугода. По внѣшности оно оказалось такимъ образомъ наиболѣе жизнеспособнымъ, наиболѣе устойчивымъ,

По внѣшности... Главнѣйшимъ изъ козырей въ большевицкой игрѣ было сплоченіе силъ при помощи пропаганды мира во что бы то ни стало. На четвертомъ и пятомъ мѣсяцѣ своего владычества тѣ же самые большевики говорятъ о необходимости продолжать хотя бы лишь малую войну въ настоящее время и готовятся къ большому, рѣшающему военному выступленію въ возможно болѣе недалекомъ будущемъ. Большевизмъ сплачивалъ ударныя силы при помощи демагогическаго опороченія и разрушенія началъ дисциплины. Но г. Троцкій потомъ сталъ выступать съ прокламаціями въ защиту суровой, желѣзной дисциплины. Большевизмъ сплачивалъ вокругъ себя силы, поддерживая и даже поощряя центробѣжныя стремленія темныхъ массъ къ возможно большему удовлетворенію личныхъ аппетитовъ и къ возможно болѣе ничтожному подчиненію общимъ интересамъ. Все получай, ничего не давай... Но это было, пока большевики домогались власти. Это было въ первые сомнительные дни и недѣли ихъ владычества. А затѣмъ они стали не хуже „меньшевиковъ“ говорить о необходимости ограничить личные аппетиты и подчинить ихъ общимъ интересамъ. Большевизмъ началъ объявленіемъ непримиримой войны „оборончеству“. Овладѣвъ властью и закрѣпивъ ее за собою, большевицкіе вожди публично и офиціально заявили, что теперь и они стали оборонцами.

Умалчивая объ имперіализмѣ германскомъ, они всячески гро-

мизм империализмъ союзныхъ съ Россіей странъ,—англійскій, французскій, американскій... Но это не помѣшало имъ въ апрѣлѣ вступить въ соглашеніе съ французскими, английскими и прочими союзными „имперіалистами" для совмѣстной защиты Мурманскаго побережья. Большевики сливались съ россійской „вольницей", съ тою полууголовной и уголовной публикой, которая воспользовалась революціей для того, чтобы загримироваться „подъ политику", ради этого густой толпой пошла къ „знаменамъ" анархизма. Захвативъ власть, большевики оказывали всемѣрную поддержку и покровительство „товарищамъ анархистамъ". А затѣмъ выдвинули противъ нихъ пулеметы, бронированные автомобили, пушки...

Примѣровъ можно привести много. И на солидномъ фактическомъ матеріалѣ основанъ одинъ изъ современныхъ русскихъ афоризмовъ: „отъ фирмы Ленинъ и К° осталась лишь вывѣска". Вывѣска осталась. Но уже другими товарами торгуетъ фирма. По другому—не такъ, какъ прежде, она ведетъ дѣла съ кліентами Да, можетъ быть, и кліенты у нея другіе, не прежніе. Та же вывѣска, тѣ же слова, та же форма, но содержаніе новое, не такое, какимъ оно было.

Отчасти такова вообще участь властолюбцевъ. Они могутъ быть искренни или фальшивы въ своихъ исходныхъ, офиціально объявляемыхъ деклараціяхъ. Но по мѣрѣ удаленія отъ исходной точки они обречены считаться не съ этими декларацiями, а съ реальной обстановкой каждаго даннаго момента. Негодующіе вопли по адресу какихъ-то „соглашателей" и „буржуевъ", якобы оттягивающихъ созывъ Учредительнаго Собранія, производили впечатлѣніе заранѣе обдуманной фальши. Но пусть даже эти вопли были искреннимъ недоразумѣніемъ. И все-таки, когда настала пора, собралось Учредительное Собраніе, самъ собою возникъ вполнѣ конкретный вопросъ: допустивъ Учредительное Собраніе, надо разстаться со властью, а разъ власть желательно сохранить за собою, значитъ Учредительное Собраніе нельзя допускать... И его не допустили. Самъ г. Троцкій призналъ это дѣяніе тяжкимъ ударомъ по демократіи, нанесеннымъ „во имя соціализма",—точнѣе было бы сказать во имя сохраненія власти въ рукахъ Ленина и Троцкаго, будто-бы желающихъ водворить немедленно, по крайней мѣрѣ, въ Россіи соціализмъ... Допустимъ, они этого дѣйствительно желаютъ. Допустимъ даже у нихъ такую слабость мыслительныхъ способностей, что они дѣйствительно вѣрятъ въ возможность немедленнаго водворенія соціализма. Но тѣ-же хотя бы переговоры о мирѣ надо вести съ императорскимъ германскимъ правительствомъ, а обращаясь къ императору германскому, надо говорить не соціалистическимъ, а болѣе или менѣе придворнымъ языкомъ. Въ интересахъ соціализма Ленинъ и Троцкій желаютъ „аннулировать" всѣ государственные займы. Но императоръ германскій требуетъ, чтобы русскія бумаги, находящіяся въ рукахъ германскихъ подданныхъ,

были оплачены полностью... Спорить нѣтъ силъ. Значитъ, нужно покориться. Но предоставленіе нѣмцамъ требуемаго права открываетъ широкую возможность злостной спекуляціи.

Очевидно, нѣмцы станутъ скупать по дешевкѣ „аннулированныя" бумаги у англичанъ, французовъ, бельгійцевъ и т. д. и получать съ россійскаго казначейства полнымъ рублемъ. И какіе-бы хитрые планы ни строились для пресѣченія этого зла, выходъ есть только одинъ: надо „аннулированныя" на словахъ бумаги фактически такъ или иначе „дезанулировать",—другими словами, гарантировать права и власть иностраннаго капитализма въ „соціализируемой" Россіи. Въ интересахъ немедленнаго водворенія соціалистическаго строя, положимъ, надо „націонализировать" банки. Но Дейче-банкъ рѣшительно не склоненъ допускать „націонализацію" связанныхъ съ нимъ кредитныхъ учрежденій. За Дейче-банкомъ стоитъ Вильгельмъ. У Вильгельма есть Гинденбургъ... Значитъ, надо покориться, смириться, тѣми или иными способами обезпечить въ той же самой „соціализируемой" Россіи благополучіе и процвѣтаніе, по крайней мѣрѣ, Дейче-банкъ. Пусть они самые искренніе соціалисты, но обстановка повелѣваетъ имъ служить укрѣпленію власти хотя-бы только германскаго капитализма. Пусть они подчиняются обстановкѣ нехотя, подобно пушкинской помѣщицѣ Лариной, которая „рвалась и плакала вначалѣ и съ мужемъ чуть не развелась". Но вѣдь это лишь вначалѣ. А потомъ „хозяйствомъ занялась", „привыкла и довольна стала, и обновила наконецъ на ватѣ шлафоръ и чепецъ"... Пусть пока они еще не замѣчаютъ, какой это шлафоръ и какой чепецъ. Но со стороны виднѣе, что они идутъ фатальнымъ, логически неизбѣжнымъ путемъ узурпаторовъ и диктаторовъ и наряжаются въ обычныя узурпаторскія и диктаторскія одежды.

Они называли себя „соціалъ-демократами большевиками". Но, подчинившись ферулѣ Вильгельма, они обречены были стать въ лучшемъ для себя случаѣ „капиталъ-демократами большевиками". Случай для нихъ (да и для всѣхъ насъ) однако совсѣмъ не лучшій. Уже на примѣрѣ ихъ расправы съ Учредительнымъ Собраніемъ можно видѣть, какіе они демократы. Между тѣмъ жажда удержать въ своихъ рукахъ власть, съ одной стороны, и необходимость повиноваться обстановкѣ, съ другой, принудили ихъ посягнуть не только на Учредительное Собраніе. Въ качествѣ оппозиціи, они заявляли себя поборниками абсолютной, не стѣсняемой никакими регулирующими правовыми нормами свободы. Ставъ властью, они обязывались дать странѣ именно такую свободу. Обязывались... Но печать предъявляетъ аргументы и обвиненія, на которыя трудно отвѣчать, а порою и невозможно отвѣтить. Значитъ, надо свободу печати упразднить. Въ странѣ сплачиваются силы для организованнаго противодѣйствія. Значитъ, надо обуздать свободу союзовъ. На собраніяхъ произносятся „опасныя рѣчи". Значитъ, надо раз-

гонять собранія. Въ странѣ зрѣетъ недовольство и раздраженіе. Значитъ, надо на мѣстѣ былыхъ охранныхъ отдѣленій по борьбѣ съ революціей установить всюду и вездѣ спеціальные трибуналы по борьбѣ съ контръ-революціей. Шлафоръ и чепецъ сшиты какъ будто изъ новаго матерьяла. Но это внѣшняя новизна. А суть все та же старая: тотъ же сыскъ, тотъ же шпіонажъ, тѣ же проскрипціонные списки и та же агентура „внутренняго освѣдомленія"...

Пути узурпаціи и диктаторства, повторяю, фатальны. И получились даже не капиталъ-демократы, а капиталъ-жандармы. Правда, они не утратили еще нѣкоторыхъ правъ именоваться большевиками, Но единственно потому, что на новыхъ позиціяхъ пока продолжаютъ сохранять прежнюю размашистость жестикуляціи, прежній темпераментный задоръ и нежеланіе разстаться съ прежней рѣшительной, стоградусной терминологіей.

Отъ былой фирмы должна сохраниться лишь вывѣска уже по одному тому, что Ленинъ и Троцкій не господа положенія, а его рабы, не они повелѣваютъ обстановкой, а она повелѣваетъ ими. Въ этомъ, кстати сказать, и одинъ изъ секретовъ ихъ относительной, по сравненію съ другими правительствами революціоннаго періода устойчивости.

Сказывается и другое условіе... Какова бы ни была правительственная программа, она требуетъ исполнителей. Та официіальная программа, съ какою выступали большевики, беря власть, съ одной стороны широка и героична, съ другой экстравагантна, не примирена ни съ логикой ни съ здравымъ смысломъ, ни съ нормальнымъ чувствомъ патріотизма. Какъ программа чрезвычайно широкая и героическая, она требовала и чрезвычайно обширныхъ кадровъ рабочихъ силъ, и при томъ настроенныхъ героически. Какъ программа противопоставленная здравому смыслу, элементарному чувству дѣйствительности и даже патріотизма, она не могла и не можетъ найти сколько-нибудь толковыхъ исполнителей. Въ нее не вѣрятъ даже тѣ бывшіе (при самодержавіи) профессіональные ультра-революціонеры, которые за время революціи превратились въ совѣтскихъ профессіоналовъ. Не вѣрятъ даже бывшіе революціонеры. Между тѣмъ среди совѣтскихъ профессіоналовъ есть вѣдь и бывшіе полицейскіе, и бывшіе мошенники, не очень склонные, впрочемъ, забывать это свое прежнее ремесло, и бывшіе дубровинцы...

Быть можетъ, не лишне объяснить что такое совѣтскіе профессіоналы. Это—особая бытовая группа, созданная въ условіяхъ революціоннаго сумбура. Она образовалась изъ пестрой публики, выступавшей на митингахъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Одни изъ „ораторовъ" успѣли охладѣть, отойти въ сторону, да и на самые митинги мода прошла. Но нѣкоторая часть осталась, научилась улавливать капризныя настроенія толпы и приспособляться къ нимъ. Она и составила какъ бы постоянный кругъ кандидатовъ, баллотирующихся на совѣтскія и комитетскія должности.

Пріобрѣли эти кандидаты и сноровку, извѣстную опытность, необходимую для совѣтскаго и комитетскаго дѣлопроизводства. Одни изъ нихъ занимаютъ все таки опредѣленныя партійныя позиціи. Большевикъ такъ и говоритъ, что онъ большевикъ, и мирится съ тѣмъ, что избиратели въ минуту анти-большевистскихъ настроеній отведутъ ему не главное, а какое-либо второстепенное мѣсто въ комитетѣ. Меньшевикъ такъ и гововитъ, что онъ меньшевикъ, и тѣмъ самымъ идетъ на тѣ послѣдствія, какія даетъ ему большевицкое настроеніе избирателей. Другіе предпочитаютъ болѣе туманную позицію,—называютъ себя „лѣвыми эсерами", „максималистами", „анархистами". Это помогаетъ приспособляться болѣе гибко. Если толпа настроена противобольшевицки, именующемуся анархистомъ ничто не мѣшаетъ громить большевиковъ. И, наоборотъ, онъ съ такимъ же удобствомъ можетъ обрушиться и на меньшевиковъ, если это въ данный моментъ соотвѣтствуетъ настроенію. Одни безкорыстны,—имъ просто не хочется, жалко или даже лѣнь оттолкнуть своею ладью отъ совѣтскаго берега, къ которому они все таки привыкли, хотя быть можетъ, и случайно къ нему пристали. Другихъ, наоборотъ, у совѣтскихъ береговъ держитъ нанціальный разсчетъ: все таки власть, да и „жалованье" хорошее, и на счетъ провіанту большія удобства... Разные и пестрые люди въ этомъ кругу. Но это именно—кругъ, обособленный, мѣстами въ провинціи и довольно замкнутый, вѣрнѣе замыкающійся, ревнивый и подозрительный къ постороннему, способному стать конкурентомъ.

На совѣтскихъ профессіоналовъ и падаетъ прежде всего задача водворить на землѣ предрѣшенное Ленинымъ и Троцкимъ „царство соціализма". Но совѣтскіе профессіоналы не такъ ужъ интеллигентны, не такъ по просту грамотны, порою они и вовсе малограмотны. Да и по моральнымъ качествомъ они, во всякомъ случаѣ, не галилейскіе рыбари.

Большевики имѣютъ нѣкоторое внѣшнее основаніе сердиться на интеллигенцію. Безъ нея, конечно, не проведешь обширныхъ и героическихъ программъ. Но она, какъ и всякій работникъ не за страхъ, а за совѣсть, можетъ приняться за дѣло лишь при условіи, если эти программы для нея пріемлемы, если она ихъ раздѣляетъ, если она имъ вѣритъ. Фантазіи же г.г. Лениныхъ и Троцкихъ вовсе не таковы, чтобы ихъ могъ принять и раздѣлить сколько-нибудь образованный и совѣстливый человѣкъ.

Исполнителей пришлось искать въ другомъ мѣстѣ. Ихъ дала прежде всего офицерская среда,—слѣдуетъ, пожалуй, оговориться: не лучшая, а лишь наиболѣе гибкая и ловкая часть этой среды. Съ точки зрѣнія бытовой вопросъ рѣшался просто: погоны сняли, отъ службы отставили, жалованье прекратили, а „жить надо", и требуется стало быть, найти должность. Между тѣмъ фабрики останавливаются, заводы останавливаются, всевозможныя конторы либо

сокращаются, либо вовсе закрываются. И лишь при совдепахъ „мѣстъ сколько угодно, и платятъ хорошо"... Тутъ нѣтъ „ни борьбы, ни думы роковой". „Надо же куда-нибудь дѣться благородному человѣку, привыкшему жить съ извѣстнымъ комфортомъ."

А затѣмъ въ Россіи за долгіе годы самодержавія накопилось чрезвычайное множество ташкентцевъ. Имъ рѣшительно все равно, гдѣ служить какъ кому и чему служить,—лишь бы „жрать". А „жрать" при совдепахъ даютъ жирно и сытно. Въ первое время ташкентцы остерегались,—неизвѣстно еще, сколько продержится Ленинъ... Но недѣля идетъ за недѣлей, а Ленинъ все держится,—значитъ, надо пристраиваться поскорѣй. А разъ ташкентецъ пристроился, онъ проникается чувствомъ самоохранительнаго консерватизма: онъ не только служитъ хозяину, но и старается охранять то положеніе вещей, которое обезпечиваетъ ему пріятную сумму житейскихъ благъ.

За ташкентцемъ къ распредѣляемымъ совдепами казеннымъ пирогамъ потянулась и родственая ему обывательская среда. Потянулся, въ частности, промысловый, торговый, хозяйственный человѣкъ, И, быть можетъ изъ обывательской среды онъ однимъ изъ первыхъ сталъ подбираться къ совдепскому казенному пирогу.

Въ первыя минуты послѣ октябрьскаго переворота хозяйственнаго оборотливаго человѣка весьма пугало намѣреніе немедленно водворить „царство соціализма". Онъ кричалъ—правда, не очень громко и не очень смѣло,—но все же кричалъ: „караулъ". Какъ и подобаетъ оборотливому промысловому человѣку, онъ отнюдь не склоненъ былъ брать на себя рискъ активной борьбы съ большевизмомъ. Но очень настойчиво убѣждалъ другихъ въ необходимости активно бороться. Онъ уповалъ на Корнилова, на Каледина. на украинскую раду, на нѣмцевъ, на кого угодно,—лишь бы побили и свергли большевиковъ, лишь бы спасли отъ реквизицій, секвестрацій, конфискацій, контрибуцій, національзацій, соціализацій... И пока соціализаціи казались промысловому человѣку дѣломъ радикально опаснымъ, онъ былъ непримиримымъ, крайнимъ оппозиціонеромъ.

Но ставки на Каледина, Корнилова, Грушевскаго, Петлюру побиты одна за другой. Чужихъ рукъ, способныхъ загрести жаръ для промысловаго человѣка, въ наличности не оказывалось. Съ теченіемъ времени и самъ промысловый человѣкъ присмотрѣлся къ соціализаціямъ, взвѣсилъ ихъ, обмозговалъ,—и успокоился. И сталъ онъ по часту забѣгать въ эти самые совдепы. Забѣжитъ, понюхаетъ чѣмъ пахнетъ, узнаетъ новости, обдѣлаетъ какое-либо дѣльце,—и идетъ дальше довольный и успокоенный.

Оппозицій промысловый человѣкъ уже не одобряетъ, къ призывамъ активно бороться противъ большевиковъ относится иронически, а порою и съ раздраженіемъ:

— Довольно мы слышали о б---ьѣ . Надоѣло... Вы все съ

принципами вашими лѣзете... А на кой шутъ намъ ваши принципы? Намъ жить нужно,—вотъ что.

Лично мнѣ въ провинціи пришлось вступать съ промысловыми людьми въ нѣкоторыя пререканія. Приходилось говорить:

— Положимъ, нужно жить. Но какъ вы можете жить, если съ васъ только что взыскали контрибуцію и еще, пожалуй, взыщутъ?

— Взыскать то взыскали. Могутъ и еще взыскать. Обстригли дѣйствительно что здорово. Но это еще не означаетъ. Обстригли, зато и обрости дадутъ...

Я пишу эти строки въ Москвѣ. И здѣсь отъ промысловыхъ людей слышу тѣ же рѣчи.

— Стригутъ здорово... Особняки отобрали. Имущество конфискуютъ. Контрибуціями облагаютъ... Однако, ежели не шабаршить, то можно и обрости заново... Гуще прежняго шерсть пойдетъ...

И „примѣры" уже есть. Вотъ, напр., кн. NN,—довольно извѣстный „дѣловой Россіи", но не очень удачливый при самодержавіи грюндеръ. При революціи его обстригли на голо. Но онъ не растерялся, не озлобился, „вошелъ въ контактъ" съ стригущими и теперь... Теперь онъ поставленъ во главѣ потихоньку организуемаго обширнѣйшаго треста... „Далеко можетъ пойти, въ милліардеры, пожалуй, выскочитъ". Или вотъ извѣстнѣйшій банкиръ X.- прославился счастливыми спекуляціями при царѣ. Во время революціи тожъ досконально обстриженъ. Но, какъ „умный человѣкъ" не перенесъ личныхъ огорченій на принципіальную почву, облобызалъ бьющую руку („тьфу,—плюнь да поцѣлуй"),—и ему также поручено... Поручено нѣчто грандіозное, фантастическое. Путнаго, вѣроятно, ничего не получится, но нажива будетъ...

Такіе „примѣры" въ Москвѣ. Да такіе-жъ они и въ совѣтской провинціи... Только масштабы мельче, а суть дѣла: „контактъ"— штука выгодная, и планы, сулящіе наживу, не только носятся въ воздухѣ, но и принимаютъ вполнѣ конкретныя и именно въ своей конкретности страшно заманчивыя очертанія... Правда, есть и другіе планы: національзація внѣшней торговли, муниципализація всѣхъ земель и недвижимыхъ имуществъ въ городахъ... Но отъ одного московскаго промысловаго человѣка мнѣ довелось слышать по этому поводу любопытное соображеніе:

— Чего жъ вы хотите?.. Все таки вѣдь они большевики... Должность у нихъ такая, чтобъ эти самыя слова выражать... я понимаю... Отъ слова, я вамъ скажу, не станется... Ежели глупое слово съ умомъ повернуть,—такъ оно куда лучше десяти умныхъ словъ можетъ оказаться. А повернуть можно. По всему видать, что можно...

А только слова тожъ понимать надо... Мы вотъ съ вами про банкира X. говорили... Какъ сами знаете, онъ за послѣдніе годы черезъ Распутина орудовалъ. Григорій-то Ефимычъ покойникъ по

должности своей совсѣмъ негожія словеса морозилъ... Такое бывало сморозитъ, что хоть страховку на случай собственной смерти увеличивай. А банкиръ-то Х. то же самое, распутинское слово возьметъ да по своему обернетъ,—смотришь сто, двѣсти тысячъ, а то и весь милліонъ въ карманъ положилъ... Такъ и большевицкія слова.

Былъ промысловый человѣкъ „саботажникомъ". Но онъ уже началъ переходить въ разряды вѣрноподанныхъ совѣтской федеративной республики. Еще немного, нѣсколько шаговъ,—и нашъ старый знакомый господинъ Деруновъ можетъ оказаться такою же опорой большевизма, какою былъ опорою царизма,—станетъ не „буржуемъ", а „столпомъ",

Освобождается отъ званія саботажниковъ и „служилая Россія", „Россія двадцатаго числа". Нѣкоторое время она боролась, защищала принципы... Но, вѣдь, семья... „Пить, ѣсть надо". Да и что такое эти самые принципы? Когда „служили вѣрою и правдою царю и отечеству", никакихъ принциповъ не полагалось. Принципы-то стали было всплывать лишь съ 27 февраля по 27 октября... Вещь они не привычная. Безъ нихъ жили. Можемъ и дальше безъ нихъ прожить. И, пожалуй, лучше прежняго прожить. Что Богъ дастъ впослѣдствіи,—не извѣстно. А покамѣсть, Владимиръ Ульяновъ „нашему брату—чиновнику" платитъ больше, чѣмъ платилъ Николай Романовъ...

И странное—на первый взглядъ, какъ бы фантастическое—происходитъ возрожденіе недавно минувшаго. Послѣ 1917 года вокругъ Ленина собирается то же вѣче, какое послѣ 1905 года собиралось вокругъ Столыпина. Нѣтъ только помѣстнаго дворянства. Остальные на своемъ мѣстѣ. Промышленники, правда, еще не собрались въ достаточномъ кворумѣ, но уже начали собираться подъ сѣнь власти (какова бы ни была, а все таки власть, безъ покровительства которой мы жить не привыкли). Ташкенцы уже собрались. Успокаивается и переходитъ къ очереднымъ входящимъ и исходящимъ чиновничье болото. „Знакомыя все лица". Но они переодѣлись и сильно измѣнили терминологію. Послѣ 1905 года доказательствомъ вѣрноподданства служила терминологія Столыпинско-Дубровинская. Послѣ 1917 г. доказать вѣрноподанство можетъ лишь тотъ, кто употребляетъ терминологію Троцко-Ленинскую... Но, право же, это различіе не столь существенно. Оно лишь способствуетъ нѣкоему оптическому обману: послѣ 1905 г. противо-столыпинскій лагерь считался лѣвымъ, теперь противо-ленинскій лагерь окажется правымъ.

Оптическій обманъ... И, быть можетъ, не долго онъ продержится. Столыпинъ увѣрялъ, что онъ намѣренъ ѣхать къ конституціи на тормазѣ, и что у него есть для этого „вся полнота власти". Увы,—онъ лишь самому себѣ казался господиномъ положенія.

Въ дѣйствительности ему пришлось творить волю собравшихся

вокругъ него лакеевъ. Ленинъ увѣрялъ, что намѣренъ ѣхать экспрессомъ безъ всякихъ тормововъ прямехонько въ „царство соціализма“. Но поѣдетъ онъ туда, куда прикажетъ собравшаяся вокругъ него толпа. Да уже и поѣхалъ.

Въ первый періодъ революціи изъ всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ людей Ленинъ, Троцкій и К-о были почти единственною группою, вносившей въ борьбу за власть элементы личной страсти. Другихъ надо было уговаривать, убѣждать: „возьмите власть, ради Бога, согласитесь стать министромъ“... На убѣжденія склонялись неохотно. Власть брали скорѣе по чувству долга, чѣмъ по мотивамъ личной страсти властвовать. Позиція Ленина въ этомъ смыслѣ была внѣ конкуренціи партійныхъ круговъ. Его замѣтно влекло къ власти, какъ къ самодовлѣющей цѣли. Въ свои домогательства онъ вносилъ личную страстность. И достигъ своего. И покамѣсть стается попрежнему внѣ конкуренціи. Другихъ столь же страстныхъ властолюбцевъ русская революція еще не выдвинула.

Революція не выдвинула. Но можно не сомнѣваться, что ихъ выдвинетъ собирающаяся вокругъ Ленина толпа. Ленинымъ, можно полагать, движетъ все таки больше духъ, чѣмъ матерія. Но пройдетъ нѣкоторое время, выяснятся тѣ матеріальныя блага, которыя можетъ дать властвованіе не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ группамъ. Тогда властолюбцы сами собою родятся. И у Ленина будутъ конкуренты, не менѣе его одержимые страстью властвовать.

А. Петрищевъ.

Двадцатипятилѣтіе „Русскаго Богатства“

Вопросъ объ ознаменованіи 25-лѣтія „Русскаго Богатства“ поднимался задолго до наступленія юбилейнаго дня. Но на дружественные запросы редакція отвѣчала отрицательно. Не праздничное было настроеніе, и дата 27 декабря 1917 г. чувствовалась только какъ грань, отдѣлившая уже пережитую страдную полосу русской общественности отъ той новой, которую еще предстояло и предстоитъ тяжело переживать и пережить. Поэтому не о празднованіи хотѣлось думать. Но это отношеніе къ юбилейной датѣ встрѣтило возраженія со стороны политическихъ круговъ дружественныхъ журналу. Было указано, что „празднованіе“ 25-лѣтняго юбилея— не право, а обязанность „Русскаго Богатства“, которую журналъ долженъ выполнить, чтобы дать возможность съ разныхъ сторонъ освѣтить ту общественно-культурную работу, которую „Русское Богатство“ дѣлало 25 лѣтъ признавая ее важной и необходимой для страны. При подобныхъ соображеніяхъ отсутствіе торжественнаго настроенія не является достаточнымъ мотивомъ для отрицательнаго рѣшенія объ ознаменованіи двадцатипятилѣтія „Русскаго Богатства“ общественнымъ торжествомъ.

Редакціонная коллегія подчинилась. По иниціативѣ Петроградскаго Комитета Трудовой Народно-Соціалистической Партіи организовался Почетный организаціонный Комитетъ, въ составъ котораго вошли: К. В. Аркадакскій, Ѳ. Д. Батюшковъ, М. Е. Березинъ, Л. М. Брамсонъ, С. А. Венгеровъ, Б. Б. Веселовскій, В. В. Водовозовъ, П. П. Гайдебуровъ, И. Я. Гинцбургъ, Максимъ Горькій, Л. Я. Гуревичъ, И. Н. Дементьевъ, В. И. Засуличъ, А. А. Исаевъ, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, Г. А. Лопатинъ, О. К. Нечаева, М. Н. Петровъ, А. Н. Потресовъ, Я. Л. Сакерѣ, А. Н. Тихоновъ, Е. А. Труппъ, В. Н. Фигнеръ, Н. В. Чайковскій.

Сначала днемъ празднованія было намѣчено 10 января, но событія, связанныя съ разгономъ Учредительнаго Собранія, заставили перенести срокъ на 1 февраля.

Вѣсть о предполагаемомъ юбилейномъ торжествѣ, чрезъ посредство газетъ, дошла до В. Г. Короленко, и редакціонная колле-

гія получила отъ Владиміра Галактіоновича привѣтъ для передачи всѣмъ, кого день 1 февраля соединитъ около „Русскаго Богатства". Къ сожалѣнію, разсчетъ Владиміра Галактіоновича, что его привѣтъ поспѣетъ во-время, не оправдался, и письмо его пришло уже послѣ 1 февраля. Поэтому редакція можетъ только нынѣ передать этотъ привѣтъ всѣмъ, къ кому онъ былъ обращенъ:

Дорогіе Товарищи!

Только вчера изъ столичныхъ газетъ (которыя на этотъ разъ пришли нѣсколько скорѣе, чѣмъ это нынѣ обычно), узналъ о томъ, что 1-го февраля предполагается отмѣтить юбилей „Русскаго Богатства". Не знаю, поспѣетъ-ли моя привѣтственная телеграмма, и не увѣренъ, что она опередитъ это мое письмо. Теперь вѣдь телеграммы иногда доставляются чуть-ли не съ товарными поѣздами. Какъ-бы то ни было,—шлю душевный привѣтъ товарищамъ по литературѣ и тѣмъ друзьямъ-читателямъ, которыхъ въ этотъ день соединитъ признаніе общности нашихъ задачъ. Съ грустной отрадой вспоминаются образы дорогихъ ранѣе ушедшихъ товарищей. Съ гордостью думаю, что въ нашей дружеской журнальной семьѣ, собравшейся вокругъ Н. К. Михайловскаго, всегда жила вѣра, которая стояла выше и коренилась глубже временной смѣны партійныхъ и классовыхъ взглядовъ, восходя къ высшимъ началамъ вѣчной правды. Михайловскій умѣлъ схватить основной жизненный нервъ интеллигенціи, опредѣлить ея право на самостоятельную роль и великое ея значеніе въ общественной жизни—въ сжатой формулѣ, противуполагавшей *идеалы идоламъ*. Теперь объ этомъ приходится вспоминать особенно часто, когда одностороннее классовое идолопоклонство грозитъ затемнить лучшія стремленія русской интеллигенціи къ правдѣ, соціальной справедливости, къ разуму и истинной свободѣ.

Я—старшій годами изъ оставшихся товарищей, чувствую, что теперь моя очередь присоединиться къ ранѣе ушедшимъ друзьямъ.

Время бурное и туманное, пути застилаются мглою. Но я вѣрю, что русскій народъ найдетъ свою дорогу среди этого бездорожья. Вѣрю также, что русской интеллигенціи суждено сослужить ему при этомъ прежнюю службу, и надѣюсь, что моимъ болѣе молодымъ товарищамъ предстоитъ еще много хорошей работы, подъ знаменемъ неугасимой вѣры нашихъ покойниковъ. Тьма часто сгущается передъ разсвѣтомъ, а разсвѣтъ встаетъ мглистый и бурный.

Тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ повторимъ старый кличъ одного изъ величайшихъ представителей русской интеллигенціи:

„Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма".

Да здравствуетъ вѣчное солнце истины и свободы, которымъ суждено смѣнить неправду и насиліе отжившаго строя, и пусть не удастся въ будущемъ прежнему произволу, хотя-бы и въ новыхъ

формахъ, подмѣнить истинную свободу обманчивыми призраками безъ содержанія.

Еще разъ привѣтъ всѣмъ работающимъ для журнала, до самыхъ скромныхъ его тружениковъ, а также всѣмъ тѣмъ, кого въ этотъ день общія стремленія соединили въ одинъ дружескій кругъ.

Вашъ *Вл. Короленко.*

Вся наша семья присоединяется къ этому привѣту.

30 Января 1918 г.

Приходится пожалѣть, конечно, что вслѣдствіе непреодолимыхъ силъ, именуемыхъ современною почтою и другими условіями россійской дѣйствительности, привѣтъ Владиміра Галактіоновича сотрудникамъ и друзьямъ „Русскаго Богатства" не былъ полученъ въ день исполненія юбилейныхъ обязанностей редакціонной коллегіей, оказавшейся 1 февраля на-лицо, все по тѣмъ-же условіямъ переживаемаго времени, въ составѣ всего одной трети.

II.

По проекту, выработанному Почетнымъ Комитетомъ, предполагалась обширная программа дня, которая, за недостаткомъ времени, не могла быть выполнена цѣликомъ. Весь имѣвшійся срокъ оказался использованнымъ на прочтеніе тѣхъ привѣтствій и адресовъ, которые были доставлены въ юбилейное собраніе 1 февраля особыми депутаціями отъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ организацій. Остальныя привѣтствія и адреса, за недостаткомъ времени, огласить не оказалось возможнымъ, и Почетный Комитетъ вынужденъ былъ ограничиться передачей этихъ привѣтствій и адресовъ редакціонной коллегіи, лишь поименовавъ въ торжественномъ собраніи 1 февраля тѣ учрежденія и лица, которыя ознаменовали своими цѣнными для журнала дружескими выступленіями 25-лѣтнюю дату его существованія

Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя Петроградскаго Комитета Трудовой Народно Соціалистической партіи С. Ф. Знаменскаго, по предложенію котораго почетнымъ предсѣдателемъ собранія была избрана Вѣра Николаевна Фигнеръ. Слово ея, обращенное къ собравшимся, было прежде всего посвящено прошлому. Она говорила о внутренней связи, существовавшей между революціоннымъ движеніемъ ея времени и идейнымъ народничествомъ, нашедшимъ свое литературное выраженіе сперва въ „Отечественныхъ Запискахъ", а впослѣдствіи въ „Русскомъ Богатствѣ". В. Н. Фигнеръ съ признательностью вспомнила о той струѣ бодрости, которую внесла въ душу узниковъ Шлиссельбурга вѣсть о томъ, что духъ запрещеннаго журнала ожилъ въ его продолжателѣ, руководимомъ Н. К. Михайловскимъ. Узники получили и привѣтъ отъ журнала. Выходя изъ крѣпости, Ману-

чаровъ—одинъ изъ товарищей Вѣры Николаевны по заточенію—взялъ ея стихотвореніе, и оно появилось на страницахъ „Русскаго Богатства“ (1896 г. № 6), а на другой страницѣ было напечатано—за подписью М., скрывавшей Михайловскаго—отвѣтное стихотвореніе съ призывомъ къ надеждѣ и бодрости.

Затѣмъ Собранію были доложены привѣтствія, съ которыми обратились къ журналу [1]:

I. Общественныя и политическія организаціи и учрежденія.

1. Союзъ Защиты Учредительнаго Собранія (В. И. Розановъ).
2. Петроградская Городская Дума перваго послѣреволюціоннаго созыва (А. А. Исаевъ, Е. А. Труппъ, О. К. Нечаева):

...„Идеи великаго подвижничества и общественнаго долга передъ лицомъ тѣхъ народныхъ массъ, которыя, прозябая въ условіяхъ нищеты и рабства, давали другимъ обладаніе богатствомъ знанія и культуры, неумолчно звучали со страницъ „Русскаго Богатства“ и звали на трудъ и самопожертвованіе работниковъ на нивѣ россійской культуры. Не менѣе властно звучалъ голосъ „Русскаго Богатства“ и въ защиту неприкосновенности и святости человѣческой личности и ея жизни. Въ могучемъ аппаратѣ государственности свободная и отвѣтственная въ своей свободѣ личность гражданина должна быть цѣлью всечеловѣческаго прогресса и усовершенствованія. Но развитіе свободной личности гражданина должно итти черезъ осуществленіе не достигнутыхъ еще соціальныхъ предначертаній. И тутъ „Русское Богатство“ своей идейной работой закладывало основанія не только политическаго народовластія, но и идущихъ глубоко въ народную толщу соціальныхъ преобразованій.

И вотъ и до нынѣ „Русское Богатство“, этотъ славный культурный очагъ исторической преемственности съ прошлымъ освободительной эпохи 60-хъ годовъ, стоитъ непоколебимо передъ русскою общественностью. Четверть вѣка его труда развертываетъ передъ нами широкій и озаренный свѣтомъ будущаго кругозоръ могучаго творчества въ поискахъ народнаго счастія...

Въ переживаемые теперь дни великихъ мукъ и страданій родины и свободы пытливая мысль обращена на прошлое „Русскаго Богатства“.

Это прошлое было полно борьбы, тревогъ и опасностей. И среди нихъ „Русское Богатство“ сохранило врученные ему завѣты прошлаго, зовущіе насъ къ дѣйственному и культурному труду за соціальныя и политическія блага будущаго.

---

[1] По обширности матеріала, заключеннаго въ привѣтствіяхъ, мы имѣемъ возможность лишь съ извлеченіяхъ познакомить съ ними читателей. ъ

За это прошлое и передъ лицомъ этого будущаго Петроградская Городская Дума приноситъ свое привѣтствіе и низкій поклонъ „Русскому Богатству" и его общественнымъ работникамъ, нынѣ творящимъ и въ прошломъ творившимъ свое славное культурное дѣло просвѣщенія и идейной борьбы".

3. Центральный Комитетъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. (В. В. Лункевичъ):

..."Русское Богатство" того направленія, котораго оно держалось въ теченіи 25 лѣтъ, основано славною плеядой „коренныхъ русскихъ литераторовъ", продолжавшихъ великія исканія и традиціи „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ". Въ центрѣ этой плеяды, какъ вождь и знаменосецъ, долгіе годы стоялъ Н. К. Михайловскій—одинъ изъ осново-положниковъ и первоучителей русскаго соціализма.

Этимъ для насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, все сказано, все предопредѣлено: и наше отношеніе къ журналу, стоявшему на стражѣ дорогихъ намъ идей, и наше глубокое уваженіе къ нынѣшнимъ руководителямъ его, и наше участіе въ сегодняшнемъ торжествѣ.

Заслуги „Русскаго Богатства" передъ русской общественностью и передъ русскимъ народомъ неисчислимы: въ годы реакціи оно было едва ли не единственнымъ пристанищемъ честной и смѣлой мысли, неущербленной велѣніями разнузданнаго, дикаго произвола; въ годы подъема общественныхъ настроеній оно являлось свѣточемъ, указующимъ намъ путь въ царство двуединой правды"...

4. Петроградская група Соціалистовъ-Революціонеровъ-оборонцевъ. (И. И. Майновъ):

..."Внутреннее стремленіе личности къ общему благу, потребность общеполезнаго труда, какъ высшаго проявленія самой личности и таящихся въ ней силъ, наконецъ,—способность къ самоограниченію и къ вольному подчиненію общимъ цѣлямъ,—вотъ тѣ духовныя качества, при отсутствіи которыхъ въ гражданахъ никакими „декретами", никакими „національзаціями" не создать на землѣ царства Правды. Эта истина, всю глубину которой всѣ мы такъ остро ощущаемъ именно теперь, эта истина, многими забывавшаяся, многими предававшаяся высмѣиванію, „Русскимъ Богатствомъ" никогда не замалчивалась, и Ваша проповѣдь всегда сохраняла тотъ чистый характеръ, который, быть можетъ, лишалъ Ваши идеи возможности быстраго распространенія и шумнаго успѣха, но зато обезпечилъ журналу уваженіе всѣхъ искреннихъ и убѣжденныхъ соціалистовъ.

И еще одна черта Вашей дѣятельности побуждаетъ насъ именно отъ Васъ ожидать трезваго слова, которое не должно заглохнуть среди озлобленныхъ воплей и безсильныхъ стоновъ, раздающихся отовсюду въ облегающемъ насъ мракѣ. Вѣрные своимъ идеаламъ, Вы никогда не были ни доктринерами, ни мечтателями. Жизнь со

всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея теченій Вы не надѣялись направить цѣликомъ по геометрически правильному каналу, вычерченному кѣмъ-то разъ навсегда, безъ права для будущихъ поколѣній сообразоваться съ природой и съ нуждами страны, хотя-бы при потопѣ. Въ чаяніяхъ будущаго Вы не забывали задачъ дня и изъ любви къ человѣчеству не становились равнодушными или даже враждебными къ родинѣ... Въ борьбѣ съ нравственнымъ развапомъ мысли, въ борьбѣ за возстановленіе поруганныхъ и безумно расточаемыхъ высшихъ цѣнностей, „Русскому Богатству", несомнѣнно, предстоитъ трудъ тяжкій и упорный, въ которомъ редакція не сложитъ рукъ и не опуститъ знамени, какъ и въ истекшую четверть вѣка его плодотворнаго служенія народу.

Мы привѣтствуемъ лучшій народническій журналъ и вѣримъ, что въ работѣ для будущаго онъ проявитъ ту же стойкость и ту же трезвость мысли, какія создали его славу въ прошломъ".

5. Центральный Комитетъ Трудовой Народно-Соціалистической партіи (Л. М. Брамсонъ).

6. Исполнительный Комитетъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.

7. **Центральный комитетъ Партіи Народной Свободы.** (Академикъ С. Ф. Ольденбургъ):

„Народники", такъ звались тѣ, кто вели журналъ, двадцатипятилѣтіе котораго мы сегодня привѣтствуемъ. Мучительно для нихъ, можетъ быть, больше, чѣмъ для кого либо, настоящее лихолѣтіе, ибо народъ, которому они отдавали свои силы, въ который вѣрили такъ горячо, далъ и даетъ поводъ къ тягчайшимъ, ужаснѣйшимъ думамъ. Гдѣ онъ тотъ народъ, о которомъ сказано было столько хорошихъ, столько восторженныхъ словъ? Все затуманилось, кровавымъ покровомъ покрыто лицо народное, будущее темно...

Но не даромъ основатели „Русскаго Богатства" такъ назвали его—они вѣрили въ духовное богатство своего народа, и не теряютъ, мы увѣрены въ этомъ, своей вѣры даже и теперь. Стоитъ только вдуматься въ то, что происходитъ, чтобы понять, что на кровавой нивѣ войны и посѣвы всходятъ кровавые. Стоитъ вспомнить долголѣтнюю борьбу съ старою властью изъ за народной школы, чтобы понять, что изъ тьмы выходитъ тьма. Обо всемъ этомъ Вы можете прочесть столько краснорѣчивыхъ, правдивыхъ страницъ за эти двадцать пять лѣтъ жизни „Русскаго Богатства".

Во многомъ мы съ нимъ не соглашались, многое не одобряли, но мы всегда глубоко его уважали и цѣнили его любовь къ народу: вѣдь если за его руководителями въ особенности укрѣпилось названіе „народники", то въ сущности вся русская интеллигенція, безъ различія взглядовъ и партій, были народники, ибо работа ихъ была работою для народа.

И вотъ во имя этого народа, сейчасъ затуманеннаго и забыв-

шаго себя, мы привѣтствуемъ Васъ, какъ соратниковъ въ борьбѣ за будущую, настоящую свободу народную, за истинное русское богатство!“

8. Московскій Комитетъ Трудовой Народно-Соціалистической партіи.
9. Новгородская Группа Трудовой Народно-Соціалистической партіи.
10. Московская Фракція учащихся Трудовой Нар.-Соц. партіи.
11. Грузинскій Національный Комитетъ въ Петроградѣ. (Предсѣдатель А. Д. Коркія).
12. Московскій Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ:

...„Гоненія различныхъ правительствъ не остановили идейной работы журнала, вдохновленной нашими учителями Лавровымъ Михайловскимъ, Успенскимъ, Салтыковымъ. Отъ души желаемъ, вѣримъ, что и впредь, въ наступившемъ мракѣ, журналъ-просвѣтитель будетъ такъ-же смѣло и честно держать въ твердыхъ рукахъ знамя народничества, сослужившаго незабвенную службу для освбожденія нашей родины.

13. Сибирская группа членовъ Учредительнаго Собранія. (Т. Гамзагурди).
14. Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Петроградской Палаты. (М. В. Беренштамъ, Л. А. Базуновъ, А. С. Зарудный):

...„Присяжная Адвокатура, какъ служитель закона и права, какъ борецъ за права и свободу гражданъ, не могла не любить и иначе какъ съ глубокимъ уваженіемъ относиться къ тому журналу, который всѣ двадцать пять лѣтъ своего существованія неизмѣнно стоялъ на стражѣ правъ народа, со всей силой таланта своихъ руководителей и сотрудниковъ боролся съ произволомъ и беззаконіемъ, царившими на Руси.

Вашъ журналъ никогда не шелъ на компромиссы. Ни цензура, ни судебныя и административныя репрессіи, ни даже угрозы закрытія журнала не могли заставить Васъ и Вашихъ предшественниковъ измѣнить себѣ, измѣнить своему дѣлу, писать не то, что Вы думаете, во что Вы вѣрите. Вы всегда говорили правду и только правду, хотя далеко не всегда могли говорить всю правду“.

15. Группа Политическихъ Защитниковъ. (А. А. Исаевъ, Э. Г. Гинзбергъ).
16. Совѣтъ Лиги Равноправія Женщинъ (З. Н. Журавская, О. В. Закута):

... „Русское Богатство“ разрабатывало проблемы демократіи не въ сухой, доктринерской отвлеченной постановкѣ. Оно всегда старалось брать жизненную, кровную сторону этихъ вопросовъ, и его вдумчивый подходъ, составляющій основной фонъ всего идейнаго

облика журнала, какъ идеальнаго синтеза правды-истины и правды-справедливости, не могутъ не быть особенно дороги женской интеллигенціи, стремящейся внести въ сокровищницу человѣческой культуры свое женское дополняющее слово, идущее изъ сердца человѣческаго. Голосъ этого сердца внятно звучалъ для насъ съ каждой страницы „Русскаго Богатства“—и въ тѣхъ чудныхъ художественныхъ произведеніяхъ Короленка, Мамина, Гарина, Якубовича, на которыхъ воспитывались послѣднія поколѣнія, — и въ блестящихъ статьяхъ истиннаго гуманиста нашей эпохи — Н. К. Михайловскаго, и въ художественныхъ обличеніяхъ Короленка, и въ поражающихъ своей идейной выдержанностью статьяхъ Мякотина, Пѣшехонова и другихъ членовъ редакціоннаго ядра журнала. Великое спасибо должна сказать русская женщина этой редакціи—спасибо за ту духовную поддержку, которую она всегда находила въ „Русскомъ Богатствѣ“ всякій разъ, когда ее волновали и терзали бѣдствія родины и тѣ бѣды, которыя на особицу выпадали на ея „долюшку женскую“...

17. Союзъ Петроградскихъ Врачей.
18. Фракція Соціалистовъ-Революціонеровъ въ Учредительномъ Собраніи.
19. Родительскій Комитетъ при Витебской Алексѣевской Мужской Гимназіи. (Предсѣдатель А. Стрѣльниковъ).
20. Центральный Комитетъ Организаціи дорожныхъ работъ 2-й Арміи. (Предсѣдатель Олейниковъ).
21. Клубъ Соціалъ-Демократовъ меньшевиковъ-оборонцевъ „Рабочее Знамя“.
22. Рабочій клубъ „Новая Заря“.

Къ привѣтствіямъ отъ политическихъ группъ и учрежденій естественно присоединяются привѣтствія отъ политическихъ дѣятелей, большинство коихъ ко дню чествованія журнала, находилось въ заключеніи. Съ такими привѣтствіями обратились къ журналу:

23. Старые шлиссельбуржцы: Н. А. Морозовъ, В. Н. Фигнеръ, Г. А. Лопатинъ. І. Д. Лукашевичъ, М. В. Новодворскій.
24. Заключенные въ Петропавловской крѣпости члены Временнаго Правительства: М. И. Терещенко, Н. Н. Кишкинъ, П. І. Пальчинскій и П. М. Рутенбергъ.
25. Заключенные тамъ-же члены Учредительнаго Собранія: Н. Д. Авксентьевъ и А. А. Аргуновъ.
26. Заключенный тамъ-же членъ Учредительнаго Собранія Питиримъ Сорокинъ.
27. Заключенный тамъ-же членъ Учредительнаго Собранія А И. Гуковскій.
28. Группа политическихъ заключенныхъ въ

„Крестахъ“: В. Лейбнеръ, С. Рубинштейнъ, Конст. Бордоносъ и др.).

29. Группа членовъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и партіи Народной Свободы, заключенныхъ въ камерѣ № 19 Псковской каторжной тюрьмы (Ѳ. Эрнъ, Г. Бѣлинькій, М. Бѣлинькій, В. Мирошниченко Ив. Лавровъ, Петръ Вартминскій и др.)

30. Заключенные въ шестой камерѣ Пересыльной тюрьмы въ Петроградѣ (Д. Заславскій, С. Кливанскій Е. Сталинскій):

...„Для русской демократіи „Русское Богатство“ было школой соціалистической культуры, честной демократической мысли, и изъ этой школы интеллигенція русская вынесла способность борьбы за свободу Россіи, не преклоняясь предъ грубой силой и не льстя стихійнымъ настроеніямъ.

Намъ тѣмъ пріятнѣе поздравить редакцію „Русскаго Богатства“ съ ея праздникомъ, что въ средѣ нашей, въ шестой камерѣ, находится Е. А. Сталинскій, сотрудникъ Вашего журнала“.

31. Ираклій Церетели—б. членъ Временнаго Правительства.

II. Литературныя, художественныя, научныя и просвѣтительныя организаціи и учрежденія.

32. Литературный Фондъ (С. А. Венгеровъ, Н. И. Карѣевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ):

„Въ дни народолюбія ложнаго отрадно отмѣтить народничество подлинное. Въ дни соціализма фальсифицированнаго важно напомнить о соціализмѣ настоящемъ. Въ дни демагогіи безстыдной особенно цѣненъ демократизмъ никому не угождающій и сильный только внутренней правдой. Въ этомъ признаніи подлинности лозунговъ „Русскаго Богатства“ общій смыслъ сегодняшняго чествованія, въ этомъ источникъ всеобщаго уваженія, которымъ пользуется журналъ, въ этомъ залогъ того, что „Русскому Богатству“ обезпечена славная страница въ исторіи русской журналистики.

Комитету Литературнаго Фонда радостно отмѣтить, что въ лицѣ главныхъ своихъ руководителей „Русское Богатство“ всегда тѣснѣйшимъ образомъ примыкало къ Фонду. Безсмѣнно, въ теченіи цѣлой четверти вѣка, только съ требуемымъ уставомъ годичнымъ перерывомъ былъ членомъ Комитета Н. К. Михайловскій, нѣсколько разъ входившій и въ составъ бюро, въ качествѣ секретаря, товарища предсѣдателя и предсѣдателя. Смерть застигла Николая Константиновича черезъ полчаса послѣ возвращенія изъ засѣданія Комитета Литературнаго Фонда.

Длинный рядъ лѣтъ былъ казначеемъ Литературнаго Фонда Н. Ф. Анненскій. Секретарями Фонда были: В. В. Лесевичъ и К. М. Станюковичъ. Какъ только П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ получилъ возможность осѣсть въ Петербургѣ, онъ вошелъ въ составъ Комитета. Изъ здравствующихъ членовъ редакціи въ годы своего

пребыванія въ Петербургѣ нѣсколько трехлѣтій былъ дѣятельнымъ членомъ Комитета В. Г. Короленко и смѣняя другъ друга затѣмъ входили и входятъ въ Комитетъ С. Я. Елпатьевскій, Ф. Д. Крюковъ, Н. С. Русановъ, А. М. Рѣдько. Второе трехлѣтіе состоитъ казначеемъ А. В. Пѣшехоновъ, который не сложилъ своей хлопотливой обязанности даже въ тотъ періодъ жизни своей, когда всѣ его силы были посвящены сложнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни.

Примите-же, дорогіе товарищи, нашу глубокую благодарность за любовное отношеніе къ дѣлу Фонда. Примите и нашъ привѣтъ, какъ читателей и почитателей „Русскаго Богатства"...

83. Союзъ Русскихъ Писателей (С. А. Венгеровъ, М. В. Ватсонъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Л. Я. Гуревичъ, Д. В. Философовъ, П. Я. Рыссъ и др.):

... „Союзъ русскихъ писателей" съ особенною горячностью привѣтствуетъ дѣятелей „Русскаго Богатства", въ день ихъ юбилейнаго чествованія, какъ неизмѣнно-вѣрныхъ себѣ, стойкихъ и мужественныхъ борцовъ за идеалы истинной свободы и счастья народа. Пока между нами имѣются такіе борцы, непоколебимые и безпощадно-честные въ своей общественной мысли, безпощадно-правдивые въ своемъ обличеніи общественной неправды,—лучшее будущее не закрыто для насъ, надежда на возрожденіе нашей страны не утрачена.

Какъ-бы высоко ни вздымались волны страстей, разжигаемыхъ словами безоглядной демагогіи, какой-бы характеръ ни пріобрѣтало движеніе народной массы, не умѣющей отличить испытанныхъ друзей своихъ отъ опасныхъ соблазнителей, мы вѣримъ: работа такихъ дѣятелей русской печати, такихъ воспитателей общественной совѣсти и общественнаго сознанія, какими являются дѣятели „Русскаго Богатства", не пропадетъ даромъ и принесетъ еще обильные плоды. Милліоны темныхъ людей, рвущихся къ немедленному удовлетворенію своихъ плохо осознанныхъ человѣческихъ потребностей и попирающихъ высшіе интересы народа, постепенно отрезвятся; разсѣются, какъ хмѣльной угаръ, обманные лозунги лжеучителей и демагоговъ. Но слова мужественныя и свободныя, внушенныя стремленіемъ къ правдѣ, будутъ жить и находить свой откликъ повсюду, гдѣ брезжитъ свѣтъ человѣческаго разумѣнія и тоскуетъ о лучшей долѣ человѣческое сердце. И громче прежняго, явственнѣе для всѣхъ, прошедшихъ горькіе уроки исторической жизни, будутъ звучать призывы къ истинной свободѣ, къ истинному счастью народа.

Исторія русской общественной мысли, русской литературы и журналистики никогда не забудетъ славныхъ и благородныхъ именъ создателей и руководителей „Русскаго Богатства", и никогда не погаснутъ для нея образы Михайловскаго, Якубовича, Анненскаго, Короленко и другихъ работниковъ журнала. Да найдутъ же въ

себѣ силы тѣ изъ нихъ, кому суждено было дожить до нашего времени, пережить его съ вѣрою въ конечное торжество честной мысли и правдиваго, въ своей правотѣ суроваго писательскаго слова. И да будетъ „Русское Богатство" и впредь хранителемъ традицій русской литературы и писательской этики, традицій, ревниво оберегаемыхъ дѣятелями журнала въ теченіи всѣхъ двадцати пяти лѣтъ его существованія".

34. Вольное Экономическое Общество (В. И. Чарнолусскій, Б. Б. Веселовскій, Д. И. Рихтеръ):

..."Вольное Экономическое Общество за свое болѣе чѣмъ полуторастолѣтнее существованіе стремилось къ осуществленію блага народнаго. При этомъ оно всегда сознавало, что благо русскаго народа осуществимо только при условіи развитія въ немъ умственныхъ силъ, сознанія общественнаго долга и уваженія къ труду и благамъ культуры. Подобныя-же задачи преслѣдовало и „Русское Богатство" за послѣдніе 25 лѣтъ своего существованія, когда во главѣ журнала стояли такіе корифеи русской мысли, литературы и общественности, какъ покойные Н. К. Михайловскій, Н. Ф. Анненскій, С. Н. Южаковъ, В. И. Семевскій, П. Ф. Якубовичъ и, къ счастью для нашей родины, здравствующіе понынѣ В. Г. Короленко, В. А. Мякотинъ, А. В. Пѣшехоновъ и др.

Вольное Экономическое Общество, оглядываясь на послѣднюю четверть вѣка, испытываетъ чувство большого удовлетворенія, что въ рядахъ своихъ дѣятелей оно видѣло и многихъ руководителей „Русскаго Богатства", работавшихъ рука объ руку съ Обществомъ.

Вольное Экономическое Общество горячо привѣтствуетъ „Русское Богатство" по поводу его четверть-вѣковой дѣятельности и не можетъ не пожелать журналу, чтобы онъ и впредь съ такою же стойкостью и такимъ же успѣхомъ, какъ и до настоящаго времени, шелъ тѣмъ же путемъ—славнымъ путемъ служенія дорогой нашей родинѣ, такъ нуждающейся въ свѣтѣ знанія".

35. Книжная палата. (С. А. Венгеровъ, Л. К. Ильинскій).

..."Журналъ былъ дѣйствительно общественной совѣстью,—совѣстью, передъ голосомъ которой преклонялись, къ нему прислушивались.

Въ этомъ было спасеніе многихъ неустойчивыхъ душъ. Въ этомъ былъ тотъ высокій пьедесталъ авторитета, на которомъ стоялъ журналъ.

Авторитетъ журнала и создался на его моральной стойкости. Я не ошибусь, если скажу, что эта черта—цѣнная сильная сторона старыхъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей, яркимъ образомъ которыхъ былъ Герценъ.

Въ этомъ разгадка популярности и вліянія журнала. Онъ былъ воспитателемъ русскихъ людей, ибо онъ былъ хранителемъ русскихъ завѣтовъ."

36. Русское Театральное Общество. (П. П. Гайдебуровъ, А. А. Желябужскій, А. С. Ермаковъ и др.).

...„Русское Богатство" имѣетъ совершенно исключительныя заслуги передъ русской культурой и общественностью, являясь неизмѣнно хранителемъ ихъ лучшихъ традицій. „Русское Богатство"— представляетъ своего рода символъ преемственности прогрессивныхъ идей, символъ вѣрности знамени, которое въ дни самыхъ тяжкихъ битвъ ни разу не было вырвано изъ крѣпкихъ рукъ его державшихъ, что въ особенности оцѣнивается въ наше тяжелое время обширными кругами нашей интеллигенціи. Это знамя пронесено черезъ четверть вѣка неустанной борьбы за лучшіе идеалы человѣчества съ тѣмъ же девизомъ, какой на немъ былъ начертанъ 25 лѣтъ назадъ: служеніе народу только чистыми средствами, правда и справедливость".

37. Петроградскій Технологическій Институтъ (Директоръ Л. П. Шишко).
38. Петроградскій Горный Институтъ (Проф. В. И. Бауманъ).
39. Университетъ имени В. И. Лутугина.
40. Константиновская Магнитная и Метеорологическая Обсерваторія (Предсѣдатель Научнаго Собранія М. А. Аганинъ).
41. Психо-Неврологическій Институтъ (Академикъ В. М. Бехтеревъ).
42. Высшіе Женскіе Курсы (Проф. Н. И. Карѣевъ).
43. Комитетъ доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ (Е. П. Султанова, О. К. Нечаева).
44. Художественный Совѣтъ Петроградской Консерваторіи (Директоръ А. К. Глазуновъ).
45. Драматическая труппа Государственныхъ Театровъ („Александринскій театръ").
46. Передвижной и Общедоступный Театръ (П. П. Гайдебуровъ, И. Ѳ. Скарская и др.).
47. Союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей (И. Н. Потапенко, К. С. Баранцевичъ, Л. Н. Урванцовъ, В. И. Бентовинъ, В. А. Азовъ и др.).
48. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ (Проф. А. И. Ивановъ).
49. Харьковское Общество Дѣятелей періодической печати и литературы (В. И. Фаусекъ).
50. Общество петроградскихъ журналистовъ (Л. М. Немановъ).
51. Всероссійскій Учительскій Союзъ (С. А. Золотаревъ).
52. Всероссійскій Союзъ Печатниковъ (Н. В. Камермахеръ).
53. Редакціонный Совѣтъ Скобелевскаго Просвѣтитель-

наго Комитета (В. Моргенштіерна Д. Марьяновъ и др.)
54. Товарищество Издательскаго Дѣла „Задруга"
55. Библіотека Петроградскаго Общества Народныхъ Университетовъ (Р. Н. Македонова, Е. Н. Нелидова, М. Н. Галина и др.).
56. Нарвская Безплатная Народная Библіотека-Читальня (Н. Золотавинъ, А. Надпорожская).
57. Торгово-Промышленный Институтъ, учрежденный М. В. Побѣдинскимъ.
58. Служащіе книжнаго магазина „Учитель".
59. Безплатная Русская Библіотека и Читальня (Russian Free Library and Reading Room). въ Лондонѣ (А. Л. Тепловъ).
60. Общество Потребителей „Единеніе".

III. Газеты и журналы.

61. „Русскія Вѣдомости". (А. А. Мануиловъ, В. А. Розенбергъ, И. Н. Игнатовъ, Н. Сперанскій, Н. Губскій, А. Н. Максимовъ, Е. Синегубъ, Б. Плетневъ, Н. И. Іорданскій, Л. Львовъ, Л. Юровскій, Г. Альбатъ, Н. Эфросъ, А. Дикгофъ-Деренталь, С. Сперанскій, А. Эфросъ-Россцій, Л. Литошенко, К. В. Аркадакскій, М. Нестеровъ, Н. Панкратовъ, І. Равиковичъ):

...„Среди привѣтствующихъ сегодня „Русское Богатство" много старыхъ друзей журнала. Но врядъ-ли и среди нихъ многіе могутъ сказать о себѣ, что они ѣли кашу на крестинахъ юбиляра. „Русскія Вѣдомости" это сказать могутъ. Въ концѣ октября 1892-го года Михайловскій писалъ Соболевскому:

„Милый другъ, приближается 1-е ноября, т. е. день твоего совершенно для меня неожиданнаго отъѣзда заграницу, и я ясно вижу. что ничего не успѣю вамъ прислать къ этому сроку. Не знаю, принесутъ ли ноябрьскія книжки журналовъ что нибудь для меня подходящее, но я очень боюсь, что не съумѣю систематизировать свои „Случайныя замѣтки" въ томъ смыслѣ, какъ ты желалъ. Притомъ же на меня навалилась неожиданная работа: 1) Статья въ „Русской Мысли" по цензурнымъ соображеніямъ въ октябрѣ не пошла, а я уже довольно далеко продвинулъ продолженіе ея къ ноябрю. Теперь надо сочинять что нибудь другое, а что—хоть убей сейчасъ, не знаю. 2) Я имѣлъ слабость согласиться помочь „Русскому Богатству" выпустить ноябрьскую книжку (у нихъ не вышла еще октябрьская), вслѣдствіе чего заваленъ рукописями и корректурой. Общій выводъ тотъ, что мнѣ трудно, но всячески постараюсь, не стѣсняясь однако рамками журналистики.

Не грѣхъ бы тебѣ и черезъ Петербургъ проѣхать, не великъ крюкъ то.

Твой *Ник. Михайловскій.*"

Такъ извѣстилъ „Русскія Вѣдомости" о предстоящемъ появле-

нія на свѣтъ „Русскаго Богатства“ Михайловскаго самъ Михайловскій. И о первыхъ шагахъ журнала мы узнавали изъ того же источника: „Въ настоящую минуту я особенно занятъ по „Русскому Богатству“, такъ какъ Кривенко уѣхалъ, и я остаюсь при дѣлѣ, еще не налаженномъ и туго налаживающемся“. „Русское Богатство“ названіе нѣсколько юмористическое, и журналъ нашъ богатъ больше надеждами, чѣмъ деньгами“. „Я уже выпустилъ № 2 (на дняхъ выйдетъ 3-й)“. „Русское Богатство“ все еще не совсѣмъ налажено, требуетъ усиленной работы, ради которой я на все лѣто заперся на Кабинетской“. и т. д. и т. д.

Старые пожелтѣвшіе листки, съ которыхъ мы списываемъ эти слова, пережили того, кто въ одну изъ самыхъ мрачныхъ для русской печати эпохъ „имѣлъ слабость“ приняться за созиданіе „Русскаго Богатства“. Сегодня, привѣтствуя его друзей, соратниковъ и продолжателей его дѣла, не разъ вспомнятъ съ благодарностью о немъ. И мы, съ своей стороны, вмѣсто всякихъ иныхъ юбилейныхъ пожеланій, которыя сейчасъ просто съ языка не сходятъ, крѣпко жмемъ руку нынѣшнимъ руководителямъ „Русскаго Богатства“ и искренно желаемъ имъ сохранить въ наши ужасные дни „слабость“ къ журнальному дѣлу, *слабость Михайловскаго,* т. е. бодрость, энергію и вѣру“.

62 „**В ѣ с т н и к ъ Е в р о п ы**“ (Н. А. Котляревскій):

„...Мы не станемъ утомлять Васъ исчисленіемъ Вашихъ заслугъ передъ родиной въ ея борьбѣ за просвѣщеніе, за политическую свободу и за соціальную правду-справедливость. Заслуги эти такъ-же ярки и памятны, какъ незабвенны и ярки имена многихъ Вашихъ сотрудниковъ, покойныхъ и живыхъ.

Не о работѣ въ прошломъ хочется говорить теперь.

Прошлое ушлое безвозвратно и мы о немъ почти забыли; настоящее придавило всѣхъ насъ и мы хотѣли-бы забыть о немъ; и если мы думаемъ о какомъ нибудь трудѣ на благо родины, то онъ рисуется намъ какъ ожидающій насъ грядущій подвигъ.

Но всякая надежда всегда опирается на воспоминаніе и черпаетъ въ немъ силы для своего осуществленія. И тѣ двадцать пять лѣтъ, которые протекли для „Русскаго Богатства“—вѣрный залогъ грядущаго, большого, плодотворнаго его труда. Чѣмъ „Русское Богатство“ было такъ сильно и что давало ему такую власть надъ большимъ кругомъ читателей?

Главная его сила заключалась въ его любви къ народу, въ оборонѣ права народа на лучшую жизнь, матеріальную и духовную Такая оборона требовала въ прошломъ большого подвига. Но не малъ и тотъ подвигъ, который предстоитъ теперь, когда народъ сталъ самъ вершителемъ своей судьбы. Надо помочь ему—сильному—сохранить за собой ту любовь, которой онъ пользовался, когда былъ слабымъ. А помочь ему въ такой борьбѣ съ самимъ собою—труднѣе чѣмъ оборонять его отъ врага внѣшняго.

Любя, „Русское Богатство" умѣло и ненавидѣть и за актомъ любви всегда слѣдовалъ ударъ—мѣткій и вѣскій ударъ по самомнѣнію и злой волѣ тѣхъ, кто народомъ правилъ.

Ихъ нѣтъ теперь, этихъ старыхъ правителей, но злая воля и самомнѣніе остались. И борьба съ этими темными силами духа, прежде сосредоточенными, легко находимыми и уязвимыми, а теперь распыленными въ массахъ—потребуетъ новаго и большаго подвига, чѣмъ прежній.

Вы, конечно, пойдете на этотъ подвигъ. Вы къ нему подготовлены лучше, чѣмъ кто либо...

И всѣ кому дорога родина, великая, достойная свободы родина могутъ сегодня сказать Вамъ отъ благодарнаго сердца:

„Спасибо за прошлое и успѣха въ тяжеломъ грядущемъ трудѣ!".

63. „Народное Слово" (В. Я. Яроцкій):

Служеніе народу въ цѣляхъ освобожденія его отъ всѣхъ путъ политическихъ и соціальныхъ, путемъ пріобщенія его къ лучшимъ проявленіямъ европейской культуры и путемъ развитія въ немъ его самодѣятельности,—вотъ та идейная основа, на которой строилось и строится все содержаніе книжекъ „Русскаго Богатства".

И идеи его остаются для насъ и до сихъ поръ завѣтами. Сейчасъ ихъ необходимо не только проповѣдывать съ усиленной настойчивостью, но и старательно оберегать и очищать отъ искаженій и фальсификацій, которымъ онѣ подвергаются въ устахъ злостныхъ демагоговъ, справляющихъ свой бѣсовскій шабашъ передъ лицомъ поруганной, окровавленной и раздираемой родины.

Страшное время. Многіе изъ тѣхъ, что казались друзьями родины, оказались ея самыми безпощадными предателями. И какъ было бы жутко въ такіе дни не имѣть сильнаго, стойкаго, на дѣлѣ доказавшаго свою вѣрность родинѣ и свою идейную чистоту учителя и друга—„Русскаго Богатства". Вѣримъ мы, что великіе завѣты, которые хранитъ журналъ, восторжествуютъ и надъ нынѣшней тьмой, какъ они восторжествовали надъ тьмою абсолютизма, и не сомнѣваемся, что и въ предстоящей борьбѣ роль „Русскаго Богатства" будетъ столь же крупной и яркой, какой она была во все время четверть-вѣкового существованія его.

Да здравствуетъ же на долгіе годы редакціонная коллегія „Русскаго Богатства" и да увидитъ она осуществленіе своихъ великихъ идеаловъ на благо нашей изстрадавшейся родинѣ".

64. „Природа".

65. „Сѣверныя Записки" (Я. Л. Сакеръ).

66. „Власть Народа" (Э. Гуревичъ).

67. „Воля Народа".

68. „Раннее Утро".

69. „Рѣчь" (М. И. Ганфманъ, Д. В. Философовъ):

...„Въ нынѣшніе тяжелые дни, когда русская интеллигенція по-

вергается жестокимъ гоненіямъ, когда всѣ завѣты ея, всѣ моральныя цѣнности, которыя она защищала, попираются людьми, находившимися нѣкогда въ рядахъ интеллигенціи, въ такое время „Русское Богатство" является своего рода символомъ преемственности прогрессивныхъ идей, символомъ вѣрности старому знамени. Для насъ это—не партійный флагъ, а стягъ русской интеллигенціи, стягъ, на которомъ написано: служеніе народу только чистыми средствами, правда-справедливость и правда-истина.

Не всегда мы были согласны съ общественными и политическими идеями, которыя защищалъ почтенный юбиляръ. Борьба заставала насъ и въ разныхъ лагеряхъ, ставила насъ въ положеніе идейныхъ противниковъ. Но и въ борьбѣ мы всегда чувствовали широкій, объединяющій русскую общественность кругъ идей, который мы всѣ цѣнимъ, какъ драгоцѣнное достояніе, переданное намъ многими поколѣніями русской интеллигенціи. „Русское Богатство" всегда было авторитетной школой литературныхъ нравовъ, поддерживавшей честь и достоинство печатнаго слова.. Теперь, когда это цѣнное достояніе въ опасности, болѣе, чѣмъ когда либо, русская интеллигенція должна сознать свое единство, почувствовать общіе корни, изъ которыхъ выросли отдѣльныя ея вѣтви.

Отъ имени редакціи газеты „Рѣчь" горячо привѣтствуемъ „Русское Богатство", которое въ теченіи четверти вѣка мужественно пребывало на славномъ посту, прошлое котораго связано съ незабвеннымъ именемъ Михайловскаго, а настоящее—озарено благороднымъ руководительствомъ Владиміра Галактіоновича Короленко.

Мы твердо вѣримъ, что грядущая русская демократія востановитъ порвавшуюся связь между интеллигенціей и народомъ, и „Русское Богатство" займетъ заслуженное имъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и общественности"...

70. „Современное Слово".

71. „Право":

„...Въ минуты смертельной тревоги за судьбу русскаго народа—въ опустошенной душѣ осталось одно: вѣра въ великій народъ. Народъ создалъ великое государство, народъ возсоздастъ его. Хочется вѣрить, что поможетъ въ этомъ народу интеллигенція, благороднымъ учителемъ которой на протяженіи четверти вѣка было „Русское Богатство".

72. „Русскій Историческій журналъ (проф. М. А. Дьяконовъ).

73. „Вечернее Слово".

74. „Набатъ" (въ Рязани).

75. „День" (А. Н. Потресовъ):

„Четверть вѣка тому назадъ мы, молодое поколѣніе 90-хъ годовъ, вступили въ жизнь подъ знакомъ борьбы марксизма съ

народничествомъ и четверть вѣка назадъ народничество мобилизовало свои силы противъ вреднаго повѣтрія и осталось въ цитадели „Русскаго Богатства" противъ новыхъ пришельцевъ въ литературу.

А сейчасъ, по прошествіи этой четверти вѣка, мы, представители того поколѣнія марксистовъ-девятидесятниковъ, выступаемъ на чествованіи „Русскаго Богатства" съ горячимъ привѣтствіемъ; мы, раздѣленные групповыми перегородками съ дѣятелями „Русскаго Богатства", не раздѣлены тѣмъ не менѣе другъ отъ друга въ своихъ мысляхъ и чувствахъ непроходимой стѣной. Болѣе того: наши сердца—въ критическіе дни революціи, въ моментъ, когда судьба Россіи поставлена на карту, и на страну надвинулось великое бѣдствіе, бьются другъ съ другомъ въ унисонъ и мы идемъ рука объ руку вмѣстѣ по цѣлому ряду самыхъ существенныхъ, самыхъ больныхъ вопросовъ нашей общественности.

Что же? Была ли эта старая распря какимъ-то недоразумѣніемъ? Капитулировалъ ли кто либо изъ насъ передъ своимъ прежнимъ противникомъ? Нѣтъ. Нисколько.

Оба антагонистическихъ лагеря остались на своихъ старыхъ позиціяхъ, но жизнь научила этихъ антагонистовъ тому, что, несмотря на всю глубину ихъ раздѣляющихъ разногласій, ихъ спаиваетъ вмѣстѣ что то большее, что присуще и тѣмъ, и другимъ, что для тѣхъ и другихъ является равно великою цѣнностью святого-святыхъ ихъ разномыслящаго, все же глубоко однороднаго существа.

Мы—старые марксисты—научились теперь горькимъ опытомъ цѣнить въ „Русскомъ Богатствѣ" преемственность нашей интеллигентской демократической культуры.

Для насъ, чѣмъ больше за послѣднее десятилѣтіе выявлялось варварство русской общественности, глубоко проникшее въ толщу и народныхъ низовъ, и всего будто бы цивилизованнаго общества, тѣмъ рѣзче насъ ударяла по сознанію въ годъ революціи вся чудовищность вандализма нашего истинно русскаго большевистскаго лже-марксизма, тѣмъ яснѣе становилась для насъ такая же необходимость держаться за накопленный культурный капиталъ русской интеллигенціи, какъ когда-то необходимость заставила покойнаго руководителя „Русск. Богатства" Николая Константиновича Михайловскаго ощутить потребность уцѣпиться за „бюстъ Бѣлинскаго."

Помните его знаменательныя, по-истинѣ историческія слова: „Если въ мою комнату вломится жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни. Я буду драться"...

Для насъ „Русское Богатство" сейчасъ есть символъ вотъ этого культа Бѣлинскаго и съ нимъ связанныхъ цѣнностей, которыхъ безсильна коснуться рука дерзновеннаго времени, которыя непреходяще-вѣчны и являются нашей святыней.

Для насъ дорого то, что не сгибаетъ колѣни передъ „людьми деревни“ или города, ни передъ какими кумирами дня и бережно, несмотря ни на что, проноситъ черезъ всѣ перипетіи русскаго катастрофическаго развитія тѣ идеи правды и справедливости, которыя откристаллизовались въ процессѣ многострадальнаго роста русскаго демократическаго и соціальнаго сознанія.

Кто бы ни напалъ на мой „бюстъ Бѣлинскаго“, я буду драться.

Этотъ завѣтъ Михайловскаго свято выполняется „Русскимъ Богатствомъ“. Оно слилось—органически слилось съ этимъ незабвеннымъ завѣтомъ своего замѣчательнаго учителя, и мимо него поэтому безсильно проходитъ и идолопоклонство лже-марксизма большевиковъ, и идолопоклонство столь многихъ изъ нынѣшнихъ народниковъ.

И за это честь и слава „Русскому Богатству“!

За это ему нашъ горячій привѣтъ, наше признаніе его культурно-исторической роли въ нашей общественности.

Мы—его старые идейные противники воздаемъ ему должное“.

77. „Рабочая мысль“. Доставившій привѣтствіе отъ меньшевистскаго журнала И. Д. Кубиковъ-Дементьевъ сказалъ въ своей рѣчи:

„Сегодня, въ день юбилея „Русскаго Богатства“ мнѣ хочется говорить не о томъ, что раздѣляетъ насъ, марксистовъ, отъ народниковъ, а о томъ, что объединяетъ насъ въ этотъ важный историческій моментъ нашей жизни.

И здѣсь мы должны сказать, что, помимо разногласій партійнаго и програмнаго характера, интеллигенція дѣлится на два лагеря по совершенно другому признаку. Дѣленіе по этому другому признаку присуще не только намъ, но оно проходитъ черезъ всю исторію революціоннаго движенія и Западной Европы. Одна часть интеллигенціи разсматриваетъ трудящіяся массы, какъ объектъ для своихъ экспериментовъ, какъ орудіе своихъ большихъ или малыхъ замысловъ. И гдѣ этотъ типъ интеллигенціи одерживаетъ верхъ, во имя догматики „избранныхъ“, тамъ насиліе и мракъ воцаряются въ полной мѣрѣ. Типомъ такого интеллигента можно считать Робеспьера, котораго Пушкинъ очень удачно назвалъ „сантиментальнымъ тигромъ“. И черезъ всю исторію западно-европейскаго движенія вы можете прослѣдить эту борьбу части интеллигенціи за свою партійную или даже личную диктатуру. Отъ этой отрицательной черты не былъ избавленъ даже Лассаль. Даже Лассаль, который принесъ такія услуги германскому рабочему движенію, не былъ избавленъ отъ духа якобинизма, отъ этого стремленія разсматривать массу, какъ орудіе своихъ великихъ замысловъ.

Другой типъ интеллигенціи — это типъ, обладающій даромъ чуткости по отношенію къ непосредственнымъ страданіямъ массъ. Для людей этого типа самая мысль использовать массы для ка-

кихъ-либо, пусть самыхъ прекрасныхъ по замыслу экспериментовъ, кажется невозможной и кощунственной. Эта интеллигенція обладаетъ тѣмъ даромъ, который А. Чеховъ такъ удачно назвалъ „талантомъ человѣческимъ"—способностью проникаться всей силою своей души переживаніями трудящихся массъ.

И въ настоящее время, вы видите, что водораздѣлъ прошелъ не столько по признакамъ прогрессивно-партійнымъ, сколько по признакамъ этого подхода къ трудящимся массамъ. Для однихъ масса—орудіе поставленныхъ цѣлей, для другихъ—массы должны сдѣлаться субъектами исторіи и творцами своего блага. На одной сторонѣ—большевики и лѣвые с.-р., на другой—всѣ противники торжества демагоговъ.

Старая русская революціонная интеллигенція оставила намъ свои традиціи, свою чуткость къ страданіямъ народныхъ массъ И въ этомъ смыслѣ, какъ среди народниковъ, такъ и среди марксистовъ, имѣются хранители этого отношенія къ народной массѣ,

И среди этихъ носителей завѣтовъ прошлаго, „Русское Богатство" было и осталось хранителемъ традиціи старой руской героической интеллигенціи".

78. „Трудъ". Газета Московскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ. (О. Миноръ, А Гельфготъ, Н. Ульяновъ).

79. „Рабочая газета". Органъ центральнаго комитета росс. соц.-дем. рабочей (объединенной) партіи (Ф. Данъ, Л. Мартовъ, Астровъ, А. Мартыновъ).

80. „Разсвѣтъ" (А. И. Идельсонъ):

...„Въ это тяжелое двадцатипятилѣтіе еврейская народническая интеллигенція всегда находила поддержку въ вашей борьбѣ за правду-истину и правду-справедливость. Идеи Лаврова и Михайловскаго, пріоритетъ идейнаго фактора въ исторіи, свобода развитія индивидуальной и національной личности—всегда находили живой откликъ у сіонистовъ, работавшихъ надъ возрожденіемъ своего народа по старому еврейскому принципу: „не оружіемъ, не силой, а духомъ".

Ваша мужественная борьба, стойкость убѣжденія и вѣрность культурнымъ завѣтамъ питали и нашу вѣру въ торжество справедливости на Руси, въ свѣтлое будущее русской интеллигенціи Мы твердо вѣримъ и теперь, что идеи свободы и справедливости скоро свергнутъ гнетъ и насиліе, и дадутъ интеллигенціи широкій просторъ для приложенія тѣхъ культурныхъ богатствъ, которыя вы самоотверженно собираете и охраняете уже въ теченіи четверти вѣка.

Еврейская интеллигенція всегда будетъ съ благодарностью вспоминать все сдѣланное писателями „Русскаго Богатства" въ защиту гонимаго еврейскаго народа".

81. „Еврейская Недѣля".

82. „Вольная Сибирь".

83. „Вѣстникъ Коопераціи".
84. „Петроградское Эхо" (И. Василевскій).
85. „Коммерческая Школа и Жизнь".
86. „Красное Знамя" (А. В. Амфитеатровъ):

„...Очагъ вашъ сейчасъ почти одинокъ. Не сосчитать „Огней" погибшихъ, задохнувшись подъ гасильниками стараго царизма сверху. А гасильники новаго царизма снизу, кажется, задались цѣлью превзойти своихъ достойныхъ предшественниковъ. Но одиночество „Русскаго Богатства"—завидное: оно изъ тѣхъ, которыя рождаютъ силу непобѣдимую: силу Штокмановъ и Галилеевъ. „Русское Богатство" сейчасъ какъ бы сборный фокусъ лучшихъ симпатій, завѣтныхъ идей и святѣйшихъ надеждъ русскаго интеллигента, который хочетъ любить народъ свой и тоскуетъ по немъ. Великій памятникъ таланта, труда и неусыпной любви эти триста книжекъ журнала, двадцать четыре года шагавшаго босыми ногами по колючимъ терніямъ, чтобы на двадцать пятомъ году продолжать путь по раскаленнымъ углямъ. Но, зато, велика и любовь, имъ завоеванная. И хочется вѣрить, что сила любви этой надолго сохранитъ намъ драгоцѣнный журналъ-свѣточъ, и все ярче, и смѣлѣе будутъ горѣть его могучіе „Огни", а отъ нихъ,—авось, не вовсе же оскудѣла Русь!—загорятся вновь и другіе".

IV. Писатели:

К. К. Арсеньевъ:

„Вспоминая славное прошлое журнала, желаю ему долгаго счастливаго будущаго".

А. Ф. Кони:

„Душевно присоединяюсь къ чествованію органа, четверть вѣка стоявшаго за человѣчность и справедливость и тѣсно связаннаго съ такимъ благороднымъ именемъ, какъ В. Г. Короленко".

Л. Ф. Пантелѣевъ
С. А. Ан—скій.
Е. Н. Водовозова-Семевская.
В. І. Дмитріева.
З. Н. Журавская.
А. Ф. Даманская.
И. Н. Бѣлоконскій.
А. А. Дунинъ.
А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.
И. С. Абрамовъ.
И. М. Ляховецкій (Майскій).
В. Е. Чешихинъ.

V. Читатели:

Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности не только привести привѣтствія читателей, но и перечислить ихъ. Ограничиваемся перечисленіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя получены не отъ

отдѣльныхъ лицъ, а отъ читательскихъ группъ, за многими подписями. Такія привѣтствія получены изъ:

Воронежа.
Нижняго-Новгорода.
Полтавы (П. С. Ивановская, семья Короленко и др.).
Родниковъ.
Вятки (Чарушинъ, Вѣра Танаевская).
Камышина.
Смоленска.
Харькова.
Екатеринослава.
Саратова.
Клина.
Ярославля.
Ѳеодосіи.
Дѣйствующей арміи (отъ имени „группы поклонниковъ просвѣтительной дѣятельности журнала“ за подписью начальника 5 желѣзнодорожной бригады генералъ-маіора А. Ивашкевича).

Изъ докладовъ А. А. Потресова, В. В. Водовозова, С. А. Венгерова и Н. С. Русанова, значившихся въ программѣ вечера 1 февраля, могли быть прочитаны, за недостаткомъ времени, лишь первые два, и то въ сокращеніи. На привѣтствія и пожеланія друзей журнала отвѣчалъ собравшимся на торжествѣ 1 февраля А. В. Пѣшехоновъ. Вечеръ закончился концертнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ приняли участіе М. Б. Черкасская и В. В. Чеховъ.

Горячей благодарностью и дружескимъ привѣтомъ отвѣчаетъ „Русское Богатство“ на всѣ поздравленія и пожеланія, такія одушевленныя, искреннія, подчасъ трогательныя. Въ широкомъ общественномъ признаніи заслугъ журнала со стороны столь разнообразныхъ группъ и столь авторитетныхъ лицъ редакція черпаетъ бодрость для дальнѣйшей культурной работы и увѣренность, что русскому повременному слову удастся справиться съ невзгодами, въ бурѣ которыхъ въ наши дни гибнутъ одинъ за другимъ органы печати, и что дѣло, завѣщанное редакціонной коллегіи „Русскаго Богатства“ ея славными предшественниками, не закончится переживаемыми тяжелыми днями, но продолжится въ болѣе устойчивыхъ и счастливыхъ условіяхъ—во имя лучшаго будущаго русскаго народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. С. Кондурушкинъ. Монахъ. Повѣсть. Изд. „Жизнь и Знаніе". Петербургъ. 1917. Стр. 279. Ц. 3 р.

Нашимъ читателямъ знакома эта печальная повѣсть, названіе которой можетъ показаться и ироническимъ. Разстрига, прелюбодѣй и отцеубійца, объ иноческой жизни котораго мы почти ничего не узнаемъ изъ повѣсти, — какой же это монахъ? Но для автора это названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и онъ хочетъ въ этомъ убѣдить читателя всѣмъ теченіемъ разсказа, начиная съ его подзаголовка: „Повѣсть изъ жизни *природнаго монаха* Дороѳея Кистанова" и кончая послѣсловіемъ, гдѣ Дороѳей мечтаетъ „хоть тайкомъ, хоть подъ самую старую старость" опять побывать на Аѳонѣ, а преемникъ его, смѣнившій Дороѳея на высокомъ посту швейцара кинематографа, бросаетъ ему вслѣдъ крылатое слово: „Ахъ, ты, чертъ долговязый. Говоритъ, — „ухожу отсюда, знакомыхъ много здѣсь, а я этого не люблю". Тфу ты, до чего непонятный народъ нынѣ пошелъ! Ходитъ и *самъ не знаетъ, чего ищетъ"*... Этими словами заканчивается повѣсть — и въ нихъ значительная доля ея сюжета. Вновь, и въ новыхъ чертахъ, въ ней разсказана судьба искателя, судьба безпокойнаго духомъ человѣка, который мѣняетъ призванія и впечатлѣнія — отъ Аѳона до кинематографа — возвышается и падаетъ, все потому, что ищетъ.

Правъ ли его легковѣсный обличитель, — знаетъ Дороѳей или не знаетъ, чего ищетъ? Мелкій человѣчекъ бросаетъ ему вслѣдъ равнодушное слово, но въ словѣ этомъ подъ прикрытіемъ мелкой житейской правды затаилась и большая неправда. Осознать, перевести въ формы словеснаго опредѣленія предметъ своихъ болѣзненныхъ исканій едва ли съумѣлъ бы Дороѳей Кистановъ. Но съ ранняго дѣтства узналъ онъ „тотъ страхъ передъ глубиной непознаннаго, передъ величіемъ неразгаданнаго, который охватилъ бы всякаго человѣка, если бы онъ уже взрослымъ и сознающимъ въ первый разъ увидѣлъ міръ и всякаго другого человѣка, — своего непонятнаго и таинственнаго двойника". Съ этимъ ощущеніемъ неразгаданности міра мечется Дороѳей отъ иночества къ атеизму, отъ святости къ прелюбодѣйству, отъ покорности къ безсмысленному, почти нечаянному отцеубійству, мечется, пытаясь найти въ

безпутствѣ какую-то правду, въ самоотреченіи какое-то свое *я*; и хотя повѣсть даетъ лишь два основныхъ эпизода изъ этихъ исканій, она по существу есть исторія развитія уединенной человѣческой души, Entwickelungsroman, какъ это называютъ нѣмцы.

Менѣе всего можетъ казаться случайной эта уединенность. Такова ужъ трагедія громаднаго большинства искателей: они ищутъ въ одиночествѣ того, что можетъ быть найдено только въ сообществѣ. И оттого, быть можетъ, и ушелъ Дороѳей съ Аѳона, что даже и здѣсь, гдѣ все основано на потерѣ личности, на безличномъ сліяніи съ общимъ, онъ не съумѣлъ смириться, не захотѣлъ безвольно раствориться безъ остатка въ собирательной душѣ иноческой обители. А между тѣмъ авторъ правъ, когда прямо въ заглавіи объявляетъ, что его Дороѳей есть въ его замыслѣ „природный монахъ". Есть въ его природѣ одна сторона монашества — одиночество—и нѣтъ другой необходимой стороны—безличія. И, оттого, вернувшись въ родную давно покинутую деревню, въ родную семью, Дороѳей Кистановъ безъ всякой видимой причины возбуждаетъ къ себѣ и въ родномъ домѣ и въ деревнѣ только раздраженіе и какъ бы даже брезгливость. Онъ непріемлемъ для своихъ, онъ остается здѣсь безнадежно чужимъ. „Точно былъ Дороѳей хуже всѣхъ, хуже слѣпого нищаго Булыги, хуже окончательно спившагося Мишки! То были безполезные, но *свои* члены общества. А Дороѳей былъ здоровый, работящій, никому не въ тягость, но *чужой*. Отрѣзанный ломоть".

Изображеніе этого отчужденія составляетъ ядро повѣсти и наиболѣе цѣнную ея часть. Въ бытѣ авторъ сильнѣе, чѣмъ въ психологіи. Душа Дороѳея Кистанова осталась для читателя не то, что мало ясной, но мало индивидуальной; она и ясна лишь постольку, поскольку мало индивидуальна, поскольку расплывчаты ея черты, а потому она и мало интересна. Вяло то сочувствіе, которое вызываетъ трагедія несчастнаго разстриги и вяло оно потому, чт живымъ чувствомъ, живымъ представленіемъ не связано оно с читателемъ. Неизмѣримо жизненнѣе въ разсказѣ все бытовое, собирательное, деревенское. Не столько характеристика Дороѳе уясняетъ, почему онъ сталъ чужимъ для деревни, сколько изображеніе самой деревни, ея общихъ настроеній, ея групповой психологіи; пожалуй, не меньше Дороѳея она, погрязшая въ тинѣ грѣховной, жаждетъ святости, и тягостенъ ей Дороѳей между прочимъ тѣмъ, что эту святость отрицаетъ, отрицаетъ не столько даже дѣломъ, сколько словомъ. Красотой возвышеннаго душевнаго подвига дышатъ бытовые мелочи въ его разсказахъ объ Аѳонѣ, но онъ упорно разбиваетъ это очарованіе, эту иллюзію святости, и эт удручаетъ мужиковъ. „Дороѳей разсказывалъ, какъ ссорятся, пьянствуютъ, развратничаютъ монахи. Точно легкимъ вѣтромъ утренній паръ надъ водой, сдуло очарованіе таинственнаго, святого Лица стали здѣшними, костычовскими, скрытно-лукавыми. Какъ бк

даже обрадовались тому, что монахи такіе же грѣшники, а, можетъ быть, и хуже костычовскихъ мужиковъ... Раньше разговоръ казался глубокимъ, безконечнымъ, интереснымъ, какъ сказка; теперь сталъ грубымъ, понятнымъ и сразу кончился". И инокъ, отвергшій иночество, разстрига, обличающій монашество, становится отвратителенъ людямъ, живущимъ въ грѣхѣ и однако живущимъ не о хлѣбѣ единомъ, и въ тинѣ земныхъ вожделѣній проникнутымъ мечтой о горнемъ Іерусалимѣ. И здѣсь—въ который уже разъ—нашла художественное подтвержденіе та истина, въ которую французскій энтузіастъ-народникъ вложилъ выводъ изъ наблюденій надъ своимъ народомъ и которая относится ко всякому народу:—le peuple est honnête dans ses goûts, sans l'être dans ses moeurs. Оттого и преступленіе противъ его нравовъ онъ воспринимаетъ не такъ остро, какъ преступленіе противъ его „вкусовъ", его вѣковѣчныхъ „честныхъ" идеаловъ, которыми питается его духовное бытіе и очеловѣчивается его темная и часто недостойная земная жизнь.

Романъ неудачнаго исканія земной правды не закончень въ лежащей предъ нами повѣсти о возвращеніи Дороѳея Кистанова съ Аѳона въ родную Костычевку. Впослѣдствіи авторъ оставляетъ за собой право, когда-нибудь вернуться къ прихотливой судьбѣ своего героя. Надо надѣяться, что въ этомъ продолженіи самая личность „природнаго монаха" получитъ болѣе опредѣленныя очертанія, углубляющія его смыслъ и поднимающія его художественную и житейскую значительность.

Анна Ахматова. Бѣлая стая. Стихотворенія. Изд. Гиперборей. П. 1917. Ц. 2 р.

Новый сборникъ Анны Ахматовой несомнѣнный шагъ впередъ въ творчествѣ талантливой поэтессы.

Въ „Четкахъ", съ которыми выступила Ахматова, она еще вся несложившаяся, начинающая, ищущая. „Бѣлая Стая" гораздо зрѣлѣй и опредѣленнѣй. Но оба сборника внутренне едины и, говоря объ одномъ изъ нихъ, нельзя не говорить о другомъ. Если „Бѣлая Стая" есть дальнѣйшій, болѣе увѣренный шагъ, то тѣмъ яснѣй выступаютъ въ немъ основные недостатки и достоинства творчества Ахматовой, только эскизно намѣтившагося въ первомъ сборникѣ. „Четки"—книга переживаній женщины,—повѣсть нераздѣленной любви и влюбленій. Авторъ, какъ бы боясь сбиться со счету въ своихъ поклонахъ и молитвахъ божеству Любви, тщательно и усердно перебираетъ эти четки. Не любовь нѣжная и дѣвственная, не любовь яркая и могучая, полнозвучная и торжествующая воспѣта здѣсь Ахматовой, но любовь слишкомъ современная—раздвоенная, съ вѣчнымъ анализомъ, копаніемъ въ себѣ и неумолчными сомнѣніями. Ахматова въ „Четкахъ" не знаетъ любви-счастья, органически не пріемлетъ любви свѣтлой и здоровой, благоухающей и цѣлящей—ея любовь это „камень над-

гробный", это муки, тревоги, терзанія своей и чужой души; „пытка", которая „вѣрно и тайно ведетъ отъ радости и отъ покоя". Надломленность и изощренность сплетаются въ этомъ опредѣленіи. Это не экзотическая страстность М. Лохвицкой, это какая-то русалочья, больная любовь подъ налетомъ города и культуры. Въ „Четкахъ" Ахматовой владѣетъ земное, можетъ быть, даже слишкомъ полно владѣетъ: истерическая надорванность („десять лѣтъ замираній и криковъ"!), манерность, слишкомъ обостренное жизненное воспріятіе, чувственная окраска—все это, въ значительной части „Четокъ", создавало даже атмосферу пошлости, не убѣждая, впрочемъ, никого въ личной „порочности" поэтессы, чего ей повидимому хотѣлось.

Литературное теченіе, къ которому примыкаетъ Ахматова, соотвѣтствовало какъ нельзя лучше такому міровоспріятію. Въ теоріи „акмеизма" было зерно истины, но только въ теоріи; противопоставляя себя символизму, онъ стремился быть жизненнымъ, замѣняя абстракціи реальностями, символы—вещами въ ихъ непосредственной ощущаемости. Вещи, предметы воспринимаются акмеистами какъ нѣчто живое и всегда значительное. Расплывчатость замѣняется конкретнымъ. Параллельно съ этимъ для акмеистовъ характерно ученіе о „точности" и „первоначальной цѣнности" слова, о „бережности" къ нему.

Credo ученія въ „Бѣлой Стаѣ" Ахматова выражаетъ такъ:

Намъ свѣжесть словъ и чувства простоту
Терять не то-ль, что живописцу зрѣнье? (стр. 28).

Теорія, конечно, не нова: еще Пушкинъ завѣщалъ хранить „драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать чистосердечность выраженій". Оставалось осуществлять великій завѣтъ на практикѣ. Надо однако сказать, что цѣннаго акмеистами было создано въ области лирики не очень много, а у менѣе талантливыхъ изъ нихъ высокая теорія нерѣдко выливалась исключительно въ заботу о формѣ, техникѣ, въ ущербъ содержанію, художественной концепціи.

Не избавилась отъ этого окончательно и Ахматова въ „Бѣлой Стаѣ". Если способность особенно остро чувствовать предметы и слова, если такое умѣніе конкретизировать создаетъ нерѣдко извѣстную интимкость, напоминаетъ что-то знакомое, то у Ахматовой эта способность по прежнему утрирована до возведенія въ художественный методъ. Локализація, детализированіе (чаще всего при помощи числительныхъ) утомляетъ: „такъ же *вліво* пламя клонитъ *стеариновая* свѣчка", „21-ое, ночь понедѣльникъ", „дождикъ съ *Пасхи* полей не кропилъ", „3-ій часъ меня ты ждешь", „2 большія стрекозы", „6 броненосцевъ и 6 канонерскихъ лодокъ", „7 дней звучалъ" мѣдный смѣхъ, „4 недѣли горѣлъ торфъ", „въ 6-омъ часу утра, когда я спать ложилась", „то 5-ое время года" (вмѣсто-Май) и т. д.

Иногда это доходитъ до курьезовъ:

Заточенье стало родиной второю,
А о первой я не смѣю вспоминать (стр. 77);
Я не предчувствую встрѣчу вторую (стр. 53);
Ты былъ испуганъ нашей первой встрѣчей,
А я уже молилась о второй (стр. 39).

Вся эта хронологическая путаница, характерная для „Четокъ" къ сожалѣнію, осталась внѣшнимъ недостаткомъ „Бѣлой Стаи". Его нельзя не отмѣтить. По существу же въ „Бѣлой Стаѣ", сборникѣ болѣе продуманномъ, внимательнѣй внутренне-взвѣшенномъ, поэтесса идетъ дальше, обнаруживая жизненность своего дарованія. Отъ земного и преходящаго она устремляется къ вѣчному. Болѣзненная отзывчивость смѣняется классической строгостью; импрессіонистическій субъективизмъ уступаетъ не безъ борьбы мѣсто объективности подлиннаго художника. Эти два борющіяся начала—содержаніе „Стаи". Съ одной стороны отрѣшеніе отъ прошлаго:

Ушла къ другимъ безсонница-сидѣлка
Я не томлюсь надъ сѣрою золой.

„такъ прошлое надъ сердцемъ власть теряетъ"; „по новому спокойно и сурово живу"; съ другой стороны еще не всегда чувствуется умѣнье „мудро, просто жить"; взамѣнъ этой стихійной мудрости, по признанію самой поэтессы, есть только „опытность, прѣсное, не утоляющее питье".

Въ „Четкахъ" классическіе образы и формы были случайны—теперь поэтесса вышла на путь, который мы бы назвали пушкинскимъ. Законченности формы соотвѣтствуетъ содержаніе гармонически-спокойное:—чаще звучатъ бѣлые стихи, величавѣе и проще становятся ямбы. Уста поэтессы уже „не цѣлуютъ, а пророчатъ"; торжественно произноситъ она: „я вѣдаю", „духъ почіетъ", „солея моленій" „небесный кринъ", „хранилищъ молитвы и труда"—это не прежняя Ахматова. Есть что-то отъ спокойствія лѣтописца въ стихахъ:

Подъ крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенныхъ дней не считаю,
Читаю посланья Апостоловъ я,
Слова псалмопѣвца читаю.

Воскрешается и самый міръ пушкинскихъ образовъ: „ослѣпительно - стройныя, нарядно - обнаженныя" Царскосельскія статуи, „Бахчисарайскіе водометы", „орлы Екатерины", „Петровъ городъ" и „милый сонъ подъ Рождество", и „голосъ Музы еле слышный" И ритмы и образы кажутся воспоминаніями изъ Пушкина:

А городъ помнитъ о судьбѣ своей:
Здѣсь Марсъ правила и правилъ Аракчеевъ.

Или вотъ, шестистишіе и внутренне и внѣшне, такъ напоминающее посланія и элегіи пушкинской плеяды

Да, я любила ихъ, тѣ сборища ночныя—
На маленькомъ столѣ стаканы ледяные,

Надъ чернымъ кофеемъ пахучій, тонкій паръ,
Камина краснаго тяжелый, зимній жаръ,
Веселость ѣдкую литературной шутки
И друга первый взглядъ безпомощный и жуткій...

Мотивы примиренности, легкости, душевнаго очищенія, осенней грусти—все стремится возвратить насъ къ Пушкину. Это его настроеніе въ посланіи къ Чаадаеву:

Для сердца новую вкушаю тишину...
...Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...
Богини-музы вновь явились мнѣ...

Не характерно ли, что Ахматова, отказываясь отъ тютчевскаго „молчи, скрывайся и таи", рѣшительными стихами: „но не пытайся для себя хранить тебѣ дарованное небесами", цѣликомъ и, можно сказать, почти дословно принимаетъ понятіе именно пушкинскаго поэта:

Иди одинъ... и исцѣляй слѣпыхъ,
Чтобы узнать въ тяжелый часъ сомнѣнья
Учениковъ злорадное глумленье
И безразличіе толпы...

Пушкинское устремленіе пріятно и неожиданно у Ахматовой, но тамъ, гдѣ поэтесса вполнѣ оригинальна, недостатки книги старые: ахматовскіе перепѣвы собственнаго, вульгарность, самовлюбленіе, злоупотребленіе словами и эпитетами (напр. „смуглый": стр. 11, 20, 57, 101, 112, 135). Рядомъ съ техническими совершенствами, аллитераціями, ретардаціонными паузами, смѣлыми риемами и т. п., какъ слѣдствіе излишней манерности—безвкусица („О Венеціи подумалъ и о Лондонѣ *заразъ*"), неуклюжесть выраженій („въ тобою созданномъ для глазъ ея раю") туманность образовъ („и прежде небо отражавшимъ водамъ пестрять широкіе плащи"). Отъ новой Ахматовой можно было бы требовать большей строгости къ себѣ, но въ итогѣ, не смотря на неистребимый балластъ прошлаго, „стиховъ моихъ бѣлая стая" есть, конечно достиженіе, конечно, шагъ впередъ.

Восемьдесятъ восемь современныхъ стихотвореній, избранныхъ *З. Гиппіусъ*. Изд-ство „Огни". П. 1917. Стр. 96.

На сборникъ стихотвореній нельзя не смотрѣть какъ на нѣчто цѣльное: ищетъ составитель этой цѣльности или боится ея, все равно, съ требованіемъ цѣльности подходитъ читатель. Всякая хрестоматія, всякая антологія есть „кругъ чтенія", циклъ, нѣчто завершенное, сосредоточенное вокругъ единаго начала, и отвѣтственности за эту законченность не можетъ избѣгнуть составитель. Слишкомъ естественны вопросы его критеріяхъ, о томъ, что опредѣляло его выборъ, чтобы читатель не ставилъ этихъ вопросовъ, и слишкомъ трудно бываетъ подчасъ отвѣтить на эти законные вопросы, чтобы тотъ или иной составитель сборника не пытался уклониться отъ нихъ,—если онъ не предпочитаетъ опереться

на что-либо грубо-непререкаемое, механически-несомнѣнное. Къ чести г-жи Гиппіусъ надо сказать: всему существу ея чужда склонность къ такому внѣшнему самооправданію; но все-таки попытку избѣгнуть вопросовъ она дѣлаетъ. Она принимаетъ на себя отвѣтственность за свой сборникъ въ предметѣ, пожалуй, самомъ важномъ, но не самомъ трудномъ. „Выборомъ стиховъ для сборника,—говорится въ ея предисловіи,—не руководили ни авторское имя, ни характерность для поэта того или другого стихотворенія. Каждое судилось отдѣльно, въ мѣру его самостоятельной жизни, его близости къ полнотѣ,—къ поэзіи. Судилось не слишкомъ строгимъ судомъ: надо помнить, что нища свершеній и достиженій, мы находимъ лишь приближенія". Да, конечно, „въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія",—но не было ли это вѣрное замѣчаніе высказано великимъ писателемъ и тонкимъ критикомъ въ подтвержденіе того, что „въ мучительно высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной музы" г. Некрасова поэзіи нѣтъ ни на грошъ?" И не была ли порождена печальная ошибка Тургенева именно тѣмъ, что на этотъ разъ онъ съузилъ свое представленіе объ истинной поэзіи, и съузилъ едва ли не подъ вліяніемъ личнаго пристрастія. Да, для поэтическаго сборника критерій поэтичности самый важный, но трудно его примѣненіе, трудно и въ предѣлахъ его несомнѣнности быть до конца справедливымъ. Критическій тактъ г-жи Гиппіусъ внѣ спора въ томъ, что она пріемлетъ; но въ томъ, что она отвергаетъ, подчасъ не видно ни такта, ни критерія; ея отрицательныя оцѣнки бываютъ безвкусны,—какъ безвкусны были когда-то ея комическія сужденія о Горькомъ: „Писатель, конечно, съ большими способностями, даже съ талантомъ" и безтактны ея же предсказанія: „Къ художественному развитію Горькій неспособенъ" или еще лучше: „Съ Горькаго и талантъ уже начинаетъ слѣзать, вытираться на немъ, какъ сусальная позолота на деревянномъ идольчикѣ". Можно, конечно, любить или не любить Горькаго—дѣла вкуса, то-есть не высоты вкуса, а его индивидуальности,—но вѣдь и отвергать Горькаго надо бы съ большимъ вкусомъ, съ меньшимъ великолѣпіемъ. А то прочтешь такое неудачное пророчество и подумаешь: одинъ ли вкусъ игралъ здѣсь роль? И не было ли здѣсь,—какъ говорятъ нѣмцы—„желаніе отцомъ мысли"? И оттого, что эти желанія, эти настроенія, вызванныя не сужденіемъ вкуса, кажутся источникомъ субъективности госпожи Гиппіусъ, къ сборнику ея нельзя отнестись даже какъ къ нѣкоторому кодексу ея вкуса. Ибо, хочетъ она этого или не хочетъ, всякій читатель можетъ и вправѣ сказать ей: „До капризовъ вашего вкуса, до извилинъ вашей субъективности мнѣ нѣтъ дѣла, а вотъ, скажите, если вы составили антологію изъ современныхъ стихотвореній, то почему вышло такъ, что въ нее вошелъ Случевскій и не вошелъ Вл. Соловьевъ, вошелъ Мережковскій и не вошелъ Минскій"? Составителя антологіи надо, какъ и поэта, судить по его

закону, но если мы примемъ, что для сборника г-жи Гиппіусъ вполнѣ естественно отверженіе Надсона или П. Я., то совершенно неестественно исключеніе Фофанова. Тутъ, конечно, не „строгій судъ“, тутъ безсудный произволъ, котораго, повторяемъ, не пріемлетъ читатель, и отъ котораго очень теряетъ сборникъ, составленный въ общемъ изъ хорошихъ стихотвореній, подчасъ— что особенно цѣнно—найденныхъ у поэтовъ мало извѣстныхъ и часто совсѣмъ неизвѣстныхъ. Среди этихъ стиховъ нѣтъ не только безвкусныхъ, но нѣтъ и малозначительныхъ. Каждое внушительно и сосредоточенно говоритъ о важномъ, о самомъ важномъ, говоритъ съ напряженнымъ паѳосомъ мысли и подчасъ съ подлиннымъ размахомъ страсти. Какъ жаль, что сборникъ незавершенъ, и что незавершенность эта не находитъ въ его составѣ оправданія.

Волкъ Фенрисъ. Финансовая повѣсть. Изд. „Парусъ“ А. Н. Тихонова. ПТГ. Стр. 126. Ц. 2 р.

Необычность формы, въ которой написана эта „финансовая повѣсть“, слишкомъ очевидна для всякаго, чтобы о ней надо было предувѣдомлять читателя. Однако предисловіе настаиваетъ на ней. Отмѣчая здѣсь, что авторъ принадлежитъ къ группѣ поэтовъ, выступающихъ въ созданномъ ими журналѣ „безыменно, безотносительно къ своей личности“, предисловіе продолжаетъ: „Изъ требованій чистѣйшей объективности возникла и эта повѣсть. Въ ней мы стремились къ новой формѣ художественнаго воплощенія дѣйствительности. Потому что здѣсь, пожалуй, впервые сдѣлана смѣлая попытка уложить съ архитектурно-трезвою размѣренностью широкообъемлющее экономическое содержаніе въ довлѣющую ему форму, безъ дешевыхъ лоскутьевъ тысячекратно испробованнаго живописанія настроеній, безъ романтическаго вздора, въ которомъ улетучивается все существенное, безъ характеристикъ и описаній“ Все это до нѣкоторой степени вѣрно. „Финансовая повѣсть“, дѣйствительно, не похожа на обыкновенныя повѣсти. Въ ней нѣтъ характеристикъ и описаній; въ этомъ отношеніи она сродни драмѣ. Она вся, отъ перваго до послѣдняго слова, состоитъ изъ дѣловыхъ бумагъ, банковскихъ писемъ, коммерческихъ телеграммъ, газетныхъ статей объ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ, стенографическихъ отчетовъ и протоколовъ засѣданій, донесеній агентовъ. Все это въ высшей степени дѣловито, сжато, отчетливо и рѣшительно. Именно этимъ, а не чѣмъ другимъ отличается „финансовая повѣсть“ отъ былой повѣсти въ письмахъ, психологической или общественной, любовной или юмористической. Тамъ вѣдь тоже все содержаніе проходило чрезъ эпистолярную форму, все было стилизовано въ жанрѣ переписки. Но измѣнился темпъ жизни; не то что переписка дѣловая вытѣснила любовную, но едва ли въ наше время возможенъ такой обмѣнъ письмами, какой мы имѣемъ въ перепискѣ Герцена съ его невѣстой. Дѣло не въ томъ, что за

три года люди написали цѣлый томъ; но вѣдь это не столько переписка, сколько обмѣнъ дневниковъ; ихъ увлекательный паѳосъ эмфатиченъ, полнота ихъ чувствъ требуетъ многихъ словъ; она не находитъ выраженія внѣ гиперболическихъ восклицаній, и въ этой напряженности—великая правда и глубина ощущеній, въ ней отраженныхъ. Напряженность есть и въ „Волкѣ Фенрисѣ", но это напряженность не чувства, а дѣйствія, не лирическая, а драматическая напряженность. Кратокъ, стремителенъ, дѣйственъ и содержателенъ обмѣнъ этихъ сухихъ документовъ; точно шпаги сверкаютъ предъ нами; яростно и однако съ виду безстрастно ведется смертельный бой, и не отдѣльные люди—цѣлые народы падаютъ безсильной и истомленной жертвой страшнаго въ своей дѣлеческой безличности, въ своей незлобивой стяжательности побѣдителя. Авторъ нашелъ подходящее для него имя. Волкъ Фенрисъ—въ скандинавской миѳологіи—демонъ, страшный богамъ; еще юнаго они связали его, причемъ Тору, кормившему его, онъ откусилъ руку; впослѣдствіи онъ освободился, вступилъ, въ союзѣ съ другими злыми силами, въ бой съ богами, побѣдилъ и поглотилъ Вотана, но затѣмъ и самъ, конечно, погибъ въ этой нескончаемой свалкѣ боговъ, полубоговъ, великановъ и чудовищъ. Въ безконечную даль ушло отъ насъ миѳическое міросозерцаніе древняго викинга, и новый поэтъ изображаетъ новаго Волка Фенриса. Онъ дѣйствительно безличенъ. Это не господинъ коммерціи совѣтникъ Генрихъ Беле которому принадлежитъ центральная роль въ политико - экономической драмѣ, развертывающейся въ повѣсти. Это и не руководимый имъ банкъ, не его нѣмецкіе исполнители, не его достойные иностранные соратники, не норвежскіе дѣльцы, продающіе свою родину: это все вмѣстѣ, это громадная мощь международнаго капитала, побѣду котораго надъ государственными и народными интересами Норвегіи рисуетъ повѣсть. Ея водяная сила ея „бѣлый уголь"—вотъ тотъ промышленный факторъ, которымъ овладѣваетъ здѣсь иноземный капиталъ. И, конечно, изображеніе его махинацій, его исполнителей и руководителей, было бы много слабѣе, если бы было—какъ оно и бывало не разъ—дано въ обычной формѣ традиціоннаго романа. Новая форма, естественно, дѣйствуетъ художественно свѣжѣе и рождаетъ новыя чувства, чувства далеко не слабыя, хотя они не подстегиваются никакимъ бурнымъ столкновеніемъ индивидуальныхъ характеровъ, никакими лирическими отступленіями. Горделиво, но въ общемъ правильно звучатъ слова предисловія: „На первый взглядъ эта новая форма представляется сдѣланною съ бюрократическимъ спокойствіемъ за письменнымъ столомъ, чисто разсудочной работой, безъ тѣхъ, чувствомъ насыщенныхъ, изъ сердца и настроенія рожденныхъ „невѣсомыхъ", токами которыхъ всегда насквозь пронизаны глубины каждого истинно художественнаго произведенія. Но кто обладаетъ болѣе тонкимъ слухомъ, тотъ разслышитъ здѣсь шумное біеніе пульса

напряженно и страстно борющихся людей,—замѣтитъ, что не взирая на всю энергію ведущейся ими борьбы, люди эти умѣютъ со стальнымъ самообладаніемъ цѣлесообразно согласовать свои усилія для совмѣстного во всеоружіи техники труда. Онъ почуетъ что тутъ дѣло идетъ о рѣшеніи судьбы и этихъ борцовъ и народныхъ массъ".

И въ самомъ дѣлѣ,—если авторъ въ чемъ либо ошибается, то скорѣе въ оцѣнкѣ своей объективности. Какъ ни объективна избранная имъ форма, она никого обмануть не можетъ. Чтобы такъ изображать капитализмъ и его людей, надо опредѣленно стоять на одной сторонѣ. Уже то, что ни единымъ намекомъ авторъ не обмолвился объ организаторской, творческой дѣятельности людей капитала, показываетъ, что мы имѣемъ предъ собой не изобразителя, а обличителя. Но это обличитель сдержанный и сильный. Съ удивительной отчетливостью и экономіей въ средствахъ онъ показываетъ, какъ послѣдовательно и умѣло дѣлаетъ капитализмъ свои завоеванія, какъ ловко онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства отъ личныхъ связей до грубаго давленія, отъ мягкой предупредительности до наглаго цинизма, отъ освѣдомленности до агитаціи, отъ покупки газетъ до покупки голосовъ на выборахъ. Они покупаютъ все, эти люди: привилегіи изобрѣтателей, отзывы ученыхъ, безразличныя замѣтки хроникеровъ, передовыя статьи публицистовъ, благосклонность партійныхъ лидеровъ, нейтралитетъ министровъ—они покупаютъ все и всегда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, играя на пониженіе, продаютъ и предаютъ. И смѣлость, быстрота и натискъ, съ которыми они ведутъ свою широкую игру, придаетъ захватывающій интересъ разсказу объ ихъ побѣдоносномъ нашествіи на мирную страну. Съ такимъ интересомъ читались когда то романы приключеній, романы уголовные; теперь ихъ смѣняютъ романы техническіе, романы экономическіе. Личность въ „Волкѣ Фенрисѣ" отодвинута на второй планъ; индивидуально насъ мало трогаютъ фигуры этихъ новыхъ конквистадоровъ. Но онѣ очерчены съ той степенью отчетливости, которая нужна автору, и та коллективная индивидуальность, та безличная сила, которую они призваны воплотить и проявить, выражена въ нихъ со всей ясностью истинно художественнаго образа. Что-то громадное, страшное, могучее и разумное надвигается на маленькую страну, наваливается на нее и, припавъ къ ней, начинаетъ сосать ея кровь. Повѣсть кончается краткой телеграммой изъ Христіаніи въ Берлинъ о результатахъ выборовъ въ стортингъ. Парламентъ Норвегіи провелъ рѣшеніе, неудобное для международной клики финансовыхъ дѣльцовъ. Тогда дѣятели берлинскаго банка добились роспуска стортинга—и голосованіе „свободнаго" народа даетъ въ результатѣ то, что требовалось коммерціи совѣтнику Беле. Кто-же правитъ Норвегіей?—въ скорбномъ недоумѣніи

спрашиваетъ себя читатель, закрывъ послѣднюю страницу „Волка Фенриса". А русскій читатель, посвященный въ тайны политической работы коммерціи совѣтника Беле, пожалуй, въ наши дни спроситъ еще себя: „А Россіей кто правитъ?"

Переводъ „Волка Фенриса" не плохъ, но странно, что на книжкѣ нигдѣ не указано, что это переводъ.

Сборникъ финлядской литературы. Подъ редакціей *В. Брюсова и М. Горькаго.* Изд-ство „Парусъ." П. 1917. Стр. 490. Ц. 6 руб.

Финляндская литература есть обозначеніе, собственно, чуждое наукѣ о литературѣ: какъ нѣтъ единой литературы австрійской, а есть произведенія австрійскихъ венгровъ, нѣмцевъ, поляковъ, такъ нѣтъ литературы финляндской; есть литература финская и есть финская отрасль шведской литературы,—двѣ линіи литературнаго развитія, кой въ чемъ объединенныя единствомъ родины, но глубоко различныя въ основномъ началѣ литературы: въ языкѣ, въ словесной и формальной традиціи. О финляндской литературѣ говорятъ поэтому не въ смыслѣ историко-литературномъ, но въ плоскости культурно-исторической, въ плоскости политической, съ цѣлями политическими. Съ политическими цѣлями составленъ и лежащій предъ нами сборникъ, и это вредитъ ему: вредитъ не потому, что теперь Финляндія какъ будто уже не нуждается въ вниманіи и пониманіи русскаго читателя, а русскій читатель менѣе чѣмъ когда либо склоненъ углубляться въ идейныя и формальныя красоты финляндской литературы. Политическое, просвѣтительно-пропагандистское устремленіе сборника вредитъ ему потому, что мѣшаетъ его чисто литературной задачѣ. Надлежащее выполненіе этой литературной задачи требуетъ времени, требуетъ творческаго сосредоточенія переводчиковъ: все это недостижимо, когда рѣшеніе задачи кажется неотложнымъ. Не случайно, а связано съ этими устремленіями то, что въ сборникъ включенъ романъ Ернефельда „Дѣти земли" въ то время, какъ другія цѣнныя произведенія этого писателя неизвѣстны русскому читателю, а „Дѣти земли" своевременно напечатаны по русски въ трехъ журналахъ (Русской Мысли, Современномъ Мірѣ, Вѣстникѣ Иностранной Литературы) и отдѣльно вышли въ двухъ изданіяхъ. Трудно бываетъ и съ лирикой, когда сборникъ составляется ad hoc. Прозаическіе переводы можно заказать, лирическихъ переводовъ надо ждать: они требуютъ поэта, а поэтъ ждетъ вдохновенія. Конечно, г. Брюсовъ, давшій сборнику множество стихотворныхъ переводовъ, можетъ перевести быстро и приблизительно много стиховъ съ любого языка, но такими переводами—ихъ нельзя назвать плохими—можно наполнить многіе томы, и они не дадутъ никакого представленія о душѣ народа и о личности автора, которому принадлежатъ.

Все это не въ осужденіе сборника, преслѣдующаго высокую цѣль

сближенія народовъ, и составленнаго все таки очень интересно. Конечно, его беллетристическая проза, которая не такъ много теряетъ въ переводѣ, гораздо значительнѣе его лирики. Здѣсь не то, что есть хорошія вещи: выборъ произведенъ такъ удачно, что по своему хороша каждая вещь. Главное—нѣтъ той печати безличности, какою запечатлѣна представленная въ сборникѣ лирика, которая можетъ быть финской, можетъ быть и не финской. Наоборотъ, въ этой беллетристикѣ, въ этихъ образахъ, крестьянскихъ, городскихъ, помѣщичьихъ, въ этой суровой сосредоточенности сѣверянъ все кажется въ высшей степени характернымъ, все раскрываетъ какіе то просвѣты въ незнакомую душу финна. И—пусть не покажется это парадоксомъ,—за этимъ своеобразіемъ, за этой характерностью открываешь черты знакомыя, черты общеклассовыя, черты общечеловѣческія. Tutto il mondo e paese,—говорятъ итальянцы: весь міръ какъ своя страна. И чѣмъ больше вдумываешься въ національную психологію, чѣмъ напряженнѣе вчитываешься въ художественные образы типичныхъ представителей народностей, тѣмъ опредѣленнѣе чувствуешь въ себѣ эти ритмическіе перебои сознанія: то воспринимаешь эти образы какъ типично-національные, то видишь, какъ много въ этомъ якобы національномъ общаго, случайнаго, классоваго и т. д. Національность есть несомнѣнная историческая реальность, но какъ часто мы принимаемъ за типично національное то, что встрѣчается у людей разныхъ языковъ и разныхъ широтъ. И финскій крестьянинъ, такой особенный, вдругъ кажется просто мужикомъ,—такимъ же какъ всѣ мужики.

Это—не послѣдній въ ряду аналогичныхъ сборниковъ, серія которыхъ задумана и осуществляется издательствомъ „Парусъ". Въ прошломъ году вышли сборники армянскій и латышскій, предполагаются еще сборники татарскій, украинскій, еврейскій и т. д.: постепенно должны быть представлены и охарактеризованы литературы всѣхъ крупнѣйшихъ народностей, объединенныхъ на русской территоріи. На представителей этихъ народностей и возложено, собственно, составленіе сборниковъ: русскимъ писателямъ, названнымъ въ заголовкѣ принадлежитъ только общая редакція. Тѣ-же иноплеменные писатели составили и вступительныя статьи, въ которыхъ охарактеризовано общее культурно-политическое положеніе данной народности и ея литература. Предисловія эти довольно разнохарактерны по подходу, и въ то время какъ г. Таркіайненъ, авторъ статьи о финляндской литературѣ, довольно свободенъ въ своихъ сужденіяхъ, пишущій о латышской литературѣ г. Янсонъ неуклюже танцуетъ отъ марксистской печки, твердя пустопорожнія пошлости о томъ, что „на жирной почвѣ мѣщанскаго матеріализма и практицизма трудно расцвѣтать поэзіи и искусству":—точно его единомышленники давнымъ давно не доказали намъ съ математической очевидностью, что Ибсенъ и Гоголь, Золя

и Уайльдъ—нѣкоторую близость коихъ къ подлиннымъ „поэзіи и „искусству" признаетъ, вѣрно и г. Янсонъ—самые несомнѣнны буржуи, насквозь пропитанные духомъ этого самаго мѣщанскаго матеріализма. Любопытно, что свои твердокаменные матеріалистическіе пустяки г. Янсонъ изрекаетъ—съ редакторскаго благословенія г. В. Брюсова!—по поводу латышскихъ декадентовъ; декаденты есть и въ финляндской литературѣ, и пишущій о ней г. В. Таркіайненъ тоже далеко не поклонникъ модернизма. Но, человѣкъ знающій кой что кромѣ марксистской указки, онъ полагаетъ, что успѣхи финляндскихъ „молодыхъ" могли бы дать хорошіе результаты „если бы явился писатель съ сильной индивидуальностью, которой бы сумѣлъ ими воспользоваться". Это ужъ не болтовня о жирной почвѣ мѣщанства.

Однако, различные въ литературныхъ вкусахъ и силѣ сужденія, авторы предисловій кой въ чемъ сходятся. Безъ всякаго желанія говорить комплименты Россіи, они всѣ такъ или иначе признаютъ вліяніе русской литературы на ихъ національныхъ писателей. Не одинъ изъ этихъ писателей прошелъ русскую высшую школу. Новая армянская литература, въ сущности, родилась въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ, культурная дѣятельность котораго проходила въ постоянномъ общеніи съ научными силами Москвы. Латышскіе писатели испытали воздѣйствіе различныхъ литературныхъ круговъ Россіи отъ Каткова и Леонтьева до Чехова и Короленка и даже до декадентовъ. Финляндская литература шла болѣе самостоятельнымъ путемъ—уже потому, что въ шведской своей части примыкала вплотную къ исконной и богатой традиціи шведской литературы, а одно время Финляндія являлась „какъ бы литературной колоніей Норвегіи",—однако и здѣсь должно быть отмѣчено „воздѣйствіе русской литературы" въ лицѣ Тургенева и Толстого, причемъ вліяніе послѣдняго на такого виднаго писателя какъ Ернефельдъ надо признать очень значительнымъ. Между тѣмъ, конечно, не приходится говорить о какомъ бы то ни было вліяніи финской, латышской, армянской словесности на каго-либо изъ русскихъ писателей. Очевидно, Россія была для собранныхъ въ ней народовъ не только источникомъ безконечныхъ страданій и злоключеній. Но безправіе и беззаконіе, подъ гнетомъ котораго такъ долго держала ихъ самодержавная власть, сдѣлала для нихъ кошмаромъ всякую Россію—и Россію правительственную, и Россію народную, и Россію интеллигентскую. Послѣднюю еще признавали культурные дѣятели жившихъ подъ царской властью народовъ: имъ случалось дѣлать общее дѣло, дѣло своего освобожденія вмѣстѣ съ русскими оппозиціонными кругами, политическими и литературными. Вѣроятно, въ ихъ публицистикѣ можно тамъ и здѣсь найти слѣды этого признанія и благожелательнаго отношенія хоть къ нѣкоторой части Россіи. Но въ изящной литературѣ, менѣе разсудочной, болѣе отражающей глубокія чувства, въ искусствѣ, гдѣ вопло-

щается интимнѣйшая сторона народной души, нѣтъ этой благожелательности. Тамъ знаютъ одну Россію, Россію казенную, оффиціальную, самодержавную, злую Россію-угнетательницу, и призракъ этого угнетенія ложится темной тѣнью на каждое слово русскаго инородческаго писателя, когда онъ говоритъ о Россіи. Слишкомъ естественно это отношеніе, слишкомъ понятно, что уродливыя условія жизни не могли выработать ничего кромѣ этой—надо назвать ее настоящимъ именемъ—уродливой психологіи. Но какъ ни печальны, какъ ни безнадежны настоящіе дни, надо же думать, что въ будущемъ отношенія русскихъ народовъ къ русской народности станутъ если не спокойнѣе, то нормальнѣе. Борьба не закончена—весьма вѣроятно, что мы стоимъ предъ новымъ ея фазисомъ—но уже одно то, что она будетъ вестись не всесильной самодержавной властью противъ придушенныхъ племенъ, что здѣсь лицомъ къ лицу сойдутся народы съ народами, позволяетъ надѣяться, что въ концѣ концовъ они найдутъ общій языкъ, общую почву для разграниченія своихъ кровныхъ интересовъ. Это тоже не близкій путь—освобожденные народы еще отчетливѣе сознаютъ свое національное существо, еще настойчивѣе требуютъ осуществленія всей полноты своихъ національныхъ возможностей. Но этотъ путь прямого противопоставленія и борьбы есть единственный путь, и надо только радоваться тому, что самый тягостный этапъ пройденъ. Дѣло мира и взаимнаго пониманія впереди, свою лепту въ него—хоть и маленькую—внесутъ сборники вродѣ лежащаго передъ нами.

С. Мстиславскій (С. Д. Масловскій). Брестскіе переговоры. (Изъ дневника). Съ приложеніемъ протоколовъ 1-ой Брестской конференціи и другихъ документовъ. Изд-ство „Скиеы". С.-Петербургъ. 1918. Стр. 91. Ц. 2 р.

Небольшая по объему книжка написана какъ-бы со спеціальной цѣлью самооправданія, оправданія своего участія въ брестскихъ событіяхъ, человѣкомъ, который слишкомъ отчетливо понялъ всю катастрофичность ихъ, чтобы не ужаснуться тяжести ложащейся на него отвѣтственности, но у котораго оказалось слишкомъ мало мужества, чтобы безъ оговорокъ взять на себя эту отвѣтственность.

Съ такой именно цѣлью начинается книжка перепечаткой двухъ газетныхъ статей г. Мстиславскаго, излагающихъ его пониманіе и создавшагося положенія и обязанностей всѣхъ тѣхъ, кто связалъ свои судьбы съ судьбами октябрьскаго переворота „Вѣдь отойдя въ сторону, „умывъ руки"—писалъ г. Мстиславскій въ этихъ статьяхъ—даже попытавшись противупоставить свою мысль, свою волю—волѣ и мысли творцовъ тѣхъ событій, которыя такъ ясно, такъ неопровержимо, безспорно ясно видѣлись мнѣ „невѣрными", опасными, могущими привести къ гибели, развѣ я не совершилъ бы той же самой тяжелой ошибки, которую совершили

въ свое время соціалистическіе „контры", предоставивъ „крайнимъ" вождямъ большевизма полную, невозбранную свободу дѣйствій. Ошибки, отъ которой такъ рѣзко отмежевались мы, лѣвые соціалисты-революціонеры, въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни" (стр. 9). „Начало переговоровъ—говоритъ онъ уже послѣ принятаго рѣшенія ѣхать—есть „совершившійся фактъ": фактъ—вошедшій въ жизнь; фактъ—ставшій „борьбой", и *какъ-бы мы ни относились къ нему*—передъ этимъ фактомъ мы не можемъ, не смѣемъ скрестить руки. А стало быть... ѣхать!" (стр. 11). Въ этихъ двухъ цитатахъ рельефно оттѣнена основная тенденція книжки г. Мстиславскаго: это не дневникъ, даже не выдержки „изъ дневника", какъ сказано въ заглавіи, а политическій памфлетъ, предназначенный къ оправданію акта, въ глазахъ исторіи и современниковъ заклейменнаго и рисующагося самому автору... „невѣрнымъ". И во всей книжкѣ чувствуется эта тенденція—стремленіе освѣтить *свою* роль, какъ роль недовѣрчиваго, скептически съ первыхъ же шаговъ настроеннаго *наблюдателя* и только наблюдателя... Разсказываетъ ли Мстиславскій о встрѣчѣ делегацій въ Брестѣ, передаетъ ли свои впечатлѣнія отъ дѣловыхъ засѣданій—всюду и во всемъ онъ какъ бы отдѣляетъ себя отъ „делегаціи". „Такъ казалось мнѣ. Повторяю; быть можетъ потому, что я по профессіи не политикъ"... „Я не знаю, какъ чувствовали себя всѣ участники делегаціи... Но за *себя*—я могу сказать, не обинуясь". Эти и т. п. фразы попадаются въ книгѣ достаточно часто, чтобы создалось опредѣленное впечатлѣніе: „я—съ ними, но не вмѣстѣ съ ними, и брать отвѣтственность могу только за то, что я лично дѣлалъ"... Этотъ характеръ книги создаетъ до извѣстной степени недовѣрчивое отношеніе къ ней, не лишая ея однако значенія историческаго документа.

Жуткое впечатлѣніе остается по прочтеніи книжки Мстиславскаго, если подойти къ ней, какъ къ такого рода сырому матерьялу. Не потому даже жутко читать ее, что находишься лицомъ къ лицу съ изображеніемъ—пусть и своеобразно преломленномъ въ призмѣ субъективныхъ, узко личныхъ задачъ автора—вступительнаго акта драмы, заканчивающейся неизбѣжнымъ горемъ и униженіемъ великой страны. Это ощущеніе, ощущеніе, будто присутствуешь при изображеніи агоніи Россіи, невольно окрашиваетъ, разумѣется, впечатлѣніе отъ „Брестскихъ переговоровъ". Но не оно одно отвѣтственно—и даже не оно главнымъ образомъ отвѣтственно за всю ту жуть, которую навѣваетъ памфлетъ г. Мстиславскаго. Гораздо большую роль въ этомъ отношеніи играетъ то прямо-таки преступное легкомысліе, которымъ пропитаны всѣ дѣянія нашихъ миротворцевъ и которое отражено авторомъ разбираемой книги съ достаточной точностью.

Начать съ того, что встрѣча въ Брестѣ должна была необходимо быть „поединкомъ", если воспользоваться опредѣленіемъ

г. Мстиславскаго. „Германцы могли бы—сознаетъ авторъ „Брестскихъ переговоровъ“—остаться спокойными свидѣтелями всѣхъ нашихъ тяжелыхъ, скорбныхъ событій,—если бы мы сохраняли прежнюю „негласную“, самочинно установившуюся пріостановку дѣйствій... „Углублять“ операціи на русскомъ фронтѣ имъ нѣтъ ни стратегическихъ, ни политическихъ основаній: ихъ цѣли—на Западѣ. Но разъ мы сами затѣяли разговоръ о перемиріи—они конечно же, попытаются использовать это въ своихъ видахъ; пріѣхавъ въ Брестъ—делегація вложила голову въ львинную пасть. И если бы она вложила только *собственную* голову“... (стр. 24). Роковой шагъ, однако, былъ сдѣланъ—а онъ необходимо диктовался всей политикой совѣтской власти, опирающейся на разнузданныя массы солдатъ, вовлечь которыхъ въ политическій переворотъ можно было лишь обѣщаніемъ немедленнаго мира—и предстояла трудная почти невыполнимая задача: не только „извлечь голову изъ львинной пасти“, но и выйти „побѣдителемъ изъ этого поединка“. Иначе, Россію ждало необходимо то, что въ концѣ концовъ, и произошло. „Начатые переговоры—какъ это чувствовалъ и г. Мстиславскій—въ случаѣ крушенія ихъ, должны будутъ привести къ новымъ рѣкамъ крови, новому развалу: ибо очевидно, что въ случаѣ разрыва—австро-германцы незамедлительно отвѣтятъ на него новымъ наступленіемъ... И это новое наступленіе имъ пришлось бы вести, въ такомъ случаѣ, въ условіяхъ болѣе для нихъ выгодныхъ, чѣмъ раньше—ибо зараза „частныхъ перемирій“, посѣянная приказомъ Крыленко, фактически ликвидировала возможность борьбы, на клочья разорвавъ фронтъ. И до возстановленія этого фронта—нечего и думать... о сопротивленіи (стр. 23). Какъ делегація могла выйти побѣдителемъ изъ такого явно неравнаго поединка? „Совѣтская власть“ пыталась использовать для оправданія своего легкомыслія аргументъ „обращенія черезъ головы правителей къ народамъ“. Въ этомъ „факелѣ“, который будто-бы несла совѣтская делегація въ Брестъ, и должно было заключаться самое мощное орудіе борьбы. „Настойчивымъ повтореніемъ програмныхъ требованій русской революціи — предполагалось „говорить черезъ головы генералитета—къ народамъ“ (стр. 28). Но и это орудіе борьбы было несостоятельно, „ибо—говоритъ г. Мстиславскій—думать, что здѣсь, въ Брестѣ, можно сказать хоть слово „черезъ головы генералитета“ народамъ—самоутѣшеніе не больше. *Въ лучшемъ случаѣ*, это добросовѣстное, но тѣмъ не менѣе глубокое заблужденіе (стр. 90). Мстиславскій не говоритъ, чѣмъ является этотъ аргументъ въ *худшемъ*—во *всякомъ*, кромѣ лучшаго—случаѣ, когда нельзя къ нему примѣнить смягчающаго эпитета „добросовѣстное заблужденіе“. Но и безъ дальнѣйшей квалификаціи ясно: легкомысленно затѣянное предпріятіе—переговоры въ Брестѣ,—обставлено было столь же легкомысленно, ибо не дать делегаціи дѣеспособныхъ средствъ диплома-

тической борьбы значило превратить переговоры въ пустую, безсодержательную болтовню. А въ этомъ отношеніи положеніе „совѣтской делегаціи" было до чрезвычайности нелѣпое, и войти за предѣлы никчемныхъ разговоровъ она абсолютно не могла. Мало того, что ей было «не съ чѣмъ», выступить, въ смыслѣ опоры, реальныхъ силъ, давленіемъ которыхъ она могла бы заставить противника пойти на уступки—она даже *технически* не была подготовлена къ своей отвѣтственной роли.

«Делегація составлялась на смѣхъ—сообщаетъ г. Мстиславскій—въ особенности военная ея экспертиза. До отъѣзда изъ Петербурга—военныхъ совѣщаній по вопросу о возможныхъ условіяхъ перемирія—не было; большая часть военной делегаціи (5 офицеровъ изъ общаго числа восьми)—присоединилась къ намъ въ Псковѣ и Двинскѣ. Въ итогѣ—*наши военныя требованія не сформулированы*" (стр. 32). Эта полная неподготовленность и безпомощность особенно рельефно выдѣлялась на фонѣ нѣмецкой дѣеспособности сказывавшейся въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ. «Русская делегація,—говоритъ г. Мстиславскій выше—собранная на спѣхъ, изъ элементовъ далеко не „одинаковой тактики" и—главнѣе всего—совершенно не успѣвшихъ столковаться между собою, не искушенная въ искусствѣ дипломатическаго «двуязычія», обреченная фактически на «импровизацію» тамъ, гдѣ на вѣсу—въ буквальномъ смыслѣ—каждое слово, должна была состязаться съ противникомъ опытнымъ, заранѣе обдумавшимъ всѣ свои ходы. Недаромъ передъ каждымъ изъ германскихъ и союзныхъ имъ делегатовъ лежали аккуратно отлитографированные листки съ какими то инструкціями, замѣчаніями, меморандумами. А передъ нами лежали только—тѣми же нѣмцами заготовленные, въ чистенькихъ синихъ папочкахъ, чистые листы бумаги»... (стр. 24).

Само собою разумѣется, что въ силу такихъ обстоятельствъ брестскіе переговоры о перемиріи могли сослужить службу только Германіи. Что послѣдней необходимо было, то ея представителями и диктовалось «совѣтской делегаціи». Попытки сотоварищей Мстиславскаго «блеснуть» революціонностью и принципіальностью или оказать отпоръ нѣмецкимъ домогательствамъ—каждый разъ повисали въ воздухѣ, а изъ требованія, за которымъ, какъ за всѣмъ, что дѣлалось делегаціей, не было реальной силы, ничего не получилось.—Авторъ самъ неоднократно сознается, что „искажался, блѣднѣлъ самый смыслъ вступительной нашей деклараціи" (о требующихся „совѣтской делегаціей" условіяхъ перемирія; стр. 31), что „несмотря на весь почетъ, на все вниманіе, которымъ окружена была делегація во время ея пребыванія въ Брестѣ—при каждомъ соприкосновеніи съ германцами ощущалось глубокое, давящее униженіе"... „ощущеніе лжи, сознаніе безсилія одолѣть ее нашей правдой—унижало" (стр. 37). И хотя книжка г. Мстиславскаго кончается высокоторжественными словами о томъ, что „на

грани переговоровъ о мирѣ мы можемъ выступить только во имя интернаціонала!“ (стр. 67)—это гнетущее впечатлѣніе полнаго безсилія, полной безнадежности всей Брестской конференціи нисколько не ослабляется, а напротивъ—даже укрѣпляется, когда прочитываются послѣднія страницы. Ибо атмосфера преступнаго легкомыслія, окутавшаго Брестскіе переговоры, не становится легче и не въ силахъ дать свободно вздохнуть только потому, что къ легкомысленнымъ надеждамъ на переговоры съ народами „черезъ головы генералитета“ присоединяется столь же легкомысленная надежда на поддержку извнѣ...

Жуткая книга „Брестскіе переговоры“...

Ф. Булкинъ (Семеновъ). Рабочій классъ и рабочая партія. Часть I. Соціалъ-демократія и рабочее движеніе въ русской революціи. Критическіе очерки. Петроградъ. 1917 годъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Вотъ по истинѣ трезвые итоги работы соціалъ-демократіи въ Россіи и притомъ подведенные наканунѣ войны и революціи 1917 г. когда русская с.-д. партія такъ неудачно держала экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Книга поступила въ продажу только въ 1917 году и, видимо осталась совершенно незамѣченной. Между тѣмъ, ужъ самое посвященіе ее „дорогому учителю П. Б. Аксельроду“ показываетъ, что предъ нами произведеніе того крыла нашей соціалъ-демократіи, которое, до войны, по крайней мѣрѣ, вело борьбу съ бланкистскимъ уклономъ большевизма, все болѣе покидавшаго почву реальной политики.

Авторъ анализируетъ развитіе русской соціалъ-демократіи съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія до времени, непосредственно предшествовавшаго войнѣ. Періоды „экономизма“ („рабочедѣльчества“) и „политицизма“ („Искра“) описаны имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, причемъ авторъ отмѣчаетъ, что „ни въ какой другой моментъ дореволюціонной эпохи соціалъ-демократія не стояла такъ близко къ рабочимъ, не пользовалась такимъ вліяніемъ, не соприкасалась съ такими широкими массами, какъ въ періодъ экономизма“. „Искровскій“ же періодъ авторъ опредѣляетъ, какъ періодъ „борьбы за вліяніе на революціонную интеллигенцію“ и многократными примѣрами подтверждаетъ, что „искровскіе“ комитеты сплошь и рядомъ раскассировывали и рабочихъ вмѣстѣ съ „экономистами“-интеллигентами.

Особо авторъ останавливается на брошюрѣ Н. Ленина: „Что дѣлать?“, въ которой глава нынѣшняго правительства, бывшій соціалъ-демократъ и новоявленный коммунистъ, писалъ: „Задача соціалъ-демократіи состоитъ въ борьбѣ со *стихійностью*, состоитъ въ томъ, чтобы *совлечь* рабочее движеніе съ этого стихійнаго трэдъ-юніонизма подъ крылышкомъ буржуазіи и привлечь его подъ крылышко революціонной соціалъ-демократіи“... И въ другомъ мѣстѣ: „Дайте намъ организацію революціонеровъ и мы

перевернемъ Россію"... Надо однако всѣмъ отдать справедливость. Л. Мартовъ въ предисловіи къ брошюрѣ: „Письмо товарищамъ-пропагандистамъ" говорилъ почти то же: „Мы думаемъ, что работа надъ революціонно-активными элементами должна быть пріурочена къ выработкѣ изъ рабочихъ профессіоналовъ-революціонеровъ, наиболѣе цѣнныхъ членовъ партіи"... Такимъ путемъ соціалъ-демократія, долженствующая быть партіей политически самодѣятельной рабочей массы, становилась сектой профессіональныхъ революціонеровъ,оторванныхъ отъ массъ.

Второй съѣздъ партіи въ 1902 году „былъ всецѣло дѣтищемъ „Искры" и вдохновляемаго ею организованнаго комитета", причемъ всѣ „инако-мыслящіе", т. е. „экономисты" тщательно устранялись. Но съѣздъ, который долженъ былъ закрѣпить торжество „Искры", послужилъ началомъ знаменитаго и чреватаго послѣдствіями раскола партіи на „большинство" и „меньшинство". Расколъ произошелъ, казалось бы, по маловажному „первому параграфу" организаціоннаго устава. Одни — „меньшевики"—широко толковали партійную принадлежность, стремясь приблизить партію къ массѣ; другіе замыкали партію въ кругу профессіональныхъ революціонеровъ. Однако въ этомъ разногласіи, какъ въ зернѣ, таились всѣ дальнѣйшія расхожденія, которыя только что привели большевиковъ къ необходимости, наконецъ, отречься отъ соціалъ-демократіи и „наречься" коммунистами, что, въ сущности, давно пора было сдѣлать. Уже тогда П. Аксельродъ изображалъ проницательно большевистскій бюрократическій централизмъ, какъ слѣдствіе мелкобуржуазнаго происхожденія соціалъ-демократіи и стремленія ея къ духовной и политической опекѣ надъ пролетаріатомъ.

Дальнѣйшее политическое поведеніе большевиковъ—до нашихъ дней включительно—какъ нельзя лучше подтвердило эти слова.

Организація сектантовъ-„профессіоналовъ", конечно, не была связана съ массами, а потому всѣ крупныя рабочія движенія начинались помимо соціалъ-демократіи и лишь потомъ она начинала ихъ „использовать", какъ любили тогда выражаться. Таковы іюльскія стачки 1903 года на югѣ, Гапоновское движеніе въ январѣ 1905 года, наконецъ, образованіе Совѣта рабочихъ депутатовъ 13 октября 1905 же года. „Весь этотъ процессъ революціоннаго воспитанія массъ шелъ помимо соціалъ-демократіи; она повинна въ немъ лишь въ самой незначительной мѣрѣ".

Наиболѣе интересна глава: „Пролетаріатъ и буржуазная революція", гдѣ оцѣнивается опытъ 1905 года (въ значительно большемъ масштабѣ и съ еще болѣе тяжкими ошибками повторенный увы, въ 1917—1918 г.г.). Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что „только въ тотъ моментъ, когда побѣда буржуазіи выльется въ типичныя формы конституціоннаго парламентарнаго государства, когда буржуазія, ставъ у власти, приступитъ къ осуществленіюв

своихъ вожделеній, рабочій классъ окончательно конструируется становится классомъ для себя". Эту мысль онъ выражаетъ иначе: „только буржуазное государство со всѣми своими аттрибутами создаетъ необходимую обстановку, въ условіяхъ которой возникаетъ, растетъ и крѣпнетъ классовая партія пролетаріата". Авторъ доказываетъ это положеніе рядомъ историческихъ справокъ и ссылками на Лассаля, Маркса и члена Центральнаго комитета рабочихъ въ Берлинѣ Борна, который въ 1848 году писалъ въ „Das Volk": „Наше время совершенно незрѣлое. Наши условія половинчатыя, наша революція еще не соціальная, ея характеръ еще чисто-политическій, и она не можетъ быть иной, потому что еще не имѣется условій, которыя необходимо для общественнаго переворота... Увы! Не только Ленинъ со своей „диктатурой пролетаріата крестьянства", но и Троцкій, и „меньшевики" изъ „Начала" (Парвусъ, Мартовъ, Мартыновъ) со своей „перманентной революціей" забыли эту азбуку политики и своей максималистской тактикой быстро повели къ изоляціи пролетаріата и къ побѣдѣ реакціи. „Революціонная возбужденность массъ, способствовавшая воспріятію крайнихъ лозунговъ, учитывалась вождями, какъ непосредственный результатъ организаціоннаго вліянія соціалъ демократіи... Совѣту рабочихъ депутатовъ представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, что ему суждено стоять органомъ захвата власти"... Словомъ, тѣ политическія заблужденія, которыя пышно расцвѣли теперь, уже имѣли свои корни въ 1905 году. Борьба съ буржуазіей, „буржуазной измѣной" составляла центръ тяжести въ работѣ тогдашней соціалъ-демократіи, причемъ не только большевики но и меньшевики были повинны въ тактическихъ ошибкахъ этого рода. Вообще, отдавая должное болѣе реальной и болѣе марксистской тактикѣ меньшевиковъ, авторъ вслѣдъ за Г. В. Плехановымъ, отмѣчаетъ присущія меньшевикамъ свойства: опасеніе прослыть оппортунистами и пристрастіе къ схематизаціи, что дѣлало изъ нихъ половинчатыхъ политиковъ и изрядныхъ доктринеровъ своей фракціи.

Особой заслугой меньшевиковъ, и въ особенности П. А. Аксельрода, авторъ считаетъ идею рабочаго съѣзда, который долженъ былъ бы создать дѣйствительную рабочую соціалистическую партію. Эту идею онъ называетъ и для настоящаго времени „маякомъ рабочей интеллигенціи, указывающимъ ей путь къ широкому открытому рабочему движенію"...

Теперь, въ условіяхъ полнаго господства бланкизма и анархизма въ рабочей массѣ идея рабочаго съѣзда для созданія соціалистической рабочей партіи въ противовѣсъ большевистской (нынѣ „коммунистической") можетъ снова стать актуальной.

Уже изъ этого бѣглаго очерка можно видѣть, что книга г. Буткина представляетъ животрепещущій интересъ и можетъ быть

смѣло рекомендована всѣмъ, не потерявшимъ вкуса къ изученію недавняго прошлаго русскихъ революціонныхъ партій.

О. Гейманъ. Германскіе экспортные банки. Петроградъ. 1917. Стр. 130.

„Слѣдуя совѣтамъ нѣкоторыхъ лицъ,—читаемъ въ предисловіи—нашедшихъ интересными мои наблюденія и заслуживающими вниманія нѣкоторыя мои мысли, я привелъ въ порядокъ записи, сдѣланныя мною во время заграничной поѣздки, посвященной изученію этой спеціальной категоріи банковъ (экспортныхъ банковъ). Воздерживаясь, по возможности, отъ воспроизведенія того, что можетъ быть найдено въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ экспортнымъ банкамъ, излагаю только то, что самъ видѣлъ и изучилъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лондонѣ, о чемъ бесѣдовалъ со многими банковыми дѣятелями".

Какъ видно изъ этого, книжка г. О. Геймана является результатомъ самостоятельнаго изученія на мѣстахъ дѣятельности германскихъ экспортныхъ банковъ, т. е. банковъ, цѣлью которыхъ является финансовое содѣйствіе товарообмѣну Германіи съ другими странами. Въ этой самостоятельности наблюденій, какъ и въ умѣніи автора, сжато и просто, а въ то же время интересно излагать ихъ результаты и дать читателю, даже не спеціалисту ясную и яркую картину практики банковъ въ области экспорта, заключается цѣнность книги. Будучи одновременно и экономистомъ-теоретикомъ, основательно знакомымъ съ литературой предмета, и практикомъ, работавшимъ въ области банковаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницей, авторъ является наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для научной разработки вопросовъ кредита и банковой политики.

Въ отличіе отъ Западной Европы, наша литература о банкахъ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ прикладной экономики, чрезвычайно бѣдна, а это лишаетъ возможности лицъ, интересующихся проблемами экономической политики,—а эти проблемы какъ разъ въ данный моментъ стоятъ на очереди—ознакомиться съ ними надлежащимъ образомъ. Страдаютъ отъ этого и возникшіе у насъ въ послѣднее время коммерческіе институты, высшая школа, въ преподаваніи которой такія дисциплины, какъ банковая политика стоятъ на первомъ мѣстѣ. Причина такого положенія заключается въ томъ, что наши ученые экономисты рѣдко интересуются такими практическими проблемами, какъ банковое дѣло, и во всякомъ случаѣ не имѣютъ надлежащаго практическаго опыта, безъ котораго ихъ теоретическія построенія оказываются мертвыми, чуждыми дѣйствительной жизни. Практики же въ области банковаго дѣла лишены необходимой теоретической подготовки, во многихъ случаяхъ и литературныхъ навыковъ, и придать своему, нерѣдко богатому, опыту научный обликъ и изложить его на бу-

магѣ для нихъ обычно не по силамъ, если профессiональныя занятiя вообще оставляютъ имъ время для такой литературной работы.

Поэтому есть основанiе привѣтствовать книгу г. Геймана какъ отрадное исключенiе въ этомъ отношенiи. Сочиненiе это на основанiи богатаго матерiала, котораго читатель нигдѣ не найдетъ въ другомъ мѣстѣ, изображаетъ роль экспортныхъ банковъ Германiи, т. е. той страны, которая сумѣла наиболѣе высоко поставить эту отрасль банковаго дѣла. Авторъ разсматриваетъ общiя основанiя политики германскихъ экспортныхъ банковъ, сводя ее къ немногимъ основнымъ положенiямъ, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ дальнѣйшiе прiемы этихъ банковъ; затѣмъ онъ подробно выясняетъ технику отдѣльныхъ производимыхъ этими банками операцiй и наконецъ останавливается на дѣятельности различныхъ германскихъ банковъ, работающихъ въ особенности въ заокеанскихъ частяхъ свѣта—въ Южной Америкѣ, въ Мексикѣ, въ африканскихъ колонiяхъ, на Дальнемъ Востокѣ, давая изложенiе и критику многообразныхъ производимыхъ ими операцiй.

Дѣятельность германскихъ банковъ въ этой области заслуживаетъ со стороны русской публики особаго вниманiя. Надо учиться тому, какъ нѣмцы сумѣли своей торговлей и промышленностью завоевать мiръ, для того, чтобы примѣнять и у себя практикуемые ими усовершенствованные прiемы.

Книжка г. Геймана является и въ этомъ отношенiи полезнымъ руководствомъ, своевременно появляющимся въ настоящее время, Хотѣлось бы надѣяться, что авторъ продолжитъ и дальше свою литературную дѣятельность въ области проблемъ банковой политики, ибо изъ книги видно, что онъ пока успѣлъ подѣлиться съ читателями лишь частью своихъ интересныхъ наблюденiй и соображенiй.

Проф. В. М. Хвостовъ. Соцiологiя. Введенiе. Часть I. Историческiй очеркъ ученiй объ обществѣ. М. 1917 г. Стр. XII+341. Цѣна 8 р.

Свою соцiологiю проф. Хвостовъ дастъ въ слѣдующихъ частяхъ, а въ настоящей, первой части его труда, мы имѣемъ лишь краткое введенiе и довольно обширное обозрѣнiе исторiи соцiологiи. Собственно говоря, проф. Хвостовъ далъ не только историческiй обзоръ соцiологическихъ ученiй, но еще и нѣчто сверхъ того. Дѣло въ томъ, что говорить о соцiологiи до Конта едва ли возможно. И, сообразно съ этимъ, мы находимъ, что у нашего автора лишь съ 181 страницы, съ пятой главы его труда, начинается разговоръ о „возникновенiи соцiологiи“.

Значитъ, всѣ предыдущiя 180 страницъ были заняты ученiями, которыя были созданы до „возникновенiя соцiологiи“. Но мы не только не ставимъ это обстоятельство въ вину нашему автору, но

думаемъ, что онъ поступилъ вполнѣ правильно, давъ обозрѣніе тѣхъ историческихъ ученій, которыя были созданы въ то время, когда о возможности существованія соціологіи еще не думали.

Henry Sigdwick въ своей книгѣ „The Elements of Politiks" слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ различіе между „Политикой" и „Соціологіей". Онъ говоритъ: „я считаю, что первая наука имѣетъ болѣе узкій предметъ изученія, чѣмъ вторая: соціологія, какой я ее понимаю, занимается человѣческими обществами вообще (deals with human societies generally), а политика занимается лишь политически живущими или управляемыми обществами (with politikal or governed societies).

Такимъ образомъ большая часть книги проф. Хвостова занята е историческимъ обзоромъ соціологіи, а историческимъ обзоромъ политическихъ ученій.

„Политика" возникла раньше „соціологіи" во первыхъ потому, что она имѣла большій непосредственный (практическій) интересъ, и во вторыхъ потому, что политическія событія имѣютъ гораздо большую наглядность, чѣмъ соціологическія явленія, такъ что для выработки самой идеи соціологіи нужно гораздо большее напряженіе отвлеченной мысли, чѣмъ это требуется для пониманія необходимости создать теорію политической жизни обществъ.

Вотъ почему „Политика" и опередила „Соціологію" значительно болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ...

Повторяемъ, проф. Хвостовъ поступилъ вполнѣ правильно, давши обзоръ ученій созданныхъ до „возникновенія соціологіи". Но такъ какъ онъ все-таки посвятилъ свою книгу не исторіи политики, а исторіи соціологіи, то ему и слѣдовало бы при изложеніи исторіи политики строго держаться лишь того, что такъ или иначе подготовляло „возникновеніе соціологіи". Мы думаемъ, что нашъ авторъ этого не сдѣлалъ и что, вслѣдствіе этого, въ его книгѣ имѣется не мало излишняго матеріала, не имѣющаго отношенія къ предмету его книги...

Послѣднія 160 страницъ книги проф. Хвостова посвящены уже изложенію исторіи соціологіи. Здѣсь авторъ даетъ болѣе или менѣе исчерпывающее изложеніе соціологическихъ ученій. Онъ даетъ обстоятельный обзоръ русскихъ соціологическихъ ученій, причемъ его, пожалуй, можно упрекнуть лишь за то, что онъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ Стронина. Конечно, книги Стронина страдаютъ громадными недостатками и не могутъ быть вполнѣ серьезно трактованы, но въ его защитѣ аналогическаго метода есть несомнѣнно доля истины, которую плохо поняли отчасти по винѣ самого Стронина, а отчасти потому, что аналогическій методъ вообще недостаточно цѣнятъ, смѣшивая „аналогію" съ „метафорой"...

Болѣе серьезный упрекъ мы сдѣлаемъ проф. Хвостову за его игнорированіе ученія Менделя. Это игнорированіе быть можетъ объясняется тѣмъ, что проф. Хвостовъ юристъ, а не естественникъ.

Но разъ онъ посвятилъ цѣлую главу (VIII) ученію о расахъ, разъ онъ говоритъ о „смѣшеніи расъ“ и о „теоріи чистоты расы“—онъ совершенно неизбѣжно долженъ былъ хотя временно сдѣлаться естественникомъ и принять во вниманіе нынѣ господствующую среди естественниковъ теорію Менделя. И вообще, кто хочетъ трактовать о соціологическихъ вопросахъ, тотъ, волей-неволей, долженъ пройти серьезную естественно-научную подготовку...

Послѣднее замѣчаніе, которое мы сдѣлаемъ нашему ученому автору, будетъ касаться его классификаціи соціологическихъ ученій (на стр. 226—7). Она такова: 1) „Механическая соціологія“. 2) „Географическая соціологія“. 3) „Этнографически-антропологическая соціологія“. 4) „Біологическая школа“. 5) „Психологическая школа“. 6) „Экономическая соціологіи“. 7) „Этическая соціологія“ и 8) „Отрицатели соціологіи и люди занятые разграниченіемъ соціологіи отъ всѣхъ областей знанія“.

Подобное распредѣленіе соціологическихъ ученій, конечно, болѣе или менѣе общепринято, но это чисто механическое распредѣленіе, распредѣленіе основанное на внѣшнихъ признакахъ. Совершенно очевидно, что, напримѣръ, „географической соціологіи“ не можетъ существовать, ибо какъ бы мы ни цѣнили высоко значеніе климата, почвы и т. д. въ жизни обществъ, все-таки, эти климаты и почвы и т. п. могутъ объяснять лишь *различія въ судьбахъ отдѣльныхъ народовъ*, но не самую сущность соціологическихъ явленій, подобно тому, какъ климатъ и почва несомнѣнно играютъ огромную роль въ различіи физіологическихъ процессовъ у людей и животныхъ, но въ объясненіе самой сущности жизненныхъ процессовъ организмовъ ученые физіологи кладутъ явленія совершенно другой категоріи.

Читая, напримѣръ, „Statique des civilisations“ Мужолля, этого крайняго и прямолинейнаго сторонника вліянія географическихъ условій, заявляющаго безъ колебаній „que l'homme est... fonction du milieu“,—мы видимъ, что климатомъ онъ, все-таки объясняетъ лишь большую или меньшую запоздалость въ развитіи народовъ. Такъ онъ признаетъ, что культура развилась прежде всего въ жаркихъ странахъ: Египетъ и Халдея; затѣмъ въ болѣе прохладныхъ: Греція и Италія; потомъ настаетъ третій періодъ, когда культура заблистала въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Наконецъ, возникла цивилизація и „sous les pâles rayons du soleil boréal“ (подъ блѣдными лучами сѣвернаго солнца) (p. 161)—это „культура русско-скандинавская“, съ Петербургомъ, какъ главнымъ центромъ.

Въ краткой рецензіи естественно всегда указывать главнымъ образомъ на недочеты сочиненія. Поэтому мы здѣсь отмѣтили лишь то, что желали бы видѣть исправленнымъ въ будущихъ изданіяхъ книги проф. Хвостова. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы не видимъ большихъ достоинствъ этого труда такого авторитетнаго ученаго, какъ проф. Хвостовъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Изд-ство „Огни“: Р. Штратцъ. Три дня. Романъ. Пер. съ нѣм. — Восемьдесятъ восемь современныхъ стихотвореній, избранныхъ З. Н. Гиппіусъ.— Г. Вяткинъ. Опечаленная радость. Лирика.—Серія „Кругъ знанія“: В. В. Бартольдъ-Исламъ.—Л. П. Карсавинъ. Католичество.—Э. Э. Понтовичъ. Развитіе конституціи и учредительная власть.—К. Н. Соколовъ. Современная республика. Петроградъ. 1917—1918.

„Максимъ Ковалевскій. Ученый, государственный и общественный дѣятель и гражданинъ“. Сборникъ статей Арсеньева, Виноградова и др. Петроградъ. 1917. Стр. 274. Ц. 8 р.

Изд-ство „Революціонная Мысль“: Собраніе сочиненій П. Л. Лаврова. IV серія. Вып. I. III серія. Вып. II. Цѣна выпуска 5 р.—Красный звонъ. Сборникъ стиховъ. С. Есенина, Н. Клюева и др. Ц. 4 р. — Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Вып. I—III. Ц. выпуска 4 р.—М. Петровъ. Муниципальные задачи соціализма. Ц. 3 р. 50 к.— Петроградъ. 1918.

Изд-ство М. И. Семенова: Е. Нагродская. Житіе Олимпіады Дѣвы. Романъ. Ц. 3 р.—Ю. Писарева. Никогда не бывшая. Романъ. Ц. 3 р. 50 к.— Лейля-Ханумъ. Родина, гдѣ ты? Романъ. Ц. 2 р. 25 к. — Ал. Рославлевъ. Собр. сочин. т. II—Чортъ. Т. III—Крутояровская невѣста. Разсказы. Ц. по 2 р. 50 к.—Гнѣсинъ. Воспоминанія бродячаго пѣвца. Ц. 2 р. — Лариса Варнкъ. Муза Барковская. Романъ. Изд. 4. Ц. 2 р. 50 к. — Убѣжище кораллов. Романъ. Ц. 3 р. — Чевкинъ. Фабриканты націи. Романъ. Ц. 3 р.—Кургановъ. Фабрика аттестатовъ. Ром. 3 р.—Врейтманъ. Ремонтъ любви. Разск. 1 р. 50 к.—М. Кузьминъ. Бабушкина шкатулка. Разсказы. Цѣна 3 р.—Петроградъ. 1918.

Изд-ство „Парусъ“ А. Н. Тихонова: Сборникъ армянской литературы. Подъ ред. М. Горькаго. Цѣна 3 р.—Сборникъ латышской литературы и Сборникъ финляндской литературы. Подъ ред. В. Брюсова и М. Горькаго. Ц. по 6 р. — Волкъ Фенрисъ. Финансовая повѣсть. Ц. 3 р. — М. Гольдшмидтъ. Еврей. Пер. съ датскаго М. П. Благовѣщенской. Ц. 2 р. 50 к.—Пьеръ Милль. Монархъ. Пер. съ французскаго Н. Тасина. Ц. 1 р.—М. Горькій. Въ людяхъ. Ц. 5 р. М. Горькій. Ералашъ. Ц. 5 р.—М. Горькій. Русскія сказки. Ц. 1 р. 75 к.—Г. Дж. Уэльсъ. Мистеръ Бритлингъ и война. Романъ. Пер. съ англ. М.. Ликіардопуло. Ц. 7 р.

Изд-ство М. А. Ясн аго (б. М. Попова): З. Бунина. Да будетъ воля твоя. Романъ. Ц. 2 р. 50 к.—Д. Кудринскій (Богданъ Степанецъ). Людскія волны. Генералъ отъ педагогіи. Ц. 2 р. 50 к. А. В. Луначарскій. Италія и война. Ц. 1. 50 к. Петроградъ. 1918.

Проф. Кулишеръ І. М. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Исторія экономическаго развитія съ древнѣйшей эпохи до настоящаго времени. Изд. 5. Петроградъ. 1918. Стр. 512. Ц. 4 р.

Алтаевъ А. Л. Сдѣлайте сами. Зимнія занятія для дѣтей младшаго возраста. Изд. „Жизнь и Знаніе" П. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Балика Д. Программы работъ по библіотечному и внѣшкольному дѣлу Белебей. 1918.

Бушъ В. В. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. (Къ исторіи древне-русской письменности и культуры). П. 1918.

Бѣлозеровъ А. Воскресшія пѣсни. К-во „Заря" М. 1918. Ц. 1. 60 к.

Еремина Е. В. Мѣсторожденія плавиковаго шпата въ Россіи. (Матеріалы для изученія естественныхъ производительныхъ силъ Россіи). П. 1917. Ц. 30 к.

Жилинскій В. Б. Организація и жизнь охраннаго отдѣленія во времена царской власти. (Труды комиссіи по разработкѣ политическихъ архивовъ въ Москвѣ). Съ иллюстраціями. М. 1918. Ц. 1 р.

К-во „Задруга" М. 1918 г. 1) Бѣлоконскій И. П. Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. 2-е изд. Ц. 80 к. 2) Кропоткинъ П. А. Письма о текущихъ событіяхъ. Ц. 2 р. 10 к. 3) Морозовъ Н. Повѣсти моей жизни. Т. 2-й. Ц. 5 р. 4) Огановскій Н. Аграрная эволюція въ Россіи послѣ 1905 года. Ц. 1 р. 60 к. 5) Его же — Откуда пошла крестьянская земельная нужда. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 6) Послѣднія рѣчи и письма казненныхъ борцовъ за свободу Россіи. Подъ редакц. и съ вступительной статьей М. Ф. Теодоровича. Ц. 1 р. 25 к. 7) Тіандеръ, К. Что такое нація. Цѣна 1 р. 10 к.

Залитъ И. П. Опустошеніе Латвіи русскими войсками П. 1918. Ц. 2 р. 70 к

Михайловскій А. Верховенство человѣчества и международный парламентъ. Орелъ 1917. Ц. 1 р.

Милорадовичъ К. Черная критика (о к. д-тахъ и о большевикахъ). П. 1918. Ц. 75 к.

Мнушко-Кубанскій Н. На вольные мотивы. 1918. Дѣйствующая армія. Ц. 20 к.

Муравьевъ Н. Голодныя души. Романъ. К-во „Современныя проблемы. М. Ц. 2 р.

Перлъ Людмила. Всплески. Стихи. П. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ А. Пути къ безсмертію. Сб. 2-й съ приложеніемъ древа жизни въ картинахъ, объясняющее исторію развитія жизни на землѣ и сотвореніе человѣка. Гельсингфорсъ 1917.

Пасманикъ Д. С. Судьбы еврейскаго народа, Проблемы еврейской общественности. Изд. „Сафрутъ". М. 1918. Ц. 6 р.

Сборники „Сафрутъ". Подъ ред. Л. Яффе. Кн. 2-я М. 1918. Ц. 6 р.

Эйзлеръ М. Разсказы. М. 1918 Ц. 2 р. 50 к.

Шавровъ Н. д-ръ. Мысли о человѣкѣ и государствѣ. Подъ ред. И. Устюжанова. Дѣйств. арм. 1917. Ц. 2 р.

Степной Н. (Н. Афиногеновъ). Степныя сказанія. Изд. 2-е П. 1918. Ц. 2 р. 25 к.

Чрединъ. Б. В. проф. Народное трудовое государство и основныя экономическія права. Изд. московск. просвѣтит. комиссіи. М. 1918. Ц. 2 р. 25 к.

Рогожинъ Н. П. Организуйте просвѣщеніе. (Объ организаціи культурно-просвѣтительныхъ ячеекъ въ деревнѣ съ приложеніемъ уставовъ и правилъ заполненія и регистраціи ихъ). Изд. Тверского Губ. Земства. Тверь. 1918. Ц. 50 к.

Сборникъ статей профессоровъ и студентовъ, пріуроченный къ 28-милѣтней годовщинѣ основанія Восточнаго института. Владивостокъ. 1917.

Сукорскій В. Основы всеобщаго прочнаго мира. Одесса 1917. Ц. 60 к.

Степной Меркурій. Фіалково-грустныя грезы. Стихи. М. 1918. Цѣна 2 р. 25 к.

Рыбниковъ Н. Біографическій институтъ. М. 1918.

Что надо дѣлать? Изъ цикла „Пути къ счастью". Харьковъ. Ц. 2 р.

Труды Костромского научнаго о-ва, по изученію мѣстнаго края: вып. 7-й— Историческій сборникъ. Ц. 2 р. 50 к. вып. 8-й—Этнографическій сборникъ. Ц. 2 р. Кострома 1917.

Энциклопедія мысли. Сборникъ мыслей, изреченій, афоризмовъ и т. д. Составилъ И. Я. Хороминъ. Изд. „Пантеонъ". Кіевъ. 1918. Цѣна 7 р. 50 к.

Шуппе А. Ф. Отечественное производство чая, какъ дѣло государственной важности. Уфа 1918.

Тяжельниковъ Д. Н. 1) Гдѣ нашей странѣ искать свое спасеніе? Ц. 2 р. 2) Отчего зависитъ наша бѣдность и какъ отъ нея избивиться. Ц. 30 к. Мензелинскъ 1917.

Тунъ А. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи (съ доп. главой о событіяхъ послѣднихъ десятилѣтій до сверженія Николая II) М. 1917. Ц. 2 р.

Рославлевъ Бор. Дѣло народной сцены. Изд. средне-волжскаго союза потреб. о-въ. Самара 1918. Ц. 5 р.

К-во „Сѣверныя Дни" М. 1918. 1) Бромлей—Повѣсти о нечестивыхъ.—Ц. 4 р. 2) Тилльe Клодъ — Дядя мой, Веніаминъ. Романъ. Ц. 3 р. 50 к. 3) Франсъ Анатоль — Возстаніе ангеловъ. Романъ. Ц. 4 р. 4) Серстонъ Т.—Миражъ. Романъ. Ц. 3 р. 50 к.

Т-во „Книгоиздательство писателей въ Москвѣ". 1918. 1) Богдановъ А. Вопросы соціализма. Ц. 1 р. 50 к. 2) Богдановъ А. Всеобщая организаціонная наука (Тектологія). Т. 2-й Механизмъ расхожденія и дезорганиціи ц. 4 р. 3) Вольновъ Ив. Юность (третья книга „Повѣсти о дняхъ моей жизни"). Ц. 2 р. 75 к. 4) Майскій В. (Ляховецкій И.) Политическая Германія. Ц. 5 р. 5) Мопассанъ Г. Избранные разсказы. Ц. 1 р. 50 к. 6) Нилусъ. На берегу моря. Разсказы. Ц. 4 р. 50 к. 7) Новиковъ А. (Прибой). Морскіе разсказы. Ц. 2 р. 75 к. 8) Подъячевъ С. За грибками за ягодками. Очерки и разсказы. Ц. 2 р. 75 к. 10) Станиславъ (А. Вольскій). Теорія и практика анархиза. Ц. 1 р. 25 к. 11) Телешевъ. Крамола. Разсказы. Ц. 2 р. 50 к. 12) Шмелевъ Ив. Ликъ скрытый. Разсказы. Ц. 3 р. 50 к.

Отчетъ конторы журнала.

Въ контору журнала „Русскаго Богатства“ поступило:

Въ пользу политическихъ заключенныхъ: отъ служащихъ правленія О-вз Владик. ж. д.—84 р. 30 к.; черезъ М. П.—116 р. 30 к.
Итого . . . . . 200 р. 30 к.

Редакторъ-издатель В. Г. Короленко